

За лично проявленную храбрость и героизм
при защите Отечества

Амаршан

Беслан Витальевич

награжден высшей Государственной наградой
Республики Абхазия –

Орденом Леона

***Орден Леона... Кто мог о нем подумать,
Когда Леона образ я в душе носил?
И почему судьба такой наградой
Отплатила за мои страдания?
О, нет, не праведны слова и жалобы мои, –
Орденосеиц жив, душа его бессмертна.
Это не личная моя судьба,
Это судьба моего народа!..***

Виталий Амаршан

А П С Х А

Исторический роман

Перевод с абхазского
Э. Басария

**Абгосиздат
Сухум 2012**

Амаршан В. Д.

Апсха. Исторический роман. Перевод с абхазского Э. Басария.

Сухум: Абгосиздат, 2012. – 536 с.

Исторический роман известного абхазского поэта и прозаика, лауреата Государственной премии им. Д. И. Гулиа Виталия Амаршан «Апсха» («Царь Абхазии») повествует о героической жизни абхазского народа на рубеже VIII и IX веков. Тогда сложилось одно из самых могущественных государств того времени на всем Кавказе – Абхазское царство, во главе которого на протяжении 45 лет стоял его основатель, выдающийся государственный и политический деятель, талантливый стратег и полководец, великий абхазский царь Леон II.

©Амаршан В.Д., 2012

© Басария Э.Ф., перевод, 2012

© Габля Р.Т., оформление, 2012

© Абгосиздат, 2012

ПЕВЕЦ ИСТОРИИ

Этот путь указала Свобода...

В. Амаршан

Исторический роман является одним из сложных и ответственных литературных жанров, ибо художественное восприятие конкретных исторических событий происходит намного продуктивнее схематической канвы изложения того же в любом учебнике истории. Именно в историческом романе лучше, чем где-либо, живут думы прошедшего времени; внятнее и отчетливее раздаются голоса героев, прах которых развеялся, как сон. Все, что человечество совершило, передумало, все, чего оно достигло, – все это сохранилось как бы волшебством на его страницах. И понятно, какая серьезная ноша ложится на плечи автора, ибо он просто обязан, пропуская конкретные исторические события через художественную призму своего сознания, объективно осветить их.

Жанр этот, как известно, возникший в литературе конца XVIII – начала XIX веков, в первую очередь связан с эстетикой романизма, важнейшим признаком которого являлось воссоздание местного колорита, своеобразие национальных характеров, героического облика персонажей.

Мало кто не зачитывался классическими историческими романами В. Скотта, А. Дюма-отца, Р. Джованьоли, А. Пушкина, Л. Толстого и мн. др.

В абхазской литературе данный жанр достиг ослепительной высоты Ерцаху в романе Б. Шинкуба «Последний из ушедших», повествующем, пожалуй, о самой трагической эпохе жизни абхазского народа – махаджирстве, то есть

насильственном выселении его многочисленных представителей (более 600 тыс.) за пределы своей родной земли. Поэтому я с некоторой настороженностью взялся за рукопись большого исторического романа «Апсха», написанного талантливым абхазским поэтом и писателем Виталием Амаршан.

Я знал, что Амаршан и до этого в своем творчестве – в поэзии и прозе – не раз обращался к исторической теме, где имеются у него замечательные успехи. Знал также, что новый его роман в оригинале воспринят читателями и общественностью республики восторженно, тем не менее казалось мне все это недостаточным. Признаюсь, что меня даже не успокаивало и то, что роман был выдвинут на соискание премии имени Д.Гулиа. Сомнения мои происходили, видимо, от того, что писатель в данном случае для воплощения в художественную форму выбрал уж очень слишком грандиозную, многосложную историческую тему. К счастью, опасения мои оказались беспочвенны. Сразу же скажу – прочитал я рукопись перевода залпом, как бы испил стакан холодной родниковой водицы Арасадзых в жаркий августовский день. Интонация, интрига повествования, мощь и размах творческого дара писателя мною завладели сразу же, с самого начала романа, и так до конца его не покидали меня. Да и он переведен со вкусом известной абхазской писательницей Этери Басария, пишущей на русском языке. Она смогла сохранить лиро-эпичность языка данного произведения, ибо работала над переводом со всей ответственностью, любовью и глубоким чувством. По ее мнению, роман «Апсха» в оригинале написан «очень красочно и увлекательно, богатейшим, сочным языком». Поэтому в результате сам роман только от этого выиграл. А ведь бывает, как известно, и наоборот. Она образно интерпретирует жанр романа «Апсха» как «сочетание исторической реальности со сказочной, народной фантастикой, навеянной некоей возвышенной романтичностью».

Вообще творчеству Виталия Амаршан присуще самое глубокое внимание к прошлому – к давним и даже древнейшим стадиям творения, в особенности к древнему эпосу и мифологии, что со всей очевидностью выразилось во многих его произведениях.

Еще со времен своей более ранней стихотворной баллады «Великое беспокойство» («Агутьыха ду») В. Амаршан, как заправский кудесник, владеет искусством одухотворения неживой природы. Например, образ родника, родившегося из-под копыта коня Дулдула, несет в романе определенную нагрузку. Показательно, что и необычный конь сам нашел себе достойного седока в лице царя Леона, хотя изначально и предназначался ему в качестве подарка от хазарской родни. А ведь к скакуну у абхазов, как известно, особое отношение – наличие божества Ачышьашьяна. В произведении особую нагрузку несут на себе также знаковые сновидения героев и их толкования.

Именно история в сочетании с поэзией народной жизни является основой характеристики романа. На этом гармоничном, а самое главное, естественном симбиозе и зиждется успех «Апсха». Хорошим подспорьем этому является и то, что сам автор – самобытный поэт-лирик «с утонченным, изящным слогом». А у таких поэтов обычно хорошо развито подсознательное чутье. Читая роман, я стал свидетелем того, как автор интуитивно тонко выискивает в абиссальной глубине колодца подсознания только ему понятные нотки, из которых рождается лиро-эпическая гармония повествования о героическом прошлом абхазского народа.

Вместе с тем я прочитал рукопись романа и как беспристрастный историк-археолог. Одну из крепостей Цабал, встречающуюся в романе, Ю.Воронов и я раскапывали в течение 15 лет. Жаль, что нет среди нас в живых Юрия Николаевича. Уверен, он с вниманием и большим интересом прочитал бы не только соответствующие места в романе, но и все произведение. Автору пришлось проделать пред-

варительную поистине титаническую работу: изучить, по возможности, письменные и вещественные источники, прочитать соответствующую научную литературу, связанную с колыбелью абхазской государственности и ее первым царем Леоном Великим, а также многое другое. И как видим, труд писателя не оказался сизифовым. Сосредоточившись на мыслях, автор воспарил над прошлым, настоящим и будущим страны наподобие героев Михаила Булгакова и Марка Шагала. Он как бы сам становится соучастником переключки времен. И все это делается в тексте ненавязчиво, корректно. Во время многотрудной работы над романом, я думаю, он постиг одну простую буддийскую истину в стиле дзэн: «Чтобы обойти земной шар, нужно только ставить одну ногу впереди другой, и так до конца». И тогда человек, стоящий в собственной тени, не будет удивляться, почему ему темно, и поймет, что все сводится к единому, а единое – ко вселенской любви к человечеству. У меня создалось впечатление, что автор в процессе написания романа, может быть, сам того не замечая, находился в состоянии непрерывной медитации, ибо писал кровью своею, кровью сына Беслана и своего народа. Символично и то, что он завершил многолетний труд над своим романом на пороге грузино-абхазской войны, а книга, с посвящением светлой памяти павшим за свободу Отечества героям, вышла уже в возрожденном независимом государстве, которое 1200 лет назад создал царь Леон, объединивший древнеабхазские племена в единую феодальную народность. Ведь не секрет, что только личности, которые могут воплотить свои мысли в народе и найти в сердцах и душах людей отклик на них, творят историю. Об этом в свое время говорили Сенека, Ницше и др. Таким был и царь царей Леон, который являлся детищем двух древних народов: абхазов (отец – абхаз, «царь» Константин Абасгский) и хазар (мать – хазарка, дочь кагана Хакасра, сестра жены византийского императора Констан-

тина Копронима – Чичак). Он проводил тонкую внешнюю политику между молотом и наковальней могучих держав того времени: Византии и Арабского халифата, постоянно балансируя на самом остром лезвии абхазского кинжала из дамасской стали (афрангь). Ныне похожая картина. Правда, режиссеры другие. Но тогда Абхазское царство было настолько сильным, а главное, единым и самобытным, что смогло не только привлечь в свое лоно соседние народы, но и создать собственную школу церковного зодчества. Отрадно отметить, что автор романа образно преподносит историю своего народа в контексте мировой истории, а не в узконациональном. Поэтому просторно и географическое полотно произведения.

Прошли многие лета, как нет ни Византии, ни Хазарского каганата, с которыми Абхазское царство находилось в фарватере мировой истории. Ведь не секрет, что Хазария и Абхазия являлись щитом от арабских нашествий. И кто знает, как бы сложилась карта будущей Европы, если бы арабы одержали победу у стен Анакопии, главной крепости вначале Абхазского княжества, а затем первоначальной столицы независимого Абхазского царства. Между тем, жернова истории стали неумолимо перемалывать зерна хазарского народа задолго до крушения самого каганата под ударами русских дружин Святослава. Хазары распались и слились с другими родственными и соседними народами. Что же касается абхазов, то они и поныне живут в своем уже независимом, суверенном государстве – Республике Абхазия, но в то же время большинство из них находится в результате махаджирства в странах Ближнего Востока (Турция, Сирия, Иордания и др.).

Роман Виталия Амаршан «Апсха», являющийся несомненным значительным вкладом в историческую романистику, помогает познать прошлое, осмыслить настоящее, наметить ориентиры на будущее. И не за горами то время,

когда большая часть абхазского народа по закону бумеранга, конечно, в хорошем смысле слова, возвратится с чужбины к своим алтарям и очагам...

Словом, забудьте о бренности своей жизни, садитесь удобнее в домашнее кресло у потрескивающего горящими дровами камина и начинайте читать роман «Апсха», который, уверен, увлечет вас с головой и наведет затем на самые разные мысли... Итак, Леон родился...

О. Х. Бражба,
доктор исторических наук РАН,
академик АН Абхазии
2003 г.

НЕЗАУРЯДНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В свое время, отмечая своеобразие и достоинства абхазской литературы, литературовед и критик Вадим Кожин в статье «Размышления об абхазской литературе» писал: «Удивительно, что в сегодняшней Абхазии филологи похожи на поэтов, а поэты увлечены филологией. Скажу прямо, что перед нами образ серьезной литературной мысли. Я уже не говорю о том, что в книгах абхазских писателей «дышат почва и судьба», чего не хватает многим книгам о литературе, издаваемым в Москве...». Далее он продолжал: «Мое обращение к абхазской литературе обусловлено тем, что она, как мне представляется, вступила сейчас в период высокого расцвета, который дал плоды и еще больше обещает в ближайшем будущем».

Когда размышляешь об этих высказываниях, кажется удивительным и неувидительным появление в сегодняшней абхазской литературе таких весомых творений, как исторический роман Виталия Амаршан «Апсха». Я прочитала это удивительное произведение недавно... Прочитала

с большим удовольствием. Давно я с таким воодушевлением не читала книгу. С тех пор нахожусь под ее впечатлением, постоянно думаю о ней. Хочу перечитать. Может быть, кто-то подумает, что это происходит из-за того, что она повествует об истории моей любимой и родной Абхазии, но не только поэтому. Безусловно, это заслуга, в первую очередь, высокого таланта, глубоких знаний и других качеств творца. Как отмечает критик и литературовед Ш. Салакая: «Это произведение похоже на глубокий колодец с неисчерпаемой водой». Я согласна со словами большого учителя и воспитателя, перед кем преклоняюсь, воспитавшей двоих героев, погибших за Родину, Раисы Татлустановны Амичба: «После жуткой и мучительной войны такое произведение стало явлением для нашего народа и нашей Родины».

...Действительно, появление такого исторического романа в нашей художественной литературе и культуре в целом является радостным большим событием. Благодаря богатой фантазии автора в его роман удивительным образом введена духовная сила народа, которую можно сравнить с героями новейшего литературного жанра фэнтези Джона Рональда Толкиена. Роман написан богатым, совершеннейшим, художественным, чистым, колоритным абхазским языком, его сладковзвучие захватывает и пленит. Чему можно позавидовать и чему нужно завидовать – чистым и богатым языком!

Писатель использовал не только много исчезающих слов, но и на сегодняшний день почти не употребляемые, которые можно причислить к исчезнувшим словам, он оживил их... Произведение – роман большой значимости. Оно по чистоте, по содержанию, по форме удивительно красиво соткано, приумножает знание, расширяет кругозор, увеличивает остроту душевного восприятия читателя. Книга дает возможность почувствовать «вкус и сладкий запах» древнейшей Родины абхазов, навсегда прививает к ней нашу любовь. Она является энциклопедией Апсуара (абхазства), совести и истории. После прочтения этого романа испытываешь те же эмоции

и глубокие чувства, возникающие при прочтении стихотворения Георгия Чачба «Уарада»... Я думаю, что в ближайшем будущем появление подобного исторического произведения будет делом нелегким.

... Это великое произведение, настолько значимое по широте охвата и по глубине мысли, богатству красок, способное удивить и тех, кто вовсе не слышал про нашу древнюю историю, безусловно, нужно экранизировать (если даже это не так легко). Радует, что совсем недавно книга вышла и на русском языке.

Е. П. Шакрыл,
кандидат филологических наук
2004 г.

«ТОЛЬКО ДУХОВНЫЙ ПАМЯТНИК ОСТАЕТСЯ»

(Слово переводчицы)

В предисловии к книге Виталия Амаршан «Там, где люди, там и я», изданной в 1980 году, когда мы еще не ведали, какие испытания ждут нас впереди, известный русский поэт Сергей Наровчатов отметил: «...особенность характера В. Амаршан – ненавязчивое чувство собственного достоинства. В одном из его стихотворений так и говорится: «Конечно, все мы умрем, но важно достойно уйти со двора». Это полностью совпадает с моим восприятием личности Виталия Амаршан. Только я длинное определение – «ненавязчивое чувство собственного достоинства» – заменила бы одним словом – благородство. Виталий Амаршан – аристократ и по происхождению, и по духу. Как говорится в абхазской пословице, «легконогость скакуна обуславливается его природой». Так и в личности, и в творчестве Виталия Амаршан проступает безупречная порода древнего рода Амаршан, к которому он принадлежит. Я помню, как плакала, узнав о постигшей его страшной трагедии, – навер-

ное, невозможно было ее миновать человеку, в чьем роду испокон веку всегда делили с родиной все беды! – о героической гибели единственного сына Беслана в абхазско-грузинской войне. Плакала и в отчаянии думала: «Неужто пресечется древний род? Нельзя, чтобы на земле абхазской засохла хоть одна его ветвь». Взявшись переводить роман В. Амаршан «Апсха», я еще больше убедилась, насколько автор плоть от плоти своего рода, своего народа, и как важно, чтобы не прервалась связь времен. По тому, как построил свою историческую сагу автор, видно, как много для него значит подпитка современности духовной мощью исторического прошлого своей земли. Пролог, пронизанный поэтическим – не будем забывать, что Виталий Амаршан прежде всего прекрасный поэт! – возвышенным восприятием мира, одновременно вводит и в писательскую лабораторию и приближает нас к далекому прошлому, о котором можно сказать словами русского классика: «Дела давно минувших дней, // Преданья старины глубокой!» Но это для нас – минувших, но не для Виталия Амаршан. Неудивительно, что в прологе появляются такие поэтические строки, я их приведу в подстрочном переводе: «Минуют столетия и однажды в будущем // когда кто-то из абхазов будет спокойно сидеть дома, // Вдруг без предупреждения растворится дверь, // И ему покажется, что ветром ее распахнуло. // Но не ветер открыл ту дверь. // Это я вошел...». А эпилог – это реквием по погибшему сыну, по его сверстникам, по всем абхазам, сложившим голову в битве за свою родину. Но история земли абхазской продолжается, история, которая насыщена сведениями о насмерть стоявших крепостях, сражавшихся до последнего защитника.

Виталий Амаршан в своем романе, получившем широкое признание как у специалистов, так и у собратьев по перу и читателей, взялся за нелегкую задачу – рассказать о периоде становления Абхазского царства, причем история рождения и взросления будущего царя Леона поэтически мифоло-

гизирована. Но это, как ни странно, не переводит роман на положение романтических сказаний, где собственно исторические события лишь фон. У Амаршан история абхазского царства, ее политическая и этическая составляющая, воссоздана с такой убедительностью, что веришь этому, как исследованию историков, основывающихся на немногочисленных, но достоверных документальных источниках. Мне здесь хочется привести рассуждение о романе «Апсха» классика абхазской литературы Баграта Шинкуба: «Виталий Амаршан взялся за труд, требовавший большой отваги. Во-первых, он далеко углубился в прошлое. Во-вторых, в тот период, где нелегко было найти нужный материал для архитектуры своего замысла... автору оставалось опираться только на богатую свою фантазию и талант, чтобы поднять этот непростой пласт истории. Такая тяжкая ноша могла оказаться неподъемной для автора, и читатель мог не принять произведение. Но, к счастью, все счастливо обернулось, и читатель зачитывается романом, будто он отражает современную действительность».

Хотелось бы к этому присовокупить, что Амаршан все-таки опирался не только на свою действительно богатую фантазию, но и на исторические свидетельства не только о древней Абхазии, Византии, но также о Хазарском каганате. В романе с самого начала тесно переплетаются история Хазарского каганата и Абхазского царства, как переплелись судьбы юной хазарки Джарымхан и доблестного брата абхазского царя Леона Рамзыца. Автор много внимания уделяет описанию нравов, быта и политических, как бы сейчас сказали, вызовов хазар. В романе перед нами предстанет и Византия, изощренное лукавство правителей которых позднее сослужило службу многим дипломатам мира. Автор при написании своего произведения – поэтического, полного знамений и чудес – не освободил себя от приведения достоверных сведений, сохранившихся в документах или найденных при археологических раскопках. Сведений, столь

важных для наращивания «плоти» на костяк описываемого исторического отрезка, о чем свидетельствует в своей статье о романе «Апсха» академик Олег Бгажба: «Автору пришлось проделать предварительную, поистине титаническую работу: изучить, по возможности, письменные и вещественные источники, соответствующую научную литературу, связанную с колыбелью абхазской государственности и ее первым царем Леоном Апсха, а также многое другое». Все это, безусловно, так, при этом я бы осмелилась предположить, что роман «Апсха», во всяком случае, в части, касающейся главного героя, – это апокриф, описание жителя легендарного человека, к кому благоволят и языческие идолы, и христианский бог, и все пантеистические силы. Недаром Дух Земли является юному Леону, давая ему уроки воспитания воли, величия и так далее. Понятно, что и соединение судеб родителей героя должно было быть обставлено неординарно. Если говорить сухим языком документов, то мы знаем одно: «Леон Второй был двоюродным братом византийского императора Льва Хазара (775–780), поскольку они оба были со стороны матери внуками хазарского царя» (см. Ш. Д. Инал-Ипа. «Вопросы этно-культурной истории абхазов». Сухуми. «Алашара». 1976. С. 400). Таким образом, достоверен лишь факт, что в Леоне Апсха текла хазарская кровь.

Естественно, не сохранилось в анналах, каким образом произошла встреча его будущих родителей и было ли это столь драматично и поэтично. При создании образа отважного юноши Рамзыца, младшего брата абхазского царя, мне кажется, автор сознательно приподнял и образ, и последующее покорение сердца юной хазарки до уровня народных преданий, где герой должен вести себя именно так, а не иначе. Возможно, здесь подспорьем автору послужила и прекрасная поэма Иуа Когониа «Абатаа Беслан», написанная по мотивам народных сказаний. Как и в поэме Когониа, Рамзыц увозит с ее согласия уже просватанную за Аспаруха, сына болгарского короля, прелестную деву. И помощь в

том ему оказывает, правда, не одинокая вдова, как в «Абатаа Беслане», а жена хазарского купца – абхазка с сыновьями. Соответственно и все осложнения, которые вызваны этим дерзким поступком, не должны миновать и героя. И если Абатаа Беслан рисковал только своей головой, то Рамзыц поставил на грань войны свою страну. Но здесь, не нарушая исторической правды, нельзя далее следовать преданию, и потому болгарский царь, хоть и пригрозил хазарскому каганату пойти на него войной из-за оскорбления, нанесенного сыну, но поняв, очевидно, неравенство сил, предпочел проглотить обиду, а властная правительница каганата Барсбит-ханым, которая в одно время намеревалась наказать Обезию (так в каганате называли Абхазию) и силой вернуть домой непокорную внучку Джарымхан, смягчилась, узнав, что внучка родила сына, и даже послала гонцов в Абхазию с дарами для новорожденного. Так, младенец, позже при крещении получивший христианское имя Леон в честь своего дяди – царя, положил конец вражде, стал символом единения двух народов.

Но чудеса только начинались. Дивным образом младенец и присланный хазарской бабушкой жеребенок – будущий боевой конь ребенка – узнали друг друга. Жеребенок ржаньем призвал младенца, и тот так рвался наружу, что впервые со времени рождения его вынесли из дворца. «Маленький скакун не кинулся наутек, как должно было быть, а позволил подойти к себе Джарымхан с младенцем. Он не шелохнулся даже тогда, когда малыш вцепился пятерней в его еще совсем коротенькую гриву и потянул к себе, только повернул голову и глянул на малыша. Глаза их встретились, они зачарованно смотрели друг на друга». («Апсха». С. 33). Столь же необычным образом происходит и крещение младенца. Ребенок сам рвется в купель, сам оmyвает святой водой лицо и пригоршней ее пьет. Он даже заставляет священника оробеть, который не знает, как отнестись к столь дивному явлению. Много иных чудес происходит с Леоном

не только в младенческом, но и в подростковом возрасте, и дар хазарской родни – конь, названный Дулдул, не отстает от него.

Дулдул ударом копыта может заставить забиться из-под земли чудесному неиссякаемому источнику, то сам выигрывает без седока скачки, то навещает камень, на котором, по преданиям, обезглавили Симона Кананита, а потом поднимается выше в горы «поклониться» могиле апостола, и многое другое. И если на протяжении всего романа чудеса, связанные с Дулдулом, продолжают, то, чем старше становится Леон, тем больше автор прибегает в своих метафорах к философским толкованиям «видений» царевича. Так, в уста Земному Духу, спутнику чудесного ребенка с детства, охранителю и советчику, не видимому никому, кроме самого дитяти, одарившему его колокольчиком самого Нарта Сасрыквы, В. Амаршан вкладывает следующие слова: «Человек не всегда должен к себе прислушиваться и приглядываться. А затосковал ты по родной стороне, и я тут как тут, ибо в любви к родимой земле ты не одинок. Знай, перезвон колокольчика у тебя на груди – то отзвук речи моей. Слышишь, он перекликается с колоколом большого храма, но чистоты голоса своего не теряет. И ты не теряй. Нам с тобой нельзя раствориться среди чужого народа. Нам нужно вернуться домой со многими знаниями, но с прежними чувствами. На тебя возлагается столько надежд, не позволяй им угаснуть. Знай, я всегда с тобой, и никогда не умаляй себя». Но чем дольше живет в Византии наследник абхазского царства, тем строже становится тон повествования, тем больше вторгаются в ткань романа исторические реалии, вскрывается политика, которую проводит Византия по отношению к своим провинциям и другим государствам.

Мир сказаний уступает место суровой действительности. Но и в этих рассуждениях Амаршан верен своему поэтическому началу, не высушивает повествование, а усиливает его восприятие тонкими сравнениями, развернутыми ме-

тафорами. Так, рассказывая о жизни апсилов, живущих в Кодорском ущелье и в силу своего географического положения вынужденных не только край свой защищать, но и стать щитом для Византии, Виталий Амаршан находит удивительно зримые эпитеты для их описания. На мой взгляд, это описание – одно из самых поэтичных мест романа: «Как дрожит при малейшем прикосновении тонкая шелковая нить меж двумя деревцами, так отдавалось в сердце апсилов, то есть абхазов, проживающих в Кодорском ущелье, все, что случалось в пределах царства, здесь проходила с Северного Кавказа военная дорога. И жители ущелья первыми принимали удар захватчиков. Неудивительно, что у них вошло в привычку всегда быть настороже. Постоянная готовность схватиться за оружие, чтобы оборонять свою землю, не могла не сказаться на их нраве. Они были тверды, как скалы, у которых проживали, бились до последнего вздоха с супротивниками и отличались щедрым гостеприимством к тем, кто шел с миром. Они не проживали в прекрасных, выложенных мрамором дворцах. Но сама природа позаботилась о том, чтобы красота окружала их. Путешественников восхищали здешние густые девственные леса, полные зверья и птиц, горы, встающие над поселением в своей нерукотворной красе, срубы поселян, утопавшие в густой зелени, медвяный запах, исходивший от многочисленных пасек, горные чистые реки, целебные родники... «Если считать весь Кавказ шелковым платком, так побережье Аpsны – вышитая ее кайма. Чего стоит платок, если кайма обуглится при пожаре?» – говорили они и оставались щитом для всего побережья» («Апсха». С. 134).

В продолжение этого мужественно-поэтического эпизода романа автор, рассказывая о коварстве Византии, плавно переходит к истории дальцев и цабальцев и к древнему роду Маршан, являвшегося владельцем и хранителем этих мест. Мужики из этого рода, возможно, раньше других поняли и почувствовали политику Византии, основанную на срава-

нии народов и племен в своих провинциях. Они не хотели иметь дела с метрополией, хотя и понимали, что уйти из-под руки могучего государства не удастся. Но один из рода Маршан отправил в Константинополь учиться своего сына Беслана. По воле автора, на страницах романа сходятся, чтобы навеки подружиться, юный Леон – будущий собиратель абхазских земель – и Беслан Тапш-ипа из рода Маршан.

Многовековая история не может сохранить все подробности жизни, но Амаршан с таким тонким психологизмом и убедительными художественными средствами подчеркивает союз Леона и Беслана, что будь это не художественное произведение, а историческая хроника, и то подобное допущение показалось бы уместным. Два высокородных выходца из Абхазии – Леон и Беслан – во время учебы в столице Византии заложили крепкую основу своей дружбы. Они делились друг с другом самым сокровенным. «...Юноши поклялись, что жизнь свою посвятят тому, чтобы объединить всех сородичей их родимой земли, создать силу, способную и от внешних врагов защитить, и не допустить внутренних распрей». Друга юности Леон всегда будет выделять среди других. Беслан окажется одним из трех сопровождающих царевича, когда тот навестит свою хазарскую родню. Страницы, посвященные этому визиту, написаны сочной палитрой. Пестрота деталей, экзотичность нравов и даже с легким юмором переданное автором поведение уже престарелой, но по-прежнему несокрушимой Барсбит-ханым, играющей с внуком, правителем каганата Барджил-ханом, в ложную покорность, испрашивая разрешения встретить абхазского родича на троне, заранее зная, что ей никто не посмеет отказать, только подчеркивает значительность происходящего и придает объемность персонажам.

И тогда, когда молодой Леон после дворцовых переворотов и вероломного убийства его отца, был назван царем Абхазии при одновременной поддержке как Византии, так и хазарского каганата, Тапш-ипа Беслан из рода Маршан

оставался правой рукой царя. Он снискал славу как полководец, но навлек на себя недовольство местных феодалов, которым вовсе не улыбалось идти под руку царя, какие бы выгоды это не сулило в целом Абхазии. Беслану придется пройти через многие испытания, когда в Абхазии сойдутся интересы хазарского каганата, поддерживающего Леона, и Византии, не желающей ни с кем делить влияние в своей провинции и не одобряющей бывшего своего ставленника, который проявляет слишком много самостоятельности. На Беслана давят родичи, подкупить его пытаются и византийцы вкупе с перебежчиками из стана царя, но он непоколебим в верности высокому другу. Правда, сомнения наступают и его, но они не связаны с соображениями личной выгоды, а только с тревогой за судьбу родины. После попытки подкупить его византийским золотом, Беслан отбрасывает все сомнения. «...Теперь он знал одно: надо удвоить бдительность, крепить армию, чтобы плечом к плечу с Леоном отражать натиск врагов». А позже он и вовсе породнится с царем, женой которого становится его сестра Хицис.

Но описывая мироощущение тогдашних феодалов, и то, как непросто давалось объединение земель, где все владетельные князья считали себя единоличными вершителями судеб, автор подчеркивает, что никто из родичей Беслана и близкие им князья не посчитали себя польщенными из-за сватовства Леона. Более того, они вынашивали крамольные мысли – выкрасть невесту царя и выдать за кого-нибудь из византийских военачальников – и многие иные не менее безумные идеи, которые, впрочем, не так уж невозможно было осуществить. Автор много позже свершившегося события – свадьбы царя – сочтет возможным отметить, что феодалы, усмотревшие в царском сватовстве политическую подоплеку, не так уж были неправы. «Верно, взяв в жены Хицис, Леон следовал своему сердцу, но этот союз стал и шагом, объединяющим две части Апсны, что, несомненно, учитывалось царем, – пишет В. Амаршан. –

Ранее бзыбцы и цабальцы вершили свои дела, не слишком оглядываясь друг на друга и не задумываясь, как скажутся их деяния на судьбе всей Апсны. Но времена менялись. И то, что Леон не стал искать своего счастья за тридевять земель, говорило о многом».

Возможно, что из-за того, что над любовью превалировали политические интересы, образ Хицис получился в романе наименее ярким, пожалуй, уступив в своеобразии всем остальным женским персонажам. Другое дело – Беслан из рода Маршан, брат царицы. Он – альтер эго царя. И в крепости, в которой царь собрал верных ему вассалов, чтобы обсудить с ними, как укрепить свою страну, Беслан в своей мудрой и сдержанной речи указывает на общие трагические просчеты абхазских феодалов и, в частности, говорит: «Вглядевшись в наше прошлое, мы можем узреть, что многим бедам дорогу в свой дом показали мы сами. Каждый владетель думал только о своем, друг с другом жили как кошка с собакой. Скажите, когда нам удавалось всем вместе подняться против общего врага? А ведь родством мы связаны тесным. Но мы разрывали самые тесные узы, не замечая, что кровью истекаем». То же самое мог бы сказать и царь, понимавший, что в единстве – спасение страны, и прилагающий все усилия к объединению кичливых родов под одно знамя на благо отчизне. При этом он не стремился к авторитаризму. «Если возникали спорные вопросы, решались они на совете. Такого государственного устройства в Апсны до Леона не было», – подчеркивает автор. И тому подтверждение – сохранившиеся документы о царствии Леона Второго.

Беслан до последнего был рядом с царем, пока в страшной сече, затеянной против Леона Феодосием, в пользу которого в свое время, совершив непоправимую ошибку, отрекся от престола отец, не получил смертельную рану. Несмотря на то, что в помощь себе Феодосий призвал полчища арабов, победа была одержана ратью Леона Вто-

рого, на помощь к которому пришли и хазарские воины, снаряженные Барджил-ханом. Победа одержана, но вновь брожения в Апсны и гибель Беслана из рода Маршан едва не приводят к расколу, внутренним распрям. Но, к счастью, Леона Второго не постигает судьба Нарта Сасрыквы, с которым его сравнивает автор, и чья гибель – дело рук братьев. Леон Второй выстаивает в навязываемых распрях с близкими по крови, в бедах, идущих извне. Он закладывает основы своего государства, переняв не только византийский опыт, но также учтя особенности правления хазарских каганов. Царь не только объединяет исконные земли абхазов, но и расширяет пределы своей страны.

Создать жизнеописание такой личности – уже подвиг, а превратить это в широкое полотно, изображающее с высоким уровнем мастерства нравы и особенности не только родного народа, но и других сообществ, оставивших яркий след в истории человечества, как византийцы, эллины или хазары, – задача трудноразрешимая. Но автор с этим замечательно справился.

В автобиографической книге Виталия Амаршан «Уашхуа макъапсыс» («Клятва небесному своду») я натолкнулась на рассуждения автора, вызванные разговором с Багратом Шинкуба. И там встречаются такие строки: «Все течет, все меняется в этом суровом мире, все обращается в тлен – только духовный памятник остается». И мне показалось уместным озаглавить мое краткое слово о романе «Апсха» выстраданной строчкой из приведенной цитаты.

Э. Ф. Басария
2011 г.

ДУХОВНАЯ СИЛА РОМАНА

О произведении В. Амаршан «Апсха» хотелось бы вкратце сказать следующее. «Это первый роман в абхазской литературе, посвящённый истории и культуре Абхазии VIII в. Он обобщает, с одной стороны, опыт художественного постижения раннесредневековой жизни народа, с другой – достижения исторической мысли в области изучения той эпохи, отразив целостную картину прошлого времени.

Автор создаёт литературные образы исторических личностей – Леона II, сына Леона I Феодосия, византийского императора Льва (Леона) Хазара, хазарского хакана Барджил-хана и других, не говоря уже о вымышленных персонажах. Он показал тип раннесредневекового человека.

Роман затрагивает ряд вопросов философии истории, и не только истории Абхазии. В нём раскрыты закономерности исторического развития этноса, консолидационных процессов, формирования единого народа как нации и государства. При этом автор концентрирует внимание на философии личности. Он придерживается той концепции, которая утверждает, что личность играет огромную роль в истории народа или народов. Важно и то, что историческая личность тесно связана с народом, от поддержки которого может зависеть многое. Примечательный пример – образ царя Леона, при создании которого писатель активно использует фольклорную эстетику, особенно поэтику Нартского эпоса, героического сказания об Абырскиле и др. Образ главного героя романа напоминает сверхчеловека Ницше, хотя трудно говорить о влиянии философии Ницше на В. Амаршан. Но стремление писателя к отражению такого образа очевидно. Неслучайно автор часто проводит параллели между Леоном и Абырскилом и Нартом Сасыркой. Кроме того, писатель опирается на фольклорную триаду (Духовная

/сверхъестественная/ сила – герой – конь), которая, например, формирует героический образ Сасрыквы. Трудно представить и Леона без Духовной силы и его коня Дулдула.

Вместе с тем, в романе «Апсха» раскрывается философия империи, описывается характер византийско-абхазских, абхазско-хазарских и абхазско-грузинских историко-культурных отношений в VIII в.

Автор подчеркивает, что во всех исторических процессах главную роль играют сила (армия, оружие, деньги и т. д.) и духовное начало. Эта истина по сей день остаётся неизменной.

Кроме того, особенностью романа является то, что в нём прошлое, настоящее и будущее рассматриваются в единой связке. Примечателен эпилог романа, где читатель узнает и о героях Отечественной войны в Абхазии 1992–1993 гг.; среди них и единственный сын писателя Беслан Амаршан, который героически погиб, защищая родину; Бесланом назван и один из соратников царя Леона – военачальник Беслан Тапш-ипа, скончавшийся от ран, полученных в битве с врагами Абхазии. Именно благодаря Леонам, Бесланам и другим Абхазия и абхазский народ сохранились по сей день. Многие проблемы, рассмотренные в романе, это проблемы не только жизни Абхазии VIII в., но и последующих столетий, а также сегодняшнего дня и будущего. В этом духовная сила произведения.

Роман написан на прекрасном абхазском языке и не легко было его перевести на другой язык, в данном случае русский. Вместе с тем Э. Басария удалось сохранить оригинальность произведения. И большую роль сыграли здесь несколько факторов: владение языком оригинала, знание истории и культуры родного народа; и, наконец, переводчица – замечательный прозаик, автор многих рассказов, повестей и романов на русском языке, часть из которых переведена на абхазский язык.

Вяч. А. Бигуаа,
доктор филологических наук

ПОРОГ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Брат мой, мы с тобой сгорели...

Ш. Д. Инал-Ипа

Придерживаясь пословицы «поторапливайся не спеша», я стремился как можно быстрее завершить свое произведение, отображающее художественным словом глубину нашей древней истории. В то же время с особой озабоченностью думал и о том, как бы не отразились на выстрадавшем моем детище следы торопливости. Не поднимая головы, вкладывая всю душу, я продолжал работу над ним. Каждый божий день, берясь за свою рукопись, начинал испытывать какой-то необъяснимый страх, предчувствуя, что нечто непреодолимое может помешать мне и прервет работу, в которую я погрузился с головой. Такое тревожное предчувствие не покидало меня, когда, за исключением некоторых деталей, я приближался к завершению произведения. Именно к этому времени и нагрянула чудовищная война. Вероломно, будто мало было тех злодеяний и бед, которые они обрушивали на нас за последние десятилетия, вооруженные до зубов грузинские фашисты напали на нас. Они думали окончательно искоренить нашу нацию, овладеть навсегда нашей отчиной. Во всепоглощающем огне этой войны, обрушившейся на нас, словно землетрясение и ураган, я потерял своего единственного ясноликого сына – зеницу моего ока Беслана, светившегося надо мной как спасительная предрассветная звезда. К тому времени ему едва исполнился двадцать один год. Доблестно и отважно встал он тогда против нечестивого врага, ступившего на нашу священную землю, сея

смерть и разрушения. Еще малышом, просыпаясь рано, в одной рубашонке забегал он ко мне в комнату, где я работал за своим письменным столом. И как только я оглядывался на него, он быстренько подбегал ко мне и располагался на моих коленях, прижав свою маленькую головку к моей груди. Теплый, как голубок, сидел он некоторое время у меня на коленях, прижавшись ко мне. Наши с ним сердца бились в унисон, затем, также тихонечко спустившись с моих колен, испытывая удовольствие от своего же поведения, возвращался в свою детскую постель. Я тоже получал неописуемое удовлетворение. Чувствовал, как совсем по-иному спорится работа. Какое-то божественное, окрыляющее состояние вселял он мне в душу...

Беслан был очень чуток к моему произведению, над которым я работал много лет непрерывно. И, видимо, этот пытливый интерес юноши объяснялся тем, что вещь была посвящена раннему периоду Абхазского царства, насчитывавшего более тысячи двухсот лет. И еще более трепетно воспринимал он то, что было связано с жизнью и судьбой основателя государства, великого царя Леона. Я с большим удовольствием читал ему отдельные главы. И когда у нас дома собирались его друзья, он с гордостью рассказывал им о моем произведении. Он с нетерпением ждал его выхода отдельной книгой. И теперь, когда он повзрослел и возмужал, услаждая нам душу, как и в детские годы, каждое утро, на рассвете появлялся в дверях моей комнаты и безмолвно глядел на меня, словно хотел спросить: «Чем бы помочь тебе?» В такие минуты он был для меня таким же младенцем и мысленно я сажал его на колени, как прежде, целовал его глаза, наполненные добротой, – глаза-ежевики! И как прежде будил он во мне великое творческое вдохновение, огромное невыразимое желание жить и творить на этом белом свете!

Когда началась война и мы вынуждены были покинуть наш Сухум, я решил, что не возьму с собой папку, на ко-

торой четко было написано «Апсха» («Царь Абхазии»). «Не буду брать с собой. Кто знает, может случиться, что не суждено будет вернуться... Но этот мой труд должен вернуть нас назад...» – подумал я тогда. Это сильно беспокоило Беслана и меня. Невозможно выразить словами, как он топился в Сухум, где он родился и вырос. Ему не терпелось быстрее изгнать заклятого врага, коварством завладевшего нашей столицей, и первым зайти в наш дом, чтобы встретить меня с рукописью со словами: «Вот, отец, твое произведение, оно уцелело!»

К счастью, моя рукопись, валявшаяся в углу одной из комнат нашей квартиры среди разбитых стекол и мусора, не попала в руки гнусного врага, мечтавшего навечно стереть с лица земли нашу историю, превращавшего в пепел наши архивы, музеи, учебные заведения, научно-исследовательские институты. И когда я поднимал рукопись, смотрели на нее не мои глаза, не мои руки прикасались к ней лихорадочно и поспешно. Это были руки Беслана. Не я плакал горькими слезами, это он проливал слезы...

И я, чей только призрак теперь остался на этом свете, это свое произведение руками моего бессмертного Беслана и его друзей с низжайшим поклоном кладу к подножью уцелевшей, но все еще до конца не вышедшей из пепла войны, нашей Родины. Пусть оно, произведение это, станет связующим золотым мостом между ними и будущими поколениями...

Больше не добавлю ни слова. Пусть это станет порогом для вас, кто, впервые открыв страницы моего романа, принимается за его чтение. Пусть это станет порогом к добру, назло надменному врагу, желающему нашей гибели, порогом на пути к возрождению нашей великой истории, к расцвету нашей культуры!

В. Амаршан
Сухум (Акуа), 30.10.1994 г.

***Светлой памяти Героев, павших за
Свободу и Независимость Абхазии,
посвящается эта книга***

А П С Х А

Вступление

Зеленые власы весенней земли уже мягко опушили ее, и щебечущие ласточки вовсю сновали под крышами облюбленных домов. Повсюду – и на лесных прогалинах, и на лугах – поднималось множество подснежников. Наступала пора цветения рододендронов и азалии. А на проселочных дорогах от зимней грязи не осталось и следа.

Обойдя двор, сад и все с детства памятные места – тоска по ним и пригнала-то меня сюда из города, – я поднялся на высокое крыльцо нашего дома и засмотрелся на отроги горы Панаю. И в который уж раз задумался над происхождением названия горы. На родном моем языке «апа» означает сын, «инаюит» – донеслось. А что если когда-то некто, поднявшийся в горы, получил весть о рождении наследника? Весть о сыне! О сыне – донеслось с низины! О сыне... Счастливая весть, достойная навеки остаться в горах и даже назваться горой.

Все еще раздумывая над этим, я вошел в дом и уселся за свой рабочий стол у окна. И отсюда, через оконный проем, я видел вершину Панаю. За спиной скрипнула дверь. Но в тот день я пребывал в одиночестве. «Неужто кто-то пробрался в дом?» – удивился я, но не сразу обернулся. Вновь раздался скрипучий звук. Мне даже показалось, что кто-то смотрит в спину. Неведомо от чего, стало зябко. Ничего не оставалось, как обернуться. Дверь за спиной медленно отворялась и уже была наполовину раскрыта. Под моим взглядом она стала недвижима, будто осторожно придержанная невиди-

мой рукой. Я обомлел. Ведь точно помнил: когда садился за стол, дверь в ту комнату, где на старинных коврах развешано древнее оружие едва ли не всего нашего рода, воспринимаемое посторонними чуть ли не как филиал музея, была плотно затворена. И сквозняки по нашему дому не гуляют, во всяком случае, раньше подобного не замечал. Я поднялся и, подойдя к полуотворенной двери, но не касаясь ее, встал на пороге и осмотрел комнату. Никого!

Я вернулся на прежнее место и стал смотреть наружу, переводя взгляд с гор, где все еще не только на вершинах, но и во впадинах белели местами снега, на густую зелень двора, на алычовые деревья в цвету, на медленное трепыхание желтокрылых бабочек у изгороди. Но покой не воцарялся в моей душе. Полуоткрытая дверь за спиной, как прерванная важная беседа, беспокоила меня. Но подняться и плотно ее прикрыть мне отчего-то не хотелось. Я все еще ощущал зияние растворенной двери за спиной, когда толкнулись во мне стихотворные строчки. Торопливо, словно опасаясь, что их отлучат от меня или они сами уйдут, я схватил ручку и записал:

Минуют столетия, и однажды в будущем,
Когда какой-нибудь абхаз будет покойно сидеть дома,
Вдруг без предупреждения растворится дверь,
И ему покажется, что ветром ее распахнуло.
Но не ветер открыл ту дверь.
Это я вошел...

Мысли о далеком будущем... Подумалось: а что если дверь распахнул дух человека, который давным-давно, как я сейчас, подумал о том же, и мысль его через ледяные тысячелетия только сейчас пробилась?

В это мгновенье я необычайно остро ощутил непостижимость жизни. А сама собой раскрывшаяся дверь навеки запечатлелась в моем сознании. Это через нее я вглядываюсь в минувшие века. В прошлое нашего народа.

Вглядываюсь в минувшее, чтобы увидеть будущее...

I

Следы, оставленные колесами тяжело груженной конной повозки, в которой хазарский каган Барджил Барджигустан отправился из дома в Византию, все еще отчетливо были видны на выезде за воротами, хотя миновал с тех пор уже месяц.

Барджил Барджигустан унаследовал хазарское царство, или каганат, как сами хазары предпочитали называть свои владения. Немало сил прилагал он, чтобы стать достойным правителем, и много в том преуспел. Но главным олицетворением силы и чести все больше набравшего мощи каганата, раздвигающего пределы своих границ, по-прежнему оставалась мудрая и отважная Барсбит-ханым. С тех пор, как внезапно не стало отца Барджила Барджигустана, ее первенца, чьи силы были подточены изнурительными непрекращающимися войнами с арабами, вся тяжесть правления и ответственности за честь каганата легла на ее плечи.

Сейчас же, когда внук отбыл в Константинополь, забот прибавилось неимоверно, дух некогда было перевести. Со всех концов могучей страны, раскинувшейся от Хазарского моря до берегов Понта Эвксинского, от людей, проживающих по берегам великих рек Итиля и Дона, спешат гонцы к сердцевине каганата с множеством своих забот и чаяний, разнящихся друг от друга, но требующих одного: разрешения. А посланцы из чужих земель? Переговоры, неустанная забота о выгодах своей страны, о добром ее имени...

Даже отважную хазарскую правительницу Барсбит-ханым, будто бы высеченную из кремня, и ту вконец утомили

дела и заботы. И вдруг дошла до нее живительная весточка – с той стороны Кавказа птицей слетела к ней. Внучка – дочь ее покойного сына Юсуфа, разродилась сыном.

Барсбит-ханым гневалась на своенравную внучку. Ту не удержали ни прославленные своей неприступностью пределы родной стороны, ни слово, данное жениху, сыну болгарского царя. Все и всех затмил собой аамыста из Абхазии, прибывший в ее страну для преумножения своих доблестей. Одной из доблестей стало не только покорение сердца высокогородной хазарки, но и то, что он умыкнул ее и увез в свою страну. Сие событие ввергло в страшный гнев венценосную бабушку, и какое-то время та даже вынашивала планы отправиться в страну Обезию, то есть Абхазию, разорить ее, а своевольницу силком вернуть домой. Но суть заключалась в том, что Барсбит-ханым души не чаяла во внучке, любила много больше других отпрысков своих чад. Полученная весть так проняла ее, что суровая женщина даже всплакнула и все твердила имя внучки Джарымхан, правда, изредка присовокупляла: «Ах ты, волчица, сына для чужеземцев на свет произвела!».

Вскоре новость о том, что сестра кагана Барджила Барджигустана, которую умыкнул отважный горец из Абхазии, родила сына, облетела Итиль – многобашенную столицу хазаров. Она даровала надежду, что теперь до столкновения с абхазами дело не дойдет. Младенец, в ком текла и хазарская, и абхазская кровь, тому порукой.

Многие поторопились поздравить Барсбит-ханым с полученной вестью. Женщины плотным кольцом окружали ее, усаживались на расстеленном на полу широченном пестром ковре, и каждая из них старалась что-то приятное сказать величественной женщине, а те, что сидели поближе и были посмелее и познатнее, обнимали и целовали ее. Всем присутствующим было известно, как дорога была сердцу этой женщины ясноглазая, длиннокосяя Джарымхан, и какую боль она испытала, когда та сбежала с чужаком. А уж каким

мучительным огнем жег стыд из-за того, что стремительно, подобно стреле, кинувшийся в погоню на своем вороном коне брат отступницы так и вернулся ни с чем, проглотил обиду. А болгарский царь позабыть обиду не захотел. Не простил оскорбления, нанесенного его сыну. С тех пор они враждовали. Долго окружение Барсбит-ханым чувствовало себя стесненно при госпоже из-за выходки ее своенравной внучки, опасаясь не только упомянуть имя беглянки, но и лишний раз выказать доброе расположение духа. Да только крылатая новость с берегов Понта Эвксинского все переменяла в одночасье, и приближенные, заметив, что правительница смягчилась, позволили себе открыто выразить радость по поводу рождения ребенка у Джарымхан.

Следующее утро правительница посвятила отбору даров, которые она собиралась отослать в ознаменование радостного события – рождения ребенка – к берегам Понта, к обезам, как у хазар было принято именовать абхазов. Могучая женщина, управлявшаяся единолично с множеством запутанных государственных дел, на сей раз позвала на подмогу особо приближенных знатных хазарок. Единства среди советчиц не было, одни предлагали одно, другие – другое. Нашлась и такая, которая посчитала достаточным, если бабушка сообщит свою волю внучке: пусть та наречет отпрыска хорошим хазарским именем. А каким именно – на усмотрение венценосной бабушки. Выслушав всех, Барсбит-ханым поступила, в конце концов, как всегда поступала: приняла единоличное решение – отправить хазарскую люльку в дар новорожденному. В подобных люльках вырастали доблестные хазарские воины, столь широко раздвинувшие границы каганата, обретшие славу и богатство. Немедленно был снаряжен гонец к лучшему в стране мастеру, изготавливавшему люльки. Тот прислал самое замечательное из своих изделий, посчитав великой честью возможность поучаствовать лично в праздновании столь прекрасного события. Полученную и без того на редкость нарядную люльку

немедленно стали увешивать драгоценностями, украшать изысканными тканями. Но неожиданно правительница остановила суетившихся вокруг прислужниц, сказав, что на ум ей пришло иное. Зная, что раз она поменяла решение, то не след перечить, все оставили свое занятие и воззрились на правительницу. И та объявила свою волю: вместо новенькой, еще ничем не прославленной люльки, она отправит ту, в которой вынянчили ее детей, включая ныне покойного отца Джарымхан – Юсуфа, и внуков. Женщины шумно заговорили, всячески одобряя ее решение и на все лады восхваляя ее мудрость. Новая люлька была отставлена в сторону, и женщины с тем же усердием стали снаряжать принесенную родовую люльку.

Немыслимо нарядно украшенную люльку правительница повелела немедленно доставить в страну обезов. Для этого были снаряжены в путь десять всадников. Каждый из посланцев вел еще одного породистого неоседланного коня. Аргаматов Барсбит-ханым отправляла в дар новорожденному правнуку с наказом, чтобы, когда дитя подрастет, его учили ездить верхом только на этих скакунах. Еще одно пожелание передала правительница: так же, как царь Византии, взявший в жены ее старшую внучку, нарек своего первенца в честь могущественных родичей Хазаром, пусть обезы назовут новорожденного Тогармой. Так звали того, от которого хазары ведут свой род.

Снаряженная луками со стрелами, считавшимися по тем временам грозным оружием, поочередно неся на холках своих лошадей дар, предназначенный новорожденному, ведя за собой горячих коней, кавалькада семь дней и ночей добиралась до границ Абхазии. Здесь неожиданно для себя путники были задержаны вооруженными воителями. Те оказались дозорными и поначалу весьма сурово встретили незнакомцев. Но когда узнали о цели их поездки, к тому же обнаружили в них достойных противников, которых не

просто было бы разоружить, пропустили их, дав в качестве проводников двух всадников. Один из них ехал впереди, показывая дорогу, другой замыкал шествие.

Проводники были еще совсем молоды, но то, как они ловко держались на своих породистых конях, с каким достоинством вели себя, смотрели зорко, но не свысока, были быстры в движениях без суеты, все это рождало невольное уважение к ним.

Дозорные обрадовались возможности сопровождать во дворец царя Леона послов из хазарского каганата. Они надеялись, что те окажутся желанными гостями. Действительно, царь Леон был озабочен тем, что его брат, следуя велению сердца, умыкнул хазарскую деву и весьма осложнил положение своей страны, у которой недругов и без того хватало, навлек на себя гнев могущественного соседа. И более ярости самого кагана царь опасался неукротимой Барсбит-ханым. Женщины непредсказуемы, и что на уме даже самой мудрой из них, мужчине угадать нелегко. Да и можно ли положиться на прочность слова женщины? К тому же вести, доходившие из каганата, были малоутешительны. Гнев родичей невестки не утихал, грозя всевозможными осложнениями. Рождение племянника – продолжателя древнего рода – несказанно обрадовало царя и подало надежду, что младенец примирит их с гордой родней матери и, даст бог, кровопролития не случится.

Молодые дозорные тешились мыслью, что они, приведя во дворец почетных гостей, пусть косвенно, но внесут свою лепту в то, что одна из тревожных забот царя – «как ответят хазары на невольно нанесенную им обиду» – обернется чистой радостью и, как знать, даже укреплением прочности страны благодаря союзу с каганатом, признавшим родство. Возможно, царь уже предчувствует прибытие послов, как предчувствовал всегда важные события, связанные с судьбой родины. Дар провидения в царя Леоне был велик.

Меж тем кавалькада продвигалась густым лесом в сторону побережья. В ту далекую пору природа Абхазии могла ошеломить кого угодно. Изобилие всевозможных растений, часть которых теперь, увы, давно уже исчезла с лица земли, тогда встречалось повсюду. Громадные стволы пронизывающих высь буков, разлапистые ели, каштановые деревья, могучие дубы с вольно раскинутыми кронами. Бесчисленная живность лесов, никогда не слышавшая оружейного выстрела, не пугалась топота копыт всадников. На лесных лужайках, украшенных весной разнотравьем, под сводами вековых деревьев им попадались косули, ветвисторогие олени и даже зубры. Они не пугались, не бросались врассыпную от процессии, а смотрели на людей, стоя поодаль, даже не прекращая жевать жвачку. И щебет птиц не был сбит цокотом копыт, который, впрочем, стихал, когда путники сходили с наезженной колеи на траву – густой подшерсток леса. Но шуму всадники и без того производили немало. Хазары громко переговаривались между собой, покрикивали на ведомых коней, принуждая идти поближе к тем, на которых они ехали. Свободно бежал за путниками лишь один стригунок – поджарый, тонконогий. Было заметно, что жеребенок сильно утомился в пути. Ради того, чтобы дать ему передохнуть, почаще устраивали привалы. Жеребенок тотчас приваливался к стволу какого-либо дерева или, зайдя в высокую траву и зарывшись в нее породистой головой, застывал изваянием, вызывая щемящую, как к юной деवे, жалость своей незащищенностью и еще несовершенной красотой.

У дозорных, сопровождавших чужеземцев, возможность перемолвиться словом, возникала лишь во время коротких стоянок. В очередной раз, когда хазары спешили у лесного ручья испить водицы, дозорные придерживали коней возле громадного серого валуна.

– Показываем им дорогу, радуемся. А вдруг они не с чистыми помыслами появились на нашей земле? – поделился

сомнениями один из стражей границ. – Сам знаешь, сколько раз мы попадали впросак из-за излишней доверчивости.

– Знаю, как не знать, – проговорил другой, утирая войлочной шапкой обильный пот с лица и натягивая узду беспокойного коня. – Но, сдастся мне, сегодняшние наши гости – люди не вероломные.

– Дай-то Бог!

– Так оно и есть, – увереннее сказал первый. – Вот уж радости будет нашей невестке, наговорится на родном наречии всласть. Как давно она не видела никого с родимой стороны.

– Ну да... Пусть так. Чего только они люльку-то с собой тащат? Посчитали, что нам младенца не в чем качать?

– Может, и посчитали, а может, подобным даром на что-то намекают. Откуда нам знать?

– До чего они узкоглазые! И выпало же нам с ними породниться!

– Это не нашего ума дело, так что помалкивай.

Заметив, что гости засобирались продолжить путь, один из дозорных возглавил кавалькаду, а другой, как и раньше, поехал в арьергарде. Напившись у ручья чистой воды, жеребенок взбодрился и резво побежал следом.

Солнце, будто сопровождавшее путников от самых гор, теперь вроде обогнало их и высвечивало им дорогу в дубраве, пробиваясь меж густыми кронами. Дорога местами выводила из чащи на холмы, откуда открывался вид на далекое пока еще, серебрящееся под солнечными лучами море. Путники, судя по их оживленным возгласам, дивились открывавшемуся их взорам, а один из них что-то им все время втолковывал, размахивая рукой. Похоже, он бывал в здешних местах ранее. Дорога то взбегала на пригорки, то углублялась в лес, а дубрава перемежалась буковыми лесами. На пути встречались поросшие мхом дольмены с круглыми отверстиями. Путники надолго задерживали на них взгляды, гадая об их предназначении и размышляя о том, каким образом обтесывались громадные глыбы камня. Было неясно,

догадываются ли они, что видят перед собой могильники. А что до посясторонней жизни, то по пути им попадались и тучные стада, и громкоголосые пастухи, подбадривающие свою живность. Перезвон колокольчиков, надетых на жожаков отар, довольно часто доносился до всадников. Не остались незамеченными и дупла необхватных дубов, возле которых роились пчелы. Впрочем, трудолюбивый крылатый народец селился и в расщелинах скал, уже оставленных позади. Все увиденное представлялось диковинным жителям равнин, ошеломляло, запах весеннего леса кружил голову. Слишком яркой, слишком красивой казалась им эта страна по сравнению с той, откуда они прибыли...

Через дубравы, буковые леса, рододендроновые заросли они выбрались к развалинам древней крепости, сложенной из тесаных, сверкавших, будто темный лед, в лучах солнца камней. Некоторые высокие наблюдательные башни старинной твердыни еще были целы. Юноша-проводник, ехавший первым, натянул поводья у зияющего пролома в сохранившейся стене крепости и, привстав на стремянах, присоединил стрелу, которую он достал из обшитого серебряным позументом колчана, к множеству стрел, лежавших на выступе стены. Наблюдавшие за юношей хазары о чем-то переговорили, и гости последовали примеру абхаза. Последним рядом с хазарскими стрелами положил свою стрелу замыкавший кавалькаду дозорный. То, что хазары почтили их обычай, понравилось проводникам. Уважение к древним традициям их народа было приметой доброго расположения, давало надежду, что вражде здесь не будет места.

Всадники гуськом въехали внутрь крепости и, выехав через пролом на противоположной ее стороне, продолжили свой путь. Теперь все чаще им попадались поселения людей – поначалу это были мазанки, крытые соломой. А затем под копыта утомленных коней легли вытоптаные скотиной проселки, тянущиеся мимо бревенчатых оград, столь внушительных, что, казалось, их сложили великаны. За ограда-

ми вольно росли большие орешины, встречались и огороженные виноградники, пасаки. А дома столь близко стояли друг от друга, что какая-нибудь кошка, перепрыгивая с крыши на крышу, могла бы добраться до самого побережья, ни разу не коснувшись лапами земли. Старики, отдохавшие в тени орешин, завидев проезжавших мимо всадников, поднимались с мест. Юноша, возглавлявший процессию, здоровался с ними: «Доброго вам дня!». «Славных дел тебе!» – отвечали они и, узнав, кого и куда он сопровождает, радостно воздевали вверх руки, вознося благодарение небесам. Видно, улеглись обиды в Хазарском каганате, раз прибыли послы с миром и дарами.

Мальчишки, выскочив за ворота, бежали за всадниками, состязаясь с рысившими конями. Юные застенчивые девы дворов своих не покидали, но подходили к оградкам и поверх них долго и с любопытством смотрели на проезжающих. Молодицы и старухи не позволяли себе проявлять откровенного интереса и больше исподтишка наблюдали из глубин дворов за тем, что происходило снаружи.

Так проселками они ехали довольно долго, пока головной всадник, нарушив строй, не подъехал к тому, кто замыкал кортеж.

– Занимай мое место, – сказал он, возбужденно блестя глазами. – А я потороплюсь во дворец предупредить, что за гости грядут.

– Хочешь куш сорвать как вестник радости? – подтрунил над ним его друг.

– Выезжай вперед. А вознаградят за добрую весть, так не сомневайся, поделюсь наградой. Итак, вперед! – с этими словами он пришпорил коня и быстрее дротика, пущенного умелой рукой, помчался по проселку. Второй дозорный, как и было велено, возглавил кавалькаду.

Путники следовали трактом, издревле именовавшимся Шелковым путем, бравшим начало в Поднебесной империи и утоптаным торговыми караванами. К этим местам

тракт тянулся через Марухский перевал Кавказа. Всадники оставили в стороне Цабал, миновали Сакен, пересекли Псху, и долгий их путь близился к завершению. Владелец Псху, прослышав, что к царю Бзыби через его земли направляются гонцы с почетной миссией, хотел пригласить их к себе, проявив должное гостеприимство, но, поразмыслив, решил, что не стоит путников, направляющихся к царю, перехватывать в пути даже с самыми лучшими намерениями.

Высокий род, в котором появился младенец с хазарской кровью, в ту пору владел не одним дворцом. Один располагался в прибрежной Псырдзхе. Другой – в неприступной, расположенной на высокой горе Анакопии, ибо был то дворец-крепость. Всадник – вестник радости – погнал своего коня в Псырдзху, предположив, что новорожденного перевезли на побережье.

Обнесенный высокой крепостной стеной дворец в Псырдзхе находился близ моря в долине с густой на редкость травой. С возвышенности можно было издалека полюбоваться постройками внутри крепостной ограды. Сам дворец с дюжиной апартаментов был построен в византийском стиле. Перед дворцом возвышались два могучих ореха. Вдоль ограды поднимались всевозможные деревья, увитые виноградными лозами...

Вестник радости, достигнув главных ворот, ловко спрыгнул с коня. Его тотчас впустили внутрь, будто знали о том, сколь важное дело привело его во дворец. Дозорный передал весть через одного из выбежавших ему навстречу челядников. Царь и его брат в это время находились во дворце. Услышанная новость удивила их. Были они людьми бесстрашными, заставить их дрогнуть перед опасностью никому не удавалось, но отличала их и осторожность. Поначалу они призадумались, не кроется ли за этим какой-то хитроумный замысел, сплетенный в Хазарском каганате. Они призвали к себе гонца, порасспросили и заключили, что почетные послы, держащие путь ко дворцу абхазского царя, едут с добром.

Вестник радости, оставив обитателей дворца наслаждаться принесенной им радостью, вновь вскочил на коня, заткнув за пояс два кинжала в серебряных ножнах и с серебряной рукоятью – дар за добрую новость. Он помчался навстречу гостям, которых опередил, чтобы предупредить об их приближении.

Меж царем Леоном и его братом Рамзыцем разница в возрасте была невелика. Дела государственные они привыкли решать сообща, как привыкли плечом к плечу встречать любую опасность. Сейчас же Рамзыц заметно волновался. Он понимал, какая ответственность лежит на нем. Что ни говори, в нарушение всех законов умыкнул он высокородную деву из могущественного и спесивого каганата. И с тех пор добрых вестей с хазарской стороны он не ждал, знал, как там болезненно восприняли его дерзкий поступок. Трудно предугадать, что на уме у чужаков. Верно, когда родился наследник, он дал знать родне жены об этом событии, но как они отнесутся к известию, никто не брался предсказать...

У наших современников слово «цари» ассоциируется с напыщенными самодержцами, неумеренными ни в чем, в том числе в еде и питье. Долго нас приучали к такому упрощенному видению, не вытравишь сразу это из сознания. На самом же деле братья, о которых речь, были высокие, поджарые, с покоряющим любого собеседника обаянием. Смотрели они на мир горделиво, но без излишней суровости во взгляде.

Выражение их лиц было сродни ясному дню над землей, на которой они родились. Пока не налетит гроза, конечно. Не только в самих правителях, но и среди приближенных не было в чести высокомерие, избыточное самолюбование, каждый держал себя как должно и мало кто нарушал этикет. Но кроме предписанных обычаями церемоний, обитателей объединяли непритворное радушие и искреннее уважение друг к другу...

К описываемым событиям отца братьев уже не было в живых, а мать – истинная царица не только по положению, но и по сути своей – здравствовала. Звали ее Царственная Хирхух. К ее мудрым советам сыновья неизменно прислушивались. Но, надумав вступить в брачный союз, ни старший, ни младший не испросили материнского совета, чем весьма огорчили вдовствующую царицу. Старший сын – владетель земель Бзыби – взял в жены Гурандухт, племянницу царя соседней Картли, и первенца своего, к тому же, на воспитание отправил за реку Ингур. То, что внук будет расти за пределами отчей земли, особенно задело Царственную Хирхух. Не успела она оправиться, как младший сын, умножавший славу родной земли доблестью, нашел себе жену в далеком Хазарском каганате, где все было чужое, непонятное: и верования, и обычаи, и язык. К тому же сын едва не навлек на отечество беду, умыкнув дочь могущественного кагана. Единственное, что утешало Царственную Хирхух, – это несказанная краса младшей невестки. Прекрасные миндалевидные глаза, округлое, как солнце, лицо, густые, точно самшитовые заросли, волосы. Смоляные косы, толстые, как канаты, почти земли касались, а кожа у юной невестки была белым-бела. Хоть говора ее не понимали, в ней угадывался чудесный характер. Очарование юной хазарки ощущали все во дворце, так безмолвная луна своим появлением придает холодному небосводу притягательности. Поначалу она дичилась свекрови, но потом стала находить в ней что-то общее со своей бабушкой Барсбит-ханым, по которой тосковала, и прониклась к ней теплыми чувствами. Она часто подходила к свекрови, целовала ее, прижималась головкой к ее плечу. В первое время свекрови казалось, что кожа невестки пахнет непривычно, как диковинный цветок. Со временем и этот незнакомый аромат пленил ее. «На нашу погибель он умыкнул эту деву. Околдовала всех!» – шутивно сетовала она. А когда прекрасная хазарка разродилась чудесным мальчуганом, свекровь была на седьмом небе от радости.

Попытки отдать наследника на воспитание в дом кого-нибудь из вассалов, как было принято по обычаю, встретили со стороны невестки ожесточенное сопротивление. Она отказывалась расставаться со своим сыном, разъяренной волчицей защищая свое право находиться подле ребенка, и, в конце концов, настояла на своем. Благодаря этому обстоятельству в стенах дворца вдруг зазвучали никогда ранее не слышанные здесь звуки – скрип раскачиваемой люльки, колыбельная на хазарском языке. Когда же возле младенца оставалась бабушка или молодая его тетя Марта, еще незамужняя, несмотря на множество претендентов на ее руку, то они убаюкивали младенца абхазскими напевами.

Для младенца отвели комнату на солнечной стороне дворца. Он мирно посапывал в люльке из самшита, а возле него сидела Джарымхан. Последнее время тоска по покинутым родителям, близким, родной стороне снедала молодицу. Тоска казалась еще горше оттого, что Джарымхан не надеялась когда-либо удостоиться прощения родни после столь тяжкого проступка. После рождения ребенка часть ее любви к мужу была перенесена на сына, но и к мужу чувства Джарымхан не притупились. Только он так мало времени уделял молодой жене – вечно в разъездах, вечно в государственных заботах. Иногда Джарымхан казалось – не будь у нее сына, она не справилась бы со своей печалью изгнанницы, с ощущением вины, с одиночеством.

Сегодня с утра какое-то предчувствие томило ее. Оно смешивалось с привычными мыслями о доме, о любимой бабушке, о том, что нет и не будет беглянке прощения. Но предчувствие не было сопряжено с тревогой. Наоборот, к беспокойству молодой хазарки примешивался привкус ожидания доброй вести. О странных своих предчувствиях она еще на рассвете поведала мужу, мешая хазарские и абхазские слова. То и дело выходила Джарымхан на высокое крыльцо, быстрым взором окидывала двор, потом глаза ее обращались в сторону гор. Она знала, что где-то там, за

теми горами, располагается страна, откуда она прибыла, но найти туда без провожатого дорогу она не смогла бы. По-рой ей казалось, что все случившееся за последнее время с ней было осуществлением не ее воли, а иной – высшей. Небесные силы вели деву, и она покорялась им. Джарымхан возвращалась к спящему младенцу, прижималась к его щеке пухлыми, красивого рисунка губами, подходила к окну, вглядывалась вдаль. Беспокойство ее росло.

В смятении и застал ее муж. Она с ожиданием глянула на него, тотчас угадала, что он принес важную новость, и кинулась ему на шею.

– Предчувствия твои оправдались. Гости с твоей стороны вот-вот придут. Надо начать приготовления к встрече, – сказал он, заключив жену в объятия.

– Я же говорила. Я же говорила!

Джарымхан засуетилась, высвободившись из объятий мужа, подбежала к люльке, расцеловала спящего сына.

– А юноша, похоже, намерен встретить своих высоко-родных дядей, почивая, – пошутил Рамзыц.

– Вели только, тотчас разбужу, чтобы он на ногах, как и подобает, принял гостей.

Она подошла к люльке, намереваясь растормошить младенца, но Рамзыц остановил жену.

– Пусть спит себе, ему можно.

С этими словами Рамзыц покинул покои жены. Он отличался хладнокровием, выбить его из колеи было делом непростым, но сейчас он чувствовал себя не в своей тарелке, будто вскочил на спину необъезженного жеребца и силился предугадать, как тот себя поведет.

Весть о приближении гостей из далекого края мигом облетела дворец и привела всех в страшное волнение. Челядь, не дожидаясь указаний хозяев, стала судить-рядить, как лучше принять посланцев высокородных родичей молодой невестки. Во дворце присутствовало много ромеев, осевших

в здешних землях еще со времен Трахейской битвы. Они плохо говорили на абхазском, но почти все понимали и сейчас навострили уши, заметно волнуясь, словно в ожидании весточки с навеки потерянной отчизны...

Во внутренних покоях дворца, в одном из просторных залов, на кресле, инкрустированном слоновой костью, восседала царственная Хирхух в окружении своих приближенных. Все они возбужденно обсуждали принесенную гонцом новость. Хирхух привязалась к своей младшей невестке, и принадлежность той к могущественному роду не было новостью для нее. Но царица не слишком обрадовалась предстоящей встрече и тому, что может повлечь за собой восстановление отношений родни с Джамырхан. Что-то чуждое и нежеланное вторгалось в жизнь дворца.

– Вот к чему приводит непослушание, – сетовала она. – С чужаками пересеклись пути наши по вине легкомыслия Рамзыца. Как нам поладить с ними?

– Не говорите так, светлейшая, – урезонивали ее приближенные. – Солнцеликую вашу невестку мы все полюбили, поладим и с ее родней. Как же иначе, не чужие они нам теперь.

– Так-то и не чужие?

– Не чужие они, светлейшая, раз в Вашем внуке течет и их кровь.

– Что верно, то верно, поздно нам теперь сожалеть.

В это время в апартаменты вошла красавица Джарымхан, и все поднялись ей навстречу. Даже свекровь, смущенная недобрыми мыслями, терзавшими ее из-за грядущих гостей, непроизвольно встала, приветствуя молодицу. Присутствующим показалось, что Джарымхан тревожным грустным взглядом обвела их. Но тотчас стремительно подошла к свекрови и спрятала лицо у нее на груди. С чувством пронзительной любви и вины вдовствующая царица обняла и поцеловала невестку. Тревога, будто гонцы приближают-

ся за тем, чтобы силком вернуть молодицу назад, как силком увез ее из родимой стороны своенравный царевич, поразила Хирхух в самое сердце. На фоне возможной такой потери все предыдущие сомнения показались правительнице незначительными. Неважно, откуда и при каких обстоятельствах положено начало родству и любви. Главное – положено начало, брошено семя в землю. Оно пускает корни, наливаются мощью, и сила его становится необоримой. Неудивительно, что царь Картли Арчил, спасаясь от арабов, нашедший в Абхазии и защиту, и помощь, пожелал потом навеки скрепить зародившееся братство и сосватал свою племянницу за старшего сына Хирхух. И выходка младшего сына, которого она осуждала за легкомыслие, может обернуться большой пользой для всей страны, союзом с могущественным каганатом. Укрепившись такими мыслями, царица стала давать распоряжения, связанные с приемом гостей...

Приготовления хозяев прервало прибытие послов. Десять разгоряченных всадников, ведших в поводу еще десять аргамаков, подняли у ворот много шума. Шустрый жеребенок обегал их кругами. А потом, будто засмутившись на новом месте, пристроился к своей мамке, к которой всю дорогу, как ни странно, не слишком льнул. Главные ворота тотчас были распахнуты во всю ширь, впуская гостей. От дворца заспешили почтенные люди, которым хозяевами была оказана честь первыми приветствовать иноземцев. Гости поочередно спешивались, поводя у них принимали грумы и вели коней к вбитым вдоль оград коновязям. Гости с удивлением наблюдали за этим. Возможно, на их стороне не было в обычае поддержать у гостя стремя, отвести коня к коновязи. Кто знает, может, и самих коновязей не было, попросту отпускали коней на волю или загоняли в какое-либо отгороженное место. В свою очередь грумы рассматривали во все глаза инкрустированные серебром седла чужеземных скакунов, расшитые попоны, кожаные плетки с рукоятка-

ми, щедро отделанные серебром. Да и аргамаки не виданной здесь породы вызывали интерес. Хотя каждый и считал, что коней на своем веку знал множество и мало чем его можно удивить. Снаряжение и экипировка самих гостей – верхняя одежда, мохнатая, как медвежья шкура, на ногах – столь же мохнатые ноговицы, поражали диковинным видом. Когда пришельцы спешили, обнаружилось: все они невелики ростом, но крепкие, кряжистые, с широкими прямыми плечами. Мглистые зрачки сквозь узкую прорезь глаз смотрели на мир непроницаемо.

– По-нашему они понимают? – осведомился у сопровождавшего их дозорного кто-то.

– Покажи им наше радушие, думаю, поймут и без слов, – посоветовал тот.

– Кому же, как не таким дорогим гостям, оказывать почтение!

– А где же их зять? Толмачом мог бы послужить. Уж он-то, наверняка, знает, как с ними говорить, – пошутил высокий усатый мужчина. Верно, из тех, кому дозволялось шутить и по поводу молодых людей царских кровей.

Взаимные приветствия затянулись надолго. Женщины старшего возраста, совершая охранительные обряды, ладонью обводили лица гостей символическим кругом. Обнаружив среди них юношу, обликом сильно напоминавшего Джарымхан, женщины оказали ему особую честь – трижды обошли вокруг молодого гостя, принимая на себя его печали, потери и недомогания. Они не ошиблись, отметив своим вниманием юношу. Это был единокровный брат Джарымхан, самый младший в семье.

От неизвестных им обрядов гости немного смутились, они топтались на месте, переглядывались и не знали, кому и когда вручать дары, присланные их правительницей.

– Добро пожаловать, дорогие гости, прошу вас, следуйте за мной, – пригласил пожилой человек благородной наружности, опиравшийся на самшитовый посох, и неторопливо

повел прибывших по просторному двору, направляясь ко дворцу. За гостями толпой следовали все, кто успел, прослышав о чужеземцах, съехаться ко дворцу. Повсюду снова ли вездесущие мальчишки.

Но ни Джарымхан, ни ее свекровь еще не показывались. Они пребывали в покоях вдовствующей царицы, окруженные женами и сестрами высокородных родичей. Здесь же находилась Гурандухт – старшая невестка, и принцесса Марта. Хирхух все не решалась покинуть свои покои, будто опасалась, что навеки потеряет невестку, как только та перешагнет порог. Беспокойство ее было не таким уж беспочвенным: пока ведь никто определенно не знал, с какой миссией прибыли в страну хазарские послы. Но дальше медлить становилось неприличным, это уже начинало походило на простонародные игрища, когда нарочно долго не выводят нареченную к свадебному кортежу. Взяв крепко за руку невестку, Хирхух велела следовать за ней приближенным и вышла на широкую балюстраду. С гордо поднятой головой и тревожными глазами взволнованная Джарымхан походила на косулю, которую долго держали в загоне и которой, наконец, даровали бескрайние просторы. Видно было по ней, как не терпится ей насладиться дарованным. Но свекровь сжимала ее ладонь крепко. Они чинно стали спускаться по лестнице, сопровождаемые знатью. Когда последние ступени остались позади, Джарымхан не выдержала, выдернула руку и, в стремительном беге пронзив гущу толпы, повисла на шее у брата. В свою очередь молодой хазар, не обращая ни на кого внимания, подхватил на руки сестру, закружил ее, восклицая что-то на своем языке. Сестра вторила ему, и у обоих глаза были полны слез.

– Смотри ты, как разом высмотрела брата среди стольких людей. Вот что значит родная кровь! – сказал какой-то зевака.

– Дай им Бог долгой жизни! – пожелал другой.

Сердобольные женщины из челяди, наблюдая эту сцену, даже всплакнули. А одна старушка запричитала:

– Хазары – не хазары, но люди, как-никак, жалко их.

– Что значит «хазары – не хазары»? Люди они не простые, происхождения высокого, – упрекнул ее кто-то из челяди.

– Наслышана, наслышана, но каждому-то хочется... – разохотилась было на разговор старушка, но осеклась, видимо, разумно предпочтя лишнего не говорить.

Между тем Джарымхан, щебеча на родном языке, представляла брату свекровь, золовку, сноху и других высоко-родных особ. Тот уважительно склонял голову, прижимая правую руку к сердцу.

– Какой у них красивый язык, – сказала одна из женщин челяди.

– Красивый-то он красивый, да мне боязно чего-то, – заметила ее товарка.

– Боязно? Отчего?

– Сколько наречий гуляет по нашей земле. Теперь еще и хазарский говор к нам занесло. Неровен час, вдруг все они подомнут под себя наш язык.

– Как такое возможно, ведь наш – лучше всех?!

– Это для нас он лучше всех!

Между тем в просторной палате на скамьях, отделанных слоновой костью, дожидались гостей царь Леон и его знать. Только младшего брата не было рядом. По обычаю он, как и полагалось зятю, не должен был мозолить родне жены глаза, потому и устроился в соседнем помещении в окружении своих сверстников, друзей. Те весело, как водится в таких случаях, подтрунивали над ним. Он не оставался в долгу, острым словцом парируя их шутки.

Испокон веков царь, как и все мужчины его рода, не выходил навстречу к своим гостям, из какого бы далека они ни прибыли и какому бы знатному роду ни принадлежали. По этикету гостей у ворот встречали люди знатного происхождения, которым царь поручал почетную эту миссию. Одним из них был мужчина благородной наружности с самшитовым посохом. Он и ввел послов в царские хоромы. Все сидевшие в зале, не исключая правителя, поднялись

навстречу пришедшим. Ошеломленные гости замешкались. Они привыкли к своим шатрам, где прямо наземь были брошены ковры или звериные шкуры, люди садились на них, скрестив ноги. А если в шатре появлялись новые лица, никто не поднимался с места. И чтобы столько высокородных мужчин приветствовали вошедших стоя, такого им еще не случалось видеть. Мужчина с посохом еще не завершил обязанности, возложенные на него. Теперь он поочередно подводит к царю хазар, представлял их, особо выделяя младшего брата Джарымхан, как родича. Леон и до того признал в нем по облику человека, близкого по крови невестке. Он обнял юношу и поцеловал его в склоненную голову. В это мгновение до них донесся звук высокого детского голоса. Гости и хозяева переглянулись, многие суровые лица, непривычные к улыбке, вдруг смягчились, глаза потеплели. Услышанное будто напомнило им, что хоть пока они, говорящие на разных языках, еще не понимают друг друга, но начало их общности, единению по крови, не на словах, уже положено.

– Ого, как громко приветствует материнскую родню наш молодец! – заметил один из присутствующих. – По-мужски!

– Почуял родную кровь, а как же иначе? Кровь – не водица, – подхватил другой.

– Дай Бог ему могучего здоровья и того великого будущего, которого мы все ему желаем! – воскликнули многие, находившиеся в зале.

На лицах гостей отразилось желание немедленно увидеть своего юного родича. Но, подчиняясь законам гостеприимства, принятым здесь, они следовали за своим благородным проводником. Он же, когда церемония приветствия и знакомства в царских апартаментах была завершена, повел гостей туда, где дождался невольный их обидчик, не совладавший со своим сердцем и умыкнувший прекрасную Джарымхан. Зять хазар, до того вольно шутивший со своим окружением по поводу своей женитьбы и подвигов, свершенных в степном краю, в присутствии послов почувствовал неко-

торое смущение. Оно усилилось, когда он заприметил младшего брата жены, того самого юношу, который в свое время кинулся вдогонку на вороном скакуне с намерением отнять у чужеземца сестру. Тогда от погони Рамзыц ушел. Теперь уходить было некуда. Они встретились глазами. И сами удивились вдруг одновременно вспыхнувшей в них обоюдной приязни – точно солнечный лучик протянулся меж ними.

Наконец настало время познакомиться с самым «главным» обитателем дворца, с тем, ради кого были отправлены в долгий путь послы. Под предводительством все того же благородного мужа с посохом они перешли в покои, где находилась детская. Владелец самшитового посоха, первым вступив в покои, вознес молитву во здравие юного царевича и даже снял с головы башлык, как перед святыней. Малыш не спал. Руки ему освободили от колыбельных пут, и он ими радостно размахивал. Несмотря на нежный возраст, он на удивление уверенно держал голову и даже норовил приподняться в люльке. Волосы у него были материнские – густые, черные, а смуглой кожей, формой носа, разлетом бровей, разрезом глаз он больше удался в отцовский род. Джарымхан со счастливо бьющимся сердцем и со словами, что негоже встречать столь дорогих гостей лежа, вынула ребенка из люльки и взяла его на руки. Маленький крепыш, предовольный обретенной свободой, стал вертеться в материнских руках, разглядывая, как могло показаться со стороны, вполне осмысленно новые лица. Послы подходили к Джарымхан, что-то говорили ей по-своему, ловили пухлую ручонку малыша, целовали и отходили в сторону. Когда подошел брат Джарымхан, малыш, что-то лепеча, потянулся к нему обеими ручонками, и тот, его бережно приняв, прижал к груди. «Признал, признал родную кровь», – приглушенно загомонили вокруг. А малыш, прильнув к груди дяди, вдруг затих, будто прислушивался к сердцебиению родича и по ударам пульса пытался определить, как сложатся отношения двух столь далеких народов, кровь которых текла в нем...

Через некоторое время дядя, несмотря на то что малыш не хотел сходить с рук, отдал его матери и отступил в сторону. Несколько человек из молодых хазар стали вносить в детскую дары, часть которых была закутана в звериные шкуры. Пока расставлялись приношения, глава послов говорил не на хазарском, а на ромейском, понятном и хозяевам, языке. Он сообщил о воле высокородной матери кагана Барсбит-ханым, чтобы дитя вырастили в люльке, в котором качали будущих каганов. Еще она желает, чтобы правнука нарекли древним хазарским именем. Упомянуты были и чистокровные скакуны, которые были присланы в дар тем, кто будет заниматься воспитанием царевича. А жеребенок предназначался самому дитя, чтобы его скакун рос вместе с ним...

Джарымхан не понимала ромейского языка, но внимательно прислушивалась к речам говорившего, стараясь по интонации угадать, прощают ли суровые родичи беглянку-дочь. Могло ли так случиться, что они больше не держат на нее зла из-за того, что по доброй воле покинула свой кров с юношей из дальней стороны, а не силком была увезена, как это говорилось в защиту ее чести? Хотя в глубине души у прекрасной хазарки всегда теплилась слабая надежда на прощение со стороны родных, иначе она не справилась бы со своей тоской, но то, что это произойдет так скоро, она и предположить не могла...

Покинув детскую, послы, ведомые все тем же почтенным мужем с посохом, вернулись в апартаменты царя, и вновь все поднялись им навстречу. Затем гостей усадили на почетные места. Непривычные сидеть на возвышении, хазары, похоже, не слишком доверяли сиденьям и переглядывались с беспокойством, слишком прямо держа спины, как наездники-новички. Но тут подоспел толмач – знаток хазарского языка. Появившаяся и у хозяев, и у гостей возможность понять друг друга разрядила обстановку. Все почувствовали себя свободнее. Потек разговор...

В это время снаружи шли приготовления к большому пиру. За дворцом в дальнем углу закалывали скот, под громадными котлами полыхали костры. Несколько свободных юношей занялись хазарскими конями. Верховых жеребцов послов они поставили в конюшню и щедро насыпали им в ясли корма. Скакунов, привезенных в дар, отвели в дальний укромный загон. Только кобылицу и жеребенка, предназначенного царскому племяннику, выпустили на огромный, как скаковое поле, царский двор. Почуяв простор, жеребенок звонко заржал. Пронзительное «иго-го» вклинилось в мирный разговор в царской палате.

Одновременно и гостям, и хозяевам это звонкое ржание, как и прежде, привлечший их внимание крик младенца, казался исполненным особого значения, будто Высший вершитель судеб посылал некий знак...

Жеребенок без усталости носился по двору. Кобылица, неподвижно стоявшая в сторонке, высоко подняв породистую голову, следила за резвоногим сосунком и будто призывала утомониться и, последовав материнскому примеру, вести себя с большим достоинством. Жеребенок и впрямь замедлил свой бег, но остановился не возле кобылицы, а напротив широкого входа в царский дворец, и вновь прозвучало призывное ржание. Как бы ответно, дитя, сидевшее на руках Джарымхан, вдруг стало, растопырив маленькие ладошки, вырваться из материнских объятий, норовя соскользнуть вниз, будто в силах его было, высвободясь, самостоятельно выбежать вон. Все присутствовавшие, включая и вдовствующую царицу, с изумлением смотрели на доселе невиданное поведение малыша. Наконец решили, что царевича надо вынести навстречу будущему боевому коню. Младенца закутали в меха – он впервые покидал царские палаты – и понесли наружу, преисполненные ощущения, что кладут почин большому пути. Процессия с малышом вышла другим ходом, оставив в стороне зал для приема высоких гостей. Стоило только вынести ребенка, как жеребенок вновь огласил округу ржанием,

а младенец не просто загулил, но, казалось, извлек из гортани осмысленные звуки, только на языке, не знакомом взрослому. Так ведь и обращался он не к ним. Дитя изо всех сил тянулось ручонками к дару хазарских родичей. Царь со своими приближенными и гостями вышел на высокое крыльцо в тот момент, когда племянника поднесли к жеребенку. Маленький скакун не кинулся наутек, как должно было быть, а позволил подойти к себе Джарымхан с младенцем. Он не шелохнулся даже тогда, когда малыш вцепился пятерней в его еще совсем коротенькую гриву и потянул к себе, только повернул голову и глянул на малыша. Глаза их встретились, они зачарованно смотрели друг на друга.

– Это чудо, настоящее чудо! – раздался голоса.

– Сроду не доводилось подобное видеть, – качали головами седобородые старцы. – Это знамение, истинное знамение.

– Надо немедля благословить царского отпрыска! – было сказано кем-то.

Тотчас самого быстроногого из челяди отправили туда, где в огромных котлах варилось мясо для гостей. Оно еще не было готово, но хлопотавшие возле котлов сказали, что для вознесения молитвы это и к лучшему, достали из одного котла бычье сердце и печень, насадили на свежевystруганный ореховый колышек и вручили гонцу. Тот бегом кинулся назад.

Представительный человек с самшитовым посохом был еще и жрецом. Он-то и спустился вниз к Джарымхан и младенцу, неслышно встал между младенцем и жеребенком и тихо попросил молодую высокородную невестку царя вернуться вместе с дитем лицом к востоку для вознесения молитвы. Джарымхан, которая едва начала постигать язык народа мужа, вдруг отчетливо поняла, с какой просьбой к ней обращается высокочтимый жрец. Она сама удивилась внезапному озарению. Ей показалось, что сейчас, с какой бы сложной речью на языке новой родни ни обратились бы к ней, она все поняла бы до мельчайших подробностей, включая иносказания. Она переместилась в сторону от каменных

ступеней, обратив свое лицо к востоку. И жеребенок, как привязанный, последовал за ней и младенцем и остановился на прежнем расстоянии от них. Кобылица, изваянием стоявшая близ ворот, неожиданно рысью двинулась к жеребенку, будто напоминая, что грех не включить и ее в охранительные молитвы. Подойдя к жеребенку, она замотала огненной гривой, заскребла землю правым передним копытом, словно вознамерилась оставить на земле отчетливые знаки готовящегося знаменательного события. Не только хозяева, но и гости, пригнавшие в дар коней, изумленно взирали на то, что происходило во дворе, и каждый предвкушал, как он по возвращении расскажет дома о чудесах, свидетелем которых стал.

Не только гости и хозяева пришли в изумление. Но и безмолвные горы, поднимавшиеся над Псырдзхой, казалось, дивясь, заглядывали в древний двор, и так легко было предположить, что и буйные потоки рек, слетающих с круч, на миг прекратили движение.

Если бы можно было бы запечатлеть на фотографию, появившуюся, увы, лишь века спустя, происходившее тогда на просторном дворе замка абхазского царя, с каким восторгом сейчас мы разглядывали бы ее. Вглядывались бы в одухотворенные лица обратившихся с молитвой к Небесам, изучали бы черты столь далеких друг от друга представителей разных народов, породненных плодом всепобеждающей любви, с сияющими глазами сидевшего на руках у матери.

Ребенок еще не был крещен. В ту пору отпрысков своих высокородные абхазы крестили не сразу, и обычно процедура происходила высоко в горах, в часовенке, которая находилась в цитадели. Перед часовней прямо под высоким открытым небом помещалась естественная купель – водоем, имевший форму креста, а святая вода своей голубизной спорила с чистыми красками небес.

Царю не полагалось присутствовать в момент крещения. Более того, он еще ни разу не был на детской половине

дворца и воочию не видел своего племянника. Он был безмерно рад рождению продолжателя древнего рода, но полагал не царским делом тетешкать младенца и чересчур много внимания уделять дитяти.

Теперь же, наблюдая с высоты, как чудо-младенец, ведомый рукой Провидения, привлекает к себе взоры и своим необычным поведением как бы вызывает к Божественному благословению, царь задумался...

С высокого крыльца раздался его голос:

– Народ мой чтимый, родичи и сотоварищи, гости благородные! Давно мы не знали столь высокой радости, как сегодня. Да не померкнет свет ваших очей, да будут взорам вашим всегда доступны чудеса, равные сегодняшнему. На все – воля всемилостивого Творца. Пусть нынче вознесет молитву Шааб, а затем ангела-младенца надлежит окрестить в нашей родовой часовне.

Шаабом звали жреца – того самого мужчину с благородной наружностью и посохом из самшита, с которым мы уже знакомы. Высоко подняв нанизанные на ореховый прут бычье сердце и печень, исходящие паром, стоял он лицом к востоку. Красавица Джарымхан с длинными толстыми косами до щиколоток, с сияющим ясным лицом, прижимавшая к себе младенца, своей статью, чистотой, ясным ликом походила на саму Богоматерь. Да и вдовствующая царица сейчас казалась много моложе своих лет. На всех присутствующих как бы снизошел свет, делавший их лица краше и светлее. В это время солнце вышло из-за облаков и, как милость Божью, направило на них свет и тепло своих лучей.

– Творец наш всемогущий, находящийся за Небесными Вратами, да не лишится нам Твоей милости! – начал жрец, с силой воткнув посох в землю и накинув на него башлык, снятый с головы. – За явленную Тобою милость прими нашу беспредельную благодарность. Невинный младенец, сегодня впервые вынесенный на свет, да удостоится твоего светлого покровительства, да будет уготована ему и роду его славная

стезя... Тебе, кому ведомо все, мы не посмеем солгать... Не в обычае нашего народа сливаться с чужой кровью. Нам не в радость смешивать свои нравы, словно воду с вином, с обычаями чужаков. Слишком дорогой ценой мы расплачивались из-за своей открытости, не единожды сталкивались с предательством со стороны иных племен. Мы хотели бы жить своим миром. И когда наш высокорожденный юноша связал нас родством со столь далеким от нас народом, чья родословная, возможно, и безупречна, да нам чужда, никто не ощутил в сердце своем радости. Но сегодня на этот просторный двор вынесен младенец столь необычный, по всем признакам осиянный Твоей милостью, что мы не можем не возликовать. Сей младенец, в ком слились две древних крови, явивший нам сегодня необычный нрав, мы верим – станет залогом, если на то будет воля Твоя, будущих счастливых перемен для всей земли нашей. Расти, наш маленький ангел, да будет светлым пригляд Небес за тобой. Да оправдаются надежды твоего отцовского, ничем, ни перед Творцом, ни перед людьми себя не запятнавшего рода, надежды, что связывают они с тобой. Да ниспошлет тебе Господь великую судьбу!

– Аминь! – подхватили слушающие.

– Аминь!

– Аминь!

Эхо от многоголосного «аминь» взлетело к горам, повторилось в шуме прибоя и, облетев землю, вернулось к царскому двору.

С правой стороны от дворца в яблоневом саду – мощные яблони зимних сортов только-только начинали расцветать – под густыми кронами деревьев составили широкие столы, сколоченные из дубовых досок, возле них – длинные дубовые сидения, так же внушающие доверие своей прочностью. И столы, и скамьи были исполнены без всяких украшательств. Дощатые поверхности столешниц потемнели от времени и временем же были отполированы до блеска...

Шесть стройных девушек с тонкогорлыми кувшинами византийской работы и перекинутыми через плечо домоткаными широкими полотенцами встали в ряд. Это были девушки, назначенные подать воды перед трапезой, чтобы и гости, и хозяева могли омыть руки. Первым помыл руки, как и должно было быть, царь и хозяин. А следом за ним – остальные, соблюдая очередность, исходя из степени оказываемой им чести. Затем все последовали к расставленным столам. Во главе пиршественного стола занял место царь. По одну сторону от него усадили юношу-хазара, учитывая близкое кровное родство его с царской невесткой, и таким образом выделяя как самого почетного гостя, несмотря на небольшие лета. По другую сторону от царя занял место почтенный жрец Шааб. Остальных также расположили, соблюдая строгую иерархию возраста и заслуг. Молодым людям, независимо от того, сколь высоко было их происхождение, полагалось сидеть в дальнем конце пиршественного стола и больше молча вбирать в себя мудрые речи седовласых златоустов, чем говорить самим. Женщин, независимо от возраста и происхождения, к такого рода застолью приглашать было не принято.

Несмотря на обилие тарелок из самшита, разносчики густой каши из проса – мамалыги – специальными лопатками раскладывали ее прямо на столешницы. А те, кто раздавал мясо, доставая из плетеных выбеленных четырехугольных корзин горячие куски, делали это не наобум – те куски, что считались лучшими, оказывались перед самыми почетными гостями. Как говорилось издревле, «по лбу и доля мяса в пиру», то есть по степени достоинства.

Виночерпии со своими пузатыми, как и врытые в землю громадные емкости, в которых хранилось вино, глиняными кувшинами тотчас заняли свои места. Во дворце было множество тонких стеклянных стаканов, привезенных из Константинополя, но, тем не менее, вино разлили в ритоны.

С места поднялся царь, и сразу все сидевшие за столом последовали его примеру. Первым тостом он коротко призвал Божье благословение и выпил до дна.

– Мы от души предлагаем вам хлеб-соль, просим приступить к трапезе, – обратился к гостям жрец Шааб.

– Хозяева советуют вам не слишком торопиться, – перевел толмач, не совсем вникнувший в понятие «хлеб-соль», при изобилии мяса.

Трое суток во дворце длилось празднество. Незабываемым зрелищем стали конные состязания, устроенные перед дворцом. Хозяева дивились хазарской посадке на коне, те в свою очередь с изумлением наблюдали за местными наездниками. Одно было бесспорно: и хозяева, и гости показали, что они весьма искусны в джигитовке. Послам хотелось показать возможности доставленных в качестве дара аргамаков и много раз, доставляя всем удовольствие, проносились они по двору на них, подчеркивая стать и выездку скакунов. Конные забавы сменялись песнями и плясками дворцовой челяди. Здесь они совершенно поразили чужеземцев. Давая пищу для рассказов на долгое время, откуда-то привели даже ручного медведя, который под игру скрипача топтался на месте – «плясал», кувыркался, подзадориваемый юнцами, кланялся. А скрипач Мандра неустанно наяривал на скрипке плясовую. Мелодии скрипки сменялись звуками «аюмаа», «ахымаа» – струнными инструментами...

На четвертый день пиршества было обновлено угощение, пылали костры, дымилось мясо в огромных котлах. Гости собирались в обратный путь. Каждому из них ко всем прочим дарам преподнесли по белоснежной бурке да по башлыку в золотых позументах, опоясали наборными ремнями, к которым прикрепили сабли в ножнах, богато отделанных серебром. Гости, облаченные в необычные для них одеяния, чувствовали себя немного странно. Сопрово-

ждавшие их сюда дозорные теперь в том же порядке – один впереди, другой – в арьергарде, повели кавалькаду к границе своих земель. Все встречные долго провожали взглядом гостей, столь отличных обликом от местных, хоть и одеты они были теперь как знатные здешние люди.

* * *

После того, как отбыли чужеземцы, да и часть гостей, живших неподалеку, разъехалась, дворец, последние дни словно плывший в говоре, песнях, в круговерти суеты, вроде бы опустел, все уединились в своих покоях. Джарымхан собралась уложить для послеобеденного сна своего маленького богатыря и замешкалась, не зная, какой из колыбелей отдать предпочтение. Люлька, присланная их Хазарского каганата ее властной бабкой Барсбит-ханым, никак не походила на местную люльку из самшита. Присланная люлька была из тех, которые надо подвешивать, а сын привык к люльке с дугообразными основаниями, которую ставят на пол. И так славно сопровождает колыбельные напевы мерное однообразие звуков раскачиваемой колыбели. Ложе для маленького ее чуда удобно еще тем, что его можно переставлять с места на место, выносить на высокое крыльцо, ближе к небу, к свету. Да только гонцы ясно передали волю гордой Барсбит-ханым, она желала, чтобы ее правнука укладывали в реликвию хазар. Но малыш уже привык к своему месту, перемена ему может не понравиться. А что скажет вдовствующая царица? Она еще не решилась сделать выбор, когда в покои вошла ее золовка Марта. Джарымхан поделилась с ней своими сомнениями, и та тотчас отправилась к своей матери за советом.

Что греха таить, не хотелось царице, чтобы ее внука укладывали в чужеземной люльке; да простит ее Всевышний, но даже некое чувство, сродни брезгливости, посетило ее. Но, щадя чувства своей невестки, она повелела передать той, чтобы уложила ребенка в более удобную и для него, и для матери зыбку, а уж какого она происхождения, неважно.

Джарымхан решила, что будет попеременно укладывать ребенка то в одну, то в другую, чтобы ни у кого из сторон не возникало и тени обиды. Вместе с Мартой они подготовили для сна хазарский дар. Люлька, безусловна, была хороша – легкая, из бамбуковых палочек, разукрашенных золотом и серебром, сверкающая. Дно устлано тоненьким гладким мехом, кожаный матрасик расшит по бокам, пушистое одеяльце. Верно, не одно поколение знатных хазар ее рода было вынянчено в этой люльке, но юной Джарымхан до сегодняшнего дня не приходилось убирать подобную люльку. Однако она справилась, устроив все как надо. Засыпающего младенца осторожно раздели и опустили в люльку, в которой не предполагались боковые дощечки вдоль ручек, к которым плотно прикреплялись пеленки в той, другой люльке. Ребенок, уложенный на свободное мягкое ложе, насторожился, сон слетел с него мигом, некоторое время он озирался по сторонам, потом пухлые его губы скривились, и он зашелся в плаче. Видя, что ребенок никак не желает смириться с новым положением вещей, Джарымхан взяла дитя на руки, дивясь его поведению. Раньше в той люльке – зыбке его отцов – он поднимал бучу, не соглашаясь с тем, что его туто пеленают с помощью специальных палочек. А теперь, получив полную свободу, не захотел засыпать в новом положении. Предпочитает ложе отцовской родни, подумала мать не без ревности, но младенца надо было укладывать, и он, добравшись до своей самшитовой люльки, улегшись на свой матрасик, набитый самшитовыми листьями, положил головку на маленькую подушечку, тоже набитую самшитовыми листочками, и сразу же уснул.

Узнав про предпочтение, оказанное внуком люльке отцовского рода, Царственная Хирхух, хоть и виду не показала, чтобы не огорчить невестку, несказанно обрадовалась: видно, суждено ему стать человеком крепкой воли, который не отступит от отеческих святынь и никогда не станет плясать под чужую дудку.

Точно подтверждая чаяния и предчувствия своей высокородной бабки, младенец, спустя совсем немного времени, поразил дворец еще одним. На время его спящего оставили одного, и вдруг из апартамента раздался стук раскачиваемой люльки. Ошеломленные Джырымхан и Марта, зная, что в детской нет никого, вбежали в покои. Они обнаружили, что ребенок сам раскачивает колыбель, напрягаясь все телом. Причем он, судя по сияющим глазам, был очень доволен своим достижением и встретил мать и тетку залившимся смехом.

Так чудеса и знамения с рождением младенца вошли во дворец.

II

От Итиля до Саркела добирались на повозках, у Бузан-реки пересели в гребные ладьи и через устье выплыли в Азовское море. В порту Таматарха их поджидал снаряженный для долгого пути парусник. Приняв людей, парусник взял курс к Понту Эвксинскому и вошел в него, пройдя через узкий пролив Боспор Киммерийский. Отпрыск могущественных хазар Барджил-хан держал путь в Константинополь. Несмотря на то что волны валили парусник с борта на борт, Барджил-хан не покинул палубы. Облокотившись о поручни, стоял он спиной к мачте и смотрел в ту сторону, где, по его представлениям, должна была находиться земля обезов, ставшая судьбой любимой сестры Джарымхан. Больше, чем о другой сестре Чичак, к которой держал он путь, душа болела о той, дерзкой, бежавшей с чужеземцем. Благо, чужеземец оказался царского рода. Тем не менее, как великий позор Барджил воспринимал то, что ни младший брат, кинувшись очертя голову в погоню, не сумел отбить сестру, ни он, старший, не предпринял ничего существенного для возвращения беглянки домой, боясь прогневить свою властную бабушку-правительницу, чье поведение в

последнее время стало непредсказуемым. К тому же избранник сестры принадлежал к народу немалому, воинственному, сильному, не племени какому-то, которое похода можно растоптать. Была еще одна существенная преграда, удерживавшая Барджил-хана от решительных действий. Великий император Византии покровительствовал обезам, рассматривал их земли как часть своей державы. Любое враждебное действие против обезов, несомненно, повлекло бы за собой гнев кесаря. А Барджил-хан не был намерен ссориться с повелителем Византии, чьей невесткой была его единокровная сестра. Тревожили и постоянные угрозы со стороны царя булгар, за чьего сына сватали Джарымхан. Сколько трудностей создала своим опрометчивым поступком сестрица! Теперь он держал путь в Константинополь, чтобы поделиться новостью, если она до сих пор не достигла Византии, спросить совета у императора и действовать соответственно тому, что услышит. Свекор сестры не раз передавал ему приглашения навестить страну, с которой породнился, но он не торопился с поездкой. Слишком много противоречивых чувств обуревало наследника каганов, чтобы принять родственное предложение.

Ветер стих, паруса спали, и судно сбавило ход. Погруженный в размышления Барджил-хан и не подозревал, что корабль, на котором он плыл, был создан искусными мастерами из той самой Абхазии, которая вызывала у него столько досады. Правда, парусник попал к нему через касогов – так хазары именовали адыгов, живших по берегам Кубани. Был куплен у касогов, но сработан руками обезов. Кто разбирался в тонкостях кораблестроения, сразу понял бы это, хотя бы бросив взгляд на парусное сооружение. На этом судне, помимо большого паруса, крепился еще и малый, треугольный, натянутый поперек мачты – так было в обычае у абхазов-мореходов.

Два арапа, сверкая белками глаз и зубами, натягивали шкоты, пытаясь «поймать» ветер, но тщетно. Судно лег-

ло в дрейф. Такой полный штиль, установившийся на море, не обрадовал ни путешественников, ни команду. Более того, бывалые мореплаватели забеспокоились: такое полное безветрие могло стать предвестником шторма. Вблизи от парусника разыгралась стая дельфинов, и их черные спины то там, то здесь стремительно вспарывали морскую гладь. Вдали показывались и исчезали какие-то неведомые корабли, и было непонятно, что приводит их в движение, раз на море полный штиль. «Не многовёсельные ли это струги пиратов, привычных и к гребле, и к смертоубийству?» – тревожились пассажиры парусника. Предусмотрительный Барджил-хан взял с собой воинов-охранников. Кроме них, он мог вполне рассчитывать еще на семерых своих спутников. Из приближенных особенно хорош был в сече военачальник, не раз покрывавший себя славой на ратном поле Хамид Оулыз – двоюродный брат Барджил-хана. Этот могучего сложения человек с длинными по плечи волосами любил наряжаться в разноцветные шкуры, точно женщина. Если бы не широкий мужской ремень, перехватывавший его пестрое одеяние, со спины отважного военачальника можно было бы принять за сильно раздавшуюся в плечах тяжеловесную матрону. Сын кагана тоже был облачен в шкуры, но один его головной убор, отделанный золотом-серебром, стоил целого состояния. Барджил-хан не отличался высоким ростом и, в отличие от двоюродного брата, был худощав. Волосы он носил не слишком длинные и бородку короткую, аккуратно подстриженную. В округлом овале лица, в манере смотреть пытливо, в гибкости движений проскальзывало что-то, роднившее его с младшей сестричкой, которая всю дорогу не шла у него из головы.

– Долго мы будем дожидаться попутного ветра? – нетерпеливо спросил Барджил-хан у подошедшего родича. – Почему гребцы не сядут за весла?

– Сейчас велю!

Истомленные негры – «ловцы» ветра – обрадовались, прослышав о новом распоряжении. И тут же, свернув каналы в бухты, уселись на них и, утирая обильно катившийся пот с лица, оживленно заговорили друг с другом. Говорили арапы на хазарском наречии. Язык их предков, когда-то угнанных в степи, был ими утерян, как утерян и абхазскими неграми, которых, согласно преданию, героические Нарты в давнюю пору привезли из очередного дальнего похода.

Пока обнаженные по пояс гребцы – по двенадцать человек у бортов – налаживали весла, ветер потихоньку стал подниматься, но, увы, не попутный, а встречный. Он лишь усложнял гребцам жизнь, будто намереваясь развернуть судно и направить его к берегам Абхазии...

Барджил-хану не было известно о событиях, случившихся вскоре после его отъезда из Итиля. Он не знал, что весть о рождении сына Джарымхан достигла каганата, и не знал, как к тому отнеслась своенравная Барсбит-ханым. Не ведал ни о послах в страну новых родичей, ни о дарах, ни о том, что с послами Барсбит-ханым отправила и самого младшего его брата. Да и кто бы ему рассказал о диковинках, увиденных в чужом краю послами, о том, что их принимали с гостеприимством, достойным богов. И дары, преподнесенные хозяевами, были по-царски щедры.

Знай Барджил-хан о последних событиях, так, возможно, и не стал бы противиться напору ветра, хоть бы тот и прибил их к берегам Абхазии. Но он пребывал в неведении...

Меж тем напор ветра усиливался. Неграм уже не под силу было самим взять все рифы на парусах, и им были приданы в помощь еще несколько человек. Могучая мачта скрипит. Судно переваливается с борта на борт, острый нос парусника, украшенный головой тура, весь в пене морской, а седые «гривы» бесчисленных высоких волн все несутся и несутся навстречу. Капитан умело лавировал против ветра, стремясь, пока это было возможно, облегчить труд гребцов.

Барджил и его спутники, спустившись вниз в каюты, поначалу с невозмутимыми выражениями лиц вели стонные разговоры, стараясь не касаться происходившего снаружи, но по мере того как крепчал шторм, все труднее становилось скрывать беспокойство. Окажись сейчас рядом берег, кому бы он ни принадлежал, наверняка было бы отдано распоряжение к нему причалить. Но вокруг лишь волны громоздились друг на друга. Шквальным порывом ветра оборвало один из шкотов, половина паруса заполоскалась, а ураган, надув другую половину всей своей мощью, завертел судно на месте, как щепку в водовороте. Общими усилиями удалось спустить покалеченный парус, справились и с ветрилом поменьше. Теперь судно с убранными парусами напоминало гигантскую стрекозу, сложившую крылья. Высокие волны налетали на него, обрушивая на палубу потоки воды. А сидящие на веслах не прекращали грести в отчаянной надежде противостоять стихии и даже продвинуться немного вперед, если даже уходил час времени на то, на что при благоприятных условиях хватило бы нескольких минут.

Семь суток они держались избранного пути и наконец-то через узкий Босфорский пролив вошли в воды, охраняемые подданными Великой Византийской империи, чью бдительность путешественники смогли оценить незамедлительно. С дозорного судна сигнальщик передал сообщение сбавить ход и лечь в дрейф. Ромеи спустили на воду шлюпку, в которой расположились стражи, направленные для осмотра прибывшего судна. Хазары с некоторым недоумением и даже оскорбленно встретили это неожиданное препятствие. Вот он, желанный Константинополь лежит на виду, а здесь их кто-то задерживает, будто безродных. Между тем стражник по веревочной лестнице довольно ловко поднялся на палубу, представился и велел изложить, кто они, откуда, с какой целью прибыли, чтобы сказанное ими могли рассмотреть те, кто печется о безопасности рубежей Ви-

зантийской империи. Толмач-эллиин перевел Барджил-хану услышанное. Тому пришлось не по душе речь, похожая на дознание. Но он взял себя в руки. Во-первых, понимал, что ему, возможно, и выслали бы навстречу почетный эскорт, но, естественно, только если бы заранее знали о его прибытии. Во-вторых, он не желал допустить, чтобы мелкая сошка из береговой охраны замутила радость, которую он ощущал от мысли о скорой встрече с сестрой. В-третьих, считал – не надо пренебрегать законами страны, куда прибыл гостем. А люди, спрашивающие его, делают то, что предписывает им долг. Потому ответы Барджил-хана были терпеливы и исчерпывающи. Дозорный поблагодарил и, заверив, что обо всем доложит верховным властям, молодежато отсалютовал и удалился. Когда лодка отошла от кормы, хазары, молча, с непроницаемыми лицами стоявшие поодаль на палубе, переглянулись. Первым подал пример племянник Барджил-хана – громко рассмеялся. Глядя на него, рассмеялись и другие, но, боясь прогневить сына кагана, быстро смолкли. Да и особо потешаться не над чем было. Осторожность, проявленная хозяевами, была понятна – не держать же «ворота империи» нараспашку. В конце концов, и к ним, к хазарам, так просто не вторгнешься.

Парусник встал на рейде недалеко от берега. Но на таком расстоянии, что прибрежные дома четко различить было не так уж просто, как и спускающиеся к морю широкие дороги, по которым сновали повозки. Звуки жизни с берега сюда не доносились, разве что гортанная переключка рыбаков, чьи лодки были разбросаны по акватории, да пронзительные крики чаек, носившихся над парусником. Еще тишину нарушал только лишь плеск воды у кормы.

После прибытия шлюпка вернулась к дозорному византийскому кораблю, там все пришло в движение, и матрос с верхней палубы с помощью флажков передал сообщение, что путь открыт и они могут войти в гавань. С хазарского парусника ответили, что сообщение принято

и понято. Было решено паруса не поднимать, а на веслах подойти к берегу. Гребцы дружно напрягли закаленные мышцы, и корабль стрелой устремился к берегу. Барджилхан в предвкушении встречи с сестрой мысленно представлял ее, как она кинется ему на шею, как познакомит его с племянником, гордясь своим первенцем, как она будет счастлива, и вместе с ней он. Наряду с радостью от предстоящей встречи, он испытывал щемящее чувство обездоленности. Увела сестер судьба от него за тридевять земель, об одной, любимице, скрывшейся за горами Кавказа, он почти ничего не знает. Другую, Чичак, увидит сейчас, но какой долгий путь пришлось преодолеть для этого! Сколько рек, степей, дорог, морей пролегло меж ними!

Барджил, пытаясь избавиться от наплывшей на него туманом грусти, все вглядывался в приближающийся берег, словно надеялся найти в нем опору. Почувяв его душевную смуту, подошел и стал рядом Хамид. Не зря ведь он сопровождал своего брата, был готов разделить с ним любую ношу, будь это и ноша печали.

– Прибыли, наконец, благодарение Тенгри-хану.

– Да, прибыли...

– Да ты никак не рад?

– Рад, рад, – вздохнул Барджилхан.

Хамид пристально взглянул на него и сказал:

– Ты должен держаться, как и подобает хазарскому кагану. Без тени печали и сомнения в чем бы то ни было.

Хамид был единственный, кому позволялось делать подобные замечания гордому Барджилхану, как-никак родная кровь, да и делом двоюродный брат не раз доказал и свою преданность, и свою надежность в тяжкие дни испытаний. Вот и сейчас от его поддержки, от того, что почувствовал он душевное состояние Барджила, тому стало легче, и он повеселевшими глазами глянул на Хамида.

– Так, пожалуй, лучше, – сказал тот, улыбаясь в пышные усы. – Не будем тоску нагонять на Чичак.

– Сестра сестрой, но зять вдруг и знать нас не захочет. Попытка не пустить нас на порог уже была предпринята.

– Вот причина твоей досады! Но ведь зятя ты не уведо- мил, что направляешься к нему.

– Не уведомил, но...

– Досадуешь, почему в счастливом сне не приснилась ему эта весть?

– Сон – не сон, а предположить, что такое возможно, могли бы.

– Ну, такое уже скорее сродни чуду.

– Без чудесного начала и нас бы не было здесь. Мог я ког- да-либо предположить, что ради встречи с сестрой придет- ся ехать за девять гор, плыть за семь морей?

– Не вижу в том ничего дурного...

– Я не говорю, что дурно.

– Ну и славно.

В это время распахнулись огромные железные шлюзы, и корабль вошел вовнутрь. Порт был огромен. У несколь- ких причалов уже стояли «морские кони» под различными флагами. Скользя по глади на удивление синей воды, вновь появившееся судно, подчиняясь точным указаниям капи- тана, приближалось к предназначенному для него причалу, на котором стояли несколько мужчин. Они отчаянно же- стикуют, точно собирались сходу подхватить на руки приближавшийся парусник. В их обязанности, очевидно, входило принимать гостей.

Корабль причалил, бросили якорь, швартовочные кон- цы были приняты и закреплены. Барджил-хан и его спутни- ки спустились вниз с верхней палубы и здесь с видом людей, которые никуда не торопятся, остановились в ожидании дальнейших событий. С берега на борт перебросили мостки, и Барджил-хан первым ступил на чужую землю.

Гости были приглашены на постоялый двор, находив- шийся здесь же, в порту. «Отдыхайте, – сказал один из тех мужчин, что встретил их на причале. – Император велел

дождаться здесь его прибытия». Хазар ввели в просторное помещение, где они уселись без лишних слов. Тотчас появилась молодая, плотного телосложения негритянка с приветливо сияющими глазами. Она сноровисто переменяла скатерти на низких столиках с инкрустацией из слоновой кости. На каждый водрузила по кальяну, а затем внесла на подносе в крошечных, чем-то напоминавших дубовые желуди, чашечках ароматный кофе. Подобный обычай развлекать гостей византийцы переняли у ближневосточных стран. Барджил-хан, когда-то ведший, в надежде заключить долгий мир, переговоры с арабами, был знаком с подобным проявлением радушия. И кофе пробовать доводилось в том же походе: заметив некоторую растерянность спутников, он первым взял чашку и сделал глоток...

– Выпейте, взбодрит, – сказал при этом.

Пригубив кофе, хазары поначалу не знали, как его оценить, но, вскоре почувствовав его благотворное действие, отнеслись к незнакомому напитку с одобрением. Особенно пришлось угощение по душе Хамиду.

– Лучше не придумаешь, – определил он, с удовольствием опорожнив чашку.

– Лучшее уже придумано – вино! – пошутил кто-то.

– А здесь они умеют готовить вино? – полюбопытствовал кто-то из свиты.

– Не хуже того, что мы разливаем в Херсонесе, – веско сказал Барджил-хан, хотя никогда не пробовал вин из Византии.

Прошло некоторое время, снаружи раздались чьи-то голоса. В помещение вошли несколько человек и почтительно поздоровались. Они передали извинения от лица императора, который не мог лично прибыть, так как принимал царя Эфиопии. Барджил-хан был задет этим объяснением. Он полагал, что как хазарский каган заслуживает большего уважения. Прибывшие были советник императора и его помощник – люди достаточно высокопоставленные, но все же не для встречи хазарского кагана, к тому же родича само-

го Великого Кесаря. Однако именно то обстоятельство, что хазары состояли теперь в родстве с Византийским двором, заставило Барджила забыть о гордости повелителей Итиля и принять приглашение сановников. Он быстрым взором оглядел своих соратников и стремительно первым покинул помещение, заставив насторожиться своего племянника, который и без того был начеку. Хотя, разумеется, тот без промедления двинулся за своим высокородным родичем. Остальные члены свиты тоже не отставали.

Возле постоянного двора их дожидалось несколько экипажей невиданной красоты, запряженные тройкой. Гости по достоинству оценили стать коней белоснежной масти, чья упряжь была обильно отделана серебром. Экипажи представляли собой крытые длинные повозки на довольно высоких колесах и были столь же щедро украшены, как и конские сбруи. Сопровождавшие экипажи грумы в коротких красных кожаных штанах и такого же цвета кожаных ноговицах почтительно подходили к гостям и, поддерживая под руки, подсаживали в экипажи. В головной экипаж усадили Барджил-хана и наиболее близких ему спутников, других разместили в пристроившихся следом повозках, и все двинулись в путь по широкой брусчатой дороге. Пассажиры имели возможность наблюдать за тем, что происходило снаружи. Но и пеший люд, мимо которого они проезжали, во все глаза смотрел на них. Императорские колесницы сразу же были узнаны – вот зеваки и гадали, какие высокородные гости пожаловали ко двору. Некоторые широко улыбались проезжающим, махали им рукой и громко переговаривались с другими пешеходами. Гости обратили внимание, что местные любят шумно перекрикиваться друг с другом, обнаруживая при этом изрядное жизнелюбие. Непривычная одежда привлекала внимание, дивились и тому, что многие девушки шли босиком. Все попадавшиеся по пути были загорелыми чуть ли не до черноты. Вдоль дороги тянулись схожие друг с другом дома, все из кирпича, большей частью

одноэтажные, приземистые. Изредка лишь встречались постройки в два, а то и три этажа. Они были покрыты красной черепицей, и что поразило гостей, так это обилие во дворах и вдоль дорог всевозможных изваяний. Чаше прочих попадались на глаза скульптуры мужчин с могучими мускулами, широкоплечих, короткошеих, словно вросших в землю под тяжестью, что незримо несли они на плечах. Казалось, будто они держали на весу дома, возле которых были поставлены. Во дворах побогаче возвышались памятники Юстиниану Августу, братьям Диоскурам – Кастору и Полидевку, Помпею. Особенно ошеломил путников высоченный монумент богини Афины. Разумеется, хазары не знали, чьи образы высечены в камне, но так как на своей стороне они подобного не встречали – фигуры из песчаника только-только появились у них, – то искусство византийских ваятелей не могло не произвести на них большого впечатления.

Заслышав цокот копыт по мощеной дороге, на крыльцо домов высыпали люди. Они, оживленно переговариваясь, долго провожали взглядом нарядные экипажи.

Император Византии Лев Исавр не был лично знаком с Барджилом Барджигустаном, но знал покойного ныне его отца, славного кагана Хазарии. Между все расширяющей свои границы Византией и Хазарским каганатом, чьи владения уже соприкасались с рубежами империи, были давно налажены и дипломатические, и торговые связи. Умиротворяя необузданных хазар, Византия, случалось, слала им дары. Аппетиты ромеев росли, и взоры их обращались ныне не только на побережье Понта Эвксинского, но и на обширные земли за хребтами Кавказа. Желание распространить свое влияние и на бескрайние степи Хазарского каганата побудило императора в свое время просить руки хазарской принцессы для своего единственного сына Константина, хотя ни по обычаю, ни по вероисповеданию, ни по виду эти народы не были похожи. Тем не менее, дальновидный им-

ператор ввел в свой прославленный дворец в качестве невестки деву из Хазарского каганата. Правда, была она крещена по христианскому обряду и при крещении получила эллинское имя Ирина...

Барджил-хан понимал, что побудило императора Византии женить сына на дочери хазарского кагана, и не будь у него самого соображений по этому случаю, так предложение было бы отвергнуто, и никто бы не отпустил Чичак с богатыми дарами в далекую сторону. Барджил Барджигустан рассчитывал, что родство с могущественным византийским императором способствует целостности его собственных владений и Византия станет союзником в затянувшемся противостоянии с персами и арабами, чьи бесконечные набегии досаждали изрядно.

Барджил Барджигустан обладал одним замечательным качеством: в пути он мог на время отринуть от себя бесконечные государственные заботы и наслаждаться жизнью, как простой смертный. Ему легко и приятно было носить, будто старый удобный плащ, личину обычного воина, не требующего, чтобы ему воздавали царские почести. Настроение, правда, у потомка каганов было переменчивое, как погода в горах. Но он умел держать себя в узде. И сейчас он не стал бы задумываться о государственных интересах, выгодах, невыгодах, если бы в порту их встретили бы родственному, а не выслали бы навстречу государственных мужей, подчеркивая официальный характер их прибытия. Это несколько омрачало радость от грядущей встречи с сестрой, но он прекрасно осознавал, что мир слишком несовершенен, чтобы основываться только на добрых родственных, дружеских сердечных отношениях. И принимать его надо таким, каков он есть...

Экипажи с гостями прибыли ко дворцу. Высокие ворота, блистающие ажурной металлической вязью, были распакнуты стражниками в мгновение ока. Процессия въехала в

просторный двор, медленно обогнула удивительной красоты фонтан и остановилась пред дворцом. Громадное здание ошеломляло сиянием белоснежной мраморной облицовкой. У самого начала лестницы на тумбах располагались друг против друга два громадных мраморных льва. Скульптуры эти были исполнены столь искусно, что казалось, они сейчас вскочат со своих мест, ринутся друг на друга и всей мощью схватятся не на жизнь, а на смерть. Могучие звери слишком явно символизировали гибкую мощь империи, чтобы гости восприняли их всего лишь как архитектурную деталь.

У дворца Барджил-хана и его спутников приветствовало много знати. Но император по-прежнему не появлялся, и вновь сын хазарского кагана испытал мимолетную досаду. Дворец, куда они прибыли, был одной из трех столичных резиденций императора, в которых он принимал высокопоставленных гостей. Сам же кесарь никак не мог оставить короля Эфиопии, с коим вел переговоры в течение последних трех дней в другом дворце. Переговоры с самого начала были осложнены некоторыми противоречиями, возникшими между двумя государствами из-за морских путей, но теперь все было улажено наилучшим образом, и в день прибытия хазар король Эфиопии собирался отбыть. Император намеревался проводить его с должным почетом и надлежащими церемониями.

Дворец, куда пригласили посланцев каганата, располагался на самом берегу моря. Гости, войдя в просторное помещение, подошли к распахнутому окну с надувающимися от морского бриза, как паруса, шелковыми занавесями и взгляделись в море, будто давно не видели его. Странно, но им показалось, что и прибой здесь поет по-иному, не так, как у них дома, и пахнет море как-то иначе. Убранство помещения, в котором они оказались, мнилось хазарам столь же чуждым, как очертания константинопольского берега – множество деревянных столиков, стульев, высоких шанда-

лов со свечами, а пол от стены до стены покрывал роскошный ковер. Приглядевшись, гости обнаружили, что ковер этот хазарской работы, и несказанно обрадовались этому обстоятельству. Они не стали рассаживаться по стульям, хотя прекрасно ведали об этом византийском обычае, и уселись на ковре из далекой родины, скрестив ноги. Никто из хозяев по этому поводу не выразил удивления. Может, слы и были правы, устроившись поближе к земле, незачем особо возноситься над ней.

Хазары сидели, мирно переговариваясь, с таким ощущением, будто расположились на зеленой лужайке собственного двора. Но вдруг они заметили, как по дворцу забегали люди, и догадались по поднявшейся суете о приближении императора. Прозвучал гонг, очевидно, возвещая о том же. В помещение, где располагались гости, вошли двое воинов и, обнажив мечи, застыли изваянием по обе стороны двери. Немного времени спустя по лестнице поднялся сам император и оказался на длинной веранде, ведущей прямо в апартаменты, отведенные хазарам. Ступая по ворсистому синему ковру, он двинулся в сторону гостиной.

Был кесарь высок, крепко сложен. Императорская тога, не стесняла его свободного движения, на голове сверкал золотой венец – знак высочайшего его положения. Императора сопровождали несколько человек в расшитых туниках.

Лев Исавр вошел. Хотя не в обычае хазар было приветствовать людей стоя, Барджила Барджигустана будто бы подбросила неведомая сила. Он проворно поднялся на ноги и даже пошел навстречу императору. Они сошлись тесно и обменялись рукопожатиями.

– Сожалею, что заставил вас ждать, – произнес Лев Исавр на ромейском языке и улыбнулся.

Приветлив был взгляд его широко расставленных глаз, и во всем облике императора, несмотря на зрелый возраст, угадывалась молодая сила.

– Не стоит сожаления, – ответно вежливо проговорил Барджил Барджигустан и тоже улыбнулся.

Император поздоровался со всеми гостями, не оставил без внимания и дворцовых служителей, которых он последние три дня не видел. А когда все уселись, то, хитро поглядывая на главного хазарского гостя, дал ответ на вопрос, который медлил задать Барджил-хан.

– Полагаю, тебя волнует, где же те, кого ты хотел бы больше всего увидеть? За твоей сестрой и моим сыном уже послали. Они сейчас в загородной резиденции, скоро придут. Если бы нас оповестили заранее, мы не заставили бы вас ждать. Зато ваше прибытие доставило нам нечаянную радость. А внезапная радость слаще ожидаемой.

– С нашей стороны нет причин для недовольства, – сказал Барджил-хан.

Спутники с приветливой улыбкой закивали в поддержку его слов.

Вскоре, как и обещал император, ко дворцу прибыл его сын Константин с супругой. Барджил-хан едва узнал свою красавицу-сестру. Насурьмленные по здешней моде брови и сложная прическа вместо прежних длинных кос, совершенно изменили облик сестры. Одеты она была богато, а от ее сверкающих драгоценностей тончайшей работы – серег, ожерелья, запястий в камнях, колец – невозможно было глаза отвести. Присутствие императора сдерживало Чичак, иначе она с плачем кинулась бы на шею брату, до того истосковалась по родне. Удерживая слезы, она прильнула к брату, поцеловала, сердечно приветствовала и сопровождавших его. Императорский сын Константин обменялся с шурином крепкими рукопожатиями, глядя на него, не тая приязни. Все с большим вниманием следили за встречей двух этих сильных мужей. В наше время десятки камер стрекотали бы возле них, снимая «встречу в верхах», да фотографии путались бы под ногами. А тогда все ограничилось любопытствующими взглядами присутствующих.

С прибытием сына Лев Исавр как бы отступил в тень, выдвигая на передний план Константина. Было видно, что сына он давно приобщил к государственным делам, готовил себе достойного продолжателя дела великой империи. Константин же держался без заносчивости, с должной почтительностью к отцу. Было очевидно, что искушен он в дипломатических тонкостях, что не пугает его ответственность, возлагаемая на держащего в руках бразды правления столь могущественным государством. Наверно, его с раннего детства готовили к императорскому венцу, хотя в Византии передача трона от отца к сыну в те времена не была обязательным правилом. Константин был достоин сменить отца на троне не по еще зыбкому праву наследника, а по своим качествам выдающегося государственного мужа.

Константин обрадовался возможности принять в родном городе Константинополе близкую родню супруги. В свое время решение императора высватать жену сыну в далеком степном государстве вызвало в империи много толков. Особенно витийствовали родовитые жители империи, являвшиеся также не лишеными амбиций отцами юных красавиц. Решение Льва Исавра перечеркивало их надежды породниться с императорским двором. Да и сама императрица Деметра испытывала немалое огорчение, что сыну в жены предназначили не изысканную римлянку, а девушку из варварской страны, располагающейся невесть где, живущей по законам, ничего общего не имеющей с *Jus romanum*. Но Лев Исавр сумел объяснить супруге преимущества такого брака, мол, страна не столь дикая, какой кажется, зато очевидны ее несметные богатства и бескрайние земли, и союз с таким государством поспособствует укреплению и расширению границ Византийской империи.

Разумеется, во дворцах Византии с большим пристрастием приглядывались к Чичак, крещенной перед свадьбой и названной Ириной. Несмотря на первоначальное настороженное отношение к ней, дочь хазарского кагана

сумела всех покорить. Чичак по-хазарски означало цветок. Вот таким диковинным цветком, выросшим в бескрайней степи и вобравшим всю красоту края, она предстала перед взыскательными взорами византийцев. Она не была похожа на местных красавиц. Огромные глаза необычного, уходящего к вискам разреза, белоснежность кожи в сочетании с тяжелыми черными косами – все было в новинку, все будило воображение. А то, что никто не понимал ее языка, добавляло ей загадочности. Она представлялась сказочной золотой рыбкой, обитающей в глубинах мифического озера.

Лев Исавр выразительно глянул на сына, давая взглядом понять, что перекладывает на него дальнейшую заботу о достойном приеме гостей с Востока. Поступал он так, чтобы не лишать того радости от встречи с родней и еще для того, чтобы участие сына в делах государственной важности было непрерывным. Константин с полувзгляда понял отца и стоило ему только повести головой, как тотчас выросли возле него десятки дворцовых служителей, готовых исполнить любое его повеление. Хотя Барджил Барджигустан прибыл в Византию не как правитель, но как родич, пожелавший навестить любимую сестру, все, в том числе и он, понимали: избежать вопросов государственной значимости вряд ли удастся. В конце концов, и брачный союз заключался, прежде всего, во имя укрепления союза двух держав. Не напрасно же и первенца Константина нарекли не только Львом, но и Хазаром. Лев Хазар – вот как звался племянник Барджила Барджигустана.

Дяде не терпелось увидеть мальчика. Но сестра сказала, что сын находится у кормилицы. Она уже оповещена и привезет мальчика к вечеру во дворец. Барджил не совсем понял, почему сын не с матерью, у них не было принято отдавать ребенка в чужие руки. Но расспрашивать не стал. По его просьбе были снаряжены гонцы к хазарскому паруснику, чтобы доставили во дворец дары, привезенные гостями.

Несмотря на то, что пришельцы и хозяева поклонялись разным богам, гости были приглашены в христианский храм, где во здравие их были вознесены молитвы. Затем посланцев каганата позвали к пиршественным столам. Но хотя щедрость византийского императора не знала границ, подлинное удовлетворение Барджил Барджигустан ощутил лишь вечером, когда во дворце прижал к груди племянника Льва Хазара. Мальчику было два с половиной года. Узким разрезом глаз, чернотой жестких волос, овалом лица Леон походил на родню матери и сейчас, когда он прижимался к груди до этого ни разу не виданного дяди, сходство это особенно бросалось в глаза. Барджил Барджигустан крепко обнимал дитя, и казалось, что притихший ребенок прислушивается, как бьется сердце самого Хазарского каганата. Знай Барджил-хан, что там, на другом побережье Понта Эвксинского любимая младшая сестричка тоже качает в люльке маленького богатыря, удвоилась бы его радость. Как две могучие реки сливаются, бурля и пенясь, захватило бы и понесло бы его безграничное ликование. А уж сколько радости такая весть доставила бы Чичак. Она, правда, знала о замужестве Джарымхан, но никаких иных вестей от нее не имела...

На следующий день почетные гости с Востока были приглашены в Сенат. После того, как разбор дел сенаторами был завершен, хазар вместе с переводчиком пригласили в специально отведенную для переговоров комнату. Расстановка сил на политической карте того времени требовала обсуждения с союзниками. Во время переговоров зашла речь и об Абхазии, которую византийцы именовали Абасгией. Император повел долгий разговор о том, как складывались отношения империи с этой державой, а надо упомянуть, что были отношения эти отнюдь не безоблачны. В период правления Юстиниана облака сгустились в грозные тучи, что привело к Трахейской битве, когда абасгские мечи обратились против Рима. Пришлось снаряжать армию

для усмирения зарвавшихся меченосцев. Позже, когда рас­полагающаяся южнее Абасгии Лазика стала втайне от Рима вести переговоры с Персией, Юстиниан вынужден был во имя восстановления равновесия, нарушенного предатель­ством лазов, укрепиться в Абасгии, для чего усилил раз­мещенные там ромейские гарнизоны. Это пришлось не по душе абасгам. Не желая попадать в большую зависимость от Византии, они избрали своих собственных предводителей. Восточной частью их территории стал править правитель по имени Уапсит, западной – Скепарна. Опасаясь могуще­ства ромеев, они втайне ушли под руку Персии. В свое вре­мя базилевсы Абасгии использовали Рим для своих целей, а потом предали его в расчете на силу персов. А до того в восточной части Абасгии, там, где проживают мисимиане, порученец Юстиниана, доблестный военачальник Сотерих был убит и отряд его уничтожен. Римлянам ничего не оста­валось, как жестоко расправиться с непокорными мисимиа­нами. Снисхождения не удостоились даже женщины и дети. Погибло не менее пяти тысяч человек.

Меж тем правитель Восточной части Абасгии – в Трахее была его главная крепость, – собрал вооруженных людей, настроенных против Рима, а Скепарна тем временем тай­ком отправился с делегацией в Персию в поисках сильного союзника против Рима. Шах-аббас Хосрой Аноширван – правитель Персии, давний враг Рима – обещал ему всяче­скую поддержку и, скрепляя свои слова делом, отправил в Абасгию хорошо вооруженную армию во главе с жестоким военачальником Набедом.

Персы, преодолев Сурамский перевал, обрушились на Кутаискую колонию, затем берегом добрались до Трахей­ской крепости. Они предавали огню и мечу все, что попа­далось им на пути, не щадя и мирное население. Были сожжены дозорные башни византийских воинов, перебиты сами дозорные, разрушены крепости, с таким трудом воз­веденные ромеями вместе с абасгами. Бесчинства их про­

должались и в самой Абасгии, они ничуть не считались с доверившимся им народом, все было уничтожено. И когда они ушли, оставив за собой выжженную землю, уцелевшим абасгам не на кого было больше рассчитывать, кроме как на Рим. Но Рим не мог простить им отступничества. Не было у Рима больших врагов, чем персы. В один из бесчисленных внезапных набегов персами была уничтожена сердцевина огромной метрополии – Милет. Полис так и не оправился.

Император Юстиниан велел тогдашнему верховному военачальнику римской армии Бессу Фракийскому отправить в Абасгию отборные войска для показательного усмирения ее населения, предпринявшего попытку переметнуться на сторону непримиримого врага империи. Для покорения непокорной страны были отправлены отборные воины. Идущими сушей солдатами предводительствовал опытный военачальник Иоанн. Часть армии во главе с не менее опытным Улигатом погрузилась в судна и морем направилась в Абасгию, высадившись у трахейской твердыни. Абасги сражались храбро, но осажденная могучим воинством крепость, в конце концов, пала. Защитники были перебиты, а множество женщин и детей взяты в плен и вывезены в Византию. Лишь правитель Уапсит с остатками войска не сдался в плен, сумел вырваться и бежал через кавказские горы к гуннам.

Так что много крови и обид пролегло меж Римом и Абасгией. Обо всем этом можно прочесть в трудах великого летописца Прокопия Кесарийского. Но худой мир лучше доброй ссоры. Вражду нельзя длить вечно. Юстиниан сделал немало, чтобы укрепить мир с абасгами, и его усилия увенчались успехом. И теперь в том священном месте в Абасгии, называемом нами Питиунтом, где ранее поклонялись под дубом своим богам абасги, Византией воздвигнут храм Божьей матери и абасги приобщены к христианской вере. Для совершения богослужения в храм отправлен священник, сам по крови абасг. Теперь он кре-

стит маленьких детей своих соплеменников. Стараниями Юстиниана искоренен обычай кастрации части молодых людей, распространенный ранее в той стороне.

Император Лев Исавр еще поведал, что меж Византией и Абасгией нынче установилось нечто вроде настоящей дружбы. Совсем недавно был туда направлен католикос. Многие представители абасгской знати учатся в Византии. Более того, часто молодые абасги поступают на военную службу в империи и слывут отважными воинами. В боях они проявляют столько доблести и верности, что уже никому не придет в голову подозревать их в вероломстве, как было раньше.

– Их отличают редкая отвага и выносливость, – сказал Константин, выдавший абасгов в бою.

Сын кагана Барджил Барджигустан не раз и не два вступавший в смертельную схватку с персами и арабами, зарившимися на просторы его земель, не раз и не два уходивший от казавшегося неминуемым пленения, ставивший свою жизнь на грань гибели, отстаивая родную сторону, с великим вниманием выслушал все сказанное императором. О многом он знал и до того, но не в таких подробностях. А все, что касалось Абасгии, с тех пор как любимая сестра избрала ее своей судьбой, не могло его не волновать.

– Родство меж нашими народами, – продолжал между тем император, – дает мне надежду, что мы будем совместно отражать натиск бесчисленных врагов, все еще вожделяющих владений наших, скалящихся по-волчьи у наших рубежей. По-прежнему нет покоя от персов и арабов. Давно уж они нацеливаются на наши земли по эту сторону Кавказа, проникают туда, стараются поднять бунт в провинции, строят козни против нас, готовы воспользоваться любым недовольством в наших отдаленных провинциях.

– Многое из сказанного тобой для меня новость, – заговорил Барджил-хан, когда император закончил свою речь. – Хочу довести до твоего сведения, что весь наш род доволен скрепленными меж нами родственными узами, и мы никог-

да не подвергнем испытанию их прочность. Скажу откровенно, меня огорчала доля, выпавшая другой моей сестре. Не по нашей воле состоялся тот брачный союз. Сегодня, выслушав длинную историю сложных ваших отношений с абасгами, рад, что они вошли в мирное русло. Новая родня моей сестры находится под твоей могучей рукой, и это служит мне утешением.

– Я хорошо знаю тех абасгов, с кем породнила нас сестра моей невестки, – сказал Лев Исавр. – Они истые властители своей прекрасной страны. Леон – родной брат твоего зятя – в битвах с арабами показал себя нашим верным союзником и отважнейшим воином, за что ему было пожаловано звание архонта Абасгии с правом передачи сего титула по наследству. А зять твой в подвигах мог бы соперничать с самим Гераклом. Род свой они ведут от Уапсита, о котором я уже тебе поведал. Но не в пример ему по отношению к нам проявляют непоколебимую верность, чем доставляют нам радость.

– И я рад твоим словам, – сказал искренне Барджил-хан, польщенный высокой оценкой, данной императором избраннику Джарымхан.

Чувства настолько переполняли его, что он даже заерзал на месте, теряя обычную манеру держаться с расслабленной невозмутимостью.

– От одного хочу тебя остеречь. Старший брат твоего зятя женат на племяннице царя Картли. Много раз они помогали друг другу, выступая против общих врагов. Спасаясь от арабов, царь Картли нашел подмогу у абасгов. Мы всегда с одобрением воспринимали весть об их союзничестве и давали о том знать Леону. Но персы все больше донимают Картли, не раз разоряли они эту страну, да и нынче положение тревожное. Среди картлийцев стало появляться немало вероломных людей. Они сами склоняются к мысли об объединении с персами и других склоняют к тому же. Если им удастся своего правителя принудить к союзу с персами,

на верности Леона к нам это может отразиться самым печальным образом. Наш союз с абасгами уже омрачился из-за персов во времена Юстиниана, о чем я тебе уже поведал...

Между самими хазарами и картлийцами не существовало дружественного союза. Более того, то, что арабы и персы часто вторгались в пределы каганата именно с земель Картли, рождало среди хазар определенные подозрения. Подумывали, а не происходит ли подобное с тайного одобрения Картли и действительно ли нахождение войск персов и арабов в тамошней стороне так уж неприятно ее властителям. Хазары не исключали возможность тайного союза. Потому слова Льва Исавра заставили сына кагана глубоко задуматься. Он обратил внимание и на то, что Лев Исавр, расхваливший архонта Абасгии за верность империи, был недоволен, что тот после всех своих подвигов во славу Византии выбрал в жены не свою соплеменницу, не ромейку, а племянницу картлийского царя. Хотя император, безусловно, учитывал, что этот брак может послужить укреплению границ, проходящих через картлийские земли, а, значит, может быть полезен Византии.

– Северные рубежи вас не беспокоят? – осведомился Лев Исавр.

– Беспокоят, – признал Барджил-хан. – Постоянно противостоим безбожным россам. Им несть числа, и если дать им волю, они в своей жестокости превзойдут всех ранее нам известных завоевателей.

Теперь призадумался Лев Исавр. Его сведения о буйных россах также были малоутешительны. И на северо-западе своих границ он уже ощутил опасное их присутствие.

– Нужна бдительность и еще раз бдительность, – предостерег своего гостя император, пристально глядя на него. – И готовность помочь друг другу по первому зову.

– С нашей стороны при надобности промедления не будет, – заверил Барджил Барджигустан.

Услышанное несказанно обрадовало императора, и видно было, как окрылили слова деверя и императорского сына Константина. Но никто из присутствующих в то мгновение не мог ведать о том, что не пройдет и полгода, как через южные рубежи хлынут в Византию арабские полчища, как возглавит сам Лев Исавр армию византийцев и падет в бою. На трон взойдет его сын Константин. И в дни столь тяжелых испытаний хазары не успеют оказать византийцам никакой помощи.

– Поговорим и о другом, – сказал Лев Исавр. – Близ Испании, у подножья Пиренейских гор, обитают баски. Давно поселились они там, хотя по крови принадлежат абасгам. По слухам, баски, попав в Пиренеи вместе с разрушителями Рима, бузанскими аланами и гуннами, осели там. Многие абасги, служащие у нас, установили связь с ними. По нашим сведениям, они не прочь вернуться на покинутую родину. Баски воинственны и остры умом. И если бы поспособствовать их возвращению на землю отцов, абасги могли бы упрочить свое положение. Хотя, кто знает. Мы поможем баскам соединиться со своими родичами, укрепиться, а они потом повернут оружие против нас.

Для Барджила Барджигустана сведения эти были новостью, потому он предпочел не обсуждать их.

– Для нас же с вами главную заботу составляет сейчас другое: не допустить арабов и персов ни в Картли, ни в Лазику, – вернулся к ранее сказанному император. – Особенно тревожно за Лазику. Без нас они не выстоят, к тому же в той стороне много людей, склонных к предательству. Врагам же побережье нужно не столько ради земель Картли и Абасгии, сколько для того, чтобы расчистить себе путь для набегов на ваши владения.

У Барджила Барджигустана мелькнула мысль о неизвестном ему лукавстве императора, и о том, что немало тот преуспел в сталкивании лбами разных народов. Кто знает, возможно, многое из сказанного далеко от истины. Не намерен ли император использовать в бесконечных войнах с

арабами хазаров, разжигая в них еще большую ненависть? Не исключено, что в качестве щита против арабской напасти императору служат и доблестные воины-абасги, и другие варварские, как любят говорить в Византии, народы.

«Родство родством, а осторожность делу не помеха», – подумалось сыну кагана. Но столь глубокая осведомленность императора о народах, населяющих обе стороны Кавказа, начиная с горцев сванов, прибрежных абасгов и кончая аланами, гуннами, удивило Барджила-хана. Ему было невдомек, что Лев Исавр в молодости, когда Византия разгневалась на непокорных абасгов, был послан к аланам. И не с пустыми руками. Он доставил им мешки монет с вычеканенным на них профилем императора. Льву Исавру было поручено натравить аланов на абасгов и с «доблестным» сим поручением он справился блестяще...

Барджил Барджигустан давно утомился от бесконечных столкновений с арабами. И при жизни отца Юсуфа он постоянно был вынужден принимать участие в сражениях с ними. Ему казалось, что он неплохо знает и тех, кто проживал по обе стороны Кавказа, знал и земли Албании (так хазары именовали Азербайджан), Армении. Он во главе с сорокатысячной армией оказал ожесточенное сопротивление войску наместника Арабского халифата в Персии Джерарха Ибн-Абдаллаха, напавшего на Хазарию. К несчастью, битву тогда Барджил-хан проиграл. Позже Ибн-Абдаллаха, отозванного назад, сменил не менее жестокосердный Маслама – наместник халифата в Азербайджане и Персии. У всех шагов, предпринимаемых арабами по обе стороны Кавказа, была одна цель: захват Хазарского каганата. Через земли хазар арабы намеревались выйти к Европе.

Своим ближайшим соратником Маслама выбрал столь же искусственного, как и он, воина Саида Ибн-Амра аль Хараши. Несмотря на то, что оба знали толк в ведении боевых действий, они стали со временем терпеть поражения от хазар, не желавших сдаваться. Тогда вновь был призван для борьбы

с хазарами уже однажды одолевший их Джерарх. Но на этот раз Барджил опередил противника и с хорошо подготовленной армией, не дав наместнику арабского халифата собраться с силами, нанес сокрушительный удар по Албании и прорвался к сильно укрепленной крепости Ардебиль. Там состоялось крупное сражение. Хазары бились не на жизнь, а на смерть. Барджил Барджигустан, не забывший, что десять лет тому назад сотворил с его землей Джерарх, приказал пленных не брать. Его вели ярость и горькая обида из-за поражения, которое он потерпел в свое время от Джерарха. В этом бою он лично схватился с Джерархом и сразил его. Несметные богатства арабов были мигом разметены воинами-хазарами, а сама вражеская рать истреблена. Слава о великой победе, одержанной Барджилом Барджигустаном, тогда облетела всю Азию, достигла она и пределов Византии. Однако и позже он, как военачальник, не раз покрывал себя славой, равно как и шрамами.

Из-за попыток арабов покорить Хазарский каганат Византия получила передышку. Арабы не могли сражаться с обоими противниками одновременно и оставили на некоторое время в покое Византию. Сын кагана прекрасно понимал и то, почему так рассыпался в похвалах, упоминая о предводителях абасгов, лукавый Лев Исавр. Абасгия, как и Лазика, была под рукой Византии. В свое время Мурван-Муххамед, соратник противника хазар Маслама, превосходивший его в жестокости, если это было только возможно, с многотысячной армией напал на Картли. Все сжигая на своем пути, преследуя царя Картли, которого обратил в бегство, прошелся Мурван-Муххамед, оставляя за собой выжженную землю не только по Картли и Лазике, но сломив отчаянное сопротивление абазгов у крепости Келасур, предавая огню поселения, уничтожая все живое на своем пути, добрался до цитадели абасгов Анакопии. Здесь пришел конец его победам. Анакопия не только не пала под натиском полчищ арабов, но бесстрашные абасги всей своей мощью приняли бой за стенами крепости и одержали по-

беду. Они очистили свой край от арабов, и Византия вновь могла быть спокойна за целостность своей империи. А властелин Абхазии Леон и брат его Рамзыц, о котором слагали песни как о равном эллинским героям, стяжали себе немеркнущую славу. Теперь Лев Исавр, обеспокоенный враждебностью арабов и персов, так долго толковал о них, что у сына кагана вертелось на языке: «Понятно, у кого что болит, о том и говорит». Тем не менее, проглотив ехидное замечание, он сосредоточенно слушал византийского императора, хотя не забыл, нет, не забыл, сколько раз, еще при жизни отца Юсуфа византийцы из-за Херсонеса, Крыма, Боспора ожесточенно сталкивались с хазарами. Это теперь они, видя в хазарах заслон от арабов, умамливают их...

Барджил-хан не слишком одобрял линию, которой придерживался император Византии, и не во все тонкости поведения того был в состоянии вникнуть, но принимал все как есть. Он отдавал себе отчет – дело не в самом Льве Исавре. И предыдущие императоры были вынуждены балансировать на тонкой жердочке лукавства.

С тех самых пор, как Византия прибрала к рукам огромные пространства и стала владычицей над многими народами, противостояние ее с Персией не ослабевало ни на мгновение. Византия проводила агрессивную наступательную политику и желала единолично контролировать все страны Средиземноморья и побережье Черного моря. Схожие притязания были и у Персии. Особое место в планах стран-соперниц занимало Закавказье. Лакомым куском представлялась та часть черноморского побережья, которую заселяли абасги. Если бы Персии удалось завладеть Абасгией, это сильно укрепило бы ее позиции, под свой контроль она взяла бы дороги, которые вели из Средней Азии. С византийских купцов они могли бы брать высокие пошлины. Путь византийских торговцев в Среднюю Азию проходил через земли сванов, через Лазику и Абасгию. К тому же, получив выход к Черному морю,

Персия всегда могла бы в страхе держать Византийскую империю, чьи провинции в этом случае оказались бы незащищенными.

Земли апсилов и абасгов представляли для персов весьма удобный плацдарм для нападения на Северный Кавказ и для того, чтобы стравливать, расположившись там, варварские, по их определению, народы, проживавшие в степях Восточной Европы, с теми, кто населял Крым, Малую Азию.

Варвары, подстрекаемые Персией, не могли достичь Византии, минуя Апсилию и Абасгию. Дороги, ведущие к побережью, переходы через Санчарский, Марухский и Клухорский перевалы находились под бдительным надзором воинов-абасгов и апсилов, а на севере был аланский вождь Сародии. Главные требования Византии сводились к тому, чтобы охрана именно этих направлений велась абасгами безупречно. С помощью византийских зодчих на своих землях абасги возводили мощные твердыни, укрепляли их, совершенствовали свое воинское искусство.

Пристальное внимание Льва Исавра было направлено на Абасгию, потому-то он и одобрил, что абасги и хазары породнились. Теперь улеглись опасения, что хазары скатятся с Кавказских гор, уничтожат греческие поселения, захватят все побережье и укрепятся там...

Двое правителей вели неторопливую беседу о внешне-неполитическом положении, но немало беспокоили их и внутренние раздоры, способствовавшие ослаблению трона. Несмотря на то, что власть наследовалась, борьба за императорский трон не ослабевала, на него притязали многие, не было мира и между народами, населявшими огромную империю. Были и такие, кто не верил, что союз между греками и хазарами, скрепленный родством, продержится долго, и гадали, чем он может закончиться.

Что касается положения собственно Абхазии в ту пору, то она находилась как бы меж двух огней. Склонись она к Персии, тут же Византия, как уже однажды случилось,

взялась бы ей жестоко отомстить. Прочный союз с Византией грозил опустошительными набегами персов. При таком раскладе сил переоценить родство с хазарами было невозможно, особенно после того, как родился наследник. Абасги теперь связывали надежды на независимость своей страны, пусть и не сейчас, а когда сегодняшние младенцы войдут в возраст воинов, с новыми родичами – хазарами...

– Боюсь, утомил долгими речами, – сказал Лев Исавр. – Но меж нашими отечествами пролегает столь большое расстояние, что, когда, наконец, Благодарение Всевышнему, ты преодолел столь длинный путь, я не мог отказать себе в удовольствии рассказать о событиях у нас и вокруг нас. К тому же абасги – новые ваши родичи. Чем больше будешь осведомлен о них, тем лучше.

– Истинно так, – подтвердил Барджил-хан. – Я искренне признателен за долгий открытый разговор. Он мне дал многое. Был бы рад, если бы ты побывал в нашей стране, сам бы посмотрел, как живет народ твоей невестки.

– С радостью принял бы приглашение, лишь бы мои бесчисленные обязанности позволили воспользоваться твоим гостеприимством.

На этом беседа завершилась. Во главе с Львом Исавром они вышли наружу. Толмач выглядел весьма утомленным и, как только представилась возможность, скрылся в покоях дворца. Было заметно, что он лицо доверенное и во дворце чувствует себя столь же уютно, как в глубинных водах рыбьехвостый Тритон.

У выхода стояли двухместные легкие повозки с запряженными в них конями светлой масти. Разместившись в них, гости отбыли в загородную резиденцию императорского сына Константина, где радостно встречала их Чичак с первенцем на руках. По древнему обычаю эллинов, и в загородном дворце вновь затеяли пир горой. Звучали приветственные слова, счастливый смех и музыка. Некий человек, с длин-

ными власами и музыкальным инструментом, напоминавший сладкоголосого Орфея, сына речного божества Эагра, наигрывал на форминге. Его слушали, затаив дыхание. Кажалось, и птицы на ближних деревьях замолкли, плененные чарующими звуками, извлекаемыми музыкантом из своего инструмента.

Ханский сын Барджил Барджигустан со своей свитой гостил у своей сестры, породнившей их род с великим народом Эллады, целую неделю. Но пора было отправляться в обратный путь. Проводить хазар до побережья, где их ждало судно, отправился сам Константин со своей Чичак и сопровождающими лицами. Гостей не отпустили с пустыми руками: везли множество даров, чтобы погрузить на корабль.

Между тем команда судна в ожидании возвращения ханского сына времени даром не теряла. Она привела в порядок изрядно потрепанную штормом посудину, отдохнула, и по очереди – по два-три человека – матросы сходили на берег, бродили по мощеным улицам Константинополя (кое-кто из них даже знакомился с юными особами из Венеции) и не давали друг другу скучать в чужом городе. Но Барджила Барджигустана и его свиту команда парусника встретила с постными лицами утомленных работой и долгим ожиданием людей.

Трудно было прощаться ханскому сыну с родичами. Особенно трогательным вышло расставание с маленьким племянником. Тот вцепился в дядю ручонками, расплакался, когда его силком оторвали от него, непременно хотел вместе с ним отправиться в путешествие...

Как только церемония прощания завершилась и ханский сын с сопровождавшими его витязями поднялся на борт, команда немедля занялась приготовлениями к отплытию. Стали поднимать паруса, мускулистые, обнаженные по пояс, мощные гребцы заняли свои места у бортов. Оповещающая об отплытии, зазвучал корабельный колокол,

невеликий по тем временам, и потому гласом своим напоминавший звуки бубенцов, надеваемых сокольными на шею своих птиц.

Судно снялось с якоря. Барджил Барджигустан вместе с двоюродным братом Хамидом поднялся на капитанский мостик. Взгляды их были устремлены к берегу. А там Чичак, прижимая к груди сына одной рукой, другой махала брату. Ответно и Барджил-хан прощально взметнул руку – раз, другой, третий... Глаза этого сильного воина увлажнились. Чуткий к его настроениям Хамид сжал его плечо рукой и ободряюще сказал:

– Нет причин для печали... Эти дни, наблюдая за жизнью Чичак, я не мог нарадоваться!

– Все так! Все хорошо! – подтвердил Барджил-хан, не сводя глаз со становившейся все меньше фигуры сестры и продолжая ей махать.

Думы его были тяжелы. Он не почувствовал облегчения с приездом сюда, скорее, даже наоборот. Если бы мысли его вдруг обрели бы реальный вес, то судно под их тяжестью, наверно, пошло бы ко дну, столь они были нележки...

Судно покинуло акваторию порта и, осторожно развернувшись, легло на курс. Гребцы подналегли на весла, и рассекаемые волны забурлили у бортов. Людей на берегу уже было не различить.

III

За высокой каменной оградой справа от дворца на достаточно большом расстоянии, стояла новехонькая амхара – дом для новобрачных. Именно здесь жили Джарымхан и Рамзыц, когда они соединили свои жизни, именно здесь появился плод их любви – наследник. По обычаю абасгов его должны были тотчас отправить на воспитание в дом кормилицы. Но Джарымхан восстала и не позволила различить себя с младенцем. Тогда-то под детскую отвели одно

из помещений дворца, а свекровь со вздохом признала, что, породнившись с чужеземкой, нет-нет, да и будешь вынужден нарушить вековые обычаи. Поселились во дворце, но Рамзыц часто ночевал в амхаре, да и днем, утомившись от бесчисленных дел, если находил время для отдыха, то проводил его в доме, возведенном для молодых.

Так лежал он однажды на ложе, задумавшись о делах насущных, когда ему послышалось, что кто-то скребется в дверь. Вначале подумалось, что так Джарымхан привлекает мужнино внимание, но, скосив глаза на полуоткрывшуюся дверь, Рамзыц обнаружил там детскую фигурку. Ошеломленный, он вскочил на ноги. В проеме двери стоял, в чем мать родила, его черноволосый отпрыск и тянул к отцу растопыренные ладони. Рамзыц подхватил сына на руки.

– Коник, коник, – пролепетал мальчик, до того часа еще не произносивший ни одного слова.

– Конь тебе понадобился, говоришь? – спросил Рамзыц, прижимая к себе ребенка. – В поисках скакуна забрел сюда, не так ли?

Не спуская младенца наземь, он скорым шагом вышел из помещения, прижимая к себе дитя, и направился ко дворцу, недоумевая, что же такого могло стрястись, почему ребенка оставили без присмотра. На полпути ему попались насмерть перепуганная Джарымхан и принцесса Марта. Не обнаружив младенца в люльке, где ему надлежало мирно почивать, женщины крайне встревожились – предположили, что недруги пробрались во дворец и выкрали наследника. Слушая женщин, Рамзыц диву давался, как же сумел ребенок самостоятельно выбраться из пут, удерживавших его, выйти из дворца, преодолев высокие ступени, пройти босиком до самой амхары и там отыскать отца. Это казалось чудом. Но свершилось чудо у них на глазах. Они растерянно смотрели друг на друга, не зная, как отнестись к неожиданному событию.

Весть о первых шагах наследного принца и о том, при каких обстоятельствах они были совершены, сразу же облетела

дворец. Все родители радуются, когда их дитя делает первые шаги, но поведение сего младенца было столь ошеломительным, что близких это ввергло в тревогу. Особенно поникшей выглядела Джарымхан, ныне носившая под сердцем второго ребенка, что уже было заметно по ее облику. Даже бесстрашная вдовствующая царица заметно встревожилась.

– Вина лежит на нас, – сказала она погодя. – Можно сказать, единственное обращение к Всевышнему в честь младенца, и то случилась как бы по настоянию самого дитяти в тот самый день, когда родичи его матери прибыли с дарами к нам. Доселе ребенок не крещен, угодно ли это Богу? Не медля надо везти его на святую землю, к святой купели.

Сказав это, Хирхух велела немедленно заложить экипаж. Он чем-то отдаленно напоминал фаэтон, который нам знаком, но был оборудован куда наряднее, и впрягли в него тройку отменных коней. Младенца приодели – обрядили в светлые дорогие одежды. Он, будто понимая, что его снаряжают в дорогу по важному делу, не капризничал, держался спокойно. Только когда из глубин двора прискакал с радостным ржанием предназначенный ему материнской родней жеребенок и стал носиться вокруг готовящейся в путь процессии, мальчик стал рваться из рук. Он тянулся всем существом к коньку, словно хотел немедленно его оседлать. Казалось, и жеребенок понимал, кто его будущий хозяин, норовил приблизиться к наследнику, кося умным зрачком. «Недаром говорят, в коне человеческая кровь течет», – перешептывались наблюдавшие эту сцену люди.

– Не торопись, малыш, настанет время – укротишь своего скакуна! – сказал пожилой мужчина, один из приближенных ко двору.

– Коник, коник! – требовательно проговорил наследник, точно понял смысл обращенных к нему слов и дал понять, что не желает более ждать ни одного мгновения.

– Придется подождать, всему свой час, и твой конь тебя дождется, никто не посмеет на него посягнуть!

Малыш внимательно посмотрел на говорившего и замолчал, будто внял доброму совету.

Наконец, приготовления в дорогу были закончены. Вдовствующая царица, принцесса Марта, Джарымхан и несколько сопровождающих их лиц сели в экипаж. При крещении требовалось и присутствие отца, потому Рамзыцу подвели оседланного коня, и он вместе еще с несколькими всадниками верхом двинулся за экипажем. Путь им выпал неблизкий, но они его одолели и прибыли к подножию плато, над которым высилась выложенная белым камнем крепость с узкими отверстиями бойниц. Далее следовать экипажем было невозможно. Из крепости выслали специально обученных подниматься по горным тропам мулов с седлами, приспособленными для амазонок. Стремянные помогли женщинам усесть в седла. Ребенка в нарушение обычаев передали отцу. Наследник обвил ручонками его шею, а Джарымхан с опаской, из боязни навредить тому, кого носила под сердцем, устроившаяся в седле, оглянулась на свою семью, и теплая улыбка, как солнышко, выглянувшее меж тучами, осветило ее лицо. И в это мгновение припомнилось ей, как они вдвоем с Рамзыцем летели на неутомимом скакуне по бескрайним хазарским степям, и ветер пел в ушах, и сердце наполнилось уверенностью – не только погоня, даже молния с небес не сумеет настичь их...

Мулов, на которых восседали женщины, стремянные вели под уздцы, бдительно следя за тем, чтобы животные не оступились на узкой каменистой тропе, и возгласами «аха-хай» то и дело подбадривая своих четвероногих подопечных. Те, будто чуя, что везут важных особ, к тому же хрупких созданий, с которыми надо обращаться особенно бережно, шли ровным шагом, неторопливо следуя друг за другом. Они уже одолели половину подъема, когда снизу раздалось призывное ржание. Всадники к своему изумлению обнаружили, что хазарский жеребенок, предназначенный наследнику, стремительно на-

гоняет их. Как позже стало известно, после отъезда кортежа от дворцовых ворот жеребенок впал в такое неистовство, так стал бросаться на ограду, что конюхи испугались, как бы он себя не покалечил, на свой страх и риск открыли ему ворота, и он стремглав кинулся догонять кортеж. И вот догнал на подступах к крепости. Когда благополучно одолели крутой подъем и все оказались на плато, где возвышалась крепость, жеребенок, встряхивая медвяного цвета гривой, победно прогарцевал мимо всадников, как бы с укором на них поглядывая, мол, почему не позвали на крестины, ведь крестить будут моего будущего хозяина.

На анакопийской крепости как всегда лежал туман, но сегодня он не был столь густ, как обычно. Через разрывы в паутине мглы можно было увидеть там, внизу, морскую гладь, да и солнечные лучи пробивались сюда, ласково играя на лицах. Так что погода радостно встречала гостей, куда более встревоженными выглядели те, кто постоянно находился в крепости. Они привыкли, что сюда спешно поднимаются обитательницы прибрежного дворца только при угрозе извне. «Не случилось ли чьего-либо злого вторжения?» – с этим немым вопросом они напряженно переглядывались. Между тем стремянные помогли своим высокородным всадницам спешиться. А Рамзыц сам соскочил с коня и поставил ребенка на ножки во дворе крепости. Ребенок не растерялся и жаться к ногам отца, как обычное дитя, не стал. Он огляделся и смело побежал по двору, весело лепеча, что-то вроде «тута, тута», словно одобрял местность, куда его доставили. Прибывшие внезапно ощутили некую почти мистическую зависимость от необычного младенца, будто он был ведущий, а они – ведомые. Даже мудрая вдовствующая царица с таким вниманием приглядывалась к внуку, будто совета просила. Джарымхан же подошла к сыну и крепко взяла его за руку, словно подчеркивая, что как бы необычно он себя не вел, он по-прежнему нуждается в материнской защите.

Священнослужитель, узнав, какая забота привела сюда владетельных князей, немедля повел их к Собору Божьей Матери. По архитектуре собор этот был сходен с храмом, который возвели еще во времена Юстиниана в местечке Лдзаа, и радовал глаз своей стройностью. По размерам он был невелик. Стоило высокородным гостям переступить порог храма, как засиял навстречу им лик Богоматери. Икона помещалась в самом центре иконостаса. Вокруг было зажжено множество свеч, под куполом плыл запах ладана. В храме стояла особенная тишина – не пустая, а благоговеиная. Священник поставил мать с сыном перед ликом Богоматери. Маленький наследник, широко распахнув глаза, смотрел на икону, и казалось, понимал всю важность происходящего. Облаченный в ризу священник в одной руке высоко держал крест, а другой мерно раскачивал кадилом. Затем он раскрыл библию и высоким голосом нараспев стал читать священный текст на малопонятном для присутствовавших древнегреческом языке. Закончив чтение, священник осенил себя крестным знаменем и жестом предложил Джарымхан последовать его примеру. Он знал, что она соблюдает христианские обряды, перед свадьбой на земле мужа она была крещена. И вновь малыш поверг всех в несказанное удивление – подняв правую ручонку, он осенил себя крестом. Священник, кому доводилось крестить множество детей, не знал, как отнестись к этому. Раньше подобного видеть ему не доводилось. Торопливо он записал христианское имя, данное младенцу в честь родного дяди: Леон. Необычные мысли посещали при этом святого отца. Как ни странно было признаться в том, но он оробел перед ребенком. Сильное ощущение, что невинное дитя вдруг может укорить его в небрежении службой, овладело им. Растрянность служителя церкви была замечена, но ни вдовствующая царица, ни ее невестка, ни отец ребенка не знали, как к этому отнестись. Между тем они, ведомые взволнованным до крайности священником, покинули храм и по

узкой тропе гуськом вышли к открытому месту, находящемуся внутри крепостной ограды. Здесь находилось немного возвышавшееся над землей четырехугольное сооружение, выложенное разноцветными камнями, плотно подогнанными друг к другу. Посредине его помещалась купель. Она имела форму креста. Это была купель со святой водой, до того прозрачной, что ясной ночью даже не самые яркие из звезд небесных отчетливо отражались в ней. Дитя поставили на постамент у купели, где обычно и ставили детей, которых приводили крестить. Священник прочитал молитву, перекрестил себя и дитя, затем зачерпнул черпаком святую воду, медленно отпил, как бы очищая рот от скверны мирских слов. Ребенок, завидевший, как священник пьет воду, внятно сказал «вода, к воде» и стал рваться войти в нее. Обычно в эту пору детей не окунали в купель: вода еще не прогрелась, и священник ограничивался тем, что кропил святой водичкой малышей. Но на этот раз ничего не могло идти обычным путем. Всем стало очевидно, что ребенок хочет войти в святую воду, что он каким-то образом догадался, что это не только возможно, но и нужно сделать. Поняв, что удержать его не удастся, бабушка и мать в четыре руки освободили его от одежек. Нагого, необыкновенно белокожего мальчика передали священнику, и тот осторожно, поддерживая за локти, ввел его в воду. Купель была неглубокая, доставала до шеи ребенку, и священник отнял руки. Малыш полученной свободой обрадовался, стал плескаться в ледяной воде, не чувствуя холода, и даже набрав воды в пригоршню, умыл личико, а потом еще раз набрав воды, отпил ее. И только после этого он повернулся лицом к тем, кто стоял рядом, не сводя с него глаз. И по выражению лица малыша они догадались, что он удовлетворен пребыванием в купели и согласен уже выйти к ним. Бабушка и мать, глядя на него, не могли удержать слез восторга, замешанного на тревоге за необычного ребенка, которым Всевышний их одарил. Джарымхан, вынимая из купели первенца своего, уронила слезу в чистую воду. И заметив это, священник сказал:

– Да пошлет вам Господь только слезы радости, да хранит будет Им младенец ваш, да благословит Он его на великие добрые дела.

С этими словами, священник надел на шею ребенка золотой крестик.

Прислужницы прибежали с большим белым полотном, завернули в него вновь обращенного, тщательно обсушили и заторопились облачить его в одежды, опасаясь, что дитя, побывавшее в столь раннее время года в холодной воде, застудится. У ребенка же радостно светились глаза, он теребил в руках золотой крест, висящий на шее, и было видно, что чувствовал себя превосходно. Тем временем жеребенок наследника носился вдоль крепостной ограды, звонким ржанием оповещая всех окрест о своем присутствии. Набегавшись, маленький аргамак остановился возле только что крещенного мальчика и склонил, точно приветствуя хозяина, крутую шею. Ребенок тотчас воспользовался этим и ручонками вцепился в коротенькую гриву стригунка. Жеребенок не запросился на свободу, а наоборот, как бы выражая радость, поскреб одной из точеных передних ног каменистую почву. Изумленный священник возвел очи горе и перекрестился.

В тот же день вдовствующая царица вместе с принцессой Мартой и старшей невесткой отправились в обратный путь. Вниз к подножию горы их со всеми предосторожностями опять доставили на мулах, а оттуда ко дворцу на побережье они отправились в экипажах. Родители с наследником решили заночевать в крепости. Надо сказать, что и жеребенка не удалось отправить с уезжающими. Он устроился под навесом с черепичной крышей. Если смотреть из оконного проема помещения в крепости, которое было отведено для ночлега наследнику с родителями, то было видно, что жеребенок, высоко подняв голову, смотрит именно в эту сторону.

Рамзыц стоял у окна и глядел, как стучается туман, постоянно клубящийся здесь над горой. Как никогда остро ощутил он близость поднебесья. И хотя годов было про-

жито не так уж много, ему вдруг показалось, что он давно блуждает по горным вершинам своей жизни и часто туман обволакивает его самого. Но в разрывах тумана сиял светлый лик его милой, любовь к которой заставила его пойти наперекор целому каганату, пробивался через толщу тумана и лепет маленького Леона, и даже мелькали быстрые ноги жеребенка наследника, разве что цокот копыт был приглушен белесой мглой. Со щемящим ощущением зыбкости мира, где порой явь и сон неразличимы, стоял Рамзыц у окна, и невесть откуда взявшаяся печаль достигала глубин сердца.

Потом проворная прислуга стала разгонять сумрак, запалив толстые витые свечи. Когда вошли в покои, отведенные для Рамзыца и его семьи, и зажгли свечи в шандалах, в свое время доставленных из Рима, свет от множества язычков пламени не только осветил всю комнату, но и через окно брызнул в глаза жеребенку, устроившемуся на ночлег под облюбованным навесом с черепичной крышей. Ослепленный светом жеребенок, резво вскочил и заржал так, что, наверно, его было слышно и на побережье...

Но как только конек успокоился, наступила глубокая тишина, столь глубокая, что пролети над крепостью какая-нибудь ночная птица, ясно слышен был бы шорох ее крыльев.

В царских же покоях маленький Леон еще не спал, и его голосок, как бы пробуя на вкус, сравнивал отцовское и материнское наречия. Он произносил вперемежку абхазские и хазарские слова. Видно было, что вскоре он заговорит целыми фразами, возможно, это и случилось раньше, если он не запутался бы в звучаниях двух древних языков, не зная, с какого начать. Мать его уже довольно хорошо говорила по-абхазски. То ощущение, которое пришло к Джарымхан в день, когда впервые вынесли младенца во двор, в день приезда послов с родной стороны, ощущение, что она сумеет вобрать в себя язык новой родины и все в нем понять, не обмануло молодую хазарку. Она уже почти свободно говорила на языке мужа. А певучий ее голос, накладываясь на

жестковатый выговор нового для нее языка, создавал чарующее впечатление у слушателей. Когда Джарымхан говорила на абхазском, всем она казалась красивее и милее. Но сама она тосковала по родному языку и со своим первенцем часто говорила на хазарском, надеясь, что, когда сын подрастет и усвоит язык ее предков, будет с кем утолять жажду по родимому наречию. С мужем же она говорила только на его языке...

IV

И чувствовал всадник остро – там, куда он добирался так спешно, что скакун под ним мог пасть в любое время, дожидался его табун из пяти тысяч отборных коней. Заждался табун спешившегося к ним всадника, заждался! В загоне, столь просторном, что напоминал поле для ристалищ, все равно было тесно коням. Они были сплошь одной масти – вороные. И тот, кто спешил к ним, мчался на вороном коне. Табун будто бы знал о приближении всадника, как и о том, что в мире беспокойно и пора им на ратном поле показать, чего они стоят – или пасть в битве, как и положено боевым коням, или покрыть себя и всадника немеркнувшей славой. А если невозможно ни то, ни другое, то пусть бы сбили заборы загонов, пусть бы даровали им волю бескрайних степей. Чували, чували они, что час перемен близок, ибо чували приближение всадника. Он знал, что это именно так, и не давал ни мгновения передышки взмыленному скакуну, что пену ронял с удил, и по чьему крупу потоками стекал пот. А всадник все погонял его, погонял... Но как был долгон путь наездника, как долгон...

Однако, так или иначе, всадник достиг своей цели, и табун дождался того часа, когда с грохотом и лязгом пали засовы. Кони ринулись с ржанием в ворота, теснясь в них, грозя затоптать своего освободителя в неумном желании поскорее выбраться наружу. Но всадник оказался неуяз-

вим. Чудом он повернул назад загнанного коня и помчался по дороге, по которой прибыл сюда, маня за собой табун, и кони помчались следом.

Они несутся по бескрайней степи, и пыль из-под копыт дымом поднимается к небу, а шум от табуна, как от урагана. Всадник всем нутром своим ощущает за спиной великую эту силу и полагается на нее. Он обязан доставить на ратное поле пять тысяч коней. Столько боевых коней пало под его воинами. Он должен вновь поднять в седло свою армию, вооружить ее, повести вперед. Время не ждет...

И вот степь оставлена позади, дорога сужается, становится каменистой, вот и горы в гордом блеске предстают перед ним. Всадник влетает в ущелье, а следом – табун. Коням, привыкшим к просторам, не по душе узкая теснина, они наступают друг на друга, яростно ржут, обнажают зубы, вот-вот разорвут или затопчут того, кто заманил их сюда. А что же он? Он потерял дорогу. Как же так могло случиться, как он мог забыть тот – единственный! – путь через перевал, которым добирался сюда? Где же, в каком месте, когда он сбился с пути? И как он мог допустить такое, когда жизнь целого народа зависит от него? Всадник мечется по ущелью в поисках потерянного пути, следом за ним клубится, скалясь, черный табун, тысячами копыт высекая из камней искры...

От напряжения все тело свело, и в эту отчаянную минуту Рамзыц... пробудился. Некоторое время лежал с бьющимся сердцем, выравнивая дыхание и пытаюсь понять, где он находится. Снаружи донеслись громкие голоса, кто-то с кем-то спорил. Говор был хазарский. И в голове у Рамзыца прояснилось. Он приподнялся на подстилке из шкуры верблюда, расстеленной прямо на полу, на которой спал. Рамзыц быстро натянул на себя одежду, обулся и постарался придать подобие порядка ложу, на котором почивал: поправил кошму, сложил шкуры и подошел к окну. Во дворе кипела жизнь, кто-то запрыгал в кибитку коней, кто-то тащил в плетеных корзинах какую-то ношу, кто-то спорил с кем-то...

Рамзыц безучастно смотрел на них, весь во власти увиденного сна, и тревожился, не случилось ли дома беды после его отъезда.

Спутники, спавшие в одном помещении с ним, увидев, что он уже на ногах, тоже стали подниматься. На этот раз Рамзыца сопровождали соратники, с которыми он не раз отправлялся в далекие края. Это были аамыста Ламшац, Рамших, Аалыку, Джоусып. В свите Рамзыца состояли также и крестьяне – Базрыку, Дыдын, Гудым и еще много людей. Да, на этот раз он прибыл к хазарам с крепкой дружиной. Не то было, когда он умыкнул прекрасную хазарку. Можно сказать, увез он ее в одиночку, если не считать двух молодых друзей, да и те со свежими конями дожидались на перевале. Если бы погоня настигла... Что ж, только он один и поплатился бы за свое безрассудство...

– Нет, вы посмотрите, куда только он нас заманил! – деланно возмущился балагур Аалыку.

– Что-то тебе здесь не по нутру? – с улыбкой осведомился Джоусып.

– Все по нутру, особенно мягкое ложе.

– И хорошо вы почивали? – спросил у всех Ламшац, а ответил Аалыку:

– Никогда ранее мне не доводилось так спать.

– Как так? – спросил сам Рамзыц.

– Одна половина моя спала, владыка мой, другая бодрствовала.

– Возможно ли такое?

– Возможно, возможно, пол-меня сладким сном наслаждалась, а другая...

– И чем же была занята другая? – с лукавой улыбкой перепрыгнул его Джоусып.

– А тем, что волосы на себе рвала, укоряя себя, что дома не усидела. Не место мне здесь.

– С этой половиной все ясно, но что снилось той, что на себе волосы не рвала?

– Молодая хазарка снилась, пригожая, но с норовом. Говорю: «Выходи за меня замуж» – отказывается. Замыслил – силком увезти, та половина, что не спала, заартачилась: «С чего это силком увозить чужеземку? Мало тебе других напастей?» Как видите, обеим моим половинам судьба не улыбнулась.

Он скорчил жалобную гримасу, рассмешив друзей, улыбнулся и Рамзыц, но тень тревожного сна не покидала его. Он вновь повернулся лицом к окну и подумал, что до конечной цели путешествия путь лежит немалый. С тех пор, как увез Джарымхан, он не пересекал границ каганата. Это было впервые. За окном простирался город Саркел, весь застроенный мазанками из белой глины. На хазарском языке слово «Саркел» и означало – белоглиняное становище. На этом самом месте Рамзыц впервые увидел Джарымхан. Тогда здесь была ставка ее отца хана Юсуфа. Позже он переехал в Итиль и сделал город тот центром своего каганата. Рамзыц был немало наслышан о Джарымхан, прежде чем увидел ее воочию, ведь он со своими союзниками гуннами и аланами нередко появлялся на землях Хазарского каганата.

Возможность умыкнуть прекрасную дочь кагана представилась не сразу и не случайно. Никогда даже на дыбе не выдаст Рамзыц тех, кто способствовал ему, но корни тянулись аж из Константинополя, а некоторые побеги прорастали в самой Абхазии. Джарымхан пленила его с первого взгляда и, к великому его счастью, он также настолько пришелся ей по сердцу, что она ради него решилась на отчаянный шаг.

В то время, когда дочь кагана еще не отважилась на бегство, но Рамзыц уже знал со всей определенностью, что без нее не вернется домой, от одного хазара он узнал следующее. Оказывается, в Саркеле проживал именитый купец, чья жена – абхазка (хазар, разумеется, сказал «обезка», как у них повелось). Поначалу Рамзыц и поверить не мог, что кого-то из его родной стороны занесло так далеко. Но хазар не ошибся, и вскоре Рамзыц оказался в обычной для хазар

постройке, именуемой юрта, где внутри все было устроено на абхазский лад, и где хозяйка на чистейшем абхазском языке приветствовала гостя: «Добро пожаловать, брат мой». Звали ее Антица, дочь Арнаута. Была она уже в годах, с внуками, как и с сыновьями, говорила только на родном языке, и Рамзыца поразило, что сыновья ее хазары свободно и чисто говорят на языке его отчизны. Да и еду она готовила ту, к которой привыкла в родительском доме. От нее Рамзыц узнал, что не она одна связала свою судьбу с хазаром, здесь можно было встретить и ее землячек, и дочерей аланов, и тех, кто родом из Армении или Лазики. С мужем Антицы Рамзыцу не довелось познакомиться, он в ту пору отсутствовал, уехал по торговым делам к булгарам месяца на два. Но с сыновьями ее Рамзыц враз сблизился, взаимная приязнь, существующая меж племянниками – чадами сестер и дядями, как бы захватила их.

– Навещаете материнскую родню, ведь путь неблизкий? – спросил Рамзыц.

– Навещаем, как же иначе, – сказал один из сыновей и будто в подтверждение своих слов показал гостю абхазский нож в ножнах с серебряной насечкой, полученный в дар от двоюродного брата при последней поездке на родину матери, состоявшейся не так давно. Именно этому сыну Антицы Рамзыц первым доверился и рассказал о Джарымхан и своих видах на нее. А уж тот поделился новостью и с братьями, и с матерью. Братья сразу взяли сторону Рамзыца, а мать сильно встревожилась. Она хорошо знала нравы хазар, особенно пугало то, что Рамзыц остановил свой выбор на прекрасной дочери кагана. К тому же Джарымхан была засватана за сыном своенравного и сурового болгарского короля Аспаруха. Там уже готовились к свадебному пиру.

– Заклинаю тебя, оставь это намерение, – взмолилась она. – Если речь шла бы о любой другой хазарке, я по мере сил способствовала бы твоему счастью. Но ты затеваешь слишком опасное дело.

Однако сыновья убедили мать, что без Джарымхан Рамзыц не покинет страну хазар, да и отступись он, покрыл бы свое имя на родной стороне позором. Осуществить задуманное – дело чести.

– Расположения дочери кагана добиться непросто. Она засватана, и затея эта зряшная, – твердила Антица.

Поскольку она была единственной, кто могла проникнуть к Джарымхан, не возбуждая подозрений, пришлось поведать ей, что дочь кагана не только наслышана о славе и доблести молодца из-за гор, но видела его самого, и обоюдная любовь захватила молодых. От Антицы же требовалось передать невесте кольцо с пальца жениха и сообщить, что и сам жених находится неподалеку, да принести весточку от степной принцессы. Ничего не оставалось Антице, как, спрятав на груди золотой перстенок с драгоценным камнем, отправиться в цитадель ханских сыновей... И удача улыбнулась ей, о чем свидетельствуют события, позже имевшие место, и читателю уже известные... Теперь же вернемся к нашим путешественникам, оставленным на постоялом дворе в хазарском Саркеле.

Рамзыц со спутниками направлялся в Итиль. В путь он пустился по зову своего деверя Барджил-хана, просившего прибыть на встречу в главный город каганата. Поначалу путешественники морем добрались через Керченский пролив к хазарскому поселению Тамань. В свое время гунны сровняли Тамань с землей, однако город сумел возродиться и жил тревожной, но оживленной жизнью приморского поселения. Тамань покинули вскоре, опять же водным путем, но уже по Азовскому морю. У устья Бузана наши путешественники пересели на ладью с небольшой осадкой, удобную для плавания по рекам, и сошли на берег в Саркеле. Далее им предстояло ехать сушей. Они полагали, что до Итиля придется добираться в повозках.

Поднявшись, путники облачились в дорожные одежды и вышли наружу. Все, кто в это время находился поблизости,

бросив дела, стали разглядывать чужеземцев. Рамзыц и его земляки были в бурках: войлочных длиннополых накидках с широкими стоячими плечами, завязывавшиеся у ворота кожаными тесемками. Спутники Рамзыца были облачены в черные бурки, а хазарский зять – в белоснежную.

Низкие серые облака нависали над Саркелом, и редкие снежинки опадали наземь.

– Из лета шагнули в зиму! – определил Аалыку. – И куда они торопятся? У нас еще осень толком не началась.

– Никак замерз, Аалыку?

– Не то чтобы замерз, но мурашки по спине бегают.

– Так то не от холода, то настоящие мурашки! Ненароком захватил их в Абхазии, теперь мечутся – боятся, домой дорогу не найти, – сказал на то Джоусып.

Спутники рассмеялись. Рамзыцу нравилось, что свита его не унывала, но сам от внутренней тревоги избавиться не мог.

Некоторое время они так простояли снаружи постоялого двора, давая пищу для разговора глазающим на них. Но вскоре в конце улочки, хорошо просматривающейся с облюбованного нашими путешественниками места, появился всадник на вороном скакуне, следом за ним неслись оседланные, но без седоков, кони. «Сон в руку» – с замершим сердцем подумал Рамзыц. Но тут же признал в верховом старшего сына Антицы Казылбека. Тот по наказу из Итиля опекал гостей из-за гор с момента их прибытия в Саркел. Это он устроил их на ночлег и теперь привел коней по числу спутников, чтобы те могли верхом продолжить путь.

Упомянем одну подробность из жизни Казылбека. Он был в числе послов, отряженных Барсбит-ханым к обезам с дарами для народившегося правнука. На земле своей матери Казылбек не выдал знания абхазского языка, и что самое странное, но и Рамзыца удержал некий необъяснимый душевный порыв, и он не подал виду, что ранее знал Казылбека, и о том, что понимает тот язык абхазов, умолчал.

Здесь же он рассчитывал на него, как на родного брата, и не без оснований. Казылбек не раз попадал с ним в разные переделки и показал себя верным человеком. Накануне при встрече, когда Казылбек заговорил на чистейшем абхазском языке, спутники Рамзыца обомлели, а он, подтрунивая над ними, сказал:

– Вы думали, Апсны закончилась там, за горами? Она всюду и в самом неожиданном месте может заговорить на родном языке.

Рамзыц вместе со свитой двинулся навстречу Казылбеку. Тот, завидев приближающихся, натянул поводья, и легко спрыгнул на землю. Кони, что следовали за ним, склубились черной тучей, загораживая улочку, и вновь Рамзыц вспомнил давеча увиденный сон. Спешившийся всадник в лохматом головном уборе, в выворотке, в необычных для взора гостей ноговицах, раздумавшийся от быстрой езды, походил на неведомого зверя, но пошел он им навстречу с открытой улыбкой и на абхазском языке пожелал доброго утра. Они и оттаяли.

– И тебе доброго утра, добрых дел! – отвечали наперебой.

Про себя же подивились, кто таков сей знаток абхазского языка в чуждом одеянии, на чужой земле – купец, толмач или кто поважнее? Однако никому в голову не пришло обратиться с разъяснениями к Рамзыцу. Он приучил их к тому, что сам скажет все, что посчитает нужным сказать. Но в душе возгордились они своим предводителем. «Рамзыц на то и Рамзыц, чтобы и на краю света найти соратника, который будет счастлив поддержать ему стремя».

Путешественники с удовольствием поглядывали на оседланных коней прекрасных кровей. Ламшац подошел к одному из них, положил руку на седло.

– Зачем беспокоился, могли бы и в повозках добраться, – сказал он вежливо Казылбеку, любовно проведя ладонью по холке коня.

– Никакого беспокойства, в конях у нас недостатка нет!

– Тогда ногу – в стремя! – сказал Рамзыц и прежде, чем сесть в седло, обратился к Казылбеку: – У нас говорят, сделай доброе дело и пусти по воде, все равно твоего берега не минует рано или поздно. Если случится, что у нас не хватит сил за добро вознаградить тебя, оно все равно не пропадет.

– Сил тебе не занимать, высокий родич мой! – сказал по-абхазски Казылбек. – И да приумножатся они! Сделанное мной не стоит твоей благодарности.

Путники ловко взобрались на спины коней, и кони не стали дичиться новых хозяев. Заметно было, что они отлично объезжены. Скакуны были выше низкорослых абхазских коней, пошире в груди. «На узких горных тропинках от них толку было бы немного», – подумал Рамзыц, и в который раз увиденный сон предстал перед внутренним взором.

Они, сердечно попрощавшись с Казылбеком, двинулись в путь, и дорога их пролегла меж бескрайних хазарских степей. Навстречу дул холодный ветер с редкими снежинками, и они низко надвинули на лбы лихо завязанные вокруг головы башлыки. Но ветер все равно резко охлаждал лица. Время от времени дорога сводила их с другими путниками, но те не поднимались в стременах, приветствуя незнакомцев, не вскидывали вверх руки в знак добрых намерений, как привыкли абхазы у себя на родине. Здесь встречные путники с хмурыми лицами проскакивали мимо. И абхазы после нескольких попыток вежливо приветствовать случайных встречных, убедились, что дело это зряшное, и уже ехали, не обращая внимания на посторонних. Но не обращать внимания на богатые бесконечные земли, которыми они проезжали, не могли. И прикидывали в уме, какое ощущение простора должно жить в душах людей, чьи владения столь обширны. Часто мимо проплывали пшеничные поля, где суетилось множество уборщиков урожая, попадались вдоль дорог и поселения, где вместо домов стояли кибитки. Они видели и целые аилы, которые в период сбора урожая прибыли поближе к пажитям, доставшиеся им еще от пред-

ков. В тот период, когда выпало нашим путешественникам преодолевать хазарские бесконечные степи, многие хазары уже вели оседлый образ жизни – строили прочные дома, города. Но страсть к кочевой жизни еще бурлила в их жилах. И даже ханский сын Барджил Барджигустан, если его не отвлекали войны, начинал томиться от оседлой жизни и время от времени переезжал со своими домочадцами из одной резиденции в другую. А те, кто попроще, вовсе кочевали по степи и то там, то здесь раскидывали шатры, жгли костры. Но кочуя, они без особой спешки приближались к своим родовым землям, чаще всего располагавшимся вдоль рек Чира, Цимлы и других, и, разумеется, вокруг главного города каганата Итиль. Абхамам показалось, что они попали в страну, чьи жители все время в пути, и бродяжнический удел дарует им радость. Когда же по пути стали попадаться верблюды, на чьих спинах были сооружены чуть ли не домики с занавешенными окошками, с балдахинами, путники уже не в силах были сдержать изумление.

– Увидеть такое и умереть! – сказал Ламшац.

– А чего умирать, в самое время начать жить. Вон, та дева, что выглядывает из окошечка верблюжьего, как бишь его... паланкина? – из моего сна! Именно она всю ночь мучила меня, то обещала выйти замуж, то отказывалась от своего слова! – отозвался Аалыку, не сводя глаз с юной хазарки, с любопытством выглянувшей из своего притороченного к верблюду гнездышка.

– Своей любовью к степным девам вы погубите нас! – шутиливо посетовал Ламшац, но признал: – Хороша, чертовка!

Дева поняла, что встречающие путники любят ее, и луноликое белокожее лицо озарилось улыбкой. Опомнясь, она, напуская на себя суровость, свела к переносице темные тонкие брови и что-то тихо проговорила. Мгновенно из окошечка выглянули, точно птенцы ласточек из гнезда, еще два юных личика и все трое беззастенчиво стали разглядывать путников, что-то щебеча на своем языке.

– Будь время, перемахнул бы я на спину этого двугорбого чудовища! – мечтательно сказал Аалыку, проезжая мимо.

– Нам бы живьем домой вернуться, а не на подвиги замахиваться! – перебил его Ламшац. – То, что сошло с рук Рамзыцу, тебе не сойдет, не рассчитывай.

– Утомил я вас дальней дорогой, – вздохнул Рамзыц, улышав свое имя. – Отправились бы прямо через горы, давно были бы на месте.

– Но сколько чудес мы не увидели бы! – возразили ему путники.

– Только, если доведется умыкнуть еще одну хазарскую девицу, отправимся проверенным путем через горы, – вполголоса проговорил Аалыку, пряча усмешку в вислые усы. На редкость ловко смотрелся он на хазарском коне. Они так сливались мастью, так всадник врос в спину коня, так сразу и седок и вороной почувствовали друг друга, что теперь казались они единым существом наподобие мифического кентавра.

Бескрайние степи сменились поселениями вдоль дорог, щедрыми садами и виноградниками. Виноградные лозы вились по ольховым деревьям, совсем как дома, и наши путешественники не могли отвести от них глаз. А жилище хазар не напоминало постройки абасгов. Это были мазанки с плоскими или чуть-чуть приподнятыми крышами, встречались и срубы, но гораздо реже... Домов было великое множество, и по мере приближения к Итилю становится все многолюдней. Мужчины, женщины, дети в пестрых разнообразных одеяниях суетятся, как разворошенный муравейник, слышен многоязычный говор...

Пока наши путешественники едут, не слишком погоняя коней, посматривая по сторонам и перебрасываясь шутками, будто и не выезжали из своих владений, и держат путь от реки Бзыбь к Кодору, опередим их ненамного и первыми вступим в предместья Итиля. Столица ханского каганата раскинулась на берегах реки, давшего ей имя. Итиль – медлительная долинная

река. Она не в пример горным потокам неслышно катит свои воды, по ней легко скользят просмоленные рыбацкие лодки. Итиль – река богатая и удивительно щедрая: рыбаки, доставив улов на берег, тут же прямо из сетей продают свою добычу, а когда улов слишком велик и не находится желающих купить, так его и вовсе даром раздают. У самого берега всегда пахнет рыбой. По берегу реки жмутся друг к другу мазанки. То здесь, то там видны постройки для омовения. Улочки здесь тесные, предместья заполнены лавками гончаров, кузнецов, золотых дел мастеров и прочих ремесленников. Здесь же снует множество торговцев, перекупщиков, стоит шум, гам. Ближе к сердцевине столицы улицы расширяются, они из-за нехватки булыжника вымощены осколками черепиц и костями диких зверей. Сады виднеются почти за каждыми воротами. Возле домов и вдоль ворот высажены цветы, разнообразие их и красота не могут не привлечь внимания. В каждом дворе – колодцы с высокими воротами, с которых на веревках свисают стянутые из верблюжьей шкуры кожаные ведра...

Дороги в Итиле забиты множеством повозок с широчеными, точно обода жерновов, колесами. Впряженные в них кони то и дело испражняются. И потому, перекрывая все запахи, плывет над городом запах конюшни. Человеку, попавшему впервые в город, может показаться, что он очутился в гигантском загоне для табуна. Лошадиный навоз никем не убирается, подсохнув, он начинает рассыпаться, ветер поднимает его и, скручивая в подобия маленьких смерчей, носит по улицам. С непривычки с этим свыкнуться непросто. Торговля здесь идет повсюду. Не просто город – город-ярмарка: везде палатки купцов, и здесь же, погоняя блеющий товар, прохаживаются продавцы овец, ведут коров. Прямо на землю сброшены кипы ваты, горы шкур разнообразных зверей. Торговля идет оживленная, большей частью один товар обменивается на другой. Хазарские женщины жизнь готовы отдать за различные украшения. Огромным спросом пользуются дутые стеклянные браслеты. За них согласны выло-

жить даже серебро, но и серьги, бусы, кольца не остаются без внимания. Хазарские женщины при ходьбе поблескивают и позвякивают от множества нацепленных на них драгоценностей и безделушек. Не довольствуясь творениями мастеров-ювелиров, они и в волосы вплетают безумное количество лент, блесок. Прекрасная невестка абасгов Джарымхан тоже питала слабость к украшениям, это давно было замечено новой родней. Она никогда не снимала с пальца первый дар Рамзыца – золотое кольцо с драгоценным камнем и не снимала из ушей старинные серьги, которые собственноручно вдела ей в уши Барсбит-ханым, когда внучке исполнилось двенадцать лет. Но по сравнению с соплеменницами, Джарымхан была куда как скромна и соблюдала меру, учитывая, с присущей ей тонкостью, вкусы новой родни.

Итиль – город беспокойный. Время от времени вспыхивают драки, женщины кричат душераздирающе. Поножовщина часто кончается гибелью кого-либо из участников схватки. Родичи погибшего незамедлительно учиняют расправу над убийцей, хотя здесь и не принято, как в Абасгии, годами лелеять обиду и из поколения в поколение мстить кровным врагам. Для чужака Итиль вдвойне опасный город. Иноземца нарочно могут втянуть в ссору, в драку, чтобы завладеть приглянувшимся его имуществом.

Лишь полгода прошло, как был отстроен дворец-крепость властителей Хазарии в Итиле, после того, как столицу перенесли из Саркела сюда. Для новой резиденции кагана место выбрали вне пределов Итиля: он был построен на морском островке, в виду города. И если смотреть с берега, остров издали представлялся плывущим гигантским судном.

Несмотря на то, что попасть во дворец можно было только по плотам-мостам или на лодках, была могучая твердыня окружена высокой крепостной стеной, и охраняли ее изнутри и снаружи великое количество вооруженных людей. У дверей каждого покоя несли караул отборные воины. Сам дворец, в котором пребывал Барджил Барджигустан, был сложен из

красного кирпича. В каганате только ханам и их прямым потомкам дозволялось использовать для жилища этот строительный материал. Меж ханскими постройками, также сложенными из такого же кирпича, вились мощные дорожки с высаженными вдоль них ухоженными кустами и цветами. Под высокой аркой помещался главный вход в выстроенный ротондой дворец ханов. Высокие двустворчатые двери, обитые чеканным серебром, чем-то напоминали наследие персов, сохранившееся и по сей день в архитектуре Самарканда и Бухары.

У хазар есть такой обычай: при передаче власти от кагана к наследнику того, кто должен взять в руки власть, приглашают на собрание высокородных лиц и их приближенных. Наследник восходит на высокий постамент, и тут на него набрасывается тонкий шелковый шнур. Петля стягивает горло, наследника опрокидывают наземь и начинают душить. Теряющего сознание претендента на престол спрашивают: «На сколько лет хватит тебя управлять ханством?» Он отвечает: «На столько-то». Тогда его освобождают, поднимают на ноги, он приносит клятву на верность каганату, и с этого мгновения считается правителем страны. Жестоким сей обряд объясняется тем, что в ханах много божественной силы. А сколь она велика, хан должен определить сам, находясь на краю гибели. Если же случается, что каган, оставаясь верховным правителем, стареет, дряхлеет или начинает проигрывать одну войну за другой, его умерщвляют. Любой, кто становится каганом, знает о возможном исходе и понимает, что не только благополучие каганата, но и собственная жизнь зависит от личных свершений.

Отец Барджила Барджигустана Юсуф дожил до глубокой старости, долго болел, и участь быть умерщвленным неотвратимо надвигалась на него, но он опередил события, скоростижно скончавшись. Его наследник Барджил Барджигустан, «проведенный через шелковый шнур», сам едва

избежал гибели, когда совсем молодым проиграл первую битву с арабами. Только благодаря безоговорочной победе во втором столкновении с ними же и тому, что он самолично сразил вражеского предводителя грозного Джерарха, Барджил не только уцелел, но и стяжал себе славу. Однако опять беспокойно на границах каганата. Между тем, хазарская армия, победившая арабов, нынче уже не та. На ее боеспособности наверняка отразится и то, что Барджил Барджигустан разбил ее на небольшие отряды и отправил в разные концы каганата, чтобы они на местах защищали хазарскую землю. Разобщенность в часы войны редко приносит пользу. Между тем арабы, прослышав о его поездке в Византию, пришли в ярость и строят козни. Что же касается болгарского царя, тот копит обиды, настоящие и мнимые, и невзирая на то, что хазары родственник булгарам народ, роет им яму. Раздоры ширятся и внутри страны. Постоянно приходится урезонивать многоязычные племена, населяющие хазарскую землю, предотвращать их столкновения, держать щит меж кем-то и кем-то. В последнее время херсонские караимы, живущие на окраине страны, решили отложиться от каганата. Возможно, придется их усмирять, как усмирили в свое время римляне восставших абасгов, иначе они с волчьим своим нравом всегда будут смотреть в сторону.

Многие беды происходят оттого, что нет единой веры, которая объединила бы все народы, проживающие в каганате. Не то, чтобы силком, но и не так, чтобы совсем по доброй воле хазары приняли иудаизм, и большинство из них долго не могли отойти от поклонения деревьям, своим богам. Когда же наконец худо или бедно, но признали верховенство единого бога на небесах – Тенгри-хана, с южных рубежей, сбивая с толку хазар, и без того не твердых в вере, стала распространяться иная вера – христианская. Она шла из Византии, но сюда проникала через Абасгию. Правители Абасгии исповедовали христианство, и благодаря тонко проводимой ими политике часть аланов уже склонилась к

новой вере. Вскоре наверняка она распространится на всю Аланию, оттуда перекинется к гуннам, а уж от гуннов до хазар и вовсе рукой подать...

После совершенной год назад поездки в Константинополь, Барджил Барджигустан пришел к выводу, что страшнее самых кровавых войн сшибка вер, глубокая пропасть, пролегающая меж людьми, чьи духовные миры чужды друг другу. Сейчас с пронзительной болью в сердце он думал о том, что две любимые его сестры Чичак и Джарымхан растворились в христианском мире, исповедуют веру не отцов, а своих мужей. В этом он видел большую опасность для каганата. И многое, о чем с ним толковал в Константинополе Лев Исавр, спустя время, да и еще отсюда, из сердцевины каганата, смотрелось по-иному, вызывало разноречивые чувства и вновь рождало тревогу о родной земле. Особенно, когда были все основания беспокоиться о ее безопасности. Тогда, вернувшись из Константинополя, Барджил Барджигустан узнал, что Джарымхан родила. И рождение у обезов за горами Кавказа младенца так проняло гордое сердце его бабушки, что она даже послов с дарами снарядила в далекую страну. Барджил-хану показалось удивительным, как это Барсбит-ханым так сильно смягчилась. Сам он вести поначалу обрадовался, а теперь же не знал толком, как к ней отнестись. Возможно, союз с обезами и станет щитом против полчищ арабов, но кто знает... Беспокоило то, что родной брат хазарского зятя состоит в близком родстве с царем Картли. А с Картли у хазаров отношения не складывались, и все потому, что именно через земли Картли арабы совершали свои походы на каганат. Будто бы и не было здесь вины картлийцев – арабские полчища попросту попутно сминали их – как говорится, если плетень низок, так все через него норовят перелезть. Но Барджил Барджигустан помнил и другое. Когда его отец Юсуф, разметав на своем пути арабских захватчиков, дошел до самой столицы Картли, картлийцы не слишком были признательны освободи-

телю. Таковым он вряд ли являлся в их глазах. Прошло совсем немного времени, как они стали требовать ухода хазар. Дело дошло даже до того, что картлийцы устроили шествие, неся на палке безобразную тыкву с вырезанными щелками глаз, громадным ртом и редкими усами из пакли. Таким неблагодарные эти люди видели хазарского кагана. Ничего не оставалось, как жестко расправиться с ними... Теперь же, пользуясь родством с обезами, возможно, удастся влиять на армян, албанов, укрепиться по ту сторону Кавказа. Что же касается христианства, широким потоком надвигающегося на каганат, неужто великий покровитель хазар, взирающий на них с небес Тенгри-хан не сумеет его сдержать?

Между тем наши путники неуклонно приближались к конечной своей цели – к Итилю. Долгий путь, пролеглий через однообразие равнин, сообщил им неторопливость, и они ехали, не слишком подгоняя коней. Постепенно дорога стала подниматься не то чтобы в гору, а на не слишком крутое, как бы людьми насыпанное возвышение. Возможно, для здешних степных мест оно могло сойти и за холм... С этого возвышения путники углядели приближающихся всадников, одетых точь-в-точь, как они сами. Путники догадались – это те самые хазары, которые приезжали в Абхазию с дарами от правительницы Барсбит-ханым. Среди щедрых подарков абхазского царя послам были и бурки.

Рамзыц и его спутники сошли с встречными всадниками у подножия холма. И гости, и хозяева радостными возгласами приветствовали друг друга. Оказались здесь хазарские воины не случайно: правителями они были посланы навстречу гостям, чтобы сопроводить тех к ханскому дворцу. Ведомые хозяевами наши путники вступили в пределы шумного города и, стараясь не сильно выказывать удивления, но зорко поглядывая по сторонам, узкими улочками пересекли весь город и оказались на взморье. Здесь они спешили. Сопровождавшие путников люди

спустились с ними к самому берегу и повели их, ошеломленных, но не подающих виду, по зыбким настилам плывущего моста.

Помимо многочисленной челяди и вооруженной охраны, в ханском дворце на этот час пребывала сама Барсбит-ханым. При ней находились три пожилые женщины, бывшие вдовами ее мужа, но никогда не имевшие такой власти, как она, и неизменно остававшиеся в тени ее могучей воли и ума. Еще четыре женщины (включая и мать Джарымхан), пребывавшие в крепости-дворце, являлись женами покойного сына Барсбит-ханым Юсуфа. Присутствовали здесь и две жены нынешнего кагана Барджил-хана со своими отпрысками.

Все они собрались во дворце в ожидании мужа Джарымхан и втайне лелеяли надежду, что муж взял с собой их своенравную беглянку, а значит, наконец, они смогут повидаться с ней...

Мы пока еще ничего не рассказывали о матери Джарымхан. Она была родом из племени аланов. При очередной стычке хазар с аланами совсем юной девой мать Джарымхан попала в плен. Она была так хороша, что покорила сердце Юсуфа и стала не наложницей, а четвертой его женой. Несмотря на то, что она была моложе всех жен, из-за своей красоты, из-за того, что Юсуф уделял ей необыкновенно много времени, она оказалась не только на положении любимой жены, но и советчицы кагана. Но когда речь заходила о делах в женской половине дворца, она ни в чем не смела прекословить своей грозной свекрови и даже растить собственных детей по своему разумению. Воспитанием внуков единолично занималась Барсбит-ханым, так же как со смертью сына взяла в свои руки негласное управление страной. Взлелеянный ею внук Барджил не только любил ее и чтил, но и ценил неженский ум правительницы и во многом следовал ее советам. Но года берут свое, и хотя Барсбит-ханым с упорством, столь присущим ей во всем, сопротивляется времени, но исход

предначертан. Когда Тенгри-хан призовет ее к себе, неминуемо возникнут раздоры между женами Юсуфа, желающими занять освободившееся место. Хотя Барджил-хан наверняка расчистит путь своей матери, столько лет затмеваемой, как яркое солнышко тучами, стальным нравом свекрови.

Самого Барджила-хана в этот час еще не было во дворце, хотя со дня на день ожидали его прибытия. Он уже двое суток как пребывал в выдвинутой в море цитадели, десять лет тому назад воздвигнутой близ Дербента. Там располагалась часть его армии. Цитадель была сооружена, как щит от набегов арабских захватчиков. Подняв дух гарнизона крепости, Барджил-хан вместе с верными своими соратниками двинулся на мостах-плавунах в обратный путь к островку Абесгун (его на современных картах вы не отыщете, он взят морем), где располагалась его главная резиденция и где его властная бабушка ждала гостей из Абасгии. Именно она настояла на том, чтобы пригласили мужа Джарымхан в каганат.

V

В низовьях реки Мысра, стремительным потоком скатывающейся со склонов горы, покрытой ельником, находилась длинная постройка, сложенная из белого камня, чьи высоко расположенные оконные проемы напоминали амбразуры. Внутри нее работали кольчужных дел мастера. Каждый сидел возле своей массивной наковальни и трудился не покладая рук, что не мешало, впрочем, перебрасываться шутками с другими мастерами. Все были одеты в одинаковые кожаные фартуки, замаранные, как и мозолистые, в ссадинах руки кузнецов, железной окалиной. Зато уже готовые изделия мастеров, висевшие в другом конце помещения, сверкали подобно чистому серебру. Узкие лучи солнца, проникая через окна-бойницы, дробились на кольчужных сплетениях, переливаясь всеми цветами радути.

Сюда-то вместе со служителями из дворца Джугом и Джарнасом вошел маленький Леон, во все глаза глядя на сверкающие доспехи и на мастеров, склонившихся над наковальнями. Как ни был он взволнован тайнодействием создания воинского облачения, но тем не менее не растерялся и приветствовал их по-взрослому обстоятельно:

– Добрых вам дел! Бог в помощь!

– И тебе добрых дел, малыш! – ответствовали мастера, оторвавшись на миг от работы.

В мальчике не сразу признали наследника, но как только стало ясно, кто пришел с Джугом и Джарнасом, оружейники дружно поднялись с мест. Самые молодые из них, с любопытством поглядывая на Леона, о чем-то зашептались. Когда столько могучих кузнецов разом встали, едва не задевая головами потолок полуосвященного помещения, озабоченного к тому же непривычным взглядом призрачным блеском кольчуг, развешанных по стенам, мальчик на миг растерялся, но тотчас взял себя в руки.

– Пусть Всевышний долгой жизнью да доблестью отметит твой путь! – пожелал ему один из мастеров, высокий черноусый мужчина со шрамом на щеке.

– Благодарен за добрые слова! – степенно промолвил Леон, снизу вверх глядя на мастера, и протянул ему руку.

Тот осторожно подержал в ладони детскую руку и отпустил.

– Да не лишиться нам твоего присутствия! – сказал другой мастер.

Леон обменялся и с ним крепким рукопожатием, а затем он обошел всех остальных и с каждым поздоровался отдельно.

Кузнецы с одобрением поглядывали на наследника, невольно ощущая харизму будущего великого правителя, которой в полной мере он обладал.

Затем Леон остановился у стены, где были развешаны готовые кольчуги. На своем веку он еще ни на ком не видел брони и не совсем понимал, как следует носить воинское облачение.

Кто-то из мастеров снял со стены одну из них и набросил на плечи царевичу.

– Пока поноси эту кольчугу, а подрастешь, непременно выкуем тебе доспехи, что будут достойны твоей отваги!

Кольчуга оказалась непомерно велика мальчику, но кузнец, проворно убрав лишние звенья в плетении, подогнал ее под рост Леону.

Все залюбовались царевичем – так он был хорош в стальном одеянии. В довершение преподнесли ему еще и боевой шлем. Витязь получился отменный, хоть не держал в руке ни лука со стрелой, ни меча, ни кинжала.

Видно было по всему, что Леон восхищен полученными дарами. Ведь он был так юн, и все, что было связано с боевым снаряжением, не могло ему не нравиться. Но кузнецы встревожились, что во дворце могут не одобрить того, что они посмели мальчика одеть как воителя, будто намекая, что без него мало защитников у страны. И служители, с кем пришел царевич, не знали, радоваться или сердиться.

– Снимай кольчугу, нам пора возвращаться, – положил руку на плечо царевича Джарнас.

– Не сниму.

– Снимай, снимай, – поддержал Джарнаса Джгуг.

– Нет.

– Кольчуга весит много, к чему она тебе? Благодарение Всевышнему, пока мир стоит на нашей земле. Лучшая кольчуга для такого, как ты, молодца – любовь, всенародная любовь, да пребудет она с тобой во веки веков, – сказал один из мастеров.

Черноусый мужчина со шрамом возразил ему:

– Пусть загодя почувствует себя воином! Этой доли ему не миновать! Оставайся во всеоружии.

Мальчик с благодарностью глянул на него и, не поддаваясь на увещевания, покинул кузню в обнове, звеня металлическими колечками. Сопровождавшие челядники последовали за ним. Несмотря на то, что кольчуга весила немало,

мальчик скорым шагом, распрямив плечи, шел по взгорью. Джарнас с Джгугом едва поспевали за ним. По дороге малышня толпами приставала к ним, все канючили: «Леуа, дай поносить доспехи», но он гордо вышагивал впереди, не удостоивая их ответом. Они же все бежали следом, не сводя завистливых глаз с блестящего снаряжения своего маленького предводителя. По дороге Джарнас с Джгугом предприняли еще одну попытку снять кольчугу с Леона, но безуспешно. Царевич не подчинился, и теперь они со страхом думали о том, что во дворце им достанется из-за того, что они забрели в мастерскую бронников. Но делать было нечего. Когда же, наконец, они достигли дворцовых пределов и царевич вбежал в ворота, сопровождаемый толпой разновозрастных разгоряченных мальчишек, Джарнас и Джгут заторопились раствориться среди челяди и схватиться за привычные дела с надеждой, что если они не будут мозолить глаза, то, авось, и пронесет. Тем более в этот час во дворце отсутствовала вдовствующая царица с принцессой. На гвалт, поднятый детьми, на высокое крыльцо вышла Джарымхан.

– Посмотри на меня, мама! – крикнул ей Леон.

За шумом детских голосов Джарымхан не разобрала слов сына, но принялась спускаться по лестнице.

– Гляди, во что я одет! – теперь по-хазарски обратился к матери Леон.

– Что же это на тебе такое?

– Доспехи, мама, доспехи!

Мальчик вскинул руки, и колечки кольчуги издали звонкий металлический шорох, словно мелкая галька, перемешиваемая отступающей морской волной.

Дети по-прежнему не сводили с него завистливых глаз, они расталкивали друг друга, чтобы оказаться поближе к царевичу. Дав матери налюбоваться собой, Леон скинул кольчугу и бросил мальчишкам – мол, пока что она свою службу сослужила. Кольчугу подхватил самый рослый и накинул на себя. Его обступили дружки, требуя дать и им примерить.

– Торопись жить, – сказала Джарымхан, белоснежным платком промокнув пот на пылающем от жара и возбуждения лице сына. – Невмоготу замедлить шаг?

– Ты видела, как кольчуга сидела на мне?! Как на настоящем воине!

Он жалел, что ни отца, ни дяди не было во дворце, мог бы и перед ними покрасоваться.

– Прекрасно сидела! Но к чему тебе воинское снаряжение?

– Разве я не воин?!

Между тем дети подняли невероятный гвалт из-за кольчуги. По одному разу каждый из них ее уже примерил, теперь они хотели пустить ее по второму кругу.

– Довольно! – крикнул Леон, и ватага ребятишек враз замолчала, не думая оспаривать слова. – Дайте сюда!

Леон забрал кольчугу, поднялся на одну из дворцовых веранд. Аккуратно повесив там снаряжение, сбежал во двор и с мальчишеским азартом предложил:

– Давайте играть. А кольчуга – не игрушка.

– Давайте играть! – подхватила за ним ребятня.

И долго непривычный к детским забавам царский двор оглашался мальчишескими криками. Садовники с неодобрением поглядывали на то, как вытаптывается ухоженная густая трава двора, но остановить разгулявшуюся ватагу, пока не велит разойтись царевич, они не решались, понимали: все равно будет так, как пожелает наследник. Он первенствовал во всем – и в шуточной борьбе (а ну, кто кого на лопатки положит!), и в таких играх, где побеждала быстрота ног, а не сила и ловкость.

И то, что так все легко у него получалось, удивляло и радовало его безмерно.

После столь насыщенного дня маленький Леон, добравшись до ложа, уснул мгновенно. А на рассвете посетил его такой сон: из дворца, что в поднебесье, он спустился вниз, на побережье и очутился на морском берегу. На море стоял

полный штиль, и оно было совершенно безмолвно. А ему хотелось услышать его. Он стоял и смотрел на морскую гладь, смотрел, смотрел... Море стало потихоньку волноваться, сначала пошла небольшая рябь, потом стали подниматься волны. С каждым разом становясь выше, они обрушивались на берег и разбивались на тьму-тьмущую соленых капель. Вдруг зеленые валы с белопенными «гривами» расступились, и молодой воин в сверкающих доспехах, с которых бежали наземь потоки воды, вышел на берег, за ним – другой, третий... Витязи следовали один за другим, великое множество витязей. А море, выпуская их, убывало, как выкипает вода в котле над костром. Наконец, влага морская иссякла, и страшно было смотреть в отверзшуюся бездонную пустоту. Волны, обернувшиеся воинами, шумели на берегу, и не было порядка среди них. Но через мгновение на валуне, невесть откуда здесь взявшемся, очутился Леон. Но не маленький наследник, а взрослый, такой же, как его отец, и прозвенел высокий его голос, требуя тишины. И тишина наступила сразу же – так молчало море, когда он спустился к нему. Леон обнаружил, что он, как и бойцы на берегу, облачен в доспехи с ног до головы, а за спиной его – лук с колчанами, в руке – сверкающее стальным наконечником копьё. Среди воинов, замерших по его приказу, он различил множество знакомых лиц – это те ребята, с которыми он играл на царском дворе, но тоже возмужавшие. Он держал речь, они внимательно слушали. И доволен он был тем, что говорил, и тем, как ему внимали. Потом Леон спрыгнул с высокого валуна и тут же услышал конское ржание. Это бежал к нему подарок родичей-хазар, тоже превратившийся из жеребенка в боевого могучего коня. В мгновение ока взлетел Леон в седло. Откуда ни возьмись, возле каждого воина очутилось по коню. И как только царевич оказался на спине своего четвероногого друга, они тоже вскочили на своих скакунов. С криком «чоу!» он вырвался из гущи воинов, ведя их за собой. Дно морское вдруг поднялось,

обернулось бескрайней равниной, и по этой равнине помчался Леон на своем быстроногом коне, слыша за спиной многотысячный гул верной дружины. Так они летели по вечной земле, и ветер пел в ушах, но вот застит им солнце мчащиеся им навстречу воины-чужаки. Сходятся две рати, и бурлит битва, как до того бурлило море, кони роняют с удил пену, ржание их сливается со звоном скрестившихся клинков. Сеча все длится, и Леон, несясь на верном коне, сшибает противников и слева, и справа, прокладывает себе широкую дорогу. Неожиданно путь ему заступает всадник на черном коне – и сам громадный, страшный. Они сходятся один на один. Меч Леона с маху обрушивается на шею черного всадника, но тому все нипочем, клинок бессильно отскакивает, не причиняя никакого вреда. Леон вновь наносит удар, и каленая сталь ломается пополам. Отбросив бесполезный меч, он направляет острие копья в грудь черного человека. Ему не удастся даже поцарапать ничем ни защищенный торс противника. Поражает бездействие врага. Тот не торопится нанести ответный удар, будто понимает, что Леон, суетясь, укорачивает собственный век, а вреда ему причинить не в силах. Неуязвимость противника, что и говорить, пугает царевича. С намерением сразить хотя бы коня черного человека он пытается проткнуть мощного зверя копьём и слышит, как острие звенит, соприкасаясь с крупом коня, будто встретив железный щит, а не живую плоть. И тогда, не желая сдаваться, в ярости Леон кричит что есть мочи. И, о чудо – неуязвимый противник валится с коня на землю и лежит там, раскинув руки и ноги, жизнь явно покинула его. А конь и вовсе сдулся, как проколотый бычий пузырь. И тут же остатки армии противника обращаются в бегство. Но теперь Леон знает, в чем его сила – в богатырском кличе. И он, преследуя армию, кричит и могучим голосом сбрасывает наземь чужаков – всадников, сбрасывает, сбрасывает...

Джарымхан, встревоженная тем, что ребенок мечется в постели, будит его, ласково поглаживая по вспотевшим волосам: «Проснись, Леон, проснись». Он открывает глаза и долго не может понять, где находится. Увидев разложенную на спинке стула кольчугу, он вспоминает события яви и радостно улыбается. Глаза его блестят, щеки пылают, и Джарымхан понимает, что у него жар. Тотчас приходит призванная взволнованной невесткой вдовствующая царица. Она, как всегда, не дает воли чувствам. Бабушка садится на подвинутый к ложу Леона стул, на спине которого висят доспехи. Леону чудится, что и бабушка облачилась в кольчугу, и металл мерцает на ее груди. Он тянет к ней руки.

– Что ж, мой герой, не поднимешься, не оденешь кольчугу? – ласково шутит она, беря его горячую ладонь в свою. Джарымхан с неодобрением смотрит на металлическую рубашку, полагая, что она всему виной: слишком мальчик носился с ней, набегался, застудился. Но вдовствующая царица определяет, что у мальчика не простой жар. У него – корь. А так как корь для абхазов не просто болезнь, она всегда считалась признаком присутствия божественных гостей, которых надо принять со всем возможным радушием, дворец наполняется срезанными в саду охупками роз. Все одеваются в светлые одежды, толкуют о недопустимости ссор, свершения каких-либо недостойных поступков.

– Да будет с тобой благословение Господне! – крестится вдовствующая царица.

Следом за ней крестится Джарымхан...

Царица велит настезь распахнуть дворцовые окна. Свежий весенний воздух проникает в помещение, до Леона доносится пение птиц. Его щеки алеют, как розы, расставленные повсюду прислужницы окропляют углы детской святой водой. Тотчас всю округу облетела весть, что к наследнику прибыли «гонцы небес». А природа вокруг наряжается весенним цветением так пышно, так ярко, будто и она принимает святых посланников.

VI

Леон один шел по широкой дороге, когда ему повстречался рыжий человек-гигант. Он был длинноволос, борода, и даже руки у него были чрезмерно волосатыми, а глаза сверкали так, будто слишком долго смотрели на огонь, и частичка пламени перекочевала в их глубину. Гигант был бо-соног, ступни его оказались столь велики, что понадобилось бы как следует разбежаться, дабы перепрыгнуть один лишь большой палец на его ноге. Столкнувшись со столь необычным незнакомцем, Леон немного испугался и остановился. Солнечный ясный день как бы купал в золотом блеске гиганта, и на него, двигавшегося в ослепительном ореоле, больно было смотреть. Леон решил, что ему встречный почудился, марево жаркого дня сыграло с ним шутку. Он продолжил путь, но великан никуда не делся. Расстояние меж ними сокращалось. Но Леон, преодолевая страх, шел вперед. Когда меж ними оставалось шага два, не больше, оба остановились.

– Меня не надо опасаться, – сказал гигант на языке, ни разу не слышанном, но, странное дело, Леон его понял. – Я Чистый Дух этой земли, мне столько веков, сколько ей. Ушедшие поколения, нынешние, грядущие – все мои потомки. Я мало кому являюсь, а кто случайно увидит, тот за лесного человека принимает.

– Откуда идешь и куда путь держишь? – спросил Леон.

– Это смертные откуда-то идут и куда-то направляются, они проходят, а я всегда на месте. Я – вечный и всегда там, где надлежит мне быть. Я знаю, какая у тебя светлая душа, я – твой друг, только никому не рассказывай обо мне. – Рыжий гигант протянул свою широкую шершавую ладонь и положил его на голову Леону.

Удивительное ощущение испытал Леон – озноб охватил все его тело, и в то же время он чувствовал, как неведомая добрая сила вливается в него. Он становился крепче, как

стать после закалки. Не таково ему было при недавнем посещении «гонцов небес», и сравнивать не стоило.

– Я столько познал, я столько видел и многое готов тебе поведать при будущих встречах, – посулил Леону гигант, опуская руку.

– Расскажи что-нибудь сейчас...

– Всему свое время. Жди следующей встречи.

– А где увижу тебя я в следующий раз?

– Нет нужды определять место для встречи. Для того, кто способен узреть меня, я всюду. Только научись без опаски доверяться мне, и мой дух, возможно, войдет в тебя.

– Я не стану опасаться!

– Я вижу: так оно и есть. Ты станешь великим сыном отчизны своей. Ты люб мне. С момента рождения твоего я приглядываю за тобой. Это с моей помощью ты так рано выбрался из люльки, и всем твоим поступкам, что приводили твоих родичей в изумление, способствовал я. Я причастен к предкам твоего отца, но не чужд и материнскому роду, как не чужд ничему на земле.

– Ты меня видел, а я тебя – нет?

– Человек не видит собственной души, так же мир не видит Духа своего. Но по делам вершится суд над человеком и миром. А дела и есть плоды души.

С этими словами гигант пропал из виду. Сколько Леон ни вертел головой, ни вблизи, ни вдали он не мог его угледеть. Леон подошел к тому месту, где стоял рыжий великан. Громадные ступни того отпечатались на дороге. Осторожно наследник примерил, как обувь, следы к своей ступне. Они были очень ему велики.

Царевич свернул с дороги и садами да лугами, преодолевая плетеные ограды, добрался до раскидистой орешины, поднимавшейся над мощенной камнями дорогой, что шла с севера. Под ореховым деревом часто собирались люди преклонного возраста, потолковать о том, о сем, сжимая в своих все еще сохраняющих крепость дланях увесистые по-

сохи. Не пустовало место в тени ореховых листьев и сейчас. Приблизившись к дереву, Леон всмотрелся в лица стариков, и вдруг ему показалось, что меж ними пребывает и только что встреченный гигант, только он успел переодеться в местную одежду. Старец, сидевший лицом к дороге, первым углядел царевича и, несмотря на тяжелым грузом лежащие на плечах года, сильным движением воткнув посох в землю, оперся на него и поднялся, чтобы приветствовать мальчика. Следом поднялись и другие, оглядываясь, кому же воздаются столь высокие почести.

– Да это же царевич... как он возмужал... доброй дороги тебе, будь достоин наследия отцов, продолжай свой путь.

Так сказал старец, чем-то походивший на того рыжего гиганта, и уселся на прежнее место. Благодарный и за сказанное, а в глубине души и за то, что старец походил на удивительного незнакомца, столь поразившего его воображение, мальчик, хоть и без слов, но всем своим видом выразил уважение к седоголовым мудрецам. «Откуда они все меня знают?» – удивился про себя Леон и, вновь пренебрегая мощной дорогой, перешел на другую сторону и через сады и поля направился в сторону дворца. Он ступал по густой траве, и ему казалось, что и в природе что-то переменялось, и что теперь она видит его. Раньше не замечала, как и он не замечал, огненноволосого гиганта, хотя тот, оказывается, часто появлялся возле него, а теперь разглядела. И водопады не просто шумят, срываясь с вершин, а смеются, радуясь и ему, и жизни, а в щебете птиц чудятся отзвуки материнской колыбельной. Деревья навстречу ему машут ветвями, совсем как люди – руками. А сам он чувствует такую легкость и такой прилив сил, что ничуть не удивился бы, если бы вдруг взлетел выше деревьев, туда – к небу. Как хочется поделиться чудесным своим состоянием и с матерью, и с бабушкой. Добраться бы до дворца и сразу все рассказать. Но гигант велел никому не говорить о встрече. Почему? Он так его испытывал? Проговорится, так тот в следующий раз

его упрекнет: «Мужчина должен уметь хранить тайны, а ты не сумел!» Значит, надо молчать, как ни трудно, но надо удержаться и не выдать, сберечь втайне отблеск чуда. Да, это испытание. И он выдержит его с честью, как и подобает мужчине. Леон шел скорым шагом, полной грудью вбирая чистый воздух, он упивался им. Воздух отечества вливал в него силы, придавал крепости его юной жизни, готова к будущим свершениям. Солнечные лучи, пробиваясь через купы деревьев, играли на его лице, волосах, а если он, увлекшись, запрокинув голову, пытался взглянуть в солнце, выжимали слезы из глаз...

Той ночью Леон все грезил встреченным гигантом – Духом земли. А наутро он собрал множество своих сверстников, числом не менее ста, и в долине затеял всевозможные соревнования и игры. И в стрельбе из лука, и в беге, и в борьбе, во всем не было царевичу соперника. Друзья, привыкшие к тому, что он всегда побеждает, тем не менее заметили, что на этот раз у него все получается с удивительной легкостью. «Укрепился душой, и плоть стала сильнее», – определил он для себя, дивясь тому, что так много зависит от незримой силы духа. Наигравшись вдоволь, ребята расположились отдыхать, кто прямо на траве, кто на бревнах, разбросанных по лугу. Леон облюбовал себе место на замшелом горбатом, как верблюд, камне и уселся на верхушке «горба». Он подумал, что он во всем намного опережает своих сверстников, и эта мысль причинила ему боль. Ему стало грустно и скучно. Он подумал, что куда было бы лучше сейчас сидеть возле старцев под ореховым деревом и слушать их рассказы о минувшем, уж не говоря о счастье вновь встретиться с Чистым Духом земли. Друзья, заметившие, что царевич заскучал, вскарабкались к нему на камень и стали его тормошить, упрашивая вновь затеять состязания, хотя и понимали, что победителями им не быть. Леон постарался скрыть, что игрища и ребячьи ристалища ему приелись, но и вовлечь себя в забавы не дал, сказав, что на сегодня хватит и пора расходиться по домам.

Время уже клонилось к вечеру. Полуденное нещадно палившее солнце ближе к закату смягчило свой нрав, и теперь его лучи ласково играли на лицах детей. Дойдя до определенного места, Леон распрощался со своими друзьями и уже в одиночестве привычной дорогой, поднимавшейся в гору, направился в сторону дворца. Он преодолел половину пути, когда, подняв глаза, обнаружил, что на вершине холма, склонив мощную голову в задумчивости, стоит давешний рыжий гигант, и солнечные лучи всеми цветами радуги играют на его плечах. Первое желание Леона было повернуть назад, но, понимая, что Чистый Дух всеведущ и его трусливое бегство будет замечено, стал подниматься на холм. Через мгновение он сам дивился тому, что хотел повернуть назад, нет, теперь он хотел поскорее добраться до гиганта. Леон так торопился, что и вспомнить потом не мог, как оказался возле Чистого Духа. Он просто вдруг обнаружил, что сидит рядом с ним, и мохнатая рука исполина лежит на его плече, но не придавливает его тяжестью своей, а наоборот, дарит тепло и покой. Со стороны, если бы кто и глянул, то обнаружил бы лишь царевича, одиноко сидящего на холме и глядящего вдаль. Для посторонних глаз Чистый Дух невидим. Да и сам Леон не столько видел его, сколько слышал удивительную речь – не на языке отца Леона, не на языке матери. Говорил Дух скорее на древнем наречии хеттов, но понятно было все, до единого слова.

– Сегодня ты играл замечательно, – похвалил сидевший рядом, возвышаясь над ним, как скала. – Не знаю, заметил ли ты меня, но я был поблизости, помогал во всем. Ты не слишком загордился своими победами. Как и полагается герою. А потом, когда я вышел из игры, ты забрался на горбатый камень да заскучал. Но не все же ведь радоваться и играть. Человек и грустить должен, и задумываться. Камень, на котором ты сидел, я когда-то принес в эту долину, и все могильники-мегалиты, которые ты встречаешь, обтесаны моими руками. Пройдет много-много времени,

а люди все будут дивиться, кто же обтесал и сложил гигантские камни, кому удалось? А сложил я их для того, чтобы дух ушедших с земли не растворился бесследно, чтобы память о них стояла. Там, на камне, опустилась на тебя грусть, как облако, и скуке нашлось место. Но человек не должен чураться грусти. Печалюсь, он многое открывает для себя. Ты рано стал о многом задумываться, и многое заботит тебя, не страшись этого, не верь, что думы старят человека. Гляди, я весь в думам с сотворения мира, а разве я немощен и стар? Кого надо жалеть, так тех, кто не научен думать. Кто забывает вчерашний день, тому – завтрашний никакой надежды не сулит. Я знаю, тот, кто много думает, часто чувствует себя одиноким, но не бойся и этого. Сильный духом выйдет победителем из самого страшного ристалища. Помни об этом и никогда не падай духом. Это самое тяжкое падение. Еще скажу я, отечество твое познало много горя. И много раздоров и войн и в будущем суждено еще познать ему. Ибо досталась тебе слишком красивая, лакомая для завоевателей земля. Но всегда хранила ее благодать. И сколько бы ратников не сходилась в смертном бою, непременно оставался еще и пахарь, который прокладывает борозду и бросал в землю зерна. И если спросить того пахаря: «Неужто ты не слышишь, что сошлись насмерть две рати, время ли копать в земле?», он ответит: «Битва прокатится, как гроза, и стихнет, а земля должна родить каждый год, иначе жизнь иссякнет».

– Запомни и другое: откуда ты родом, и никогда не забывай. Давным-давно на этой земле жил маленький народ – ацаны. Они были столь малы ростом, что взбирались даже на папоротник, чтобы срубить его веточки. Малы они ростом были, да неуязвимы, ничто их не брало. Ацаны не были добры, не растили в себе душу, а все строили злые козни. Разгневался Всевышний на то, что ацаны не хотят обернуться лицом к Добру и решил их извести. Однажды спускается с небес в поселение ацанов золотая цепь, на цепи златая

люлька висит. В ней лежит младенец и улыбается. Обрадовались ацаны дару и стали растить младенца. Он рос не по дням, а по часам. Как вырос, спросил своих воспитателей: «Вы ни перед чем не останавливаетесь и ничего не боитесь, неужто ничто не может вам навредить?» «Если выпадет снег из ваты, да так много, что станет вровень с коньками крыш наших домов, да упадет в него раскаленный уголь, тогда, верно, нам спасения не будет, – ответил ему трехсотлетний ацан-старец. – От всего иного мы уберемся».

Выслушал его воспитанник ацанов и через мгновение исчез. Стали его искать, кликать, но он как сквозь землю провалился. Спустя время старейшина ацанов заохал:

– Приближается наш последний час. Своими руками мы взлелеяли не мальчика, смерть свою.

И он указал на стадо коз из загона. У вожака стада – старого длиннородого козла борода шевелилась.

– Что с того? – недоумевали ацаны.

– А то, что ветер поднимается, – ответил старейшина. – Это он шевелит козлиную бороду. Триста лет живу, и ни разу ветер не задул у нас. Конец наш близок.

Ветер все крепчал. Повалил густой ватный снег и валил три дня и три ночи кряду. Потом с неба упал раскаленный уголь, и все сгорело дотла. Место ацанов заняли глупые великаны. Когда и они сошли с лица земли, здесь зародился род Нартов. Они – корни твои. Слава о Нартах шла по миру. Их было 99 братьев. Мать звали Сатаней Гуаша, единственную сестру их – Гунда. А рождение младшего Нарта – Сасрыкуа – произошло чудесным образом. Силой духа он был зачат. Старшие братья завидовали младшему, чурались его, бастардом называли. А он берег их, даже как-то с неба звезду сорвал, спасая от лютого холода неблагодарных братьев.

– Откуда же ты обо всем этом знаешь? Ты был с Нартами?

– Я говорил тебе, что живу с сотворения мира, и все, что было и будет, ведомо мне. Я знал и Абрьскила и ангелом-хранителем был для Сатаней Гуаша.

– О каком Абрьскиле ты упомянул?

– О прикованном в пещере.

– Кто его приковал? За что?

– Герой соперничал с богами. Они разгневались и приковали его к железному столбу. Пещера, где вбит в землю тот столб, находится в поселении Отап. Это у подножия горы Панаю. К железному столбу герой прикован стальной цепью. И верный его конь привязан тут же и тоже стальной цепью. Пищей и герою, и скакуну служит закаленная сталь. Из пещеры вытекает речушка. Она выносит наружу навоз скакуна Абрьскила. Она так и называется – Вычищающая конский навоз... Абрьскил отважно боролся за то, чтобы земля его была свободна. Горд был герой невероятно. Если на его пути оказывалась низко свисающая виноградная лоза, он никогда не склонял голову, чтобы под нее пройти – опасался, что боги могут это принять, как поклон им. Он выхватывал меч и рассекал лозу. Он родич твой. Его мать была сестрой твоего прапрадеда.

– Он никак не может выбраться из пещеры? И никто не может ему помочь?

– Герой неустанно раскачивает столб, чтобы вырвать его. Когда остается приложить еще немного усилий, чтобы тот пал, откуда ни возьмись, появляется красноголовый дятел и садится на макушку столба. Герой в ярости хватается за молот, лежащий поручь и пытается пристукнуть птицу. Но птица улетает, богатырский удар Абрьскила вновь вгоняет столб на прежнюю глубину. И все приходится начинать сызнова. Губит героя то, что в последний миг он не может совладать с собой. После благородной силы духа самое главное для человека – терпение. Запомни и это навсегда.

– Не выходит со столбом, разорвал бы богатырь цепи!

– Разорвать их никому не под силу, это такие цепи, что громадные парусники удерживают возле берега.

– Неужто никто не пытался помочь ему освободиться?

– Отчего же, пытались. Однажды родичи отца твоего нагрузили доверху мула свечами и вошли в пещеру с намерением добраться до Абрьскила и освободить его. Я вел их. Для них незримый, я шел впереди. От одной догорающей свечи мы зажигали другую, слабо освещая свой путь в кромешной тьме. Ничего живого, кроме летучих мышей, нам не попадалось, а шли мы долго-долго. Наконец, донеслось до нас богатырское дыхание героя, и мы окликнули его. Он отозвался и стал расспрашивать, растет ли на родимой земле до сих пор папоротник, не душат ли честные деревья колючки, есть ли еще несправедливость под солнцем, и многое другое. Наши ответы исторгали из могучей его груди стон: благодать не сошла на его Апсны. Когда мы сообщили, что идем ему на выручку, он крикнул, что это невозможно – чем ближе мы будем подходить к нему, тем больше незримые силы будут отдалять его от нас. Мы не в состоянии изменить его участь, мы не можем снять заклятия богов, что бы мы ни предприняли, ничто не пойдет ему во благо. Герой велел возвращаться нам восвояси. Ничего не оставалось, как с великой печалью в сердце подчиниться, ибо каждое слово его было правдой.

– И до сих пор Абрьскил томится в пещере?

– Да, это так...

– Даже тебе, Чистому Духу, не дано его выручить?

– Я не даю ему погибнуть, я укрепляю его дух, лишь это пока в моих силах. Но большее хочу свершить я для вас, подрастающих. Я тебе уже говорил и повторяю: трудной дорогой, подобной крутой горной тропе, шли и идут твои предки. Только отобьются от одних врагов, другие – тут как тут. И если твои родичи у небес просили чего-то, так это передышку, чтобы успело без войны подняться хоть одно поколение. Иначе кто же отстоит землю предков? Но довольно, остановимся на этом. Опасаюсь, слишком многое открыл сегодня тебе, всего не запомнишь.

– Запомню. Благодарю тебя за все сказанное.

– Не стоит благодарности. Теперь подними-ка колокольчик, что у ног твоих лежит. Это непростой колокольчик. Когда-то Нарт Сасыркуа носил его за пазухой и часто он его выручал. И тебе пригодится.

Действительно, среди изумрудно зеленеющей травы у самых ног Леона посверкивал золотыми отблесками колокольчик. Мальчик поднял его, и находка звонко заговорила в его руках. Удивительный был колокольчик. Золотое сияние он излучал и изнутри, и снаружи, а когда язык колокольчика касался его боков, он издавал неизъяснимые по своей красоте звуки.

– Пора прощаться, мы еще встретимся с тобой, только храни тайну наших встреч непременно. И колокольчик никому не показывай!

– Я понял тебя.

– Счастливо тебе оставаться, и да будет с тобой Благословение грядущей ночью и грядущим утром и так каждый Божий день. А того черного человека, который явился тебе в сновидении, я помог одолеть тебе. На меня ты можешь полагаться всегда, посему духом не падай.

Исполин исчез. Стало тихо-тихо. Леон поднял голову, огляделся. Подумалось, а вдруг все это пригрезилось? Но в руках он держал настоящий золотой колокольчик. Наследник поднялся, сорвал с ближайшего дерева несколько листьев, затолкал их в колокольчик, чтобы язык неурочным звоном не выдал его, обернул листьями и саму находку, сунул за пазуху.

Леон шел к дому, освещенный закатным солнцем еще одного прожитого им дня. Под косыми лучами солнца низко пылал на западе небосклон, и гладь морская серебрилась от них.

VII

Макушка лета – месяц Куркуа – вовсю раскаляла землю. Спасаясь от жары, Леон и его друзья поднялись к верховьям горной реки Псырдзха и долго наслаждались прохладой, по очереди становясь под ледяные потоки там, где

они срывались со скалы. Затем спустились пониже и под огромным вязом затеяли игру в ножички. Когда и эта забава наскучила, они устроили иное состязание – с разбегу поднимались, сколько могли, по стволу вяза и спрыгивали с высоты, точно рыси. Через некоторое время Леон остановил потеху, объявив, что пора возвращаться. Рядом с ним вышагивал его близкий друг Хезан. Они чуть оторвались от других ребят и, когда вошли в поселение, оказались ближе к воротам, за которыми жил бобылем кузнец Каинагу. Леон и его товарищ не раз и не два заглядывали к старику. Жил он в закопченном домишке, крытом соломой, но юные друзья находили там много заманчивого. Несмотря на преклонные годы, Каинагу и сейчас держал наготове военное снаряжение – меч, кинжал, не раз чиненную старую кольчугу. Рядом висело седло для боевого коня и плетъ для него же. Молодому Каинагу ходил в военные походы с царскими отпрысками. Он был редкий златоуст, и его можно было слушать по полдню не то что не прерывая, дыхание забывая перевести. Молодым он представлялся чуть ли не прямым потомком Айнара-кузнеца. Того самого, без которого не могли обходиться герои Нарты. Это Айнар-кузнец вырубил изображение героя из героев Нарта Сарыкуа из скалы, где высечено оно было могучей силой духа, это он закалил спустя время его в горне. Айнар-кузнец, чья правая рука служила ему молотом, левая – клещами, а колено – наковальней, скреплял медными ободками разбитые в битве головы великих Нартов, изготавливал им стрелы, ковал мечи.

Наследник с другом вошли в ворота двора кузнеца и огляделись. За жилой хибаркой виднелась и другая постройка – кузня. Годы бременем лежали на плечах Каинагу, и было время это не из легких, но он до сих пор не оставлял своего дела. А сколько подмастерьев прошло через его руки... И со всеми он щедро делился тайнами ремесла. Когда Каинагу убеждался, что подмастерье уже годится в кузнецы, он от себя дарил ему молот, наковальню и клещи. А

потом, как полагалось по обычаю, чтобы соблюдалась верность ремеслу, выжигал тонкую прядь волос на голове молодого мастера или обмазывал ему лицо сажей и с дарами отпускал восвояси. Был он человек старой веры, поклонялся разным богам и более всего – богу кузниц Шашве. В своей кузнице он благословлял младенцев именем бога Шашвы – сажал их в долбленное деревянное корыто для закалки стали. Женщин на сносях для благополучного разрешения Каинагу окроплял водой, настоянной на углях из кузнечной жаровни, а тем, кто долго не мог разродиться, советовал выпить воду, в которой закалял мечи да кинжалы. У святой его кузницы люди давали клятвы или снимали заклятия. Служители христианства косо поглядывали на Каинагу, но он оставался верен древним богам. Вдовствующая царица, втайне больше склонявшаяся к вере дедов, как-то приводила сюда беременную Джарымхан, и Каинагу вознес молитвы о ней со всеми подобающими почестями. На молодую тогда все это произвело неизгладимое впечатление. В той стороне, где она выросла, не только не ведали о боге кузниц, но никогда и не встречали оседлых кузнецов. Обычно те, кто занимался кузнечным ремеслом, разъезжали на повозках из поселения в поселение, делали работу и исчезали невесть куда.

Наследник и его спутник потоптались на месте и, наконец, углядели хозяина, который лежал на лавке под развесистым ореховым деревом в стороне от хибарки. Они замялись, не желая нарушать его покой, но желание послушать старика было велико, и друзья подбодрили себя мыслью, что Каинагу просто прилег ненадолго отдохнуть. Спящим среди дня они его еще никогда не заставляли. Приминая густую траву, двое отроков неслышно двинулись к месту отдыха старика. Они ступали так тихо, что, наверно, и мурашку не потревожили бы. Но Каинагу, видно, шестым чувством, непомерно развившимся за долгие годы жизни начеку, ощутил присутствие посторонних и с проворством, удивительным для его возраста, сел на лавке.

– Аа, это вы... Добро пожаловать.

Он поднялся на ноги, приветствуя, и пригласил их сесть на широкую деревянную скамью напротив себя.

– Что у вас нового, что хорошего с той поры, что мы не виделись? – осведомился он с улыбкой, поглядывая на них из-под низко нависавших сросшихся бровей.

– Все хорошее, – ответил за двоих Леон.

Он и его спутник почему-то уселись на разных концах скамьи, точно опасались ненароком соприкоснуться друг с другом.

– Хорошие дела – это добрая весть, со злыми об руку я и представить вас не могу.

Молодые гости дружно улыгнулись. Им нравилось, что порой старик позволял им помахать вместо помощника молотом, самым легким, чтобы не надорвались, или разрешал раздувать огонь. А уж многочисленные мечи, кинжалы, копья, стрелы, висевшие на плетеных стенах кузницы, все бывали в их руках.

– Побудьте одни чуток, – сказал старик и направился в сторону хибарки.

Должно быть, он переживал, что в доме некому ему помочь собрать на стол. Но все в округе знали, какой у него щедрый нрав, и если к нему заглядывали гости, а случалось это нередко, он никого не отпускал, не отправив на заклание бычка или какую иную живность и не попотчевав гостя свежим мясом. Приходилось, понятно, звать подмогу – беспокоить соседей, но это было дело привычное, и все охотно помогали одинокому старику. Леон и Хезан были еще слишком юны, чтобы затевать в их честь пир, да и не считались они гостями, просто зашли по пути послушать сказки деда, но совсем без угощения он отпустить их не мог.

Через некоторое время старик окликнул детей:

– Идите-ка сюда, покажу кое-что.

Они сразу догадались, что зовут их за стол. Хотя немного они и проголодались, будь их воля, предпочли бы сра-

зу перейти к увлекательным историям старого кузнеца. Но знали по опыту: пока не сделаешь так, как желает Каинагу, никакого чудесного рассказа не услышишь.

Возле кузницы прямо из скалы по деревянному желобку стекала вода. Тут же на вбитом в землю разветвленном колышке висело грубо тканное льняное полотенце.

– Омойте руки, – предложил старик

Они сделали, как он велел, стараясь при этом не ронять своего достоинства и не забывать об уважительном отношении друг к другу, и, ведомые хозяином, вошли в кузницу, где, на удивление, было прохладно. И то понятно: обычно старик занимался своим ремеслом на заре. Плетеные стены кузницы не удерживали долго жара, исходившего от раскаленного железа. Более того, горный свежий ветерок, задувавший через зазоры в плетенке, приятно выстуживал кузницу. В одном из углов стояла аиша – низкая столешница на тонких ножках, – на которую хозяин успел поставить угощение для юных гостей: чурек, сыр, соты с медом... Даже небольшой кувшинчик с вином и маленькие самшитовые чарки.

– Не побрезгуйте моим угощением, хоть оно вас и недостойно! – с этими словами старик занял место во главе аиша.

Леон и Хезан сели друг против друга. Старик разлил по самшитовым низким сосудам вино и поднял один из них. Юные гости, поняв, что он намерен сказать тост, вскочили на ноги, заслужив одобрительный взгляд хозяина. Он был краток:

– Да снизойдет на нас Божья благодать, да будьте вы благословенны, – с этими словами Каинагу выпил вина и пригласил своих юных сотрапезников поднять чары:

– Вы уже большие, вам вино не повредит.

Друзья переглянулись, до этого они ничего крепче молодого, неперебродившего вина не пробовали. Первым решился Леон. Он взял в руки чарку и произнес:

– Да не лишиться нам твоей милости, Господи, да умереть нам в вере твоей!

Его примеру последовал и Хезан. Старик изумленно глянул на них и подумал: «Благодарение Господу, дети мужаают не по дням, а по часам, даст Бог, не исчезнем мы с лица земли, защитит нас молодая поросьль».

Трапезничали они недолго, гости – сначала Леон, за ним и его верный друг, поблагодарив за угощение, вышли из-за стола. Затем вместе с хозяином перебрались в хибарку. Посреди жилища располагался просторный очаг с высоко сложенным изголовьем. В этот час огонь не горел в нем, но головешки с угольными остриями, сложенные кончик к кончику, свидетельствовали о том, что пламя можно раздуть в любое мгновение. Над очагом висела донельзя прокопченная толстая цепь. Леон поднял голову и всмотрелся в блестящие, как уголь, балки, к одной из которых крепилась надочажная цепь, на дымовое отверстие. Он не раз бывал здесь, но вновь быстрым взглядом обвел и стропила, и широкие, вытертые до блеска скамьи по обе стороны очага, стены, сплетенные из рододендроновых прутьев... И, как всегда, загляделся на стену, на которой было развешано старинное оружие. Ему даже показалось, что мечи, кинжалы, лук со стрелами завели с ним безмолвный разговор.

– Возьми в руки, что тебе больше по нраву! – разрешил старик, проследив за его взглядом. – Ради кого же, как не ради вас, покидать им свои старые крюки?

Леон не заставил просить себя дважды. Он снял со стены древний лук, чьи могучие плечи усилены были пластинами пожелтевшей кости, кожаный колчан, полный стрел, и заторопился с добычей наружу. Хезан побежал к дальнему дереву во дворе и пристроил на нем мишень. Леон натянул тетиву и пустил стрелу. К огромной его досаде, она упала, не достигнув цели. Он крепче уперся ногами в землю, изо всех сил оттянул тетиву... прицелился...

Она задела край мишени. Третью стрелу Леон пустил с колена, и на этот раз она его не подвела, воткнулась прямо

в яблочко, дрожа оперенным концом. Хезан с радостными возгласами принес удачливую стрелу обратно. Леон передал ему лук:

– Теперь ты попробуй свои силы.

Друг заколебался на мгновение, но потом выстрелил в мишень. С первой попытки он угодил лишь в край мишени, зато следующая стрела впиалась точно в то место, куда до того – стрела Леона. Наследник обрадовался успеху друга, обнял его, поцеловал.

Старик Каинагу-кузнец вышел из жилища и, пройдя к тени орешины, уселся там. Леон и его друг, оставив состязания в меткости, сразу побежали к нему, подсели с двух сторон.

– Поддай-ка мне оружие!

Старик взял в руки лук и долго рассматривал его с двух сторон, будто впервые видел.

– Достался он мне от деда, когда я вошел в твой возраст, – сказал он Леону. – А деду достался от его деда... Луку немало лет, он участвовал во многих славных сражениях, да и в той великой сече, что случилась когда-то в Псырдзхе. К нему было несчетное количество стрел, но многие из них остались на поле брани. Это оружие не знало бесчестия, из поколения в поколение его передавали, умножая славу доброго оружия. Но года мои клонятся к закату, никто не ведает, когда наступит срок... Сегодня я передаю вам в руки этот лук, пусть он послужит верно, как раньше, пока на смену ему не придет иное, более грозное оружие. Стрел к луку осталось не так много, как в минувшие времена, но вы ведь можете без труда увеличить их количество. И чем больше у вас будет стрел, тем больше враги будут опасаться вас. Главное, никому не показывайте, в чем ваша слабость. Каждый человек уязвим. Даже у героя из героев Нарта Сасрыквы было слабое место – колено. Когда Айнар-кузнец закалял Сасрыкву в горниле, он держал клещами его за колено, оно и оста-

лось незакаленным. Враги прознали про то и одолели его. Никогда никому не показывайте своей слабости. Наш народ живет слишком бесхитростно, с душой открытой, доверчивой. В том наша слабость. А враги направляют все стрелы в нее и разят без промаха...

Леон слушал его, не пропуская ни одного слова, и чем дольше говорил Каинагу-кузнец, тем больше сходства он находил в нем с рыжеволосым гигантом, ведшим его по жизни невидимкой для всех других.

– Ты сказал, что этот лук участвовал в великой сече в Псырдзхе. В какой сече, поведай.

Старец молчал долго, и Леон терялся в догадках, услышан он был или нет. Наконец, поглаживая круглый набалдашник своего посоха, Каинагу-кузнец заговорил:

– Много с тех пор воды утекло, а память о той битве не стерлась... Я слышал о ней от своего деда...

Он замолчал. Наследник и его друг с нетерпением ждали продолжения повествования, но не смели торопить рассказчика. Лук с колчаном, полным стрел, лежал возле Леона, но сейчас все внимание мальчика было направлено на сказителя.

– Ныне мы ладим с эллинами, это верно. Многие из них живут рядом с нами, и мы не отворачиваемся от них. Но было время, жестокое время, когда земля наша стала ристалищем меж ромеями и персами. Ромеи правили у нас и хотели, чтобы мы только их обычаев придерживались, соблюдали лишь христианские обряды, отринув своих богов. А персы жаждали непременно в свою веру нас обратить. Устал наш народ жить меж молотом и наковальней, устал от жестких порядков ромеев, и на народной сходке все как один сказали: довольно с нас эллинской премудрости, хотим жить по воле своей. Такой дерзости правители-ромеев не могли простить Абасгии, так они называли нашу землю. Вдобавок до них дошло, что абасги не прочь обратить свое лицо к персам. Хотя

скажу я вам: желали-то мы одного – по-прежнему поклоняться своим, а не чужим богам. Прослышали персы, что добром стали поминать их в краю наших дедов, и ордой двинулись к нам, хлынули через земли наших соседей – лазов. Здесь встретились их военачальники с нашими правителями. Шестьдесят отборных наших юношей были отданы персам в залог нерушимости заключенного союза. На обратном пути персы разорили Лазику, пленили красавицу Феодору, жену правителя Лазики, и увели с собой.

– Почему? – удивился Леон.

– И лазы находились под рукой ромеев. Должно быть, персы злейшим своим врагам хотели насолить. Красавица Феодора происходила из знатного ромейского рода.

– Что же было потом?

– Пропать недоверия и обид пролегла меж нами и ромеями. Мы устали от того, что все больше и больше ромеев становилось на нашей земле и больше всего их было среди правителей. Несметные наши богатства растаскивались чужеземцами, на собственной земле с нами обращались, как с рабами. Терпению тоже есть предел. Тяжело приняли весть о бунте Абасгии большие правители из Рима и решили они нас усмирить прежестоко.

– И они напали?

– Погоди, услышишь... До того, как главный римлянин снарядил к нам свои галеры, военный предводитель ромеев, в ту пору стоявший со своими воинами в Константинополе, запечатывал его имя, пусть будет проклят он в веках, был отозван в Рим. Отсюда его послали к предводителям войск, пребывавших в стране армян, с поручением расправиться с непокорными абасгами. Из страны армян он явился к лазам, те были глиной в их руках, и нас хотели превратить в грязь. В Лазике собрались верховные военачальники ромеев. Они соединились с прибывшим из страны армян рыжим псом, чье имя я тоже запечатывал. Из бесчисленного воинства ромеев он выбрал самых злых, посадил в многочисленные галеры и

отправил к берегам Абхазии. Близ Аквы часть армии высадилась на берег, а часть плыла на галерах в виду берега. Когда они приблизились к крепости в Псырдзхе, то увидели, что абасги будут обороняться и немалое число их укрепилось и на склонах горы, намереваясь принять бой вне крепости. Тогда коварные ромеи вновь разделились, часть их снова погрузилась на галеры и будто бы уплыла. На самом деле они обогнули мыс и напали на крепость с тыльной стороны, а абхазы приняли бой с оставшимися на суше захватчиками. Вскоре обнаружилось, что они окружены врагами, но никто не помышлял о сдаче, и не счесть, сколько пришельцев полегло. Наши стали отступать к крепости, чтобы в ней укрыться. Однако в схватке под самыми стенами не удалось отсечь врага, закрыть перед ним крепостные ворота. На плечах наших воинов ромеи ворвались в твердыню. В сече мы проиграли. Но и тогда, когда крепость была уже в руках чужеземцев, никто из абхазов, ни стар, ни млад, не думал просить пощады. Каждый дом, каждая лачуга стояла, как крепость: бились за свою землю все – женщины, дети, немощные старцы с дубинами, с камнями в руках. Тогда ромеи решили сжечь дотла захваченную землю. С крепостной стены они посылали в соломенные крыши жилищ абхазов множество горящих стрел, метали сосуды с «греческим огнем». Пламя распространялось быстрее урагана. Душераздирающий крик заживо сжигаемых женщин, детей стоял над поверженной землей. И долго-долго не выветривался с нашей земли запах гари. Да и копни здесь землю глубже, увидишь уголь – след пепелищ...

Леон поднял лежавший рядом лук, взял стрелу, так и сидел безмолвно, крепко сжимая в руках оружие.

Старик обратил свой взор на Хезана и попросил того подать колчан со стрелами. Его просьба была мигом исполнена. Каинагу-кузнец распустил сыромятный шнурок, стягивавший края колчана, перебрал стрелы и вытащил одну из них.

– Смотрите, она не похожа на других. Это стрела врага. Таких стрел после ромеев здесь было множество, чуть ли не

в каждом дереве торчала хоть одна. Этой же стрелой был сражен мой родич. Он грудью встретил ее. Мы из рода в род передаем стрелу, чтобы помнить, что пролитая кровь взыскает об отмщении, но и отмщенная она не забывается... и всегда надо быть начеку. Всегда... Эту стрелу я оставлю у себя... Остальные дарю вам. Будет время, вам перейдут и те мечи, что пока у меня на стене висят. Не превращайте лук и стрелу в простую забаву, а учитесь с их помощью твердо руку держать, точно целиться. Сдается мне, каждая пядь нашей земли пронизана стрелой. Многие невидимые стрелы оставили отметины и на моем сердце. Возможно, вас не окажется рядом в мой последний час, потому сегодня открываю вам свою волю: завещаю вам оружие моих предков, оно и мне много лет было добрым подспорьем. Услышанное же от меня не предавайте забвению.

– Не предадим, – дружно отозвались Леон и Хезан.

– Разговорился я сегодня больно. Смутная тревога гложет мою душу... Утомил я вас, похоже. Но напоследок еще скажу: ни одним оружием силен человек, умом, человечностью он тоже может одержать верх. Но о том я поведаю вам в другой раз.

– Нам бы хотелось сейчас послушать, – сказал степенно наследник, не сводя упрашивающего взгляда с хозяина дома.

Старец помолчал немного, собираясь с мыслями, и заговорил.

– Говорят, будто бы наши предки давным-давно жили-поживали в стране арапов, в Арапстане. Полцарства там состояло из угольно-черных людей, другая половина – из белых. И пролегла вражда меж белыми и черными. Кровная вражда. Чернолицые были люди беспощадные, жили войнами, вражда была для них привычна, как для пахаря сев. И настал тот день, когда белая раса должна была покинуть пределы своей страны и тайно бежать. Шли они долго, держа путь на север, шли, шли, а дороге не было конца.

Однажды остановились на привал поздним вечером. А на заре самая древняя старуха из стана подняла всех на ноги, крича:

– Ваш краткий сон обернется вечным, ежели немедленно не возьмете оружие в руки. Наш главный враг, предводитель Хазартал на своем огненном коне Дулдуле вот-вот настигнет нас.

– Что же делать? – заметались по стану измученные беглецы.

– Принести мне мешок пшена, миску соли да сито! – велела старуха.

Принесли требуемое. Старуха трижды обошла стан, посеивая пшено и соль.

К тому времени, когда разъяренный воевода нагнал их, они все пребывали в кругу из пшена и соли. Умный конь остановился у круга, не стал наступать на хлеб да соль. Старуха же вышла вперед, но, не покидая круга, встала на колени. Кто был с ней, поступили так же. Старуха обнажила грудь и обратилась к грозному преследователю со словами:

– И ты, сын мой, вспоен материнским молоком, вскормлен хлебом-солью. Уважь это, не преследуй нас. Мы идем, куда глаза глядят, и никому не делаем зла.

– Сегодня вы обошли меня, выстроили неодолимую преграду, но когда-нибудь мы еще встретимся, и тогда вам от меня не уйти! – пригрозил Хазартал и умчался на своем коне. А наши беглецы продолжили свой путь и после долгих мытарств оказались здесь.

– К тому времени ацанов уже не было на нашей земле? – спросил Леон.

Рассказчик удивленно воззрился на него, откуда, мол, это известно мальчику, но ответил степенно:

– К тому времени они были изведены огнем.

– Не Нарты ли прибыли из земли Арапстан?

Старец пристально глянул на царевича.

– Возможно, и род Нартов. Они и вправду были светлыми. А про белокожесть матери всех Нартов Сатаней Гуаша песни слагали.

– Неужто какой-то Хазартал мог обратить в бегство самих Нартов? – удивился наследник. – Неужто они не могли его одолеть, трусили?

– Возможно, они ушли в поисках лучшей доли. Человек всегда ищет лучшую долю. Не каждый раз нужно насмерть стоять, следует уметь и отступить, чтобы сохранить свой народ. Немало мытарств выпало на долю наших сородичей. Порой представляется: они все еще идут и идут по той трудной дороге, на которую ступили, покидая Арапстан. Но свыше хранимые, благодаря своей щедрости, хлебосольству, великой доброте, одолевают все трудности. И ныне хватает преследователей, схожих с Хазарталом. Но мы рассчитываем на вас, как на крепостные стены. Где-то поразите врага в сердце не стрелой – великодушием своим, где-то остановите хлебосольством, а посягнет на отчий очаг – стойте насмерть, и да покинет вас страх!

При последних словах голос старика набрал крепости и прозвучал по-молодому звонко.

Наследник и Хезан вскочили на ноги.

– Наша вам благодарность, – едва ли не в один голос сказали они. – Время уж идти.

– Доброго вам дня, не забывайте старика, заглядывайте, самая тяжкая ноша – одиночество. Пусть приходится она на долю врагов... а вы меня не оставляйте.

– Не оставим.

Старик вышел проводить их, и пока юные гости не скрылись с глаз, стоял посреди двора, держа в руках вражескую стрелу, ту самую, что когда-то его родич встретил грудью...

Притихшие мальчишки шли по дороге, размышляя об услышанном. Во дворе старика они отнесли к луку и стрелам, как к забаве, метили в мишень, радуясь, когда достигали цели. Так всегда радуется успех в детских играх. Но остав-

шись наедине с луком, они не могли отнестись к нему, как к игрушке, зная теперь его историю, зная о сраженных врагах, о страшных битвах. Леон припоминал, сколько раз его отец, стремительный, как молния, в полном боевом снаряжении вскакивал на коня и покидал со свитой царский двор. С кем отправлялся он скрестить мечи? Как зовут нынешнего врага? Мальчик вспомнил, как привычно мастера-кольчужники трудились над изготовлением доспехов. Он вспомнил и то, как закаляли клинки мечей и кинжалов. Все всегда были начеку, как бы в ожидании нападения врага.

Мальчики поравнялись с бескрайним лугом, именуемым Табунным выгулом. На самом деле, и сейчас там пасся косяк коней, среди которых находился и изрядно подросший жеребенок Леона – дар хазарской родни. Почувяв юного хозяина, конек отделился от прочих и примчался к нему. Он умным взглядом покосился на оружие в руках Леона, помотал головой. Мальчик передал лук со стрелами Хезану и, схватив за гриву молодого скакуна, вскочил ему на спину – впервые в жизни. Не зная до того седока, конек не стал артачиться, как обычно происходит с необъезженными жеребцами. На глазах изумленного Хезана быстроногий хазарский дар помчал своего юного седока по обширному лугу. «Чоу!» – выкрикнул Леон, хотя нужды в понуканиях не было никакой, конь мчался стрелой. Достигнув края луга, он повернул назад. Так несколько раз они пересекли Табунный выгул. Ветер пел в ушах Леона, и сердце рвалось к горизонту. Через некоторое время он соскочил наземь возле Хезана и, потрепав за гриву коня, назвал его:

– Дулдул!

– Не давай ему такого имени, – попросил друг. – Ведь так окликал своего коня недруг наших предков Хазартал.

– Дулдул служил врагу, да, но кровь в нем текла благородная, и хозяин не смог принудить его наступить на хлеб-соль.

Жеребенок отошел от друзей и направился к вдали пасшемуся косяку.

– Дулдул! – окликнул наследник. – Дулдул!

Жеребенок оглянулся, будто признавая кличку, и вернулся к молодому хозяину.

– Дулдул! – повторил Леон. – Мой Дулдул!

Он вновь потрепал за гриву коня, и звонкий его голос разнес по горам, по долам:

– Дулду-у-ул!

VIII

Время ускользает так быстро, что и не уследишь – куда. Приблизился и час расставания Леона с родимой землей: он отправлялся на учебу в далекий заморский край. Сколько раз мать, спустившись с ним к побережью, указывая на запад, туда, где солнце погружалось в море, говорила ему, что скоро, совсем скоро он отправится вслед за светилом набираться знаний. Мальчика, которому не доводилось покидать родную сторону, знавшего только по рассказам матери о таких больших городах Хазарии, как Саркел, Беленджер, Семендер, манила дорога. К тому же он отправлялся в ту страну, где обреталась родная сестра его матери. Родню он не видел ни разу, но, ежедневно слыша о них, о тете, о ее сыне, с которым он почти ровесник, о сказочном городе, где они живут и где предстоит ему познавать премудрости науки, Леон не мог не проникнуться к ним теплыми чувствами. Он думал, что город, где живет близкая родня, не станет ему чужим. Да и мать отправлялась с ним в заморское путешествие, чтобы царевичу, пока он не освоится, не было одиноко.

Вызванный из самой Византии знатный корабельный мастер строил для наследника ладью, на которой тот должен был отправиться в путь. В помощь корабелу были приданы множество местных искусных мастеров, чьими руками были собраны судна, бороздившие Понт Эвксинский. С предгорий сотни крестьянских сынов доставляли к побережью корабельный лес.

Леон с друзьями не раз и не два приходил к строителям судна. Те встречали его приветливо, вводили в нутро строящегося корабля, где сладко пахло сосной и смолой, а под ногами шуршали стружки. В полдень, когда работники усаживались отдохнуть, именитый корабел из Византии подзывал к себе Леона и начинал рассказывать на греческом языке о чудесах города Константинополя. Леон понимал его и даже отвечал по-гречески. Вокруг жило много греков или эллинов, как они себя именовали, особенно их было много среди военачальников. Леон играл с их детьми, с некоторыми из них близко дружил, так что они незаметно научили его греческому языку.

После рассказов корабела мечта немедленно увидеть удивительный город Константинополь разрослась в душе Леона невиданно. Он зачастил к строителям судна. Его стремление ускорить отъезд было по-ребячьи пылким, но ведь, в сущности, он и был ребенком, пусть и забывалось это порой в те мгновения, когда он вел себя не по годам серьезно. Границы нового для него мира неумолимо ширились, и понятно, что Леон торопился увидеть, как далеко он ныне простирается. Читатели, вместе с ним и вы представьте детскую пору своего народа и вспомните собственные детские нетерпеливые мечты...

Из-за предстоящей поездки больше всех переживала Джарымхан. Тому были свои причины. Она получила известие, что правительница каганата Барсбит-ханым осталась недовольна решением абасгов дать наследнику образование именно в Византии. По мнению Барсбит-ханым, это еще больше отдаляло отпрыска своевольной внучки от Хазарского каганата. Да и сам Барджил-хан не испытал особой радости, узнав что его племянника из Абасгии отправляют в Константинополь постигать науки, а заодно и нравы ромеев. Джарымхан поначалу птицей летала по дому, предвкушая встречу с любимой сестрой, и то, что сын будет жить среди сестриной родни, тоже бесконечно радовало ее. Да и Рамзыц не только

не чинил препятствий, а напротив, всячески одобрял идею отправить сына за море набираться знаний, хотя сам он специально не обучался ни в Византии, ни где-либо еще. Царицу Хирхух так же, как и далекую Барсбит-ханым, одолевали сомнения, но совсем иного рода. Причина крылась в том, что жаль было отпускать от себя маленького Леона. Он запал в сердце Хирхух, как никто иной из родных. К собственным детям она была куда строже, не потакала их капризам и своеволию. Леон же был прямо-таки соткан из своеволия, но, глядя на него, Хирхух сердцем оттаивала. Душа болела при мысли о близкой разлуке. Как странно устроена жизнь. Поколения, следом идущие, всегда более дерзкие, более сильные, раньше взрослеют, раньше умнеют... Может, в том суть неистребимости жизни?..

Вдовствующая царица была еще немало озабочена и тем, как бы в далекую страну отправить внука во всем новом и чтобы всего нового было много, сидело оно прекрасно, радовало глаз и удивляло чужеземцев красотой и своеобычностью. Хирхух лично наблюдала за работой портных. Швецам было отведено особое помещение, а возглавлял их пожилой, но весьма искусный в своем деле человек. Здесь же устроились не только швеи, но и ткачихи. Все они считались мастерицами, лучшими из лучших. Это ими кроилась и шилась одежда для царской семьи. То, что мы сегодня называем «абхазским костюмом», – архалук и черкеска были творением главного придворного портного. Легенды, правда, гласят, что еще и Нарты носили подобную одежду, но главный портной столько новшества внес в крой, что если уж зайдет нешуточный спор об истории абхазского костюма, отдать пальму первенства придется все же именно ему.

Царственная Хирхух со свитой вошла к швеям, и главный портной с некоторой неуверенностью во взгляде показал царице обновы для наследника – архалук и черкеску. Опасения мастера оказались напрасны, плоды его труда на-

столько пришлось по душе Хирхух, что тут же снарядили гонца за наследником – не терпелось примерить.

Леон тем временем ввязался на царском дворе в шумную игру со сверстниками. Дворцовый юродивый Дзиуау надевал для детворы игрушек из бычьих пузырей: надул, перевязал концы сыромятными ремешками, высушил. Теперь ребята носились с надутыми пузырями по двору, кидали их друг в друга, соперничали, кто дольше пробежится с таким пузырем, не давая отнять его другим. Гонцу так понравилась веселая игра, что он едва удержался от участия в ней, но, вовремя вспомнив о поручении, схватил за плечо Леона, вытаскивая из ребячьей толчеи. Тому не понравился жест гонца: рывком сбросил руку простолоудина, хмуро выслушал, что от него требуется. И, не обращая внимания на сопровождающего, широким шагом двинулся туда, где ждала бабушка. Игра тут же была забыта. Теперь Леону хотелось поскорее примерить обновы. Когда он вошел в мастерскую, все, кто был занят пошивом одежд для царского отпрыска, не без легкой тревоги уставились на него. Мастерницы и их глава удивлялись себе – такого необъяснимого волнения они не испытывали, когда на примерку приходили дядя или отец наследника. Мысленно они в недоумении спрашивали себя: «Что это на нас нашло?» И каждый из них жаждал, чтобы одежда пришлась впору и получила одобрение не только вдовствующей царицы, но и самого Леона.

Царственная Хирхух поначалу собралась было помочь внуку облачиться в новые одежды, но, вспомнив, что по обычаю в первый раз это должен сделать сам портной, отступила, давая тому место. Седой мастер просиял лицом, благодарный царице, что не пренебрегла она древней традицией. Он ловко надел на мальчика одежду – она сидела как влитая. Сегодня такого мастера называли бы великим кутюрье. Но в те достославные времена ему хватило и одобрительного взгляда царицы. И того, что наряд наследника выглядит на славу.

– Пройдись, покажись, – велела царица не столько для того, чтобы удостовериться, что обнова в пору, сколько любясь статью внука.

– Для полноты облачения не хватает новых ноговиц и башлыка, – сказал портной, улыбаясь одними глазами. Он тоже с удовольствием созерцал юного царевича. – Носи для радости и удач, – пожелал он потом Леону.

– А износив, смени одежкой во сто крат лучшей! – добавили мастерицы.

– Дай Бог и вам сменить хорошее на лучшее, да дарует вам Господь работы, золотом тканной, – ответила им Хирхух церемонно. Оглядев затрапезные платья работниц, царица подумала, что надо им раздать кое-что из одежды, недавно присланной ей из Итиля.

«Растет не по дням, а по часам, скоро придется шить новые вещи, – подумал про себя мастер. – Доживу ли я до его взросления, Бог весть? И сколько раз еще выпадет мне счастье поработать на наследника, то не ведомо никому, опричь Провидения».

Царица, сопровождаемая внуком, отправилась назад к себе, а обновы Леона несли следом. Здесь, в царских покоях, вновь облачили Леона во все с иголки, но теперь на ногах были новехонькие ноговицы, на голове – башлык с золотыми позументами. Джарымхан едва сдерживала слезы восторга, глядя на нарядного сына. И коснулось ее сердца острое сожаление о том, что ни в Итиле, ни в Саркиле не увидят в ближайшее время, как красиво ее необыкновенное чадо и как ладно сидит на нем одежда. Но она утешилась мыслью, что там, за морем, в Византии, тоже будут любоваться чудесным отроком и дивиться необычному его облачению...

А во дворце тем временем с нетерпением ожидали возвращения Рамзыца и старшего его брата Леона, пребывавших со свитой в Мзымте.

Корабль же, на котором намеревались совершить путешествие, был уже готов, и дожидался того часа, когда спу-

стят его со стапелей. Пока строилось судно, вдовствующая царица вместе с невесткой не раз бывали на побережье, не столько следя за ходом работ, сколько обмирая при мысли о предстоящей разлуке и опасностях морских странствий. Надо рассказать, что Царственная Хирхух при жизни мужа не раз стояла с ним бок о бок на смоляной палубе. В той же Византии ей случалось бывать не раз. Возможно даже, втайне вдовствующей царице хотелось вновь повидать Константинополь, особенно теперь, когда через младшую невестку она породнилась с византийским двором. Однако для себя она определила, что года уже ее не те, и потому не стоит предпринимать далеких путешествий. Скрепя сердце, Царственная Хирхух решила остаться дома. Относительно Джарымхан мы можем сказать одно: наездница она была отважная, и это понятно, ежели вспомнить, что у родного ее племени принято было учить детей держаться в седле чуть ли не раньше, чем ходить. Но ей, дочери степей, никогда прежде не приходилось всходить на борт какого бы то ни было судна, так что морские пути внушали ей опасения. Мир и так стоит, говорят, на спине гигантского чудища, неизвестно, что станется, если оно повернется не тем боком, даже когда ты – на суше. А если пребываешь далеко-далеко в море, откуда не видно ни кусочка земли? Больше всего удивляло Джарымхан то, что, по слухам, корабль и ночами будет двигаться по намеченному курсу. Но как же не сбиться с пути среди водного простора в полной темноте? Нет, Джарымхан не была дикаркой. Более того, ее соплеменники прочили себя едва ли не во владыки половины мира. Многие народы платили дань хазарскому кагану, давно уже строились широкие дороги, и меж юртами вырастали сложенные из самана дома. Немало хазар в каганате вели оседлый образ жизни, перенимая нравы и обычаи покоренных ими народов, впрочем, не предавая забвению и свои нравы. Не была Джарымхан ни дикаркой, ни трусихой. Будь она труслива, разве отважилась бы выпрыгнуть

из ханского терема прямо в седло к любимому и умчаться вместе с ним в страну, ни разу дотоле невиданную? Отваги и решительности ей было не занимать, хоть и не каждому дано было это разглядеть. Пожалуй, только непроницаемая темень тяжелых непокорных волос являлась внешним намеком на внутреннюю твердость хазарской принцессы. По хрупкому же стану Джарымхан, по белокожести, нежному румянцу, вспыхивающему на щеках, по теплому ее взгляду трудно было угадать присутствие сильной воли. То, что она страшилась поездки морем и опасалась, что как бы сын не заметил материнской слабости, объяснялось одной лишь чуждостью морской стихии для ее степной природы.

На третий день после описанных ранее событий прибыли домой Рамзыц и брат его Леон, которого мы далее будем именовать Леоном Старшим, дабы не путать его с племянником, нареченным так в его честь, несмотря на пожелания хазарской прабабки Барсбит-ханым. В Мзымте они улаживали долгую изнурительную тяжбу и вернулись усталые, не в духе. Сказать правду, после поездки в Хазарский каганат стал замечать Рамзыц, что меж ним и старшим братом и его окружением пролегла какая-то тень. Он словно ощущал некое недоверие. Леон Старший был не только по возрасту старшим. Именно он был назван кесарем Византии архонтом Абасгии, и главенства его никто не оспаривал, тем более единокровный брат. Случались и раньше меж ними разногласия, однако размолвки долго не длились. Сумрачное состояние, в котором они вернулись, возможно, объяснялось не только утомлением, но и недовольством друг другом. Тем не менее, надо было снаряжать наследника в дорогу, и они, отринув усталость и заботы, взялись за приготовления к отъезду. В последний раз проверили оснастку нового корабля, и лишь солнце поднялось над горизонтом на длину топорища, как к судну спустилась вся царская семья. Леон Старший поразился тому, сколько детей пришло проводить Леона младшего. Здесь было множество

отпрысков ромейских поселенцев и других народов, и все они тесно обступили Леона, торопясь за короткий срок наговориться с ним впрок. «Нам, чтобы объединять разноплеменный стан, приходится кровью харкать, как же ему удастся ладить со всеми?» – глядя на племянника, подумал архонт и покосился на жену, стоявшую тут же. Она улыбнулась, и ему стало неловко при мысли, что та могла угадать, как он на миг позавидовал юнцу-племяннику. Здесь же находились юные гости из Картли. То были отпрыски близкой родни жены Леона Старшего. Она очень любила их, уделяла им столько же тепла и внимания, сколько и собственным детям. Далекие потомки тех отроков и по сей день живут в Абхазии. Юные картлийцы тоже обступили Леона, и они не могли наговориться с ним. Леона провожала и младшая его сестричка Мрамза, которую мать иногда называла в честь своей старшей сестры – Чичак. Девочка крепко держалась за руку своей кормилицы Хилканы и широко раскрытыми сияющими глазами смотрела вокруг. Она немного дичилась своего брата, потому что растили ее вне дворца и не часто приходилось им видеться. Когда родилась девочка, Джарымхан попыталась настоять, чтобы и дочку оставили при ней. Но на этот раз вдовствующая царица проявила характер и отдала девочку воспитывать на сторону, как было принято здесь. «Тебе еще рожать, надо беречь силы», – решительно заявила тогда Царственная Хирхух. Девочка родилась со светлым пушком на голове, и все вокруг дивились, в кого удалась такая златовласка? У матери волосы – ночная тьма, да и отец темноволос. «Мой дед был светловолос и светлолик, неужто в него пошла? – дивилась и Царственная Хирхух. – А возможно, со временем волосы у нее и потемнеют. Но пока же наречем ее Мрамза». В этом абхазском имени содержались два слова: «амра», что означало солнце, и «амза» – луна: так и луноликость новорожденной, и «солнечный» цвет волос принцессы отобразились в нем.

Кормилица попыталась протолкаться через ребятишек, облепивших наследника, чтобы подвести к нему сестрицу, но это ей не удалось. Леон сам углядел их, вышел из толпы, чтобы поцеловать сестру. Она не решилась вернуть поцелуй, но по сияющему виду девочки было заметно, до чего она рада встрече. И Джарымхан, целую неделю не видевшая дочери, крепко прижала к себе девочку, наклонившись к ней, что-то прошептала на ухо. Но вряд ли Мрамза разобрала слова матери из-за гула множества голосов.

Близкий друг Леона Хезан подошел к нему и жестами указал на кого-то на крутом берегу. Там, опираясь на посох, стоял сам Каинагу-кузнец. Защемило сердце Леона, ведь не зашел он накануне попрощаться со старцем. Царевич рванулся к нему, но времени не оставалось для прощания, так как пришла уж пора отъезжающим покинуть родной берег. Леон еще раз поцеловал сестричку – на этот раз и она, осмелев, обвила его шею ручонками – и заспешил следом за старшими.

Вести корабль в Константинополь надлежало греку Федору – мастеру, его построившему. Хотя он испытывал свое детище, совершая ходки вдоль побережья, зорко следя, не даст ли судно течи, послушно ли будет в движении, и пока был им доволен, главное испытание предстояло впереди, и умудренный жизнью корабель прекрасно это сознавал. Не все провожающие остались на причале – и Рамзыц, и вдовствующая царица взошли на борт ладьи. Прежде чем отправляться в долгий путь, кормчий должен был привести судно к мысу Питиус – так ромеи именуют местечко Лдзаа, для того, чтобы царская семья и свита ее могли посетить собор. Здесь обретается присланный из самого Константинополя католикос. Он и благословит путь наследника, справит службу. Затем вдовствующая царица и Рамзыц на судне поменьше вернутся назад, а другие возьмут курс на столицу Византии. Провожавшие долго махали вслед отплывающим, друзья Леона громко выкрикивали его имя.

Грозный Леон Старший с женой, окруженный неисчислимым количеством ребятишек, представлял собой необычно трогательное зрелище...

IX

От подножья горы над рекой Бзыб, над самой пропастью, поднималась военная тропа, ведущая все выше и выше к вершине Ауадхары, а затем к перевалу, и спускавшаяся на ту сторону Кавказа.

Архонтом было приказано возвести сторожевую башню на самой верхотуре над Бзыбью, обочь дороги. От берега быстрой реки до самого верха стояли на расстоянии не более сажени друг от друга крепкие мужчины и передавали по цепочке громадные камни, из которых предполагалось сложить башню. Работники все широкоплечие, жилистые – их так и подбирали по выносливости, силе – были обнажены по пояс и стояли босиком. Чтобы жилы не лопнули, запястья рук были перетянуты сыромятными ремнями, а талии – широкими поясами. Пот обильно струился по их лицам, по спине... Из-за тяжелой работы выглядели они сурово-сосредоточенными. К тому же один из них предыдущим днем уронил на ногу камень, разmozжив себе ступню, что явно не способствовало бурному веселью его товарищей.

По замыслу Леона Старшего, сторожевая башня должна была стать надежным заслоном от вражьих сил, которые вознамерились бы избрать для нападения военную дорогу, тянувшуюся за Кавказский хребет. Но работа предстояла каторжная. И те, кто непрерывно передавал камни из рук в руки, поднимая их все выше, как никто другой, это понимали. Изредка, когда силы были на исходе, они устраивали себе передышку, передавая друг другу, как только что тяжкие глыбы, весть, что, мол, надо устроить привал. Если камни поднимали снизу вверх, то весть об отдыхе шла обратной дорогой. Работники, разделившись по три-четыре человека или и того

больше, усаживались на коряги, разбросанные на густой прибрежной траве, ветер с гор остужал их разгоряченные лица. Через некоторое время, передохнув, они затевали разговоры.

– И что там случилось вчера во дворце?

– Наследника на учебу отправили.

– На какую такую учебу?

– Говорю, что слышал: на учебу.

– Небось, по новой вере учиться?

– По какой же иначе?

– И куда его отправили?

– По слухам, в Константинополь.

– Поехал невинным дитятей – вернется ромеем.

– И нашего царя надежно приторочили к ромейскому седлу.

– Украсили его голову золотым венцом, так он и вовсе на

Константинополь загляделся.

– Не скажи, и на картлийцев, родню жены, оглядывается.

– Много ли сделаешь, оглядываясь то на одних, то на других?

– Некуда деваться, силенок-то не хватает.

– Не хватает силенок, пусть снимет царский венец и нас зря не заставляет надрываться под камнями.

– Отойдем от ромеев – спасу от других не будет, всякая мелкота станет грабить наши поселения. Ромеев опасаются, иначе и ближайшие соседи не погнушались бы абхазским добром.

– Мы тоже дома не сидим, и за нами водятся набеги.

– Не путай. Мы за честью отправляемся в походы.

– И вторгающиеся к нам, возможно, воинскую свою славу множат. Ну, а заодно уж и добычу немалую хватают.

– Слышали, недавно Шарытхуа-ипа Мсоуст прошелся по кое-каким землям так, что память о том они из поколения в поколение передавать будут.

– Угнанных в рабство отбил?

– Он взял в плен тьму народа, хватило с лихвой, чтобы обменять своих на чужаков.

- Говорят, Рамзыц недавно вернулся из хазарских краев.
- И что за новости привез от родни своей жены?
- Никто не ведает, зачем он туда ездил и с чем приехал.
- Вечно роднимся с чужаками, не с одними, так с другими. Такова, видать, наша доля.
- То пустые разговоры. Лучше пожелайте всего доброго мальчику, которого отправили за море. Он того стоит.
- Да кто же не знает его! Редкое дитя.
- Да будет с ним благословение божье!
- Никогда не встречал ребенка, который так светился бы умом и добротой.
- Две древние крови в нем текут. А такой союз всегда дает необычайные всходы.
- Если добрые, то на удивление. Но если злые – не приведи Господь.
- Но маленький царевич из доброго семени. Да будет он славен в веках под Дланью Господней!
- Аминь!
- Аминь!
- Аминь!

А там, за морем, не могли нарадоваться прибытию гостей. Сестры, истосковавшиеся друг по другу, не разнимали рук. Леон, окруженный местной детворой во главе с его двоюродным братом Хазаром, стоял на высокой террасе константинопольского дворца и, немного дичась, смотрел на хорошо различимую отсюда базилику. Юные ромейки, находившиеся здесь же, но сбившиеся в стайку поодаль, высокомерно поглядывали в сторону гостя, прибывшего из провинции, однако им плохо удавалось скрыть любопытство под личиной пренебрежения. Вдруг Леон отчетливо услышал, как серебристо зазвенел маленький колокольчик, спрятанный за пазухой, тот самый, которым некогда владел сам Нарт Сасрыква. Он замер, опасаясь, что близ стоящие юные хозяева услышат. Но в это мгновение окрестности

огласил долгий густой колокольный звон, доносившийся со стороны базилики – там начиналась вечерняя служба. Леону представилось, что храмовый колокол откликнулся на звучание колокольчика, спрятанного у него на груди. И два этих звука – всеобъемлющий, могучий и вторящий ему высокий и чистый – сливались, перекликались... Сердце Леона защемило от внезапной тоски по оставленной стороне. Вереница дружеских лиц пронеслась перед мысленным взором, вспомнил, как почтенные старцы, отдохавшие под раскидистым ореховым деревом, вставали, приветствуя его, когда он входил под тень дерева. И Каинагу-кузнец, с кем он не успел толком распрощаться, предстал перед глазами. Леон почувствовал, как высока незримая стена, отделяющая его от стоящих сейчас рядом детей, с которыми он пытался изъясниться на ломаном греческом языке. Стараясь скрыть отчуждение, Леон все смотрел на сверкающий в закатных лучах солнца громадный крест на круглом куполе, покрытом сусальным золотом, переливающимся в солнечных лучах. Он смотрел и слушал, как перекликается его маленький звонкоголосый колокольчик с тем громадным. И вдруг теплый ветер, пахнувший от храма, оваял напряженное лицо Леона, и он увидел то ли внутренним взором, то ли наяву ЕГО. Над куполом в пересечении света от небесного светила и отблесков золота появилось незабываемое лицо, и весь облик вырисовался на фоне темнеющих небес. Это был он, его друг-гигант, его рыжий собеседник. Одет он был в сияющие, немислимые для простых смертных одеяния. Показалось, что он сам весь соткан из золота, а шерсти на нем как бы поубавилось.

«Это ты? – мысленно поразился Леон. – Откуда же ты здесь взялся?» – «Возможно, я здесь нужнее, чем где-либо в другом месте». – «Но когда же ты прибыл?» – «Вместе мы прибыли, дитя мое. Я же тебе говорил: буду там, где ты!» – «Но я не надеялся, что ты так далеко заберешься». – «Что значит далеко? Я повсюду с тобой». – «И в храме на утрен-

ней службе был?» – «Был, как же иначе». – «И до того на народной сходке?» – «Да, и на народной сходке». – «Почему же я не заметил тебя?» «Человек не всегда должен к себе прислушиваться и приглядываться. А затосковал ты по родной стороне, и я тут как тут, ибо в любви к родимой земле ты не одинок. Знай, перезвон колокольчика у тебя на груди – то отзвук речи моей. Слышишь, он перекликается с колоколом большого храма, но чистоты голоса своего не теряет. И ты не теряй. Нам с тобой нельзя раствориться среди чужого народа. Нам нужно вернуться домой со многими знаниями, но с прежними чувствами. На тебя возлагается столько надежд, не позволяй им угаснуть. Знай, я всегда с тобой и никогда не умаляй себя. Ты – желанный гость этой земли. Хватит наставлений. Для такого смышленного молодца и сказанного достаточно... Пока прощаюсь с тобой».

Напряжение как рукой сняло. Леону показалось, что и знания его ромейского языка не так скудны, да и новые друзья поймут его, если даже заговорит на родном наречии. К тому же рядом с ним стоял брат Хазар – сын любимой сестры его матери. Как же мать была счастлива встретиться с ней! Леон подошел к Хазару, взял за руку и поцеловал родича, будто при первой встрече. Тот улыбнулся, ответил крепким рукопожатием, и они побежали по бесчисленным анфиладам дворца. Следом понеслись их маленькие друзья. Пока они резвятся, мы вам расскажем о службе в храме, столь впечатлившей Леона, что он поделился сведениями о ней со своим другом-гигантом. Дело в том, что приезд гостей из Абасгии совпал с посещением Константинополя Папой Римским. Понтифик служил службу в храме, и это было великое празднество и благодать. Людей в ограде храма собралось великое множество. Все они были одеты в белое. Первосвященник должен был показаться на высоком балконе Храма Божьей Матери. Площадь же перед храмом, мощенная плотно подогнанными камнями, заполнилась до отказа. То здесь, то там возвышались вы-

сокие постаменты, возведенные ради удобства родителей с детьми. Поставив на возвышение своих чад, родители были спокойны, что малышей в суете не затолкают, не сшибут с ног, к тому же невинные существа окажутся ближе взгляду и благословию понтифика. Чичак и Джарымхан вместе с детьми пришли сюда сразу после встречи, не успев не только вдосталь наговориться, но и наглядеться друг на друга. Ошеломленный увиденным, Леон, забыв о смущении, то и дело дергал за руку Хазара, засыпая того вопросами. И только встретив недоумевающий взгляд брата, вспоминал, что тот не понимает его родного языка. Тогда он обратил свои расспросы к матери. Та переглядывалась с Чичак, перебрасывалась несколькими словами на хазарском, и они по мере сил вдвоем находили ответы. Узнав, что и константинопольский его братец сведущ в хазарском языке, как и он, Леон стал изъясняться на наречии степей, но, забывшись, вновь переходил на родной.

Чичак, невестка византийского императора, вместе с родней прошла к отведенному для императорской семьи месту. Здесь тоже были возвышения для юных отпрысков императорской семьи. Хазара и Леона поставили на такой постамент. Оглядев с высоты тьму народа, собравшегося здесь, Леон растерялся. Такого количества людей ему сроду не доводилось видеть. Даже в том сне, когда морские волны обращались в верных Леону воинов, их все равно было меньше, чем сейчас.

Над площадью стоял гул. Но постепенно он стал стихать, и все взоры устремились к храму. Леон знал со слов матери, где должен был появиться Папа Римский. Это сооружение издали казалось ласточкиным гнездом, с неба спущенным и прилепленным к храму. Белоснежная апсида снизу поддерживалась скульптурными изображениями двух ангелов. Леон терялся в догадках, что такого особенного может сказать человек, который ступит в «ласточкино гнездо», раз его выхода ожидает такая тьма народа. И не страш-

но ли ему будет произнести слово перед лицом огромной толпы? Леон чувствовал, что многие взоры обращены и на него: его белый архалук, белоснежная, перетянутая на поясе верхняя одежда, обтягивающие икры ноговицы – все было в новинку и привлекало внимание, равно как и необычная внешность мальчика. Он чувствовал, что не обделяют вниманием и его мать. Та стояла, гордо откинув голову, отягощенную толстыми, с канат, косами, спускающимися вдоль спины чуть ли не до земли.

Леон раздумывал, все ли могут выдержать устремленное на них множество взглядов или это дано лишь тем, кто близок к богу?

Вскоре площадь так затихла, что можно было, верно, услышать движение муравьишки, ползущего под ногами собравшихся. Теперь все смотрели в одну точку, и там, где скрещивались их взгляды, должно быть, рождалась невероятная, несоизмеримая ни с чем сила, кою собирался встретить, не дрогнув, тот, кого они все так ждали. Наконец, он вышел – весь в светлых, развевающихся одеяниях, с тиарой на голове, светлые волосы почти до плеч. На груди понтифика висел массивный золотой крест, а в руке он, высоко подняв, держал крест, намного превосходивший по величине наперсный. Вот он – проводник Слова Божьего. Вот он, у кого доступ к самому Творцу! Леон, замерев, во все глаза смотрел на первосвященника. Наверно, ангелы спускаются с небес, берут его под руки и возносят к Господу, думал он. А потом он передает слово Творца людям. И Слово такое огромное, что вот и до родной стороны Леона за морем дошло. Ему казалось, что тот, кто стоял высоко в «ласточкином гнезде», ясно различает всех и каждого внизу. Его взгляд, как солнечный луч, освещает лица. И душа будто отделяется от тела и парит высоко-высоко... Вот какую легкость почувствовал вдруг Леон. Папа Римский поднял еще выше крест, сам перекрестился, и все верующие последовали его примеру. Затем он начал

молиться. Слова его, наверно, понимали даже совершенно глухие, ибо говорил он не голосом, а сердцем. Понтифик возносил молитву, и все, кто стоял внизу, шевелили губами, неслышно повторяя за ним святые слова. Леон и сам знал молитвы и именно на ромейском языке, но не так твердо, надо думать, как остальные, присутствовавшие здесь. Он скосил глаза на Хазара, тот тоже шевелил губами. И показалось чудом Леону, что тьма народу как бы говорила устами одного вознесенного над ними человека... Человека ли? И все было общим, нерасторжимым для них – и уста, и слово Божье, и Благодать... Ему казалось: еще немного – и он воспарит. Вроде бы недолго говорил посланник Иисуса Христа, а казалось, здесь он был всегда, и все беды и печали он растворил своим словом, обновил сердца, очистил дух. Первосвященник закончил свою молитву: «Аминь». Площадь следом выдохнула: «Аминь!». Затем понтифик осенил крестом одновременно всех, внимавших ему, и ушел в глубь храма. А может, те ангелы вновь вознесли его к небесам? Леон опомнился, когда Джарымхан потрясла его за руку, приглашая сойти вниз. Хазар, более привычный к такого рода зрелищам, уже спустился вниз и не выглядел столь ошеломленным, как брат его из Абасгии. Чичак и Джарымхан с сыновьями направились к храму, причем вместе с толпой простых граждан империи, хотя для царской семьи были и к храму свои отдельные подходы. У входа в храм Чичак взяла из небольшой ниши, где лежало множество восковых свеч, не слишком длинных, но и не коротеньких, несколько штук и дала по свече сестре, племяннику, сыну и сама взяла одну. Вместе со всеми они вступили в храм. Леон поразился тому, что несмотря на присутствие множества людей и непомерную величину, храм изнутри пронзительно напомнил тот храм из Лдзаа, где перед отплытием с родной земли католикос благословил его в дорогу. И там, как и здесь, горели свечи перед алтарем, перед иконами, и там, как и здесь, крести-

лись и низко кланялись перед образами. Только в храме на родине не все были одеты в белое, разве что в руках пожилых мужчин ошкуренные посохи сияли белизной. Там, дома, перед алтарем по совету бабушки и матери он сам засветил свечку и поставил Спасителю. Отец молился за него и мать с бабушкой. Неожиданно в храме одна из птиц, летавших под сводами, обронила перышко прямо ему на правое плечо. В мерцании свечек оно показалось золотым. «Это знак! – промолвила бабушка и, взяв в руки перышко, продела его в архалук Леона. – Береги его, оно на чужбине охранит тебя от зла».

Вспомнив об этом, Леон поднял взгляд: о чудо! – и здесь под куполом летали птицы. Храм был неизмеримо велик, сложен из проконесского мрамора. Глубокий взгляд Богоматери, светлый лик младенца сияли с фресок над головой. В храме плыл запах ладана. В сторонке, но все же внутри храма, лежали зеленые ветви – а на них всякая снедь: хлебцы, медовые соты, фрукты. Пчелы сновали над ней. А Леон вспомнил, что там, на родимой стороне, когда наступала засуха, устраивали моления о дожде и так же на зеленых ветвях, только на поляне, раскладывали разные яства. Здесь же еще стояли медные тазы с серебряными и золотыми монетками – это были приношения верующих храму.

Мать Леона и тетя молились, как все, и свечи поставили перед алтарем, осеняли себя крестным знамением. Немало времени пролетело, прежде чем они с сыновьями покинули храм. За оградой их ждала царская повозка, которая и отвезла их во дворец. Здесь женщины предались долгим сердечным разговорам, а сыновья, в окружении сверстников, продолжали постигать мир друг друга.

Во дворце в тот час отсутствовали Лев Исавр и сын его Константин Копроним. Из-за важных государственных дел они еще не имели возможности поприветствовать своих гостей из Абасгии.

Ж

В тот день Царственная Хирхух поднялась спозаранку. Смутно тревожное чувство владело ею. К тому же она так истосковалась по внуку Леону, обучающемуся всяким премудростям в Константинополе, что не было сил дольше терпеть. Верно, время летит быстро. Леон скоро завершит образование. Он уже юноша, и бабушка опасается, как бы ни пленила сердце царевича какая-нибудь ромейка. Хотя бы он привел невестку одной с ней крови. Сыновья такой радости ей не подарили, и теперь, когда дочь Марта замужем и занята своим домом, некому утешить старую государыню. Невестки, что ни говори, дочери другого народа, им, старайся не старайся, трудно понять свекровь так, как поняла бы своя. Если бы только избранница Леона оказалась своей... если бы... Внучка Мрамза – как золотой ключик к сердцу бабушки, все льнет к ней, все хочет развеять ее печали, но она слишком еще юна, чтобы понять все, что гложет Царственную Хирхух.

Вон и Рамзыц снова отсутствует, вновь отправился к родне своей жены. Что-то зачастил он к хазарам. И по виду Джарымхан нельзя сказать, будто это ее радует, хотя что же в том дурного? Видать, и ее мучают недобрые предчувствия. Может, знает она больше, чем свекровь, но молчит? О, господи... о чем только не болит душа. Да и у Леона правителя, вокруг которого жизнь царства крутится, как жернова вокруг оси, не все слава богу. И с чего же он вдруг неожиданно отправился в Картли? Не коснулась ли беда Феодосия, сына его, которого младенцем отправили на воспитание к родне матери? Старший внук вырос на чужой стороне, в родном языке мало сведущ, а немногие слова, что он произносит на наречии отца, коверкает хуже пришлых людей. Да и сердцем он к отчому крову не привязан. Ежели не снарядить гонцов и не привезти его, так сам не наведается, соскучившись. Зря так далеко отдали его на воспитание, ох, зря... Хирхух это с

самого начала чуяла, но старшему сыну перечить не стала, когда приняли решение отправить первенца к родне жены.

Не зря тревожилась царица. Леона Старшего погнали в Картли хлопоты не из приятных, только сын его Феодосий был здесь не при чем.

Расскажем вкратце о некоторых событиях, предшествовавших внезапной поездке правителя Абхазии в Картли.

Царь Картли Арчил (тот самый, которого пришлось защитить Леону Старшему у крепости Анакопии от жестоких арабских завоевателей и на чьей племяннице позже женился), устав от разорительных набегов мстительного Чичанам Асима, подросткового сына Мурвана ибн Мухаммеда, коему абасги под предводительством Леона Старшего дали в свой час достойный отпор у стен Анакопии, отправился к нему с мирными предложениями. Но арабы, обвинив Арчила в том, что он не отказался от своей веры, не пошел под руку их, пленили его и после изощренных пыток казнили. Царство Арчила распалось. Княжества возглавили сыновья. Владетелем княжества, раньше дававшего названия всему царству, Картли и Кахетии стал один из сыновей по имени Джуаншер. Младшая сестра Джуаншера солнцеликая Шушана приглянулась брату хазарского кагана Барджил-хана, тому самому, который юношей вместе с послами от Барсбит-ханым приезжал в Абасгию навестить свою сестру Джарымхан. Теперь, будучи правителем одной из провинций обширного хазарского каганата, он заслал сватов и обещал Джуаншеру, что если дело выгорит, обнажатся разом мечи их в борьбе против арабов во имя мести за Джуаншера отца, невинно замученного ими. Но Шушана наотрез отказалась стать женой хазара. Неудачное сватовство разъярило своенравного жениха, и он, не дав времени вмешаться Барджил-хану, отправил в Картли своего военачальника Блудчана с многочисленной и хорошо вооруженной армией. Они разорили Картли, взяли в плен и самого Джуаншера, и несчастную его сестру.

Рамзыц по призыву Барджил-хана побывал в Хазарии, но уладить дело миром оказалось уже невозможно. И никто не посчитался с Леоном Старшим! А между тем безумный поступок шурина младшего брата, разорившего Картли, отчизну родни жены Леона, поставил последнего в более чем щекотливое положение. При том, что в последнее время ведь у него все складывалось не так уж плохо. Благодаря поддержке императора Византии сумел Леон усмирить чванливых своих подданных и строго, но разумно правил страной. Не только со стороны империи, но и от Картли получал он должную поддержку. Особенно пока был жив Арчил, к которому государь Апсны относился с братской любовью. Но Арчила уже нет в живых, не стало и многих других, с кем он был связан клятвой братской верности. А молодые люди, пришедшие на их место, сами нуждаются в совете и поддержке. И сейчас вот надлежит немедленно отправляться в Картли и попытаться распутать тугой узел, затянутый своевольным хазаром. И уже нельзя было даже поприсутствовать на конных состязаниях, которые и затевались-то по велению Леона. Он желал, чтобы на празднестве встретились люди со всех уголков его царства, почувствовали свою общность, и нарочно избрал для проведения его отдаленную область, местечко Мыку. Кому-то это понравилось, кому-то нет, но уже третий день направляются к Мыку всадники отовсюду. Леон замыслил состязания еще как бы проверку сил своей конницы, пусть каждый покажет во широком поле, на что способен. Но теперь неотложные дела призывали его к немедленному отъезду. Не утешало и то, что по дороге в Картли у него была возможность навестить сына, которого воспитывали в Лазике.

Как дрожит при малейшем прикосновении тонкая шелковая нить, протянутая меж двумя деревцами, так отдавалось в сердце абхазов, проживающих в Кодорском ущелье, все, что случалось в пределах царства. Здесь проходила с Се-

верного Кавказа военная дорога, и жители ущелья принимали первыми удар захватчиков. Неудивительно, что вошло у них в привычку всегда быть настороже. Постоянная готовность схватиться за оружие, чтобы оборонять свою землю, не могла не сказаться на их нраве. Они были тверды, как скалы, у которых проживали, бились до последнего вздоха с противниками и отличались щедрым гостеприимством к тем, кто шел с миром. Они не проживали в прекрасных, выложенных мрамором, дворцах. Но сама природа позаботилась о том, чтобы красота окружала их. Путешественников восхищали здешние густые девственные леса, полные зверья и птиц, горы, встающие над поселением в своей нерукотворной красе, срубы поселян, утопавшие в густой зелени, медвяный запах, исходивший от многочисленных пазух, горные чистые реки, целительные родники... «Если считать весь Кавказ шелковым платком, так побережье Абхазии – вышитая ее кайма. Чего стоит платок, если кайма обуглится при пожаре?» – говорили они и продолжали быть щитом для всего побережья. Но им было не по душе, что и Византии служат они заслоном от захватчиков. То, что не без их помощи она утверждается на побережье Кавказа, доставляло мало радости. Но они вынуждены были защищать свою землю, иного выхода не оставалось. Христианство – религия, шедшая из Византии, – стала мало-помалу распространяться среди них. Так истекает вода через край переполненного водоема. Византия делала все возможное, чтобы Кавказ приобщался и к ее вере, и к ее культуре. Многие представители разных народов не избежали этого, и жители Кодорского ущелья также посылали своих отпрысков обучаться премудростям науки в Византию. Политика, проводимая Римом, не совсем была ясна им, но последствия этой политики они ощущали, как напор урагана, возникшего совсем в другом месте, но свою разрушительную силу донесшего до них. Сколько раз козни Рима оборачивались стычками с соседями! Сколько раз гнев Византии обрушивался на их голо-

вы, то ли из-за недостаточной преданности, то ли из-за того, что не удалось удержать натиск врагов империи. Когда же тогдашний базилевс Византии надумал воздвигнуть крепостную стену, начиная с того места, где река Келасур впадает в реку, до самого Ингура, большого одобрения со стороны жителей ущелья Кудры не последовало. Тяготы строительства стены, которую воздвигали из камней, скрепляемых яичным желтком, пали, естественно, на местных. Верно, из Византии были пригнаны для работ пленные, но было занято и много абхазов. К тому же народ стонал из-за поборов – требовалось постоянно поставлять строителям яйца.

В свое время, когда картлийский царь Вахтанг Горгосал стал зятем византийского императора, тот распорядился исконными землями абхазов по своему усмотрению – ведь в его глазах это была часть бесчисленных колоний империи – и отдал в дар своему зятю. Теперь же любимец нынешнего императора Льва Исавра Леон заполучил владения свои назад. Более того, с дозволения Византии он может простираť свою власть и на Лазику. Вот так вот пришелся он ко двору императорскому...

Пусть и приходилось вынужденно мириться с зависимостью от Византии, высокий род Маршан из Дала в душе не признавал владычества империи и в памяти хранил все обиды, нанесенные Римом. И как забыть хотя бы то, что позволили себе ромеи в крепости, ими именуемой Буглон, которая располагалась на берегу слияния двух горных рек Сакьяна и Адзгары. Именно в эту твердыню отправил Юстиниан Август своего предводителя рати Соттериха с целью, чтобы раздал он верным имперской короне аланам денежные субсидии – плату за вернопопданнические чувства аланов. Маршаны из Цабала и Дала раскусили коварный замысел ромеев. Те отваливали аланам деньги мешками на чужой земле, дабы дать понять и местным, что, коли с радостью признают те, подобно аланам, свою зависимость от имперской короны и свои вассальские обязанности, то и

им перепадет от византийских щедрот. Маршаны (которых они называли мисимианами) были оскорблены и отправили в крепость гонцов с предложением к Соттериху найти другое место для поощрения аланов. Спесивый Соттерих велел избить гонцов до полусмерти. Дальцы и цабальцы не стерпели такого оскорбления – в ту же ночь напали на крепость и истребили византийцев. Сам Соттерих лишился головы. Маршаны смыли бесчестие кровью, но понимая, что «предательство» византийских интересов будет иметь самые серьезные последствия, обратились к военачальнику из Персии Нахогорну, который в то время пребывал в Иверии и чувствовал там себя вольготно, как в родном доме. Он много раз пытался силой покорить Абасгию, но каждый раз вынужден был отступать, получив жестокий отпор. Теперь Маршаны призывали его в союзники и готовы были вместе с ним выступить против Византии при условии, что он не покинет их в тяжкую минуту. Нахагорн возрадовался и поддержку обещал. Между тем страшно разгневанный Юстиниан Август приказал так наказать непокорных абасгов, чтобы другим неповадно было. Прошло совсем немного времени, как на побережье Абхазии высадилась вооруженная до зубов четырехтысячная армия ромеев и, не встретив особого сопротивления в прибрежных районах, добралась до Дала и Цабала. Но здесь завязались бои, невиданные по своей ожесточенности. Враги не щадили никого. На глазах у обезумевших матерей поднимали на пики детей, сбрасывали их со скал, убивали стариков, женщин. Ни один воин-абхаз не сдался на милость врагу, не бежал с поля брани. Тысячи и тысячи мужчин полегли на родной истерзанной земле, но пощады не просил никто. Кончилось тем, что греки предложили мир. Не на самых лучших условиях, забрав с собой заложников, но все-таки, так или иначе, они убрались восвояси.

Немало воды утекло с тех пор, но из поколения в поколение сохраняется среди горцев сказание о той страшной

битве и погосту, где преданы земле воины, павшие в той жестокой сече, они не дают зарастить дурной травой. Отдельно захоронены перебитые врагом женщины, отдельно – дети.

Пережив чудовищное нашествие, дальцы и цабалыцы внимательно следили за деяниями царя Леона, знали о его попытках объединить разрозненные племена своего царства, были наслышаны и о его родственных связях и даже о том, что младший его брат является зятем владык степей – хазар. Но многое из того, что происходило в Константинополе, в Хазарском каганате, многие тайны политики Византии были им неведомы. Но нутром чуяли они, что надо быть начеку, не расхолаживаться. Они жили в напряженном ожидании событий, хотя и не могли бы точно сказать, какого рода они будут и когда нагрянут...

И надо же было такому случиться, что один из рода Маршан, самый младший из семерых отпрысков Тапшипа Дашаныхуа, Беслан был отправлен учиться в Византию, в академию, открытую по распоряжению Юстиниана для выходцев из Апсилии и Абасгии. Дальские и цабальские Маршаны приняли известие об этом с большим неодобрением. Они решили, что мальчик отправлен учиться в Византию по наущению его материнской родни, проживавшей на побережье Абхазии и не столь стойкой в своем неприятии всего, что шло из империи. А случилось это в то время, когда и Леона младшего отправили в Константинополь. Там они и встретились, познакомились, более того, им довелось сидеть, говоря современным языком, за одной партией.

Все – перст судьбы, всего, что суждено, не миновать... Прошло много времени, наши мальчики подросли. Немало они почерпнули из мудрости константинопольских философов. Но самой главной наукой для них стала возможность из далекого далека разглядеть свою родину, понять, какую

агрессивную политику по отношению к ней, равно как и к другим своим провинциям, проводит Византия, которая якобы несла им лишь просвещение и высокую культуру. Народы Кавказа, волею судьбы оказавшиеся на перекрестье дорог из Азии и Европы, особенно ощущали тяжесть длани метрополии. Сколько ночей Леон и его друг провели в бессонных разговорах и размышлениях над тем, как сохранить свой народ, не дать его затоптать ордам, идущим то с Запада, то с Востока? Что делать? Вопрос, который мучил их, заставляя не раз и не два возвращаться к нему. Разговоры эти были тайной Леона и Беслана, тайной, надежно хранимой от чужих ушей. Ибо видели отроки воочию, что и за меньшие прегрешения в империи расправлялись жестоко, находя послушников, даже укройся они в самых глухих провинциях. И уж никому не сошла бы с рук смута, затеянная в самом Константинополе.

И два юноши поклялись, что жизнь свою посвятят тому, чтобы объединить все языки их родимой земли, создать силу, способную и от внешних врагов защитить, и не допустить внутренних распрей. Помыслы их долгими византийскими ночами наполнились незамутненной любовью к родной стороне. Догадывался ли кто-нибудь в Абхазии о том, сколь высоки думы царского отпрыска и его верного друга там, на чужбине?

А жизнь текла бурно и непредсказуемо, как бегущие с гор потоки реки Кудры.

Целую неделю наездники, оставив все дела, готовили коней к предстоящим в Мыку скачкам. Сюда, в это местечко, тянулись лошадаики из Цандрыпша, Ачандары, Гумаа, Абжаквы, Акапы, Уарчы, Гулрыпша, Джегерды, Пакуаша, Бедии – словом, со всех концов Абхазии... В состязаниях намерены были принять участие не только молодые люди, жаждущие снискать себе славу, но и прославленные наездники, известные не только искусностью своей в джигитовке, но и как отважные воины и достойные люди. Последних,

слов нет, несколько покорило, что на состязания не придет Леон Старший, но они не изменили своим намерениям и, перекликаясь со своими молодыми спутниками, спешили к берегам полноводной реки Даб, на берегу которой как раз располагается Мыку. Дальцы и цабальцы долго раздумывали, принять участие во всеабхазских конных состязаниях или нет, но, в конце концов, после долгих разговоров они снарядили десять отменных наездников, которые должны были принять участие и в бегах, и в демонстрации выездки коней.

Группу всадников из Псырдзхи, где располагалась резиденция царя, возглавлял Баалоу Хезан. Если бы не вынужденный отъезд Леона Старшего, вряд ли молодого человека удостоили бы такой высокой чести. Однако случилось что случилось, и наездников велено было по желанию Джарымхан возглавить именно ему. Выбор принцессы был не случаен, ведь Хезан являлся ближайшим другом детства ее любимого сына. Кавалькада из Псырдзхи оказалась немаленькой, в ней состояло двадцать наездников, среди которых было и шесть хазар, служивших во дворце. И все они сидели на конях, вывезенных из каганата. Еще хазары намеревались выставить на скачках аргамак от имени их зятя Рамзыца. В кавалькаде выделялся грациозный, точно юная дева, скакун с высокой шеей. Он, хоть и под золотым седлом на белой попоне, но без седока, и серебряные стремяна, чтобы зря не терли поджарые бока юного красавца, были высоко подвязаны, золотые нити искусно вплетены в густую гриву и хвост. Это – Дулдул, конь наследника, который сейчас пребывал в далекой стороне. Все дивятся тому, как ведет себя чудесный скакун: никем не ведомый, он держится в строю так, будто невидимая рука управляет им. И до чего совершенны его движения! Как хорош аргамак наследника! Жеребенком он был многообещающим, но, кажется, превзошел все ожидания. Ни один случайный встречный не оставил без внимания Дулдула, и восхищенные взгляды сопровождали его всю дорогу.

Здесь места никогда не знали такого стечения народу, как в день скачек. В том месте, где нынче возвышается православный храм, в ту пору стоял ветвистый дуб с необъятным стволом. На высоту человеческого роста могучее дерево было со всех сторон обвешано иконами и крестами. О том позаботились прибывшие на праздник священнослужители. Стекавшие сюда люди, прежде чем заняться мирскими делами, насладиться состязаниями, ристалищем меж наездниками, чинно шествовали к дубу, молились, втыкали в расщелины в коре дерева зажженные свечи. Над долгим лугом плыл медвяный запах плавящегося воска.

Группы людей стояли то там, то здесь, медленно, как ручейки, перетекая друг в друга. Здесь, пожалуй, можно было встретить представителей всех сословий – удельные князья, чувствующие себя чуть ли не равными самому Леону, иные, с более худой родословной, мелкопоместные князьки, аамыста, свободные крестьяне...

У всех было приподнятое настроение, коим одарил их неожиданный праздник. Все оживленно ожидали начало состязаний, радовались возможности повидаться друг с другом. Разговоры вертелись вокруг отсутствующей царской семьи. И многие удивлялись тому, что, похоже, торжество удастся, несмотря на то, что обстоятельства не позволили прибыть ни Леону Старшему, затеявшему его, ни Рамзыцу.

Между тем бескрайний луг вдоль реки Даб стал заполняться всадниками, намеревающимися принять участие в ристалище. Наверно, здесь можно было встретить коней всех мастей и пород. Те далекие времена поистине были в нашем краю благословенными для этих благородных животных. Нельзя было встретить мужчины, который не имел бы доброго коня и приличное снаряжение. Сейчас лихие всадники-кентавры, искоса поглядывая друг на друга и будто желая сбиться в один гигантский табун, здоровались друг с другом, знакомились, угадывали поговору, кто с каких

мест, делились новостями и жаждали поскорее показать свое наездническое мастерство. Но распорядители праздника строго следили за тем, чтобы все оставались на отведенных для них местах, не создавали бы ненужной толчеи. Наконец, начались состязания. Некоторые виды их дошли до нашего времени, но многие давно позабыты. Так сходились, например, всадники с копьями два на два или шесть человек на шесть, норовя в богатырской сшибке сбросить друг друга с коня. Опасное для участников, это ристалище вело свое начало, должно быть, со времен предводителя восставших рабов, гладиатора Спартака и, безусловно, пришло на нашу землю от римлян, любивших и поощрявших жестокие зрелища. Впрочем, они, должно быть, с равным удовольствием наблюдали и за тем, как гладиаторы в Колизее отнимают друг у друга жизнь, и за сшибкой бойцовских петухов, долго обучаемых отрывать друг у друга головы.

На празднестве в Мыку, кроме сшибки на копьях, всадники показывали свое мастерство в играх с мячом, в выездке коней, оставлявших по воле всадников длинный след от задних копыт, и чем длиннее тот след, тем выше ценилось умение наездника. Состязание это называлось «чараз». Играли и в «атарчей», когда за наездником, уносящимся на коне с призом в руке – чаще всего это было полотенце – устремлялись на своих скакунах соперники, норовя отбить добычу. Померялись силами и в скачке с препятствиями – перепрыгивали через рвы с водой, через веревки, протянутые меж деревьями. Самые искусные наездники заставляли своих обученных коней гарцевать на расстеленной бурке, причем считалось грубым промахом, если лошадиное копыто хоть раз ступало за край бурки. Еще множество игр затевалось на берегу реки Даб. Но все – и стар и млад – ждали завершающего, самого главного состязания – больших скачек по кругу луа. Считалось, что тридцать таких кругов равно расстоянию, которое можно проехать за семь дней. Тех коней, которые должны были принимать участие в больших скачках, не заставляли участвовать в других состязаниях, берегли им силы.

Наконец, закончились все ристалища и игрища, распорядители позаботились о том, чтобы поле состязания стало вновь свободным, как до начала праздника. И вот в одном конце луга начали съезжаться всадники для больших скачек и становиться в ряд. Было их немало. Чуть ли не каждое село выставляло лучшего коня с лучшим наездником. Народ оживился, предвкушая скачки. Количество детей, оседлавших ветви близ стоявших деревьев, заметно увеличилось.

Все – и зрители, и наездники – ждали сигнала: громкого щелканья хлыста в руке распорядителя. И вот он прозвучал.

Стрелой, сорвавшейся с тугой тетивы, понеслись по луку скакуны. Недолго они держались вместе, вскоре одни вырвались вперед, другие поотстали. Наездники, несясь во весь опор, оглядывались назад, стараясь понять, улыбнется ли им сегодня удача и сколь велико число соперников, способных опередить их. Но каждый при этом рассчитывал на победу, каждый больше жизни желал ее. Ведь это было бы не только его достижение, он прославил бы свое село, свою родню, места, откуда прибыл на состязания. Это был бы не личный его выигрыш, а общий. И посему цена победы была высока. Князья и древнего рода, и захудалого одинаково напряженно следили за скакунами из своих конюшен и рассчитывали, что хорошо обученные наездники на их чистокровках обязательно придут первыми.

Как кони пройдут первые круги, никого особенно не волновало, ибо многие сдерживали своих скакунов, берегли силы для решающего броска. Наездник, пока еще последним завершавший второй круг, оглянувшись, несказанно удивился – за ним летел, едва земли касаясь стройными ногами, удивительной красоты белый конь без седока. И зрители, заметив его, загудели.

– Хай, да не знать вашей матери покоя, кто же выпустил этого коня?

– Смотрите, он – без седока! Где же он его потерял?

– Но летит он так, будто кто-то им правит!

- Да кто же? Кто же правит? Невидимка, никак?
- Но оседлан же он, глядите!
- Может, сбросил седока?
- Да нет, он в одиночку скачет!
- Ну и чудеса!

В это время из-под дерева в сторонке вышел Баалоу Хезан, до того удерживавший Дулдула. Теперь он сам изумленно наблюдал за поведением коня. А тот мчал, как ураганный ветер, что порой низко стелется по земле, оставляя позади скакунов одного за другим. Вскоре он возглавил скачки. Хезану на миг показалось, что головной конь вот-вот нагонит Дулдула, и сердце его екнуло. Но все обошлось, Дулдул пролетел мимо него и в гриве его плещущий ветер обдал разгоряченное лицо Хезана прохладой.

- Сон или явь? – волновались зрители.
- Какая прыть! Не конь – птица!
- Но кто им правит, кто?
- Да никто. Он – без наездника!
- Такого не бывает!
- Где же тогда наездник, почему мы его не видим?
- Думаете, вам все дано видеть?!

Дети, облепившие деревья, громко кричали от радости, наблюдая за Дулдулом, который уже не только одолел те круги, что без него прошли другие кони, но и после третьего круга далеко оторвался от головного коня. Дети, на радостях забыв, что сидят на деревьях, отпускали ветви, рискуя свалиться и сломать шеи, и махали руками, кричали пронзительно, подбадривая необыкновенного коня. Им представлялось, что он выбежал из сказки, и теперь и взрослые, глядя на него, поверят, что в сказках все правда.

Наездники перестали оглядываться на соперников. Все мчались со сосредоточенными лицами, будто на ходу пытаясь разрешить трудную задачу и смутно чувствуя, что тревожные мысли им передались из-за неожиданно возникшего скакуна.

С Дулдулом же в быстроте и соколу было бы трудно сравниться. И летел он по кругу без видимой трудности, летел ради полета. Когда же остальные кони завершали двадцатый круг, он одолел последний тридцатый, и тогда выбежал ему навстречу Баалоу Хезан. Завидев его, скакун замедлил шаг и позволил взять себя под уздцы. Народ, пораженный, шумел. Кому достанется первенство среди других участников состязания, уже мало кого занимало. Но наездники, тем не менее, продолжали скачку. К Дулдулу подбежали хазары, те самые, что приехали с группой всадников из резиденции царя Абхазии. Они ослабили подпруги седла скакуна и, хоть только что одержавший немислимую победу красавец-конь был весь в мыле, стали обнимать его за гордую шею и целовать, точно юную деву.

Вскоре среди любопытствующего люда разнеслась весть, что изумивший всех удивительный скакун принадлежит сыну Ач Рамзыца Леону, ныне обучающемуся всяким премудростям в самой Византии. Узнали также они, что конь еще жеребенком был доставлен посланцами материнской родни в дар народившемуся в Абасгии от дочери кагана младенцу. Всем захотелось немедленно увидеть хозяина чудесного коня: «Вышел бы, показался», – думали они, хотя и понимали, что это невозможно.

Празднество завершилось, люди стали понемногу расходиться и разъезжаться. Но со всех уст не сходила молва о сказочном коне-победителе и о принце, коему он принадлежал. Но далеко не все с радостью, как о добром чуде, говорили о скачках. Знатные предводители почувствовали себя оскорбленными: мало того, что царь не почтил скачки своим присутствием, так и выставил, как бы от царского двора, немислимого коня дьявольской породы, будто в насмешку над земляками и над их скакунами местных кровей. Не иначе, как вознамерился перед всем честным народом превратить в посмешище своих вассалов. Даже те князья, что не ладили меж собой, теперь, осуждая Леона Старшего, забыли преж-

ние распри. «Если бы мы умели с той же силой спланироваться против внешнего врага, как против друг друга, никто не осмелился бы вторгнуться к нам!» – случалось, говорил в досаде Леон Старший. А мудрец сказал бы: «Нас может примирить только такое положение, когда все мы будем царями и без права первенства, что, конечно, невозможно». Но и затея Леона Старшего объединить народ неурочным праздником была непродуманной. Праздники редко объединяют, а если они еще и вымученные... Царь, скорее, добился обратного. Он объединил кое-кого на этом празднике, но острие вновь сложившегося союза было направлено против его власти. Что же касается победы Дулдула, то вряд ли весть об этом доставит большую радость правителю. Да, этот конь принадлежит его племяннику. Но ведь есть и родной сын, кого воспитывают на земле материнской родни. Тайно ли явно ли, но Леон Старший, несомненно, прочит на свое место сына – кровь от крови, плоть от плоти своей, а не родича хазар. Не это ли обстоятельство виной тому, что обеспокоенно наблюдает Царь Абасгии за частыми отлучками младшего брата в каганат? Кто знает, какие сети плетутся там, и как это отразится на будущем и сына, и царства? Слов нет, в свое время Леон Старший обрадовался рождению наследника у младшего брата и с искренней теплотой относился к чудесному мальчику. Но сомнения, а еще двойственное чувство, в котором смешалась любовь и настороженность, стали посещать царя с приближением даты возвращения племянника из Константинополя, где тот завершал учебу.

Много дум одолевают Леона Старшего, но не замечает он самого важного. Кто бы ни взошел на его место, кому бы он ни передал бразды правления в руки, неизменным останется одно: силы, находящиеся за пределами его земель, так и будут рассматривать его лишь как мостик для того, чтобы, не замочив ног, хозяйничать в его вотчине.

Кто не догадывается, что он лишь исполнитель чужой воли, много ли знает о свободе? И какой ценой она достает-

ся? Положим, снискал славу на поле брани, геройски отразив натиск одних захватчиков, опершись на плечо других, желающих видеть тебя своим вассалом? Велика ли цена подобному героизму? Удастся ли когда-либо так укрепить свои владения, набраться такой силы, такой сплоченности добиться, чтобы самим решать свои дела без оглядки на союзников и врагов?

Такие умозаключения и рассуждения, как весенние бабочки, носились в воздухе. Если вдруг кому-то вздумалось бы напасть на Абасгию при отсутствии сразу и царя, и его брата, то вряд ли нашелся бы человек, который собрал бы под свою хоругвь воинов и сумел бы отразить нападение. Кому это было под силу из знати, снедаемой черной завистью, из-за пустякового, по сути, случая на скачках, больше строившей козни против правителя, чем думавшей о безопасности страны? Одни сеяли смуту, говоря о том, что не зря младший брат царя зачастил к хазарам – не к добру это, как бы не продал нас с потрохами степнякам. Другие указывали на то, что и сам Леон Старший хорош и уж вовсе не стоит удивляться, если из-за родичей его жены опять затеется большая война. Снова кто-то, преследуемый врагами, будет искать спасения в Апсны, а мы – отдавай за него жизни!

Глухой ропот знати, как дождевые тучи затягивающие небо, клубился над всей Апсны и, ясное дело, не мог миновать ушей сестры Леона Старшего Марты. После замужества она жила своим домом в Лдзаа. Тревожные вести заставили ее отправиться во дворец. Женщины, выросшие при царском дворе, всегда пребывали в состоянии тревожного предчувствия. Точно осенний листок, который дрожит от малейшего дуновения ветерка, готовый вот-вот сорваться, от малейшей весточки, достигавшей ушей высокородных женщин, трепетали в великом волнении их души. Тому были причины. Во дворце было заведено оберегать женскую половину от всех дурных вестей. Об ожесточенных боях, о гибели даже самых близких, о потерях они узнавали

много позже остальных. Даже о том, что в войнах наряду с мужьями бились самоотверженно и женщины менее знатного рода. Только тогда они могли себе позволить великий плач по ушедшим в мир иной. Так получилось, что охраняющие их незримые стены молчания были отчасти сложены из невольной мужской жестокости.

Принцесса Марта, поседевшая, погрузневшая, вошла в покои матери, где та расположилась в окружении своей свиты, и тревожным взглядом обведя всех, осведомилась, стараясь унять внутреннюю дрожь, не ожидают ли ее дурные вести?

– Все хорошо, дитя мое, – ответствовала Царственная Хирхух, несмотря на преклонный возраст, не потерявшая железного своего самообладания, – поди-ка сюда, поцелуй меня.

С намернувшимися на глаза слезами Марта наклонилась к матери, крепко ее обняла, а затем, молча благодаря присутствовавших здесь княгинь, вставших, приветствуя ее, обменялась с каждой из них поцелуями.

Вдовствующая царица, глядя на постаревшую дочь, с великой грустью отметила неумолимость бега времени и то, сколь велик груз лет, лежащий на ее собственных плечах. «Не обо мне речь, пошли детям моим долгой жизни», – взмолилась она про себя, а вслух предложила свите вновь занять свои места. Для Марты же служительницы внесли специальный стул. Прерванная появлением принцессы беседа не была продолжена. Окружение Царственной Хирхух затеяло более легкий, веселый разговор, желая успокоить тревогу Марты.

– Что слышно о Леоне? – справилась та у матери, улучив минуту.

– С тех пор, как он после побывки дома вернулся в Константинополь, вестей от него не поступало. Твои же братья столь заняты делами, что нечасто навещают старую мать.

Марта укладкой вздохнула. Ей не нравилось, что братья разделились и стали жить порознь, нарушив завет родите-

ля. Если бы при жизни отец разделил бы свое наследие меж сыновьями и каждому определил бы свой дворец – одно дело. Другое, когда на радость завистникам братья сами разбежались по вотчинам, ослабляя и царство, и собственную власть. Марта не была во дворце с тех пор, как братья отдалились друг от друга. С печалью в сердце принцесса прошла в одну из дворцовых открытых галерей. Отсюда хорошо просматривалась амхара – дом для молодоженов, который выстроили в свое время для Рамзыца и Джарымхан. Ей показалось, что и дом переживает не лучшие времена, он выглядел запущенным, посеревшим. Как годы летят, унося с собой молодые радости! Где же молодость и самой Марты? Где та пора, когда посланцы знатных юношей спешивались часто во дворе дворца, и она узнавала, что очередной высокородный муж притязает на ее руку и сердце...

Не только мысли о безвозвратно канувшей в Лету молодости печалили принцессу. Среди ее тревог особое место занимал разговор с Леоном Младшим, случившийся тогда, когда приезжал он сюда ненадолго.

Леон Младший навестил тетку в ее дворце в Лдзаа. К счастью, он застал ее одну, муж был в отъезде. Она очень обрадовалась ему. В детстве Леон был на редкость привязан к тете, открывал ей свои детские секреты. Она отвечала ему взаимностью. Отчаянное выражение лица давно не виденного племянника изрядно ее встревожило. Она накинулась на Леона с вопросами, не случилось ли чего, все ли здоровы во дворце, здоров ли он сам, нет ли каких осложнений в Константинополе?

– Ничего дурного не произошло, если не считать моего сердца, разрывающегося от обиды.

– Кто же отважился тебя обидеть? – разволновалась Марта.

– Кому же отважиться, как не самым близким, на кого привык полагаться, как на самого себя.

– И кому из родичей пришло в голову нанести тебе душевную рану, мальчик мой?

Видя ее сильное огорчение, Леон пожалел о начатом разговоре. Марта всегда чуралась дворцовых интриг. Но волей судьбы оказалась замужем за человеком, который чувствовал себя, как рыба в воде, во всяческих хитросплетениях не всегда безобидных тайн. По сути своей он был человек, никому и ничему по-настоящему не преданный. Хотя Леон Старший относился к нему с доверием как к родичу, ценил его гибкий ум, поворачиваться спиной к такому соратнику было бы рискованно. Марта чувствовала себя неуютно в доме мужа. Детей бог не дал, так что нечем было ей утешить душу. Она жила затворницей, не жалуясь, смирившись со своей участью.

– Тебе известно, как и мне, что отцовский мой род всегда шел дорогой чести, – начал он, не глядя на тетю. Теперь еще заметнее стало и то, до чего ему трудно дается разговор, и как велик его гнев. – Отец мой не уронил чести рода. И правитель наш, дядя мой, приумножил славу своих предков. Мало того, что земля эта принадлежала ему по наследственному праву, так еще и великий император Византии пожаловал ему звание архонта. Все так. В роду нашем, возможно, встречались еще более высокие духом. Но преклонение мое перед моим отцом и правителем безгранично. Не знаю, буду ли когда-либо достоин их, но, поверь, я знаю, что значит честь рода.

– Что значит «не будешь достоин»? На кого же опираться вашим отцам, как не на вас, свет очей моих? – вконец разволновавшаяся Марта утерла кончиком платка набежавшие слезы. – К чему ведешь свой разговор, что тебя мучит?

Леон молчал некоторое время, собираясь с духом.

– Для меня смерти подобно огорчить тебя, бесценная моя тетя, но если промолчу, скрою свою боль, боюсь, станет еще хуже.

– Что за боль терзает столь юное создание?

Леон тяжело перевел дыхание и продолжил разговор:

– Я рос на твоих глазах, и ты знаешь, я не был заключен под своды дворца, как в темницу. Я рос на воле, и этому никто не препятствовал. Да я и не посчитался бы ни с какими препонами, вздумай мне кто их чинить. И друзей я выбирал не только высокородных, а тех, к кому сердце лежало, будь они даже крестьянского роду.

Принцесса Марта, вовсе не отличавшаяся спесивым нравом, тем не менее подумала, что водиться с крестьянами – это уж чересчур. Но вспомнив, что в глазах местной знати и сам Леон по материнской линии небезупречного происхождения, хоть хазарская его родня и прославлена в своих степях, отнесла неразборчивость племянника в выборе друзей на счет хазарской крови. Вслух же она проговорила вполне искренне:

– Крестьяне ведь тоже люди. Ничего дурного в том, чтобы снизойти до них...

– Скоро я завершу образование и вернусь домой. Мое единственное желание – не быть обузой на земле своих предков. Да вот беда, вернусь домой, а детства беззаботного мне не вернуть... раньше, видно, по малолетству многого не замечал... Но сейчас я вижу, какие здесь плетутся интриги. Большинство людей из знати недоволено. Они упрекают нас, что следуем указующему персту ромеев, что мы предали заветы дедов. Косые взгляды уже заставляют меня сожалеть о том, что поехал учиться в Константинополь. Во мне видят отступника, способного скинуть собственного дядю и с помощью мечей ромеев занять престол и превратить наши земли в жалкую провинцию Империи.

– Да кто посмел подумать, что ты способен предать дядю? – вскричала Марта.

– Не только посмели, но и вложили ему в уши клевету. Дядя и слышать о том не хочет, ибо верит в мою преданность. Да и знает, кто на самом деле охотится за властью. Но кое-кто из числа его скрытых врагов делает все, чтобы очернить меня в его глазах, столкнуть нас лбами, отвести его внимание от истинной опасности, исходящей от других.

Марта растерянно взирала на племянника, у нее едва не вырвалось: «В чем ты упрекаешь нас?», но она вовремя взяла себя в руки.

– Я все вижу, как есть. В том моя беда, – грустно сказал Леон.

– Не говори так, проничательность – Божий дар.

– Пусть так. Но все равно, что я ни делаю, все перекручивают, извращают злые языки. Я учусь в сердце империи – в этом уже усматриваются зерна предательства, еще хуже, что забываю о родстве своем с правителями Хазарского каганата. В довершение ко всему – император Византии женат на старшей сестре моей матери. Я наблюдаю, как на моего двоюродного брата Леона Хазара, только что вернувшегося из Рима после завершения образования, византийские царедворцы клеветуют так же, как местные – на меня. Но Хазару несомненно легче, чем мне. Я чувствую, как меня толкают в водоворот опасных интриг.

– Не пугай меня, довольно, – не выдержав, прервала его Марта. – Ты сполна доставил мне боли.

– Прости меня. Но ни перед кем я не могу так открыть свое сердце, как перед тобой. Ты для меня всегда много значила, знай это.

– Знаю, дитя мое! – растрогалась Марта, и на миг потянуло взъерошить ему волосы, как раньше, и расцеловать в обе щеки.

– Я отношусь со всем почтением к твоему супругу, как и должно быть. Но он, очевидно, подпал под влияние людей, желающих зла нашему роду. Они пользуются его близостью ко дворцу, осуществляя свои вероломные замыслы.

– Нет, быть того не может! – взмолилась Марта.

– Я знаю, ты в неведении. Не могли хулить меня при тебе. – Леону полегчало после сказанного, будто он перешел через заснеженный перевал и теперь путь стал проще. – Возможно, он сам обманут, возможно, поверяя дяде ту ложь, что ему выдают за правду, он полагает, будто делает доброе

дело. Возможно, он хочет уберечь и меня, и дядю от неверного шага. Ты знаешь, и мой отец, и дядя прислушиваются к нему. Только он на скользком пути. Его доверием играют недруги нашего рода.

– Что же можно предпринять? – спросила Марта, и по интонации ее можно было догадаться, что на самом деле она осведомлена куда лучше, чем могло показаться в начале разговора.

– Не скрою, я уже говорил с твоим мужем напрямую, прося вникнуть в происходящее, разглядеть, где истина, а где наветы.

– И что же он?

– Он уверил меня в своем полном ко мне расположении, в том, что и допустить не может вероломства в юноше моего возраста. Но держал он себя со мной столь холодно, столь отчужденно, что всякий понял бы: в его уверениях нет и капли правды. Он не только не доверяет мне, он меня ненавидит.

– Это невозможно, дитя мое!

– К несчастью, возможно. В словах его нет не только правды, нет и добрых чувств. Одна ложь. Более всего я опасюсь, что и ты поверишь злым наветам... Именно эти опасения и принудили меня поведать тебе все, как есть.

– Боже упаси, чтобы я усомнилась в тебе!

Но голос вновь выдал Марту. И Леон понял, что и до нее доходили слухи о кознях, которые он якобы строил против правителя. И гнев вновь обуял его. Гнев душил и внешне сдержанную Марту, она корила себя, что хоть на миг поверила злым языкам, чернившим светлое имя племянника в ее же доме, да так искусно, что и она почти уже стала прислушиваться к ним. А больше всего она сердилась на мужа.

– Не принимай все так близко к сердцу, – попросила Марта. – Прошу тебя. Я обещаю тебе переговорить и с твоим отцом, и с правителем и всю правду им рассказать. Что же до хозяина этого дома, я не спущу ему сделанного.

– Нет! – едва не сорвался на крик Леон. – Нет, Марта! Ни слова никому! Я не заступничества твоего прошу! В том нет нужды! Я не мог допустить того, чтобы ты – именно ты! – думала обо мне дурно! Я покину дом со спокойным сердцем. Я хочу еще одного, чтобы ты знала: никогда не совершу я шага, который бросил бы тень на доброе имя моих предков. До последнего мгновения своей жизни я буду заботиться о том, чтобы приумножить славу нашего рода.

– Да поможет в том тебе Бог! – сказала Марта.

«За какие грехи мне посланы родичи, готовые по первому же навету подвергнуть сомнению мою верность Долгу и Чести?» – с болью подумал Леон. Тем не менее, он был рад, что облегчил душу. Марта, как бы внезапно очнувшись от кошмарного сна, засуетилась с угощением, вспомнив об обязанностях хозяйки, но племянник наотрез отказался трапезничать и стал прощаться. Он сердился не столько на Марту, которая могла заподозрить в нем вероломство, сколько на тех, кто плел бесконечные сети интриг. Долго ли слабой женской душе в них запутаться? Он ласково обнял тетю, поцеловал и покинул дом.

За воротами дожидался Леона оседланный конь, он вскочил на его спину и, ни разу не оглянувшись на принцессу, глядевшую ему вслед, скрылся с глаз.

I

Леон со свитой приближался к острову, на котором высился дворец-крепость хазар. Он шел тем путем, каким когда-то со своими соратниками проехал его отец Рамзыц, – миновал те же хазарские города, те же долгие степи, так же на подходах к городу его встретили люди хазарского кагана. Точно так же они спустились к морю, спешились, ступили на плавучий мост. Но в отличие от отца, Леон направился к родне матери из Константинополя и, пока не вошел в пределы каганата, добирался сюда иным путем: через Херсонес. Да еще Барджил Барджигустан не знал о том, что к ним направляется племянник из Абасгии. Весть об этом ему доставили в крепость Дербент, где хазарский каган проводил много времени, придавая цитадели большое значение в защите пределов своей страны. Весть изумила кагана, заставила задуматься, что же понадобилось племяннику из Абасгии, и как же тот решился на долгую дорогу, загодя не услывшись о встрече, не получив приглашения. «Но это же сын Джарымхан», – будто кто-то извне напомнил Барджилю Барджигустану, и голос любимой сестры как бы прозвучал в нем: «Прими его как должно. Родная ведь кровь!». Барджил Барджигустан поторопился в свой дворец на острове. Как обычно, его сопровождала толпа оруженосцев и соратников. Он вошел не через парадные двери дворца, а через потайной вход и, пройдя множество переходов и галерей, достиг главного помещения. Зал с высокими сводами, со стенами и полами, сокрытыми под роскошными коврами,

гудел от голосов. В ожидании прибытия Леона здесь собралось множество гостей, так или иначе кровно связанных с семьей кагана. Барджил Барджигустан взглядом отыскал Барсбит-ханым и поразился ее виду. Древняя его бабка сегодня нарядилась, как давненько себе не позволяла. Широкое сборчатое платье правительницы из тяжелого шелка, если расстелить его на полу, заняло бы столько места, что хватило бы на лежку верблюду. На голове сиял чрезвычайно редко носимый ею золотой обод с вправленными в него драгоценными камнями, старческие пальцы – все до одного! – унизаны кольцами. На ногах парчовые остроносые туфли. Даже согбенную спину прямее держала несокрушимая правительница, которая до сих пор заставляла с собой считаться немолодого уже, покрытого не только шрамами, но и воинской славой внука. Особая торжественность, с которой, судя по всему, намеревались встретить юнца, тоже наверняка была продиктована ее волей. В подражание Барсбит-ханым все женщины в зале были увешаны в неимоверном количестве драгоценностями. Мужчины были длинноволосы, бородаты, хотя среди них и попадались наголо стриженные или с прядью волос, оставленных на темени обритой головы. Некоторые же из присутствовавших не могли похвастаться густой растительностью на лице, некоторые были даже почти безбровы, встречались также с трехдневной щетиной на щеках. Одеты все были богато. Но не по одежде, а по высокомерным взглядам можно было догадаться, что они привыкли выступать в качестве вершителей судеб.

Барсбит-ханым поманила пальцем к себе внука, как подзывала его, когда он был мальчиком. Он подошел, улыбаясь узкими глазами, наклонил к ней широкое мясистое лицо – с годами он заметно погрузнел. Барсбит-ханым шепнула на ухо внуку, что если он позволит, то она хотела бы встретить родича из Абасгии, сидя на троне кагана. Барджил-хан усмехнулся. Сколько раз она занимала трон и никогда не испрашивала разрешения, да и нынче это тоже было не более

чем игрой. Разумеется, он позволил. Барсбит-ханым никто никогда не перечил. Хотя, по убеждению Барджила Барджигустана, сегодня подобало занять место на троне его матери, родной бабке ожидаемого племянника. Само собой, она тоже находилась здесь. Но если бы вдруг случилось невероятное событие, и сын предложил бы матери занять трон, отодвинув Барсбит-ханым, сама Синда-ханым ни за что не совершила бы такого непочтительного по отношению к свекрови поступка. Трон, сделанный когда-то искусными заморскими мастерами по велению деда Барджил-хана Юсуф-хана, стоял в конце просторного зала. Он сверкал позолотой, бока и тыльную сторону украшали кованые, переплетающиеся узоры, среди которых угадывались очертания диковинных рыб и иных обитателей моря. Подлокотники же изваяли в виде тигров, с двух сторон скалящихся друг на друга. Несмотря на то, что трон выглядел очень массивным, он не был неподъемен, и часто его возили за ханом, когда он отправлялся на войну, особенно если предполагались военные советы с союзниками или переговоры с враждебной стороной. Так что золотое кресло можно было увидеть и под наспех возведенным шатром где-либо в степи. Сейчас же трон, за право восседать на котором бились не на жизнь, а на смерть, стоял свободным, но под перекрестными взглядами многих.

Леона Младшего сопровождали всего три человека. Одним из них являлся его византийский однокашник Беслан – сын Тапша из Цабала, о котором мы уже упоминали в своем повествовании. Сосланом звали второго друга, племянника царя аланов, третий – Батраз – был княжичем из Адыгеи.

Добравшись до крепостной стены, покрытой изумрудного цвета мхом, прежде чем войти в скрипучие высокие деревянные ворота, путники остановились и оглянулись на город, оставленный за спиной, на материке. Так некогда, обернувшись лицом к городу, дивился его красе и отец Ле-

она. Странно было смотреть и на крепость, возведенную на ровном месте, хоть и на острове. Сами-то они – и абхазы, и аланы – привыкли свои твердыни строить в горах, в узких местах, близ дорог, проложенных в ущельях, чтобы наверняка можно было и малым числом воинов отрезать путь недругам.

Служители растворили тяжелые широкие крепостные ворота, и путники вступили на вымощенную раздробленными костями дичи дорогу, ведущую к дворцу. Вдоль дороги на расстоянии не более пяти шагов друг от друга, навтыжку стояли хазарские воины, все одинакового роста, все с непроницаемыми лицами. В своей неподвижности они казались частью ухоженной природы, открывшейся взору Леона и его свиты. Стройно высились березы. Купа незнакомых деревьев поднималась вдоль ограды. Разнообразная густая зелень повсюду радовала глаза. Множество непуганых птиц со щебетом перелетали с дерева на дерево и низко проносились над головами. Идя по ровнехонькой дороге к парадным дверям дворца, который располагался не столь близко, как мнилось, когда они вошли в ворота, путники невольно насторожились, подтянулись – им передалось ощущение торжественности.

Пришельцы приблизились к настезь распахнутым парадным дверям дворца. Как гул срывающихся со скал горных потоков, достиг их слуха говор множества людей из дворца. На миг представилось Леону, что это не голоса – это сердцебиение самого дворца, и звучит оно в унисон его собственному сердцу. Сейчас именно начиналось истинное сближение двух народов, почин которому был положен горячей молодой любовью Рамзыца и Джарымхан.

И на то была воля Божья.

Иначе так надолго сохранилась бы во дворце привязанность к своевольной Джарымхан, о которой вспоминали чуть ли не ежедневно? Меж тем не было для хазар такой уж редкостью терять своих юных, пусть и высокородных дочерей, похищаемых иными племенами или уводимых в плен.

И сами хазары захватывали чужих дев, они рожали им потомков, но с их племенем не роднились.

Когда до дворца было рукой подать, из него вышел Барджил Барджигустан в сопровождении приближенных и неторопливо двинулся к гостям. Обычно он ни к кому не выходил навстречу, но сейчас странное нетерпение вытолкнуло его из зала, повело наружу. Каган и молодой гость остановились в двух шагах друг от друга. Через мгновенье неведомая сила, в нарушение дворцового церемониала, соединила их объятиями.

Каган присмотрелся к ни разу доселе не виданному племяннику, чей тонкий стан выгодно подчеркивал абхазский костюм. Ростом молодой родич был ненамного выше самого кагана. «В нашу породу», – определил тот. Он взял Леона за локоть и, позабыв о его спутниках, повел ко дворцу.

– Как вы одолели путь, родич мой, без трудностей?

– Без трудностей! – ответил Леон по-хазарски.

Кагана обрадовало, что племянник обратился к нему на родном наречии. Но в кратком ответе тот сумел своему венценосному дяде показать, что он из числа тех, с кем считаются. Барджил Барджигустан оценил твердость племянника, его готовность защитить свою честь от малейшего посягательства. Осознав это, каган обернулся и к его спутникам, приветствуя их с должным вниманием.

Длинные переходы внутри дворца стали для путников продолжением долгого пути, но, наконец, они вошли в главные апартаменты дворца, словно вступили в бушующую полноводную реку.

Спутники Леона ошеломленно смотрели по сторонам, дивясь тому, что часть гостей уже сидела вдоль стен, скрестив ноги, прямо на полах, устланных коврами. В конце долгого помещения на высоком троне, возвышаясь над всеми, сверкая дивным нарядом, чем-то схожая с гордой удивительно оперенной птицей, восседала Барсбит-ханым. Леон сразу признал в ней ту, о которой так много был на-

слышан с раннего детства, ту, что прислала ему люльку. Любимый скакун – дар правительницы – вспомнился тут же. Бабка кагана не сводила с него глаз.

Леон с достоинством прошел меж знати, глазеющей на него со всех сторон, опустился на одно колено перед троном и, взяв старческую руку Барсбит-ханым в свою, поцеловал. Она ответно свободной рукой провела по его волосам, подняла с колен и прижала к высохшей груди. Шепнула: «Не обманул моих ожиданий, таким и надеялась увидеть тебя». Как только Леон отступил от трона, его окружили черно-волосые, узкоглазые юноши и девушки – многочисленные его хазарские двоюродные, троюродные братья и сестры. Леон старался каждому уделить внимание, и не соблюдение этикета, а ощущение внезапной общности с ними, кровного родства заставляло вкладывать в каждое слово, в каждый жест много сердечности. Барджил-хан подвел к Леону свою мать Синду-ханым, и Леон обнаружил немало общего в чертах лица между бабушкой и своей матерью. Она от волнения не могла выговорить ни слова – молча обняла внука, который столько раз являлся ей во сне, крепко прижала к груди, что не могло не тронуть его до крайности.

Наблюдавшая со своего места за ними, Барсбит-ханым почувствовала укол ревности. Гнев, порожденный ею, метался в ней, едва не понес ее разум, как легкую пушинку ветром, к непредсказуемым поступкам. Но не напрасно она обладала железной волей, через некоторое время Барсбит-ханым взяла себя в руки, превозмогла недостойные чувства. Гостей усадили по левую руку от нее, причем рядом с Леоном села Синда-ханым, а поодаль от нее расположились спутники Леона. Место по правую сторону от трона занимал Барджил Барджигустан со своими приближенными. Гостиам было крайне непривычно сидеть на полу, да еще скрестив ноги, но они виду не подали, желая уважить порядки, принятые в стране, куда прибыли с миром. «Встречало ли столько же вельмож отца моего?» – вопрошал себя Леон.

Действительно, и Рамзыца приняли с надлежащими почестями. Тогда тоже, как и сейчас, все было устроено с легкой руки Барсбит-ханым. Да, Рамзыца признали родичем, но к гостеприимству и родственным речам примешивалась обида, ведь, увозя Джарымхан, он не посчитался с могучей ее родней. И само приглашение посетить каганат он получил после вести о том, что Джарымхан разрешилась чудесным мальчиком. Выходит, что своим рождением Леон проторил дорогу отцу в край супруги. Когда Рамзыц прибыл в каганат, во дворце всех занимало, какие дары он привез. Они, конечно же, оказались щедрыми. Только одному кагану – два меча редчайшей работы, два кинжала в серебряных ножнах, с рукоятями, усыпанными драгоценными камнями, пояс, весь в серебре, полное одеяние абхазского высокородного мужа, впридачу – искусно расшитая бурка. Да и половина драгоценностей, что сейчас сверкали на старческих пальцах Барсбит-ханым, была привезена Рамзыцем.

От юного же племянника никто не ждал даров, никого это не заботило, для них сам его приезд был наилучшим даром.

В огромном зале привольно, как на широком лугу, сидели хозяева и гости, вели неспешный разговор. Многое живо интересовало обе стороны.

Спустя немного времени, в залу вереницей вошли молодые служительницы с большими подносами, на коих разложено было дымящееся мясо. Леон отметил, что среди них нет хазарок. Девушки, скорее, вели свой род от гуннов. Ростом невелички, они, тем не менее, были ладно сложены. Прислужница, возглавлявшая шествие, остановилась перед тронем и склонила голову, прочие, ровной цепочкой следовавшие за ней, разлетелись с подносами к многочисленным гостям, как бусинки из порвавшейся нити. Поставив подле них подносы, они удалились.

Первая девушка по-прежнему стояла возле Барсбит-ханым, и по-прежнему густой пар поднимался над варе-

ным мясом. Наконец, правительница взяла с подноса мясо, слабыми пальцами отщипнула кусочек и, обернувшись к Леону, жестом подозвала к себе. Он вскочил и подошел к ней. Она вознесла молитву, обращенную к Тенгри-хану, и поднесла кусок мяса прямо к губам Леона. Он отступил, почуввав непривычный запах. Правительница удивленно воззрилась на него.

– Прошу прощения... но мы, абасги, не едим конины, – проговорил он по-хазарски. – Мы полагаем, что в коне чистая кровь течет, такая же, как в человеке, и никогда не убиваем коней, чтобы вкусить их мяса.

Барсбит-ханым попала в непривычное для себя неловкое положение. Никому другому она подобного, возможно, и не спустила бы, дала бы понять, что любая пища – привычная или непривычная, но поднесенная самой правительницей каганата, должна быть принята с великой благодарностью. На этот раз она сдержалась.

– И что же вы вкушаете у себя в Обезии? – насмешливо осведомилась она, погодя.

– Мясо быков, коров, мясо дичи...

– Как, и верблюжатины не едите?

– Верблюдов и вовсе нет у нас.

– Унеси это, – велела прислужнице Барсбит-ханым, возвращая мясо на поднос. – Ты слышала, наш гость конины не ест.

Она пристально глянула на прислужницу, и та едва заметно кивнула, давая понять, что поняла больше сказанного. Она удалилась и вскоре вернулась вновь с дымящимся мясом на подносе.

Морщинистое лицо Барсбит-ханым просветлело. Она вновь позвала к себе Леона и осведомилась:

– Баранину хоть признаете достойной пищей?

– Мы едим баранину.

Правительница взяла с подноса баранину и, оторвав кусок, вложила его прямо в рот Леону. Он, поблагодарив

взглядом, разжевал кусок и, проглотив, вернулся на прежнее место. Теперь и перед его спутниками стояли подносы с бараниной.

Все гости, наблюдавшие за тем, что происходило меж Барсбит-ханым и Леоном, облегченно перевели дыхание и рьяно принялись за угощение. Синда-ханым, сидевшая рядом с Леоном, испытывала невероятную радость, что видит плоть от плоти своей любимой дочери, но тень грусти, что не покидала ее с тех пор, как та насильственно была увезена с родимых мест, безусловно, не растаяла без следа. Она не понаслышке знала, каково приходится девам, попадающим к иным племенам. Ей еще повезло, что среди пленниц ее заметил сам каган и взял в жены. Но к какой изворотливости, почти коварству приходилось прибегать Синде-ханым, чтобы уберечь от хазарских набегов земли аланов, земли ее родни. Сколь бы ни была благосклонна судьба к девам, попавшим на чужбину, участь их незавидна, считала Синда-ханым. Верно, прекрасная и своевольная Джарым-хан по доброй воле бежала с полюбившимся ей юношей, но не пожалела ли позже она о том? Все проходит, кроме тоски по дому.

Синда-ханым, тоже взяв кусок мяса с подноса, разделала его пополам и часть вложила в рот внуку, а другую поднесла ко рту его спутника алана Сослана, при этом ласково заговорив с ним на родном языке. Сослан принял угощение розовыми губами, несколько выдававшимися из-под густых черных усов. Гости уже поняли, что такого рода жест – знак уважения среди хазар. Не только мясом они таким образом делились, но и разнообразным печеном, что было предложено следом за мясом. В зале заметно оживились, когда двое юношей внесли двуручный золотой кувшин внушительных размеров и поставили перед Барджил-ханом. Кувшин был с высокой узкой горловиной. На его пузатом боку помещалось чеканное изображение хазарского воина в полном снаряжении. Следовавший за

кравчими юноша держал в руке чашу для вина пронзительно белого цвета. Чаша была сделана из человеческого черепа.

У хазаров, как и у скифов, был обычай: в бою испить крови первого сраженного врага, а если им случалось одолеть предводителя войск противника или иного застарелого недруга, к тому же прославленного как воина, они из его черепа делали чашу для вина. Таких изделий у них хранилось множество, но сейчас в зал внесли чашу, изготовленную не столь давно. Она была сработана из черепа предводителя арабских полчищ Джерарха, над которым в бою одержал верх Барджил Барджигустан и покрыл себя славой, прогремевшей на всю Евразию.

До того добродушно улыбавшийся, Барджил Барджигустан при виде чаши потемнел лицом, будто узрел беспощадного врага живьем. Он глянул на чашу-череп пронзительно суровым взглядом, но из рук служителя принял обеими руками и с видимым удовольствием. Тотчас кравчие подняли громадный кувшин, почтительно наклонили, и вино полилось в костяной сосуд. Наполненную чашу Барджил Барджигустан передал служителю, а тот поднес ее Барсбит-ханым. У той блеснули глаза, точно у хищной птицы, и жестом, исполненным величия, как взмах орлиного крыла, она приняла кубок и пригубила, очевидно, пожелав про себя такой же участи, как у бывшего обладателя этого черепа, всем врагам каганата. Отпив вина, она протянула чашу Леону. Тот вскочил. Еще от отца он слышал, что ему, когда он гостил здесь, дали испить вино из черепа врага. Но когда Леон сам встал перед необходимостью сделать то же самое, его сковал холод. Однако усилием воли он преодолел себя, принял чашу из рук правительницы – гладкая поверхность кости холодила ладони – и заставил себя осушить ее залпом. Питье в огромных бочках, доставленное из Херсонеса, напоминало абхазское вино из винограда «качич». Оно изнутри слегка отогрело Леона. Неожиданно он вспомнил, как впервые вместе со своим

задушевым другом попробовал вина у кузнеца Каинагу. Как и тот первый глоток, вино, испитое из черепа врага хазар, было особого рода. Леон опустился на место, а чаша пошла по кругу. Когда всем она была поднесена, ее заменили другой, пожелтевшей, очевидно, более древней. Так оно и было: чашу эту изготовили из черепа того, кто привел персов на хазарские земли, и чью голову собственноручно отсек каган Юсуф, отец нынешнего правителя. И этот зловещий кубок, наполненный вином, стали передавать из рук в руки.

Спутники Леона, опьяненные увиденным более чем напитками, смотрели во все глаза и дивились всему. Леон же, сидя в кругу людей, чья кровь текла и в нем, вдруг почувствовал себя бесконечно одиноким. «Не страшись одиночества», – вдруг через многоголосье зала до его внутреннего слуха пробился ни с чем не сравнимый голос того, кто с детства сопровождал его в минуты радости или сомнений. И здесь, выходит, он не оставил питомца. Леон отдался тому, что только он один и слышал: «Все люди, чье предназначенье высоко, всегда одиноки. Но и в этом твоя сила. Девяносто девять могучих братьев было у Нарта Сасрыквы, а он был одинок и ни на кого, кроме как на себя самого, не мог опереться, потому что он не был похож на братьев. И в мир пришел не так, как они, был зачат силой духа, чудесным образом. И тот, во имя кого ты носишь крест на груди, непорочно зачатый, который к великой любви и прощению был приобщен Святым Духом еще во чреве матери, тот, думаешь, не был одинок?»

Не бойся одиночества, неси свой крест достойно и не забывай, что я всегда с тобой.

Ты когда был на родине, зря поторопился с упреками в дом твоей тети, детское желание обелить себя в глазах любимой родственницы вело тебя. Но ты-то обязан мыслить, как подобает мужу!

Мне по душе, как нынче ты держишься на пиру. И то, что отверг конину, не переступил через себя, по душе, и то,

что уважил обычаи хозяев и не оттолкнул поднесенную тебе чашу. Хазары – родня твоя, ты можешь рассчитывать на их поддержку как ни на чью более. А сегодня поддержка хазар дорогого стоит. Но, возможно, так будет не всегда, слишком много врагов у них, слишком многие зарятся на их степи. Никому из смертных неизвестно, что написано у них на роду. Может случиться, что хазары и вовсе исчезнут с лица земли. Дерзай, мой мальчик, дерзай, велик долг, возложенный на тебя Всевышним».

Между тем пир продолжался, и прислужницы-гуннки непрерывно обносили гостей всевозможными яствами. Угощали также кумысом и напитком, приготовленным из верблюжьего молока, несли блюда с медовыми сотами. Они напомнили Леону родную сторону и любимое лакомство детства – темный горный мед.

Действительно, исходивший нежным цветочным запахом, светящийся сквозь соты мед был доставлен с Кавказа из земель аланов, которые платили дань хазарскому каганату, и по вкусу был близок абхазскому.

Хазары тоже разводили пчел. Особая история связана с этим. В лесах, начинавшихся за пределами степей, росли кустарники, бурно покрывавшиеся по весне желтыми цветами. Они чем-то напоминали азалии, встречающиеся в лесах Абхазии, но нектар тех цветов был ядовит. Мед, добытый из них, дурманил людей, некоторые даже отравлялись насмерть. Обнаружив это, хазары нарочно стали ставить ульи близ лесов, собирать дурмящий мед. При набегах врагов, чей натиск они не могли сдержать, хазары, покидая свои поселения, оставляли на видном месте соты с пахучим медом. Захватчики лакомились медом, и вскоре их, опьяненных, ослабших, мало ведающих, где они и что с ними, окружали и истребляли. Так что пчел хазарских можно было причислить к воинам, а мед – к испытанному временем оружию.

Гостей удивляло то, что принимавшие участие в пиршестве держались при кагане вольно, не выказывая должного, как им представлялось, почтения к правителю, как и то, что здесь присутствовали женщины и дети, свободно принимавшие участие в разговорах и пире. А чем дольше длился пир, тем громче становились голоса людей, разгоряченных выпивкой и едой. Каждый толковал с рядом сидящим о чем хотел. Ни порядка, ни мудрых тостов, к которым привыкли у себя дома гости хазар, здесь не наблюдалось. Что ж, у каждого свои обычаи.

Спустя время в одной из частей зала затянули песню, до того никогда не слышанную ни Леоном, ни его спутниками. Вокруг все оживилось. Песня смолкла, но из многочисленных дверей зала, противоположных тем, откуда вносили еду, появились стройные девушки с иссиня-черными косами до пят и не менее стройные гибкие юноши, чьи длинные волосы были на затылке связаны узлом. Девушки и юноши стали в ряд. Гости поняли, что прозвучавшая в зале песня была сигналом к началу представления и что здесь в увеселении участвовали специально подготовленные для того люди. Замечены были и музыкальные инструменты в руках вышедших показать свое мастерство, и в одном из них даже признали особую свирель, схожую с тем, что они дома называли «ачарпын», а хазары именовали зурной.

Зазвучал сладостный, тревожащий душу мотив. Вперед выступила гибкая дева в легкой одежде и закружилась перед гостями. Ее танец отличался четким рисунком, и те быстро уразумели, что она изображает прекрасную лань, резвящуюся на лесной прогалине. Следом появился «хищник» с намерением полакомиться ланью, но вовремя подоспевший охотник сразил зверя, и все завершилось благополучно. На этом сцена закончилась, но не само представление: танцы сменяли песни, шуты своим нелепым одеянием и выходками смешили собравшихся. В зале стало шумно, пирующие встали со своих мест, смешались. Казалось: все

говорят одновременно. Леона окружили юные хазарские родственники. Сестрицы, показывая родственную приязнь, прижимались к его груди черноволосыми головками и уходили в сторону, уступая место братьям – всем хотелось выразить Леону свои самые теплые чувства. И он старался отвечать тем же. Спутники Леона – Беслан, Сослан и Батраз, несколько ошеломленные таким бурным выражением чувств, переглядывались и думали о том, что даже самому Всевышнему, не дрогнув, засвидетельствовали бы: материнская родня приняла Леона как самого родного и дорогого человека. Ибо так оно и было на самом деле.

Ранним утром поднялась немыслимая суета. Растревоженный дворец гудел так, будто на глазах уходил под воду остров, на котором высился оплот каганата. В дверь опочивальни, где отдыхал Леон с друзьями, громко постучали. Леон, в мгновение ока натянув на себя одежды, отворил дверь. Перед ним стоял служитель – мужчина средних лет с явно избыточным весом.

– Что стряслось? – спросонья забыв, где находится, поабхазски осведомился Леон.

И без того испуганный служитель растерялся еще больше, но сумел пробормотать:

– Каган-ханым, каган-ханым...

Сон слетел с Леона.

– Каган-ханым? И что же? – быстро спросил он на хазарском языке.

– Барсбит-ханым... умерла, – взволнованным голосом поведал вестник горя и, тяжело ступая, направился обратно по коридору.

Друзья Леона, поднявшиеся следом за ним, теперь окружили друга:

– Из-за какой такой вести тебя побеспокоили спозаранку?

– Барсбит-ханым скончалась внезапно ночью, – ответил он им на языке эллинов и, осенив себя крестом, направил-

ся в сторону, откуда уже доносились женские причитания. Спутники пошли по бокам. Ведомые звуками все нарастающих стенаний, они вступили в опочивальню Барсбит-ханым. Она лежала на одре, чуть приподнятом над полом. С кошмы свисала исхудалая ее рука, напоминая сломанную ураганом ветвь. Взгляд останавливали пышные седые волосы покойницы, разметанные по постели, как застывший белопенный водопад. Женщины причитали вокруг нее, рвали на себе волосы, но близко к покойнице не подходили. Леон и его спутники, расценив, что таков, наверно, обычай, и сами не стали подходить близко, остановились в сторонке. Между тем, стали прибывать все, до кого дошла дурная весть. Трудно было им уразуметь, что Барсбит-ханым, которая накануне так бодро держалась, радуясь приезде сына своей любимицы, внезапно отошла в мир иной.

В опочивальню вошел стремительным шагом Барджил Барджигустан. Леон двинулся к нему, чтобы выразить соболезнование, как было принято на его стороне. Убитым горем, против ожидания, каган не выглядел.

– Дождалась твоего приезда... – только и сказал каган. – Радость и отняла последние силы.

– Сердцем с вами, – проговорили спутники Леона, выражая кагану свои соболезнования.

– Благодарен, – на ломаном греческом языке ответил – вал им каган.

Он подошел к ложу Барсбит-ханым, поднял заледеневшую ее руку с пальцами, унизанными кольцами, и положил вдоль тела покойной.

Печаль по Барсбит-ханым, по той, кого он сподобился лишь вчера увидеть впервые, поселилась в сердце Леона. Она так переполнила его, что на глазах выступили слезы. Он остро пожалел, что рядом с ним сейчас нет матери. Ему казалось, что только с ней он мог бы разделить боль утраты. Показалось, что здесь никто не сожалел о Барсбит-ханым, и женщины, рвавшие на себе волосы, рвали их как-то заучен-

но, лишь отдавая дань традиции. Будь сейчас рядом мать, отец и даже сестрица Мрамза, он оперся бы на них, и не давил бы так груз долга перед хазарским народом. Груз, что надлежало ему нести по зову крови.

Люди все прибывали. Появились и молодые родичи, накануне веселившиеся с Леоном. Сейчас они стояли притихшие. Леон прошел к ним и встал рядом. Они с благодарностью глянули на него.

Покойницу перенесли в тронный зал и уложили на ложе, убранном зеленью и цветами. Так два дня лежала она. Два дня хазары прощались со своей правительницей. На третий день покойницу вынесли наружу. Гости из Абасгии, привыкшие к тому, что в их стране всегда многолюдно, когда провожают в последний путь достойного человека, тем не менее, были ошеломлены людским морем, затопившим остров. Большинство являлось потомками великого Тагурама – от него вели свой род хазарские каганы. Встречались и представители других племен, но их было совсем немного.

Барсбит-ханым всегда вызывала священный трепет у окружающих, и теперь многие, особенно из числа тех, кто постоянно пребывал во дворце, чувствовали себя так, будто стал подтаивать вековой ледник и дохнуло весной. Куда как приятно было вдыхать теплый воздух. Свободнее же всех дышалось родной матери Барджил-хана Синде-ханым, но она виду не подавала, закутанная с ног до головы в траурные одежды, стояла в кругу бесчисленных своих своячениц, снох, золовок.

Покойница лежала на цветастом ковре, постеленном прямо на изумрудно-зеленой молодой траве. Барсбит-ханым запеленали с головой в белоснежный тяжелый шелк, только сморщенное личико, узкое, как у птицы, оставалось открытым.

Барджил Барджигустан со своими военачальниками стоял возле покойницы, постанывая, как подобало по обы-

чаю. Возможно, их мысли было далеко, а кое-кто и прикидывал уже, что и как изменится в каганате с уходом властной правительницы. Спустя время без лишних разговоров подняли покойницу, переложили на специальные носилки и двинулись к западной части острова. Там располагались хазарские могильники. Путь оказался неблизкий. Место для Барсбит-ханым было заготовлено под сенью громадного дерева, чем-то напомнившим гостям из Абхазии бук. Вокруг были разбросаны кости людей и животных. В обычаи хазар входило погребать покойников на месте предыдущих захоронений, будь это катакомбы или могильники. Правительнице было уготовано место в последнем приюте ее сына Юсуфа. Правительницу уложили на бок, подогнув ей ноги, так отправлялись в мир иной женщины-хазарки. Неглубокую яму засыпали. Барджил-хан подошел к могиле, провел ладонью по ней. Ему поднесли чашу из черепа Джерарха, наполненную медовухой.

Обратясь лицом к собравшимся, он молча и до дна выпил поднесенную чашу. Потом следом за ним подходили и другие почтенные хазары, так же молча опорожняли чаши. Когда черед дошел до Леона, он привнес в обычаи хазар немного того, что было принято на отчей его стороне. Отвернув длинные полы верхней одежды, он преклонил одно колено возле свежей могилы, окропил ее сверху поднесенным ему вином и, поднявшись на ноги, молча допил остатки вина в чаше. Спутники Леона поступили точно так же.

От места погребения шли молча, но особой скорби ни в ком не ощущалось. Только в сердце Леона льдинкой застыло все увиденное – разбросанные кости, пустые глазницы черепов, вороны, обсевшие тучей деревья, – все наводило на мысли о бренности жизни. Пальцы Леона до сих пор ощущали холод, исходивший от гладких боков чаши, поднесенной возле могильника. То, что она была изготовлена из черепа, представлялось ему, помимо чудовищности подобной затеи самой по себе, еще и верным знаком недостаточного уважения

к ценности жизни, чьей бы она ни была. Хазары возвращались с похорон не только не в скорби, но даже в приподнятом настроении, будто их не убыло, а прибыло, будто Барсбит-ханым, столько времени стоявшая во главе каганата, не навсегда покинула их, а отправилась, наряженная в белоснежные шелка, в гости ненадолго. Леон этого понять не мог...

Через два дня после похорон Леон со спутниками собрался в обратный путь и в это время он получил приглашение от кагана на разговор. Правитель принял его не в тронном зале, а в маленькой комнате с окнами, выходящими на запад. На полу лежали шкуры медведей, когда-то собственноручно убитых каганом. На них были разбросаны пестротканые подушечки. Комната предназначалась для уединения Барджила Барджигустана и для ведения секретных разговоров. Пригласив племянника опуститься на шкуры, каган сел напротив. Головной убор могущественного владыки чем-то напоминал привычный башлык абхазов, но повязан был, на взгляд племянника, весьма причудливо: закручен вокруг головы крупным тугим узлом, а на темени топорщился островерхо. Впрочем, смотрелся он на Барджиле Барджигустане очень неплохо. По душе было Леону и то, что каган глядел на него открытым взором. Несмотря на густую бороду, довольно красиво подстриженную, и суровое лицо воина, Леон все время отмечал про себя сходство дяди со своей матерью, что рождало невольное доверие. Каган положил руку на плечо племяннику, и оба ощутили и родство душ, и ярко выраженную особенность каждого из них.

Служитель внес кальян, и некоторое время каган курил молча, только поглядывая на племянника глазами, столь схожими с глазами матери Леона.

– Кто такой Симон Кананит? – неожиданно спросил он.

Меньше всего ожидавший именно такого вопроса, Леон, тем не менее, ответил четко, как отвечал учителю Слова Божьего, когда еще изучал Библию.

- Один из апостолов Иисуса Христа из Назарета.
- Он захоронен у вас?
- Да.
- Почему именно на вашей земле?
- Он был казнен там. Подвергся усекновению головы.

Каменная глыба, что послужила плахой, и по сей день лежит на дне реки Псырдзха.

- За что его казнили?
- Проповедовал христианство.
- Обезы сняли ему голову?
- Противники христианства. Они его преследовали и до того, как он пришел на наши земли.
- И что же случилось после? Приняли тогда обезы христианство?

– Долгое время нет. Потом, в пору правления в Византии Юстиниана, мы пришли к христианству.

– Юстиниан, Юстиниан, – в задумчивости повторил каган. – Не в обиду тебе будет сказано, зараза из Константинополя стала проникать и в наши земли. Так, в Херсонесе, отринув то, чему испокон поклонялись, срубив под корень священные деревья, люди стали, точно лишившись разума, размахивать руками перед лицом.

Тотчас Леон вспомнил пристальный взгляд кагана, когда на похоронах Барсбит-ханым племянник и его спутники осеняли себя крестным знамением.

– В этих стенах мы о многом переговорили с твоим отцом, – перевел разговор на другое Барджил Барджигустан. – Недавно он был у нас. С его помощью кое-как удалось уладить головную нашу боль – отпустили картлийского кагана и его сестру, плененных неразумным моим братом.

Леон удивленно глянул на него. О том, что произошло в Картли, он ничего не знал. Решил было расспросить, что и как, но, поразмыслив, счел за лучшее промолчать. Между тем каган продолжал:

– Да, отпустили мы их с миром, но надо думать, обиду они затаили. Обида эта может толкнуть их к арабам или персам. Замирятся они с ними и твоего дядю, состоит же он с ними в родстве, втянут в неверный союз, – Барджил Барджигустан несколько раз глубоко затянулся дымом. – Ничего невозможного в том нет. Добром это не обернется. Ни для кого. Много раз я говорил отцу твоему – он должен стать каганом вашей страны. Да не вижу я, чтобы он внимал моим советам. Положение дел может ухудшиться еще больше, если к власти придет твой двоюродный брат, коего на свой лад растят в Лазике. Считаю, тогда вам уготована участь худшей из худших окраин Византии. Верно, ты получил образование в Константинополе. Но я надеюсь, что ромеям не удалось тебя одурманить. Как надеюсь, что и в другом моем племяннике, Леоне Хазаре, в свое время заговорит материнская кровь, и он окажется не столь вероломен, как прежние правители. Но вряд ли он поднимется против тех, кто поставит его властвовать. Глубина лукавства ромеев, как и беспощадность, известна людям твоей земли, как известна и мне. Я состою в родстве с Византией, равно как и вы. Это верно. Не менее верно и другое: пока вы останетесь под суровой рукой Константинополя, не быть вам полновластными хозяевами в собственном доме. Не вижу иного, кроме тебя, кагана во главе вольной Обезии.

Леон изменился в лице. Он встретился глазами с каганом и как никогда сильно ощутил родство, связывающее его с этим человеком. Родство не столько даже по крови, но по духу. Барджил Барджигустан продолжил долгую и не раз, верно, обдуманную речь:

– Как близкий родич твой, скажу тебе: не бойся ничего и не жалея живота своего ради блага страны. Собери разрозненные земли, объедини вокруг себя всех обезов. Знаю, непростое это дело, но долг повелевает тебе не отступать. Не только словом я готов помочь. Двадцать тысяч закаленных в боях всадников явятся по первому твоему зову. Если

волей небес тебе и предназначено править, все едино: без сильной армии не обойтись. Одними молитвами никому не удавалось сохранить свои владения, а тем паче усилить, возвысить.

– Теперь я понимаю, почему сердце тянуло меня сюда, – сказал Леон, вынув из нагрудного чехла для газырей один и протянув дяде. – Как сейчас не достает одного газыря в чехле, так не доставало мне все это время твоего мудрого слова. Я не хочу лишаться никогда более твоего совета. В знак этого прими газырь.

– Лучшего дара ни от кого не получал, – произнес каган, пряча газырь во внутренний карман накидки из тигровой шкуры. Затем он вынул из ножен на боку кривую саблю, пристально глянул на сверкающий клинок, вложил обратно и отстегнул богато украшенный пояс, на котором висело оружие, и все вместе передал Леону.

– И ты прими мой дар. Немало побед добыто этим клинком. Голова Джерарха отсечена именно им. Умножь же его славу!

II

Небо сеяло мелким дождем, влажная взвесь стояла туманной стеной. Говорят, в такую погоду хорошо поднимается трава. Мгла сгущалась и у разлома в скале, но, точно выдавливаемая изнутри неведомой силой, рваными клочьями рассеивалась над землей, открывая взору темное нутро пещеры, уходящей под землей неведь куда.

Перед самой пещерой бил копытом стройный скакун белой масти. Случайные прохожие дивились, глядя на него.

– Смотрите, что выкидывает!

– Ладный какой! Чей же он?

– Бог весть чей!

– Не зовите меня по имени, коли это не конь царевича Леона, сына Рамзыца!

- Да откуда же ему здесь взяться, еще и без седока?
- Ему и на Больших скачках седок не понадобился. Сам победил!
- Так оно и есть! Тот самый конь, что на скачках всех обошел!
- Чудеса, да и только!
- Они, осторожно ступая, подобрались ближе.
- Загадочный скакун, высоко подняв голову, мельком глянул на людей и, вновь изогнув шею и отворотясь к темному провалу пещеры, стал передним правым копытом скрести землю.
- Что бы это значило? – переглянулись прохожие.
- Никак, надумал вызволить Абрьскила?
- Свят, свят...
- На днях я добирался домой с побережья, так он обогнал меня по пути, – сказал один из наблюдавших за белым конем, – сколько я не нахлестывал своего гнедого, куда там, оставил нас далеко позади. Очевидно, сюда путь держал.
- Неспроста это... Знамение это, чисто знамение... Знать бы только – к добру или ко злу? Всякий раз, когда кому-то на глаза попадался белый конь, он вызывал много толков. И каждого коня схожей масти приписывали именно царевичу. Однажды и такой слух долго обсуждался: будто бы поздней ночью из пещеры выбралась наружу многочисленная рать – всадники, вооруженные до зубов, – и скрылась невесть куда. Странное дело, но такие разговоры участились после того, как Леон навестил родичей в Хазарии и вернулся в Константинополь, хотя в Абхазии мало кто об этом знал. Между тем перед самым отъездом племянника Барджил Барджигустан привез Леона вместе со спутниками в военный лагерь, и там открыли ему великую тайну. Оказалось, на земли Абхазии можно проникнуть через подземный ход, и хазары о том знают издревле. Когда за господство над страной обзавелись насмерть ромеи и персы, хазарские лазутчики проникали подземной дорогой туда и наблюдали, не вмешиваясь,

за событиями. Леона повезли показать, где находится вход в потаенный лаз. Пробирались они узкой «беличьей» тропой меж густыми зарослями. Непосвященный человек никогда не нашел бы сюда дороги, если бы даже волею судьбы оказался бы рядом. Чтобы попасть на ту подземную дорогу, вначале надо было, держась за прочные лианы, спуститься в глубокий колодец, и уже от него ответвлялась собственно дорога. Те, кому случалось пройти по ней, уверяли царевича, что подземные проходы достаточно просторны. Лишь изредка надо пробираться согнувшись, а в нескольких местах ползти. Но чем дальше движешься, тем больше расширяется пещера, и вскоре уже можно идти в полный рост. Спустя время до путника донесется шум подземной реки. Добравшись до ее берега, надо все время держать путь вниз по течению. Под немолчный говор потока всего лишь за день и ночь хороший ходок окажется по ту сторону Кавказа.

Леон решил, что существование подземного пути – одна из важнейших тайн, что открылась ему в стране матери, и что это знание рано или поздно, но непременно пригодится...

Неизвестно, правда ли, что скакун Леона встречался людям в самых неожиданных местах, как о том твердила молва, но очевидно было одно: Дулдул тосковал по своему хозяину. Он часто спускался к кромке прибоя в Псырдзхе, долго, высоко подняв голову, всматривался в морскую гладь, будто в надежде узреть там парусник со своим любимцем. А потом конь, оставляя следы на влажном прибрежном песке, обрызгивая стройные ноги соленой пеной прибоя, отправлялся вдоль берега на север, затем поворачивал на юг и порой добирался до поселения Аквы, которые греки именовали Себастополисом. Здесь на берегу всегда было многолюдно. Возможно, и не встретить уже той толчеи, как во времена города Диоскурия, но народу все равно хватало. Акватория пестрела от множества суден, бросивших здесь якорь, берег гудел от голосов торговцев, от разноязычного говора.

В те времена по всему побережью Абхазии плотно, точно ягоды тугой грозди винограда, еще не лишившейся ни одной виноградинки, проживали поколения абхазов, которых народы именовали по-своему – абазгами, обезами. Сами же они себя называли апсуа. Случалось, что за одной оградой селились две родственные семьи, и в каждой из них – по десять-двенадцать детей. Ограды жители обычно возводили каменные. А если где и встречались плетни, так они были сработаны на совесть – высокие, надежно переплетенные прочными прутьями рододендрона. Здесь все не раз видели Дулдула и все, включая ребятишек, из-за заборов часто глазевших на него, знали историю скакуна царевича. Но и Дулдул знал здесь любой закоулок и чутьем ощущал перемены, происходившие вокруг. Последнее время на побережье от военного люду не было проходу. Ромеи перебрасывали через реку Ингур часть своих войск и, похоже, не из тех, кто имел отношение к охране рубежей. Дозорную же службу ромеи всегда несли здесь, но для этого не требовалось такого количества людей. Многие из военных давно заметили Дулдула и норовили завладеть ничейным, по их мнению, конем. Одним хотелось взять его под седло, а другие – находились и такие! – впрячь в повозку. Никому не удалось ухватить его за гриву, но скакун возненавидел людей в военной форме. Он различал их сразу же, нюхом чуял раньше, чем замечал, торопился уйти от них подальше... Скакун встречал и абхазов, одетых в воинскую одежду. Их он дичился меньше. Это были, как называли подобные отряды в империи, федераты: дружины, состоявшие из представителей кавказских народов, но под началом Византии. Дулдул чувствовал косые взгляды и местной знати, тайно строившей козни против правителя и обзывавшей скакуна царевича дьявольским конем. Теперь не было доверия даже к самому царю Леону Старшему, последнее время часто разъезжавшему по своим владениям в обществе молодого человека, схожего с ним

лицом, но говорившего не на родном царю языке. Дулдул явственно ощущал чуждость этого наречия и сторонился царя с его молодым спутником.

В эту пору Дулдул был хорош как никогда – вошел в свой лучший возраст: стройный, с могучей грудью, с гладкими белоснежными боками, неутомимый. От избытка сил он временами носился до седьмого пота по лугу, оглашая окрестности призывным ржанием. Иногда он бросался на землю посреди поля и катался по траве. А потом, вскочив на ноги, так энергично отряхивался, что густая грива белым облаком взметалась над ним. Случалось, он поднимался на Анакопийскую гору и неподвижно стоял там в лучах закатного солнца. Все, кто ловил взглядом его силуэт, оттененный голубизной неба, застывшего на горной вершине, придерживали шаг, чтобы лишний раз полюбоваться дивной статью и подумать над тем, до чего верна поговорка: «Породу не скроешь и в коне». Родословная у Дулдула и, вправду, была знатная и вела свое начало из глубины веков. Во все времена на конях такой породы в Хазарии дозволялось ездить лишь каганам да их ближайшим родичам. И нынешняя верховая лошадь самого кагана Барджила Барджигустана походила на Дулдула, как две капли воды. Хазары называли эту породу скифской и берегли пуще глаз. Непонятно даже, что заставило Барсбит-ханым сделать столь щедрый подарок отпрыску обезов? Кто знает, может, она решила: «Что толку дрожать над породой скотины, когда судьбы забрасывают самых лучших из наших дев, плоть от плоти нашей, к чужеземцам, чтобы для них растить сынов?»

Среди удивительных повадок Дулдула во дворце заметили еще одну: часто он направлялся вдоль реки Псырדзхи в верховья, где по берегам росли одни каштаны и куда его молодой хозяин любил подниматься. Дулдул шел до того места, где посреди реки лежал плоский громадный камень, на котором обезглавили Симона Кананита. Иногда камень

невозможно было разглядеть, он был сокрыт бурлящим горным потоком, а иногда поток на том месте вдруг будто уходил под землю, обнажая камень, который быстро высыхал и «томился жаждой». Говорили, что вода стала пропадать после того, как осквернили реку камнем, на котором лишили жизни святого. Поравнявшись с камнем, Дулдул непременно останавливался – здесь всегда и Леон придерживал шаг и крестился, – а затем, подняв переднюю правую ногу, выделял диковинные движения и продолжал свой путь. Добравшись до развесистого священного дерева граба, под которым и сейчас возносили молитвы, скакун вновь сбавлял шаг и проводил некоторое время под его сенью. Далее путь Дулдула лежал по узкой тропе выше к горам, к тому месту, где, по преданию, покоились останки Симона Кананита. Возле могильного холма конь вновь несколько раз приподнимал правую ногу, после, прикрыв глаза, застывал надолго. Здесь его оставляло беспокойство, которое обычно не давало ему мирно пастись в косяке. Более того, Дулдул всегда чурался табуна, а на лугу подходил только к кобылице-матери и легким ржанием приветствовал ее. У той уже было три разновозрастных жеребенка, из которых никто не унаследовал белоснежную масть Дулдула. Один – гнедой, а два других – вороные. Но они тянулись к Дулдулу, окружали его, терлись шеями о его шею и, должно быть, не прочь были кинуться с ним наперегонки. Со временем из них должны были получиться знатные скакуны, хоть мастью и не вышли, но благородная кровь в них, безусловно, текла и она должна была дать о себе знать. Дулдул уклонялся от мельтешивших вокруг жеребят, опасаясь не совладать с собой и поддаться призыву молокососов, чтобы кинуться с ними наперегонки. Его сдержанность одобрялась кобылицей-матерью, это всегда явно ощущалось. Иногда к ним присоединялись другие кони, присланные тогда из Хазарии Барсбит-ханым. Они становились в круг, и тоска по бескрайним хазарским степям, навеки ими покинутым, отражалась в их глазах.

По настоянию Хирхух – хоть дело это было неслыханное! – чудо-коня крестили, как крестят младенца, приобщая к свету Иисуса Христа, даже золотой крест повесили ему на шею. Вдовствующая царица считала, что благодаря этому конь станет вести себя ровнее и не будет среди глубокой зимы кататься по снегу, сливаясь с ним окраской, чтобы сбить внутренний жар избыточной силы или носиться под проливным дождем до изнеможения. Да и его паломничество – иначе не назовешь – к захоронению Симона Канани-та требовало освещения, знака, чтобы не было сомнения в том, что конь ведом чистой силой.

В тот день с полудня Дулдул стоял под огромным ореховым деревом у ворот царского дворца в Псырдзхе. Он беспокойно перебирал ногами и время от времени оглашал окрестности высоким ржанием. Но никому не было дела до него, даже челядникам. Ветер тревоги носился над дворцом и шумел в ушах Дулдула. Он чувствовал, как во дворце часто меняется «погода», точно в горах. И уже кое-кто во дворце тоже заражен подозрениями, всюду видит врагов. А серый в яблоках там, у коновязи, тот самый, на котором прибыл сюда юноша, схожий лицом с царем, все время яростно смотрит сюда, где стоит Дулдул. Вот бы встретиться с ним где-нибудь на лугу, в честном бою показал бы ему Дулдул, кто чего стоит...

Многое изменилось с тех пор, как жеребенком прибыл Дулдул к царскому двору, но его сюда все равно тянет, он тоскует по дворцу, по тому, когда здесь все жили вместе, мир и лад тогда явственно витали в воздухе. Сейчас он хотел бы, чтобы к нему сошла Хирхух, только ее одну теперь он хотел здесь видеть, только ей одной поклониться.

Но сегодня ему не повезло, Хирхух нигде не было видно. Постояв, скакун направился в сторону другого дворца, что на холме – здесь, отделившись от брата, жил Рамзыц с семьей. И там была для Дулдула приманка – сестра его хозяина, прекрасная Мрамза. Именно она вплела в его гу-

стю гриву тонкие красные лоскутки, чтобы дурной глаз не навредил ему. Она всегда радовалась его приходу и так была похожа на своего брата. Однажды положили на спину Дулдула женское седло с высокой лукой, Мрамзу посадили в седло. Ее, свесившую на одну сторону длинные тонкие ноги и заливающуюся счастливым смехом, Дулдул катал осторожно, а хотелось вознестись с ней к самому небу.

Звонко цокая подкованными Каинагу-кузнецом копытами, Дулдул приближался к дворцу, где, он знал это, не застанет Рамзыца. Частые отлучки того беспокоили Дулдула – чуял: происходит что-то неладное. Вот бы вызнать у коней, на которых он, сменяя загнанных свежими, ездит то в Майкоп, то еще куда-нибудь. Что его гонит? Но верховые лошади Рамзыца только тупо смотрят большими глазами и ни «го-го»...

Дулдул приближался к анакопийскому ущелью, когда до слуха его донеслись фырканы, приглушенное ржание, топот, звуки, что обычно исходят от косяка, и кислотатый запах конского пота ударил в ноздри. Так и есть – за поворотом, куда он свернул, было тесно из-за множества лошадей и людей. Это был ежегодный смотр подросшего конского молодняка. Здесь отбирали их на воинскую службу и годных для службы здесь же метили тавром. Хозяева коней, приведшие своих питомцев под уздцы для определения сведущими людьми их стати, не знают, куда отправят всех этих вороных, каурых, гнедых... Одно известно: лучшим из них уготована славная судьба. Они пополнят конницу, которую греки именуют «Ala prima Abasgorum» («Правое крыло абасгов»). Эта конница издавна причислена к лучшим частям многочисленного войска Империи. Кому-то выпадет доля стать верховым скакуном воина, назначенного охранять ближайшие рубежи. Но все они должны быть готовы, как и их всадники, принять бой в любом месте и в любое время. И те, на ком поставят тавро, уже не вольные

стригунки, а боевые кони... Когда показался Дулдул, все они повернули к нему головы и, как при появлении царя среди людей, притихли, подтянулись. Дулдул знал эту породу – абхазо-адыгские низкорослые кони, в которых поначалу можно ошибиться, приняв их за смиренных, скромных трудяг. Дулдул никогда не был с ними ни в пути, ни в бою, но чуял – и там, и здесь они заставят с собой считаться. А уж как ловки и отважны были, на какие кручи взбирались, да еще не налегке, с всадниками на хребтах, по каким горным тропам ухитрялись ходить – не всякий тур отваживался следовать их путем.

Среди присутствовавших здесь было много юношей – друзей детских игр Леона. Они всегда радовались при виде Дулдула. Он тоже чувствовал к друзьям хозяина расположение. И сейчас, позволив им подойти поближе, долго любоваться собой не дал. Точно извиняясь, что случайно оказался там, куда не был приглашен, Дулдул, мотнув гривой, повернул обратно и тут краем глаза заметил наискосок от себя в тени деревьев зятя Леона Старшего меж людей, среди которых было немало ромейских воинов. Все они недобро смотрели на Дулдула и наверняка строили козни против него. Мгновенно он повернул к ним крупом, одним прыжком перемахнул речку, протекавшую по ущелью, и кинулся напрямик, вверх по кособору...

Ему захотелось вернуться к анакопийскому дворцу, но потом он свернул к пастбищу, отыскал там кобылицу-мать с потомством и целый день провел бок о бок с ними. А в сумерках отправился вместе с кобылицей и жеребятами ко дворцу Рамзыца. Здесь Дулдулу наконец повезло – сразу увидел перед дворцом и Джарымхан, и юную Мрамзу. Они стояли в окружении челяди и стражи, запрокинув головы, смотрели на небо в ожидании предсказанного знамения: по небу должна была пронестись Псху-ныха – святыня, которая держала путь к Илорской святыне, названной своей сестре.

Действительно, прошло совсем немного времени, и небосвод перечеркнула она – сияющая округлость, оставившая за собой огненный след. Хмурое небо озарилось волшебным сиянием, а люди, стоявшие внизу, очарованно следили за движением Псху-ныха, и губы шептали молитвы. Кони, привязанные у ворот, не могли, задрвав головы, наблюдать за небом, но ощущение значительности происходящего воспринимали шестым чувством. Оно понуждало их беспокойно переминаясь с ноги на ногу, дрожать мелкой дрожью.

На следующий день с утра пораньше народ стал подтягиваться ко дворцу отовсюду. Вскоре простор царского двора заполнился молчаливыми мужчинами с сурово завязанными на голове башлыками. От толпы исходило не слишком много шума. Молчаливо растущее человеческое озеро наводило на мысль о наводнении, когда поднявшаяся вода затопляет побережье и стоит тихо, но грозно.

Леона Старшего, уже знавшего о знамени, о пронесшейся к илорской святыне Псху-ныхе, сильно обеспокоило известие о толпе у дворца. Сам он не вышел, отправил приближенных выяснить, что привело сюда людей. Вскоре послы вернулись.

- Что им надо? – поспешно справился царь.
- Требуют ухода ромейской армии.
- Давно не требовали... Армия уйдет, кто же их защитит?
- Сами, говорят, защитимся, жалуются, что устали кормить чужую армию, что она истоптала нашу землю, попирает обычаи наши.
- Забыли, что мы часть великой Империи и что с Империей шутки плохи?
- Говорят, довольно гибнуть ради чужеземцев.
- Я знаю, кто за этим стоит, и куда помыслы направлены, знаю. Только зряшные надежды питают смутьянов. Что же еще им надобно?

– Требуя встречи с главными военачальниками ромеев, желают напрямую с ними поговорить.

– Свое слово они уже сказали! – неприязненно заметил Леон Старший и сердито заходил из угла в угол, что-то напряженно обдумывая. Через некоторое время он остановился перед приближенными, ждавшими его указаний, и велел:

– Идите и передайте им, встретимся через неделю. Я приложу усилия, чтобы распутать тугие узлы, завязанные жизнью, и от их советов не уклонюсь. Поспешность не даст ничего хорошего, у того, кто поторопился, сын окривел, так говорят...

Послы с царским словом вышли к собравшимся и вернулись с требованием о немедленной встрече.

– Сегодня разговору не быть! – отрезал Леон Старший. – Вразумите их: поспешность гибельна!

– Они желают видеть самого царя! Ждут его выхода!

– Никогда я не уклонялся от подобных встреч. Но сегодня нездоров, открылись раны, полученные в боях. Требую передышки до понедельника. Это мое последнее слово.

Люди, недовольные вестью от царя, некоторое время еще молча стояли во дворе, но потом потихоньку стали расходиться и вскоре схлынули, ушли, как входит после наводнения в свои берега река.

Наступил назначенный день, и собралось у дворца несравнимо больше народу, чем прежде. Людей не вместила ограда, множество прибывших толпилось за высокими воротами царского двора.

Но и Леон Старший подготовился к встрече. Все дни он усиленно искал выход из создавшегося положения. Он давно ощущал опасность, склубившуюся тучей над головой. Леон Старший знал, что строятся козни против него, но кто подстрекатели смуты и куда на самом деле они клонят сейчас, он не мог определить со всей ясностью, как определял прежде. Одно было очевидно: трон покачнулся, требовалось

предпринять упреждающие шаги для его укрепления. Накануне Леон послал гонцов за сыном, находившимся в Лазике, чтобы тот немедленно прибыл во дворец. Феодосий предстал под царские очи со всей возможной поспешностью, но не так скоро, как хотелось бы, ибо велико было пролегшее меж ними расстояние. Здесь он узнал о намерении отца отречься от престола в его пользу.

Леон в окружении своих приближенных вышел к народу. Позади него, в сторонке, не слишком, по его разумению, мозоля глаза, стоял царевич, сохраняя на лице в молодом пушку постное выражение.

Царь, не давая никому времени обратиться к нему, коротко высказал свою волю:

– Верой и правдой я служил вам. Сколько хватало сил, я заботился о процветании своего народа и страны. Защищая отчужую землю, пролил немало крови. Но силы мои на исходе, подточенные многочисленными ранами. Сегодня я не могу править так, как того стоит моя земля, как того достойны вы. Посему решение мое таково: я передаю бразды правления моему сыну Феодосию.

Народ охнул. Такой поворот событий оказался полной неожиданностью для всех.

– Новый правитель хоть знает родной язык? – выкрикнул кто-то, опомнясь первым.

Леон Старший пропустил мимо ушей выкрик. Вопрос был повторен множеством голосов, но по-прежнему остался без ответа. Преемник царя, высоко подняв голову, вслушивался в гул голосов, но по его лицу было видно, что он не понимает, о чем речь. Широкоплечий коренастый мужчина, кто стоял по левую руку от царевича, что-то шепнул ему и, взяв под локоть, подвел к Леону Старшему. Тот снял с головы золотой обруч – знак его власти, признанной Византией, и водрузил на голову сына. Феодосий неловко поклонился отцу и поцеловал ему руку, затем расправил плечи, без надобности поправил на ремне кинжалы и застыл, прямо глядя перед собой.

Народ застыл напротив, будто среди палящего летнего зноя вдруг повалил снег – гибельный, поразивший в древние времена ацанов. Молчание затягивалось.

– Желает ли кто слово сказать? – обратился к народу один из приближенных царя, кому неведомо стало выносить груз тишины.

Отклика не последовало. Среди звенящей тишины толпа стала редеть. Люди, онемев от услышанного, оглушенные неожиданным событием, покидали царский двор. Толпа на глазах бесшумно таяла, таяла, таяла...

III

Рамзыц возвращался с небольшой свитой из Майкопа. Горной дорогой путники добрались до своих земель и здесь, как только преодолели горную кручу у перевала, заметили группу всадников из хазар, состоявших при дворе брата Леона. Должно быть, они давно здесь дожидались его возвращения, и Рамзыц сразу ощутил приближение беды. Он только не знал, с какой стороны она нагрянула. Его спутники, также охваченные беспокойством, забросали хазар вопросами. Те поведали, что архонт Леон отказался от престола в пользу своего сына. Новость ошеломила спутников царского брата. Все одновременно заговорили, прикидывая и так и сяк, что побудило Леона Старшего к скоропалительному решению. Молчал один Рамзыц. Внешне он держался невозмутимо, ни один мускул не дрогнул на лице, но он ощущал себя так, будто страшное пламя изнутри пожирает его. Боль была адская.

Рамзыц, не проронив ни слова, двинулся в путь. Спутники в глухом молчании последовали за ним. Когда они спустились вниз, он направил коня не в сторону своего дворца, а свернул к югу, к Гумысте, где жила его материнская родня – хотел больше узнать о событии из первых уст. Но там он никого из своих не застал. Кто-то из челяди сказал, что

на Красном лугу всенародный сход, и отсюда все уважаемые люди отправились туда. Круто повернув коня, Рамзыц заторопился на луг. Верные спутники следовали за ним.

На Красном лугу, славившемся не только красотой, но и простором, яблоку негде было упасть. Над ним плыл запах конского пота из-за множества верховых лошадей, привязанных неподалеку. Земля была истыкана посохами стариков, прибывших на сход пешими. Море народу колыхалось на лугу. Где-то там далеко некий краснобай, стоя на возвышении, драл глотку, но до всех не мог донести своего голоса. И люди, стоявшие вдалеке, из уст в уста, перевирая на ходу, передавали сказанное. Несколько юношей, заметивших прибытие царского брата, кинулись навстречу с тем, чтобы уважить как должно и помочь спешиться. Но хазары из свиты опередили доброхотов. Соскочили со своих коней, один поддержал стремя своего правителя, никого близко не допуская к нему. Несмотря на то, что люди стояли плотно, они кое-как расступились, давая царскому брату дорогу. Многих он видел впервые, некоторых знал в лицо, находились здесь и явные его недруги. По мере того, как Рамзыц приближался к златоусту на возвышении, обрывки речений того стали достигать его слуха.

– Пренебрег нами... Мы с ним на гибель в бою шли, а он бросил... Призвал в чужом краю выкормленного сына... Забыл, сколько пережито под его рукой и из-за него, сколько людей – и стар, и млад, женщин и детей полегло из-за чужой короны... Своеволье царя ввергает нас в пучину бедствий...

Так витийствовал Шаруан Аблавадский из довольно захудалого рода, известный своей способностью любого заговорить до смерти. На сходках или на пирах не было спасу от его разглагольствований. Но нечасто ему доводилось говорить при таком стечении народа. Заметив Рамзыца, он смешался. Далеко не все обрадовались царскому брату, к тому же явившемуся с чужаками-хазарами. Шаруан принадлежал к тем, кто постоянно сеял смуту против царской семьи

и против Рамзыца. Сейчас он, похоже, решил, что время его настало. Потому после небольшой заминки продолжил свою зажигательную речь и настолько в том преуспел, что даже те, кто полагал, что рот дан не для болтовни, а для еды, оказались готовы высказаться в духе самого Шаруана.

– Лучше присоветуй, как нам быть? – кто-то из толпы прервал бурный поток речей говоруна.

– Вернуть царя Леона! Вот как быть! Слышите?! – Шаруан не замедлил с ответом. Напрягшись так, что вздулись жилы на шее, он прокричал: – Не согласится вернуться, призовем Рамзыца, слышите? Отвернется Рамзыц, сыщем другого правителя, слышите? Мы не оскудели высокородными! Найдем, кого поставить! Спросим народ, он и назовет имя правителя, слышите?

– Когда это холопы решали, кому править?

– Что за новость, назвать правителя?

– Царь передал корону сыну, о чем теперь говорить!

– Скажете, тоже плоть от плоти царской? – пренебрежительно кинул в толпу Шаруан. – Добавьте еще, мол, новый царь пока юнец. В силу войдет, ума наберется! Что еще скажете?

– Сойди с возвышения! – раздались голоса. – Свою волю без толмача выразим!

– Не надо пререканий, люди!

– Побойтесь бога, дад, побойтесь...

– Говорят, козье стадо к своей гибели рогами сшибается!

– Не вам сгонять с трона человека, по праву на него взшедшего!

– По какому праву?

– По праву наследования! Из рода в род передается царская власть, не знаете разве?

– Знаем и то, что один род может сменить другой!

– Не кощунствуйте!

Рамзыц молча слушал, заложив большой палец одной руки за ремень, другая рука свободно свисала вдоль тела. Хазарские его соратники, хотя до конца не понимали чу-

жого наречия, но и того, что разобрали, хватило, чтобы понять, какой опасности сейчас подвергается Рамзыц, будучи царского рода. Они беспокойно переглядывались и были бы рады, если бы Рамзыц покинул сборище. Теперь он и сам видел, что зря прибыл сюда. Он и не подозревал, какие глубокие корни среди подданных пустила ненависть к правящему дому. От малейшего неосторожного шага смута готова была запылать, как от искры сухостойный лес.

– Что ж вы молчали тогда во дворце? – крикнул кто-то из толпы. – Теперь обиды считаете, как тот избитый на побережье горец! Он тоже обиды припомнил уже в горах.

– Ты-то сам чего молчал?

– Да разве дадите слова сказать!

– Вон одному дали слово и что разумного услышали?

– Сойди вниз, Шаруан, сойди!

– Уступи место достойным людям!

– Слово царю!

– Да где же видите царя?

– Здесь Ач Рамзыц, неужто не разглядели?

– Так то не царь, царский брат, да и старший уже не правитель.

– Рамзыц – держатель царской печати.

– Толку? Печать на пергамент шлепнуть еще дозволяют, а слово его, как лист на ветру, относит в сторону.

– Надежда на Рамзыца плоха, считай, и вовсе нет надежды.

В это время Шаруану, вещавшему с высокого замшелого камня, вдруг почудилось, что камень дал трещину. Он совершенно явственно почувствовал рассыпающееся крошево под ногами и поторопился сойти на землю от греха подальше.

Все ждали, что его место заступит царский брат. Но вдруг из толпы вынырнул высокий стройный молодой человек и с ловкостью стремительного барса взбежал на камень. Он обвел горящим взглядом толпу.

– Говорят, что ложка ведает лишь о том, что в горшке. Так и каждый из нас знает не больше той ложки, прости

меня, Господи. Я впервые отважился перед столькими почтенными людьми подать голос, так как не могу не поделиться той малостью, что мне ведома. Ибо в судьбе нашей земли та малость значит многое.

– Кто этот юнец?

– Кто же его знает!

– Как же – это же Хезан, сын Тамшыгуа Баалоу из Псырдзхи.

– И что он нам может поведать?

Рамзыц не сразу признал в юноше товарища детских игр своего сына, но, узнав, сильно обрадовался ему и подивился его отваге. Между тем Хезан, сын Тамшыгуа, продолжал:

– Странные мы, люди, изводим стрелы, про цель позабыв. Кончаются стрелы, обнаруживаем – не удосужились мишень вывесить.

– Куда он клонит, язык без костей? – осведомился какой-то насмешник.

– Дай ему высказаться, узнаешь.

– А ему есть что сказать?

– Не мешайте, юноша ведь еще...

– Как же, как же, теперь юноши вершат нашу долю.

– Вашу мудрость не смею подвергнуть сомнению, – говорил тем временем Хезан. – Но как же толковать о судьбе царства в отсутствии царя и его приемника? И впрямь, путник еще с гор не спустился, а празднество в честь его благополучного возвращения уже в разгаре. Это одно. Другое, раз нынче здесь собрался чуть не весь народ Абхазии, не лучше ли говорить без обиняков? Сегодня мы в великой опасности, ибо лишились достойного правителя!

– Кто тебе такое сказал? – крикнули из толпы.

– Я вижу сам, как видите и вы.

– Дайте ему сказать.

– Похоже, мы лишились умения слушать друг друга!

– Мужество оставит, так и удача покинет. Не теряйте мужества. Бывали вы и в худших переделках. А у нас есть на кого опереться.

– Кто же эта опора?

– Путнику, одолевавшему дорогу целый год, не след останавливаться, когда до цели – полдневный переход. Наберитесь терпения, и правитель, достойный вас и святой нашей земли, предстанет перед нами. Недолго ждать. Век правления нынешнего венценосца недолог, как ветром его сдует.

– Слышите, слышите, что он толкует!

– Не смей молодого царя чернить!

– И кто же тот, кто осчастливит всех нас?

– Леон, сын Рамзыца, кто же еще!

– Готов отрезать правое ухо, лишь бы его увидеть на троне! – крикнул кто-то в толпе

– Разве он не подвержен ромейской заразе?! – остудил его восторги какой-то злоязычный человек – Будет сгибаться в сторону Константинополя.

– Говорят, он не из тех, кто сгибается.

– Что не гнется, то ломают. Обломают.

– За трон, похоже, тяжба предстоит.

– Цари передерутся, на подданных потопчутся.

– Хваленый ваш Леон готов с потрохами хазарам нас отдать.

– Откуда такая новость?

– Говорят, и у леса есть уши!

– Да и сам Рамзыц того желает!

– Выходит, из огня да в полымя?

Шум в толпе становился невыносимым. Оскорбляя царский дом, никто не считался с присутствием Рамзыца. Он хотел одного, чтобы горячий юноша, стоявший на возвышении, сошел вниз целым и невредимым, понимал, что искренний порыв того только раззадоривал и озлоблял толпу, но был бессилен преломить ход события.

– Кто же тебя прислал заступником?

– Сойди вниз, юноша!

– Отправляйся к тем, чье стремя держишь!

– Далеко идти не придется! – послал кто-то за спиной «стрелу» в сторону Рамзыца.

Голос показался знакомым, но Рамзыц не обернулся. Ненависть к нему росла, он это чувствовал, росла и набирала угрожающую мощь. Какие-то люди с бегающими глазами засновали в толпе, будто что-то недоброе затевая.

– Я верю, вы все сплотитесь вокруг одного человека. Так ложки закваски достаточно, чтобы котел молока сквасить. Он соберет вас, непременно соберет, ради блага своей земли и вашего собственного блага, – сказав так, Хезан легко сбежал с камня и стремительно направился к тому месту, где стоял до того.

– Хотим услышать царское слово. Дайте же Рамзыцу слово! – раздался из гущи толпы голос.

– Когда это цари спрашивали позволения, чтобы слово сказать? – тотчас поддел говорившего какой-то зубоскал.

Рамзыц знал, что вокруг немало людей, прекрасно понимающих, какие подводные течения принудили Леона Старшего поступить так, как поступил, но, разумеется, было и множество тех, кто собрался просто глотку драть и попетушиться, тешась своей значимостью, но не делая попытки разобраться в хитросплетениях забот правителей – не их ума это было дело. Однако сейчас ему надлежало держать ответ и перед теми, и перед другими. Он сердился на себя за опрометчивый приезд сюда, на брата, явившегося причиной смуты. Предчувствие, что их древнему роду грозит серьезная опасность, что он может пресечься, охватило его, и страх холодной ладонью прикоснулся к спине. Преодолевая себя, он высоко поднял голову и направился к громадному камню. Шагая по выступам камня, как по ступенькам, Рамзыц поднялся наверх, оглядел бушующую толпу. Кому послушна мощь народная, у того истинная власть, подумалось Рамзыцу. Отсюда он явственно ощущал, как толпа дышала ненавистью, нацеленной на него. Постепенно гул, тучей стоявший над Красным лугом, стих.

– Да возьму я ваши горести на себя! – начал Рамзыц. – Сегодня говорить мне с вами не легче, чем поднять камень, на котором стою. Но вопреки всему я хочу вам сказать...

Со звуком, похожим на взмах мощного крыла, тонкая длинная тень метнулась к нему и навеки запечатала уста.

Первыми опомнились два его хазарских соратника. Они ринулись к Рамзыцу, но не успели подхватить. Он распластался на камне. Из груди его торчала стрела с еще дрожащим концом. Один из хазар приподнял брата Леона за плечи, другой поддержал под спину.

Он открыл глаза.

– Убили... братья убили... – тающим голосом сказал он по-хазарски.

Подсочивший Хезан услышал его последние слова. Свита Рамзыца застыла у подножья камня. А стрелок исчез в водовороте орущей, давящей друг друга толпы, кинувшейся врассыпную. Обезумев от случившегося, люди бежали, сбивая с ног стариков. Те криком кричали, опасаясь, что их задавят живьем, женский визг раздирал слух. Многочисленным коням, привязанным неподалеку, передался ужас толпы, и они рвали уздечки, били копытами, пронзительно ржали. Материнская родня Рамзыца и часть его соратников металась в поисках убийцы. Но те, кто направил руку наемника, успели его надежно сокрыть.

Часть людей покидала Красный луг, часть рвалась к камню, на котором лежал в окружении соратников Рамзыц, но, добравшись до камня, люди пятились назад, давя идущих следом, теряли друг друга в толпе, истошно перекликались.

Из-за дикого людского водоворота не было возможности поднять убитого и спустить его с камня. Тесно обступив поверженного Рамзыца, его соратники пережидали безумие толпы, как пережидают внезапную грозу. Наконец удалось поднять остывшее тело с камня и спустить вниз, положить на расстеленную бурку. В это мгновенье тяжелые тучи закрыли небо столь плотно, что среди белого дня стемнело, как в сумерках. Внезапно похолодало. Все ощутили это как знамение, предвещающее еще большие беды.

– Прости нам, Господи, наши прегрешения...

– Прости и помилуй нас...

– Спаси нас, Господи, на все твоя воля...

Молитвы, возносимые к небесам дрожащими голосами, не могли успокоить людей, до чьего разума доходило, какой великий грех был свершен на их глазах.

А во все концы Абхазии уже были разосланы горевестники, оповещавшие об убиении царского брата.

***

Врагу не пожелаешь того, что испытал Леон Старший, когда страшная весть достигла дворца. А юноша, кому он передал бразды правления подданными, способными пролить царскую кровь, тонкий, как молодой ореховый росток, побледнел до белизны рисовой бумаги. Мать его металась по дворцу, полуживая от горя и страха. Как молнией пронзила Леона Старшего мысль, что, сложив с себя царскую корону, он совершил непоправимое. Он не знал, как оказался на мятежной сходке Рамзыц, которому надлежало быть в Майкопе. Все противоречия, недомолвки, подозрения, все, что последнее время разделяло братьев, все потонуло в безбрежном отчаянии при вести о его гибели. Ни сном, ни духом Леон Старший не был причастен к случившемуся на Красном лугу, но он понимал, что его непременно заподозрят в коварном умысле, пролитую кровь поставят в вину. Страшное событие многим будет на руку. Враги не преминут воспользоваться гибелью царева брата, чтобы сеять смуту среди людей и наречь Леона Старшего убийцей ближайшего родича. «Где искать понимания, где найти спасения?» – спрашивал себя раздираемый болью Леон Старший, совсем еще недавно мнивший себя вершителем судеб.

IV

Поднявшись спозаранок, Леон перекрестился как обычно, поцеловал нательный крест, подошел к окну и распахнул фрамугу, впуская свежий утренний ветер, который тотчас запутался в его густых волосах. Окно выходило на побережье, и Леон смотрел, как набегает волна на берег, а потом поднял глаза выше, загляделся в ту сторону, откуда, точно вынырнув из моря, должно было появиться солнце. Он вспомнил, как при недавней поездке в Хазарию дивился тому, как светило возникало на окоеме, будто выступив из толщи степной земли. Затем оно плыло по небу в сторону Кавказских гор и, скрываясь, за горами, как бы тыльной стороной освещало оставляемые просторы. На родной стороне говорят: «солнце встало из-за гор», «солнце сошло в море». А для здешних светило поднимается из-за моря? Заморское светило?

Леону вспомнилось ночное видение. Камни, камни, сплошь камни и громадный камень, сродни тому плоскому огромному, на котором в Псырдзхе он любил в детстве играть, лежал на нем и придавливал, дух не давал перевести. К чему сей странный сон?

Горячей волной обдала его внезапная тоска по дому, перед мысленным взором предстали лица матери, отца, сестры. Затем померещилось в звуке прибоя призывное ржание любимого скакуна...

За время пребывания в Константинополе немало познал Леон, много испытаний выдержал с честью. С семи лет мальчиков здесь начинают обучать чтению, счету, письму, рисованию, дают уроки гимнастики. Детей знакомят с древними мифами, читают им вслух творения Гомера и Гесиода, прививая любовь к звучанию языка эллинов...

С двенадцати лет учат в гимнасиях, одновременно обязательно посещение полестров – заведений, развивающих не разум, но тело, где в почете бег наперегонки, прыжки в

длину, метанье копья, диска, борьба. В грамматической же школе постигают труды историков, логиков, знакомятся с геометрией, астрономией, учатся играть на музыкальных инструментах. Пятнадцати-семнадцатилетние юноши прослушают, в довершение к прочим наукам, специальные лекции по риторике, этике, логике, философии, математике, астрономии, географии. Помимо этого они усваивают все тонкости верховой езды, учатся кулачному бою, изучают стратегию и тактику ведения войны на примерах прославленных военачальников, таких как Александр Македонский.

В Византии некоторые сенаторы не одобряют, что и представителей народов с окраин обучают всем этим наукам, наряду с истинными потомками эллинов. Но сторонники образования поясняют, что к тому времени, когда все ученые премудрости будут постигнуты учениками, в них мало что останется от собственного народа, они духовно переродятся в ромеев, и потому Империи от их высокого образования, кроме пользы, вреда не будет. Более того, получив образование, впитав в себя любовь к культуре Империи и к ней самой, представители покоренных народов, вернувшись к себе, повсеместно станут проводить политику Византии. Недаром же им сызмала внушают, что предать империю – самый тяжкий грех и бесчестье навеки. Ученики дают клятву верности великой державе. Никто и не помышляет о нарушении клятвы, иначе последствия окажутся столь ужасными, что отразятся на следующих бесчисленных поколениях...

Ну, а верные Империи, блюдущие все ее законы, преумножающие ее славу, вознаграждаются щедрой императорской рукой. Когда выдающихся военачальников призывают в Константинополь для раздачи наград, учащиеся нарочно приглашаются на празднества, дабы они видели, осознавали, до каких немислимых высот может вознести верность долгу и ретивое служение базилевсу. Бывает, что кто-то из юношей удостоивается чести с трибуны от лица молодежи поздравить награждаемых.

Леон с первых дней учебы был на виду, все предметы ему давались легко. Наряду с учебой он отличался и в гимнастике, и в верховой езде. На конных ристалищах он всегда первенствовал, как был лучшим и в изучении стратегии и тактики. Учителя говорили друг другу о его необыкновенной душевной зрелости, о редкой способности к языкам, об его ораторском искусстве. В греческом он так преуспел, что сторонний не догадался бы, что этот язык ему не родной. А в умении говорить убедительно и красноречиво его сравнивали с Демосфеном. Так как Леон состоял в близком родстве с императорским домом, несколько раз присутствовал он и при заседаниях сената, приобщаясь к сложности ведения государственных дел. Молодой абасг даже держал речь как-то перед сенаторами от имени народов, населяющих провинции.

Таких юношей с редкими способностями готовят для важных государственных постов. Они редко возвращаются к родным очагам. Их оставляют в столице или направляют с большими полномочиями в иные большие города – в Фесалонику, Амастриду, Трапезунд...

Патроны Леона прочат ему место при императорском дворе, но его, чем ближе конец обучения, тем сильнее тянет на родину, мочи нет...

***

В тот день должны были начаться празднества в честь Аполлона и Дионисия, всегда широко и долго – тридцать дней – отмечавшиеся во всех эллинских полисах. В Константинополе давненько в полной мере не проводился сей традиционно демосом излюбленный праздник, который начинался при большом стечении народа, как военных – пеших и конных, – так и просто ликующего люда, да прекрасных высокородных дев, которых несли в разукрашенных паланкинах могучие юноши с золотыми венками на головах. Обычно множество золоченых колесниц принимало

участие в этом празднике. Тогда кого только нельзя было встретить в столице: и ряды слонов, важно ступающих под разноцветными попонами, и множество рабов, несущих бюсты прославленных правителей, героев. А уж какие затевались игрища, какие театральные представления ожидались... С момента восшествия на престол Константина Пятого после гибели его отца Льва Исавра в битве с арабами, полноценного празднования в честь Аполлона и Диониса здесь не случалось. Тому были свои причины. Занявшему престол Константину Пятому явно было не до праздников, даже столь достославных. Все силы его уходило на укрепление рубежей разросшейся вширь и вдаль страны, да на постоянные разбирательства с внезапно возникшими после гибели Льва Исавра многочисленными врагами. Переселение целых народов в отдаленные места, интриги, бесконечные раздоры меж окраинами империи, преследование верующих, поклонявшихся иконам у себя дома, что входило в противоречие с поклонением Христу в храмах – это и немало другое требовало неусыпного внимания и участия Константина Пятого. Между тем пока Константин воевал, муж его тетки – родной сестры Льва Исавра – Артамас Артавасиди – борец за утверждение культа домашних икон, с помощью своих многочисленных сторонников, осуждавших иконоборчество императора, узурпировал власть и завладел тронном. Но вернувшись с войны, Константин скинул его с престола. Однако злоключения императора на том не закончились, враги сумели вновь одержать верх и даже бросить его в темницу. В ту пору Леон и юноши его возраста сделали многое наряду с воинами, с которыми император ходил в поход против арабов, чтобы вызволить узника из заточения. Завершилась история тем, что Константин Пятый был освобожден соратниками и прямо в кандалах привезен во дворец и снова возведен на престол, за что и получил прозвище: «Дважды Помазанник».

Назло врагам затеял на этот раз праздник Аполлона и Диониса Константин Пятый и желал, чтобы тот прошел с должной пышностью. Он созвал множество гостей, в том числе и сына своего Льва Хазара, пребывавшего тогда в Риме. Пригласил хазарского кагана, брата жены – Ирины по крещению, а по рождению нареченной Чичак. Ожидалось еще немало высокородных людей.

Леон уговорился с Львом Хазаром вечером идти к общей их родне, сам же решил тем временем навеститься в стан, где расположились всадники. На ожидаемых ристалищах Леон нес ответственность именно за всадников, коим надо было в состязаниях показать все свое умение. Леону хотелось воочию убедиться, что конница готова к предстоящим событиям. Но как только он явился в стан, его известили, что император незамедлительно требует племянника к себе. Неожиданно вспомнился давешний сон – камни, множество камней, непосильная тяжесть...

Леон заспешил во дворец. Возле императора собрался узкий круг – жена, сын Леон Хазар, несколько близких родичей с материнской его стороны, наиболее приближенные к трону люди. Все они замерли с каменными лицами.

– Сядь сюда, – подозвал Константин Пятый племянника, указывая на стул рядом с собой.

«Похоже, опять война...» – подумал Леон, занимая указанное место, внешне не выказывая и тени волнения.

– Плохие вести доходят из Абасгии, – заговорил Константин, помедлив. Было заметно, что разговор дается ему нелегко. – Тревожные, горькие.

Леон встрепенулся, и вновь вчерашний сон припомнился ему – камни, одни камни. Меж тем император продолжал свою речь:

– Дядя твой, правитель Абасгии, не сочтя нужным известить нас, не испросив позволения, сложил с себя полномочия и поставил во главе Абасгии совершенно нам неведомого своего сына...

«Сбывается сказанное братом моей матери», – пронеслось в голове Леона.

– Последствием сего поступка стало невиданное волнение в Абасгии. Пятнадцать дней как длится необузданный разгул. Мужайся, Леон: помни каждый приходит в этот мир, чтобы затем спуститься в царство Аида... Я знаю, ты достоин услышать правду, и не стану прятать ее от тебя. Чернью убит твой отец.

Леон вскочил на ноги... «Камни, камни, камни...» – теперь уже набатом звучало в ушах. Он совладал с собой, заставил себя сесть и поднял вопрошающий взгляд на императора. Императрица Ирина подошла к племяннику и, положив руки на его плечи, прижалась щекой к его щеке. И двоюродный его брат Лев Хазар придвинулся ближе. Остальные образовали круг возле Леона. Установилась долгая скорбная тишина, которая была прервана императором Константином:

– По нашим сведениям, в Абасгии на ноги поднялись все – и стар, и млад. Они окружили царский дворец. С каждым днем положение ухудшается. Наши доверенные люди опасаются, что смута может охватить весь Кавкасион. Требуется незамедлительное вмешательство. Мы не понимаем, почему медлят наши гарнизоны, расположенные в Абасгии. Не иначе, как случилось страшное и непредсказуемое по своим последствиям предательство. Надо вскрыть нарыв смуты, надо быстро и решительно разобраться в случившемся, выявить предателей, примерно наказать, взять власть в свои руки, укрепить ее... И все это под силу на сегодняшний день только одному человеку, – император помедлил: – Леон, речь о тебе.

Леон побледнел, не удержался, вновь поднялся на ноги. Он прошелся взад-вперед, стараясь унять глухо стучащее сердце, взять себя в руки, и вернулся на прежнее место.

– Знаю, непросто, но учись владеть собой, – сказал император. – Сегодня в сенате все единогласно выразили свое желание видеть тебя архонтом Абасгии. Это государственное наказание. Мне по сердцу было оставить тебя рядом с собой в Константинополе, но дела империи всегда принуж-

дают жертвовать собственными желаниями... Мое же было столь сильно, что я даже внес предложение назначить архонтом твоего друга Тапш Беслана. Происходит он от восточных царей Абасгии, к тому же учен, разумен. Но по зрелому размышлению отцы-сенаторы пришли к выводу, что это может привести к великим раздорам внутри страны, к междоусобице...

– Но в нашей стране уже есть правитель, тот, кого царь назвал приемником. Мой брат двоюродный... – напомнил Леон.

– Мы не ведаем, кто он, где рос, чему обучен, нашей воли на его правление не будет никогда! – отрезал император.

Леон поднял голову и всех оглядел поочередно, то ли ища сочувствия, то ли поддержки. Лев Хазар подошел и пожал брату руку, молчаливо выражая и сочувствие, и поддержку. Леона тронул его жест.

– Горестное известие достигло нас в дни большого праздника, и померк свет радости, – продолжал тем временем император, – но все судьба... Корабль снаряжен и готов к отплытию, готовы и воины, которые отправятся с тобой. Кого бы ты хотел еще взять, можешь назвать поименно. Все будут предоставлены тебе. Через некоторое время продолжим заседание в сенате и там обсудим все наши дела. Ты можешь рассчитывать на любую помощь от нас. Затем в храме на тебя возложат золотой обруч – знак архонта.

V

На окоеме появились корабли, числом не менее семи, как определили с берега. Двигались они споро, и по мере приближения становилось заметно, что строй держат наподобие журавлиного клина, по три парусника шли друг за другом по обе стороны «острия» – не похожего на них более крупного судна, шедшего под двумя прямыми парусами. Отсюда, с побережья Псырдзхи, нельзя было еще разглядеть, что судно это представляет собой мощную боевую пентеру,

что нос и корма у него украшены башнями-акростолями, а мачты – с боевыми марсами, способными вместить не одного и не двух лучников. То, что на пентере находится сын невинно убиенного Рамзыца, назначенный великой Империей властелином Абхазии, и вовсе никому не приходило в голову. Но люди потихоньку стали собираться на берегу, вглядываясь в приближавшиеся корабли, гадая, что им надобно, и тревожась, какая еще напасть поджидает. О хорошем никто не думал – не те были времена. Корабли же вели себя странно, не входя в прибрежные воды, легли в дрейф и долгое время так покачивались на волнах. На берегу становилось все больше наблюдателей. Между тем суда стали менять строй – теперь он напоминал подкову – и двинулись на север. «Куда, к кому, зачем?» – беспокоились на берегу.

Рамзыц был предан земле на анакопийском плато, и цветы, увенчавшие могильную насыпь, еще не увяли, но увядал на глазах мир на оставленной им отчизне. Раздоры, сплетни волной захлестывали всю Абхазию, и какие только не велись пересуды. Одни уверяли, что Леон Старший с сыном подался в Картли, а там спесивые родичи возмутились, что их племянника абхазы не захотели видеть на троне, и теперь вынашивают коварные планы, как бы образумить смутьянов. Одновременно пошли разговоры, что лучше персам предать свою судьбу, чем набившим оскомину ромеям. И будто бы нарочно появлялись тут и там люди, напевая на разные голоса простакам хвалу в честь персов. Они же хулили, как могли, византийских правителей. Ходили слухи, что Лазика сплотилась с Картли, и будто бы собирают ново-явленные эти союзники силы на берегу Ингура, чтобы хлынуть в Абхазию и разорить ее. Другие говорили, что могущественные хазары уже в дороге с намерением отомстить за погибшего высоко ими ценимого зятя. И что они уже в Дарьяльском ущелье и не прочь попутно разорить Картли, а от Лазики и вовсе камня на камне не оставить...

Молвили также, что сильный древний род Маршанов, населяющих ущелья Дала и Цабала, устроил сходку, призвав всех своих мудрецов, и поклялся как один человек, что отныне они отвечают за честь и славу Абхазии, и кто посягнет на эти святыни, будет иметь дело с ними. С Маршанами вошли в содружество все жители Псху и Ахчypsа. Весть об обете, данном славным родом, дошла и до племен айбыга и бжадыгуа, и те готовы ныне плечом к плечу с Маршанами защищать честь Абхазии...

На самом деле никто ничего толком не знал, кроме одного – отчая земля вновь втянута в водоворот опасных событий. Ожидание неминуемой беды по-разному отражалось на людях, сообразно нраву каждого. Одни готовились по первому зову кинуться в сечу, не щадя ни своей, ни чужой жизни, другие впали в уныние: «Мы прокляты. И тот, кто проклял нас, покинул мир людей. Теперь некому снять заклятья. Не будет нам спасения». Были и занятые вечным своим трудом – выходили в поле, бросали зерно в землю, прокладывали борозды, ухаживали за скотиной, крепили хозяйство как могли, стараясь поддерживать равномерное течение жизни. Да и в городах в ремесленных кварталах все так же трудились гончары, да и золотых дел мастера по-прежнему вправляли камни в кольца, чеканили различные украшения. Не сидели без дела и те, кто обжигал кирпичи для постройки больших городских зданий. Что уж говорить об оружейниках! Оттуда, где они работали, допоздна доносился звон металла. На побережье хватало купцов, прибывших издалека, и богачей тоже. Как прежде, здесь стоял гул от разноязычного торга, совершались сделки, что-то продавалось, что-то приобреталось...

Вассалы царя укрылись в своих вотчинах, но уши их были обращены ко дворцу. С пренебрежительными улыбками, но с большим вниманием они внимали вестям, доставляемым доверенными лицами. Но своих обширных дворов не покидали, почесывая бока, издалека наблюдали за тем, куда повернет ход событий.

Слезы иссыкли у вдовствующей царицы Хирхух, и она смотрела на мир сухими глазами, как со дна выпаренного солнцем родника. Ее мучила жажда, жажда мщения. Как же получается так, что сбитый, как птица на лету, ее младший сын до сих пор не отомщен, до сих пор где-то разгуливает убийца? Неужто все позабыли, какого рода и племени жертва неслыханного вероломства? Отчего поныне не сорван покров тайны с имени неведомого лучника? Приближенные не узнавали царицу. Она часами молчала, устремив неподвижный взгляд в пространство, мучаясь сотнями невысказанных вопросов, на которых не находила ответов. Казалось ей, что слабый женский разум не способен охватить все события, как есть. Но что случилось со старшим сыном Леоном? Он, славой себя покрывший в битве с арабами, и даже личную судьбу вплетший в победу над ними, женившись на племяннице своего соратника картлийского царя Арчила, он-то отчего бездействует? Что принудило его удалиться от дел, взбудоражить весь народ, как некогда во времена роящихся пчел? И если кто из внуков дорос до венца правителя, что с того? Почему всколыхнулись все подданные, чем недовольны? Опять сеча, опять битва? Хирхух с детства во дворце отца не могла наглядеться ни на родителя, ни на старших братьев. Вечно они уезжали на защиту своих земель, вечно соскакивали с загнанных коней, чтобы, сменив их, мчаться дальше, не ведая отдыха, всегда при оружии, всегда наготове. Выйдя замуж, Хирхух также не обрела покоя – даже в самый мирный день во дворце ощущалась готовность в мгновение ока собраться для отражения вражеского набега. Деда своего мужа она не застала в живых, но много сказов о его ратоборстве дошло и до нее. И смерть он принял на поле брани, но пал, не сраженный противником, а злодейским предательством. Он летел на боевом коне впереди своей дружины, рубя во всей стороны арабов, и те, насыщенные об его непобедимости, кидались врассыпную. Но внезапно придержал

воитель своего горячего коня, соскочил с него, лег на истоптанную землю и испустил дух. Позже стало известно, что враги, боявшиеся его как огня, подкупили прислужника военачальника, и тот перед самой битвой подмешал в питье предводителя яд. Свекор Хирхух также был славен, как воин, и также служил своей отчизне, не щадя живота. Да разве и молодого мужа часто видела во дворце Хирхух? Всегда он занимал место в первом ряду защитников родной стороны, всегда пребывал в опасности, всегда был готов лечь мертвым, но не уступить и пяди орошенной кровью бесчисленных предков родимой земли.

Подросшие сыновья ступили на ту же стезю. После подвигов Леона зародилась надежда у Хирхух, что, даст бог, мир наступит надолго. Но выходит, надежде той век был отмерен, как бабочке-однодневке...

Хирхух догадывалась, что многое остается вне ее понимания, очевидной была только боль по Рамзыцу. Сегодня с утра пораньше она желала только одного – подняться на могилу сына, но отчего-то вслух своего пожелания не высказывала. В глубине души она надеялась, что Джарымхан или Мрамза спустятся к ней сюда в Псырдзху, нарушив свое добровольное заточение в анакопийской твердыне, но они не появлялись, сосредоточив всю свою жизнь близ могилы Рамзыца.

Замеченные возле берегов Псырдзхи корабли уходили на север и были уже едва видны. Они вновь держали строй клином. Причалить к берегу Псырдзхи не пожелал сам Леон. После раздумий решил, что его неожиданное появление там, возможно, будет расценено неверно. Он миновал Мысру, предпочел не причаливать и к Амзаре. Маленький флот держал путь к Цандрыпшу. То поселение было близко сердцу его отца. Там на самом берегу стоял возведенный еще во времена Юстиниана храм. Правда, не раз его разрушали, и когда греки покинули побережье на время, кустарники предъявили свои права на покинутое строение, оно было оплетено колючками, лианами, обросло мхом. Стара-

ниями Рамзыца храм был возвращен к жизни, заново возведен, украшен, там служили службу. Леон точно знал, что священники в храме особо выделяли его отца Рамзыца из всего царского рода, были ему преданы. В поисках душевного успокоения Рамзыц не раз приезжал в храм, здесь рассеивались многие его печали...

Все семь кораблей, поравнявшись с Цандрыпшем, оставили ход. Поскольку неизвестно было, каково дно морское у поселения, и причал к тому же отсутствовал, мореходы не стали подводить корабли прямо к берегу, а спустили на воду шлюпки и отправились на высадку. Когда отряд воинов благополучно переправился на сушу, представители императора, которые должны были объявить волю Константинополя абасгам и сообщить всем о назначении Леона архонтом, повезли его вместе с наиболее приближенными лицами к берегу.

Меня охватывает сильное волнение, когда я пытаюсь представить себе, что ощущал сей юноша, который вот-вот должен был ступить на родную землю при таких обстоятельствах. Есть две великие боли у человека – это разлука с родиной и встреча с ней. Тот, кто покидает ее навсегда, увозит тоску по отчужденному дому, как вечное горе, которое пребудет с ним до смертного часа. Но и возвращающемуся после долгой разлуки нелегко сразу расстаться с чувством сиротства, с которым сросся, равно как и с отчужденностью. Заново надо растить в себе любовь, заново постигать родную землю, сливаться с ней. Не каждому это по плечу.

Леон уезжал ребенком по воле родителей на время, на учебу, с большими надеждами, с любопытством. А возвращаться выпало с сердцем, полным горечи и боли, с необходимостью принимать судьбоносные решения. По мере приближения к берегу он заметил, что отовсюду стекается народ, из густых самшитовых лесов высыпало множество людей, и все спешили к берегу. «Лучше было бы, наверно, причалить к Псырдзхе», – подумалось Леону при виде раз-

ношерстной толпы. На берегу он поднял голову и пригляделся к тем, кто собрался здесь, пытаясь определить, какая ему уготована встреча. Люди не знали, кто и зачем прибыл к ним, некоторые даже решили, что купцы доставили соль, нехватка которой так остро ощущалась с наступлением смутных времен. Они явились с мешками, но догадавшись, что прибыли отнюдь не купцы, настороженно наблюдали за приближающимися, ощущая нутром, что нынче происходит нечто весьма важное. Когда Леон со свитой приблизился, многие его узнали благодаря разительному внешнему сходству с обликом отца. Это ввергло их в полную растерянность.

– Добро пожаловать, дад, – люди постарше приветствовали его первыми.

– И вам всякого добра! – отвечивал Леон.

По многим спинам пробежал озноб, до того и голос юноши был схож с голосом убиенного отца.

Встречавшие не знали, известно ли Леону о горе, постигшем царский двор, и не осмеливались выразить ему соболезнования. А он протянул руку для рукопожатия одному, другому, третьему... Руки, руки встречаются, смыкаются, руки, принадлежащие людям одной с ним крови, но все ли они верны родству?

Цандрыпшцы не верят своим глазам: за что им такая честь? Но втайне и тревожатся: а вдруг совсем дела плохи во дворце в Псырдзхе. В поселении многие говорят ромейски, а понимают язык почти все. Среди поселянок немало и ромеек. Поначалу абхазы, как могли, противились тому, чтобы их сыновья брали в жены иноземок, опасались потерять свой язык, обычаи. Но обнаружив, что дети, рожденные ромейками, следуют заветам своих отцов и сызмала говорят на двух языках, перестали осуждающе коситься на них. В метрополии же всегда относились одобрительно к разноплеменным бракам, полагая, что подобного рода смешения благотворно сказываются на колонизации края.

Языковой преграды между хозяевами и гостями не было, но, обмениваясь добрыми словами, они настороженно поглядывали друг на друга, ибо еще не прояснилась цель прибытия почетных гостей и их намерения. «Отчего же он не направился хотя бы к родне матери Рамзыца, в Гумысту? – задавались вопросом цандрыпшцы. – Почему выбор его пал на нас, никак на то повеленье Господне?»

Гостей повели к храму, а под раскидистым вековым дубом у собора уж темно было от народа – все почтенные люди не только Цандрыпша, но и близлежащих поселений успели собраться здесь.

Служители храма, редко покидавшие святое место, тоже вышли наружу. В свиту Леона входил и епископ из знаменитого Константинопольского храма Айя-София. Он, личный духовник императрицы Ирины, прибыл сюда по ее просьбе, чтобы благословить племянника императрицы на правление Абасгией. Служители храма поглядывали на него с благоговением и опаской – а что, если ему придется не по душе, как они справляются со своими обязанностями? Помимо епископа Леона сопровождали видные деятели империи да военачальники, и только один ученый затерялся меж ними. Это он придумал, как с помощью света передавать на расстояния сообщения, создав нечто напоминающее семафорный телеграф. Это он приспособил внутри многочисленных львов-фонтанов в Константинополе хитрые устройства из сосудов и полых камней, заполнявшихся водой, благодаря которым фонтаны-львы рычали время от времени, точно живые. Ученый знакомил Леона с различными науками и дивился способностям царевича. Владелец одной из лучших библиотек Константинополя – трудами Пталомея, Архимеда, Евклида, философов Платона, Порфирия, Прокла – учитель вводил в храм знаний своего подопечного. Хотя он был старшим по возрасту среди прибывших из Константинополя, но держался по-юношески прямо и с живым интересом смотрел по сторонам. Он по доброй воле отправился со своим любимым

учеником, желая не только присутствовать при церемонии возведения Леона на престол, но и с намерением внимательно приглядеться к стране, правителем коей тот становился. В свите Леона были приближенные, которые родились на этой земле, но давно уже были отчуждены от нее. Не знающие ни слова на родном языке, они вряд ли считали, что вернулись домой. Однако в Константинополе решили, что абасгам будет приятно, если часть свиты составят выходцы из Абасгии.

Владетель Цандрыпша Цан Шумаф, созвав самых мудрых людей из находившихся под его началом, пригласил гостей в храм не только вознести молитвы, но и в его стенах обговорить не терпящее отлагательства дело, связанное с прибытием Леона.

Часть старцев, к чьим советам привыкли прислушиваться не один десяток лет, просили не торопиться с немедленным объявлением именем империи Леона архонтом, опасаясь, что спешка повредит делу. Другие же говорили, что промедление может обернуться немалой бедой.

Представители Константинополя на это отвечали, что решение сделать архонтом Абасгии Леона принято в сенате самой империи, потому обжалованию не подлежит. Воля Константинополя закреплена печатью, и к Цандрыпшу они причалили не для обсуждения решения сената. Единственное, в чем они нуждаются, – это в правдивых сведениях о том, что делается во дворце в Псырдзхе. Такого рода сведения будут полезны и помогут в дальнейшем избежать лишних столкновений.

Мыслящие хорошо понимали, в каком непростом положении пребывал Леон Старший, когда под давлением множества сил, в том числе родичей жены и ее самой, уступил свое место сыну. Теперь, если вдруг цандрыпшцы приведут вкуче с представителями империи его племянника и присягнут тому на верность, – неизвестно, чем все это может обернуться. Не лучше ли, раз право передачи по наследству

в смутную пору нарушилось, устроить всенародную сходку, где всесторонне обсудить возможность прихода Леона к власти, и чтобы этот выбор был сделан всем народом, а не навязан Константинополем, давно вызывающим нареkania со стороны абасгов.

«Иначе все может пойти прахом, мы знаем нрав своего народа», – твердили мудрецы. «Мы не допустим охлократии», – возражали им прибывшие. В разумности всенародной сходки сомневались и многие местные: «Не раз случилось, что пока одни, достойные стоять во главе, тягались меж собой, кому править, другие, чуждые всем и каждому, брали власть в свои руки».

После долгих разговоров пришли к соглашению, что на обширном поле, именуемом Красным лугом, состоится вече, в котором примут участие все уважаемые роды со всех концов Абхазии. Как они решат, так и будет. Неслыханное это было дело – всем миром выбирать правителя. Несмотря на то, что такая затея таила немало возможных трудностей и небезопасно было выходить к многотысячному народу, Леон склонялся к мысли, что поступить надо именно так. Он неотступно мучился тем, что появился на родной земле на плечах византийских военачальников. Леон прекрасно разбирался в дворцовых интригах Константинополя, и ему вовсе не улыбалось свержение двоюродного брата, да еще по указке Византии. А если всем миром признают его своим правителем, что ж, значит, на то воля Божья! Потому он остановился на том, чтобы созвать сходку.

Пока в храме велись переговоры, во дворе суетились люди, чтобы достойно принять неожиданных гостей. В отдалении в саду уже раскладывались костры. Вода закипала в громадных котлах, а белоснежные быки, которых привели, чтобы, благословив Леона, в защиту его светлого пути принести в жертву, уже были привязаны у ограды.

В этом же селе проживал известный всей Абхазии мудрец и ясновидящий Чаабалырхуа Кискиндж. Леон с детства был много о нем наслышан и, оглядывая окружавших его старцев, задавался вопросом: отчего среди них нет самого мудрого из мудрых? Когда переговоры завершились и все двинулись к выходу, Леон напрямую спросил у Цан Шумафа о ясновидце и выразил желание встретиться с ним. По оторопелому виду того и по тому, как омрачились лица старцев, он понял, что и здесь неподкупная правда не в чести, и что и мудрые не свободны ни от зависти, ни от интриг. Оно так и было. Часто Чаабалырхуа Кискинджа не приглашали на сходки мудрецов, чтобы не затеряться в тени его острого ума и могучей силы предвидения. Но волю Леона невозможно было порушить. Тотчас же снарядили гонца к ясновидцу. Вскоре его доставили к царевичу. Старик был в больших летах, пожалуй, старше всех присутствовавших, но и тени дряхлости не наблюдалось в его богатырском облике. Был он высок ростом, но не сторблен – хотя и держал белоснежный посох в руках, но больше для виду, а не для того чтобы опираться: он с силой воткнул его в землю и, приветствуя, протянул широкую ладонь Леону.

– Добро пожаловать домой, дад!

Леон отметил в его облике много общего, роднившего ясновидящего с тем Духом земли, что с детства являлся ему и в трудный час всегда был рядом. Притяжение же мощи ума и обаяния самого царевича было столь велико, что высокие чины, сопровождавшие его из Византии, ощущали себя не всезнающими наставниками, как рассчитывали там, в Константинополе, а словно подхваченными потоком солонинками, зависимыми от взгляда, слова, поступка этого еще совсем молодого человека. Глаза Леона и провидца встретились, и старик сразу понял, что царевич желает уединиться с ним. Он уже несколько дней всей своей сущностью ощущал некое грядущее событие и ждал этой встречи. Ему понятна была судьбоносность происходящего. Яс-

новидец вытащил из земли свой посох и, позвав взглядом за собой царевича, двинулся к храму. Они шли рядом, и народ молча смотрел им вслед. Никто не решался ни присоединиться, ни заговорить.

Внутри храма вошедшие нашли уединенное место и уселись друг возле друга.

– Я ждал тебя, – сказал ясновидящий, когда они уселись, – и рад твоему прибытию. Я предупреждал твоего отца, что постигнет его ранняя и неожиданная гибель. Но он не мог сойти с назначенного пути. Повинные в его гибели сами будут искать для себя смерти. Отец твой будет отомщен. Он знал это. Но и на небесах, я верю, боль об оставленной отчизне не отпускает его. Ведомо мне, в каком высоком родстве ты состоишь с теми, на чьих кораблях ты сегодня прибыл. Но ведомо и то, о чем догадываются не многие: заморские родичи твои издревле добивались своего, если не войной, так призывая силы небесные, насаждая веру свою меж народами, поклоняющимися иным святыням, осыпая дарами, возводя на царствие. А потом исподволь опустошали земли, что переходили под их руку. И отсюда все уплывает за море – мед, сыр, скотина, самшит, золото... Леса срубают под корень, чтобы загружать корабли деревом и увозить. Да что лес, лучших наших сынов забирают с тем, чтобы превратить их в чужаков. Мы все видим. Но и они не слепы. От них не укрылось, что творится в наших сердцах. Они нам не верят и глаз с нас не спускают. Другие же, не менее жаждущие причаститься к нашим богатствам, истекают злобой и завистью, день и ночь думают, как отрезать заморским хозяевам путь сюда. И тем нет до нас дела. Мы как зернышки, попавшие меж безжалостными жерновами... Но не должны мы дать себя смолоть... На роду, видно, написано нам все время зависеть от других, более сильных... И зависимое положение виной тому, что среди нашего племени стали рождаться люди, которых чужеземцам легко удавалось пристегнуть к ремню. Поманят серебром или теплым местечком, и

они готовы стереть с лица земли своих сородичей. Худшей беды, чем предательство, зреющее и дающее всходы внутри рода, племени, трудно назвать. А сколько раз вероломные чужаки сталкивали лбами наших аамыста? Сколько раз вершители судеб родины оставались глухи к слову разумному? Многих праведников заставили умолкнуть. Поняв, что их слово не дойдет до ушей, залитых, как воском, завистью и себялюбием, они предпочли уединиться в своих домах, кляня собственное бессилие. Твои родичи, не в обиду будет тебе сказано, случалось также, шли за ложной звездой, вылуцивая себя из доли родной земли. Но были среди них и крепкие духом, ими дышала, на них держалась отчая земля. Ты стоишь особняком в своем роду, вижу уготованную тебе судьбу... Крепкую основу царству заложишь ты. На века оставишь память о себе. Но досталось в этом мире тебе место на ристалище народов. По воле Божьей ты призвал меня сегодня сюда. Я буду краток, ибо Время ждет тебя за стенами храма, ждет твоих деяний...

Ни единым словом я не принижу того Леона, в чью честь тебя нарекли, он много и со славой служил своей земле. Но корону царскую носить более подобало младшему его брату, твоему отцу. Он по-особому ощущал боль и радость, и ближнюю, и дальнюю. Как воин он был отважен, как человек – высок душой. Рамзыц пал жертвой черной человеческой неблагодарности, зависти и того проклятия, что преследует нас, – враги устраняют лучших наших сынов руками худших их братьев. В глаза не говорили твоему отцу, но в вино ему ставили, что он женился на хазарке. И не потому, что жаждали сохранить чистоту крови – опасались поддержки могущественных хазар, возвысится же он с их помощью и окажется на недосыгаемой вершине. Сколько черных словесных сетей плели люди против твоего отца. Особенно неустанно трудились те, кто не мог похвалиться знатностью, худородные...

Твоя ноша будет тяжелее отчей. Скажу откровенно: много битв выпадет на твою долю, и на престол ты взойдешь прямо с поля брани. Много раз посягнут на твое право владеть своей страной. Но ты станешь Апсхой – царем царей всей Апсны!

Ты верно почувствовал: здесь всегда любили твоего отца, это так. Но и здесь немало людей с черным сердцем. Они сейчас исходят затаенной злобой, оттого, что столь долго внимаешь мне. Не слишком уповай на всеобщую верность. И мой тебе совет: отправляйся в Псырдзху, посети, прежде всего, могилу отца, не давай пищу для укоров в черствости, в отсутствии сыновней почтительности. Слух о любом твоём промахе, самом малом, будет раздуваться твоими недругами. Остерегайся кривотолков. Сейчас езжай в Псырдзху и без околичности оповести всех, с чем пожаловал. Тому, что суждено совершиться, никому не под силу помешать. Ты придешь предначертанный тебе путь, не утяжеляй его сомнениями. Ты избран для того, для чего избран, и не в твоих силах тому противиться, да и не к чему это.

Когда ясновидец умолк, Леон произнес следующее:

– Да не лишиться нам твоей мудрости, отец. Стань мне опорой, как и те праведники, о коих ты упомянул, – я их всех приближу к себе...

– Не слишком полагайся и на мудрецов, дад, каждый из них обретается в своем мире, и не всегда все смотрят в одну сторону, в одну мишень, разлетаются в разные стороны их стрелы. Да и одними мудрецами страну не укрепишь. Иди посередке, опирайся на тех и других. Они уравновесят друг друга. Ни одно земное царство не простоит и года, если наделишь его лишь праведниками...

Твоя жизнь сродни морю, по которому ты нынче добирался сюда... Высокие и грозные волны вздымаются над тобой, но ты оседлаешь их, так плыви же, плыви под парусом своей доли. Великой доли. Благословенье божье всегда с тобой, помни об этом.

С этими словами старец перекрестился, и Леон осенил себя крестным знамением. Они оба поднялись и неторопливо направились к выходу. Снаружи храма народу прибавилось, все почтительно расступились, давая дорогу Леону и ясновидящему старцу. Многие заметили, что Леон вышел с просветленным лицом. Он чувствовал присутствие рядом с собой провидца особенно остро, будто рядом шел, но теперь уже зримый для всех, спутник его детства Дух земли, и новые силы вливались в него. Леон чувствовал, что готов к прекрасным свершениям. Ему показалось, что он вышел на свет из темницы, где долго пребывал, и теперь не терпелось дать волю всем, кто чувствовал себя узниками собственных чаяний. Но дать волю невозможно, не обладая могущественной властью. А если власть сама не идет в руки, надо брать ее силой. Но чтобы силой взять власть, надо знать, у кого она. У его родичей? И впрямь, крепка ли их сила? И столь ли она велика, чтобы бороться за нее? Вдруг она – только видимость? Если власть призрачна, что же он с нею сумеет из задуманного осуществить? Как укрепит он землю свою, как дарует ощущение внутренней свободы подданным, когда ключи от его собственной царской воли будут держать другие, иноплеменники? Ежели ключи останутся у тех, кто сегодня отправил с ним воинов, чтобы с их помощью он завладел тронном, то какова цена самому трону? И обладали ли властью те, кто до сегодняшнего дня его занимали, или была то одна лишь видимость? А он? Утвердится ли его трон на родной земле или закачается, как сейчас, на остриях чужих копий?

Сколько вопросов терзали Леона... Одни вопросы, ответов же так мало. Но необходимо их найти. Он мысленно испросил благословения и поддержки у родной земли, у каждой травинки, деревца.

После знатного угощения, устроенного цандрыпщами, Леон и его свита в сопровождении хозяев вновь направились к берегу. Там они погрузились на корабли и отплыли, остав-

ляя поселян не одну неделю судачить о великом событии – о дне, когда светлоликий сын Рамзыца в окружении доблестных воителей и знатных вельмож причалил к их берегу.

VI

Барджил-хан получил известие, что смутные времена наступили в Обезии. Привез их из Константинополя один его родич. Каган немедля снарядил людей, дабы те тайным путем через пещеру пробрались в Обезию и доставили своему кагану верные сведения – слухам правитель доверял мало. Лазутчики отсутствовали уже две недели, и кагана уже стало беспокоить, что они так задержались. С другой стороны Синда-ханым, занявшая место усопшей Барсбит-ханым и довольно быстро привыкшая к вкусу власти, покоя не давала сыну. Пусть он, не дожидаясь возвращения лазутчиков, требовала она, поспешит на помощь зятю и сестре, раз у них наступили тревожные дни. Последнее время она много вспоминала Джарымхан и даже подумывала навестить ее в Обезии, но дальняя дорога страшила Синду-ханым, потому путешествие было отложено на неопределенное время...

Дважды посылал людей Барджил-хан к началу подземного перехода в Обезию в надежде, что они встретят вернувшихся разведчиков. Однако гонцы возвращались ни с чем. В нетерпении он вместе с оруженосцами и охраной отправился на летнее пастбище близ пещеры. Там возведена была небольшая постройка, издали не привлекавшая особого внимания. Презрев все иные заботы, денно и нощно размышлял каган о событиях, разворачивавшихся по ту сторону гор. Он в подробностях не раз припоминал свой разговор с Леоном, его приезд и дар со значением – газырь из кости. Барджил-хан вынимал газырь и смотрел на него с чувством, что племяннику ныне отчаянно не достает его присутствия, и это сильно огорчало кагана. Терпение Барджил-хана давно было на исходе, когда, наконец, двое из

шести лазутчиков предстали перед его очами, вид их был ужасен, оборванные, грязные, истощенные...

– Вижу, не торопились с возвращением, так и остались бы вовсе там! – сердито упрекнул хан, горя нетерпением узнать новости.

Но лазутчики то ли не решались заговорить, то ли не хватало сил, но только молча упали ниц.

– Говорите же! – велел хан.

– Великий хан, – вымолвил, наконец, один из них, заикаясь. – Лишь благодаря всемогущему Тенгри-хану мы вернулись живыми.

– Говори же, что там стряслось?

– Стряслось... – лазутчик беспомощно оглянулся на своего напарника.

– Дурные новости, великий хан, – выдавил тот.

– Расскажите толком, собачье семя!

– Хакан их убит...

– Который? – переспросил Барджил-хан, чтобы уточнить, верны ли ранее дошедшие до него слухи.

– Муж сестры нашей Джарымхан-ханым, несравненный Рамзыц...

В глазах Барджил-хана зарябило от сдерживаемой ярости, пальцы крепче сжали леонов газырь.

– Продолжайте, – заставил он себя произнести ровным голосом.

– Византийский император назначил твоего племянника Леона хаканом обезов и с большой свитой направил его в Обезию править, – заговорил первый лазутчик, его немного отпустило. – Из-за того всех обезов собрали на большом лугу. Совпало это с нашим прибытием. После того, как выразили волю императора, хаканы Обезии, сменяя друг друга, стали говорить перед людом. Наши хазары, там давно проживающие и ведающие язык обезов во всех тонкостях, подтвердили, что мы верно поняли каждое слово. Недовольство обезов было велико. Хотя прежний хакан и сильно

недомогал, народ потребовал, чтобы он явил себя. Он при-был и держал речь. Сторонников у него множество и, по слухам, многие из них приехали из-за реки Эгры от родичей жены прежнего хакана. Говорят, что к рубежам Картли стянуты многочисленные силы персов, чтобы при надобности обрушиться на Обезию, и будто бы хакан Картли обещал беспрепятственно их пропустить.

– Остерегал же я, чуял, так дело повернется! – скрипнул зубами Барджил-хан.

Новости оказались еще хуже, чем он предполагал. Он не думал, что персы так быстро откликнутся на события в Обезии. Каган больше остерегался арабов, думал, именно с ними пути их пересекутся. К тому же, арабы без конца грозили хазарам и даже прислали послов с требованием вернуть им череп великого предводителя войск Джерарха, над которым хазары глумятся. «Не понимаю, о чем ведете речь. Ваш Джерарх был безголовым, – ответствен за им Барджил-хан. – Будь он с головой, разве пошел бы против нашего каганата войной?» С тем послом и отправил обратно. И арабы, и персы опасались одного – Барджил-хан это знал – как бы он, опираясь на родство с великим императорским двором да правителями Обезии, не получил доступа к Понту Эвксинскому. Если бы он закрепился на побережье, да взял под руку все проживающие в той стороне племена, ни арабам, ни персам никогда не удалось бы его одолеть. Непомерное возвышение Хазарского каганата – вот что ужасало недругов.

Лазутчик смолк, переводя дыхание, но каган повелел немедленно продолжить повествование, и в разговор вступил второй разведчик.

– После дали слово вашему племяннику Леону, – робко начал тот. – Говорил он долго, красно, внимали ему так, что было слышно, если бы муха пролетела. После того как он сказал свое слово, многие перешли на его сторону. Это не понравилось нежелающим видеть его хаканом Обезии.

Вновь разгорелся спор. Один из вышедших восславить вашего племянника не успел и десятка слов произнести, как был сражен стрелой. Она попала ему прямо в лоб.

– Кто посмел?

– Неизвестно кто! Но все взбунтовались, все схватились за оружие, невообразимое что-то творилось.

– Короче! – вскричал в нетерпении Барджил-хан. – Немедленно скажите, чем завершилось!

– Прежний каган вместе со своими сторонниками засел в своем дворце. День и ночь его охраняют верные люди. Особенно, говорят, старается его зять, муж сестры, имя запомнил.

– Племянник мой, племянник, что с ним?

– Он – в своем дворце. И у него не счесть сторонников, особенно среди ровесников. Его благословили на царство. А когда к нему подвели коня, что был ему жеребенком послан правительницей Барсбит-ханым в дар, и Леон взлетел в седло, случилось чудо!

– Чудо? – подался вперед Барджил-хан.

– Конь молодого хакана ударил передней правой ногой о землю, и она, как хрупкий лед, подломилась. Из-под копыта забил родник. Все обомлели. «Родник царя», «Родник царя», – стали люди друг друга окликать и толпиться, чтобы своими глазами увидеть чудо.

– А сейчас?

– Сидит во дворце своего отца, назван верховным хаканом всей Обезии. Две силы стоят друг против друга, чей верх будет, неизвестно. Византийцев взяли в полон. Их пустые корабли привязаны у причала. Когда до Константинополя дойдет весть о том, как обошлись с посланцами империи, страшно подумать, чем это обернется для Обезии. С другой стороны арабы грозят набегом. Персы уже собрались в поход. Наша хазарская доля – не простая доля. Но сегодня Обезия переживает страшное время, схожего с коим у нас не случалось.

– Сестру мою видели? – отрывисто перебил Барджил-хан.

– Нет, великий хакан, никто бы нас во дворец не допустил.

– А Леона?

– И его издалека, из толпы, вместе со всеми.

– Благодарение Тенгри-хану, что дал вам его увидеть, хоть и издалека. Не навлекли на себя чьи-либо подозрения?

– Нет

– Уверены?

– Да, великий хан.

– Другие ваши спутники где?

– Они остались помогать защитникам дворца Леона.

– Леону не хватает людей?

– Человек по имени Хезан, доверенное лицо хакана Леона, встретился с нами тайно и просил передать вам, что помощь нужна и как можно скорее.

– Просьба исходит от моего племянника?

– От самого ли Леона – не знаем.

– Кто же знает тогда, ослиные ваши головы? – разгневался Барджил-хан и вскочил на ноги. – Пустыми словами докучаете мне, а главного не уяснили! Скройте с глаз моих!

Лазутчики были рады ноги унести, мгновенно подчинились приказу. А Барджил-хан, хоть обычно он вел себя иначе, сейчас в гнев сильно хлопнул в ладони, и прислужники, дожидавшиеся снаружи завершения разговора с разведчиками, тут же вбежали внутрь.

– Хамида Оулуза ко мне!

Приказание кагана бросились, было, исполнять, но тут же он сам остановил гонцов:

– Пойдите! Оставьте его. Подайте мне коня! – и скорым шагом вышел наружу.

Приближенные, стоявшие в ожидании кагана поодаль, увидели по его лицу, что правитель сильно озабочен.

Должно быть, дурные вести, подумали они, но никто из них напрямую не решился уточнить, какие именно.

– Некогда топтаться на месте, – неожиданно укорил каган своих приближенных. – Пока мы раскачиваемся, персы займут побережье по ту сторону гор, и тогда ничего хорошего не ждите! Византия в ярости из-за того, что обезы обошлись с высокими чинами, сопровождавшими моего племянника Леона, как с худшими врагами. Чую: здесь изменой пахнет. Персы нашли предателей в Лазике и в самой Обезии и стравили обезов с византийцами. Не впервой им, не впервой! Мой племянник в опасности. Надо успеть к нему на помощь, пока его не затянуло меж жерновами чужих притязаний.

Хану подвели боевого коня, он легко вскочил в седло, и все, кто видел, как каган со своими спутниками мчится степной дорогой, менялись в лице, чувствуя, что велика работа, заставляющая их гнать коней во весь опор. Через некоторое время Барджил-хан немного придержал скакуна и дал возможность своим советникам поравняться с ним.

– Не лучше ли вместо рати Хамида Оулуза снарядить другое войско? – осведомился он.

Соратники удивленно переглянулись. Каган не имел привычки устраивать военные советы на ходу. Они встревожились пуще прежнего.

– Какое количество воинов намеревается созвать Великий Каган? – осведомился главный советник.

– Думаю, тысяч шестьдесят.

– Рать Хамида Оулуза согдится. Его воины приучены сражаться в горах.

– Я тоже так мыслю, но хотел услышать подтверждение.

С этими словами Барджил-хан дал шенкелей коню, и они вновь помчались к военному стану Хамида Оулуза.

Там, не теряя времени, создали всех военачальников, и Барджил-хан коротко рассказал о происходящем по ту сторону Кавказа и повелел отправиться в дорогу, не теряя

времени. Слова кагана прозвучали громом среди ясного неба. Но ратники постарались скрыть свое удивление, и от лица всех Хамид Оулуз ответил, что они готовы выступить в поход по первому слову кагана, если надо, так и незамедлительно. Когда же выяснилось, что войско поведет сам Барджил-хан, это показалось и вовсе невероятным. Отчего же каган не отправится в путь со своей личной дружиной, с которой стяжал немало славы на поле брани? Но, разумеется, не нашлось храбреца, который отважился бы спросить повелителя об этом. Наоборот, все в голос одобрили решение кагана. Он же просил Хамида Оулуза и других предводителей усилить охрану рубежей страны и быть начеку. Каган опасался, что враги, проведав об его отсутствии, совершат набег на Хазарию. Будто заново клянясь в верности каганату, военачальники дали нерушимое слово, призывая Тенгри-хана в свидетели, что не допустят врага на свои земли, если даже придется отдать в сечи жизнь свою. Ведь и жизнь-то им дана для того, чтобы сложить голову ради своей страны. На то они и воины.

Барджил-хан устроил смотр войску, тщательно оглядел коней, снаряжение. Он потолковал не только с тысяцкими, но и со многими сотниками, и остался доволен. Назначил день выступления. Выбрали кратчайший путь, чтобы как можно быстрее добраться до Обезии. Для этого требовалось отказаться от привычной дороги по Дарьяльскому ущелью и выбрать горную тропу через Марухский перевал, а затем спуститься в низины Дала. Но это уже были земли могучих владетелей Маршан, берегли они их как зеницу ока. Барджил-хан немедля снарядил гонцов с просьбой пропустить беспрепятственно войска, спешащие на помощь царю Обезии. Во главе посольства поставил Казылбека, чья мать была обезкой. О нем мы уже вам поведали в нашем повествовании. Гонцы должны были добираться по тайному подземному пути. Казылбеку никогда не доводилось бывать в пещере, он даже не знал об ее существовании. Но, разуме-

ется, он не мог, да и не хотел уклониться от столь важного поручения, данного ему самим каганом. Казылбек дал слово, что с честью справится с нелегким поручением. Гонцов снабдили всем необходимым и отправили в путь.

Прослышав про события в Обезии, к Барджил-хану обратилось несколько высокородных молодых людей. Они стояли в близком родстве с ним, а значит, с Леоном, и теперь просили взять их в поход. За время недолгого пребывания обезкого царевича в каганате они полюбили его всей душой и теперь жаждали ему помочь. Молодые хазары были столь настойчивы, что Барджил-хан сдался и взял их в свиту. Более того, к свите присоединились, переодевшись в мужское одеяние, и несколько юных хазарок, доводившихся родней кагану. И они непременно желали оказаться рядом с Леоном.

Ближе к полудню несметная конница двинулась в путь. Впереди на скакуне арабской породы редкой белой масти ехал сам каган в боевом облачении. Направлялись они к Великому Шелковому пути. Он, взяв начало в Поднебесной Империи, преодолев алтайские горы, скатывался в низины и тянулся вдоль побережья Хазарского моря. Потом выходил в степи и все ближе и ближе подбирался к Кавказским горам, чтобы, осилив их, простереться далее.

Весть о том, что хазарское войско держит путь в Абхазию, еще больше взбудоражила ее жителей. Одни предлагали немедленно перекрыть дорогу степнякам и стоять насмерть. Ссылались при этом на то, что хазары поработили множество народов, три шкуры с них сдирают, заставляя платить невероятную дань, и что, дескать, оказаться у них под рукой еще хуже, чем попасть дракону в пасть. Другие указывали на родство царя Леона с каганом, на то, что и в нем самом течет хазарская кровь, и что помыслы хазар чисты, они подвижны лишь родственными чувствами. Но этому мало кто верил. На побережье опасались высадки византийцев. С юга могли нагрянуть арабы.

«Глядите в оба, не ровен час, незаметно беда обрушится», – тосковали матери, напутствуя сынов. А мужчины сплачивались, забыв прежние мелкие раздоры, и обсуждали, как защитить отчизну. Только водораздел, пролегший меж сторонниками Леона Старшего и его ставленника и приверженцами Леона – племянника хазар, никак не суживался. Стоявшие за последнего, днем и ночью в полной боевой готовности находились у Анакопийского дворца, готовые по первому повелению властелина кинуться в бой.

***

Рать, ведомая Барджил-ханом, была в пути и днем, и ночью, делая лишь небольшие привалы, чтобы восстановить силы. Стоило впереди едущим преодолеть Марухский перевал, как с низины, из Дала и Цабала, до них стали доноситься звуки, свидетельствующие о том, что там неспокойно. На самом деле уже не первый день народ Дала и Цабала гудел, как разворошенный улей. Хазарские гонцы под главенством Казылбека, прибывшие с вестью о приближении кагана Барджил-хана и его просьбой позволить ему пройти беспрепятственно через их владения, были пленены. Связанных по рукам и ногам, их кинули на землю, и те, кто так с ними поступил, не хотели внимать ни словам послов, ни словам своих соотечественников, умолявших смягчиться и освободить пленных. Уже были разосланы вестники, оповещавшие все села: «Собирайтесь, снаряжайтесь, враг идет».

Многоопытный Барджил-хан смекнул, что дело нечисто, и велел войску остановиться. Он отобрал из своей свиты несколько человек, недурно владевших ромейским языком, и отправил их к дальцам, чтобы дознаться, открывают им дорогу или нет. Сам он спешил и, твердо ступая, прогуливался взад и вперед по абхазской земле, точно проверяя, не провалится ли она под ним. И тут некстати вспомнилось, как однажды византийский император Лев Исавр рассказывал ему, что он здесь бывал в зимнюю пору, ходил в сне-

гоступах. «Как давно они здесь землю топчут, а мы только сейчас спохватились», – досадливо подумал он.

Авангард конницы находился на Марухском перевале, а хвост армии, извиваясь, как виноградная лоза, тянулся далеко по склону горы вниз до самих низин. И расстояние между первым и последним в этой исполинской колонне воинами было так велико, что, будь в то время огнестрельное оружие и выстрели кто-то из головных всадников, звук выстрела не был бы услышан в арьергарде. Ратники изрядно устали, быстрый переход да еще по такой трудной дороге дался им нелегко. Но они старались виду не подавать, сидели в седлах, как влитые, распрямив плечи. Конница стояла молчаливо. Никто не знал, с чем связано повеление Барджил-хана остановиться, как и не знали, скоро ли продолжат путь. Прошло достаточно много времени до того, как воинство вновь пришло в движение, и движение это, точно толчок, передалось с головы колонны. Так на современных железных дорогах локомотив вначале рывком увлекает за собой первый вагон, а тот следующий – за ним и так далее по цепочке... Пропыленные в степях одежды хазар в туманах предгорий отсырели и липли к телам, бока коней тоже были во влаге, мешавшейся с пылью. Но, поднимаясь по склонам горы, всадники полной грудью вдыхали живительный горный воздух, и звук низвергающихся с вершин водопадов, казалось, снимает усталость. В подобные минуты не хотелось думать о битвах, о недоразумениях меж людьми, хотелось просто дышать, просто ехать и слушать, как звонко падают с высоты чистые водные потоки.

К тому времени, когда хвост конницы достиг Марухского перевала, Барджил-хан с ближайшими соратниками уже приближался к раскидистому вязу посреди поселения Ажара. По обочинам дороги стояли вооруженные до зубов мужчины. С роду здесь никогда не пропускали чужеземцев беспрепятственно, разве что караванщиков, плативших подать за проезд. Но чтобы вооруженные люди ехали по их земле, а они просто

глазели на них, такого не случалось. И сейчас отважные бойцы едва сдерживали себя. Но владетели этих земель Маршаны после долгих сомнений и переговоров, хоть и не достигли единодушия, но решили, тем не менее, все же пропустить хазар. Освободили и гонцов. Те, уже, видать, не рассчитывавшие на добрый исход дела, тут же присоединились к своим. Им предоставили свободных коней, которых вели в поводу, и они, поспешно оседлав их, смешались с воинами.

У большого вяза Барджил-хан спешился. Под деревом стояли представители местной знати. Барджил-хан мало был знаком с нравами обезов. Встав под вяз, он поздоровался с владетельными особами и поблагодарил за то, что они по доброй воле дали ему дорогу. Он бы в любом случае не повернул бы назад, но признателен из-за того, что избавили его от задержки в пути. Последние слова кагана не пришлись по нраву хозяевам, но они смолчали. Делать было нечего, давши слово – держись... Накормить такую большую армию было не с руки, но жители близлежащих домов не пожалели кое-какой снеди, чтобы воины перекусили по дороге. Самому Барджил-хану поднесли в роге красное вино и замешанные на меду лепешки. Вместе с ним хлеб преломили и выпили вина Маршаны. Затем конница двинулась в путь, а перед ней поскакали на свежих конях местные глашатаи, оповещая население, чтобы беспрепятственно пропустили хазар. «Пусть царь Леон сам разбирается со своими родичами». Так решили дальцы и цабальцы.

Хазарская рать пылила по дорогам Апсны, люди сбегались, чтобы посмотреть на нее. Местным было в диковинку все. И длинные, точно у женщин, волосы воинов, собранные на затылке, и конская их упряжь со стремениами с резной подножкой, необычные седла с подвесками-амулетами, костяными пластинами. И сами хазары были одеты куда как необычно – в звериные шкуры. От влаги меха топорщились во все стороны как ежовые иглы. Го-

ловы хазар венчали круглые меховые шапки, за спинами висели луки, колчаны со стрелами, на поясах болтались сабли и тяжелые кинжалы, на луках седел висели скрученные змеи арканов, которые они на полном скаку лихо набрасывали на противников, сдергивая тех с лошадей. Многие были вооружены еще и боевыми топориками. Больше всадников местным пришлось по нраву кони чужеземцев, высокие, быстроногие, с могучей грудью. Такие кони, наверно, способны и ветер обогнать. Поднимая тучи пыли, оглашая окрестности цокотом копыт, конница нескончаемым потоком пронеслась мимо людей, стоящих вдоль обочин, и казалось, этому не будет конца. Однако, рано или поздно, но проехали и последние воины. За ним следовал обоз. Замыкая колонну, пять ранее здесь не виданных верблюдов, груженных скарбом войска, в сопровождении трех всадников появилась на дороге. Горбатые животные вызвали бурю оживленных толков. Больше всего зевак занимало, как такие неловкие чудища смогли преодолеть горные вершины. Но вот миновали и верблюды с последними всадниками, а жаркие разговоры-споры остались.

– Думаете, им невтерпеж помочь Апсны, племянничку на выручку спешают?

– А ты думал, они в беде его оставят?

– Надо было их задержать, вот что!

– Никак войной надо было идти на них?

– Хотя бы до ушей их донести – наша Апсны, и без них справится.

– Им до Апсны нет дела, им бы до Бзыбты добраться!

– А там, что, не наш народ живет?

– Раз и там наши, чего ты здесь стоишь? Поторопись следом!

– Только после вас!

– Пока лясы точим, еще не один чужак по нашим головам дорогу себе проложит!

– Не нашего ума это дело!

Так горячо перебрасывались словами крестьянские юноши, глядя вслед ушедшей коннице. Сердца их болели об отчизне, да к словам их мало кто прислушивался. Вот и приходилось отводить душу меж собой.

– Глядите, что это? – воскликнул один из спорщиков и, выскочив на дорогу, поднял из улегшейся пыли подкову.

Другие подошли поближе и так внимательно стали разглядывать находку, будто впервые видели что-то подобное. Потом со смехом – «пусть хозяин подковы захватит ее на обратном пути, да пусть поторопится с возвращением» – повесили на прутик и воткнули в расщелину ствола вяза.

В тот самый день, когда хазарская армия, проехав через всю Абхазию, добралась до Псырдзхи, туда из Константинополя прибыло шестнадцать боевых кораблей. Народ дивился такому совпадению и не знал, как к этому отнестись – то ли это к войне, то ли к миру? На чем сходились, так на том, что на все, что происходит, – воля божья...

Между тем Леон в анакопийском дворце не знал ни сна, ни отдыха, размышляя над тем, как преломить ход событий, как вывести свой народ из опасного водоворота. С ним неотлучно находился цандрыпшский ясновидец. При Леоне состоял и совет старейшин, в котором пребывал все еще крепкий умом Каинагу-кузнец, кого в детстве так заслушивался царевич. Леон Старший редко обращался за советом к убеленным сединами мудрецам, а племянник возлагал на них немалые надежды. Рядом с молодым царевичем было и много сверстников – все те, кто провожал его на учебу в Византию и остался верен детской привязанности. Среди них особенно выделялся Хезан – и быстрым умом, и преданностью другу детства. Возле Леона сплотились также многие товарищи и соратники покойного отца. Главный вопрос, требовавший немедленного разрешения, заключался в том,

как освободить представителей Византии, плененных сторонниками Леона Старшего. Одни предлагали вызвать, где спрятаны заложники, напасть на их тюремщиков и силой освободить узников. Другие советовали вступить в переговоры с противной стороной. В храмах молились за сохранение жизни плененных и за то, чтобы все обошлось без кровопролития. Ясновидец упорно молчал. Он сердился на Леона из-за того, что тот, вопреки его совету немедленно направиться во дворец к дяде, появился на народной сходке на Красном лугу, точно вознамерился повторить последний путь своего отца. Ясновидец утешался лишь мыслью, что и это было predetermined свыше.

Не успели люди свыкнуться с прибытием бесчисленного войска из Хазарии, как тут же их глазам предстала другая картина – корабли византийцев в гавани. Старики, пережившие не одну войну, в тревоге размышляли, неужто вновь пришел час сечи, которая по своей беспощадности заставит забыть предыдущие битвы?

Первым на причал ступил сын византийского императора Лев Хазар. Плечом к плечу с ним шли ближайšie сподвижники, а следом – византийские воины. Лев Хазар поразился тому, что у пристани тьма народу, и среди них много людей, держащих под уздцы коней. Он издали насто-роженно присматривался к незнакомцам, пытаясь угадать их намерения. Сопровождавшие его воины, сжимавшие рукояти мечей и древки копий, были готовы сходу ввязаться в бой. Но на берегу не наблюдалось никакого движения, люди и кони стояли, застыв, точно изваяния. Лев Хазар велел сподвижникам остановиться, выбрал одного человека из своей свиты и отправил на переговоры. Заметив это, с берега к нему также направили гонца. Посланцы встретились на полпути, быстро о чем-то переговорили и разошлись. Не успели они дойти до своих, как люди на берегу расступились.

лись. Из глубины толпы вышел Барджил-хан с несколькими приближенными и стал неторопливо спускаться к морю. На миг Льву Хазару показалось, что ему мерещится хазарский каган. Но нет, это был он, и Лев Хазар заторопился навстречу. Дядя и племянник обменялись сердечными приветствиями.

– Как видишь, судьба свела нас в Обезии, да еще в отсутствие хозяина, – проговорил Барджил-хан, не сводя глаз со своего византийского родича.

– Где же хозяин? Где же Леон? – взволнованно справился на хазарском языке византийский гость.

– Говорят, он там, наверху, – рукоятью плети Барджил-хан указал на дворец на горе и улыбнулся: – Мы сами только что прибыли.

Все находившиеся на берегу абхазы, за малым исключением, держали сторону Леона, сына Рамзыца. Но и им было не по душе наблюдать, как чужаки приветствуют друг друга, будто встретились у себя дома. «Только нам их не хватало!» – думали они, недобро поглядывая и на византийцев, и на хазар. Но пока держались в стороне.

Между тем Леон, сопровождаемый старейшинами, а также отборными воинами личной охраны и оруженосцами, вышел из ворот обнесенной каменной оградой резиденции и остановился на травянистой площадке, карнизом нависавшей над побережьем. Отсюда, как на ладони, просматривалось все, что делалось внизу. Виднелись качавшиеся на волнах корабли византийцев, суша почернела от хазарских воинов. Слова ясновидца: «Да, они – твоя родня, но кто они – твоему народу?» – вспомнились Леону, заставив вновь крепко призадуматься. Так, погруженный в свои мысли, стоял он некоторое время, обозревая картину внизу. Потом Леон повернулся и медленно двинулся по мощенной камнями дороге вниз, к побережью. Полы его нового одеяния развевались на горном ветру, шел он,

распрямив стан, легкой походкой прирожденного горца. За ним следовали, опираясь на разукрашенные посохи, старейшины и, разумеется, свита. Дойдя до одной из высоких сторожевых башен, молодой царь придержал шаг. Его примеру последовали и сопровождающие. Некоторое время они простояли в молчании.

– Встретим здесь гостей или спустимся к морю? – повернув голову к старейшинам, спросил Леон.

– Спустимся пониже, до родника... – предложили они.

Леону понравилось упоминание о роднике, пробившемся из-под земли после удара копыта его скакуна. В ушах как бы зазвучал веселый перезвон ключа. Не добавив ни слова к сказанному, царь продолжил путь.

***

Слава чудесного родника мгновенно разошлась по всей Апсны. Весть о нем передавали из уст в уста, мешая быть с выдумкой. Говорили, что вода в роднике исцеляет от множества недугов, что она чиста, как слеза дрозда, что неиссякаема, и если взглядеться в образовавшееся благодаря щедрости волшебного источника озерцо, то обязательно можно увидеть самого царевича верхом на несравненном Дулдуле. К роднику совершались паломничества, и чтобы вода не замутилась, о нем побеспокоились: укрепили стенки громадным глиняным кувшином без дна, сверху поставили плетень из прочных прутьев, рядом повесили выдолбленный из особой тыквы черпак, для того чтобы жаждущие могли испить целительной воды. Когда кувшин переполнялся, родник, переливаясь через края, прокладывал себе дорожку по мелкой гальке и, матово блестя, как пучок серебряных нитей, со звонким журчаньем сбегал с вершины, пока не сливался со стремительными водами реки Псырдзхи.

Весть о ключе, увидевшем свет божий столь чудесным образом, достигла и чужеземных пределов, попутно обрастая все больше легендами. Стоит рану промыть водой из

родника, как тут же она затягивается, стоит выпить старику чудотворную воду, и молодая сила вливается в него. Для людей, проживающих на земле, где пробился сей удивительный родник, он станет панацеей от всяческих бед, оденет своих воинов в кольчуги неуязвимости (совсем как приснилось Леону в детстве). Страна станет могучей, непобедимой, и слава о ней воссияет в веках, какие бы трудности не пришлось ей преодолевать, все осилит она и сохранится. Родник никогда не иссякнет. Может случиться, что он скроется под землю, но для того, чтобы вновь подняться на поверхность, обновив свою животворную силу. Весть о чудоисточнике достигла ушей персов и арабов, исконных врагов Апсны, и сильно их обеспокоила.

Барджил-хан и его воины прямо с дороги припали к роднику. Они не только сами пили воду, но поили и своих лошадей. Воины, сменяя друг друга, черпали из ключа воду, а она все не убывала... Это тоже приписывали чудотворным силам. Всадники, спешась, набирали в пригоршню воду, омывали разгоряченные лица, и усталость как рукой снимало. А сам бег ручейка, вытекающего из родника, так заворожил чужеземцев, что они все глядели на течение серебрящейся на солнце воды, не в силах глаза отвести.

Именно здесь молодой Леон, сын Рамзыца, встретил Барджил-хана и Льва Хазара. Здесь же они дождались освобождения константинопольских пленных, которых держали в дальней пещере. И те, кто их заточил в пещеру, – то был зять Леона Старшего со своими сторонниками – предстали перед собравшимися у родника. Стечение народа было велико, и при всех была решена их участь: зять Леона Старшего вместе со сторонниками ссылался на десять лет в Византию, в места, предназначенные для людей, совершивших преступление против Империи.

Здесь же у родника совершился обряд восшествия на царский престол Леона. Вначале заново зачитали однажды уже обнародованный указ Императора Византии, согласно

которому главой страны становился Леон. После оглашения указа шесть сильных молодых людей, одним из которых был Хезан, подняли на руки громадный круглый медный щит, в центре которого стоял Леон. Епископ из Византии, личный духовник императрицы Ирины, несмотря на все неурядицы, что пришлось ему испытать на этой земле, встретившей его столь неприветливо, с большим чувством благословил Леона на царствие над всей Абхазией. Знак верховной власти – золотой обруч – был водружен на голову молодого властелина. К Леону подвели его боевого коня. Сам Барджил-хан, в знак высокого уважения к тому, что происходило, держал скакуна под уздцы. Проявляя еще больше уважения, он взялся и за стремя, как бы прислуживая племяннику. Тот в мгновение ока оказался на спине своего верного Дулдула. Лев Хазар подал своему венценосному двоюродному брату плетку. Дулдул сам без понукания сделал шаг вперед, и поднялся перезвон от многочисленных колокольчиков, привязанных к сбруе (был среди них и колокольчик, когда-то полученный Леоном от Духа земли). Обойдя трижды родник, конь остановился, бия копытом. В это время высоко подняли стяги с древним знаком абхазов в виде раскрытой длани. Заметившие это люди стали рукоплескать, а некоторые воины, сорвав с плеч луки, послали в бездонную синеву неба стрелы...

После коронации царя был пир горой – дымящееся мясо, густое красное вино...

Через трое суток, покидая пределы земли племянника, Барджил-хан оставил ему часть своей армии, чтобы в случае надобности молодому царю было на кого опереться. Стан свой воины-хазары разбили неподалеку от родника, чтобы всегда быть под рукой у царя и близ заворожившей их чудо-воды.

Заворожены, следует заметить, были не одни хазары, паломничество к роднику властелина продолжалось. Юные девушки да женщины, приходившие за водой к роднику с узкогорлыми кувшинами, потом рассказывали друг другу

о чудесах, с которыми сталкивались. У одной вода испарилась, пока она донесла кувшин до дому, другая, испив водицы, почувствовала, что готова летать птицей. Третья всем советовала умыться этой водой, так как кожа начинает матово светиться. Еще кому-то вода навевала сладкие сны о молодом царе. Вода из родника исцеляла недуги, соединяла сердца... Сама Царственная Хирхух после долгих колебаний однажды с Джарымхан и Мрамзой посетила волшебный источник, и говорят, долго-долго стояла возле него. И Леон Старший вместе со свитой как-то под покровом ночи побывал у ключа, и будто бы после этого печаль его удвоилась, и он пуще прежнего стал задумываться над загадкой жизни и смерти.

А вода все журчала, все лилась через край и стекала вниз с горы. Новорожденных купали в ней, раны ею промывались, слепые окунали в чаши с чудо-водой свои незрячие глаза...

Спустя время пошла молва, будто бы и в самом дворце властелина забил чудодейственный источник, и что это неспроста. Затем возле храма Илори Дулдул высек копытом еще один исцеляющий ключ...

Не было в Апсны ни одной семьи, где не выпили бы хоть раз целительной воды, дарованной Леоном столь необыкновенным образом. «Родник царя», «Конь царя», – летело из уст в уста. И казалось, все, кто попробовал ту водицу, ощутили в сердце своем любовь и доверие к молодому правителю.

VII

С того самого дня как Леон был признан Апсхой – царем всей Апсны, ни разу он не сзывал всенародного схода, и решено, наконец, было, что пора. И Апсха назначил время и место сбора. Против выбранного дня никто не возразил, но многих покорило, что лучшим местом для вече почитал молодой царь Красный луг. С момента гибели Рам-

зыца, да и из-за позднейших нерадостных событий, Красный луг приобрел дурную славу. Люди опасались, как бы чего не случилось и на этот раз. Но воле царя перечить не посмели. Ко дню встречи стали прибывать гости из разных стран и княжеств. Здесь были адыги, обры, шапсуги, убыхи, аланы, гунны, кое-кто из Сванетии, почтенные представители Картли, Армении, Албании... Всем не терпелось узреть молодого владыку, поставленного властвовать общими усилиями двух могущественных стран. То, что произошло в Апсны, не могло не отразиться и на судьбе соседних народов. Так, взбунтовались в Лазике люди: мол, и мы хотим избрать себе другого правителя и что доля наша не сладкая, мол, мы находимся как между двумя жерновами, меж Картли и Абасгией, так не лучше ли присоединиться к Абасгии? Противники их наоборот обращали взоры всех в иную сторону: испокон веку были мы союзниками Картли и останемся таковыми. Ходили слухи, что из Лазики в Византию снарядили послов с просьбой о помощи.

На Красном лугу народу собралось тьма-тьмущая. Отраднo было, что все приглашенные из других стран явились как один, так как свидетельствовало это о том, что уважение к Апсны растет. Но примешивалось и чувство тревоги – как бы чего не случилось. Уж такое выпало время – беспокойное, да сильно переменчивое, во все стороны надлежало зорко смотреть.

Да и на самой сходке неспешное течение разговора неожиданно могло выйти из мирного русла, опасно перемениться с такой быстротой и неожиданностью, как меняет направление горный ветер.

На Красном лугу и в этот раз не обошлось без неожиданностей. Уже князья разных народов с возвышения приветствовали молодого царя, когда вдруг он заметил, что стражники волокут кого-то, мутузя со всех сторон. Человеку, которого вели к большому камню, изрядно досталось, но, оказавшись вблизи царя, он прямо посмотрел на него

и взгляда не отвел. По шраму на лице Леон узнал его – это был кольчужных дел мастер, когда-то ему, маленькому, позволивший уйти из кузницы в боевой кольчуге. Пленника потащили дальше. Его подняли и бросили на большой камень явно с намерением немедленно отсечь голову. Среди стражников был один человек по прозвищу Котелок, его когда-то Рамзыц освободил от рабства по дороге из Хазарии в Абасгию. Случилось это так. Рамзыц и его соратники держали путь через лес хазар и вдруг заметили разложенный костер, над которым закипала мясная похлебка. Палка, на коей был подвешен котел, одним концом лежала на раздвоенной верхушке вбитого в землю кола, а другой конец держал на плече человек. От близости огня он истекал потом, дым выедал ему глаза, искры от костра прожигали дыры на лохмотьях несчастного, но он стоял неподвижно, точно и впрямь был всего лишь подпоркой, а не человеком. А тот, кто считал себя человеком, струганным прутом помешивал варево в котле.

– Неужто в лесу не нашлось второго кола, которым можно было заменить этого человека? – обратился Рамзыц к тому, кто возился с котлом. Тот, помедлив, буркнул:

– Не твое дело!

В мгновение ока Рамзыц выхватил саблю, и звонкий его голос разнесся по лесу:

– Сейчас же освободи человека, если тебе жизнь дорога!

У того прут выпал из рук от неожиданности. Он засуетился, подошел к рабу и взял из его рук конец палки, борюча при этом:

– Мой хозяин задаст вам добрую трепку. Как узнает, что вы дали волю презренному его рабу, так и задаст.

– Не знаю, кого ты признаешь хозяином, но передай ему, что Рамзыц из Абасгии принимает от него в дар раба.

Тот промолчал, не зная, что теперь делать с палкой, которую опрометчиво взял на плечо: жар припекал, дым лез в глаза, и он чуть не плакал от досады и бессилия. Зато нео-

жиданно обретший свободу раб был беспредельно счастлив. Ему предоставили неоседланного коня, он вскочил на него и затрусил следом за новым хозяином. Когда они выбрались из леса, у первого же колодца раб долго умывался, пил колодезную воду, никак не мог утолить жажду. И все смотрел счастливыми глазами. Всю долгую дорогу до Абасгии он проделал верхом на коне без седла, но радостное выражение так и не сошло с его лица. В Абасгии, прослышав, как довелось ему быть колышком, поддерживающим котелок, дали ему кличку Котелокол. Она намертво закрепилась за ним, и никто не знал, как его зовут на самом деле. Котелокол был всей душой предан Рамзыцу и, не раздумывая, жизнь отдал бы за него. Оказался он двуязычным, довольно быстро освоил местный язык, по горам лазил так, будто в них родился, и среди прислуги слыл одним из самых расторопных. Он очень переживал гибель своего освободителя и был в числе тех, кто неумоимо выслеживал убийцу. И вот, наконец, убийца найден, и настал час справедливой расплаты. Взмах сабли – и душегуба не станет.

– Отпустите его! – раздался властный голос Леона.

Люди, которые столько сил приложили, чтобы найти лиходея, непонимающе глядели на царя, но прекословить не посмели. Котелокол мощными руками потряс за плечо поверженного преступника: «Убирайся, свободен!» Тот тяжело сполз с камня, сделал несколько шагов и застрял на месте, не зная куда податься. Котелокол неожиданно подумал, что царь, не дав умертвить убийцу, наказал его долгим-долгим раскаяньем...

На сходке Леон говорил последним. Речь его была красна. Слова слетали с уст его одно за другим, как снежинки с небес, но не ажурная легкость снежинок в них ощущалась, а сталь острого, как отточенный клинок, разума. Вдруг взгляд царя упал на отпущенного им убийцу Рамзыца. Тот все так же неподвижно стоял в нескольких шагах от камня...

– Его доля, – указал он на него, – доля многих наших народов, чьей судьбой играют другие, более сильные, более лукавые. Они толкают людей на уничтожение тех, кто мог бы им помочь. А если сказать им: «Теперь вы свободны и ваша доля в ваших руках», они согнутся под ношей воли и не сдвинутся с места. Страх свободы – вот наша болезнь. И мы должны избавиться от этой хвори, все мы, дети Кавказа! Пора свою судьбу взять в свои руки!

Горячую речь молодого царя слушали, не прерывая.

На сходе присутствовало множество хазар. Все давно заметили, что сразу после соотечественников своих Леон прежде всего полагается на них, а не на византийцев. Это порождало немало толков. «Ясное дело, хазары его на коня посадили, византийцы плетку подали, а от нас что же он перенял?» – злословили одни. «От нас землю нашу, кровь нашу, язык, – возражали другие. – Он отечества не посрамит, судьбу его разделит, если надо жизнь положит, чего еще?» Число и ярых сторонников, и убежденных противников архонта росло...

Подобно стремительному лету облаков на переломе времен года, народ пришел в движение. Будто бы проснувшись после долгой спячки, люди почувствовали вкус к жизни, стали обстраиваться, рьяно хозяйствовать и верить, что им отпущена мирная жизнь.

Но многие аамыста были недовольны переменами. Им представлялось, что их собственные вассалы, боготворя властелина Апсны, самим им оказывают недостаточно чести. Слишком вольно к тому же стали мыслить. Таким аамыстам не нравились ни разгоревшаяся согревающим большинство обитателей страны пламенем жажда жизни, ни легенды, связываемые с именем царя. Под видом того, что навещают дальних родичей, они объезжали Абхазию, сея смуты и раздоры.

Леону ведомо было о тайном противостоянии ему, но он избегал решительных мер для пресечения козней. Он

причислял себя к счастливым правителям из-за того, что, несмотря на неблагоприятное стечение обстоятельств, бескровно пришел – благодарение Всевышнему! – к власти. Леон понимал, что ему не миновать и поля брани, о том и ясновидец предупреждал, но главное – не допустить распрей внутри отечества. На сходке, весть о которой, наверняка, достигнет Византии и неизвестно еще, как там будет воспринята, многие аамыста, выступая, говорили обиняками, что, мол, незачем замахиваться на сплочение всех народов Кавказа, когда еще не улажены недоразумения внутри страны. Устремления молодого царя смотреть широко и далеко воспринималось аамыста как юношеская спесь и принижение значимости ближайших и достойнейших вассалов. Нашлись среди ораторов и такие, которые открыто выразили опасения, как бы маленькая страна и вовсе не задохнулась, попав меж объятиями двух могущественных держав. И добавляли при этом, что удельные правители никогда не признают над собой никакой силы, кроме силы и милосердия всемогущего Бога.

Леон попытался растолковать присутствующим свой замысел как можно яснее, чтобы все уразумели, о чем его забота. Внутренние распри – порождение внешней вражды. Невозможно сохранить мир в собственном доме, если соседи все время со своими кознями крадутся как тать в твой двор. И нет такой стены, за которой ты чувствовал бы себя в безопасности. Не только ограды надо строить, но и думать над общей судьбой народов, которым выпало жить рядом друг с другом.

Призыв молодого властелина к единению народов Кавказа был враждебно воспринят многими слушателями, испокон веков привыкшими к набегам на соседние племена. «С какой стати нам с чужаками родниться?» – усмехались они и считали, что такая блажь у царя из-за того, что в нем течет кровь далеких степняков...

Леон и не надеялся, что всенародная сходка разрешит многие его заботы. Более того, она могла обернуться бунтом. Но он непоколебимо был убежден в ее необходимости. Пусть не сразу он будет понят, но для того, чтобы сбылись его замыслы, поначалу требовалось заложить основание, на котором будет возведено здание будущего единого царства.

Солнце медленно погружалось в море, и в лучах закатного солнца четко выделялась стройная фигура молодого царя. Взоры тысяч и тысяч людей были устремлены к нему. Закатные лучи играли на золотом обруче, охватывающем голову Леона, на его одежде, подсвечивая золотом одеяние. На правителе была непривычная одежда. Он был облачен в царский паллиум из цветной парчи. Паллиум прислала императрица Ирина, которую мать Леона, как и в детстве, называла Чичак. Византийское одеяние на редкость шло Леону, но многих соотечественников смущали необычный крой одежды и блеск ткани, раздражал ее чужеземный вид. Леону и самому было не так уж удобно в одежде эллинского образца. Ему представлялось, что когда он в паллиуме, то не парча облекает его тело, а чужие руки стесняют движения. Тем не менее, он из искреннего уважения и любви к императрице Ирине, да еще и потому, что не мог так сразу отвернуться от даров империи, носил в торжественных случаях одеяние из Византии. Леон чувствовал, как местные греки следят за каждым его словом, поступком, и, наверняка, есть среди них немало людей, которые не оставляют при себе свои наблюдения, а, изложив их на клочке пергамента, привязывают к лапке прирученных птиц и отправляют за море.

Когда великая сходка завершилась, почетных гостей пригласили на ночлег в достойные дома, местные разъехались. На Красном лугу, чья ровная изумрудная трава была вытоптана множеством ног и представляла собой довольно

жалкое зрелище, остались Хезан, Котелокол и еще с десяток молодых людей. Они привели на поводу верблюда, оставленного хазарскими гостями. Верблюд при переходе хазар через горы поранил ногу, она долго не заживала, и потому терпеливая скотинка была брошена здесь. Верблюда выходили, и сейчас он пригодился как нельзя лучше. Его подвели к огромному камню, на котором Рамзыца настигла предательская стрела. Камень опутали со всех сторон толстыми лыковыми веревками, подложили под него связанные меж собой доски. Концы всех веревок собрали и привязали с двух сторон к постромкам, надетым на верблюда. Юноши с помощью толстых кольев приподняли с одной стороны камень и перекатали его на доски, а затем хлестнули верблюда и сдвинули замшелый валун с места. Поддерживая его со всех сторон, подгоняя горбатого трудягу, Хезан с помощниками повезли камень. Они намеревались положить его близ родника царя Леона. Такова была воля Царственной Хирхух. Когда камень занял место неподалеку от источника, Царственная Хирхух, по слухам, чаще, чем могилу сына, стала навещать родник внука. Камень, орошаемый водой из ключа, словно ронял слезы, и будто бы Царственная Хирхух, заглядываясь на слезы камня, говорила, что это слезы ее сына Рамзыца. И пока они будут увлажнять землю, память о нем не померкнет в сердцах людей, а удача не отвернется от его единственного сына Леона...

***

В том году случилась на редкость лютая зима. Трещал крепкий мороз, снегу намело выше человеческого роста. Крытые соломой крестьянские жилища и вовсе завалило по самые верхушки. Люди, непривычные к такому, терпели немалые лишения. Это стало еще одним испытанием для молодого царя. И здесь огромную услугу оказали ему оставленные Барджилханом хазарские воины. Они были привычны к холодам и снегопаду. Надев на ноги снегоступы, хазары торили тропки к жи-

лицам абхазов, расчищали от снега дороги, доставляли людям еду, скотине – корм. Они учили и абхазских юношей ходить на лыжах, рассказывали, как уберечься от обморожения. Благодаря их стараниям во многих поселениях Апсны люди были спасены от неминуемой гибели. Кроме того, хазары укрепляли дух людей добрым словом, передавали сказанное мудрецами, мол, большой снег к большому урожаю. Выстоим – ждет благодатная пора. И в эту пору Леону явился вновь Дух земли, который давно уж не показывался. Молодой царь спускался по протоптанной хазарами дорожке к роднику. Возле камня, доставленного из Красного луга и сейчас ушедшего под снег почти до макушки, он увидел его – заснеженного, большерукого, с пунцовыми от мороза щеками. Снег на камне за его спиной так блестел, переливался, что слепил глаза. Поначалу Леон решил, что ему почудилось, и оглянулся с ожиданием на своих оруженосцев, шедших почтительно позади, но на лицах тех не обнаружил никаких следов удивления, и тут он вспомнил, что Дух Земли показывается лишь ему одному. Дух не пошел Леону навстречу, а обернулся к камню и широкой могучей ладонью смел с него снег, да так стремительно, что серые бока камня обнажились в один миг. Затем он спустился к роднику, который и лютому морозу сковать не удалось. Источник, подтверждая свою чудодейственность, исходил паром, стекая вниз по снежному насту. В ту пору олеандры и пальмы не были завезены в Абхазию, но и привычная этой местности растительность, под густым слоем снега застывшая неподвижно, представлялась зачарованной, словно перенесшейся по волшебству из далеких сказочных земель. С появлением Духа земли эти чары как бы стали рассеиваться, и даже больше двух недель не показывавшееся солнце, пробиваясь через расплзающиеся по небу свинцовые тучи, осветило верхушки деревьев, пороги заснеженных домов.

Леона явление Духа земли лишний раз укрепило в вере, что будущее его народа светло и отступят все невзгоды. И впрямь, вскоре солнце щедро осветило горы и доли. Деревья, сбрасыв-

вая тяжкую ношу снега, распрямлялись. С гор потоками стекала талая вода. И там и здесь обнажалась земля, как очищенный широкой ладонью Духа земли камень. Освободились от снега дворы, тропы, ограды. Люди радовались, видя просветленные лица друг друга, приветствовали мощное наступление весны. Жажда жизни после трудной зимы воспылала с новой силой.

***

Под вечер одного из этих животворных весенних дней Леон находился у себя в апартаментах: сидел за чтением одной из книг, привезенных из Константинополя, ощущая кончиками пальцев потаенный жар, исходящий от пергамента, на котором запечатлелся полет высоких дум. Неожиданно створка окна распахнулась сама собой, открывая взору Леона бескрайнюю гладь моря. Голос на греческом языке прозвучал в его ушах:

– Окно распахнуто мной, моей любовью и тоской по тебе. Во мне много тепла, не растерянного на долгом пути.

– Откуда ты?

– Угадай сам!

– Когда-то я дружил с теплым морским ветром на чужбине.

– Я и есть теплый константинопольский ветер, частый твой спутник, ласкавший твои кудри, дувший с нежностью в лицо, а теперь навек тобой забытый.

– Как удалось тебе, друг мой, отыскать меня?

– Назови лучше подругой. Я в шелковом платье, и волосы мои отливают золотом. Когда-то ты говорил мне: «Жизнь моя».

– Не уходи, помедли.

– Я пришла навсегда. Выгонишь в дверь, разобью окна, но влечу к тебе. Без тебя мне не жить. Для меня ты не властелин. Для меня ты – любовь.

– Любовь?

– А ты забыл, что значит любовь?

– Прости...

– Вижу, глаза твои наполнились слезами... Признайся, и ты тосковал по мне!

– Теперь понимаю – тосковал. Была некая пустота в жизни моей, словно старая рана... Но о себе никогда не хватает времени подумать.

– Стал властелином и решил: обойдешься без меня? Не сбьешься, царь мой, тому – что не замешано на любви, век короток. Самый сильный человек слаб без любви.

– Да это так. Мне одиноко без твоего тепла, жемчужина моя.

Стало тихо. Легкий бриз с моря трепал его густые волосы, ласкал лицо. А он думал о том, как властно прошлое напомнило о себе, и пусть назад возврата нет, какой болью и любовью переполнилось сердце... Он подумал и над тем, что ожидает его в будущем, кому суждено согреть любовью его сердце. Но грядущее было зыбко и неопределенно.

VIII

Вдовствующая царица недомогаала. Лежала на высокой постели в шелках, а сердце ее, источенное печалью, так болело, что малейший шум громом отзывался в ушах. Чувствуя это, женщины, приходившие ее навестить, как и прислужники, ходили на цыпочках, наклонившись к ней вполголоса, справлялись о здоровье. «Уже лучше мне, – ободряла она. – Все ли ладно у вас?» И, радуясь их приходу, в ожидании новостей разглядывала посетительниц промытыми страданием глазами. Лицо ее, обрамленное кипенью волос, осунулось, посерело. Щеки, лоб, шея, как скомканное полотно, во множестве морщин. Те, кто знал, как была хороша Царственная Хирхух в молодости, печалились о недолговечности красоты. Да и как могла сохранить она красоту, если все тревоги и заботы ее мужа, сынов проходили через душу ее. Гибель Рамзыца ввергла царицу в пучину отчаяния, а весть о том, что мужа дочери сослали на чужбину, и вовсе доконала. Ей не сказали, щадя, что

именно послужило причиной ссылки, но она чувствовала: случилось нечто ужасное, чему нет оправдания. Не могла не тревожить и судьба старшего сына, добровольно заточившего себя во дворце. Отречение от престола не нашло ни у кого одобрения, и многие, как крысы с тонущего корабля, бежали прочь, однако значительная часть подданных пока хранила ему верность. Внук Леон, которому даровали корону усилия двух держав, еще слишком молод, чтобы править страной. Как было бы славно, если бы его соправителем стал Леон Старший. Это, возможно, утешило бы и другого внука Царственной Хирхух, вынашивающего, наверное, злые намерения свергнуть своего более удачливого двоюродного брата. Страшно признаться, да простит ее Господь, но к отпрыску старшего сына у Царственной Хирхух двоякое чувство. С одной стороны он плоть от плоти ее первенца, с другой – внук не унаследовал, как кажется вдовствующей царице, ни одной семейной черты. Он жесток, груб, и отчий дом ему не дорог. Больше времени он проводит за рекой Эгры, у материнской родни, но и когда бывает здесь, редко заходит навестить свою бабушку, а если, случается, им увидеться, смотрит на нее зверем, как на главного врага. Он и с матерью груб. Даже с отцом позволяет вести себя без особой почтительности. Все это болью отзывается в исстрадавшемся сердце Царственной Хирхух. Долгое время она не поддавалась ни грузу лет, ни невзгодам, но теперь все чаще недоумогания укладывают ее в постель... Ночами она не смыкает глаз, обуреваемая невеселыми мыслями. Если прислушаться к тому, что говорят старший сын и его сторонники, то Апсны на краю пропасти, еще немного – и скатится вниз, расколется, разобьется. Раз так, то зачем же они медлят? Разве они уберегутся, если страну разнесет вдребезги? Так отчего же палец о палец не ударят, чтобы и себя спасти, и отчизну? И разве не они сами привели страну к краю? «Может, все не так страшно?» – пыталась утешить себя царица. И тогда она погрузилась в воспоминания о детстве Леона... как он

рос, как вел себя, каковы были его доброта, его ранний ум, его высокая человечность. Все свои надежды она связывала с этим. Много пережившей мудрой женщине сердце подсказывало, что внук ее богом избранный юноша, ему дано и великое сердце, и ум не меньший. Уже сейчас именем молодого царя клянется множество людей, отпивая воду, взятую из его родника. И уважение народа, и родник – все не случайно. На всем лежит Божье благословение. Значит, Бог не оставил землю абхазов, значит, не погибнет она. Но сколько страхов пережила Царственная Хирхух, узнав, что внук затеял сходку на Красном лугу! Она едва не лишилась разума. Красный луг – проклятый луг, там пал сын ее Рамзыц. Как она боялась за жизнь Леона, но, благодарение Господу, он остался невредим и был венчан на царство. А лютая зима, обрушившаяся на Апсны? Не Божье ли это было наказание за междоусобицу? Но и это миновало...

Царственная Хирхух лежала в светлой комнате. Как ярко ни светило солнце, она никогда не распорядилась прикрыть окна ставнями. Она с юности на редкость любила яркий свет, недаром самые ласковые ее слова были связаны с ним. «Свет мой!» – обращалась она к внучке Мрамзе. Иногда заменяла это слово иным, таким же ясным: «День мой». Хотя всю ночь Царственная Хирхух не сомкнула глаз, ей полегчало, когда ночь отступила и прозрачное утро вошло в комнату через распахнутые окна. Теперь-то время уже перевалило за полдень. Царственная Хирхух со своего ложа смотрела на доставленный издалека стеклянный кувшин, стоявший на круглом столе неподалеку от нее. Не все во дворце одобряли пристрастия Царственной Хирхух к «роднику царя», но она строго следила за тем, чтобы всегда в ее покоях стоял кувшин с водой из чудесного источника. «Леон, день мой», – думает царица, глядя на воду, и недоступные теперь из-за недомогания просторы божьего мира как бы приближаются к ней, и в ушах звучат переливы родниковой воды, бегущей по камешкам к большой реке Псырдзхе. С утра Цар-

ственная Хирхух ободрилась, предчувствие счастливых перемен завладело ею, но она боялась полностью довериться зародившейся надежде. В это время в покои вошла чем-то встревоженная прислужница и без лишних околичностей сообщила, что царь Леон во дворце и, судя по всему, направляется сюда, в покой вдовствующей царицы.

– Леон? – приподнялась со своего ложа Царственная Хирхух. – Какой Леон?

– Внук, – в смятении пояснила прислужница.

– Как? Он именно здесь, в этом дворце? – не могла поверить Царственная Хирхух. – Один, без защиты?

Прислужница, не смея вымолвить ни слова, только кивнула. Хирхух без сил откинулась на подушки, лежала с бьющимся сердцем, не зная, верить или не верить вести.

Между тем Леон на самом деле был рядом. Он без свиты явился к воротам дворца и, когда прислужники открыли, вошел внутрь в полном одиночестве. Он шел по двору, на котором вырос и который сердцу был столь дорог, что отринуть от себя, наречь враждебным место это он не смог бы никогда. Не чинясь, здоровался с людьми из челяди, кого помнил по прежним временам. Они же стояли и смотрели на него, не зная как себя вести, и как это все может им аукнуться, лишь только Леон Старший прознает о том, что здесь побывал племянник. К счастью, Леон Старший со свитой отсутствовал в этот час. Челядь терялась в догадках, знал ли об этом молодой царь или это счастливое совпадение. Еще они дивились тому, что Леон явился не только без сопровождения, но и без всякого оружия. А он шел по двору, приветливо улыбаясь, – впрочем, несгибаемая сила угадывалась и за улыбкой – широкоплечий, ладный. С одной стороны чем-то похожий на мать, но, тем не менее, в повадках ли, в стати, в особенности ли смотреть ясноглазо разительно напоминавший Рамзыца. Унаследованные Леоном отцовские черты располагали к нему многих из челяди, сохранивших теплую память об убиенном брате Леона

Старшего. Дойдя до каменной лестницы, царь взбежал по ней по-юношески стремительно. А в галерее, круто обернувшись, взгляделся в гору Анакопию с такой пристальностью, будто хотел насмотреться всласть за все минувшие годы, на протяжении которых не имел возможности любоваться открывавшимся отсюда видом. Затем Леон быстрым шагом, как с детства водилось за ним, вошел во дворец и вскоре перешагнул порог покоя вдовствующей царицы. Она приподнялась на ложе, и лицо ее в пышном обрамлении белоснежных волос разгладилось в счастливой улыбке. А он так же стремительно подошел к кровати и, преклонив колено перед ней, взял невестомую старческую руку и припал к сухой коже губами.

– Все беды твои пусть падут на голову мою, – пожелала Царственная Хирхух, сдерживая слезы. – Поднимись с колен, дитя мое!

Он послушался и, придвинув к ложу кресло, отделанное слоновой костью, сел напротив вдовствующей царицы.

Сквозь набегавшие слезы, которые она не успевала вытирать платком, Царственная Хирхух все всматривалась в возмужавшие черты внука, и казался он ей прекрасным, как молодой бог. Мысленно она вознесла к небесам молитву, чтобы никто из темной рати врага не посмел ему сделать ничего дурного.

«Как она постарела», – с грустью подумал Леон и, вновь приняв в свои ладони теперь обе ее руки, ласково пожал их. И взгляд, обращенный к царице, был полон ласки. Сейчас Царственная Хирхух не могла смотреть на него, как на молодого правителя, преуспевшего в науках на чужбине, много пережившего, находящегося на распутье судьбы. Сейчас все тепло ее сердца было обращено на внука Леона, который для нее был так же пронзительно дорог, как в его далеком детстве. Представлялось, что с той поры много воды утекло. Отчего-то вспомнилось, как он болел корью. Как она пришла среди ночи навестить его, и как он гордился кольчугой, в тот день подаренной ему мастерами. И то вспомнила, что мальчик рос сво-

евольным, горячим. «Всегда с тобой хлопот был полон рот», – едва не сказала ему Царственная Хирхух, но вовремя прикусила язык. Не следовало кому бы то ни было говорить с ценным властелином, как с сорванцом, еще нуждающимся в материнских наставлениях. Беспредельная тревога за него, пришедшего сюда в одиночку, безоружным, и ужас при мысли, чем может обернуться его молодая дерзость, жаром обдали царицу. Он понял ее состояние и мягко сказал:

– Не тревожься ни о чем. Я сейчас уйду, узнал о твоём недомогании, не мог не навестить.

– Да... но у тебя столько врагов, дитя мое, мне страшно за тебя.

– Врагами я называю лишь врагов Отечества. Личных недругов своих я к ним не причисляю и нужды в том, чтобы бегать от них, не вижу. Здесь же я у себя дома. Кто меня в родном доме мнит врагом, тот себе враг, Бог ему судья.

– Да пусть никто не разлучит тебя с твоим домом, дитя мое!

Он поднялся, наклонился к ней и вновь поцеловал ее руку.

– Выздоровливай поскорее, дай покой своему сердцу.

– Мне надо одно: чтобы ты не потерял жизнь свою и отечество свое сохранил.

– Мне пора.

– Куда же все подевались? – забеспокоилась она.

Так хотелось, чтобы во дворце, как прежде, он отведал бы любимые свои яства.

Но перепуганная челядь попряталась по углам, у всех сердце было не на месте. Появление во дворце Леона сбило людей с толку. Да приди он при иных более благоприятных обстоятельствах, челядь, пожалуй, все равно, разинув рот, гладела бы на царя. Была в нем удивительная гипнотическая сила, заставлявшая и людей родовитых, не лишенных спеси, теряться при его появлении, а то и лишаться дара речи.

Так же стремительно, как и появился, покинул дворец Леон. За воротами в тени сидел верблюд. Вокруг него теснились ребяташки, некоторые залезли на спину животному. При

появлении Леона ребяташки бросили играть и уставились на него. И верблюд, точно что-то почуяв, поднялся на ноги, держа на спине, гроздьями повисших на нем мальчишек. Зрелище было препотешное, и Леон невольно улыбнулся. Затем, больше не глядя по сторонам, двинулся вверх по дороге. Не прошел он и десяти шагов, как его стремянные и оруженосцы вышли из укрытия возле тракта и подвели к нему коня...

Весть о том, что молодой царевич посетил старый дворец, разнесся по всей округе, как водится, обрастая слухами. Одни говорили, что молодой царь и Леон Старший помирились, что сидели вместе за пиршественным столом, судили-рядили, дела свои царские решали и договорились впредь править сообща. Другие же утверждали, что никогда черная кошка не пробежала меж дядей и племянником, что они всегда были в тайном сговоре и решили на самом деле отдать свои владения, да за немалое вознаграждение, хазарам. Потому-то хазар расселяют по всей Апсны, и уродливые их горбатые животные, никогда ранее не водившиеся на этой земле, теперь по-хозяйски сидят у ворот царских и жуют жвачку. Много таких будоражащих слухов распространяли враги царского рода.

***

Леон решил создать у себя в стране нечто, подобное византийскому сенату, чтобы лучшие умы сообща могли решать немаловажные государственные вопросы. Это привело в ярость разнородных удельных правителей. Перед сюзереном каждый вассал чернил другого. Леон не слушал наветов. Более того, он приближал к себе того, на кого клеветали, прислушивался к его суждениям. Подобное поведение царя еще более осложнило отношения знатных подданных друг с другом, колесницы их интриг еще теснее сцепились меж собой. Один удельный владетель натравливал на другого своих людей. И тот в долгу не оставался. Затевались то там, то сям бесконечные сходы, превращавшиеся в свары. Мудрецы-златоусты или те, кто считал

себя таковыми, без устали выходили к народу на такого рода сборищах, советовали, увещевали, да толку было мало. Из-за преобразований, затеянных Леоном, на некоторое время все оставили в покое хазар. Теперь гнев подданных умело направлялся в сторону византийцев. Людям нашептывали, что ничего удивительного не происходит, попросту царь – ромейский выкормыш, и все его начинания – в угоду империи. Он не думает о своем народе, о своих вассалах, мысль его обращена лишь в сторону Византии, как бы перед ней не оплошать. Строившие козни в надежде поднять бунт, настроить простолюдинов против эллинов, знали, что делали. Они, будучи высокородными, полагали: если удастся поднять бунт, то Константинополь, усмиряя смутьянов, потопит все в крови, как случалось прежде. Тогда Леон вряд ли удержится на троне, и род его будет проклят. Это означает, что откроется путь к престолу для других, давно на него с вождедением поглядывающих. Они поднимутся на мутной волне, договорятся с Византией и станут править страной. Что же думал Леон Старший и каковы намерения назначенного им на царствие сына Феодосия, было неизвестно. Одно только отмечалось – частые поездки и отца, и сына за реку Эгры. И то, что в старом дворце нередко собиралось множество людей. Что-то обговаривалось, обдумывалось, но все это было покрыто завесой тайны. Две силы по-прежнему противостояли друг другу, точно перетягивали канат, и будущее смутно брезжило в тумане, как горные вершины.

I

Там, у подножья горы Адагуа, течет река Кудры, несет свои ледяные воды далеко, к морю. Если смотреть сверху от дозорной башни, врезанной в скалу, то четко можно разглядеть, как извилисто бежит поток меж камнями, но шум от него не доносится сюда – слишком высоко. А напротив, по ту сторону реки, возвышается Пскал-гора. На ее плато – храм. Крест на колокольне золотится, будто предвечернее зарево навсегда задержалось на нем – любо-дорого смотреть. Повернешься на Запад лицом – сразу узришь очертания крепостей, которые возведены на горе Шьяпки и Перевалочном холме. Труднопроходимыми тропами крепости связаны друг с другом, чужеземцу не просто дорогу к ним нащупать, а, нащупав, суметь пройти по ним без должной сноровки. Более всего неприступна крепость Цабал, именуемая греками Цибилиум. Со стороны Кудры к ней даже кунице по отвесной каменной стене не подняться, да и с других сторон к крепости прилегают кремнистые склоны, на которых черт ногу сломит. Крепость Цабал – самая укрепленная в восточной части Апсны и по величине, и по оснащенности, рассчитанной на долгие осады. Это не просто крепость. Это – царский акрополь, можно сказать, последний оплот страны. Крепость защищают отборные ратники. У одной из ее стен есть место для захоронения известных людей и павших героев. Крепость оснащена большим количеством средств, необходимых для ведения боя.

Как в Анакопии, так и здесь, внутри крепости, располагается базилика. Служители храма крестят детей, возносят молитвы Всевышнему, мыслят о душе своей. Но и для мирских удобств, несмотря на суровое назначение твердыни, сделано немало – имеются просторные помещения для отдыха, термы, с близлежащего холма тянется сюда глиняная труба. По ней из горной речки стекает вода. А выложенный тесаными камнями водоем, доверху наполненный прозрачной водой, весьма велик. Кладовые же полны еды. Так что если вдруг неурядицы, подобные снежной лавине, застигнут в крепости правителей восточной Апсны, да так, что и шагу нельзя будет сделать наружу, год уж точно они не будут знать лишений.

С одной из сторожевых башен в темноту вглядывались дозорные. Ночь опустилась густая, беззвездная, выгодная для дозорных. В такой темени легче различить сигнальные огни, если их зажгут на башне Анакопийской крепости. Огни означали бы, что крепость в опасности и просит помощи. Дозорные тут же должны были зажечь свои огни, сообщая, что сигнал бедствия принят и снаряжается помощь. Последние три года, благодарение Господу, огни не пылали над Анакопией. Но дозорные – обычно по два человека – еженощно занимали свое место в сторожевой башне и, сменяя друг друга, вглядывались в темноту. Сегодня выпало дежурить Фаду и Пахуале. Один из них был «держатель» огня. В случае опасности тот мгновенно должен был зажечь факел. А другой – перенести огонь на завезенные издалека толстые, как морской канат, и высокие – с человеческий рост – свечи с хлопковой нитью. Возле свечей на охапке соломы, поверх которой была наброшена войлочная подстилка, отдыхал Пахуала. А Фад с дозорной башни вглядывался в темноту. Непокойно ему сегодня, тревожно что-то, видно, нечистый путает, ловит себя на том, что тянет увидеть сигнал с той стороны, будто норовит накликать беду. Наверно, это из-за скуки. Или дурное предчувствие так его на-

страивает? Уже полночь миновала, пора будить напарника. Но Фад медлит. Все тревожнее всматривается в ночь, беспокойство вконец одолевает. Чтобы отвлечься, он размышляет: те, кто огнями решил извещать о событиях, придумали это хорошо. Раньше-то как было? С каждого холма криком друг другу передавали весть. Анакопия далеко, попробуй до нее докричаться! Сколько гортаней и холмов весть должна пройти, прежде чем ее услышат те, кому она предназначена? А сейчас увидел огонь, запалил свой, и дело сделано. Огню – что? Ему по холмам не надо карабкаться, по ущельям пробираться, горные потоки преодолевать, раз – и он на месте, спрямляет себе дорогу...

Но отвлекайся, не отвлекайся, а дурные предчувствия как тревожили Фада, так и тревожат. Вокруг все тихо и спокойно, разве что собаки вдали лают. Ни огонька не видно. Но Фад отчего-то готов уже поднять крепость на ноги. Ему чудится, что Псырдзха в большой беде, только факельщики по какой-то причине не смогли добраться до свечей и послать в Цабал сигнал бедствия. Когда стало невозможно в одиночку нянчить свою тревогу, он подошел к мирно спящему Пахуале и тронул его за плечо. Тот против обыкновения не стал медленно пробуждаться, позевывая и осведомляясь: «Пора тебя сменить?», а тут же с возгласом «хай» вскочил на ноги, тревожный голос его пронзил темноту.

– Случилось что?

– Не знаю, что и сказать... беспокойно мне. А тебе как спалось?

– Тревожные сны меня водили, не к добру.

– Да и я себе места не нахожу... Может, пора поднять тревогу?

– Но как же без знака с той стороны?

– Будет знак, чую, будет.

– Ты попросту устал, ложись на мое место, поспи.

– Говорю тебе, терпят они бедствие.

Теперь оба дозорных уставились в темноту. Ночь была так тиха, что можно было услышать, как там, далеко внизу, шумит Кудры. Сюда грохот горного потока доносился едва-едва, днем его вовсе не расслышишь. Холодный горный ветерок овеивал лица факельщиков, выжимал из глаз слезу.

– Вот он, гляди, вот! – вскричал Фад.

Над Анакопией моргнул свет, точно повис на небе, и погас, подобно падучей звезде, снова замерцал и вновь потух. В третий же раз зажегся надолго.

Фад поспешно запалил факел, передал Пахуале и тот, дотягиваясь до вершин свечей, принялся их зажигать. А Фад устремился вниз по лестнице сторожевой башни, чтобы поднять воинов. Пахуала остался на месте, он не сводил глаз с дальних огней.

Вдруг они погасли, и он заметался на сторожевой башне, не зная, что предпринять. Полагалось, раз те огни погасли, затушить и здешние, но он чувствовал – нельзя этого делать, а посоветоваться было не с кем, ведь Фад спустился вниз. Но тут вновь засветились огни над Анакопией, и их мерцание показалось ему признаком особой опасности. С треском горели гигантские свечи, оплывали, а Пахуале чудилось, что он слышит эхо беды, сотрясавшей сейчас Анакопию.

Тем временем Фад, скорым шагом обойдя водоем, вбежал в помещение, где находились воины. Они уже были на ногах. Те, которые стояли на карауле, заметили огни и подняли соратников по тревоге.

Тапш-ипа Беслан – это он должен был повести конницу – метался по крепости, проверяя снаряжение коней, готовность рати.

– Наверно, дело худо, иначе не зажгли бы огней, – сказал ему Фад.

– Иначе и ты бы не запалил факелов, не так ли?

– Так, господин мой, меня с вечера мучили предчувствия.

– Надо торопиться, помощь не должна запоздать.

– Кони готовы! – доложили Беслану.

– Выступаем! Без промедления! И, даст Бог, чести не уроним!

Сигнальные огни с башни осветили окрестности неверным светом, как блики от часто затягиваемой тучами луны. В близлежащих селах почувствовали переполох, поднятый в крепости. Кое-где даже тускло засветились свечи, люди стали перекликаться, залаяли собаки. Конница в триста человек вскоре выступила в путь. Ведомая Тапш-ипа Бесланом, она гулко мчалась по дороге. Юноши, живущие близ тракта, выбегали им навстречу, предлагая присоединиться. Но им на скаку кричали, что, когда понадобятся, – призовут, а пока пусть дожидаются вестей.

Юноши возвращались в дом, неся в сердце сожаление, что их не окажется на ратном поле среди защитников отчизны.

Вскоре конницы след простыл, и тишина вновь упала на землю. Фад поднялся на башню. Пахуала все стоял и вглядывался в дальние огни. Напарник занял место рядом с ним. Свечей они не гасили до самого утра, а утром плоскими деревянными лопатами, предназначенными для той цели, погасили их. Воску натекло видимо-невидимо, и он лег нитяными мотками вокруг основания свеч, как спряденная пряжа. Сигнальщики разрубили натеки маленькими топорами и сложили в глиняные кадки.

Наутро все дальцы и цабальцы знали, что ночью часть защитников крепости спешно отправилась в Псырджуху, поскольку оттуда запросили помощи. Там, видимо, случилась беда. Люди стали подтягиваться к крепости, и вскоре в крепостной ограде стало тесно. Никто не бил в колокола, но люди заспешили на помощь, будто призванные набатом. Служитель храма вышел к ним и, стоя перед народом, осенил себя крестным знамением. Все следом за ним перекрестились. Священник возвел к небу руки, его густой голос поплыл над горами, над долами.

– Боже Всемогущий...

Он просил милосердия для всего народа, победы для тех, кто отправился на помощь братьям, и чтобы мир скорее сошел на землю, и чтобы Господь не оставлял рабов своих без милостей. Молитва была завершена, паства многогласно выдохнула «аминь», и на некоторое время установилась тишина. Служитель храма вернулся внутрь, а люди еще долго стояли во дворе, переговариваясь. Затем потихоньку стали расходиться, поняв, что здесь пока в них не нуждаются. Некоторые двинулись к базилике, чтобы самолично помолиться в ней. Среди девушек, вошедших в храм, чтобы вознести молитвы Господу, была и Мрамза, юная сестра Леона. Она вместе с кормилицей уже месяц гостила в Восточной Апсны. Здесь по соседству с владельцем Цабала Тапш-ипа Дашнахуа жила родня кормилицы, не особенно родовитая, но зажиточная. Дочь владельца Цабала Хицис за это время успела стать Мрамзе подругой, и сейчас они вместе еще с одной девушкой пришли помолиться во здравие ушедшей на подмогу царю армии. К тому же ее возглавлял любимый брат Хицис Беслан. Несмотря на молодость, Тапш-ипа Беслан успел снискать славу замечательного военачальника, поговаривали даже, что со временем равного ему не будет. Сестра сильно беспокоилась о нем, и молитвы ее были горячи. Не только Хицис страстно молилась за здравие своего брата. И юная Мрамза – ей сровнялось семнадцать лет – большеглазая, золотоволосая, чья красота могла соперничать с утренней зарей, тревожась об анакопийском дворце, о брате, о матери, нет, нет, но вспоминала и Беслана Тапш-ипа. Беспокойство о доме у нее переплеталось с мыслями о молодом военачальнике. Между тем, она лишь раз видела его. Он почтительно поздоровался с ней и только. Так отчего же страхом за него сжимается сердце? Отчего же его образ стоит перед глазами? Кто он ей? Она испугалась своих ощущений и, будто бы убегая от них, потянула подругу за рукав.

– Пойдем, нам пора.

– Постой еще немного, – попросила та.

Она вроде ждала каких-то новостей, хотя их и не могло быть. «Успел ли брат вернуться?» – обеспокоилась Мрамза. Леон теперь редко покидал Анакопию, но на этот раз отбыл ненадолго в Хазарию, к родне матери, ставшей ему мощной опорой. Вдруг он еще в отъезде, а недовольный Константинополь воспользовался царской отлучкой и занял крепость Анакопию вкупе со всей Псырдзхой? Или нагрянули персы? Арабы? Своевременно ли подоспеет подмога, а если и не промедлит, да врагов окажутся несметные полчища? Сердце Мрамзы дрогнуло. Она больше не могла сладить со своим смятением и тихо вышла из храма. Подруги последовали за ней. Третьей девушке Шазине особо не за кого было тревожиться, никого из близкой родни не было ни среди уехавших всадников, ни в Анакопии, но разделяла тревогу подруг и держалась с мягкой предупредительностью. Они медленно спускались из крепости в поселение. Остановились на полпути, подняли глаза к небу. По нему проплывали быстрые облака, словно и они торопились кому-то на помощь. Девушки загляделись на них. По дороге встречные, равно и в самом поселении, говорили об одном: о сигнале бедствия из Анакопийской крепости. Всем не терпелось узнать, что там происходит.

День миновал без новостей. На дозорной башне сигнальщики, сменившие Фада и Пахуалу, до рези в глазах вглядывались в наступавшие сумерки. Оплывшие свечи они заменили новыми, факелы держали наготове, чтобы при надобности не медлить. И вдруг сгустившиеся сумерки прорезали запаленные огни. Они тотчас погасли и вновь вспыхнули, так три раза. То был знак, означавший, что конница прибыла на место. Ответно и здешние сигнальщики трижды зажгли и погасили свечи. Далее смотрители сигнальных огней, сменяя друг друга, глядели в сторону Псырдзхи, но до самого утра новых сигналов не поступило.

Целую неделю не было вестей, а потом, опять же с помощью сигнальных огней дали знать, что армия возвра-

щается, но никаких подробностей никто не знал. Затем на взмыленном коне прискакал вестник. К нему кинулись, чтобы помочь спешиться. Выглядел он крайне изнуренным, со следами запекшейся крови на лбу. «Наш верх», – первое, что он успел вымолвить. Юноша и всю дорогу сюда на скаку возвещал выбегавшим на дорогу поселянам, что армия возвращается с победой, и многие уже спешили сюда следом за ним, дабы услышать обо всем из первых уст. Юноша спрыгнул на землю и покачнулся, но удержался на ногах. Поддерживая его за плечо, провели к раскидистой орешине и усадили на лавку под ней. Юная дева из ближайшей усадьбы сбегала домой за кувшинчиком вина. И в стаканчике из синего стекла, когда-то попавшем в ее дом из города Милета и теперь подаренного ей, она поднесла вестнику густое вино «акачич». Некоторое время юноша затуманенным взором смотрел на нее, а потом благодарно улыбнулся и, приняв стакан, сделал несколько глотков. Вино, очевидно, придало ему силы, он поднялся на ноги со смущенным видом из-за того, что при стольких людях почтенного возраста позволил себе сесть. Вестник поправил пояс, на котором висел кинжал, распрямил плечи. Его здесь знали все. Он был старшим сыном достойного человека Башыху Хамыта и своей живостью, мягким нравом, умением ухватывать суть дела приумножал доброе имя родительского дома. Правители часто посылали его с важными и не терпящими отлагательства поручениями. И сейчас, как гром опережает ливень, так он опередил всю армию, первым доставил весть заждавшимся поселянам.

– По дороге к нам присоединялись многие, – заговорил юноша. – Наши ряды пополнили воины из Аквы и ближних сел, в Гумисте – гумистинцы... До Псырдзхи было уже рукой подать, когда навстречу выехали два гонца из Псырдзхи. Они и передали, что мы должны ударить врага с тыла, как только он двинется в наступление, а сейчас же враг после предыдущей битвы отошел и собирается с силами. Мы и затихли в ожидании своего часа. Позже те же гонцы по-

явились на виду и дали знак, что пора выступить. Наш предводитель крикнул: «За мной, без страха и сомнения! Настал час мужества!» – и, дав шенкелей своему коню, возглавил конницу, мы за ним – лавиной. На лугу Псырдзхи предстало нам зрелище, какое только врагу можно пожелать – трупы людей, коней, стоны недобитых воинов...

– Кто напал на Анакопию?

– Греки, кто же еще!

– Что же их понесло на крепость?

– Говорят, обида их вела.

– Какая такая обида?

– Накануне на Бзыби устроили сходку, где кляли греков, мол, довольно на них спину гнуть, не они хозяева в Апсны!

– Разве это не справедливо? Чего свои порядки в чужом доме наводить?

– Не перебивайте, продолжай, дад, продолжай...

– Мы вступили на поле брани в то мгновение, когда в конце луга среди оврагов разгорелся новый бой. Спустившиеся со стороны крепости воины стали теснить греков. Те отхлынули назад, на луг, и тут мы ударили с тыла. Греки оказались меж двух огней, пришлось им биться на обе стороны. Словами не передать, что делалось на том ристалище. Но никто из наших не дрогнул, спину врагу не показал, не опозорил вас! Верх взяли мы! Победа за нами!

– Да умереть нам вместо тебя, дад, спасибо за добрую весть.

Гонца стали поочередно обнимать. Глаза его увлажнились, по лицу было видно, что не одни радостные вести он принес. Напрямую никто не спрашивал о потерях, но в каждом взгляде таился невысказанный вопрос. Собравшись с силами, юноша продолжил:

– Много раненых, среди них – и Тапш-ипа Беслан. Рана, тяжелая, но смерть, благодарение Господу, прошла мимо. Он лежит в дворцовых покоях самого Леона.

– Вот беда.

– Не гневите Бога! Главное – жив!

– Не скрою, есть среди цабальцев и павшие, – проговорил вестник, приступая к самому трудному. – Пять человек.

– Чье солнце закатилось, нан, чье? – запричитали женщины.

– Не женское дело такое выслушивать, уведите женщин!
– раздался чей-то голос.

Но, перекрывая его, с юга загудела земля от топота копыт, приближалась конница. Все заторопились навстречу. Предводительствовал конницей закадычный друг и сподвижник Беслана Кадыр Агухаа. Он высоко держал развевающийся на ветру стяг цабальцев. Вестник, сын Башныхуа, мгновенно вскочил на своего коня и поскакал навстречу соратникам, чтобы принять, как полагалось, из рук предводителя прославленный в битве стяг.

На площади под ореховыми деревьями бойцы спешили и теперь стояли возле своих коней, от которых несло резким запахом лошадиного пота. Да и сами воины были в пыли, с лицами, утомленными и долгим переходом, и пережитым, но все они старались не поддаваться усталости, даже раненые, преодолевая боль, стояли плечом к плечу с другими. Местные юноши поочередно принимали у них коней, отводили к дальней ограде и привязывали там, с намерением после того, как кони немного остынут, дать им корма и воды. А вокруг воинов собралось множество народу. Все тепло здоровались с ними, родичи обнимали и целовали ратников.

Стало известно, что тела пяти погибших героев везут морем до устья реки Мачарка, а далее сушей – до Цабала. Сам царь Леон сопровождал тела. Люди из числа родни погибших, а также те, кто наиболее был им близок, сразу собрались ехать к побережью, дабы встретить судно. То, что сам царь был на том судне, свидетельствовало о том, что он воздает цабальцам самые высокие почести. Сеча, ратное дело – это потери, великое горе, но и сплотить может, как ничто другое. Сплочение подданных – было глав-

ной заботой Леона с первых дней, как он стал царем. Он надеялся, что, отразив нападение врага всем миром, народ Апсны сделал важный шаг к единению. Не все среди цабальцев разделяли устремления царя. Нашлось много злых языков, твердивших: «С какой стати наши юноши должны погибать, защищая живущих там, на Бзыбте? Когда это они бежали к нам на помощь?» Такие разговоры подогревались многими врагами Тапш-ипа Беслана. Среди них были те, которые в свое время подняли шум, чтобы не пропустить Барджил-хана, направлявшегося в резиденцию царя всей Апсны.

Близкие погибших героев вели себя сдержанно. Изю всех сил они боролись с горем и не слушали шепотков доброхотов, настроенных против признания единого властелина. Единственным утешением было высокое уважение, оказываемое их горю царем Леоном – до того он ни разу не бывал в Цабале.

Среди погибших ратников только у одного был жив отец. У остальных и отцы в свое время пали в битвах. Кап Басят собрался на побережье, чтобы там дожидаться судна с телом сына. Но все решили, что несмотря на то, что старик держался мужественно, такое испытание окажется ему не под силу, и уговорили остаться дома. У Кап Басята было еще два сына, но погибший, средненький, особенно был дорог ему. «Некрасиво царя не встретить, – твердил он. – А что касается сына, что ж, не опозорил он ни меня, ни вас, ни сверстников, с кем головы сложил, к чему сокрушаться о нем? Царя же надо на побережье встретить». Еще опасался старик, что родня жены – люди строптивные – поднимут недовольные голоса, мол, нашей кровинкой царь свою власть упрочивает. Сын погиб героем, и он не хотел, чтобы и тень таких разговоров пала на его молодую смерть.

Парусник вошел в прибрежные воды близ устья реки Мачарка и стал приближаться к берегу, к месту стоянки су-

дов цабальцев. На палубе на носилках лежали трупы, накрытые с головой бурками. Возле мачты стоял Леон и горестно смотрел на берег. В стороне, чтобы не нарушать печального уединения царя, держались его приближенные, среди которых были и хазары, человек десять. На корме стремянной под уздцы держал боевого коня Леона. Все знали, что царь признает только одну верховую лошадь – Дулдула, и повсюду возили его за ним.

Парусник причалил, моряки проворно бросили сходни. Первым сошел на берег Леон. Он, прижав правую руку к сердцу, поклонился встречающим. Обведя всех открытым взглядом, проговорил:

– Нерадостный случай привел меня сюда сегодня, но на все воля Божья!

Был он в военных доспехах – на кольчуге с изображением ястреба на груди многие кольца были разъяты или вовсе отсутствовали. И на ногах царя – металлические, сплетенные наподобие сети, ноговицы. На поясе – длинный египетский меч, который едва земли не касался, то был славный меч, подаренный племяннику Барджил-ханом.

Приближенные царя были также вооружены. За спинами – лук и стрелы, пики. За поясом – боевые топоры. На ремне – мечи, в руках – щиты...

Спустя немного времени те, кто стоял возле носилок с телами, собрались их спустить на берег. Тотчас молодые люди из числа родичей взбежали на палубу и, как полагалось по обычаю, сами взялись за носилки. В тот день море было беспокойно и, несмотря на толстые канаты, которыми к тумбам был привязан парусник, качка оказалась значительной. Бережно неся скорбную ношу, молодые люди вереницей спустились на берег и подошли к молчаливо стоявшей на приморском лугу толпе. Здесь, выбрав взглядом, где трава погуще и позеленее, они, как и надлежало, поставили в ряд носилки, чтобы павшие воины спинами ощутили родную землю, во имя которой приняли смерть. Старики сня-

ли башлыки, молодые люди обнажили кинжалы и, плашмя приложив к груди, низко поклонились останкам. Немедля вновь подняли носилки, и траурная процессия, к которой присоединилось множество жителей близлежащих поселений, двинулась в сторону Цабала. Позади всех стремянной царя хазарский юноша по имени Чоп вел на поводу боевого коня властелина. Дулдул время от времени шумно переводил дыхание и, казалось, он хочет спросить хозяина, почему он идет пешком, когда его боевой спутник здесь, и куда же они врозь направляются?

Так процессия миновала мост через реку Мачарка. До Цабала путь лежал неблизкий, и потому процессию по дороге поджидали люди с повозками, запряженными волами. Носилки с телами павших героев погрузили в повозки. Затем к почтенным людям и по возрасту, и по заслуженному уважению подвели оседланных коней, чтобы далее ехать верхом. Несмотря на день скорби, никто из почтенных людей не сел на коня прежде царя – уважили, хотя и могли бы пренебречь соблюдением церемонии.

В самом Цабале собралось народу видимо-невидимо. Скорбная процессия остановилась в сердцевине Цабала – в месте сходок под огромными ореховыми деревьями. Здесь и поставили в ряд носилки с павшими. Несчастные матери, сестры героев, поддерживаемые скорбящими вместе с ними соседками, обходили носилки и оплакивали каждого воина, как родного. Лица погибших прикрывали бурки. Молодые юноши подошли к носилками и откинули полы бурок, открывая лики павших воинов. Женщины заголосили пуще прежнего, их стенания, жалобные слова причитаний раздирали душу, и даже у старых воинов, считавших невозможным унижать слезами тех, кто погиб, покрыв себя доблестью, глаза увлажнились. Но они пытались, сжав зубы, совладать со своими чувствами и победить горечь утраты гордостью за воинов без страха и упрека, с которыми выпало прощаться навсегда.

Люди исподтишка разглядывали царя. Присутствовал здесь и владетель Цабала Тапш-ипа Дашаныхуа. Ждали владетеля Дала Дарыку-ипа Мсоуста, но он не прибыл. Тому были свои причины. Владетель Дала ни раз попрекал Тапш-ипа Дашаныхуа, что тот слишком сблизился с царским двором на другой стороне Апсны. Он полагал, что такое сближение молодой царь ложно воспримет как покорность и отнесется к независимым владетелям, как базилевс к своим архонтам. И он винил владетеля Цабала в гибели юношей. По его разумению, они сложили головы на чужой стороне.

Близко к носилкам подвели под траурными попонами боевых коней погибших, сплошь вороной масти. Возле них стояли юноши, но никто не держал коней под уздцы. Поводья свободно набросили на гривастые шеи. Но вороные будто осознавали, что происходит, и стояли неподвижно, время от времени поглядывая на носилки, словно чувяли, что там покоятся те, кто уже никогда не поднимется на их спины.

Павших решено было захоронить в тот же день, как и положено, когда воин лишается жизни на ратном поле. К тому же и присутствие царя подсказывало, что не надо затягивать время предания земле останков.

Достойные люди поименно говорили о героях, оповещали и близких, и дальних, что юноши не посрамили свой род, не посрамили людей, среди которых выросли. Каждый из погибших из славного рода и каждый оказался достоин чести предков. Речь самого царя была кратка:

– С Византией мы связаны крепким родством, что известно вам, – сказал царь. – Совсем недавно во главе империи встал мой брат – сын родной сестры матери. Я знаю о его безграничной доброте к нам. Но внутренних врагов у него – тьма. И всем им смерть слышать, что наш народ готов сказать Византии: «Оставь нас, мы хотим сами строить свою судьбу». Не раз и не два через послов давали мне

знать, что гневаются. К себе призывали, дабы я подтвердил верность Византии. Но у меня одна верность и она с моим народом.

– Светлого тебе пути, дад, храни тебя Господь! – сказал один из старцев, кому особенно по сердцу пришились слова царя.

– Последнее время из Византии не доходило дурных вестей, – продолжал царь, – и мы тешили себя надеждой, что, возможно, мы верно поняты. Совсем недавно прибыл ко мне гонец оттуда с вестью, что из императорского дворца нам шлют дары, и корабли с ними вот-вот должны прибыть. Мы удивились, признаться, даров не ожидали. Но гонцы сказали, что послания от моей родной тети императрицы Ирины. Зная ее щедрость и доброту, мы в это поверили. Прибыли корабли с дарами, и моряки сами стали их разгружать – четыреста сундуков. Византийский дар нашими людьми был оставлен под крытыми навесами недалеко от побережья. Люди, что прибыли на кораблях и говорили от имени императрицы, остались недовольны, что сундуки немедленно не подняли в горы, не доставили прямо во дворец. Но Господь, видно, миловал нас. Ибо дар византийцев – вероломный дар. В сундуках скрывались вооруженные воины, в каждом сундуке по два человека. Ночью они поднялись на бой. К ним присоединилось еще много воинов, которые в укрытии за мысом ждали своего часа. На весельных лодках причалили недруги к нашему берегу, где их поджидали заранее доставленные на берег «дары» из сундуков. Так вероломно они напали на нас. Мы обратились к вам, нашим братьям, за помощью. И помощь не замедлила прийти. Завтра вы позовете нас, и мы поспешим к вам. Сила наша в нашем единстве. По первому зову под общий стяг должны становиться все, кому дорога наша земля. Доблестные воины, с кем мы сегодня прощаемся, кровью своей скрепили наше единство. Пусть простят меня матери и сестры, но не надо оплакивать героев, они пали смертью храбрых и навсегда

останутся в памяти потомков... Да будет земля вам пухом, братья мои, склоняю голову перед вашим подвигом.

Царь обошел все носилки и поочередно поцеловал в грудь тела погибших. Сбравшиеся с волнением наблюдали за словами и действиями молодого царя. Тишину никто не нарушал еще некоторое время после того, что было сказано царем. Потом несколько старцев кратко высказали слова скорби, и павших понесли хоронить. Место вечного покоя им определили у внутренней стороны крепости, где обычно предавали земле доблестных воинов. Здесь, следуя древнему обряду, вместе с ратниками захоронили и их боевых коней, оружие и другое снаряжение воинов, а над могилами поставили медные кресты.

После похорон молодой царь посетил дом владетеля Цабала Тапш-ипа Дашаныхуа. И здесь вместе с дальцами, ставшими, как он полагал, верными его соратниками, царь обговорил многое, что было связано с судьбой страны.

Юная сестра царя Мрамза тоже присутствовала вместе с кормилицей на похоронах, издали глядела на брата, но подойти не решилась. Очевидно, и ему показалось неудобным отвлекаться на нее – ни событие, ни место к тому не располагали, хотя она не сомневалась, что и он по ней соскучился. Мрамза задумала, что когда брат будет покидать дом владетеля, дожждаться его у ворот и хотя бы обнять, но и это оказалось не с руки. Негоже было дожидаться царской сестре у ворот брата, точно просительнице, а уж тем более проникать туда, где велись судьбоносные разговоры между мужчинами. Огорчение Мрамзы было столь велико, что долго и кормилица, и родня кормилицы утешали деву, издали только глядевшую, как в темноте мелькали огни провозжатых брата.

Покинув двор владетеля, ни Леон, ни его свита сразу не поехали верхом. Коней вели за ними, а они шли пешком. Так они выказывали уважение к семьям погибших, чье горе мог оскорбить топот коней, слишком шумный, беспечаль-

ный отъезд. Да и спустившись к тракту, они без лишнего шума и оживления оседлали коней и поехали в скорбном строю к побережью, где их ждал корабль. Всю дорогу царь мучился размышлениями о вероломном нападении греков. Много бы он дал, чтобы точно знать, с ведома ли византийского императора совершилось нападение, или тому виной силы, сплотившиеся против константинопольского родича Леона. Погрузившись на корабль, царь все думал над тем же и пришел к мысли о необходимости по возвращении в Анакопию снарядить доверенных лиц в Константинополь и узнать всю правду.

Дом кормилицы, где гостила Мрамза, был сложен из каштановых бревен, и от него исходил медвяный дух. Одно из окон комнаты, отведенной царской сестре, выходило на ту сторону, где протекала река Кудры. Ветер с реки задувал в комнату, освежая воздух, а шум потока, катящего по глубокому ущелью свои воды к морю, в другое время навевал бы сон. Но сегодня Мрамзе не спалось. Неожиданная тоска по дому сжала в тиски сердце. Эта тоска была сродни той, что она испытала, когда ее, еще неоперившуюся девочку, отец повез к родне матери в Константинополь. Вначале все захватывало ее: и поездка морем, и мраморные дворцы, и высокие своды храмов. Потом она уже считала дни до отъезда домой, несмотря на то, что константинопольские родичи всю баловали ее и развлекали. Вот и сейчас неожиданно она почувствовала себя чужой в доме кормилицы. Мрамза глубоко вздохнула.

– Не спишь, нан? – осведомилась кормилица, находившаяся здесь же.

Девушку одну не оставляли ночевать.

– Не сплю.

– Не грусти, ты слишком юна, чтобы грустить... спи лучше.

Но и сама кормилица не удержалась, длинно вздохнула.

– Не могли бы мы завтра вернуться домой? – спросила Мрамза.

– Если ты того желаешь, так и завтра можем отправиться в путь. Но, может, повременим?

– Нет, нет... беспокойно мне... боюсь, как бы чего не случилось дома.

– Не тревожься. Ты же видела брата, и как красно он говорил, слышала?

– Но самой и словом не удалось перемолвиться, – грустно сказала Мрамза.

– Ничего, успеешь еще наговориться всласть.

Они замолчали, но долго лежали без сна, печалась каждая о своем.

Ясное утро по-другому настроило Мрамзу. Она, хоть и заснула поздно, чувствовала себя бодро и, выйдя из дому с полотенцем на плече, радостно огляделась вокруг. Дом стоял на возвышении, местечко вокруг именовали Холмом псек. И в самом деле, поблизости во всех хозяйствах держали пчел. Здешний мед славился вкусом и душистостью. Мрамза спустилась к роднику, что пробивался неподалеку, зачерпнув в ковш водицы, отошла в сторонку и умылась студеной водой. Она у себя дома во дворце тоже любила сама спускаться к царскому роднику и освежать лицо прославленной водой. После завтрака Мрамза обратилась к кормилице:

– Я хотела бы посетить семьи погибших и раненых навестить тоже.

– Славно, нан, славно, что ты так решила, сейчас же пойдем.

Кормилица с гордостью подумала, что у воспитанницы доброе, нечванливое сердце. Выходит, старания няньки не пропали даром.

Вскоре они вышли на дорогу, и здесь к ним присоединилась и Хицис. Ей тоже пришлось по душе желание царской сестры навестить раненых и утешить близких павших геро-

ев. И у самой Хицис сердце было не на месте. Она сильно тревожилась о раненом брате, пребывавшем во дворце царя в Псырдзхе. Мысли Мрамзы тоже витали вокруг Псырдзхи и дворца в Анакопии. Ей хотелось как можно скорее вернуться домой. А Хицис думала о том, что если цабальцы, отправившиеся в свите царя навестить раненого, не доставят брата домой, то она непременно тоже отправится туда. Случайно ли встретились подруги, подружались, случайно ли один и тот же дворец сейчас занимает их мысли? Над этим задумалась Хицис.

II

После описанных событий миновало немало времени. И вот Беслан Тапш-ипа, окрепший, поднялся от своего дворца, расположенного на Холме пасек, сюда, в недоступную для врагов крепость и с площадки одной из дозорных башен стал обозревать зоркими глазами окрестности. Час ранний, но на востоке уже алела заря, вспыхивает, как пламя костра, студёный ветер освежал лицо. Тишина стояла такая, что оброни золотое колечко – звук падения эхом отзовется в гулких, выложенных мрамором, помещениях крепости. На просторном дворе, опоясанном крепостной стеной, находились жилые дома, двухэтажные, под черепичной крышей. Внутри помещения и стены, и потолки – в тяжелых персидских коврах, мебель и утварь доставлены из Рима. Уму было непостижимо, как удалось так оснастить крепость, расположенную в почти недоступном месте. Высокая крепостная стена сложена из камней, ворота выкованы из толстой меди. Кроме главных ворот и главной стены, внутри крепости находилась еще одна стена и не бросающиеся в глаза так называемые малые ворота. Если бы враг прорвался через главные ворота, то ему пришлось бы принять бой в узком пространстве между двумя стенами, что обязательно осложнило бы ему задачу. Между главной и малой стеной

постоянно ходили дозорные, имелись приспособления в виде натянутых веревок, по которым при малейшей опасности они оповестили бы основные силы защитников крепости, располагавшиеся в помещениях для воинов, стоявших впритык к малой стене...

Беслан рассказывал по площадке Дозорной башни, и сверху весь Цабал просматривался как на ладони. На гряде холмов стояли в отдалении друг от друга – по одному на каждый холм – крепкие дома с просторными, в зелени утопающими дворами. В пределах усадеб, помимо главного дома, еще виднелись подсобные постройки. Меж богатыми дворами, многие из которых были заключены в каменные ограды с дозорными башнями, принадлежавшими именитым родам, островерхие, круглые, крытые соломой домики простых поселян смотрелись как игрушечные... Беслан зачарованно, точно впервые видел, любовался открывшимся видом. Между тем, наверное, не было здесь ни единой тропы, не исхоженной им. Но он все смотрел, наглядеться не мог.

И жизнь цабальцев легко сопрягалась в этот утренний час с существованием окрепших с весенними соками, прошедших линьку и покрывшихся густым блестящим мехом куниц, белок, легконогих косуль, мощных медведей. Словом, со всем тем, что связано со здоровой, полной животворящих сил и чистоты природой. Так они жили, не опровергая друг друга, – природа и люди, сильные своим единством. И сам Беслан был близок к природе. Но в облике его ощущалась некая утонченность, являвшаяся основой его обаяния. Высокий, плечистый, настоящий воин, а черты лица тонкие. Живые, медвяные глаза, волосы с золотым отливом, аккуратная бородка с легкой рыжинкой напоминала сухие колоски злаков, что иногда прорастали меж расщелинами камней, ястребиный нос, ловкость в каждом движении, тонкие длинные пальцы.

Беслан на Дозорной башне вдоволь насладился видом Цабала. Что и говорить, соскучился он по нему, пока всю

зиму маялся с долго заживавшими ранами. Затем он перевел взгляд в сторону ущелья, по которому бежал неиссякаемый поток Кудры, на миг перед его внутренним взором предстали крапчатые стройные очертания форели, водившейся в несметном количестве в Кудры. А там, по ту сторону реки, на самой макушке горы Пскал золотился храм. И вспомнил Беслан о своем намерении отправиться с несколькими своими соратниками в дни Светлого праздника Пасхи в поселение Жигарта, что означало «там, откуда берут виноград». И в самом деле, в Жигарте было множество виноградников, и вино здесь наливали на редкость хорошее. Там проживала родня Беслана. Из семерых братьев Тапш-ипа трое в свое время из Дала перебрались в Жигарту. Теперь у каждого из потомков рода там прекрасные усадьбы. Сыновья Хрипса, сыновья Дарькуа, поселяне, что под их рукой, – это все сокрытая сила, которая по первому зову придет на помощь родне из Дала. Беслан с детства больше жизни любил гостить в этом поселении. И главной радостью было, спозаранок перебежав через деревянный мосток, переброшенный в самом узком месте меж скалистыми берегами реки Кудры, – мост то и дело взрослые снимали и прятали, чтобы недругам не примелькался – оказаться под величественным вязом на той стороне. Таких необхватных у основания вязов встречалось множество. Беслан медленно обходил их, все выше забирая в горы, затем он оказывался в каштановом лесу, но рано или поздно добирался до самой вершины, к храму, и при приближении к нему ему чудилось, что он становится выше ростом. Побывав в храме, Беслан пускался в обратный путь. Шел все теми же тропами, тем же лесом, но ощущение было такое, что он вступает в иной, неизведанный мир. Дорога к храму на горе Пскал – пожалуй, самое сильное впечатление из его детства. И сейчас при мысли, что на Пасху он посетит храм на Пскале, ощутил ребячий восторг. Медленно спустившись с дозорной башни по каменным ступенькам, Беслан прошел к стене, возле которой в ряд были захоронены воины. У из-

головья каждой могилы стоял крест. Беслан приостанавливался у могил, осенял себя крестным знамением, подольше задержался у последних захоронений. Здесь покоились его соратники, погибшие при защите Анакопии. С благодарностью он вспомнил каждого поименно. Пройдя еще немного, он наткнулся на обломок мрамора. На нем была вырезана на языке эллинов неполная строчка из гомеровской «Илиады» – «раздвинулись звезды...». В ту пору, когда он вместе с Леоном обучался в Константинополе, друзья не раз и не два перечитывали гомеровскую «Илиаду», воспевавшую доблести ахейских мужей. «Раздвинулись звезды...» – повторил про себя Беслан, пытаясь вспомнить, из какой песни «Илиады» это взято, но не вспомнил. Одно он понимал – великий дух эллинов, достигший и его родного побережья, еще долго будет ощущаться здесь. И далекие потомки, наверное, будут знать о них. Крепости, возведенные ими, переживут не один век, как и вымощенные камнями широкие дороги. Верно, Диоскурия – город, построенный эллинами, – унесен морем. Но и на дне морском ныряльщики то и дело находят обломки мрамора, утварь, из камня высеченные лики, фигуры и многое другое. «Мы пройдем свой земной путь, а наши потомки все будут наткаться на следы пребывания здесь эллинов», – подумалось Беслану. И то понятно, не только каменными постройками, но и дорогами они запомнятся. Потомки эллинов, поселившиеся здесь, многое привнесли и в жизнь апсуа: язык, обычаи, смешалась кровь – во многих домах апсуа подрастают сыновья, чьи матери гречанки. И мало кто здесь не знает греческого языка. «Раздвинулись звезды...» – вновь повторил про себя Беслан. Но как бы ни расположились звезды, легко ли разрубить то, что так долго связывало с апсуа отважных людей, среди которых можно было узреть черты, воспетые Гомером? Отринуть народ, с кем пройден такой долгий путь, возможно ли? Сей мучительный вопрос, не дававший покоя Беслану, вновь встал перед ним. Его раздирали сомнения. «Может, правы мои

родичи, твердящие, что попытка отдалиться от Византии – безумство?» – размышлял Беслан. Многие доброхоты указывали Беслану, гляди мол, что задумал царь. Он хочет погубить Льва Хазара, ближайшего своего родича, и по пути ли тебе с ним? Дождемся, что станут рушить храмы, а на их месте возводить мечети. «Сейчас нелегко Льву Хазару, – думал Беслан. – Великую империю трясет так, будто Посейдон разгневался на них и наслал ураган. Империя рушится, все силы молодого императора уходят на сохранение метрополии, не до колонии ему сейчас. Да и не станет он обрушивать гнев на голову своего родича царя Абасгии. Возможно, предоставит как можно больше воли и скажет: «Опирайтесь на свои силы, живите своим миром». Но ничто не вечно под луной, а императорский трон всегда колеблется. Если враги Льва Хазара возьмут верх и сместят его, что ожидает своевольников? Говорят, дракон страшнее всего перед гибелью, мощным хвостом он может разрушить всю Апсны. Положим, этого не случится, и от Византии отпадем более или менее безболезненно, но хазар – тьма-тьмущая, прислонимся к ним, растворят в себе вмиг. Народ наш окажется сродни младенцу, которому надо учиться всему – ходить, говорить, принимать чужих богов и чужие нравы. Не гибельный ли этот путь – путь отдаления от Византии? Не потому ли многие здесь винят Леона, что из-за его распрей с Константинополем уже погибли в столкновении, которого можно было избежать, братья по крови? И это лишь начало кровавого пути... Персы, арабы все поглядывают на Апсны. Убедятся, что Византия не придет на помощь, так и хлынут сюда несметными полчищами...»

Подобными сомнениями промучился Беслан всю зиму, что проболел. И сегодня они его не оставляли. Одно твердо знал: какой бы путь ни избрал Леон, место Беслана рядом с ним – он еще во время учебы в Константинополе дал ему клятву верности и не намерен был изменить своему слову.

Но совсем недавно весь род Тапш-ипа собрался, чтобы взглянуться в избранный Бесланом путь. Почтенные представители рода говорили ему: отступи от Леона. Он не наш властелин, и люди, что были под рукой его отца или деда, никогда не приходили нам на помощь, когда мы, не щадя живота, стояли насмерть против врагов, да и тех же ромеев. Когда Юстиниан разгневался на нас, от рук ромеев погибли не только воины на поле брани, но и женщины, дети, старики. Где тогда были наши, как теперь уверяет молодой царь, братья с Псырдзхи? Отчего же не кинулись на помощь? О том, что мы из одного корня, и Богом дана нам общая земля, правители из Псырдзхи вспоминают лишь тогда, когда им надо укрепиться во власти, приспособить нас для своего блага, встать во главе всех. В час беды до них не докричишься.

Беслан молча выслушал своих родичей, он понимал их обеспокоенность и то, что его заблуждения вольно или невольно, но разделит весь род, в изгоя его не превратят. Это налагало на него еще большую ответственность. Беслан выслушал старших рода своего, но ответа никакого не дал. Тому уже неделя. Родичи не торопят его, но он знает, что они ждут его слова. Оно должно быть высказано, но пока Беслан тянет с решением. Из-за того все больше грызут его сомнения, и совсем уж по-мальчишески он порадовался тому, что поедет в Жигарту и на время будет освобожден от переговоров с родичами. К тому же в Жигарту был зван через посредничество Беслана сам царь Леон. Правда, гонцы, которых Беслан отправил к царю, еще не вернулись, но он надеялся, что Леон не отклонит приглашения, и, возможно, то колено рода Тапш-ипа, что обосновалось в Жигарту, иначе отнесутся к чаяниям царя. Приглашение было приурочено не только к Светлому празднику Пасхи, но и к освящению храма, уже два года великими трудами воздвигаемого в Жигарте. Это храм-крепость. Он врезан в скалу, и невозможно передать, сколько титанических усилий по-

надобилось, чтобы его возвести. Иногда казалось Беслану, что дух Титанов, как и язык и нравы эллинов, вселился в дорогих его сердцу жигартинцев.

Пока в тревожных раздумьях Беслан прогуливался вдоль крепостной стены, день входил в свои права, и в крепости, и в Цабале все уже взялись за насущные ежедневные заботы. Пахари, в канун праздника с радостным расположением духа, прислушиваясь к несмолкаемому кукованию кукушек, прокладывали в поле борозды, крепко держа в руках деревянные ручки сохи и покрикивая на неторопливо тянувших соху волов. Женщины возились в огородах, заботясь не только о пользе, но чтобы и с виду грядки смотрелись ладно. Некоторые молодые люди рубили в лесах тонкие прутья – заготовки для будущих амхара – построек для молодоженов. Из кузниц раздавался звук молота, ударяемого о наковальню. Шумно было и у золотых дел мастеров, изготавливавших разные украшения для женщин. Не ленились и в расположенных возле суглинистых мест гончарных помещениях. Здесь лепили, обжигали множество изделий – от малых горшков для похлебок до громадных кувшинов для вина, которые зарывали в землю.

Оружейники изготавливали не только кинжалы, мечи, сабли, но и ножи, нужные в домашнем обиходе. Они закаляли клинки, насаживали на рукояти из рогов как диких животных, так и домашних. Любо было смотреть, как им удавалось довести рога до такого состояния, что мяли их, точно воск. Внутри же крепости мастера по оружию, кольчужники, занимались лишь оснащением защитников крепости. Оружие, шлемы, латы, кольчуги, щиты, снаряжение для боевых коней – все проходило через их руки. Сапожники тачали обувь для воинов. В крепости имелось достаточно просторное помещение, где собиралось множество мастериц. Одни чесали шерсть, другие – пряли нить, третьи на ткацких приспособлениях ткали столь плотное сукно, что если по нему разлить растительное масло, оно не пропитывалось насквозь.

Оживленно было и на широких дорогах Цабала, на возах везли поклажу, проезжали всадники, направляясь то ли в гости, то ли по делам. Словом, вершилась мирная жизнь. И Беслан, несмотря на свою славу несравненного военачальника, наблюдая мирное течение жизни, радовался, как никто другой. Несмотря на сомнения, одолевавшие его, на бесконечные заботы, он вдруг почувствовал могучее вечное дыхание бытия, точно выпил молодого красного вина «качич», и оно бодрящим теплом разлилось по всем жилам. Он заторопился к помещению с выложенным мрамором настилом. Когда-то оно было воздвигнуто римлянами, и здесь каждые десять дней проводились собрания правителей, почтенных представителей видных родов, военачальников, служителей храма. Каждые десять дней неукоснительно рассматривались все дела, требовавшие вмешательства достойных правителей, в том числе и жалобы. Те, на кого поступали жалобы, представ перед собранием, должны были найти себе оправдание или же понести наказание. Мраморный пол просторного помещения, где почтенные люди собирались для разрешения дел насущных, представлял собой занятное зрелище. Искусно выложенная мозаика на полу изображала основателей города Диоскура братьев Кастора и Полидевка, здесь же был запечатлен одномачтовый парусник, на котором эллин Ясон прибыл к колхам за золотым руном. С пола, как живой, смотрел Ясон, а рядом с ним – Медея, дочь царя колхов. Ради того, чтобы стать женой эллина Ясона, она помогла ему выкрасть святыню своей земли – золотое руно. Она же и погубила, пусть и невольно, брата Апсирта.

Вдоль стен этого занятого помещения стояли длинные лавки из цельных каштановых досок. Лежали толстые доски на каменных обтесанных подпорках. Посередине – длинный стол со столешницей из каштана, опирающейся на подставки, причудливо вырезанные из камня в виде переплетающихся толстенных плетей лозы. Возле стола распо-

лагались лавки, такие же основательные, как и стоящие у стен, но сработанные более искусно. Во главе стола место отводилось самым важным правителям. За их спинами стену украшали все виды оружия, которые только им были известны: мечи длинные, называемые римлянами спата, и короткие – гладиусы, так именовали их римляне, длинные копья для сражения в конном бою – рисы, кинжалы, пики, тесаки, лук со стрелами, щиты.

За столом каждому было отведено место, как было место и для чужеземных гостей, послов, вестников. За этим столом сживали византийские историки Прокопий Кесарийский и Агафий Миринейский. И до самых далеких потомков дойдут оставленные им записи о кавказских народах и более всего о стране абасгов. Время пощадило и часть записей почтенных историков о Цабале и судьбе рода Маршан.

Войдя в зал собраний, Беслан обнаружил, что здесь присутствует уже много людей. Здороваясь с ним, они, как раньше, особо не расспрашивали о самочувствии, и Беслан этому обрадовался. Из-за долго не заживавших ран его часто донимали вопросами о здоровье. Сегодня, Благодарение Богу, обошлось без того, видать, сочли его исцеленным. Собравшиеся пребывали в приподнятом состоянии духа. Сегодня они встречались по прекрасному случаю – приближалась Святая Пасха, и они были намерены обговорить, как провести празднество. Несомненно, канун праздника влиял на всех благотворно. Среди присутствовавших были и греки, не так много, как раньше, но были. По лицам потомков эллинов нетрудно было угадать их озабоченность событиями в Апсны или Абасгии, как именовали ее в Византии. Многие люди одной с ними крови уже покинули пределы Апсны, но здешние греки были из числа тех, кто не мыслил родиной иную, кроме этой, землю. Правители Цабала раньше зачастую и собрания свои проводили на греческом языке. Беслан, приветствуя ромеев, ощутил, что они холодны с

ним. Причину недовольства греков он прекрасно понимал – им не нравилась его близость к царю Леону, устроившему, как они полагали, гонения на их соотечественников. Между тем, внешнего различия между Бесланом и ими не было никакого. Он также прекрасно владел греческим языком, как и они, может, и получше – ведь они, в отличие от него, не получили образования в лучшей школе Константинополя, одет он был так же, как они, и понятия о чести у них совпадали, и молились общему Богу. Что еще?

Собрание открыл, как и повелось, владетель Цабала – Маршан Тапш-ипа Дашаныхуа. Он коротко остановился на незначительных событиях, произошедших за минувшие десять дней, затем обратился с просьбой к служителям храма, чтобы заранее оповестили, в каком соборе, когда будет идти служба в праздничный день. После того как выслушали священнослужителей, разговор принял неожиданный оборот, не имеющий касательства к подготовке к Пасхе. Заговорили о царе Апсны и предпринимаемых им шагах. Несмотря на то, что ораторы старались пощадить Беслана, несколько «стрел» достались и ему, как ближайшему соратнику Леона. Беслан отмолчался, только подумал: хорошо бы царю отказаться от приглашения и не прибыть в Жигарту. Видя настроения окружающих, он опасался непредвиденных событий. И сумеет ли он тогда защитить своего царя? Была еще одна тайна, мучившая его. Он знал, что его сестра Хицис и Леон любят друг друга. Если о том проведуют цабальцы – быть беде. Сам же он в глубине души желал породниться с Леоном, стать к нему еще ближе. После того, как неделю Беслан провел во дворце царя, стыдясь своей немощи из-за ран, но ликуя при мысли, что под одним с ним кровом ночует прекрасная Мрамза, заходит навестить раненого, и от ее присутствия и без того просторные покои дворца кажутся еще просторнее, и свет слепит глаза, он непрестанно грезил о сестре царя. Порой ему казалось, что неслучайно его ранили в том бою, неслучайно оказался в царском дворе,

неслучайно Мрамза, гостившая в Цабале, спешно вернулась домой. Во всем он видел замысел божий. «Если это так, Господи, укажи мне верную дорогу!» – молился он.

Когда все дела были обговорены, собравшиеся, уступая друг другу дорогу, по два, по три человека стали выходить наружу. Во дворе светило солнце, стоял весенний птичий гомон, за оградами дворов бегали белоснежные козлята, отобранные для заклания в день Пасхи. Юноши, готовившиеся к конным состязаниям в праздник, днями напролет возились со скакунами, кормя их особыми травами, называемыми конским цветом и конской муравой, чистили их, скребли, в густые гривы вплетали яркие лоскутки. Ожидались не только конные состязания. Юноши намеревались померяться силами в бою на саблях, в игре в камни, в стрельбе по мишеням из лука, намечались состязания и в беге, и в прыжках в высоту... А потешники, призванные смешить народ, уже примеряли медвежьи шкуры, изготавливали забавные маски.

Собравшиеся направились к коновязи, и тут же стремянные с разных сторон устремились к ним, чтобы оказаться возле коней, когда высокородные вденут ноги в стремена.

Беслан не поехал верхом. Переделав еще несколько незначительных, но не терпящих отлагательства дел, он вышел за ограду крепости и пошел пешком в сторону Холма пасек к своему дому. Стремяной на почтительном расстоянии вел за ним коня, чтобы по первому знаку подать его. Но Беслан любил долгие пешие прогулки. Ходок он был отменный. Завистники осуждали его привычку ходить пешком, подозревали, что он нарочно поступает так, как не принято среди родовитых юношей, мол, и здесь всем тычет в лицо, что слеплен из иного теста.

Спустя некоторое время он оказался близ густо заросшего кустарником склона холма, под которым пробивался родник, откуда окрест брали воду. До него донесся девичий смех, обрывки шуток. И тут же на дорогу поднялись девы

с кувшинами на плечах. Среди них была и сестра Беслана Хицис. Завидев брата, она смутилась, понимая, что занята не подобающим для высокогородной девы занятием. Беслан не считал, что она тем самым роняет себя, но родители такой простоты Хицис не одобряли, и он, слегка нахмурясь, дал понять, что не ожидал ее здесь найти. Из трех подружек, которые были с его сестрой, две были хазарки – их время от времени присылала в помощь семье кормилицы дочери Джарымхан-ханым. Хицис поставила у ног кувшин, ее примеру тотчас последовали подружки, и обезоруживающе улыбнулась брату. В который раз он подивился тому, как сестре удавалось одной лишь улыбкой снимать с него печали.

Невысокие ростом хазарки с длинными жесткими черными косами смотрели бесстрашным взглядом воительниц и улыбались. Здесь все давно отметили умение этих дев обращаться с конем, отвагу, смышленность. Их узкого разреза глаза цвета спелой ежевики, по слухам, будоражили местных юношей, как вино, и будто бы даже одну из них Баалоу Хезан намеревался вскоре взять в жены. Во всяком случае, оруженосцы и стремянной, на почтительном расстоянии сопровождавшие Беслана, застыли на месте, исподлобья любуясь хазарками. На боготворимую красавицу Хицис они из уважения к ее высокому роду не осмеливались бросить лишнего взгляда, хватало и осознания ее близкого присутствия.

При виде спутниц сестры, Беслан вновь вспомнил, что посланные к царю гонцы до сих пор не вернулись, и едва не справился у хазарок, не получали ли они каких-либо вестей из дворца в Псырдзхе, но сдержался, понимая, что это ему не подобает. Перемолвясь с сестрой несколькими незначительными словами, Беслан после того, как девушки взяли кувшины и двинулись по узкой тропе к имению, еще некоторое время постоял у груши-дичка, в чьей кроне запутался молодой ястребок, упустивший первую свою добычу. Он хотел дать возможность сестре и ее подругам не торопясь подняться домой. Беслан подумал, что наверняка вокрут

много разговоров о том, что хазар в Апсны расплодилось больше чем надо, вот уже их девы разгуливают по чужбине, как по собственным степям. «Раньше и про гречанок говорили то же самое, а теперь смотрят на них иными глазами, – подумал Беслан. – Пройдет время – и про хазарок будут говорить и думать иначе, если все не порушится в одночасье».

Той ночью наконец-то вернулись гонцы, отправленные Бесланом к царю. Поднятый на ноги Беслан, щурясь спросонья, с превеликим удивлением слушал их. Оказалось, что гонцов задержали близ города Акуа и держали их в башне-крепости у устья реки Келасур. Гонцам обещали, что вскоре все разъяснится и что речь идет о деле чрезвычайной важности. Обнаружилось, что ожидается прибытие из-за моря важных людей. Потом за узниками явился кое-кто из родичей Беслана и сообщил, что все они немедленно отправляются в Цабал. Гонцы попытались выяснить, кто прибыл морем и зачем, и кем велено им возвращаться в Цабал, исходит ли это от самого Беслана? Но на все расспросы им отвечали, что дома все им откроют. Так как силы были неравны, гонцам пришлось подчиниться, и вот они здесь.

Между тем челядь дома уже помогла расположиться в просторной комнате для гостей прибывшим, всюду уже зажгли свечи.

Среди неожиданных гостей, к своему изумлению, Беслан увидел мужа тетки Леона, того самого, кто был сослан в Византию из-за всего учиненного при приходе к власти Леона. «Обознался, видать, – решил Беслан. – Что ему делать в моем доме?» Но нет, это был он – носатый, краснолицый с вислыми густыми усами. На поясе незваного гостя висел большой кинжал. Он держался важно и безбоязненно, как человек, облаченный высокой властью. И Беслан подумал: что бы ни привело этих людей в его дом, закоперщиком, несомненно, является этот человек и никто другой.

После того как все расселись с соблюдением всех форм вежливости – кому раньше позволено сесть, кому позже, а

кому и вовсе не грех постоять, – воцарилось гнетущее молчание. Чем больше оно затягивалось, тем больше Беслан понимал, что предстоит важный разговор. Наконец, Мсоуст, среди прибывших самый старший из родичей Беслана, заговорил:

– В канун Светлого Христова Воскресения мы рады, брат наш достойный, видеть тебя во здравии... О заботе, что пригнала нас сюда, поведает тебе Хрипс-ипа Марытхуа.

Тот заерзал на месте, откашлялся и буркнул:

– Продолжай ты и далее...

– Пусть будет по-твоему, – не стал спорить Мсоуст, – наказ у нас один.

– От кого у вас наказ? – внезапно вмешался Беслан. – Спросить можно?

Они переглянулись. Неверный родич молодого царя Леоны пробасил, вращая бычьими глазами:

– Говорите же, дело у нас не тайное.

– Скажи сам, у тебя лучше получится.

Предложение продолжить слово он подхватил на лету, как плод с дерева, распрямил плечи, и гулкий его голос зарокотал:

– От кого наказ? От народа нашего! От той части, что в Византии пребывает, и от тех, кто здесь живет. Устали люди... Великая империя рушится, как от урагана. Имена толкающих империю в пропасть известны. Сегодня они бросают в темницы тех, кто хочет сохранить величие империи, гноят безжалостно. Но это сегодня их день, а завтра они за свои злодеяния поплатятся. И мне, безвинному, в ссылку путь указали, можно сказать, сдунули, как былинку в море. Но я не пропал и не гневаюсь на обидчиков. Отчего же, спросите? От того, что на многое у меня открылись глаза, многое увидел, как есть. Скажу тебе, Беслан, большой души ты человек, – с этими словами краснобай поднялся на ноги, – но тот, кому ты предан по чести своей, по величию сердца, поставил на край гибели нашу землю. Когда второпях его сюда присы-

лали из Византии да венчали на царство, благодетели никак не ожидали черной неблагодарности. Он, обласканный, изменил им, переступил через кровное родство, еще немного и столкнет лбами Византию и Хазарию, разрубит узы дружбы, родства... если его не остановить. У империи еще много верных ей до последнего вздоха достойных людей, они не могут стоять в стороне... Беслан, спасение нашей Апсны и покоя Византийской империи в твоих руках. Константинополь возлагает на тебя все надежды. Ни в родовитости, ни в доблести, ни в чем ты не уступаешь тому, кто сейчас властелин Апсны. А в мудрости, верности превосходишь.

Оратор оглянулся на одного из своих людей и махнул рукой. Человек развернул большой узел, который держал на коленях, высвободил пузатый сосуд из меди и поставил на стол перед говоруном. Тот продолжил плести вязь разговора:

– Содержимое кувшина – в помощь, лишь для начала, хотя золота в нем хватит на многое.

С этими словами он высыпал из сосуда на стол груды золотых монет.

– Определили мне цену? – со злой усмешкой осведомился Беслан.

Гнев душил его, но он старался держать себя в руках. Его ярость большей частью была направлена на людей одного с ним рода. Такого удара в спину он не ожидал. Не помышлял, что когда-нибудь он попадет в столь двусмысленное положение. Предложение было столь оскорбительным для его чести, что любая ответная мера показалось бы малой. Но несмотря на молодость лет, на внешнюю мягкость нрава, Беслан обладал крепчайшим мужским характером, умением управлять своими чувствами.

– Ссыпьте-ка монетки ваши обратно, нужды в них здесь не испытывают.

Его совету последовали сразу же. Родичи сидели притихшие, а неудавшиеся заговорщики опускали долу глаза, чтобы свою ненависть не обнажать.

– И отправляйтесь восвояси, хотя... – усмешка Беслана стала шире, – если вам главы негде преклонить, оставайтесь на ночлег. Не в постоянный двор забрели – в свободный дом, где путнику всегда окажут гостеприимство, будь он и неудавшийся торговец.

Заговорщики молча встали и потянулись к выходу. По их лицам видно было – все обиды они запомнят, при случае отомстят. Родня же Беслана не знала, куда глаза девать. Гонцы же, которые так плохо справились с поручением правителя, тихонечко улизнули под шумок, хотя понимали, что заслуженной кары вряд ли удастся избежать.

Беслан в ярости думал, что собственная родня да и все цабальцы теперь якобы жизнь готовы положить за империю. А ведь они вовсе не одобряли, что отец Беслана в свое время отправил сына на учебу в Константинополь. Да и по возвращении Беслана сколько было упреков, что старинные обряды отцов юноша подзабыл, зато в греческом преуспел больше, чем сами греки, и теперь глядит в чужаки. Нынче завели иные речи. Не впервые. Во времена Юстиниана тоже они звучали. В свое время Лев Исавр еще юношей с помощью византийского золота и хитроумия столкнул здесь на Кавказе аланов и бзыбцев. Когда же Лев Исавр возвращался назад через земли бзыбцев, они, обескровленные, открыли ему дорогу через перевал Санчара, но он предпочел идти по ущелью Дала. Там к нему присоединилась часть византийского воинства, состоявшая из местных греков и мисимиан. Удвоенной силой он ударил по крепости Цабал и выбил оттуда арабов, незадолго до того захвативших цитадель. Цабальские воины числом в 1300 человек сражались вместе с ним. После одержанной победы, обернув врага в бегство, Лев Исавр с войском спустился к побережью и вернулся в Константинополь морем. Цабальцы воздали ему все мыслимые почести. Верно, он избавил их от арабов, но ведь перед тем по его наущению столь жестоко расправились с их братьями, проживавшими в западной части Апсны.

Беслан учился прилежно. Он понимал, как много бед на Кавказе случалось из-за разобщенности, из-за междоусобных войн. Сегодня дошел черед и до него, решили ослепить блеском золотых монет, с вычеканенными лицами Домициана, Марка Аврелия, Юлия Домны, ослепить и направить против братьев. Поманить властью и подтолкнуть к предательству. Отступничество Беслана ослабило бы Леона. Вот что надо Византии. Перебежчики, подкупы, хитросплетения замыслов – всему этому в Константинополе находят лучшее применение. Сегодня попытка не удалась, но что они придумают завтра, где будут прорываться – никто не знает. Надо быть начеку.

На этот раз заговорщики добились обратного тому, что желали. Если у Беслана до того были сомнения в правильности выбора, теперь он знал одно: надо удвоить бдительность, укрепить армию, чтобы плечом к плечу с Леоном отражать натиск врагов. Он решил, что воспользуется и предстоящей поездкой в Жигарту для того, чтобы поговорить и с тамошней своей родней, взять с них слово, что при надобности они со своей сотней всегда придут на помощь. Еще он решил, что ратников надо искать и в отдаленных горных хуторах. В бою каждый воин дорогого стоит...

Почти всю ночь Беслан, не смыкая глаз, провел в размышлениях. На рассвете поднялся, призвал двух самых быстроногих гонцов и отправил в Жигарту с вестью, что ни царь Леон, ни он на сегодняшние празднества не придут. Гонцы умчались со стремительностью стрел и неожиданно скоро вернулись с сообщением для Беслана. Оказалось, что царь Леон пребывает в селе Бзана (теперь оно называется село Ачаа), где он выделил земли своим родичам, а это неподалеку от Жигарты, и он непременно приедет к ним в гости. Родичи просили поторопиться Беслана, чтобы он вместе с ними принял царя. «На то воля Божья», – подумал Беслан и быстро собрался в дорогу. В его собственном доме было оживленно. Уже прибывали гости, чтобы поздравить с Пас-

хой. На девичьей половине дворца не смолкали звуки веселья. Щебетали юные девы, пришедшие с поздравлениями к несравненной Хицис, стучались крашенками, угощались сладостями и заливались смехом от того, что были юны, беззаботны, от того, что выпала на Пасху великолепная погода. Просторный двор имения, весь покрытый желтыми одуванчиками, напоминал сотканный искусной мастерицей ковер, гудели пчелы, будто всем показывая, что место это не напрасно называется Холм пасек, что оно, прежде всего, царство пчел. Беслан вошел в гостиную, где уже принимали гостей его дяди и младшие родичи, и сообщил, что направляется в Жигарту. Так как чаще всего он на Пасху ездил туда, удивления это не вызвало, как и лишних расспросов. Когда он, уделив внимания гостям, выпив стакан-другой густого красного вина «качич», вышел из гостиной, Хицис, которая со стайкой своих подружек стояла в конце длинной веранды, почуввав, что он уезжает, с беспокойством посмотрела на него. Но он улыбкой и взглядом ее успокоил – «считай, что я дома», заглянул в покои матери, поцеловал ей руку, поздравив с праздником, она его благословила в дорогу и просила свою любовь передать родичам в Жигарте.

Возле ворот уже дожидались оруженосцы и соратники. Стремянной держал под узды оседланного коня Беслана. Без промедления Беслан и его спутники пустились в дорогу. Они спустились к реке Кудры. Здесь в самых узких местах в честь праздника были переброшены деревянные мостки. Возле мостков – праздник праздником, а бдительность бдительностью – стояли вооруженные охранники. Страна воинов, подумалось Беслану. У моста Беслан и его спутники спешили. Река бурно катила свои воды по ущелью, посверкивая бурунами, точно спинками форелей, которых в ней водилось множество. Ступив на мост, Беслан вспомнил, что, по семейным преданиям, один из его дедов застал однажды неукротимую реку «спящей», то есть в полной неподвижности. Дед успел сказать, пока зачарованная река

не «пробудилась»: «Сохрани мой народ на своей Родине». Пожелания, что успеешь высказать при виде зачарованной реки, непременно сбываются. Перейдя мост через Кудры, путники двинулись через каштановую рощу по кремнистой узкой дороге, что вела к горе Пскал. Верхом здесь ехать было несподручно, и они вели коней на поводу. Наконец путники поднялись на горное плато и, переводя дыхание, постояли и оглянулись назад. Цабальская крепость, сторожевые башни отсюда смотрелись весьма внушительно. Ведя коней в поводу, они добрались до храма на горе Пскал. Возле храма, как и внутри, в этот светлый праздник было многолюдно. Беслана и его спутников все приветствовали сердечно. Он вошел в храм, поставил свечу возле иконы Божьей матери, вознес молитвы, поклонился и вышел наружу. Из уважения к святому месту еще некоторое время он и его спутники шли пешком, а потом сели верхом и рысью направились вниз по склону к Жигарте. Когда въехали в село, отметили, что сердцевина его гудит от многолюдья, и Беслан решил, что царь уже прибыл. Так оно и оказалось. Он ненадолго опередил их. Сейчас Леон, в окружении почтенных людей Жигарты, намеревался посадить саженец орехового дерева, согласно обычаю, перенятому у греков. Еще одно место для другого саженца было подготовлено в ожидании прибытия Беслана. Увидев, что Беслан едет в сопровождении шестнадцати всадников, родичи его просияли. Они уже начали беспокоиться, что он запаздывает. Сразу поспешили сообщить царю о новости.

– Теперь я здесь хозяин, раз его опередил, пусть побудет гостем, – пошутил царь.

Новоприбывшие спешили и, обмениваясь с хозяевами приветствиями и поздравлениями с праздником, прошли туда, где царь стоял возле тоненького саженца, которое должно было вырасти в могучее дерево.

То, как приветствовали друг друга царь и Беслан, свидетельствовало об их близости, взаимопонимании, искренней

приязни. Присутствовавшие во все глаза смотрели на них, пытаясь убедиться, такие ли они не разлей вода, как о том гласит молва.

Оба они были хороши, как молодые боги, и даже чем-то схожи меж собой, только один был смуглокож, а у другого светлая кожа. На царе была искусно выполненная кольчуга с изображением орла на груди. Она не стесняла его стремительных движений и шла к нему лучше всякого наряда. И Беслан был одет как воин, хотя и не в кольчуге. Военная одежда и ему была к лицу, ладно сидела на его широких плечах, подчеркивала могучую стать.

Беслан взял в руки саженец, опустил в подготовленную для него ямку с взрыхленной землей и с ожиданием глянул на царя. Тот встретил улыбкой его взгляд и, приняв маленькую лопатку, стал закапывать корни саженца. Внезапно царь ощутил невероятную близость к этой земле, к людям, стоящим поодаль.

С благодарностью он подумал о тех, кто завел обычай сообра сажать деревья в честь добрых событий. Ему непременно захотелось, чтобы саженец прижился, и он старался как можно лучше его укрепить. Засыпав землей корневище, он еще ладонью прижал рыхлую теплую землю вокруг ствола деревца. Возле царя стояла длиннокосяя тонколикая девушка, держа наготове кувшин с водой. Он забрал у нее кувшин и сам полил саженец. Деревцо расправило листочки, и смотреть на него было приятно. Затем все прошли к тому месту, где был приготовлен для Беслана саженец. Как ни удивительно, но и Беслан, сажая дерево, как и царь, ощутил подъем чувств и ощущение своей неразрывности с этой землей.

Тем молоденьким саженцам суждена была долгая жизнь. Они вымахали в огромные орешины со стволами в десять обхватов, щедро плодоносили, но никто никогда не сбивал с них орехи палками, как обычно принято. Под ними собирали народные сходки, стояли здесь длинные деревянные лавки, на которых любили отдыхать старики, и сколько под

этими деревьями было рассказано легенд – не счесть. Когда же неумолимое время одолело даже эти орешины, то на их место посадили новые, потому как к этому времени место это почиталось святым и до сих пор оно памятно в Жигарте, и так будет всегда.

В тот день предстояло в Жигарте открытие нового храма. Построен он был на рукотворном возвышении. Прежде чем возводить храм, здесь подняли насыпь. Место уже получило название «ладное». Действительно, оно было равномерно округлым, выверенность его линий чем-то напоминала пирамиды из Египта. Дорога к нему была не прямой, она поднималась кругами и была вымощена известковым камнем. Ведомые владетелем Жигарты Тапш-ипа Алоу, гости двинулись к храму. Народ хлынул водопадом за ними. Чтобы увидеть царя Леона, люди спустились даже с самых труднодоступных горных поселений. Многие пришли пешком. Кони тех, кто прибыл верхом, были привязаны на отдаленных коновязях. Местные вознамерились и коней высоких гостей разобрать по дворам, но сказано было, что это не вяжется с безопасностью царя, и коней привязали неподалеку от храма на виду у всех. Народ расступался, давая дорогу царю и его окружению. Он шел посреди дороги, с двух сторон как бы замкнутый в живую ограду. Царя радовало, что лица людей светятся довольством. Не все девушки блистали нарядами, но почти все – стройностью стана, миловидностью лиц, а в каждом юноше ощущался прирожденный воин. Пожилые люди глядели с достоинством, присущим тем, кто наверняка знает, что они – хозяева и своей судьбы, и своего дома. Леон подумал, что его решение посетить здешних подданных было верным.

У храма гостей встретил настоятель с кадиллом в руках и крестом. Рядом с ним стояли другие священнослужители и монашенки в белых покрывалах. Одна держала в руках плоскую тарелку с куличом, вокруг которого пламенели крашенки. Особый поклон, как и подобало, настоятель отвесил молодому царю. Затем он воздал руку с крестом к

высокому жемчужно-голубому небосводу и благословил прибывших. Ему поднесли вертел с насаженным на него сердцем, печенью и легкими жертвенного животного, заклятие которого было приурочено к открытию храма. Священник, держа вертел с дымящимся мясом, вновь вознес молитвы. Затем гостям преподнесли крашенки. Они, как было принято, постукались остриями куриных яиц меж собой и вновь положили их на блюда, отведали по кусочку от предложенных сластей. Во главе с настоятелем, размеренно размахивающим кадиллом, они вошли вовнутрь храма. Он был сооружен из дерева и чем-то напомнил Леону корабль, в свое время нарочно построенный для того, чтобы отвезти юного царевича на учебу в Византию. Перед ликом Спасителя в золотом окладе царь осенил себя крестным знаменем. Настоятель прочел молитву, и густой его голос разлился под высокими сводами. Леон, Беслан и все, вошедшие с ним в храм, поставили зажженные свечи в витые высокие шандалы возле иконы. Запах свечей, ладана смешивался с запахом, исходящим от срубленных из каштана стен храма. Да и ветерок, залетавший под крышу постройки, нес ароматы горного разнотравья. И все это вместе окрыляло...

Через некоторое время царь со свитой покинул храм, но они не сразу спустились вниз к колышущемуся, как море, народу. Леон огляделся по сторонам, обошел со всех сторон округлую постройку храма, и все увиденное нашло в нем одобрение.

Вместе с настоятелем храма царь со свитой и владельцем Жигарты, наконец, сошли к народу. Личная охрана царя, оставленная внизу, облегченно перевела дыхание, когда царь вновь оказался в пределах ее защиты. Охрана состояла из хазар. Здесь, в Жигарте, хазары появлялись нечасто, и местные во все глаза смотрели на них, толкали друг друга со словами: «Смотрите, это царские дядья по материнской линии». Любопытство было велико, будто бы хазары из охраны и

впрямь были близкой родней Леона. Сами степняки, привычные к тому, что на них таращатся, и ухом не вели, озабоченные только тем, чтобы не спускать глаз с царя. Леон не стал держать речь перед народом. В светлый праздник Пасхи не речи царя, а молитвы божьих людей более уместны, полагал он. Но праздник предполагал и народные гуляния. Вскоре люди расступились настолько, чтобы освободить площадь. И здесь искусные наездники, долго готовившиеся к этому дню, выехали на площадь. Все залюбовались их стремительной джигитовкой. Потом устроили скачки вокруг горы. Юноши сошлись на площади в борьбе, затеяли бег наперегонки, состязались в стрельбе из лука по мишеням. Словом, за короткое время произошло много зрелищных событий. А немного в стороне от площади, где разворачивались все эти события, под яблоней, плодоносившей к зиме, на широкой скамье сидел сказитель Шаруан из поселения Сухой Кетуан. Он своим обликом напоминал сказочного Нарта Кетуана, а на апхьярце играл так, что равных ему в Восточной Апсны не встречалось. О Шаруане говорили, что струны его апхьярцы золотые, такими чарующими звуками они отзывались на его прикосновение. Седовласый и седобородый сказитель отличался завидным румянцем, а в глазах всегда прятал смешинку. Молодежь в нем души не чаяла и толпилась возле него. И сейчас он, с улыбкой глянув на них, произнес:

– Повторю вам то, о чем всегда толкую: не творите не богоугодных дел... За правдой идите по жизни... Чурайтесь лжи, не произносите слов обмана. Но коли придется слукавить, лукавьте умело, бывает, и ложь может добрую службу сослужить. Ведь и жизнь то ли сказка, то ли сон, то ли ложь... Только ежели это ложь, то складная – все заслушиваются. Верно говорю?

– И часто тебе приходится лукавить? – справился один из молодых людей из толпы, желая подзадорить сказителя.

– Мне? – удивился Шаруан. – Честно скажу, приходилось раза два отступить от правды. Хотите, и сейчас вам

расскажу вкратце байку, не совсем правдивую, но все, что там происходило, случилось со мной.

– Расскажи, расскажи, просим! – зачестили и юноши, и девушки, теснясь вокруг Шаруана.

– Раз просите, слушайте. Однажды отправился я пригнать с побережья свой табун. Прихожу на место, глазею по сторонам – коней моих не видать. Вбил я свой посох в землю, вскочил на набалдашник и заметил: вдали пасется мой табун. Добрался я до него, глядь – кобыла ожеребилась. Взял я жеребенка на руки, сел на кобылу и погнал, было, табун домой. Но кобыла моя – ни с места, трудно ей везти меня с жеребенком, только ведь ожеребилась. Пожалел я ее, взял на руки, а сам сел на жеребенка, и мы резво поскакали домой. Только думаю, напою-ка я свой табун морской водицей, да гляжу – море замерзло. Я камнями старался разбить лед концом посоха, а он не поддавался, разгневался я, разбежался и прыгнул головой вниз в море. Лед разлетелся во все стороны, но голова моя застряла во льдах.

Молодежь рассмеялась, а стоявшие в стороне почтенные аамыста неодобрительно глянули на сказителя, глупости говорит, да еще при царе, но, заметив, что царь слушает байку с охотой, успокоились.

– Что же было дальше? – поторопил рассказчика кто-то из толпы.

– Что же было... Напоил я свой табун и погнал его в горы, сам по-прежнему ехал на жеребенке и кобылицу держал на холке жеребенка. Ехали мы проселком, одна дева сидела на крыльце своего дома и, наигрывая на ачамгуре, пела. В свою песню она вплела такие слова: тот молодец, что на жеребенке, до чего хорош, был бы он не безголовый – сгодился бы мне в женихи. Тут-то я и обнаружил, что забыл голову захватить. Пришлось вернуться к морю. Но голова моя намертво примерзла ко льду, тянул я ее и так, и этак, никакого толку. Нанял я двух волов и пытался с их помощью вытянуть голову, но как не погонял я волов, привязав к ним

толстый канат, которым я обвязал голову, дело не вышло. И вдруг вижу – летят две оси. Я – хватать – поймал их и сразу загнал под ярмо. А потом другой конец каната, привязанного к голове, приладил к ярму и со всей мочи хлестнул кнутом ос. Они взвились и вытянули мою голову. Отпустил я ос с миром, водрузил голову на место и пустился в обратный путь. И вижу: возле невыросшего орехового кустика сидит не родившийся еще зайчонок, я выхватил лук без тетивы, натянул стрелу, которой у меня не было, и, не послав ее в цель, сразил зайчонка. Взял я добычу и отправился дальше. Попался навстречу человек и говорит мне: «Если одаришь меня как вестника радости, передам тебе добрую новость». – «Ради доброй вести не пожалею зайца». – «У тебя родился отец!» Вот радости-то было! Я отдал зайца вестнику и поспешил домой. Дома отец лежал в колыбели, агукая. На радостях я подарил ему кобылицу и пожелал вырасти славным в роду человеком.

Слушатели засмеялись.

– Смейтесь, смейтесь, да дело разумейте, – сказал сказитель. – Не давайте уму и голове далеко друг от друга расходиться.

Сказитель посерьезнел и некоторое время сидел молча, потом взял в руки лежавшую на коленях апхьярцу золотистого цвета и задумчиво принялся перебирать струны. Все замерли, прислушиваясь к пронзительным звукам инструмента. Вскоре к завораживающей мелодии апхьярцы добавился высокий чистый голос сказителя, он пел:

Стальноусый смелый Нарджхоу
На коне своем волшебном
Мчался, пути не выбирая,
Через горы и долины,
А на мощной конской холке
Вез он Гунду, что прекрасней
Светлой Амзы в полнолуние.

Хоть не знает страха Нарджжоу,
Не смог он уберечься –
На Клухорском перевале
Был сражен проклятием черным,
Превратившись в мертвый камень,
Со своею дивной ношей.
Вот пришел герой Сасрыкуа,
Замер перед изваяньем,
Все отдать готов, чтоб вырвать
Гунду из объятий камня,
Но не сладить и Сасрыкуа
С силой страшной заклинаний,
И побрел герой обратно,
Голову в тоске повесив:
Велика печаль Сасрыкуа,
Не вмещает ее небо,
Круг земной печали тесен.
Как он скажет братьям-нартам,
Что сестру свою оставил
В холодной каменной темнице
На Клухорском перевале?

Длинное сказание, повествовавшее и о гибели героя из героев Нарта Сасрыквы, о несравненной его сестре Гунде, опечалило многих. Царь захотел выслушать сказителя до конца, и хотя Беслан и ранее слышал это сказание, заново переживая его рядом с Леоном, вспоминал и о своей сестре Хицис, которая была дорога его сердцу не менее, чем Гунда Нарту Сарыкве. Да еще всплыло в памяти гомеровское: «Раздвинулись звезды...». Великий эллин тоже прославлял ахейцев под музыку, только пел под кифару. Леон также вспомнил о Мрамзе, о том, сколь глубоки и чисты сестринские чувства.

Сказитель, заметив, что слушатели загрустили, не желая печалью продолжить светлое празднество, чуть повреме-

нив, заиграл плясовую. Молодые люди не замедлили пуститься в пляс. А владетель Жигарты пригласил Леона и его свиту в дом. Народ опять образовал живую ограду с двух сторон, и по стезе меж ними Леон, Беслан и приближенные пошли ко дворцу владетеля. На расстоянии за гостями стреманные веди коней. Люди не меньше, чем на самого царя, засматривались на овянного легендами боевого его коня Дулдула, любовались белоснежной мастью, статью, изгибом шеи. Рядом с ним выступал вороной Беслана, чьи лоснящиеся бока, гордая посадка головы не могли остаться незамеченными истинными ценителями чистокровных лошадей.

В ту ночь в доме рода Тапш-ипа в честь молодого царя закатили неслыханный пир. Не всем в округе это пришлось по душе. Но хозяева чествовали своего гостя со всевозможной щедростью. А когда царь покидал дом, ему преподнесли в дар белоснежную бурку, старинный меч, щедро отделанный серебром, и трех скакунов белой, как Дулдул, масти, только из местной породы.

После этого события не прошло и месяца, как по всей Апсны прокатилась ошеломляющая новость: царь Леон просил руки прекрасной Хицис и получил ее. Далеко не все и в роду Беслана Тапш-ипа приняли с радостью весть о сватовстве Леона. Те, у кого сыновья погибли, защищая Бзыбту, и вовсе не одобряли слишком тесного сближения с царем. А уж дальцы восприняли новость как вызов себе, и даже некоторое время вынашивали замыслы выкрасть прекрасную Хицис и выдать ее замуж за крупного византийского военачальника, или же кому-то из родовитых апсуа жениться на ней, лишь бы она не досталась царю. Но сами небесами Хицис и Леон были предназначены друг другу, и земные силы оказались не в силах помешать тому, на что была воля Божья.

III

В ту пору, о которой мы рассказываем, только что была возведена на горе на берегу Гумисты мощная крепость, которую позже стали именовать Уаз-абаа (крепость Горечи). Развалины ее сохранились по сей день. В округлом помещении крепости с одной-единственной, но крепко сложенной сторожевой башней, все еще пахло известью. Свет тускло проникал сквозь бойницы. В помещении стояли наспех сколоченные широкие лавки. В твердыню еще не доставили ни оружия, ни провианта. О том, что она полностью возведена, пока мало кто знал. В ту пору по велению Леона по всей Апсны строилось много таких крепостей, которые могли бы стать неожиданной преградой врагу. Задумав устроить тайную встречу с самыми верными родовитыми людьми Апсны, Беслан и Леон выбрали будущую Уаз-абаа именно из-за того, что она еще как бы пребывала в тени и для тайных переговоров годилась как нельзя лучше. Необходимость в такой встрече оказалась очевидной после ночных «гостей», посетивших дом Беслана. Измена раскидывала свою паутину. На встречу из Жигарты был впервые приглашен старший брат Беслана Тапш-ипа Алоу. Были два высокочтимых аамыста из Цкыбын, сюда была звана знать из Абжакуа, Гумисты, Эшеры, представители проживающих по эту сторону реки Эгры, поселения, именуемого сейчас Агубедиа, несколько родичей Леона из Псырдзхи. Охвачены были и Дал, Цабал, и родственные племена, населяющие земли по другую сторону родимых гор. Из Аквы, города, названного греками Себастиополисом, должен был прибыть лишь один человек, но такой, чье слово много значило не только в самой Акве, но и по всей Апсны. Также на встречу были званы еще четыре крупных государственных деятеля, в свое время немало потрудившихся в Константинополе на благо Империи, но затем пожелавших осесть в Апсны, откуда они были родом. Присутствовать должны были и несколько хазар,

близких по крови Леону. Без участия хазар он не проводил ни одного совета. Таким образом, как ни старались ограничить число участников тайной встречи, собиралось не менее тридцати человек. Приглашенных на секретный совет поджидали у дорог вооруженные молодые люди и проводжали их через самшитовый лес узкими звериными тропами. У подножья горы, на которой стояла крепость, гостей просили спешиться, коней передавали конюхам. Те заводили верховых лошадей в развалины крепости под горой, там привязывали и далее о них заботились. А гостей – к каждому из них был приставлен проводник-воин – вели малоприметными тропами к крепости.

Сегодняшняя встреча должна была пройти наподобие заседания сената. Во всяком случае, она являлась частью новшеств, введенных Леоном. Он хотел, чтобы этот совет стал разговором равных родовитых аамыста о судьбе единой страны. Само слово «аамыста», когда-то занесенное сюда из Египта, здесь стало залогом не только родовитости, но и благородства, ума, верности. Леон, когда еще учился в Константинополе, не раз слышал и читал о советах египтян аамыста с участием самих фараонов, которых в Аписны именовали «афрауаа». Леон и лично посетил Египет. Он побывал в главном египетском городе Каире, постоял на берегу могучей реки Нил, с большим вниманием осмотрел, как египтяне отводили воду из щедрой реки для орошения своих земель. Его восхитили зодчие Египта, но и те, кто разводил пчел или пас тучные стада, заслуживали всяческого внимания. Он побывал у оружейников. Древние египетские мечи кхопеши и в целом снаряжение воинов произвело на него большое впечатление. В ту пору египетские ткани славились повсюду, и Леон не мог не зайти и к ткачам.

Но за время пребывания в Египте он неотступно думал о том, что в свое время эта держава вела непримиримые войны для того, чтобы завладеть землями древних хеттов, которые отошли позднее Византийской империи. Леон бывал в

Восточной Анатолии (сегодня – территория Турции), видел развалины крепости хеттов и сохранившееся сооружение, называемое «Царскими воротами». Ворота были сложены из камней, и на них был вырезан лик Господа. Они были высоки и столь широки, что одновременно в них могли войти шесть верблюдов...

Привольно раскинувшееся меж Черным и Средиземным морями царство хеттов не давало покоя соседним государствам. Известно крупное сражение у города Кадеш меж хеттами и египтянами. Последними в ту пору правил Рамсес Второй, а хеттами – царь Муватали. Хотя поле боя осталось за египтянами, они были так жестоко потрепаны противником, оснащенным великим количеством боевых колесниц, что вынуждены были вернуться не солона хлебавши в Египет. Но со временем два этих соседствующих государства стали сближаться, четырнадцать лет спустя после битвы у города Кадеш они подписали мирный договор. Позже заключали меж собой венценосные браки и пришли к добро-соседским отношениям.

Но хетты все равно оказались стерты с лица земли, если не считать руины когда-то ими воздвигнутых сооружений. Сохранились еще записанные иероглифами на папирусах сведения о хеттах, о чем тогда не мог знать Леон. Но он часто задумывался над планидой хеттов, на чьей земле так вольготно чувствовали себя греки, устанавливали собственные обычаи, поклонялись своим богам, хранили как зеницу ока вкус родного языка. Леон, печалась о трагической судьбе сгинувшего народа, думал над тем, что такая участь может постичь любое из человеческих племен. Он понимал, как важно, точно ладью меж Сциллой и Харибдой, провести свой народ меж бурь и опасностей жизни, чтобы сохранить его, уберечь от страшной участи того государства, о существовании которого свидетельствуют лишь развалины крепостей да малая толика записей в архивах.

Однако вернемся к тому дню, когда в новой крепости Леон созвал встречу доверенных аамыста. Многие из них недоумевали, почему именно эту крепость выбрал Леон, могли бы встретиться в куда более известном и удобном месте. И сам Леон не бывал здесь после того, как строительство завершилось, и потому он перед началом встречи осмотрел крепость. Царь остался доволен тем, что отсюда хорошо просматривалась дорога вдоль течения реки Гумыста – излюбленной тропы захватчиков. Теперь от внимания наблюдателей с дозорной вышки нового укрепления не могло укрыться продвижение неприятеля. Когда Леон, сопровождаемый свитой, вошел в помещение, где плечом к плечу сидели приглашенные, все, приветствуя его, поднялись со своих мест.

– Прошу вас, садитесь, – вежливо проговорил он, зорким взглядом окидывая собравшихся, и прошел к своему месту во главе стола. Усевшись, он вновь внимательно присмотрелся к присутствующим и убедился, что на встречу прибыли все званые. Будто бы угадав недоумение некоторых из-за выбора места для совета, Леон прежде всего сказал следующее:

– Мы могли бы встретиться и во дворце в Псырдзхе, в Гагрипше или Акве. Я был бы рад столь достойных людей принять в своей вотчине. Но говорят, что и у деревьев есть уши, а у стен дворцов они особенно велики. Не то, чтобы я не доверял своим подданным, но и самого Спасителя Иисуса Христа предал один из его двенадцати апостолов... Посему наша встреча здесь оправдана. Если же, не приведи Господь, и среди нас затесался изменник, то я не завидую его участи. Мы собрались здесь не для выражения преданности царю, а для решения судьбы Отечества, да будет на то воля Божья. Сегодня страна наша в опасности, и опасность зреет изнутри. Есть люди, не желающие видеть нашу родину единой, сильной, могучей. Они тянут в свою сторону, заботятся о собственной выгоде и готовы попать ради

этого благополучие всей Апсны. Они хотят сделать меня, вас заложниками собственных интриг, предательств...

Собравшиеся пока молча внимали царю, стараясь угадать, куда он клонит. Аамыста постарше, возможно, раздумывали над тем, что следует ли им, убеленным сединами, слушать наставления юнца, как откровения. Но необъяснимое, однако могучее притяжение молодого царя было столь велико, что они невольно подпали под обаяние его силы. Необъяснимая власть Леона над людьми и заставила многих из присутствовавших, которые мнили себя ничуть не ниже царя, а ратью обладали куда большей, принять приглашение и появиться здесь. Чтобы собралось столько могущественных людей для решения общего дела – подобного еще не случалось. Но каждый из них ощущал судьбоносность встречи. Хотя существовало много противоречий меж собравшимися здесь владельцами удельных земель, ощущение лучшего будущего, как теплый ветерок с побережья, оведало их души. Казалось, неспроста среди бела дня, когда светило стояло посреди неба, в крепости запалили свечи, и при колеблющемся пламени лица представлялись загадочными, а слова царя вескими, будто сами небеса говорили его устами.

– Вам, достойным из достойных, известно, как отечеством нашим пытаются завладеть чужеземцы. Как свора собак на кость, накидываются они на него. Их не остановить, пока мы разобщены, пока смотрим в разные стороны и не хотим сплотиться в единое целое. Среди нас есть люди, не желающие, чтобы мы стали сильным государством. Мы стремимся выйти из-под гнета империи, они же делают все, чтобы глубже нас загнать под него, заставить еще ниже склонить головы, служить не своей стране, а процветанию чужой земли. Это они, находя понимание в метрополии, пытаются с помощью имперского золота, вероломного слова, играя на наших слабостях, на нашем недоверии друг к другу, столкнуть одних с другими, склонить к измене верных нам людей. Сегодня мы хотим услышать ваше слово,

уповаем на открытый разговор. Да удастся наметить нам цель нашей жизни и найти пути к ее осуществлению. Кто хочет высказаться?

Неожиданный вопрос царя застал слушателей врасплох. На некоторое время воцарилась тишина. Потом раздался голос Шарытхуа-ипа Кастея. Это был человек гигантского роста, один из тех, кто недавно еще служил в Константинополе и дослужился до высоких чинов.

– Прошу прощения, что первым принимаю предложение высказаться, но поскольку я довольно долгое время пребывал в Константинополе, полагаю, смогу кое-что полезное для вас рассказать. То, что происходит в Византии, эхом отзывается у нас, посему политические распри в Константинополе не могут оставить нас равнодушными. Сегодня империя в трудном положении. Противников молодого императора не счесть. Они винят его в том, что колонии хотят отложиться. А самый большой грех Льва Хазара в том, что он занят, как его дед и отец, иконоборчеством. Идя по их стезе, он издал указ с требованием вынести из храмов изображение ликов Бога и Богоматери, а земли, принадлежавшие соборам, урезать. Это вызвало великую смуту. Разумеется, нашлись и те, кто поддержал указ императора. Они кинулись грабить золото храмов и захватывать их земли. Так они могут и вовсе остаться без земель.

– Нас более волнует судьба нашей отчизны, нежели земли под эгидой византийских храмов, – проговорил царь.

Замечание царя сбило с намеченной стези Шарытхуа-ипа Кастея, но он совладал с собой и продолжил речь, хотя и без прежнего пыла:

– В Константинополе ведают о нашем намерении отложиться от метрополии. И многих больше всего заботит то, что страна наша опять попадет в кабалу к иноверцам – то ли к арабам, то ли к персам, не раз мечом и огнем проходившим по нашим владениям.

– Не быть тому! – вмешался вновь царь. – Ни под чью руку мы не пойдем отныне, присно и во веки веков! Мы вправе быть свободными на своей свободной земле.

– А удастся ли? – осведомился один из аамыста, сидевший по правую руку от оратора.

– Удастся! А кто сомневается, того не принуждаем занять место рядом с нами, пусть уходит с Богом и без обид.

Леон полагал, что на совет пригласили самых надежных аамыста. Речь бывшего константинопольца не пришлась ему по душе. Он усомнился в том, достоин ли доверия сей человек. И он недовольно глянул в сторону приближенных, кому было велено пригласить на совет людей, достойных доверия.

– Кто еще скажет слово? – осведомился царь.

На этот раз тишина длилась еще дольше. Молчаливо решали, кому заговорить следующим, чтобы восстановить нарушенный предыдущим оратором порядок – ведь полагалось соблюсти старшинство. Стало очевидным, что высказаться предстоит высокородному аамыста Едрыс-ипа Шарытхуа. Он был самый старший здесь и самый видный. Он сидел, поглаживая пышные усы, свободно закинув одну ногу на другую. Почувяв, что ему предстоит говорить, он выпрямил спину и, глядя прямо в глаза царю, повел следующую речь:

– Углубляться в долгие сказания о нашей жизни не с руки. Но нельзя обойти молчанием то, что положение жителей побережья Апсны особенно незавидное. Судите сами. С греками издавна у нас сложились добрые отношения. Отсюда с наших земель они отправлялись на битвы с персами, арабами. И когда римляне взяли верх, и с ними мы находили понимание, из-за чего много нареканий навлекли на свои головы от братьев с Бзыбты. Хотя во всех их тяжких столкновениях с ромеями мирными посредниками приходилось выступать нам. Улаживали мы недоразумения и межчужаками и дальцами. В награду же нас нарекали предателя-

ми, и сколько раз мы оказывались на краю гибельной вражды с близкими нам по крови людьми – не счесть. Сколько раз мы слышали: «Вы распахнули ворота своих крепостей грекам, пустили к себе». Да, это так. И сегодня у нас пребывают греческие воины, и часть их боевого снаряжения хранится у нас. Сколько раз неизвестные люди нападали на воинов-греков, угрожали им, стращали и намекали, что виной всех их бед выступаем мы. Да, велико было желание недостойных людей сравнить нас с греками. Как вам известно, и по сегодняшний день в Лазике близ устья реки Риони в крепости расположены значительные силы ромеев. До нас доходят слухи, что лазы, недовольные событиями на нашей земле, подбивают византийскую рать захватить нас. Вы знаете и о том, что в свое время, вероломно обойдясь с нами, лазы натравили на нас персов. Но хуже всего то, что подтачивает изнутри. Верно заметил светлый наш Леон, есть и в самой Апсны люди, способные и сами предать, и иных склонить к измене. Не лучшие наши сыновья, верно, недоноски, без чести и совести. Наш долг – выявить их и поступить с ними, как того заслуживают изменники, подвесить за ноги... – так неожиданно резко закончил свое слово Едрыс-ипа Шарытхуа.

Долго молчавший Тапш-ипа Беслан заговорил, как ему было свойственно, негромко. Но и в мягком звучании его голоса угадывалась сокрытая могучая сила, как она угадывалась в широкоплечей его осанке и даже в открытом юношески взоре.

– После сказанного высокочтимым Едрыс-ипа Шарытхуа мало что можно добавить. И в седую старину не след вторгаться, но и жить без оглядки на прожитое редко кому удается. Вглядевшись в наше прошлое, мы можем узреть, что многим бедам дорогу в свой дом показали мы сами. Каждый владетель думал только о своем, друг с другом жили, как кошка с собакой. Скажите, когда нам удавалось всем вместе подняться против общего врага? А ведь род-

ством мы связаны тесным. Но мы разрывали самые тесные узы, не замечая, что кровью истекаем. Верно, ромеи находили у вас пристанище, высокочтимый Шарытхуа, да принять мне смерть раньше тебя. А оттуда набегали сюда на Цабал. Нас, цабальцев, они хотели превратить лишь в заслон, в сторожей Клухорского и Марухского перевалов, чтобы оттуда не проникли арабы или персы, не нарушили бы их мирного житья на побережье. Нашим дедам не по душе было жизнью платить за покой ромеев. И случалось, ничего не скажешь, они сами призывали сюда то арабов, то персов. А в пятьсот пятидесятом году лазский аамыста, собачий сын Тердет, разгневавшись на царя колхов Губаза, тайно связался с персами, предал и наших дедов, да привел рать персов к цабальской крепости. Предводитель войска персов пленился красой несравненной жены владетеля Цабала и насильничал ее, за что цабальские Амаршан порубили не только самого насильника, но и всю его армию. Цабальцы тогда решили навеки отмежеваться от колхов. Но Губаз, будучи по крови апсуа, собрал множество почтенных людей и явился в Цабал мириться, свалив всю вину на предателя Тердета, грозясь поймать его и шкуру с него спустить. Ему удалось помириться с цабальцами. Но сколько бед, подобных этому, обрушивалось на головы дальцев и цабальцев – тому нет числа. А сколько раз арабы предпринимали попытки превратить Цабал и Дал в проезжие дороги для своей армии, чтобы сподручнее было отсюда нападать на хазар?

Но дело не в арабах, не в персах или ромеях. Дело в нас самих. Покуда у нас есть тердеты, покуда смотрим в разные стороны и на земли братьев приводим чужаков, не видать нам доброй жизни, не набраться мощи. Только единение – путь к спасению. Здесь об этом уже говорилось. По моему разумению, мы должны обговорить дальнейшие наши дела и в первую голову – составить список неверных людей, и тот, кто заслужил самую страшную кару, должен быть наказан. Затем мы все должны увеличить число воинов, находящихся под нашей

рукой, усилить их вооружение. Сообща будем обучать молодых ратному мастерству. Во главе всех наших воинов должен встать сын Рамзыца Леон, и только он один. Речь сейчас идет о судьбе Отчизны нашей. Чтобы не обнаружилось среди нас отступников – как напомнил свет наш Леон, даже среди апостолов Христа оказался предатель, – предлагаю всем дать клятву верности друг другу и делу, ради которого мы здесь собрались. Скрепим клятву кровью. Смешаем капли нашей крови и будем, пока дышим, верны общей крови.

Горячая речь Тапш-ипа Беслана заставила многих призадуматься, и сам царь некоторое время сидел, опустив долу очи, в глубокой задумчивости. Пламя свечей отражалось на его кольчуге, она мерцала и переливалась, приковывая к себе взоры.

– Намерен еще кто-нибудь говорить? – спросил царь, выйдя из глубокой задумчивости.

Желающие нашлись, высказались все пришедшие на встречу. Все хотели видеть страну сильной и могучей и готовы были в том поддержать царя. Сомнения у многих вызывало другое: надо ли отходить от империи, из которой сюда шел и свет образования, да и вера была едина? К тому же и царь обучался в Византии, уж не говоря о том, что состоял с императором в близком родстве.

Царь лишний раз убедился, что даже среди тщательно отобранных, верных его начинаниям аамыста есть еще много сомневающихся в том, что сделали правильный выбор. Привлекательность Византии для них весьма велика. И против нее вряд ли они готовы выступить с ним плечом к плечу.

– Много горечи сегодня вобрали в себя стены вновь построенной крепости (с того раза ее и прозвали крепостью Горечи – Уаз-абаа). Еще больше горечи могу привнести и я, если поведаю, сколько раз в крови купали мою вотчину во времена того же шах-абасса Хосроя Аноширвана или византийского императора Юстиниана. О них вы сегодня вскользь упомянули, жалуясь на жестокое обращение с вами. Но я остановлюсь на другом: мы с вами не одиноки в

своих бедах. Эти страны жестоко расправлялись и с Картли, и с Лазикой... Но ничего не меняется. И сегодня, как некогда, кто-то гибнет, защищая родную землю, а кто-то становится перебежчиком и летит в стан врага. Да, с помощью Константинополя я взошел на трон, но взошел не с завязанными глазами и запечатанным ртом, и никто не заставит меня молчать о том, что вижу. А вижу корни всех наших бед не только в Константинополе или в стране персов или арабов. Все три силы рвут нас на части. Да вершат они свои дела с помощью наших глупцов. Руками глупцов не только змею ловят, случается, и судьбы царств решают. Но пришла пора положить сему конец. Мы дошли до той черты, за которой – крах. Прежние наши беды покажутся забавой, если мы сегодня разойдемся, ни к чему не придя, не избрав общего пути. А определив его, обратимся к каждодневным заботам, где главное место займет наращивание ратной силы нашей, на то уже указал Беслан.

Говоря все это, царь, по своей давней привычке встав с места, медленно прохаживался вдоль стола. Но когда слово было сказано, он занял прежнее место.

Ненадолго воцарилась тишина. Теперь должны были перейти к приношению присяги на верность царю и предложенному им пути. Царь ждал этого часа с волнением, понимал: сейчас станет ясно, на кого можно опереться. В это время в помещение ввели святого отца, доставленного из самой Псырдзхи. Все встали, приветствуя священника. Многие из них не знали, что он должен был прибыть, и ошеломленно смотрели на святого отца, приветливо поклонившегося им, отвечая на приветствие. И священник выглядел немного растерянно, пребывая в неведении, какую цель преследовал любитель всяких новшества царь, призвав его подняться в эту малодоступную крепость.

Священнослужителя, оказывая ему все почести, усадили первым, а потом уселись остальные. Повисла глубокая тишина, которую нарушил царь, обратясь к святому отцу.

– Просим прощения, святой отец, за доставленные неудобства. Но сегодня здесь состоялся важнейший совет. На нем мы решили присягнуть на верность отчизне и друг другу. Но без твоего благословения, столь проникновенно обращающегося к слову Божьему, наша встреча была бы неполной. Только осознание, что сегодня мы избираем судьбоносный путь, заставило затруднить тебя.

Священник, глубоко прочувствовав услышанное, поднялся на ноги и невольно прикоснулся пальцами к кресту, надетому поверх сутаны. Два его молодых помощника с курчавыми рыжеватыми бородками, с длинными по плечи волосами, зорко следившие за священником, лишь по движению глаз поняв, что требуется, поднесли ему кадило, источавший запах ладана. Все поднялись на ноги. Царь подошел ближе к святому отцу, обернул лицо к востоку и звучным голосом произнес:

– Обращаюсь к тебе, Господи Боже, Творец всего сущего, укажи нам верный путь, отпусти грехи наши невольные. Беру Тебя в свидетели, присягая на верность своей земле и соратникам. Клянемся собрать воедино всех братьев своих, где бы они ни жили, в горах ли, на побережье ли, в низинах ли. Отныне единой семьей мы встретим и радости, и горести, во всем поддерживая друг друга. Очистимся от скверны, отныне не допустим измены, отступничества. Если же кто клятву нарушит, не будет пощады ему от нас, да отвернутся от него и небеса. В том присягаю перед Богом и соратниками.

– Присягаю! Присягаю! Присягаю! – подхватили на разные голоса присутствовавшие.

Леон выхватил из ножен кинжал и острием его проколол кончик среднего пальца левой руки. Соратники последовали царскому примеру. Затем по старшинству они подходили к царю и прижимали свои кровоточащие пальцы к его пальцу, смешивали кровь.

Святой отец удивленно наблюдал за происходящим, не зная, как к этому отнестись, и уместно ли здесь христиан-

ское благословение. Но в словах царя звучала такая глубокая вера, такая искренность, что священник, отбросив сомнения, певучим голосом затянул по-латыни: «*Uenite exultemus Domino!*» (Восславим Господа Бога нашего!)

Святой отец осенил себя крестным знамением и, размахивая кадиллом, стал обходить присутствующих, благословляя их.

Спесивые аамыста, и те оказались столь захвачены происходившим, так прочувствовали значимость события, что на миг и недостроенная, пахнувшая сырой кладкой крепость померещилась невиданной красоты дворцом. Осознали и судьбоносность для Апсны этой встречи и то, как много значит клятва, скрепленная кровью и благословенная крестом. Какой грех ее нарушить и какой позор для всего рода изменить ей.

IV

Когда-то после крушения римской империи император Константин Первый в маленьком местечке Византии заложил основы новой столицы ромеев. И что же? Миновало не так уж много времени, а границы Византии раздвинулись невероятно. Столица получила имя ее основателя и еще лестное определение: Новый Рим. Хотя Византию большей частью населяли греки, их стали называть ромеями, да и они сами тоже так себя именовали. Что касалось апсуа, то они звали их и так и сяк – то греками, то ромеями. Вся восточная часть рухнувшей империи римлян вошла в Византию, а это и Балканский полуостров, и Малая Азия, все побережье Эгейского моря, Иерусалим, Палестина, Египет, острова Крит и Капри, Месопотамия и многие иные земли. С севера ее границы доходили до дельты реки Дунай при впадении в Понт Эвксинский. С востока она граничила с Иберией и Персией. Южные ее границы доходили до самого Красного моря, до страны Абиссинии. На Западе – про-

стираясь вдоль великой ливийской низменности, упиралась в страну Киринаик. Нетрудно представить, сколько разноразличных племен, народов, земель объединяла Византия. Сколько обычаев здесь блюлось, исповедывались тайно или явно иные веры. В ту пору, о которой мы повествуем, империя бурлила, и в колониях зрели настроения отложиться от зашатавшегося колосса. На кавказском побережье первыми «созрели» апсуа и близкие им адыгеи. Нельзя сказать, что многочисленные колонии Византии до этого не предпринимали попыток уйти от метрополии, но все это жестоко подавлялось Константинополем, надолго отбивая охоту к вкусу свободы. Царь Леон, возвращенный на истории и культуре Византии, прекрасно был осведомлен обо всем, что происходило в империи, и осознавал, сколь тернист выбранный им путь, но был полон решимости объединить свою страну, выйти на стезю независимости, сохранить суть своего народа. И после присяги, принесенной аамыста в Уз-абаа, тревожное настроение не оставляло никого в Апсны. Земледельцы или простые горожане не могли знать всего, что происходило в верхах, но, занимаясь обыденными делами, верша ежедневные заботы, они задавались вопросом: что принесет грядущий день и надолго ли мир воцарился в стране? Делу возвышения Апсны, ее объединению служило немало людей, отдавших себя на осуществление благородной цели отважного царя. Хватало и недругов. Некоторые аамыста, нетерпимые к любому другому мнению, кроме собственного, не признающие над собой никакой силы – благой или нет, не суть важно, – даже и слышать не хотели о каких бы то ни было переменах. К тому же они опасались, и небезосновательно, что их самоуправству придет конец, если царю удастся осуществить свои замыслы. Притом они не отсиживались молча в своих родовых гнездах, а мутили воду с намерением ослабить царя. Опираясь на вассалов и родню, противники перемен вили паутину заговоров, распускали всевозможные слухи, старались очернить спод-

вижников царя в его глазах. Они же отправлялись в Византию, чтобы вложить в уши императора Льва Хазара, и без того испытывавшего неимоверные трудности в управлении империей, что родич его царь Абасгии предал имперскую корону, что норовит отряхнуть прах империи со своих ног. А византийским сенаторам нашептывали о слабости императора, о том, что он не предпринимает никаких попыток, чтобы одернуть много о себе возомнившую колонию. С другой стороны двоюродный брат Леона Феодосий исходил злобой и разъезжал по Лазике и Картли, стараясь разжечь там ненависть к перехватившему у него корону Леону. Говорили даже, что Феодосий посетил крепость Фазис, где стоял гарнизон византийских воинов, и пугал тех, что если они не укрепятся, то потеряют не только Абасгию, но и Лазикю в придачу, а то и вовсе будут изгнаны с Кавказского побережья. Некоторые уверяли, что Феодосий перебрался к гуннам и там строит козни и, возможно, на плечах гуннов он ворвется в утерянную вотчину и вернет ее себе. Ходили и вовсе невероятные слухи, будто бы важные люди из Константинополя прибыли к Леону с предложением занять место императора Византии вместо Льва Хазара, по чьей слабости гибнет могущественная империя. И будто бы это предложение было сделано с коварной целью – удалить Леона из Абасгии, поманив его великими делами. А там расправиться с ним, как расправился греческий герой Геракл с Антеем, оторвав его от матери Земли.

Хотя Леон заметно ограничил общение с Византией, оборвать все связи с ней оказалось невозможным. Многие сообщались с метрополией, как и прежде. Они и разносили слухи по горам и долам. От добровольных эмиссаров люди узнавали, что соотечественники, издавна живущие в Константинополе и приобретшие там видное положение, сурово осуждают намерение Апсны отложиться от империи. Стало известно и то, что на недавнем заседании сената, где чрезвычайно остро обсуждался вопрос, связанный с малы-

ми народами, входящими в империю, выступил весьма известный ученый Феофан Абасгский. Он, проявив большое мужество и широту взглядов, горячо поддержал все народы Кавказа, а больше всего абасгов, к кому принадлежал по крови. Ученый уверял сенат, что начинания молодого царя Абасгии Леона, в конце концов, не только не нанесут вреда империи, но даже окажутся ей полезны. Там же, говорят, иной византийский чиновник, но тоже родом из Абасгии, предложил проект, согласно которому можно было сильно расширить права Абасгии и в то же время сохранить ее в составе империи.

Нашлись и непримиримые сенаторы, требовавшие немедленно отправить к берегам мятежной страны византийскую флотилию и наказать забывшуюся колонию. Назрела необходимость ее проучить, тем более для Византии подобные походы были не в новинку. Более всего выводило из равновесия Византию сближение царя Леона с Хазарским каганатом. Между тем с хазарами сама она поддерживала добрые отношения и даже направила по просьбе Барджил-хана своих зодчих в город Итиль, чтобы они там возвели такие же хоромы, какие каган видел в Византии. В Константинополе рассчитывали, что они теснее наладят отношения с Хазарским каганатом, сообщаясь с ними через побережье Кавказа, Дальское ущелье и Клухорский перевал, что значительно укорачивало путь. Но тут византийский выкормыш, кого сами они возвели на царство, повел себя дерзко и неблагодарно, решил и вовсе перекрыть дорогу из Византии в Хазарию, отгородиться от империи. Нападение на вотчину Леона византийских воинов было предупреждением царю. А он и это обернул в свою пользу, призвав на помощь дальцев во главе с Тапш-ипа Бесланом и сделав первый шаг к объединению страны. Попытка подкупа Беслана не удалась, а если бы и удалась, никто бы не поставил Тапш-ипа Беслана в Абасгии не только в качестве басилевса, но и архонта. В вероломные замыслы

империи входило убрать его при первой же возможности, ввести легион в Абасгию, поставить ее на колени, а наместником империи назначить какого-либо доверенного грека из Византии...

Разумеется, обо всех хитросплетениях имперской политики не ведал личный телохранитель и сподвижник царя, друг его детских игр Баалоу Хезан. Но многое чуял нутром, ибо по природе своей был смекалист, умен, а физически силен и стремителен, как барс. Последнее время в Апсны повсюду устраивали сходки, и Хезан старался побывать на многих из них, чтобы разобраться в настроениях людей, понять, кто куда клонит, по возможности открывать им глаза на необходимость преобразований, затеянных царем. В тот день Хезан для исполнения одного деликатного царского поручения оказался спозаранок в прибрежном поселении Эшкыт. Его сопровождали еще два всадника. На приморском лугу под громадным самшитовым деревом собралось немало людей. Они настолько горячо обсуждали какое-то событие, что не обратили внимания на Хезана и его спутников. Те спешили в сторону и, ведя коней на поводу, приблизились к толпе. До них донеслось:

– Он плоть от плоти от них, к ним и прислонился, нас же – побоку.

Так сокрушался державший речь старик.

– А мы надеялись на него, как на скалу! – простонал кто-то из толпы.

– Зарезал нас тупым ножом. И когда? Когда так нужна поддержка! – подхватил еще кто-то.

Хезан и его спутники переглянулись, пытаясь разобраться, о ком речь и чем он так насолил своим односельчанам.

– Прежде чем глотки рвать, задумаемся, а всю ли правду мы знаем! – подал голос какой-то уравновешенный, видать, мужчина.

– Знаем всю правду, как не знать, – заговорил скорбно опирающийся на посох старик, – но ведь и нам он родня, мать его – наша сестра.

– И что же говорит нынче мать? – раздался из толпы голос.

– Не дожидая она до этого дня, благодарение Богу, но позор сына и на том свете, небось, пронзил болью.

– Надо же, он громче всех кричал: «Пусть греки убираются к себе! Не след им ступать по нашей земле!»

– Кричал одно, сделал – другое.

– Зря, выходит, греки на него злились. Втайне-то на их мельницу воду лил.

– А может, они его зельем каким опоили? С них станется!

– Все едино – позора ему не смыть!

– Где же он сам?

– Никто его не видел, стыдно на люди показаться.

– Вдруг пустили о нем дурной слух, самого же убили?

Хезан, не вытерпев, дернул за рукав близ стоявшего молодого человека и спросил:

– О ком же речь? Что происходит?

– Не знаю, – коротко ответил тот и вновь обратился в слух.

– Мы его осуждаем, его же оклеветали и убили!

– Еще и вину на нас греки свалят, мол, взял сторону Византии, за то и поплатился.

– На нас всегда сваливают то, в чем мы не повинны.

– Одни строят, другие, свои же, разваливают построенное, в этом мы тоже не повинны?! Повинны, еще как!

– Говорят, и до царя весть об отступничестве дошла.

«Вранье, – подумал Хезан, – иначе бы я знал, в чем дело».

– И что же царь?

– Ваш изменник, вы сами и найдите на него управу, так отвечив царь.

Нескладно врут, решил Хезан, и вознамерился разобратсья, в чем дело. Он обратился к утрюмому мужчине средних лет:

– Да о ком же речь?

Тот удивленно воззрился на него, откуда же взялся недоумок, не ведающий о том, о чем все толкуют не первый день.

– О сыне ромея Чантамыре, о ком же еще?! – пробурчал он неприветливо.

Чантамыра Хезан знал. Отец того действительно был из ромеев. Более того, из его большой родни, проживавшей в Константинополе, некоторые являлись особами, приближенными к императору. Сам Чантамыр часто наезжал к своей родне в Константинополь, но неизменно возвращался в Абасгию, ибо со всем основанием на то считал, что здесь его дом. Люди любили Чантамыра за его добрый нрав, за отзывчивость. Если он долго отсутствовал, начинали скучать по нему и по его возвращении вся округа сбегалась заморские новости послушать, да и попросту поприветствовать человека, чье возвращение в радость. В Уз-абаа он был с аамыста из Эшеры и принес клятву верности царю. Хезан был сбит с толку. Он не мог понять, что же такого натворил любимец Эшкыта, и когда все это случилось.

Между тем толпа гудела, ярилась, и по обрывкам фраз Хезан сумел восстановить целостность произошедшего события. По разумению толпы получалось, что сын ромея Чантамыр прибыл в Константинополь, более того, выступил даже в сенате с предложением, чтобы византийцы не только не покидали пределов Апсны, а наоборот, заселяли бы как можно плотнее. Некоторые даже уверяли, что сын ромея Чантамыр изложил на пергаменте свои соображения, как земли апсуа отдать ромеям, и подал в сенат, и будто бы для охраны столь важного для Константинополя человека выделили целый десяток воинов.

«Бред какой-то, – подумал Хезан. – Однако не позавидуешь Чантамыру – попробуй, докричаться до людей через завесу такой ярости».

Между тем гнев толпы не шел на убыль. Посоветавшись, на сходке выделили двух гонцов и отправили к дому роменя Чантамыра, чтобы немедленно его доставили сюда. Если же он скрылся – а так, наверно, и есть, пусть вызнают у его молодой рыжеволосой жены, насколько верны слухи о ее муже, повергшие всех, кто его знал, в ошеломление. Молодые люди отсутствовали недолго и явились с вестью, что Чантамыра нет дома.

– Сделал свое черное дело и скрылся! – загудели в толпе.

– Что же мы за проклятый народ, что растим, как любимцев, предателей! – заохал кто-то.

– Так нечего было привечать безродного?

– Как это безродного? Разве не на этой земле он родился и вырос?

– Вот и показал вам, как он ее почитает!

– Не спешите с осуждением, пока все темно в этом наваждении!

– Кому темно, а кому – яснее ясного!

– Говорят, медведь отъел руку тому, кто его взрастил. Вот и наш воспитанник цапнул пребольно!

– А жена его, что жена говорит?

– Жена отказалась сказать, где он находится, – заговорил один из гонцов. – Но она поведала нам, что муж не только не предал, а спас наше отечество будто бы от немедленно его захвата. И вроде бы он способствовал тому, чтобы не случилось кровопролития здесь.

– Что ты сам думаешь об этом? – спросил один из присутствующих гонца.

Гонец выглядел растерянно и проговорил:

– Жена убивалась, говорила, что боится за жизнь мужа. Тот, мол, очень близко принял к сердцу клевету, будто бы он предатель. Он готов голову сложить за Апсны, а кто-то чернит его имя и мутит народ. Но правда все равно всплывет, и Чантамыр на то уповаает. Не знаю даже, что сказать. Мне показалось: ее слова шли от сердца...

- Совесть не чиста, потому не показывается на глаза!
- Запугали, видать, человека!
- Не из пугливых он!
- Значит, подошли к нему с иного боку!

Неожиданно для Хезана горластый крепыш, стоявший поодаль от него, крикнул в толпу, которая уже стала редеть:

– Здесь находится Хезан Баалоу, он прибыл от царя, его и слушаем!

Застигнутый врасплох, Хезан на мгновение растерялся, но потом взял себя в руки, передал камчу и поводья от своего коня спутнику и вышел на середину сходки.

– Мы здесь по иному делу, но говорят, неожиданный гость – от Бога и приносит удачу. Не думаю, что я могу удивить своими речами столь почтенных людей, но уповаю на вашу милость. Говорят, тому, кто мирил двоих, досталось с двух сторон. Не берусь мирить вас с тем, кто вызвал у вас сегодня столько горечи. Он вырос на ваших глазах, я думаю, вы сами найдете путь к истине. Но как говорят, небо разглядеть легче, чем рядом расстеленную бурку, не всегда мы по чести ценим то, что рядом. Я, как человек сторонний, но знающий сына ромея Чантамыра, полагаю, что он оклеветан. Это достойный, думающий человек.

– Кто же нанял его защитником чести ромея! – насмешливо раздалось из толпы. – Должно быть, один из приставленных по указке Константинополя.

– Дайте человеку договорить! – властно оборвал насмешников старик, внимательно внимавший Хезану.

Наступила тишина. Помедлив, Хезан продолжил речь, пересыпая ее, по обыкновению, поговорками:

– Обуйте собаку в кожаные чувяки – она вмиг стащит их и сгрызет. Говорить о достоинстве человека, у кого оно отсутствует, все равно, что обувать собаку в чувяки. Не будь я уверен, что сын ромея Чантамыр – человек чести, не стал бы я зря о том толковать. Ваш гнев понятен, и впрямь зачастую боль, доставляемая живым, горше скорби о мертвом.

Сердца ваши устали от предательств, нашествий. Малой искры достаточно, чтобы в засуху запалить лес. Не схожая ли искорка запалила сегодня пожар в ваших душах? Возможно, что нынче, когда мы подобны путнику, идущему по краю бездны, Чантамыр и впрямь спас нас от падения. Мы же, о том не ведая, точим против него ножи, на радость недругам...

– Подосланный он! Сговор! Измена! – поднял крик какой-то человек в толпе, кому не только слова Хезана были как острый нож, но и то, что взбудораженное сборище стало внимать рассудительным словам оратора.

– К изменам нам не привыкать! Опять продали нас! – поддержал его чей-то дребезжащий голос.

Толпа угрожающе загудела. Пока почитаемые люди призывали людей утомониться, выслушать того, кого сами же позвали слово сказать, удерживая наиболее ретивых, Баалоу Хезан стоял молча. Вскинув голову, распрямив плечи, он настороженным взором окидывал толпу.

И в это мгновение он походил на зоркого сокола, готового в любое мгновение распрямить крылья и взлететь. Усилиями почтенных людей установилось относительное затишье, и вновь заговорил Хезан.

– Говорят, мамаша Гудаа пристроила свой чугунок к армейскому котлу. И среди нас немало тех, кто жаждет сварить похлебку в своем чугунке от костра под армейским котлом. Пока одни думают об отечестве, другие глаз от собственных чугунков оторвать не могут. И готовы возвести любой поклеп на любого человека, лишь бы раздуть пламя под котлом. Острие кинжала, нынче якобы направленного на сына ромея Чантамыра, на самом деле повернуто против самого царя. Мол, глядите, изменниками себя окружил. Не только здесь, но и в Гагрипше, в Адзюбже, да и повсюду затеваются подобные сходки, бросают, как искру в солому, подлые слушки, стараются греков поднять против царя. Между тем, царь не собирается никого с наших земель изгонять. Сами

видите, какую неоценимую помощь оказывают нам греки зодчие, да и повсюду так. С теми, с кем мы бок о бок здесь живем не первый год, роднимся, мы говорили на общем языке и будем говорить. Но кому-то в охотку разжечь ненависть греков к нам, к царю. Кто-то, как некая мать, которая орлу сына подсовывала, мутят воду среди византийцев, несущих службу в крепостях близ наших рубежей, чтобы те заняли и наши крепости, иначе, мол, и своих лишитесь.

– Кто это мутит воду?! Яснее скажи! – раздался голос из гущи сходки.

– Нет нужды тыкать пальцем, сами знаете!

– Отчего это из Псырдзхи всегда нас поучают?! – с вызовом справился кто-то, чьего лица Хезан не разглядел.

– Упрек этот не нов, – сдержанно, не давая себе волю, проговорил Хезан. – Он с бородой. И отцам нашим и дедам он знаком. Что с того, что царский дворец стоит на земле Псырдзха, на Анакопийской горе, малодоступной для недругов? Разве род царский укоренился только на горе Анакопии? Испокон веку род Ачаа множился в Апсны. Здесь повсюду корни достославного рода – и в Уарче, и в Ачандаре, в Ачааркыт. Даже заточенный в пещеру богоборец и герой Абрскил был родичем Ачаа по материнской линии. Скажем о другом: разве потомки цабальских и дальских Маршанов не живут и в Сакене, Соче, Мзымте, Эгры? И разве от этого они стали меньше Маршанами, чем дальцы или цабальцы? Так надо ли приносить вам клятву, уверяя, что царь, чье родословное древо ветвится по всей Апсны, не делает различия меж своими подданными, где бы они ни проживали?

– Грех и помыслить о подобном, – сказал седобородый старец, стоявший поодаль от Баалоу Хезана. – Тень подозрения бросить на царя нашего.

– Истинные твои слова, незачем грех на душу брать, – поддержал его другой старец.

Сходка затихла, и Баалоу Хезан не преминул воспользоваться тем обстоятельством и продолжил речь:

– Говорят, плох тот скакун, кому эхо славы не вторит. А честь и слава вашего поселения, да падут ваши горести на мою голову, достославные эшкытцы, были известны в Апсны еще в седую старину. Ваше уважение к отеческим гробам, ваша честь, ваша доблесть окрыляет всех нас, ибо вы не замыкаетесь только на своем поселении, вы, как сердце, которое бьется для всей нашей отчизны. Я полагаю, вы многожды приумножите славные деяния ваших предков. Лично для меня ваша воля и ваша честь, как несокрушимая скала.

– Дай Бог тебе долгих лет жизни, да восславишь ты свой род! – так ответствовали Баалоу Хезану эшкытцы, кому по душе пришлись слова гостя.

Закончив речь, Хезан вернулся на прежнее место, принял из рук спутника камчу и поводья своего коня. Народ потихоньку стал расходиться. Видные люди села подошли к Хезану и его спутникам и пригласили к себе домой в гости. По лицам многих было видно, что они довольны, что разговор принял такой оборот. Они-то были особенно приветливы и настойчивы, приглашая к себе в усадьбу. Но Хезан обратился к владельцу аамыста, присутствовавшим здесь же, чтобы поведать, какое дело его пригнало сюда. Царь устами приближенного передавал свою волю-пожелание, чтобы в каждом поселении нашли место для расселения десяти-пятнадцати семей хазаров. Аамыста не поторопились ответить согласием, сказали, что подумают, и судя по всему, большой радости не испытали. Как бы то ни было, вскоре по всей Апсны, также и в Эшкыте, поселились хазары, которых в народе прозвали царскими дядями. Им была поручена охрана трактов, что пересекали всю Апсны. Царь укреплял свою страну, как земледелец укрепляет плетень кольями.

V

Во все времена митрополиты, епископы, архиепископы, как и все священнослужители Апсны были под рукой византийского патриарха. Раскол церкви, отложение от патриархата Византии представляло собой явление не просто сложное, а почти невозможное. Царь отдавал себе в этом отчет. Он понимал, каким подспорьем стали бы доходы от храмов, если бы они оставались в стране, но безошибочно знал и то, что патриархат Византии от них по доброй воле никогда не откажется. Не оставляло сомнения и то, с какой осторожностью надо подходить ко всему, что связано с духовенством, и как здесь легко оступиться. Посему Леон принял решение не вмешиваться в дела церкви. Но планиде было угодно в скором времени поставить царя в такое положение, когда открытый разговор с клерикалами стал насущной необходимостью. Причиной тому были распространившиеся по всей Апсны слухи, будто бы царь тайно перешел в веру хазар, стал поклоняться хазарскому Тенгри-хану, и вскоре будут разрушены христианские храмы, а капища хазар возведены. Недруги царя не хуже него понимали, сколь опасны раздоры меж верующими, хуже всякого столкновения войск лицом к лицу, и посему неустанно распространяли клевету об отступничестве царя. Нечто подобное предполагал царь, но не думал, что так скоро оно нагрянет. Но медлить уже было невозможно, пока зараза, пущенная врагами, не распространилась повсеместно, требовалось быстрое противоядие.

Во все стороны поскакали всадники-вестники, именем царя сзывая людей к храму, возвышавшемуся еще со времен Юстиниана в поселении Лдзаа на красивом холме, называвшемся Ахашных. Храм, построенный ротондой, трехкупольный, в свое время был несравненно величав, как бы отражая тогда еще неоспоримое величие римской

империи. Стоявшие рядом с основным храмом постройки, как трапезная и другие, обветшали. Но благодаря Леону, уделявшему этому храму много внимания, как некогда и его отец, которого здесь особенно выделяли из правящей семьи, произвели восстановительные работы, и пришедшие в ветхость части построек заменили новыми. Именно здесь Леон решил назначить встречу со своими подданными, уповая на то, что святая земля придаст ему силы. В названный день он морем прибыл из Псырдзхи в Лдзаа. Сюда со своими людьми стягивались аамыста из Мысры, Анхва, Лыхны, Калдахуары, Абгархука, Гагрпша, Цандрипша. Прибыли сюда густо населявшие долину реки Псоу достославные аамыста садзов. Съехались и другие садзы-аамыста из рода Ардба, в чьи владения входили не только земли меж реками Псоу и Мзымта, но и поселения Багрыпш и Мкелрыпш. Главным же их родовым владением считался Ардлер, находившийся по ту сторону за рекой Псоу. (Ныне это поселение нам известно под названием Адлер.) Прибыли в Лдзаа и представители духовенства, проживавшие за Ардлером, в Сочи. А венчал собрание духовенства митрополит всея Апсны, обычно отправлявший службу в главном храме страны, возвышавшемся посреди Лдзаа, именуемого ромеями Питиус. Митрополит Христофор был родом из Апсны, но получил образование в Византии, прекрасно владел греческим языком и латынью, его проповеди завораживали паству. Митрополита сильно почитали и аамыста, прислушивались к его слову. От участия во встрече уклонились священнослужители из Аквы, Абжаквы, Гульрипша, Пшапа, Дала, Цабала и почти из всех сел, располагавшихся от Аквы до берегов Эгры. Отсутствие представителей духовенства почти из половины Апсны, не могло не вызвать беспокойства царя и не привести к дурному расположению духа. Прибывший со своими оруженосцами Тапш-ипа Беслан привез нерадостную весть: клерикалы той части Апсны просят царя устроить в удобное для него время отдельную для них встречу в

одном из храмов или Аквы, или Цкыбына, или Цабала. Было очевидно, что вновь предпринята попытка расколоть страну. Это было ясно не только царю, но и доставившему весть Беслану Тапш-ипа. Внешне царь отнесся к новости сдержанно, сказал: «Быть тому». А про себя решил на ту встречу также позвать и ныне здесь собравшихся клерикалов. Леон был не из тех, кто легко отказывается от своих намерений...

Прошло не так уж много времени, как он осуществил задуманное и собрал в Акве такой форум, значение которого иначе, чем судьбоносным, не назовешь. Аква в ту пору – сей город чужеземцы нарекли Себастиполисом – был весьма оживленным торговым центром на побережье Понта Эвксинского. Разноязычный, многолюдный он соперничал в разноликости и богатстве с унесенным морем городом Диоскурия. Ежедневно сюда спешили поселяне из близлежащих деревень со своим немудреным продуктом для продажи. Скрипели на дорогах арбы, груженные доверху, тащилась под ярмом гужеваья скотина. Из города же селяне возвращались в основном с солью, которую купцы морем доставляли на побережье. На торжищах продавался горный мед, копченый сыр, копченое мясо, не сравнимое с другими напитками душистое вино, домотканые шерстяные ковры, полотенца, накидки на постель, звериные шкуры, много разнообразной посуды из самшита, особо ценимой заморскими купцами. Чаще всего и посуда, и домотканые ковры, и многое другое попросту обменивалось на соль. Доныне осталась в народе прибаутка: «Взял цену солью?». Обычно так подтрунивают над человеком, излишне дорожащим приобретенной вещью.

Цабальцы любили Акву и смотрели на город чуть ли не как на свою вотчину. Именно поэтому царь, переговорив с Тапш-ипа Бесланом и его родичами, назначил собрание именно в Акве. В ту далекую пору близ побережья располагался широкий луг в густой поросли трав и цветов. С противоположной от побережья стороны луг завершался обрывом, а внизу плескалось озеро с насыщенной серой водой,

издавна славившейся своими целительными свойствами. На берегу озера одиноко поднимались два могучих граба, особо почитаемых в Апсны. Раньше грабу поклонялись, называли священным деревом матери божества. Царь знал о том, потому не в храме, как в Лдзаа, решил он собрать духовенство, а здесь, близ прежних святынь. Митрополит Христофор опасался вызвать нарекания Константинополя, но, будучи по крови апсуа, увлекся замыслом царя объединить страну любыми усилиями. Не только сам митрополит прибыл сюда с царем, но и все священнослужители, принимавшие участие в собрании в Лдзаа. Когда царь со своими сподвижниками ступил на луг, его поразило то, что навстречу ему двинулись множество пожилых женщин, одетых с ног до головы в белое. Они приветствовали прибывших так, точно те долгожданными гостями вошли во двор гостеприимного хозяина: «Да умереть нам во имя ваше, да перейдут ваши горести на наши головы». С такими словами пожилые матроны обнимали высоких гостей, пред тем совершая руками перед их лицами округлые движения. Сии магические жесты подтверждали уже сказанное – готовность принять беды и горести гостей на свою голову.

Старейшины, которые по предложению царя были приглашены принять участие в синклите клерикалов, встречали царя словами: «Добро пожаловать!», что пришлось по душе Леону. Под священными грабами поставили широкие лавки, рядом с царем усадили митрополита Христофора и других святых отцов. Остальные окружили их плотной стеной, но сохраняя почтение к каждому стоящему поодаль, уступая лучшие места друг другу. Зеваки, спешащие с ярмарки, подходили поближе, увидев многолюдье, останавливались в задних рядах, прислушиваясь к разговорам. Сюда же потянулись, надев лучшие одеяния, и недомогающие, прибывавшие за исцелением к озерцу. Стоял месяц куркуа – макушка лета, но зной не донимал. Недавно пробежавший ливень слегка остудил иссушенную землю и освежил воздух.

В ожидании слова царя установилась глубокая тишина. Казалось, даже море в полном штиле, нарочно перешло на шепот прибой, чтобы тишину не нарушать. Да и на берегу озера трава не истоптана, и от тихой глади водоема, несмотря на исходящий от него запах серы, веет чистотой и покоем. И царь сидел в покое и душевном равновесии, удовлетворенный доброй встречей и тем, что народ неустанно прибывает. Перед приездом сюда он отменил присутствие охраны, полагая, что лучшей защитой богоугодному делу станет сам Господь.

После того как собрались все, царь обратился к митрополиту с просьбой открыть форум. Тот поднялся на ноги. Статный, широкоплечий, седобородый, он стоял, возвышаясь, как гора Эрцаху в гряде гор, и представлялся едва ли не небожителем. Начал он свою речь на греческом языке. Митрополит вкратце поведал о том, что встречи, подобной нынешней, пока не случалось в Апсны. Но и та, что прошла в Лдзаа, показала ее насущную необходимость. Посему вскоре предполагается посетить храм в Илори, затем в Гудаа, Окум и всюду нести слово Божье. Митрополит призвал Божью милость снизойти на собравшихся и от себя пожелал много добрых, от сердца идущих слов.

После митрополита с краткими речами к народу обратились несколько святых отцов. Затем слово взял мирской человек из поселения Пшаш Хуатхуат-ипа Хаджарат, человек пожилой, умудренный жизнью.

– Ранее нам был ведом наш всемогущий, верховный Бог Анцва, был ведом Бог Афы – Бог Молнии, тот, кто сотрясал небосвод и чей гнев был смертоносным. Бог Афы – властелин неба. Но был свой бог и у кузнецов, и мастерового люда – Шаш-Абжныха. На охоту собираясь, мы просили удачи у покровителя лесной живности – Ажвейпшаа. Над домашним скотом был догляд Бога Айтара. Деревьям плодоносить, огородам подниматься, урожаю зреть помогала Богиня Джаджа, да покровительница пчел Анана-Гунда

не оставляла нас своими милостями. Деда наши, прадеды поклонялись им, приносили жертвы... Шло время, и стали причаливать к нашим берегам римляне, сперва как бы на торжище, потом – на разбой. Больно приглянулись им наши земли, надумали укорениться здесь, строить крепости, да веру свою нахлобучивать на наши головы. Мы не стерпели того, не раз с мечом поднимались против них, да силы оказались неравны. Смирились мы, признали христианского бога, но и своих богов не позабыли. Славили их имена и ныне славим, наряду с именем Христа. Но говорят, дад, Леон, да принесут меня в жертву вместо тебя, иная напасть грозит нам из-за гор. Иной бог, степного народа идол станет и нашим. По плечу ли нам такая ноша?

Явный упрек, прозвучавший в словах Хуатхуат-ипа Хаджарата, не только нашел отклик в сердцах позже него взявших слово, но даже получилось так, будто он своей речью прорвал, как река запруду, молчаливое недовольство многих. И они следом за ним заговорили о своих обидах. Священнослужители припомнили Леону даже то, что когда в Уаз-абаа он собирал со всей страны верных себе аамыста и эту верность скреплял клятвой, присутствия в крепости удостоился лишь священнослужитель из Псырдзхи. Сомнения в том, такой ли истинный христианин Леон, каким надлежит быть помазаннику Божьему, одолевали клерикалов, и они не слишком это скрывали. Настроение толпы менялось, напряжение росло, возможно, многие сомневающиеся уже стали подумывать над тем, что царь и впрямь вероотступник. Вдруг из-за плотно стоявшей, точно камышовые заросли, толпы выбрался худощавый, невысокого роста смуглый человек и занял место, откуда произносились речи.

– Смотрите, смотрите, это же сын ромея Чантамыр! – удивились из толпы те, кому он был знаком.

Выглядел человек изнуренно, как после тяжелой болезни, заговорил прерывающимся голосом, с трудом подбирая слова:

– Я низжайше прошу прощения, что занимаю ваше время. Однако сегодня такой день, особенный, такой день... – речь его прервалась, но он вновь собрался с силами. – Много упреков, прямых и скрытых, выслушал сегодня наш царь. Будто бы он не тверд в вере, будто бы он способствует укреплению чуждой веры на нашей земле и многое другое. Я знаю свое место, мне ли быть заступником самого царя. Все в руках Божьих... Но давеча, будучи в Константинополе, удостоился великой чести предстать перед взором самого митрополита. Он передал мне послание. Его я сейчас доведу до вашего слуха. Пред тем я хочу попросить прощения у великодушного царя, что до сих пор это послание не было доставлено ему. Видит Бог, я стремился всеми силами предстать пред ним. Но клевета и недоверие, которым я подвергся в неслыханной мере, помешали мне выполнить поручение.

С этими словами сын ромея Чантамыр полез за пазуху, вынул пергаментный свиток, развернул дрожащими руками и стал его читать окрепшим голосом:

– «Солнцеликий царь! Твоя истинная преданность вере, твой разум рождает в моей душе любовь к тебе. Впервые шлю тебе послание вместе с отеческим благословением. Ты не только тверд в своей вере, но делаешь многое, чтобы прославить имя Господне и открыть путь спасения и тем, кому он был неведом. Ты открыл слово Господне, став крестным отцом и наставником главе народа аланов. Много еще тех, кого ты приобщил к святой вере. Все это высокое свидетельство твоей праведности и человеколюбия, к которому нас призывает Господь. Твое почитание раба божьего, сына нашего архиепископа Абасгии, помощь, оказываемая неустанно храмам, также подтверждает, сколь ревностно ты служишь Делу Господнему. Посему молю Всевышнего, чтобы в бренном нашем мире он не обходил тебя своими милостями, распростер над тобою свою длань, оберегая от всяческих бед и напастей. И во всех начинаниях своих ты

чувствовал бы Его одобрение, ибо помыслы твои чисты, а высокий разум и мужество направлены на благоденствие подданных. Да будет всегда с тобой Господь, сын мой, как неизменно с тобой наша любовь и молитвы.

*С великой любовью,
патриарх Константинопольский
и всей Византии Никифор».*

Составленный на греческом языке пергамент поначалу был оглашен сыном ромея Чантамыром по-гречески. Затем он пересказал на языке апсуа для тех, кто не был тверд в знании греческого. После этого он вновь свернул пергамент, коленопреклоненно вручил царю и отступил назад.

Наступила глубокая тишина. Люди не знали, как отнестись к услышанному, да и сам царь, не ожидавший такого благословения из Византии, недоверчиво развернул свиток и взгляделся в него. Ровный ряд латинских букв, написанный мелким почерком патриарха и собственная его роспись и рядом с ней – отчетливая печать – все свидетельствовало о том, что послание – не подделка. Леон передал свиток отцу Христофору. Тот с непроницаемым лицом, стараясь не выдать удивления, просмотрел свиток и протянул рядом сидящему святому отцу. Когда, рассмотрев со всех сторон, свиток вернули Леону, он, более не разворачивая его, отдал человеку, занимавшемуся бумагами царя. Неожиданно появившийся, точно с неба упавший свиток выбил почву из-под ног клеветников, так много усилий приложивших, чтобы все обставить так, будто бы ради хазар царь предал веру, в которой был воспитан. До чего кстати прозвучали слова приязни и одобрения патриарха Византии. Царь глазами отыскал смуглого человека, столь вовремя огласившего содержание свитка. Обнаружив, что с ним разговаривают Тапш-ипа Беслан и Баалоу Хезан, понял, что в его стане стало больше еще на одного верного человека. Он почувствовал прилив сил. Все ждали слова Леона. Это ощущалось по воцарившейся тишине. Царь

поднялся медленно, обвел многих пронизательным взглядом и заговорил негромко, как ему было свойственно, и неторопливо:

– Да благословит Всевышний вас всех, пришедших сюда во имя Его! Желая каждому из вас доброй доли и процветания!

Царь не имел привычки говорить цветисто, пересыпать свою речь высказываниями мудрецов или крылатыми словами, бытующими в народе испокон веку. Но простая его речь, негромкий голос, убедительность скупых жестов отчего-то завораживали слушателей. И многие известные златоусты, обычно долго готовившиеся к тому, чтобы произнести запоминающуюся речь, завидовали успеху царя и пытались, но безуспешно, разгадать суть его ораторского искусства.

– Ваши слова – и те, что горчили, – дали мне сегодня много силы и укрепили в уверенности, что мы с вами едины. Благодарю вас, что вы не раз, и не два откликнулись на мой зов и прибыли сюда. На то была воля Божья. И сегодня от имени вас всех я составлю ответное послание патриарху Никифору с благодарностью за доверие к нам, за слова благословения. Мы уверим его, что ничто не заставит нас отступить от единого нашего Бога. Тому порукой славные храмы, воздвигнутые нами по всей Аписны. Совсем недавно в Жигарте на рукотворном холме поставлен великолепный храм. Думаю, о том всем вам известно, а цабалыцы, должно быть, уже побывали в том храме, что дышит теплом нашего леса и вечной любовью к Господу Богу. Вскоре в поселении Мыку на освященной земле начнется постройка еще одного храма, если будет на то Господня воля. Также в Бзыбте, Шапсуте и даже близ реки Кубани мы намерены возвести церкви во имя Господа нашего. Во многих местах уже собраны материалы для постройки, приглашены лучшие зодчие. Неужто это свидетельствует о вероломных замыслах предать веру? Но кто-то будоражит вас, наставляя против

вашего царя. Тот, кто хочет покончить с недругом, всегда ищет корень его сути, чтобы, выкорчевав, его одолеть. Наш корень в нашем аламысе – в нашем своде чести. И те, кто поклонялся капищам, и те, кто христианству верен, произрастают из одного корня, и врагам надо рассечь могучий корень, так легче выкорчевать. Но мы знаем: ни деда, поклонявшиеся покровителю кузницы или охоты, ни отцы, принявшие христианство, не отступали от аламыса и за честь готовы были головы сложить. Сейчас здесь мы стоим под грабами, что почитались святынями и поныне почитаются многими, так что с того? – голос царя неожиданно зазвенел. – Разве это помешало Симону Кананиту и Андрею Первозванному, по пути из Армении в Псырдзху остановившимся здесь, заронить первые семена христианства? И разве они не дали хорошие всходы? Мы сейчас пребываем на священной земле, животворящей, великом даре Господа людям. Вы – соль земли! Потеряет соль силу свою, как ее вновь претворить в соль? Остается только рассеять вдали от человеческого глаза. Вы же – радость для глаза, суть земли. Невозможно превратить в призрак город на холме. Нельзя возжечь свечу и закрыть темным колпаком, вместо того, чтобы дать ей выполнить свое предназначение – свечение. Да будут благословенны ваши дела и помыслы.

Так завершил свою речь царь и развеял последние сомнения в том, способен ли он отступить от единожды принятой веры. Царь был непоколебим в своей вере. И это стало очевидно и сподвижникам, и недругам. В духовном столкновении царь и его сторонники одержали победу, как не раз они брали верх и когда сходились на поле брани с вражескими полчищами.

Потихоньку народ стал расходиться. Царь со святыми отцами, свитой и аамыстами этих мест поднялись к собору-крепости, воздвигнутому на возвышении на правом берегу реки Келасур, неподалеку от ее устья. Во дворе храма прямо на густой траве, как при празднестве ацуныха, что в

старину устраивали в засуху в честь богини дождя – Джаджи, – на свежесрезанных ветвях было разложено угощение. И здесь во время трапезы приняли немало важных решений, например, перенести резиденцию архиепископа Апсны из Пицунды в Аква. Это пришлось не всем по душе. Клерикалы ссылались на то, что изначально в списках автокефальных епископатов значилась Пицунда, и посему невозможно без дозволения Константинополя переносить местопребывание архиепископа. Многие сочли грехом осиротить воздвигнутый самим Юстинианом храм, куда первым настоятелем был прислан известный своей праведностью отец Евфрат, абасг. Родом он был из Апсны, и ему выпало крестить абхазов, принявших христианство первыми. Кроме того, в Пицунде кафедрой епископата возглавлял в свое время епископ Стратофил, который был участником первого вселенского собора, состоявшегося по призыву Рима в 325 году в городе Никея. Перенос из столь прославленного святого места резиденции епископа в Аква рассматривался многими священнослужителями как неразумный шаг. Царь напомнил, что истинно все сказанное, но Аква, именуемый греками Себастополисом, всегда считался и эллинами и позже римлянами городом священным и, если глядеть в корень, то именно отсюда из Себастополиса стало в стране распространяться христианство. Нынче перенести резиденцию из Пицунды в Аква – значит совершить богоугодное деяние. Но так и не пришли к соглашению. Окончательное решение было отложено на время. А предложение, чтобы доходы от храмов оставались в стране и служили укреплению Абхазского царства, было одобрено. Обговорили еще несколько важных для всей Апсны дел...

И десяти дней не миновало с того события, как садзы, проживавшие по обе стороны реки Мзымта, собрали многолюдную сходку на Губаа-поле и осудили начинания царя,

а больше всего то, что он заигрывает со священнослужителями. Садзы и ранее всем дорогам предпочитали самими проложенную тропу, как насмешливо говорили о них. Всегда они жили по собственному разумению, не признавали над собой власти царя Апсны, уклонялись от платы какой бы то ни было дани. Более того, часто, втайне переправившись через реку, нападали на бзыбские поселения, грабили, угоняли скот. Христианских заповедей не соблюдали, хотя и называли себя христианами, но больше поклонялись своим прежним богам.

По слухам, дерзкую сходку садзов подогрели нелюдимые ахчипса, вассалы владетелей горных мест за рекой Мзымта Маршанов. Самих же ахчипса настроили непримиримо дальские Маршаны. Род Маршан из Дала и Цабала был силен и не помышлял перед кем бы то ни было склонить голову. Своими родоначальниками Маршаны признавали тех, кто проживал за рекой Мзымта. И хотя старшая ветвь рода уже засыхала, дальские и цабальские Маршаны неизменно почитали редкую поросль этой ветви и при надобности немедленно приходили на помощь родичам. Как бы то ни было, искорку, из которой вспыхнуло пламя неповиновения садзов, высекали Маршаны, и это было чревато большими последствиями. К тому же поговаривали, что они причастны и к убийству трех хазар из числа поселенцев, отправленных жить в Лату. Их нашли обезглавленными в собственных дворах. Еще ходили слухи, что садзы не только сходку созвали, но и отправили от себя почтенных людей в гарнизон греков, размещенный в крепости у узкого перехода близ Гагры. Садзы предлагали свою помощь в укреплении крепости, клялись в верности империи. И будто бы к их клятвам присоединились часть абазин и убыхов, да айбги, жившие в предгории Псху и по берегам реки Хашпсы. Последние также находились под рукой Маршан. К тому времени, когда царь Леон со своими сподвижниками прибыл на Губаа-поле, сходка уже состоялась, бунтарские настроения усили-

лись, а противники царя сплотились. На той стороне ему верность сохранили лишь шапсуги, состоявшие в родстве с царем, да владетельные аамыста из рода Геч.

Все эти события грозили прямым расколом, и Леон, наскоро собрав в своем дворце в Псырдзхе приближенных, поручил, прежде всего, отправить посредников к людям, введенным в заблуждение садзами. Так как в Ахчипсе у Тапш-ипа Беслана проживали родичи, а в верности его царь не сомневался, выбор пал на него. К тому же все знали, какой златоуст Тапш-ипа Беслан. Если кому-то и суждено было примирить бунтарей с царем, так под силу это могло оказаться лишь Беслану. Только Леон отправил в мятежные поселения посредников, как порог апартаментов переступили пятеро хазар во главе с царским советником из хазар Тенгизом Бешлюком. Пред тем они побывали у царской матери Джарымхан-ханым и донесли до ее ушей много своих жалоб. По выражению лиц явившихся царь определил, что вновь предстоит нелегкий разговор. Впервые за все время хазары пришли к царю со своими обидами. Царь подумал, что, очевидно, это связано с убийством их соплеменников в поселении Лата, и тем, что до сих пор не выяснено, кто совершил сей тяжкий грех.

Одобрив многие решения царя, хазары остановились на том, что представлялось им заблуждениями племянника хазарского кагана. Не стоило так рьяно поддерживать христианство в Обезии и клясться сохранить ей верность до гробовой доски, полагали они. А то, что материнской родне царя негде молиться Тенгри-хану, нет ни одной мечети во всей Обезии – это недочет Леона, который равно должен печься о благополучии всех своих подданных. Если бы Леон взялся устроить управление своей страной по образчику, принятому в Хазарском каганате, он непременно достиг бы успехов, как достигли в великом Хазарском каганате. Хазары сказали: «Повсюду ты рассадил своих тудунов (позже в подражание им мы родовитых своих аамыста начали именовать

«таадами», что сродни князьям), полагаешься на их верность, а верность их, как видение в жарких песках, призрачна. Если хоть полдня отсутствует тундун, вместо него волю царя проводит кунгур-хан, случись что с кунгур-ханом, его замещает муж, именуемый «джавшигыр». А садиться рядом на трон вершить вместе с каганом дела удостоивается хаканбек после того, как он докажет свою покорность и пройдет очищение огнем».

По мнению хазар, «тудуны» царя Леона – аамыста – не знали своего места, не проявляли должного трепета перед царем. Его пожелания и указания выполнялись без рвения или вовсе не выполнялись. Царь слишком доверял своим приближенным, и в этом крылась большая опасность.

Леон выслушал советника и его людей без раздражения – тому способствовало то, что состоявшиеся накануне сходки удовлетворили его – признал, что надо тщательнее отбирать верных людей, пообещал возвести мечеть, где бы могли хазары молиться своему богу. Царь указал и на то, что не все, прибывающие из Хазарского каганата на поселение в Апсны, достойные люди. Они сильно вредят своим соплеменникам в глазах его подданных. И недавнее убийство, случившееся в Латах, по его сведениям, объясняется сим прискорбным обстоятельством, а не ненавистью местных к чужакам – здесь терпимость к иным племенам, к их нравам и верованиям всегда была в чести.

Хазары остались довольны долгими переговорами с царем и покинули его покои воодушевленные. Леон же с их уходом ощутил, как устал от множества забот, обступивших частоколом со всех сторон. Одновременно он понимал, что не может себе позволить ни усталости, ни упадка духа. Вдруг вспомнилось давнее детское впечатление. То было на Больших скачках. На одном из скакунов, которому прочили первенство, наездником был сын-отрок одного не слишком родовитого аамыста, кому принадлежал и сам скакун. Во время заезда конь аамыста шел головным, но во втором круге скакун не-

ожиданно споткнулся, и юного всадника кинуло вперед, и он, напорвшись на высокую луку седла, испустил дух. Отец в мгновение ока выскочил на поле, снял сына с седла, уложил на густую траву с краю поля, вскочил на спину скакуна, гикнул и понесся вперед. Он пришел первым, он – победил! То, что оказывается не по плечу отцу, должен сын одолеть, подумал Леон, но если судьба поворачивает так, что сын сбив влет, так дело отца его мечту воплотить. Сын за отца, отец за сына, иного не дано!

VI

Леона Апсха заставил задуматься упрек хазарских советников в том, что он слишком полагается на доверенных лиц и на тех, с кем состоит в родстве, и куда лучше было бы, если он возьмет за образец государственное устройство Хазарского каганата. Царь понимал, что он должен идти своим путем, но его самого утомляли подданные, состоявшие с ним в далеком родстве, но всеми силами, часто во вред и царю, и стране старавшиеся что-то выгадать для себя, используя свое происхождение. Подобного толка люди часами толпились под могучим вязом неподалеку от ворот во дворец царя в Псырдзхе, и когда царь откуда-то возвращался, чуть ли не кидались под ноги его коню в избытке верноподданнических чувств. Они полагали, что, днями простаивая под вязом, толкуя о мало-значущих вещах, тем не менее оказывают всяческую поддержку царю. Они льстиво кланялись Леону, едва ли не били челом, пренебрегая достоинством, с каким должен держаться родовитый человек, норовили попасть под царственный взор, запомниться. Леон не выносил лизоблюдов, и среди завсегдаев сборищ под вязом особую неприязнь вызывал в нем рано поседевший, но румяный здоровяк по имени Хицкур, принадлежавший к малозначительному ответвлению царского рода. Хицкур громогласно вещал на каждом углу, какой незаменимой опорой он является для царя. В его из-

ложении собственные деяния выглядели как поступки героев сказаний о Нартах. Хицкур считал себя многомудрым человеком, хотя таковым не был не только в глазах царя, но и любого здравомыслящего человека. И потому, когда Леону, отдыхавшему в утренний час в одной из галерей дворца, сообщили, что Хицкур просит принять его, Леон поморщился.

– Он один? – осведомился царь.

– Нет, они вдвоем.

– Кто другой?

– Не ведаем, да принять нам на головы твои напасти.

– Зовите...

И вскоре прямо в галерею ввели Хицкура и его спутника – толстого коротконого человека. Хицкур поклонился чуть ли не до земли. Спутник его держался сдержаннее, да и тучность не позволяла, очевидно, показывать чудеса гибкости хребта, как это удавалось Хицкуру.

– Это Калистрат... грек... Наверняка слышан о нем, – развязно, на правах родича, проговорил Хицкур.

Царь внимательно взгляделся в незнакомца, но так и не припомнил, видел его где-либо или нет и слышан о нем не был. Да и чем он мог быть прославлен?

– Калистрат... Монетчик, – постарался освежить царскую память Хицкур.

Леон недобро взглянул на него, сожалея про себя, что приходится терпеть этот надутый бычий пузырь из-за необходимости считаться с многочисленными его братьями.

– Монетчик? – удивился Леон.

– Именно он... Монетчик Калистрат! – возбужденно подтвердил Хицкур.

И сам монетчик приосанился под взглядом царя. В руке он держал белую тряпицу, в которую было завернуто что-то.

Царь молча поднялся и направился во внутренние покои. Те двое следовали за ним. Войдя в тронный зал, царь прошел к дальнему углу зала, где стоял небольшой круглый стол у стены, и уселся возле него.

– В тряпице у тебя монеты? – осведомился он по-гречески у мастера.

– Да, басилевс. – Он приблизился к столу и, развязав узел, рассыпал перед царем горсть серебряных монет. – Моя работа, из серебра, пока образцы, Вам показать...

– Прежде чем за работу приниматься, разрешения бы испросил, – укорил Леон.

– Все так... Но вижу, в каком затруднении торговцы, трудно без собственных денег.

– Истинно, – согласился царь. – Давно думаем над этим. Из Константинополя все труднее стало ввозить деньги. Необходимость иметь свою монету назрела, это так... – Леон взял в руки одну из монет и стал рассматривать со всех сторон. На ней было вычеканено лицо самого Леона в обрамлении надписи на греческом языке. Надпись гласила: «Всевышний, возвысь светлоликого царя Леона».

– А надпись кто помог тебе составить?

– Чантамыр, сын ромея! – легко выговорил Калистрат, зная расположение царя к этому человеку.

– Где он? Давно его не встречал.

– Недомогает он, басилевс.

– Чем он болен? – осведомился у Хицкура царь.

– Пустячная хвороба, скоро на ноги поднимется! – сказал пышущий здоровьем дальний родич царя.

– А ты знал, что затеяли монеты чеканить? – более строго спросил царь, борясь с нахлынувшим раздражением.

– Только сегодня узнал, когда грек попросил меня провести его к тебе! – мгновенно устранился Хицкур.

– И много монет ты успел отлить? – обратился царь непосредственно к мастеру.

– Совсем немного... Раньше я работал среди монетчиков в Трапезунде, и немного осталось серебра. Ежели на то будет воля Ваша, дадите людей, да велите снабдить меня необходимым оборудованием, тогда я смогу наладить это дело.

– Многим людям ведомо о твоей затее?

– Кроме Чантамыра, ни одна живая душа не знает.

– И не должна знать пока! – проговорил царь, пристально глядя на своего родича, не сомневался – именно он не способен держать язык за зубами.

– Я же понимаю, дело государственное... тайное, – проговорил тот. Румяные его щеки стали и вовсе пунцовыми под взглядом царя.

– Строго сохраняйте тайну. А в ближайший четверг я позову нашего казначея, будешь работать под его рукой. Мог бы о своей затее раньше осведомить меня, но забудем о том. Сделанное тобой на благо Апсны, это главное. Но покуда не свершится задуманное, не отчеканены монеты, недопустимо разглашение тайны. Иначе спрошу за это строго. Итак, утром в четверг появись здесь! – с этими словами царь протянул горсть монет мастеру и собрался подняться.

– Пусть они остаются у вас, – попросил мастер. – Для вас же сделаны.

– Быть тому! – принял дар царь.

После того, как посетители удалились, царь вновь принялся рассматривать монеты. Они всё больше ему нравились. Он подумал, что порой жизненно важные дела, если даже на их исполнение отправляешь сотни отборных доверенных лиц, все равно оборачиваются неудачей. А случается, удача плывет сама в руки. Как в нынешнем случае. Если на то воля Божья... Воля Божья...

Царь припрятал в секретное место монеты и собрался отправиться к оружейникам, кого еще с утра намеревался посетить.

У одного из помещений оружейников Леон порывисто раньше всей свиты соскочил со спины своего белоснежного, как только что выпавший снег, Дуддула и направился к входу. Охрана и приближенные заторопились, стараясь не отставать от своего царя. Первым он вошел вовнутрь. Здесь

изготавливались стрелы. Царь, минуя взглядом стрелы из самшита, бука, вяза с наконечниками местной работы, направился к углу, где были сложены стрелы, присланные совсем недавно из Майкопа – доставили через горы на мулах. Он оценил их по достоинству. Стрел насчитывалось более четырех тысяч. Затем Леон побывал у мастеров, ковавших щиты, у кольчужников, у тех, кто трудился над мечами. Часть увиденного заслужила одобрения властелина. Но Леон остался недоволен тем, что слишком много заготовок для оружия лежат, дожидаясь своего часа. Царь упрекнул мастеров в нерасторопности, велел ускорить работу, напомнил:

– Днем и ночью мы должны быть начеку. Не единожды заставляли нас враги врасплох. И тогда приходилось большими жертвами отражать натиск врага, зачастую уничтожая недруга оружием, отнятым у него же в бою. Своего оружия в стране должно хватать. Мы воинов своих ценим, и наш долг – снабдить ратников мечами, луками, достойными их мужества. Отвага их предполагает должную оправу.

Пристыженные оружейники провели царя в отдельное помещение, где показали ему старой греческой работы замечательные медные щиты, прозванные их изготовителями аспис, мечи, кинжалы, дротики, копья, панцири, катапульты. Все это богатство было добыто отнюдь не в открытом бою, а изъято при ночном разбое из крепости греков неподалеку от поселения Анхуа. Узнав происхождение оружия, царь пришел в ярость из-за того, что оружейники вместо того, чтобы оттачивать собственное мастерство, промышляют разбоем. Разгневанный, он покинул, не прощаясь, помещение мастеров, которые пытались таким странным образом оправдаться перед царем из-за собственной нерадивости. Вскочив на спину Дулдула, он направил коня по тропе, которая вела к замшелой, древней, когда-то выстроенной теми же греками, крепости. Стены этой цитадели сочились водой, подходы к ней по камени-

стой тропе были нелегки, и ранее царь никогда не посещал ее. Крепость именовалась «карой для преступников» и в самом деле использовалась для того, чтобы за ее сырими каменными стенами держать людей, совершивших темные деяния. Царь спешил и по каменным ступеням, по которым жидкими ручейками стекала вода, поднялся к запертому входу. Приближенные и охрана, не смея его останавливать, молча следовали за ним. Рукоятью камчи Леон с силой постучал по двери, и через некоторое время она отворилась. На пороге стоял, сутулясь, будто бы под тяжестью каменной глыбы громадного роста, человек средних лет. Узрев царя, он обомлел и неловко топтался на месте, опустив вдоль тела толстые руки с широкими большими кистями. Молча обойдя его, Леон двинулся по узкому темному и сырому проходу, и через некоторое время ему навстречу попались двое, одним из которых был смотритель тюрьмы, носивший прозвище Одноглазый. Прозвище соответствовало положению вещей. Один глаз смотритель потерял от рук преступников, поднявших как-то смуту, и теперь пустая глазница была закрыта кожаной повязкой. Смотритель в полной растерянности едва не выговорил: «Добро пожаловать к нам, царь», да вовремя прикусил язык.

– Желаю видеть людей, кого мы осудили на последнем совете, – проговорил царь, пристально глядя на Одноглазого.

– Сейчас, царь мой, сейчас, – засуетился тот и, низко склонив голову, всем своим видом прося пощады и стараясь вызвать к себе сочувствие, побрел по проходу. За ним последовали царь и неслышно державшаяся за спиной свита. Проход сворачивал налево, и здесь же за железными решетками под низкими сводами находилось одно из помещений для тех, кто отбывал наказание. Благодаря солнечному свету, скупо, но все равно проникавшему через узкое отверстие под самыми сводами, здесь было светлее. За решеткой стояли в лохмотьях человек пятнадцать. Головы преступников

были обриты наполовину, бороды их тоже были обезображены – свисали редкими клочками, посередине лба каждого – выжженное тавро преступника. Первое время они стояли без движения, как во сне, не веря своим глазам. Затем кто-то из них выдохнул: «Царь», а затем все они, сродни скотине, просящей корма, сгрудились возле решеток, не сводя молящих глаз с царя. «Виновны мы, виновны, но наказаны достаточно, выпусти нас на волю, выпусти, тайно и явно вредили мы тебе, но ты прости», – говорили их взгляды. Они требовали милосердия от человека, который и без того выказал по отношению к ним великодушие, не предав казни, как и полагалось для преступников, замысливших царевубийство. А они именно в том обвинялись, и признали свою вину. Царь поочередно вглядывался в них, про себя дивясь тому, что никто со стыдом не отводил от него глаз, никто не признавал, что не заслужил прощения. Нет, им не хватило, что они оставлены жить, их на волю потянуло, чтобы вновь приняться за прежние делишки, сеять смуту. А уж если верх возьмут они, пощады ни царю, ни его роду не видать. «Без чести и совести люди, так разве им доступно покаяние? – с горечью размышлял царь, глядя на них. – Язык силы – единственный их язык. Великодушные подобные люди принимают за слабость». Каждого из них он знал в лицо, но главаря, прозванного Собачьей блевотиной, среди глазевших меж прутьями решеток не нашел.

– Что-то я не вижу... – царь назвал настоящее имя Собачьей блевотины. – Где же он?

Единственный глаз зрителя забегал по сторонам, он ссутулился и не смог выдать из себя ни слова. Один из охранников царя подошел к Одноглазому и со всей силой ударил по шее. Холодно улыбаясь, он пообещал:

– Сейчас отпустит. Считай, что айва застряла в горле.

– Так где же он? – повторил свой вопрос царь.

Но «помощь» охранника, очевидно, не возымела действия, зритель не издал ни звука. Зато один из узников

пробился к решетке, вцепился руками в прутья и, преданно глядя на царя, выпалил:

– По дороге сюда ему дали бежать! Его-то не заклеямили! Ему-то помогли. Нас вверг в пучину, а сам бежал! Помогли сбежать!

Если он надеялся облегчить ябедничеством свою участь и заслужить прощение царя, то он просчитался. «Жажда предавать – единственная жажда, которую они никак не утолят!» – брезгливо подумал царь и, круто повернувшись, направился к выходу. Зато другие узники накинудись на болтуна и стали его душить. Шум и визг поднялся хуже, чем в свинарнике. Одноглазый, предоставив своему помощнику разбираться с событиями за решеткой, резво поспешил за царем. Ноги его оказались куда проворнее языка и несли его довольно быстро. У самого выхода царь придержал шаг:

– Кто посмел освободить того, кто более всего был достоин позорного тавра? – спросил он.

– Дело рук Ваших приближенных, царь мой! – внезапно расхрабрился Одноглазый. – По дороге к нам ему помогли бежать! Отсюда бы он не ушел! Даю голову на отсечение!

– Что значит «дело рук приближенных»? – пришел в ярость Леон. – Смеешь бросать на всех тень? Говори яснее, известно тебе имя – назови, иначе... – царь нахмурился.

Все онемели, как до того Одноглазый, а он же – видать, голос прорезался надолго – назвал того, кто помог Собачьей блевотине бежать. Названный действительно входил в число доверенных лиц царя и состоял в родстве с преступником, кому и помог. «Если все будут думать не о стране, а о своих родичах, и даровать им волю по своему разумению, то ничего путного у нас не получится», – горестно подумалось царю. Он тотчас же вспомнил слова своих советников из хазар, упрекнувших царя в излишней доверчивости и мягкости в правлении. Были правы родичи его матери, потому-то их слова запали ему в душу, должно быть, именно тот разговор и толкнул его на по-

сещение острога. «Мы будем карать, они – способствовать избежанию кары, мы... нет, кто заслужил смерть, тот пусть и получит ее, помилование не для таких... а те, кто им помогает... тех изгнать вон из Аpsны, и чтобы духу их не было...». Ярость смешивала мысли царя. Он пристально оглядел Одноглазого:

– Прочь с моих глаз! Больше ты не смотритель!

Царь резко повернулся, и ему на глаза попался медлительный сутулый человек, открывший ему дверь.

– Поди сюда!

Тот сделал несколько шагов вперед и остановился в отдалении, по-прежнему понуро свесив голову, будто незрячая глыба, что он держал на плечах, ни при каких обстоятельствах не давала ему возможности распрямиться.

– Ты кто такой здесь?

– Страж двери...

– Звать как?

– Караман, сын Ахчныза.

– Что ж, Караман, с сегодняшнего дня ты – смотритель в этой крепости, и помимо твоего ведома даже комар не должен влететь сюда или вылететь. Завтра явишься во дворец, там объяснят твои обязанности.

Страж двери исподлобья глянул на смотрителя тюрьмы, не зная, как отнестись к неожиданному повороту судьбы. Но тот всем своим приниженным видом показывал, что с царями не спорят и все сказанное ими нужно принимать, как благодать.

Леон и его свита покинули крепость и вновь верхом двинулись по дороге. Внезапно Леон подумал, что тюрьмы не укреплять надо, а разрушать, что темница никого не отучит от волчьих повадок. Его сильно подавило увиденное. Свита, чувствуя настроение царя, ехала молча, строго соблюдая положенный строй, и только цокот копыт нарушал тишину. Никто не знал, куда теперь повернет царь. Одно было ясно: день еще долгий, и во дворец он не по-

едет. Когда они спустились к сердцевине Псырдзхи, Леон натянул поводья и направил Дулдула в сторону побережья, где на широком лугу, именуемом лугом Ампар, готовили к боевым действиям новобранцев. Среди них были еще совсем молодые, на щеках – легкий пушок, как у персика. Число будущих ратников достигало двухсот-трехсот человек. Юноши обретали всевозможные навыки, необходимые на поле брани, как-то: рубиться на мечах, владеть кинжалом, сходитьсь в рукопашном бою, обращаться с дротиками, стрелять из лука, сбивать пикой врага-всадника, защищаться с помощью щита, которого они именовали «черепашкой». Не только рядовых бойцов здесь готовили, но и тех, кому предстояло стать во главе десятки, сотни, а то и тысячи воинов. Их учили умению беречь своих ратников, угадыванию замысла врага. Они должны были при надобности своевременно вывести своих воинов из боя или заманить противника в ловушку, говоря современным языком, постигали стратегию и тактику ведения боя.

Обучать юношей военному ремеслу стали не так уж давно, и было это сделано по велению царя. Зеленые юнцы с особым рвением вникали во все, чему их учили опытные воины, и им все доставляло отраду. Они на удивление быстро усваивали науку войны, и им страстно хотелось как можно быстрее сравняться в ратном мастерстве с более умелыми бойцами. Того, кто на учениях обнаруживал храбрость и сноровку, называли приемником «сердца отца», а показавшегося слабым нарекали наследником «материнского сердца». Ясно, все жаждали обнаружить в себе «отцовское сердце», считаться храбрецами, истинными мужами. Поэтому и юноши, по природе своей робкие, малосильные, лезли из кожи вон, чтобы не отстать от своих сверстников. Зачастую с края луга мирные люди, среди которых были и юные девы, наблюдали за учениями, и молодым ратникам особенно хотелось отличиться. Народу собиралось невиданно, когда на поле выпускали неприрученного гро-

мадного быка. Он предназначался молодому лучнику, чей черед был показать свое мастерство в поединке с быком. Для молодых воинов задание было трудное, и того, кому удавалось сразить быка, считали готовым выйти на ратное поле. Случалось, что раненый бык в бешенстве бросался на лучника. Зрители немедля кидались к ближайшим деревьям, дабы вскарабкаться на них, хотя по краю поля стояли плечом к плечу молодые воины со щитами и мечами. Считалось позором для них, если быку удавалось прорваться через оцепление и убежать на волю. А того лучника, кому выпадало счастье завалить одной стрелой быка, возносили до небес. Такие случаи были столь редки, что призывали авгура, чтобы он по внутренностям и лопатке сраженного прицельной стрелой быка нагадал, что сулит судьба. К сказанному авгуром внимательно прислушивались, он ошибался нечасто.

С некоторых пор царя все больше тянуло сюда, здесь он отдыхал душой. Глядя на молодых воинов, он укреплялся в уверенности, что страну его ждет добрая участь. И сейчас по пути к лугу Ампар царь почувствовал, что гнев его мало-помалу утихает, внутренним взором он все больше углублялся в события, которые обычно происходили там. Случалось, что и царь непосредственно участвовал в учениях молодежи. Наряду с ними он бросал в мишень копьё, рубился на мечах, стрелял из лука и сразил не одного быка и всегда принимал близко к сердцу пророчества авгура.

Судя по всему, время приближалось к тому часу, когда на поле должны были выпустить одичалого быка, и царь, легко сжав бока чуткого Дулдула, заторопил его. Неподалеку от луга Ампар царь спешил и вместе со свитой, тотчас следовавшей его примеру, двинулся туда, откуда доносился гул голосов – видно, быка уже выпустили. Поле, точно крепостной стеной, окаймлял «частокол» молодых воинов, твердо стоявших плечом к плечу. Они были босоногими с закатанными штанинами домотканых порток, обнаже-

ны по пояс. Стройные станы, выпуклые мышцы, сильные ноги... Царь, подходивший к ним с тыла, залюбовался ими. Молодые воины тоже почувствовали присутствие царя, но обернуться не могли. Все они были сосредоточены на мощном пятнистом винторогом быке, носившемся по полю, как буйный вихрь. Царь поднялся на наблюдательный помост, сооруженный лично для него. Охрана, беспокойно озираясь, стояла поодаль – Леон был виден отовсюду и представлял собой доступную для злоумышленника цель. Молодой воин, для которого этот бык был выбран мишенью, стоял с натянутым луком и стрелой. Звали его Мыта, и был он родом из поселения Адзюбжа, где испокон веку проживала семья арапов, давно перенявших не только язык местных, но и нравы. Чернокожий юноша сам появился здесь, узнав от своих дальних родичей в Акве, что на лугу Ампар готовят защитников страны, и пожелал к ним присоединиться. Поначалу из-за черной, как уголь, кожи смотрели на него как на диковинное существо. Он с первого раза всех расположил к себе добрым нравом и легкой речью, пересыпаемой шутками и прибаутками, как было принято среди поселян Адзюбжи. А как только он вышел в поле, так стали восхищаться его ловкостью, неутомимостью, смышленностью. Равных Мыте не было ни в бросании копья, ни в рубке мечом, да и как лучник он показал себя отменно. Сегодня же ему предстояло при всем честном народе доказать, что лучник он превосходный. Царь с помоста глядел на юношу. С курчавыми, как руно, волосами, с блестящей, под солнцем как бы золотящейся кожей, стройный, с могучими плечами, с обнаженным станом юноша показался царю молодым африканским богом. Еще он походил на античные статуи тем, как он стоял, немного выдвинув вперед правую ногу, с четко обозначенными мышцами тела, слившись с натянутой стрелой в единое целое. Казалось, что сейчас юноша не стрелу выпустит в быка, а сам, обернувшись стрелой, пронзит цель. Царю понравилась эта необычайная слит-

ность лучника со стрелой. Ему подумалось, что Мыта уже сразил быка, потому что силой духа его одолел. Леон был уверен, что лучник не промахнется – подобное слияние силы духа и крепости тела непременно одержит верх в любом деле. Не успел он так подумать, как Мыта выпустил стрелу. И носившийся черной молнией бык, яростно вспарывая копытами луг, как бы споткнулся, зашатался, но, собрав последние силы, сделал еще несколько шагов и упал на передние ноги, а потом перекатился на спину и, стуча всеми копытами, душераздирающе заревел. Народ охнул в восхищении оттого, что одной стрелой лучник одолел такое чудовище. Сам же Мыта, не теряя времени, кинулся к поверженному быку с тем, чтобы отсечь тому голову, пока скотина не испустила дух. Он, подобно быстроногому Геркулесу, догнавшему керинейскую лань, схватил быка за мощные остроконечные рога и, рывком повернув его голову в сторону Востока (туда, откуда восходит солнце!), в мгновение ока отсек ему голову обоюдоострым кинжалом. Толпа одобрительно загудела. А какой-то отрок, схватив горящую головню из костра, до того разложенного в стороне от поля, со всех ног помчался к туше быка и приложил дымящийся конец головни к хлеставшей кровью трахее добычи лучника.

– Мыта герой, Мыта герой! – гудела толпа.

Сверстники молодого арапа окружили его на поле, выражая свои дружеские чувства и не давая ему вернуться на место. И подростки крутились здесь же, и каждый мечтал походить на Мыту. Удачу лучника оценили по достоинству, он был причислен к сильной дружине, к тем, у кого «сердце отца». Не остался Мыта и без царского внимания. Леон подозвал его, похвалил за меткость и наградил мечом.

Призванный авгур долго рассматривал внутренности быка, его лопатку, а потом обратился с предостережениями к царю:

– Вижу смуту, царь мой, предстоит нелегкий бой меж двумя реками, какими именно, сокрыто от меня, но столкновение предстоит тяжкое, ох, тяжкое. Будьте к тому готовы. От предначертания судьбы не уйти.

Действительно, прошло совсем немного времени, и в Акве случилась смута. Бунт простолюдинов умело разожгли недовольные возвышением Леона весьма родовитые аамыста, именуемые Высокими аамыста, и их вассалы – куцые аамыста. Все они были сторонниками Феодосия и с того часа, как на престол взошел Леон, строили против него козни. Сами аамыста вершили свои черные дела тайно, не особенно высовываясь. Зато выпустили бунтовать видимо-невидимо голодранцев, которых они сами же и держали в черном теле. Те драли глотки на многочисленных сходках, что царь не дает раздышаться, непосильным оброком загнал в кабалу, своими нововведениями подвергает ежедневному риску быть взятыми в полон врагами со всех концов света, ибо царь стал недругом всех сопредельных стран. Еще много подобных небылиц выкрикивали бунтари, а те, кто стоял в тени, усиленно их вооружали. И настал черный час, когда вооруженные смутьяны добрались до вотчины Леона, стали у межи с Псырдзхой и потребовали, чтобы царь правил в своей вотчине и оставил в покое остальную часть Апсны. Леон, никак не желавший жестокого усмирения бунтарей, выслал к ним на переговоры достойных людей, призывая опомниться, вернуться в свои поселения, обещая оставить без последствий бунт, поднятый ими, если они вовремя образумятся. Царь требовал снять осаду, обещал, когда ему откроют дорогу, прибыть в Аква и по справедливости разрешить все требования смутьянов. Но добрые предложения царя пропали втуне. Посредники были грубо оскорблены и отправлены восвояси. Тогда Леон и его советники решили послать на вразумление бунтарей дружину молодых бойцов в надежде, что молодые люди по обе стороны легче найдут общий язык, и до кровопролития дело не дойдет. Увы, этот

шаг оказался роковым. Стычка меж прибывшими из Аквы и молодыми новобранцами оказалась скоротечной и кровавой, вся дружина со стороны царя полегла на поле боя. Далее бездействовать не приходилось. Отборные царские воины, ведомые Баалоу Хезаном, под градом стрел бунтарей преодолели в конном строю водные потоки Гумысты и погнали смутьянов прочь и гнали их до самой Аквы. В городе царское войско неожиданно встретило мощное сопротивление, бои велись за каждый дом. Поднялась страшная паника. Горожане кричали, что прибыли хазары царя и уничтожат всех от мала до велика, хотя среди ратников, возглавляемых Хезаном Баалоу, не было ни одного степняка. Купцы чужестранцы, бросив свой товар, бежали. Грабители стервятниками набрасывались на оставленное имущество. В стычках с себе подобными они делили привалившее им богатство. Ремесленники, прихватив свои семьи, бежали по ущельям в горные места.

Оказанное сильное сопротивление объяснилось позже предательством византийских гарнизонов, располагавшихся в Лазике. Это были гарнизоны, связанные с военачальниками Византии, преследовавшими цель – свалить императора Леона Хазара. Любая смута в любой колонии была им на руку, а уж в Абасгии тем паче. Именно из тех гарнизонов переправлялось оружие для бунтарей. Более того, среди смутьянов затесалось немало хорошо обученных византийских воинов. Они сражались по всем правилам ратного искусства. Долгий изнурительный бой в черте города привел к разрушению многих зданий, вспыхнул пожар.

На подмогу своим воинам самолично отправился Леон во главе с немалой дружиной, большая часть которой на этот раз действительно состояла из хазар. Прослышав, что царь приближается к Акве, большинство горожан, которых силой заставили взяться за оружие, побросали его и бежали кто куда. Царь с войском вошел в город, и сопротивление было вскоре сломано. Кто сдался, кто скрылся. Семерых за-

коперщиков смуты поймали при попытке бежать за море. Они были казнены через повешение на холме, называемом Гуад-холм. Смута была подавлена в несколько дней, но последствия ее болью отдавались в каждом сердце жителя Апсны не один день. Погибло много народу, и все люди – одной крови. Вот это было невыносимо для царя. Он принес свои соболезнования всем родичам погибших, не разбирая, кто был в числе бунтарей, кто в царском войске. За всех убиенных возносились в храмах молитвы, всем родичам погибших царь велел оказать помощь. То, что он, не справляясь, по какую сторону стоял погибший, посетил дома, куда пришло горе, в глазах большинства придало еще больше величия его имени, его великодушию, хотя нашлись и те, кто расценил мудрый поступок Леона как лицемерие.

Горожане слезно просили Леона не оставлять их город, защитить от вторжения врагов, сделать Акву своим главным городом. Вот с того часа Леон стал больше внимания уделять той части Апсны, которую издавна именовали истинной землей абхазов. Он не оставил сразу Псырдзху. Но велел одну из своих резиденций основать в Акве. Поближе к этому городу выделили место и для подготовки молодых воинов. Теперь оно находилось на расположенном высоко над рекой просторном поле между Аквой и местечком Большая Гума. Также царь распорядился восстановить в кратчайшие сроки разрушенные во время боя здания, пострадавшие мостовые. Ремесленникам было велено возобновить работы, а купцам – торговлю. И чтобы постоянный гарнизон охранял город со всех сторон. К новому месту для учения поднимался со своими воинами из Цабала Тапшипа Беслан, чтобы молодые перенимали друг у друга ратное мастерство. Но не все цабальцы приветствовали то, что Леон возвышает Акву. Они смотрели на это иначе: «Он хочет отобрать у нас наш город». Тогда же Леон замыслил восстановить и продлить крепостную стену, возведенную некогда греками. Позже она получила название Великой

абхазской стены. Царь взялся за постройку храмов в святых местах Илори и Цкыбыне. Он стал часто посещать и большое поселение, прозванное в свое время греками Гиуеносом, в котором издавна проживала ветвь его рода, и на местном наречии называлась «Ачаа рымчра», то есть «Ачаа-укрепление» (ныне этот городок мы зовем Очамчырой). Отсюда было рукой подать и до Чааркыта – владения его кровных родичей, куда в свое время много чаще, чем он, наезжали его деда и отец, укрепляя родственные связи. А как стал гостить у них Леон, так и он ощутил поновому вкус родства с владельцами Чааркыта... В это же время в Апсны особо много стали заниматься разведением боевых коней не только местных пород, но и хазарских, кабардинских. В подходящей, по мнению знатоков лошадей, местности, тогда-то и получившей до сих пор сохранившееся название Ачгуара – «Табунный загон» – возвели из сложенных бревен укрепление. За ним содержали коней, чья численность все увеличивалась. В те же годы во всей Апсны, совсем как во времена Нартов, стали заводить чуть ли не во всех подворьях тучные стада. А охотники теперь славились не только тем, что, как в песне, насыщали своих домочадцев одним костным мозгом лесной живности, но и умением искусно, не повредив мех, снимать шкуры с убитых зверей. Шкуры отдавали скорнякам на выделку, потом шили из них одежду. В Апсны стали приручать хищных птиц и с ними выходить на охоту. Позже охота с ловчими ястребами стала излюбленным развлечением многих, как и рыболовство, именно в ту пору распространившееся.

Да и земледельцы решили привнести нечто новое в свое старинное занятие, стали пахать не только на быках и буйволах, но и конях. Рабочую лошадку впрягали в плуг, теперь сработанный гораздо более тяжелым и с куда более острым лемехом, чем раньше, и выходили в поле с тем, чтобы поднять много больше зяби против прежних времен. В те времена в Апсны и слыхом не слыхивали о ку-

курузе, но щедро засеивали поля просом, пшеницей, соей, фасолью. Растили лен, ткали из него полотно...

Царь, выныривая из водоворота политических страстей, старался держать в поле зрения всю жизнь страны. Жажда к переменам в нем была велика. Так он задумал открыть школу, наподобие основанной когда-то при Юстиниане в Константинополе для выходцев из Абасгии. Но там учились на языке римлян, да обучались греческому. Между тем царь напоминал, что еще при финикийцах абхазы имели свой алфавит, свою письменность, да на нелегких дорогах истории утеряли сей драгоценный дар предков и теперь вынуждены прислоняться к чужим богатствам, более бережно сохранным иными народами. «Мы должны восстановить свою письменность и в школах обучаться на родном языке», – говорил царь. Приближенные молча внимали ему, некоторые досадовали про себя: «Запутает он нас вконец своими начинаниями».

В помыслы Леона входило и открытие судебных учреждений, школы для подготовки ораторов, чьи прекрасные речи, как говорится, могли бы мертвого оживить.

Река сильна не тогда, когда разливается в широкий рукав, а когда мощным потоком сбегает с гор, тогда она закрутит и тяжелые жернова большой мельницы, и помол в той мельнице окажется велик. Так Леон, подобно потоку, летящему по узкому ущелью, пытался в короткий срок запустить такие жернова истории, какие его предкам, собиравшим земли и устанавливавшим нравы по крупичам, точно муравьи, и не снилось. Большие замыслы царя отпугивали многих аамыста, и некоторые из них возвращались в свои медвежьи берлоги отсиживаться. Другие, сжигаемые черной завистью, становились на путь предательства.

Но росло и число сподвижников царя и не только в самой Апсны. Многие абхазы, жившие на чужбине вследствие многочисленных войн меж древними греками, персами, арабами, византийцами и многими другими, кому хотелось

захватить лакомую землю у берегов Понта Эвксинского, теперь, узнав о царе Леоне, стали возвращаться на покинутую родину, с горячим желанием стать ей подспорьем во времена перемен. Даже те, чьих отцов, а то и дедов, юнцами забрали в плен и они попали кто в Египет, кто в Македонию, кто в Рим, даже они ехали на землю предков, чтобы ощутить родство с ней, чтобы стать ее частью навеки.

После того, как Леон достаточно укрепил Акву и сам укрепился там, туда перенесли все судебные органы, и возникающие тяжбы разрешались там. Он делил свое время меж Аквой и родовой резиденцией поровну, хотя сердце его и тяготело к вотчине.

Часто Леон посещал поселение Ачандара, где проживало много кровной его родни, и он чувствовал себя, как дома. Здесь в уединении он в храме возносил молитвы и готовился к новым деяниям. Владетельным аамыста в Бзыбте он особенно доверял. Леон вынашивал замысел: во главе всех поселений, начиная с Гумысты до Аалыдзги, а затем вдоль реки Эгры и по обе стороны реки Уакум поставить верных ему аамыста. Они могли бы стать проводниками намерений царя, направленных на процветание страны. Но он чувствовал, что во многих уголках страны ему окажут сопротивление, пусть и неявное. Дабы быть спокойным за свои пределы, прилегающие к землям агухов, являющихся потомками хеттов, как апсуа и адыгеи, он посетил агухов и был принят благосклонно. Владетели этих мест были люди горделивые и неуступчивые. Но теснимые с другой стороны адыгейцами, они не имели возможности пренебречь добрыми предложениями царя Апсны, к тому же имеющего за спиной грозную силу в лице его родичей-хазар. Они поклялись в верности и добрососедских отношениях с Апсны. От них царь направился в Майкоп и был встречен адыгейцами с расprostертыми объятиями. Он без труда заключил с ними дружественный союз, что было подтверждено пись-

менно и заверено печатью. Леон дал слово новым союзникам, что сделает все, чтобы оградить их от набегов хазар с севера, обещал немедля уведомить своего дядю кагана Хазарии Барджил-хана о заключенном договоре и присокупить к этому просьбу забыть о враждебных чувствах к адыгейцам и никогда не наносить урона их землям.

Все состоявшиеся соглашения и с адыгейцами, и родственными ими племенами, укрепление связей с владельцами земель на Северном Кавказе – все это шло в одном русле с будущими намерениями Леона о создании цельного мощного царства, где все племена чувствовали бы себя свободными и защищенными от вмешательств извне. Царь прекрасно осознавал, какому бурному течению отдался, и молил Бога, чтобы хватило терпения и сил осуществить задуманное. Великого терпения недоставало и герою из героев Абрскилу, богами заточенному в пещере близ поселения Ач Лоуа у предгорья, именуемого Отап. Герой все раскачивает столб, к которому он прикован цепями, и когда до обретения свободы остается совсем немного усилий, зловредная птичка, невесть откуда взявшаяся, садится на верх столба. Герой в ярости, желая уничтожить неожиданную помеху, замахивается молотом на птичку и вновь вгоняет стальной столб на прежнюю глубину. Невредимая птичка улетает, а герою все надо начинать сначала. И все из-за маленькой птички... или недостатка терпения... Господи, не дай в нетерпении сподобиться Абрскилу...

По возвращении в свою резиденцию в Псырдзху царь получил послание от императора Византии Льва Хазара. Тот сообщал, что знает о предпринятых ими шагах, остерегал от возможных недружественных выступлений противников, жаловался, что трон его зашатался, желающих сместить его видимо-невидимо, а число людей, кому он мог бы выказать полное доверие, уменьшается. Император Византии обращался к царю Абасгии с просьбой предоставить ему в по-

мощь двести отборных абхазских воинов, кому он мог бы доверять так же, как своему брату Леону. Далее император сетовал, что ему, как и абасгскому царю, ставят в упрек влияние родичей хазар. Вероломные люди мутят народ, утверждая, что оба Леона намереваются отдать Кавказ под руку хазарам, чтобы те могли перекрыть Великий шелковый путь, и тогда без их позволения никто не сможет отправиться ни в Китай, ни в Индостан. «Нас отсекут от полмира», – нашептывали заговорщики, собирая под свои стяги побольше сторонников. Завершая письмо, император Византии еще раз предостерегал родича от внешних врагов, опасался, что если его свергнут, то это ударит и по Леону Абасгскому, поэтому просил поторопиться с отправкой в Византию двухсот воинов. «Торопись, но торопись медленно», – писал император, имея, очевидно, в виду необходимость обдуманности поступков при принятии любого решения, пусть и крайне спешного.

Прочитав письмо, Леон тотчас сжег его, ибо содержимое послания не было рассчитано для чужих глаз. Затем он приступил к выполнению просьбы родича...

В том году, по дошедшим и до нас преданиям, на Апсны обрушилась невиданная засуха. Даже в горах, куда веками не заглядывало солнце, растаяли льдины, обмелели своевольные горные реки, питавшиеся ледниками. Ущелья, по которым они катили свои буйные воды, зияли пустотой, и странная стояла тишина там, где люди привыкли слышать неумолчный шум потока. Говорят, что именно в том году водившееся в Апсны на дне глубокого омута невиданных размеров чешуйчатое чудовище вылезло из обмелевшего пристанища наружу. Шумно дыша от припекающего солнца, устрояя всех своими размерами и безобразным обликом, оно поползло в сторону Царского родника, который по-прежнему струился из-под земли, не мелея и не мутнея. Но доползти до родника ему не дали – сразили стрелами. По преданиям, позже шкурой чудовища, выделанного искусными мастерами, обтянули седло для

верховой езды, и оно получилось невиданной красоты, сверкающее чешуйками на солнце, как драгоценными камнями. Еще говорят, что именно это седло было на спине скакуна, которого на сходке возле храма Илора подвели в дар Леону от имени всех апсуа.

На следующий год после невиданной засухи случилась дождливая пора, ничуть не уступающая по силе засухе, принесшая еще больше урона. Дожди шли днем и ночью, горные потоки, словно наращивая недобранное в минувшем году, бурно выходили из берегов, заставляя прибрежных поселенцев искать спасения в горах, многие остались без крова над головой, урожаи гнили на корню. А море буйствовало вовсю и с такой яростной силой обрушивалось на берега в Акве, что люди все чаще вспоминали о страшной участи прежнего города, построенного здесь, о Диоскурии, взятой волнами. Как хищник, с голодным рыком накатывало море свои смертоносные валы не только на Аква, но и на Гагрипш, Псырдзху, Мысру, Эшеру – на все прибрежные поселения, производя огромные разрушения. «Найдется ли на нашу долю праведник Ной, кто спасет хоть частицу нашего народа?» – думали люди, молясь в храмах.

Слухи поползли один страшнее другого. Поговаривали, что к остальным бедам может прибавиться и землетрясение неслыханной разрушительной силы. И что всему причиной гнев бога – владыки морского царства, того, кого элины называли Посейдоном – колебателем земли, земледержцем, римляне – Нептуном, апсуа – Хайтом. И все племена, и народы в равной мере боялись разгневать безудержного владыку моря. Но с некоторых пор ослабло преклонение перед ним, и он в ярости из жемчужного подземного своего дворца посылал погибель людишкам, забывшим свои клятвы. Ведь обещано было владыке моря ежегодно с молитвами приносить ему в жертву одного юношу. Взамен просили щадить прибрежные народы, отваживать от них недобрых людей, которые направляются морем к берегам мирных поселен для разбоя, и не забирать к себе в подземное царство

для прислуживания слишком много людей. Но клятвы своей они не сдержали, и Хайт обрушил на их головы справедливый гнев. Поговаривали, что гнев владыки моря не утихнет, пока он не получит обещанного дара. Правда, говорили и о том, что Абрьскил, выбравшись из пещеры, непременно проучит злого жадного бога. Тогда взбаламученные волны войдут в свои берега, равно как и жизнь. Но случится это нескоро... Оставалось одно – умиловать гневливого бога.

Царь Леон в черной бурке, в башлыке, повязанном поверх шапки с высокой тульей так низко, что он почти закрывал глаза, верхом на своем неизменном Дуддуле возвращался из Лдзаа в Псырдзху. На многих из его свиты также были надеты бурки, а головы повязаны башлыком. Ехали они по размытой дороге вдоль прибрежной полосы. Кавалькада подъезжала к Мгудзырхве, когда заметили на берегу моря толпу людей. По морю ходили высокие волны, от шума воды, которую с яростью стихия обрушивала на берег, закладывало уши. Низкие дождевые тучи нависали над морем, но изредка солнечные лучи, пробиваясь меж тяжелыми тучами, освещали гривастые волны, и тогда вид моря и страшил, и завораживал. Но ворожба исходила не от доброй силы, и страх конца света перехватывал горло.

Царь подивился, с какой стати на берегу в непогоду собралась толпа, среди которой были не только мужчины, но и женщины, и дети? Он придержал коня. Свита тотчас последовала его примеру. Путники взгляделись в берег и обнаружили, что к подножью ивы у самой воды привязан веревками отрок десяти-двенадцати лет. Волны с яростью бились об него и откатывались назад. Самые большие накрывали с головой не только его, но доставали и до самой макушки дерева. Толпа безмолвно стояла на берегу, ожидая, когда разгневанный владыка моря разорвет пути и унесет мальчика в пучину. Они надеялись, что, приняв жертву, бог смилостивится к оставшимся и утихомирит свои владения, и они будут спасены.

В детстве царь часто слышал о злом нраве владыки моря, о том, что его надо остерегаться и задабривать, но впер- вые столкнулся с тем, что живого человека кидали тому в «пасть». Привстав на стременах, он крикнул что есть силы и погнал коня к берегу. Закоченевшая толпа обернулась на крик и, узрев царя, испуганно заколыхалась.

– Немедленно развязать! – велел Леон.

Несколько человек с готовностью бросились в море и, преодолевая сопротивление волн, добрались до мальчика и, развязав его, вынесли на руках на берег. Посиневший, на- глотавшийся воды мальчик еще подавал признаки жизни. Его бегом понесли к более или менее сухому месту на берегу и уложили на разостланную бурку с плеча одного из оруже- носцев Леона. Кто-то из охраны царя занялся окоченевшим отроком, приводя его в чувство. Вскоре мальчик пришел в себя, освободил желудок от морской воды. Его била дрожь. На его счастье оказавшиеся здесь люди завернули его в бур- ку, согревая. Спасенный царем мальчик был из рода Ампар и был единственным братом двух сестер, находившихся здесь. Они, преодолев смущение и оцепенелость, подбежа- ли к своему брату и, не веря, что он возвращен им живым и невредимым, ласково обнимали мальчика, и слезы градом катились из их глаз.

Леон не оставил спасенного отрока на произвол судьбы. Он забрал его с собой в Псырдзху, стал его крестным отцом, отдал на учебу. Со временем мальчик вырос в замечатель- ного морехода. Царь доверил ему водить боевые суда. Маль- чик из рода Ампар стал известен среди многих прибрежных народов как искуснейший мореплаватель и военачальник...

На третий год выпала чудесная пора, и природа, воспол- няя потерянное в предыдущие времена, стала наливаться соками. Никогда так обильно не цвели сады, как в тот год, никогда так сладостно не пахли соты из многочисленных пасек, урожай уродился редкостный. Яблони, груши, пер- сики, смоковницы, гранатовые деревья, кизилы клонились

к земле под тяжестью плодов, а виноградные лозы были сплошь увенчаны гроздьями винограда. Скотина, выгулянная на щедрой траве, лоснилась боками, у дойных коров обильное молоко раздувало вымя. Табуны коней, как на подбор статных, с шелковистой кожей и густыми гривами порадовали бы глаза даже самого взыскательного ценителя. А в лесу в изобилии водилась дичь, и казалось, даже там улеглись хищные повадки зверей, глядишь, на какой-либо лесной лужайке выйдут поиграть вместе волк и косуля. Такая благодать наступила в ту пору, что мудрецы затревожились: к добру ли это? Рай на земле – это всегда хрупкое пристанище для тех, кому предначертано в поте лица своего добывать хлеб. Пока же люди наслаждались наступившей благодатью, плечи их распрямились, лица разгладились, и почти в каждом дворе можно было увидеть стоящую в тени раскидистого дерева нарядно убранную колыбель, где почивал младенец или тянул ручонки к подвешенным к колыбели нехитрым игрушкам. По дворам в густой зелени травы делали первые шаги дети. Их босые ступни ощущали щедрое тепло и притяжение родной земли.

Царь и доверенные ему люди в эту пору особо радели о судьбе своего народа и беспокоились о грядущем дне. Они понимали, что для достижения незыблемого положения сделано еще слишком мало. Как тревожит родителей будущее внезапно расцветшей дочери, так их тревожил страх оступиться, опасались внезапного враждебного вмешательства извне, способного порушить то счастливое равновесие, в котором пребывала Апсны.

Часть четвертая

I

Река Эгры бесновалась. Она несла в своих мутных водах вырванные с корнем огромные деревья, коряги... Моста не было. Обычно на тот берег перебирались через брод верхом на конях.

– И когда же она разлилась?! – в досаде воскликнул один из двух всадников, с каменистого берега наблюдавших за рекой.

– Бог весть! Ведь на рассвете она еще бежала тихая да прозрачная, – сказал другой всадник, пожилой мужчина с тоскливыми глазами. – Должно быть, в верховьях случилось ненастье.

Двое эти были дозорными, которых выслали вперед по велению царя, чтобы нашли брод через реку. На рассвете, когда они сюда прибыли, река была тиха, не особенно полноводна. Всадники поездили по окрестным местам и через некоторое время, прежде чем скакать навстречу царю и его свите, вновь выбрались к берегу Эгры, чтобы еще раз убедиться, что здесь все тихо. И надо же было застать ни с того ни с сего разлившуюся, бурную реку.

– Недоброе предзнаменование, – сказал первый всадник, круто поворачивая коня. – Худое! Богу не угодно, чтобы царь перебирался через Эгры.

Едрыс – так звали его спутника – уже выбрался на дорогу. Когда первый догнал Едрыса, тот хмуро заметил:

– Не вмешивайся не в свое дело, не ты наполнил чашу похлебкой, так и ложку свою туда не сунь.

– Я же только говорю: ни с того, ни с сего река взбесилась. Как же этому не подивиться? А так все в руках Божьих, все в руках...

Едрыс, не отвечая, заторопил коня. Он даже привстал на стременах и подался вперед, будто рассчитывал быстрее собственного коня добраться до царя с вестью, которая так озаботила его и должна была озаботить и властелина.

Между тем Леон ехал просекой в самшитовом лесу в непривычной и нелюбимой им колеснице. Возле него сидела юная царица Хицис, ради которой он и пренебрег верховой лошастью. Но за возком вели его верного Дулдула, и царя тянуло вернуться на его спину. Леона сопровождали помимо приближенных еще сто шестьдесят вооруженных всадников, и держал он путь в новую резиденцию в Кутаисе, где недавно возвели новый дворец. К приезду царя там ожидалось стечение народа, а часть абхазского гарнизона, некоторое время тому назад расположившегося в Кутаисе, выехала навстречу царю к берегу Эгры и теперь с тревогой наблюдала за мутными потоками бурлящей реки. Царь намеревался непременно достичь сегодня своего дворца в Кутаисе, где его прибытия ожидали и святые отцы, нарочно приехавшие из Абхазии, чтобы благословить царя и царицу в первый день пребывания в новом дворце. Царь понимал, что не все, кто встретит там его с распростертыми объятиями, рады разворачивающимся событиям. Переезда за Эгры не желала даже молодая царица и тихо печалилась о том. Чтобы развеять грусть в глазах любимой, он и сменил спину Дулдула на место в колеснице. Царь не мог понять, почему по воле Божьей собранные им земли, дворец, в течение последних пяти лет возводимый лучшими зодчими, какие только нашлись, вызывают столько разноречивых толков и не доставляют радости даже той, что тихо сидела рядом с ним, опустив долу глаза.

Дорога вывела к просторному лугу, именуемому Гудааполе. Здесь царь велел устроить привал и сам первым вы-

шел из колесницы, с удовольствием расправил затекшие ноги и ступил на край поля. Оно в весеннем убранстве с уже зацветшими желтыми одуванчиками представлялось удивительно красивым. Но не красота сейчас волновала царя. Он, окидывая взглядом широкое ровное поле, думал над тем, что это место как нельзя лучше подходит для обучения ратному мастерству молодых воинов. Несколько таких мест в Апсны было уже отдано молодым ратникам и их наставникам. Царь подумывал над тем, чтобы использовать для этой цели и Гудаа-поле. Не худо бы еще расселить поблизости людей, лично ему известных и заслуживших его приязнь. Леону нравилось здесь, и он хотел, чтобы эти земли осваивали люди, к которым у него лежало сердце. Стремянной вывел на поле царского коня. Тот, выгнув гордую шею, забил правым передним копытом, будто вознамерился и в Гудаа-поле пробить еще один родник. Леон подошел к Дулдулу и провел по холке рукой. Конь скосил на него умный крупный глаз, и царю почудилось, что Дулдул упрекает его в том, что они врозь преодолевают дорогу. Царь погладил его по шее – знак, означавший: «нас никто не разлучит». И конь, будто бы поняв значение царского жеста, перестал бить копытом. Молодая царица, которой помогли выйти из колесницы, ступила на край поля, завороченно оглядывая его. Она, выросшая в горах, всегда с ошеломленным восторгом воспринимала просторы низин. А как она заглядывалась на морскую гладь, впервые увиденную, уже будучи юной царицей! Нарядная Хицис в золотистой накидке из тончайшего шелка, с тяжелыми серьгами, что собственноручно вдела ей в уши свекровь Джарымхан-ханым в день свадьбы, в узких расшитых башмачках, выглядела на этом поле диковинной золотой птицей и в красоте могла бы соперничать с самой Гундой Прекрасной. Вобрав полной грудью свежий ветерок с гор, Хицис размечталась – хорошо бы пробежаться босиком по затканному цветами полю. Но понимая, что подобное ребячество не пристало ее высокому положению, чин-

но прогуливалась, ощущая подошвами ног, что под дерном не суглинок, а песчаная почва. Как она была бы счастлива, если, насладившись раскинувшейся перед ними красотой, царь приказал бы повернуть обратно. Не лежало ее сердце к землям, что по ту сторону Эгры, не лежало и все тут. Леон в одиночестве прохаживался на некотором расстоянии от всех. Никто не решался нарушить его уединения, издали было видно: царь над чем-то напряженно размышляет. Вдруг в поле его зрения попали двое всадников, опрометью мчащиеся по тракту. Возле колесницы они придержали взмыленных коней, соскочили с них, углядев царя на поле. Один из прибывших – это был Едрыс – быстрым шагом, почти бегом направился к царю. Когда он предстал перед царем, тот взглядом разрешил ему говорить.

– Плохо дело, царь мой. Эгры вышла из себя.

– С чего это? – рассеянно осведомился царь, глядя поверх его головы.

– Должно быть, ледники в верховьях реки растаяли...

– Так припекло? – насмешливо глянул на него царь, придавая сказанному двойное значение.

– Да, потеплело, – пробормотал Едрыс, не зная, что еще сказать и взмолился: – Броду не найти, надо повременить, пока вода спадет.

– И когда же это случится?

– Никто не может сказать, царь мой.

– По-твоему, мы и неделю должны простоять у берега, дожидаясь, пока река войдет в свои берега?

– Не могу знать...

– Доберемся до реки, там решим! – с этими словами Леон скорым шагом направился к дороге.

Свита, видя решительное движение царя, поспешила за ним. Хицис помогли подняться в колесницу. А царь, минуя повозку, стремительно подошел к Дулдулу. Стремянной не успел поддержать стремя царю, тот уже был в седле.

– В путь! – коротко велел он и первым тронулся в дорогу.

Остальные молча последовали за ним. Телохранители обеспокоились тем, что царь в одиночку выступает впереди, но и слишком открыто навязывать ему свое присутствие они не решались, ехали поодаль, испытывая немалую тревогу и стараясь сократить как можно больше расстояние между собой и царем. Колесницу, в которой везли Хицис, взяли под бдительную охрану. По три всадника ехали по бокам колесницы, даже на полшага не опережая ее размеренного движения. Молодую царицу тревожила столь плотная опека, роились мысли о том, что у ее венценосного супруга слишком много врагов. Что в будущем их ожидает? И всегда ли Леон будет на коне? Сердце ее холодело от таких мыслей много сильнее, чем тогда, когда ее под волнующую свадебную песню незабываемой лунной ночью везли в многочисленном свадебном кортеже во дворец в Псырдзхе. Тогдашнее волнение ее было другого рода – то было предвкушение счастья, хотя многого она и опасалась, многому дивилась. Так ее поразила крутизна, на которой стоял царский дворец, хотя ее, горянку, трудно было удивить горной местностью. Она в ту ночь, когда ее везли дорогой счастья, отвлекаясь от собственной судьбы, думала о том, как же удалось преодолеть столь трудный подъем людям, доставившим ее раненого брата во дворец. Будущую жизнь она представляла себе как в тумане. Одно она знала со всей очевидностью – Леон ей бесконечно мил, но как сложится ее жизнь во дворце, со свекровью? Больше всего ее страшила встреча с Джарымхан-ханым. Когда Хицис сосватали, родственницы, близкие к дому ее отца, если о чем-то и сокрушались, то о том, что будущий зять – сын хазарки. Да и саму Хицис устрасил в свое время проезд через их поселение хазар, ведомых самим каганом. Одежда, внешний облик, непривычный говор, даже то, как непохоже на местных они держались в седле, – все внушало страх юной Хицис. Теперь она утешалась мыслью, что свекровь, воспитавшая такого лучезарного сына, как Леон, не может оказаться сурового нрава. И на самом деле,

Джарымхан-ханым сердечно приняла невестку. Памятуя по собственной юности, как сложно войти в чужой мир и стать своей, она окружила Хицис вниманием. То, что сын ее женился, следуя своему чувству, взволновало Джарымхан. Напомнило, что и его отец ради нее готов был преодолеть сотни преград. Верно, взяв в жены Хицис, Леон следовал своему сердцу, но этот союз стал и шагом, объединяющим две части Апсны, что, несомненно, учитывалось царем. Ранее бзыбцы и цабалыцы вершили свои дела, не слишком оглядываясь друг на друга и не задумываясь, как скажутся их деяния на судьбе всей Апсны. Но времена менялись. И то, что Леон не стал искать своего счастья за тридевять земель, говорило о многом. Сама же Хицис открывала свой новый мир, как дверцы в зачарованном дворце, наслаждаясь каждым днем и связывая радужные надежды с будущим. Но с тех пор, как она покинула Анакопию, сомнения и грусть не оставляли царицу. Сколько пересудов породило то, что царь велел заложить в Кутаисе дворец, а уж когда он заявил, что переносит главную свою резиденцию туда, поднялась и вовсе буря. Даже самые преданные царю люди выразили сомнение в верности принятого решения. Но царь, объясняя свой выбор, растолковал им, что благодаря заключенным союзам, а также поддержке мощного Хазарского каганата, он спокоен за северные рубежи своей страны, чего он не может сказать о землях, находящихся за рекой Эгры.

«Определи туда верных тебе наместников, а сам оставайся здесь, в своей вотчине, не покидай родовое гнездо!» – советовали царю доверенные лица. Но своего решения он не изменил. «Что ждет нас впереди?» – тосковала царица. А сам царь мчался к реке, сердясь на неожиданно возникшую преграду. Будто бы и река в сговоре с теми, кто противится решению Леона определить главным городом страны именно Кутаис. Верный конь, почуяв нетерпение седока, припустил всюю. Быстроногий Дулдул летел, как выпущенная тугой тетивой стрела, но и он, очутившись на берегу бурной,

мутной реки, катившей свои воды, бившей о берега, точно живое существо в ярости, стал как вкопанный. Леон соскочил наземь и изумленно взгляделся в мутный поток. Точно дурное предзнаменование, подумалось ему, иначе как могла столь бурно разлиться вода в погожий день под ясным высоким небом? Ветерок с реки запутался в окаймлявшей его лицо короткой бородке, легкой, как персиковый пушок. Закрывшись от солнца рукой, в которой держал вдвое сложенную плетку, царь взгляделся в другой берег Эгры. Между тем и спутники приблизились к нему. Колесницу с царицей остановили на подступах к реке. Возчик некоторое время сидел, вцепившись в поводья, а потом сошел наземь и тоже направился глянуть на мутные потоки. Оставшиеся без возницы кони потоптались на месте и затихли. Часть всадников спешила и направилась к царю, а другие остались в седле в ожидании дальнейших повелений царя. А тот все вглядывался в дальний берег, с нарастающим беспокойством наблюдая за скоплением странных людей на той стороне. Неожиданно через реку пролетела стрела и вонзилась в землю в двух шагах от царя. Один из телохранителей, кляня себя, что, долети стрела до цели, он не успел бы заслонить властелина, проворно извлек стрелу из земли и тотчас вложил во властно протянутую руку царя. По раздвоенному наконечнику Леон сразу определил, что стрела из чужого стана, а не выкраденная или силком присвоенная у кого-то из его людей.

«Предупреждают, что за Эгры нам места нет? – промелькнуло в голове. – Останавливают, угрожают? Чьи же на этот раз происки?»

А река с громким ревом катилась все мимо, в мутной воде неся коряги, щепы, грязь с подмытых берегов.

Несмотря на клокочущую в нем ярость, несмотря на привычку никогда не отступать, разум подсказал Леону, что надо повернуть назад. Все так же крепко сжимая в руке сложенную плетку, он молча вернулся к дороге, поднялся на спину Дуддула и пустился в обратный путь. Спутники в

молчании последовали за ним. Только теперь телохранители старались как можно ближе держаться к властелину, да усилили охрану возле колесницы, в которой ехала царица.

Они довольно далеко отъехали от берега Эгры, когда вдруг из леса выбежал на дорогу какой-то оборванец, с лохмотьев которого щедро стекала вода. Подняв дрожащие руки вверх, он жестами попросил царя остановиться. Царь натянул поводья. Оборванец низко поклонился и попытался что-то выговорить, но голос не слушался его.

– Узнайте, что ему надобно, – велел царь охранникам.

Двое из них проворно спешили, подбежали к неожиданному встречному, придержали за плечи.

– Кто ты? Откуда?

– С того берега, – тающим голосом выговорил тот, весь дрожа.

– Как с того берега? Как течение преодолел? – подивились услышанному.

– О чем он? – окликнул царь.

– Говорит, что перебрался с того берега, – ответствовали телохранители.

– Убили нас, – выговорил оборванец, – напали, разорили...

Все ошеломленно переглянулись.

– Берите его с собой, найдем место, где переговорить! – велел царь и тронул в путь. Тотчас же подвели к неожиданному гонцу коня, водрузили его в седло, но дрожащие руки не могли совладать с уздечкой. Один из охранников повел коня под уздцы. Другой ехал позади все время на чеку, чтобы успеть подхватить неожиданного спутника, если тот сползет с седла. Было похоже, что вестник дурных новостей близок к беспамятству.

Обратный путь был в тягость даже тем, кто не одобрял затею царя перебраться в Кутаис. Никому не хотелось, чтобы он отступил от задуманного, и стрела, вонзившаяся в двух шагах от него, оскорбляла достоинство всех его приближенных, а еще этот странный человек с бредовыми сло-

вами «убили»? Кто посмел? Ведь царь достаточно укрепил новую цитадель. И во главе сильной дружины там стоит Баалоу Хезан – более верного царю человека невозможно найти. Местные же поселенцы давно усмирены и не смогли бы внезапно поднять бунт такой силы, чтобы ратники Баалоу Хезана не справились бы с ними. Так что же случилось, что за напасть? Такие мысли мучили всех всадников, сопровождавших царя. И Хицис, сидевшая в колеснице, не могла скрыть от своих спутниц, как она огорчена случившимся. Верно, она не жаждала ехать в Кутаис, но так сразу повернуть назад из-за того, что разлилась река, казалось ей неразумным. И почему было не переждать, пока река войдет в берега, не век же ей так течь? Или дело вовсе не в реке? А в чем же тогда? И как встретят в Анакопии, когда они вернутся не солон хлебавши? Позлорадствуют про себя те, кто советовал не покидать родной вотчины? Мол, рвался царь вылететь из родного гнезда, да крылья не подняли? «Нет, он не должен отступать, он не должен возвращаться! – вырвалось у царицы. – Я знаю: он не из тех, кто сдастся!» Неожиданно она почувствовала, что готова плечом к плечу с ним идти, куда он велит, и не отступать, каким бы трудным не выпал путь. Хицис сама подивилась своей решительности и порадовалась ей – раньше не подозревала, что способна на такое. Пока она размышляла, колесница неожиданно остановилась. Царица и ее спутницы выглянули наружу и обнаружили, что находятся у развалин какой-то крепости, а вокруг встает густая дубрава. Оруженосцы царя спешили, сняли с коня гонца и повели, поддерживая с двух сторон, – он едва передвигал ноги – к плоскому замшелому камню у руин. Кто-то расстелил на камне бурку, и гонца усадили на него. Леон спешил и приблизился к камню. Измученный вконец человек, узрев царя, попытался подняться на ноги, но это оказалось ему не под силу, как оказалось не под силу и слово выговорить. Хорошо, что один из телохранителей догадался взять у обозчиков бурдюк с питьем, плеснуть в

широкую деревянную чашу крепкого красного вина и поднести гонцу. Тот жадно осушил чашу, после чего сумел выговорить:

– Прости царь, прости, их оказалось слишком много, силы неравны...

– Толком расскажи, что стряслось! – велел царь.

Он уже догадался, что перед ним кто-то из охраны дворца в Кутаисе.

– Беды ничто не предвещало, мы мирно готовились к вашему приезду. Но вчера на рассвете они напали на нас. Несметными полчищами. Видит Бог, мы бились, не щадя живота, многих, очень многих уложили насмерть. Но их было не счесть. Не удержали мы дворец, царь, пала крепость, и наши почти все полегли, а Баалоу Хезан пленен. Мы же, семеро, сумели бежать и заторопились вам навстречу – предупредить об опасности. Здесь новая беда – поднялась река, смотреть страшно. Но ждать мы не могли. Четверо не отважились войти в Эгры. А мы втроем пустились вплавь. Не знаю, что случилось с теми двоими, я же добрался до берега, хоть и сильно отнесло вниз по течению...

От ужасной вести люди помертвели, стояли изваяниями, даже взглядами не встречались. Но над онемевшими людьми щебетали птицы, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь густые кроны, пятнали скорбные лица – лес жил своей жизнью.

Часто приближенные царя, ценя его острый всеохватный ум, тем не менее сетовали, что он слишком скор на решения. А кто поспешил – людей насмешил. Некоторые судачили, мол, нетерпеливость царя объясняется примесью хазарской крови. Можно подумать, среди соплеменников его отца так уж невозможно было встретить неумных, быстрых на решения и поступки людей. И сейчас среди свиты пребывали люди, полагавшие с самого начала, что царь поторопился строить дворец-крепость в Кутаисе, как поторопился пуститься в путь туда, и те-

перь вот бесславно возвращается назад. Весть, изложенная гонцом, укрепила сомневающихся в мысли, что царь изрядно поторопился.

Царь молча повернулся и направился к своему коню. За ним в удрученном молчании последовала свита. Несчастливого вестника почти на руках донесли до коня, но в седле он сам уже держался. Печальная процессия двинулась в обратный путь. Все понимали – миру пришел конец, ждет их поле брани, и еще прольется много крови...

Больше не останавливаясь в пути, они добрались до Анакопии. Поначалу старейшины подумали, что царь внял их советам и вернулся с полпути – и подобное случалось, но когда предали огласке истинную причину возвращения, посчитали, что чести страны и царя нанесен урон. Даже Джарымхан-ханым впала в ярость, оскорбившись за сына, и одновременно она испытала великий страх. Как никто другой, Джарымхан-ханым знала нрав сына и понимала, что он обдумывает, как отомстить, и месть будет сурова. От крепости в Кутаисе он не откажется, и никакая сила не заставит его отступить. Тем не менее, во всеуслышание она заявила, что не позволит никому покинуть родовое гнездо, незачем совершать не богоугодное дело – оставлять наследие отцов. Она и шага не сделает из этого дворца и другим не даст. Джарымхан-ханым понимала тщету своих слов, сын все равно поступит по-своему, но и молчать не могла. При виде измученного лица юной невестки слезы навернулись на глаза Джарымхан-ханым, но она взяла себя в руки и мягко сказала Хицис: «Все образуется, нан, все образуется...».

Царь немедленно созвал военачальников, во все концы страны направил гонцов, оповещающих о том, что Апсны в опасности. Весть эта прозвучала для уже привыкших ко вкусу мирной жизни людей громом среди ясного неба. Недоброжелатели царя встрепенулись и с удвоенной силой стали строить козни, нашептывая простолюдинам, что

царь не угоден Богу, что он приносит и людям, и земле несчастье. Тая злую радость в душе, они надеялись, что последние события наконец свалят племянника хазар.

Помимо действующей армии, были призваны на службу и молодые, еще не обученные юноши. А сыновья высокородных аамыста, по воспитанию своему прекрасно владевшие оружием, и сами встали в ряды царской армии.

Началось спешное освоение ратного мастерства необученными юношами.

Царь понимал, хоть весть ему доставил лишь один-единственный гонец, какое кровопролитное побоище случилось в Кутаиси и как основательно надо подготовиться, чтобы взять верх над теми, кто принял твердое решение во веки веков отбить у царя охоту перебраться через Эгры и там обосноваться. Леон послал гонцов и в Хазарский каганат с вестью о случившемся, просил своих союзников по ту сторону Кавказа прийти на помощь, ежели она понадобится.

Дальцы и цабальцы впали в неопишуемый гнев, когда весть о том, что случилось за рекой Эгры, достигла их ушей. «Сколько раз заречные жители предавали нас!» – кипели они негодованием. Припомнили лазам и то, что во времена Юстиниана они обманом привели сюда предводителя его войск, и каким ужасающим кровопролитием завершилось это вероломство. Теперь же лазы оскорбили самого царя, побили его людей, разрушили крепость-дворец. Не посчитавшись с тем, что юная царица – дочь владетеля Цабала, лазы отдельно нанесли оскорбление всем цабальцам да дальцам. И здесь поспешно стали готовиться к войне...

В анакопийском дворце, в обширном помещении, где обычно царь собирал совет, в этот час было многолюдно. Царь по обыкновению не сидел во главе совета, как должно было быть, а встав, расхаживал вдоль стола. Приближенные дивились, а некоторые даже раздражались про себя: «И чего он выхаживает, чего ему не сидится на месте?»

Когда пытаешься разглядеть фигуру Леона через магический кристалл веков, то в голову приходит образ Наполеона Бонапарта. Отвагой, стремительностью принимаемых решений, неожиданностью поступков, умением почуять очаг предательства и немедля уничтожить его, бесконечной силой духа, способностью убеждать, обращая врагов в союзников, острым умом, полководческим даром эти два человека, в земной жизни далеко разнесенные в веках, были схожи меж собой.

Рядом с Леоном удержаться могли только люди с сильной волей, отважные, мыслящие по-крупному. Царь решал судьбу страны не единолично, а советуясь со своими приближенными, каждый из которых правил в какой-либо части страны. Если возникали спорные вопросы, решались они на совете. Такого государственного устройства в Апсны до Леона не существовало. Сторонники Леона – их было куда больше недругов – полагали, что Леон сделал верный выбор, решив основать в Кутаисе главную свою резиденцию. Произошедшие события лишь убедили их в этом. Враги не желали расширения пределов Апсны, укрепления царства абхазов. Если о чем-то в этот час горько сожалели сподвижники Леона, то лишь о том, что противник был недооценен. Защитники крепости потеряли бдительность, чем затаившиеся враги воспользовались тотчас, недостаточна была и численность гарнизона. Вместо того, чтобы отговаривать царя от переезда в Кутаис, надо было приложить усилия во избежание подобных ошибок. То, что этого не произошло, огнем сожаления опалило их сердца. События, случившиеся в Кутаисе, до конца еще не прояснены. Для сбора сведений туда тайно переправлены лазутчики, но на совете решено, не дожидаясь возвращения лазутчиков, сосредоточить армию у берегов Эгры. Какие бы силы там ни действовали, они осмелились овладеть крепостью царя Апсны, а значит, посягнули на всю страну. И это требовало незамедлительных ответных действий!

II

Во время описываемых событий дядя царя Леон Старший, мучаясь в постели от последствий ран, полученных во время многочисленных сражений, раздирал свою душу, думая о допущенных ошибках в своем правлении. Но много промахов он видел и в поступках племянника. Весть о случившемся в Кутаисе совершенно сразила Леона Старшего. Он сразу догадался: здесь не обошлось без участия его сына Феодосия. Эта мысль его и вовсе бросила в жар. Он метался в своей постели, и стонам его вторили стены дворца. «Наду-мали укротить мой век, – мучился он, – что же творят и как все это преподнести престарелой, но все еще сохранившей ясный ум матери?» Но вдовствующая царица не нуждалась ни в каком утешении. Как сердце ее с самого детства пленил внук Леон, так и по сию пору оставался его властелином. Хирхух думала, что свершается все, что она напророчила внуку, когда еще он был малым чадом. Он укрепит свою страну, объединит народы, станет их легендой, их талисманом. А то, что произошло в Кутаисе, не повод для отчаяния. Пусть отчаиваются люди с коротким умом, вероломно занявшие крепость внука. Недолго им осталось наслаждаться видимостью своей победы. Они будут сметены. Хирхух знает своего внука. Так же она пыталась ободрить любимую невестку Джарымхан. Но невестка и сама проявляла недюжинную силу духа. Удивительно, как девичья нежность, кротость, послушание переплавились с годами в Джарымхан в мужество, отвагу, мудрость. Она давала дельные советы сыну, и с годами все больше походила на свою бабушку Барсбит-ханым.

А Леон Старший все мучился, не зная, что предпринять. Ему хотелось призвать племянника к себе, откровенно сказать, что он не одобряет излишнего сближения с хазарами. В том, что царь перенес свою резиденцию в Кутаис, Леон Старший не без основания усматривал желание племянни-

ка оказаться поближе к землям каганата. Коробило старого Леона и то, что водораздел отчуждения проходит между молодым царем и Лазикой. Когда-то с благословения картвельского царя Лазика находилась под рукой Леона Старшего. С картвелами связывает родство. А ныне и родство, и картвелы, и лазы – все побоку, одни хазары любви сердцу племянника. Позвать бы и все высказать в лицо! Но если племянник не соизволит посетить дядю, это оскорбление окажется невыносимым. Иногда Леон Старший подумывал: может, повелеть, чтобы его самого подняли на гору, где жидется племянников дворец, да сказать младшему родичу: «Довольно враждовать, единой мы крови, и не след это забывать». Не все обрадуются тем, что он помирится с племянником, но что ему до того? Поступи он так раньше, возможно, удалось бы удержать царя от опрометчивых поступков, и сегодня страна не была бы ввергнута в пучину бед...

***

Лазутчики, посланные разузнать, что происходит на землях за рекой Эгры, добравшись до реки Аалыдзга, на маленьких челнах выбрались к морю и, держась вблизи берега, доплыли до устья Эгры, туда, где она вливалась в море, и здесь обнаружили множество судов, стоящих на приколе. К несчастью, и с судов приметили их. Лазутчиков взяли в плен, но двоим, самым отважным и умелым пловцам, удалось скрыться, проплыв под водой достаточно долго. Они выбрались на вражеский берег, сумели многое разузнать и благополучно вернулись назад. Но новости их были горьки. За кровавыми событиями стоял Феодосий. Это он при посредничестве материнской родни стоворился с арабами. Он пообещал, если арабы посадят его на трон Апсны, открыть им все дороги, стать верным союзником во всем. И в Лазике, и в Картли нашлось множество людей, готовых выступить против племянника хазар. Лазика давно подняла бы бунт, если бы не опасалась хазарских родичей царя. Ког-

да же удалось заручиться поддержкой двоюродного брата Леона Феодосия, имевшего не меньшие права на абхазский трон, чем тот, кто нынче сидел на нем, они воодушевились и встретили орду арабов как освободителей. Совместными усилиями они завладели укрепленным дворцом царя. Но зная нрав Леона и что он им этого не спустит, они уповали на то, что арабы их оборонят. Остался ли в действительности кто-то из защитников крепости в живых – неведомо, хотя говорят, что Баалоу Хезан в руках врагов, помимо него еще есть пленные. Правда, лазутчикам другие люди говорили, что Баалоу Хезан пал в бою и вместе с ним вся его дружина. Определенности в этом вопросе не было, да, по сути, это и не имело значения. Ясно было другое: страшная опасность грозит Апсны.

За трое суток собрали большое воинство. Одни цабальцы выставили шесть тысяч вооруженных, отменно подготовленных всадников. От них не отстали и в Абжакве, и в Адзюбже, и повсеместно во всей Апсны.

Накануне того дня, когда войско должно было выступить в поход, на Анакопию упал густой туман. И будто под прикрытием тумана явился перед Леоном Дух земли – спутник его детства, ничуть не изменившийся с тех пор, как он и обещал Леону некогда. Царь как раз проводил последний совет перед выступлением в путь. Разумеется, ни для кого из участников совета Дух земли не мог быть замечен. Но все присутствовавшие почувствовали внезапную перемену в царя, по обыкновению расхаживавшему вдоль длинного стола, за которым сидели участники совета. Он на мгновение застыл на месте, глядя прямо перед собой. Им почудилось, что от царя исходит невероятная сила, и что прямо на их глазах он обретает уверенность в победном исходе битвы. Состояние царя передалось и всем находившимся в помещении, они ощутили невиданный прилив сил. А царь глядел на Духа земли, знал: он пришел на помощь. Значит, и Божье благословение с ним, с Леоном...

Той же ночью, на рассвете, царь спустился к роднику. Точно соперничая с дымкой тумана над Анакопией, звонко бегущий по камням родник исходил теплым паром. Леон протянул руку, чтобы снять ковшик и зачерпнуть воды из родника. Но чья-то невидимая рука опередила его, и с наполненного ковшика некто стал сливать воду на руки царю. Он подставил под чудодейственную струю соединенные ладони и умылся. Таким же волшебным образом в его руках появилось белоснежное мягкое полотенце, и как только царь утер лицо, оно исчезло. Леон почувствовал, как в него вливается удивительная молодая сила, несокрушимая мощь. Твердо ступая сильными ногами, он стал подниматься по каменным ступеням ко дворцу. Но, не доходя до него, он свернул к могиле отца. И в долгом мысленном обращении к отцу царь просил простить его за невольно свершенные ошибки и сослать с небес свое отчее благословение, если отец одобряет путь, на который утром вступит Леон во главе многочисленного войска...

III

Ранним утром войско, разделенное на три крыла – у каждого крыла был свой военачальник, – выступили в путь. Леон восседал на боевом коне хазарской породы белоснежной масти, но это был не Дулдул. С годами Дулдул стал уставать, и царь выбрал для предстоящей битвы другого коня, оберегая своего любимца.

Правое крыло воинства возглавлял прославленный Беслан Тапш-ипа, и состояло оно почти из одних цабальцев, прекрасных лучников. Помимо луков вооружены они были мечами и кинжалами. У каждого воина – дубовый щит, круглый, как панцирь черепахи. Все цабальцы – на хороших крепконогих конях, сами с ног до головы защищены кольчугами, латами. Левое крыло возглавлял военачальник из Абжаквы Аджыр-ипа Мсакей. И его воины выглядели

не хуже цабальцев, также увешаны оружием и защищены кольчугами да латами. Сердцевину войска – главную ударную силу – вел сам царь. В нее входили воины из Псырдзхи и множество хазар. Царь был закован в латы. На кольчуге красовалось изображение орла, на голове – нечто, схожее с рыцарским шлемом, только с поднятым забралом, на поясе – тяжелый египетский меч – дар хазарского кагана Барджил-хана. В руке он держал бронзовый щит. По бокам царя выступали оруженосцы и телохранители.

За войском везли на повозках метательные орудия, копья, стрелы, мечи и многое другое, в чем окажется нужда на ратном поле.

Люди, провожая рать, выходили на дорогу. Желая воинам победы, они возносили молитвы, и долго смотрели войску вслед. Когда войско стало приближаться к Аква, многие ратоборцы из близлежащих поселений на своих конях с полным вооружением стали вливаться в его и без того многочисленные ряды. Как река, принимающая в себя множество ручейков, ширится, становится могучей полноводной рекой, так и рать Леона разрасталась мощью.

До Эгры оставалось рукой подать, когда всадники числом около десяти прискакали с той стороны. То были лазутчики с нерадостной вестью. Оказалось, что вода в Эгры настолько спала, что вражеские силы, стоящие по ту сторону реки, намереваются преодолеть ее и двинуться навстречу войску Леона. Численность противника велика. Помимо призванных Феодосием арабов – а их тьма – наступают и лазы. Они прекрасно понимают: доберется Леон до Кутайсы, жестоко отомстит лазам за их вероломство, за разрушенный дворец, за гибель гарнизона, за взятых в плен. По последним сведениям, пленных держали на чужеземных кораблях в море. Донесение лазутчиков привело в ярость царя, но он сдерживал себя, не позволяя ярости попусту растратиться. Он должен был сохранить ее до берега Эгры. Царь гневался и на саму реку, будто она нарочно разлилась,

не дав ему через нее переправиться, а сейчас обмелела, открывая дорогу врагам. Вид царя в полном вооружении на могучем коне под кольчужной попоной, из чьих ноздрей вырывался пар, точно дымок, предвещающий огонь, был прекрасен и напоминал великого героя прошлого – Нарта Сасрыкуа.

По дороге все чаще стали попадаться беженцы – в основном старики, шедшие тяжело опираясь на палки, да женщины с младенцами. По их словам, кое-где враги переправились через реку и жгут прибрежные поселения.

Когда шум реки стал слышен, войско остановилось. Как и было задумано ранее, первым в наступление шло крыло, возглавляемое Тапш-ипа Бесланом. Левое крыло должно было занять место вдоль реки Эгры до самого ее устья. Предполагалось, что воины под началом Леона нанесут удар после того, как в бой ввяжутся два крыла. Решение далось Леону нелегко. Ему хотелось самому возглавить все войско и первым с мечом идти на врага. Но он понимал, что, имея впереди столь могучего противника, нельзя поддаваться ни ярости, ни иным желаниям, разум должен взять верх. Исход битвы решит разумное ведение боя. Царю на скорую руку поставили шатер – один из даров Барджил-хана – и под ним, со всех сторон охраняемый верными воинами, Леон последний раз обдумывал свои шаги. Еще одни лазутчики, посланные за свежими новостями, вернулись с донесением, что на деревьях на том берегу, прекрасно просматриваемых отсюда, враги, очевидно, для устрашения повесили на витых лозах пленных. А сами связывают все теми же плетями лозы громадные бревна, чтобы переправиться через реку, и что на том берегу черным-черно от бесчисленных воинов противника.

Леон вышел из шатра и, поднявшись на спину своего боевого коня, обратился к войску со словами:

– Не раз мы выходили вместе на ратное поле! Многие сыновья нашей отчизны пали, защищая ее до последней

капли крови. Не посраим их памяти! Сегодня решается судьба Апсны! Она – в ваших руках! Отступим – покроем позором не только наши головы, но и память предков! Тысячелетиями они сберегали нам родные очаги, неужто мы отдадим их сегодня на разор врагу? Мы перенесли свою резиденцию за Эгры, дабы укрепить земли наши, а не для того, чтобы их персы да арабы топтали, как было прежде. Мы намеревались стать щитом для картвелов и лазов, не раз терпевших бедствия от арабов и персов, стать их верными союзниками. Не наша вина, если лазы предали нас! Смерть предателям! Нам нет иного пути, кроме победного. Лучше пасть во имя родной земли, чем предать ее. Я уверен: нет среди нас трусов. Но если такие найдутся и кинутся прочь от сечи, спасая жалкие жизни, знайте: спасения не будет. Бегство будет приравнено к предательству. Как всегда перед началом битвы, дадим клятву верности своей земле и друг другу. И поклянемся, что враг будет уничтожен!

Царь выхватил меч из ножен, поднял высоко и воскликнул:

– Клянусь!

– Клянусь! Клянусь! Клянусь! – могучим эхом прокатилось по рядам войска.

Царь встал во главе своей рати. При виде хазар, сидевших в седлах, как влитые, он вдруг остро ощутил верность материнской родни и что хазары плечом к плечу с ним пойдут в святой битве за родину. Это придало ему еще больше сил.

– Вперед! – крикнул он, привстав в стременах и потрясая мечом.

Всадники, ведомые Тапш-ипа Бесланом, вихрем помчались к берегу Эгры. Травы никли под копытами конницы.

Как только достигли берега и неприятель оказался на виду, Тапш-ипа Беслан с воинским кличем «ахахай, амарджа, ахахай, абаапсы!» послал первую стрелу на тот берег,

и она нашла цель. Один из всадников противника сполз с седла. Следом за предводителем его рать послала на тот берег множество стрел. Противники ответили тем же. Пронзительный свист летящих стрел перекрывал шум реки. Те из врагов, которые у самой реки возились с бревнами, связывая их для переправы, теперь, стоя на плотках, стреляли в сторону апсуа, но их стрелы не достигали крутого берега. Убедившись в этом, они, бросив бревна, стали карабкаться на свой берег, но смерть наступала их раньше, чем они добирались до места. Некоторые из них еще на плотках были сбиты стрелами соратников Беслана Тапш-ипа. Они упали в реку, и течение повлекло их прочь.

Между тем правое крыло воинства Леона спустилось вниз вдоль течения реки и, отыскав тайный брод, о котором знали немногие, без единой потери перебрались на тот берег и неожиданно ударили по врагу. И воины Беслана Тапш-ипа, непрерывно посылая стрелы в стан врага, бросились в воду, доходившую до крупа коней, и где вплавь, а где копыта коней и достигали дна, стали преодолевать Эгры. Арабы и персы оказались меж двух огней и поначалу ослабили сопротивление, но потом, выхватив мечи, кинулись в сечу. Лучники Беслана Тапш-ипа, равно как и он сам, теперь вступили в сражение на мечах. С другой стороны рубилось левое крыло воинства Леона. Все смешалось. Кони пронзительно ржали, стоны выбитых из седла воинов, погибающих под копытами коней, оглашали ристалище. Окровавленные персы что-то кричали на своем языке. Беслан Тапш-ипа бился мечом во все стороны, показывая пример своим соратникам, которые, впрочем, не отставали от него. Но врагов было несметное количество, и скоро правое крыло войска стало терять силы. Вот тогда, преодолев Эгры, в бой вступил Леон во главе со своей «сердцевиной» – ударными силами. Со сверкающим мечом, как бог грозы Афы, он ринулся на врагов впереди своей рати. «Держитесь, царь с нами!» – могучим голосом, перекрывающим гул сечи,

крикнул Беслан Тапш-ипа, ободря своих соратников. Через мгновение вражеский меч вошел в грудь поднявшегося на дыбы коня военачальника правого крыла. Конь покачнулся и стал валиться навзничь. Но скорый, как молния, Беслан Тапш-ипа успел соскочить наземь, не дав себя подмять рухнувшему коню. Твердой рукой он пронзил копьем перса, убившего его коня. Перс не успел заслониться щитом и кулем свалился с коня. Но ноги его запутались в стремях, и конь поволок его по полю битвы. Беслан перехватил вражеского коня под уздцы, высвободил из стремян ноги убитого, и через мгновение оказался верхом и с воинским кличем ринулся в гущу битвы с мечом наголо.

Арабы и персы дрогнули, когда царь Леон во главе «сердцевины» войска врезался в битву. Кони, потерявшие седоков, обратившаяся в бегство часть персов и другие, которые по-прежнему сражались беспощадно, – все смешалось, и в этом стонущем, кричащем, ржущем круговороте людей, коней было трудно понять, кто здесь берет верх. Но немного времени спустя стало проясняться: воинство Леона все решительнее теснит врага. А могучий голос царя, идущего в наступление, орлиным клетотом проносился над сечей, повергая в ужас врагов. Персы еще не показали спины, но все дальше отступали от берега реки. Понемногу бой переместился на широкое поле. И наступил час степняков – хазар. Они знали, что арабы давно завоевали персов и заставляли их воевать против кавказских народов и самих хазар. Злость в них закипела с невероятной яростью. С пронзительными криками, крутя над головой арканы, они кинулись на персов. Те, не раз сражавшиеся с хазарами и знавшие их повадки, не рассчитывали встретить их здесь. Персы побежали. Хазары их настигали, набрасывали на них арканы, сдергивали с коней наземь, рвали им, точно волки, глотки и пробовали на вкус вражью кровь.

Апсха дивился одному: как быстро предатели сумели призвать на свою землю тьму арабов и персов. Били врагов,

били, а казалось – они не убывают. Тем не менее, их гнали все дальше и дальше. На землю упала ночь, и войска в большом отрыве друг от друга расположились на ночлег.

Для измученного тяжким боем абхазского воинства это была трудная ночь. Мрак оглашали стоны раненых, кони ржали, тяжелый дух лошадиного пота, перемешиваясь с запахами крови и испарений, висел над станом. Не было сил ни костры раскладывать, ни пищу принимать, хотя в обозе и было, чем подкрепиться. Дождавшись рассвета, абхазское воинство вновь пошло в наступление и неожиданно для себя встретило решительное сопротивление врагов. Более того, те и сами готовы были повернуть назад абхазов. Стало ясно: ночью к ним пришло подкрепление. Отчаяние придало силы воинам Леона. Арабы дивились мужеству и быстроте своих противников, и вновь под бешеным натиском абхазской рати они стали отступать. Так, мало-помалу они стали приближаться к Кутаиси, и когда уже крепость оказалась на виду, обнаружилось – перед ней колышется людское море, состоящее не из воинов, нет, а из мирных поселян. Леон понял: враги пытаются подтолкнуть его к пролитию невинной крови. Они согнали людей сюда, чтобы он и его воины мечом проложили среди них дорогу к крепости, где, наверняка, со свежими силами их поджидает хорошо подготовленный вражеский гарнизон. Он предполагал, что в крепости засел Феодосий. Ежели так, то при нем основные силы войска, вставшего под его стяг.

Властным жестом и могучим голосом царь остановил свое войско. Преследуемые по пятам арабы в недоумении придержали своих измученных, покрытых пеной коней, стараясь понять, что задумал противник.

К Апсха подъехали предводители левого и правого крыла, они устроили на скорую руку совет. Но не успели прийти к какому-либо решению, как обнаружили, что народ кинулся в рассыпную, точно птичий двор, на который упал коршун. Когда люди разошлись, взгляду открылся отряд вра-

жеских воинов, державшихся за их спинами. Но и воины, судя по всему, пребывали в смятении. Леон и его соратники недоверчиво следили за тем, что происходило, опасаясь вероломной ловушки. Тут они расслышали, как в крепости кричали друг другу: «Хазары идут, хазары!»

Ужасную весть, что Дарьяльским ущельем через Картли идет хазарское войско и скоро будет здесь, в крепость доставили лазские лазутчики. Феодосий и на самом деле находился в крепости и теперь при известии, что на подходе еще и хазары, стало очевидным: надо спасаться. Через потайной ход он и его близкое окружение покинули крепость и поспешили к взморью, где у них наготове стояли корабли.

Отступавшие арабы и персы скрылись за крепостной стеной, к ним присоединились и оставшиеся во дворце. Они готовились принять бой. Среди них были люди, кому было велено непременно пленить абхазского царя, племянника кагана Барджил-хана, сражающегося, не знающего промаха мечом, дарованным самим каганом, и всегда сидящего на коне белой масти хазарской породы. Даже про его кольчугу с орлиным знаком на груди знали в Арабском халифате и Персии.

Леон Апсха решил, что надо немедленно, пока враги не оправались, идти в наступление. «Зря тешил себя мыслью, что крепость в Кутаисе возвел, доверие народа обрел, – подумал Леон. – Сегодня решается, по мне ли эта крепость, в судьбе ли она моей!» Царь велел приготовиться выступить. Войско стояло тем строем, как задумывал он еще дома, – два сильных крыла по сторонам и посередине – «сердцевина». Одно было не по душе Леону: телохранители слишком плотно держались вокруг него, хотя умом понимал: падет он, захлебнется близкая победа. Но так хотелось ему нестись впереди всех с поднятым карающим мечом!

Первыми, как и тогда у Эгры, в бой двинулись лучники Беслана Тапш-ипа. Приблизившись на нужное расстояние, они осыпали градом стрел своих противников, и персы натянули тетивы. Обменявшись несколькими выстрелами,

противники сошлись совсем близко, и в ход пошли мечи да кинжалы. Арабы и персы трепетали от воинственных выкриков абхазов, ободрявших друг друга кличем «ахахай, амарджа!» Они не раз сталкивались в сече с хазарами, но таких бесстрашных, как абхазы, воинов им не доводилось встречать. А когда вступил в битву царь с «сердцевиной», и вовсе страх обуял их. Одним голосом царь уже утрашил, меч в его руках был беспощаден и неодолим. А конь под ним казался неуязвимым, и как он становился на дыбы, как перелетал через возникавшие преграды – все внушало врагам благоговейный ужас. Все еще многочисленные персы не сумели удержаться у крепостной стены и стали понемногу рассеиваться. Тапш-ипа Беслан со сподвижниками въехали в нижний зал дворца-крепости и, обнаружив множество здесь притаившихся врагов, спешившись, стали рубиться мечами. Неожиданно откуда-то сверху упало короткое бревнышко, расколосось, и оттуда высыпалось нечто непонятное – многочисленное, жужжащее. Следом грянуло наземь еще одно бревно, другое, третье. Только когда разъяренные обитатели бревен облепили Беслана и его сподвижников, они, не веря своим глазам, признали, что на них напали пчелы. Противники швырялись ульями. Те ульи предназначались для царя Леона. Рассчитывали отвлечь его внимание таким вероломным ходом и взять в плен. Но люди, приставленные к ульям, поторопились и раньше времени сбросили их. Воины Беслана вмиг справились с торопыгами и стали очищать весь дворец от врагов. Между тем снаружи по-прежнему кипел бой. Весь двор крепости был завален трупами, под которыми потоками стекала кровь. Вороны слетались и кружились над полем битвы, предвкушая скорую и щедрую добычу, а некоторые осмеливались опуститься на трупы, брошенные в укромных местах.

Бог войны пожинал щедрую жатву.

Много лет уже близ Кавказского побережья не случалось такой кровопролитной, такой жестокой сечи, где пало бы

такое множество воинов с двух сторон. Арабы и персы отступили. Вслед им кинулись левое и правое крыло войска Леона. Сам он во главе с «сердцевинной» остался в Кутаисе. Дворец был полностью очищен от неприятеля, но рассеянные во все стороны враги, не отступившие вместе с персами, могли собрать силы и попытаться завладеть крепостью.

Неожиданно крики удивления раздались со всех сторон. Бежавшая армия катилась назад, причем не держа строя, а сминая друг друга, нарастая как снежный ком. Преследовавшие их воины правого и левого крыла войска Леона вели себя странно. Они не противостояли катившемуся валу, не скрещивали с ними мечи, а обминая их, занимали места у флангов. «Что же происходит? Неужто вся армия арабов сдалась в плен без сопротивления? – подивился про себя царь. – Быть того не может! Не иначе, как военная хитрость, но какая?»

И вдруг над крепостью опять пронесся клич, теперь ликующий: «Хазары, хазары!»

Царь почувствовал, как новые силы вливаются в его измученное жаром битвы тело. Ему на миг показалось, что над сечей появилось лицо Духа земли, и тот пристально посмотрел на царя, пророча скорую победу.

Вскоре на склоне горы, на вязкой суглинистой дороге, показались первые хазарские воины, ведомые родичем и доверенным лицом кагана Барджил-хана, испытанным военачальником Хамидом Оулызом. Шли они разгоряченные, не сминаемые, как лавина, по дороге произведшие много разрушений, ведя за собой немало пленных. То была помощь Леону от кагана Хазарии. Внезапная мысль, что в беспомощности боя хазары могут спутать союзников абхазов с персами, тем более многие абхазы, под которыми убили лошадей, все равно не выходили из боя и сражались пешими, пронзила царя. Между тем на подступах ко дворцу опять закипел невиданный бой. Зажатые со всех сторон персы решили или дорого продать свою жизнь, или прорваться через окружение и уйти. Царь стал пробираться к Хами-

ду Оулызу, чьи воины уже всюду вступили в сечу. Первое, что сказал царь, что бой уже идет к концу, арабы вот-вот сдадутся, иного выхода у них нет. Затем он просил, чтобы хазары были осторожны, чтобы в бою ненароком не задеть своих союзников – абхазов. Услышанное не пришлось по душе Хамиду Оулызу. Первое расценил как пренебрежение, мол, и без хазар Леон обошелся бы, выходит, и незачем было спешить на помощь? А второе замечание оскорбляло его как военачальника: своих от чужих хазары всегда умели отличать. Но он, понимая, в каком состоянии царь, столько времени рубившийся не на жизнь, а на смерть, молча повел в бой своих воинов. Положение арабов и персов стало все безнадежным. Их все теснее и теснее сжимали в кольцо, рубя беспощадно. Возможности прорвать кольцо не было никакой. Некоторые персы, не желая сдаваться в плен, пронзали себя кинжалами, другие бились насмерть, стараясь как можно больше врагов увести с собой на тот свет.

К царю прорвался один из абхазских всадников с горькой вестью, что военачальник правого крыла Беслан Тапш-ипа ранен.

– Вынесите его с поля боя, сделайте все возможное для него! – велел царь. И едва увернулся от кинжала перса, подкрадывавшегося сзади, чтобы поразить царя.

Вероломный перс тут же был зарублен царским мечом. Но теперь персы, имевшие приказ живьем взять царя, понимая, что этому не бывать, решили во что бы то ни стало покончить с ним. Все их последние силы были направлены на уничтожение царя. Из пятнадцати могучих телохранителей Леона в живых к этому времени оставалось только шестеро. Все они рубились, как сказочные герои, стараясь сохранить жизнь царя. Но то и дело персам удавалось прорваться к царю. Никогда опасность для него не была так велика, как сейчас. Леон это понимал и с удвоенной силой, используя все вedomое ему военное мастерство, бился во все стороны. Персы и арабы валились из седел один за другим, сраженные царем и его телохранителями, валились, вали-

лись, а конца им не было видно. Неожиданно царь оказался лицом к лицу с закованным в доспехи персидским воином на высоком горячем коне. Они сошлись. Копье, направленное могучей царской рукой в грудь противника, даже царапины на нем не оставило. Взбешенный царь еще раз попытался пронзить противника, но вновь безуспешно. Тогда он мечом ударил неуязвимого всадника по шее, стараясь найти зазор в доспехах того, но только почувствовал, как затупился меч. Это было как наваждение. Леон оглянулся на своих телохранителей, пытаясь понять, что происходит. Они, защищая его спину, бились со множеством арабов и персов и в это мгновение не могли отвлечься. Неожиданно, как озарение, пришел на память детский сон Леона о черном всаднике. И он крикнул, что есть мочи. Громовой его голос, казалось, сотряс небосвод. Меч выпал из рук противника, он зашатался в седле, а у его коня подогнулись ноги. Воспользовавшись этим мгновением, телохранители стянули врага с коня, и содрали с его головы бронзовый шлем с подшлемником, надежно защищавшим и плечи того. Свесившись с коня, Леон мечом, подаренным Барджил-ханом, снес напрочь голову врага. Один из его оруженосцев, насадив истекающую кровью голову противника на копье, поднял высоко над собой с криком «победа!»

– Победа! – подхватили за ним рубившиеся вблизи соратники. Но бой еще длился, унося жизни, орошая кровью и без того щедро увлажненную ею землю.

Но кольцо вокруг арабов и персов все больше сужалось и становилось очевидным: нет иного выхода, кроме как сдаться. И они побросали оружие – сдались на милость победителю.

На закате солнца битва завершилась.

– Победа! Победа! – прокатилось по всему строю воинов. Абхазы развернули свои стяги, на которых четко виднелась мощная длань царя Абхазии. Все поднимали к небу руки с оружием, и радостный гул раскатывался над полем битвы. Хазары

из войска Леона радостно приветствовали своих соплеменников, соскочив со своих коней, шли к ним, обнимались, в быстрых разговорах освежали на губах вкус родного языка.

Царь подъехал к хазарским воинам, спешил. Его оруженосцы тотчас же приняли из рук его оружие. Хамид Оулыз, верхом стоявший перед своим войском, тоже оставил седло, и точно также его оруженосцы приняли из его рук оружие.

– Наша благодарность, – немного склонив голову, царь прижал правую руку к сердцу.

– Всегда с вами! – отвечивал Хамид Оулыз. – Наилучшие пожелания от великого кагана Хазарии.

И уже совсем просто военачальник добавил:

– Он просил тебя обнять.

Они обнялись, и теплое родственное чувство поднялось в душе царя...

IV

Апсха вместе с хазарским военачальником вошли во дворец и подивились тому, что здесь, как на пасеке, жужжало множество пчел, и разбитые ульи, казавшиеся чудовищно неуместными в этом месте, предстали их глазам. Хамид Оулыз, обративший внимание еще снаружи на множество пчел, разлетевшихся над сечей, едва не спросил, что бы это значило – возможно, обычай таков, но сдержался. А царь, занятый своими мыслями, ни у кого не стал узнавать, чем объяснить пчелиный налет. Он провел своего хазарского родича в одну из комнат дворца, где на черной бурке, расстеленной прямо на полу, лежал тяжело раненный Беслан Тапш-ипа и изо всех сил старался стонать как можно тише. Увидев вошедшего царя, он разжал губы в слабой улыбке. Будь у него хоть немного сил, с какой радостью он поднялся бы на ноги. Леон нагнулся к нему, сжал горячечную руку и взглядом, полным приязни, поздравил его с победой.

– Везите домой, в Апсны! – велел царь тем, кто находился возле больного.

«Дорогу не перенесет», – хотел сказать кто-то из них, но не посмел возразить царю.

Леон и сам видел, как опасно ранен Беслан Тапш-ипа – страшная сквозная рана, клинок пронзил все тело и вышел под лопаткой. Но он знал и другое: великое желание Беслана оказаться в родном Цабале. Царь удалился. А те, кто ухаживал за Бесланом Тапш-ипа, вновь осторожно промыли раны, наложили листья подорожника, перевязали и снесли вниз на бурке. Но до самого Цабала нести на руках представлялось невозможным. А сколько раненых, кроме Беслана Тапш-ипа, и убитых, чьи кости не должны гнить на чужой пока земле, сколько! Останки воинов должны получить их родичи, оплакать и захоронить, как полагается. Нельзя никого здесь оставлять. Выходит, надо думать, как их доставить в Апсны, как переправить через Эгры... Сообща стали решать, как быть. Трудная работа досталась и тем воинам, которые поднимали с поля брани тяжело раненных, а также собирали трупы павших, отделяя своих от чужих. Любую лютую сечу они предпочли бы столь горестной обязанности, но кто-то должен был заниматься и этими страшными последствиями битвы.

Потихоньку к дворцу стали собираться местные люди. Убеленные сединами лазы от лица своего племени предложили выхаживать в своих домах тяжело раненных, которым невмочь перенести долгую дорогу домой. Царю донесли о предложении. Он переговорил со своими советниками. После всего, что случилось, не было доверия к лазам. Опасались, нет ли здесь какой-либо вероломной подоплеки, исходящей от Феодосия и его приспешников. Но царь волей своей решил, что нельзя отказываться от предложения лазов, нельзя отталкивать людей, не давая им замолить грехи милосердием. К тому же он надеялся сберечь жизнь раненым. Царь дал добро, и местные жители вмиг разобрали по

своим домишкам раненых. Первым, бережно подняв вместе с буркой, отнесли в стоявший вблизи крестьянский дом Беслана Тапш-ипа. А чтобы переправить павших на родную сторону, лазы нашли мастеров среди своих, которые спешно стали сколачивать дроги, в которые можно было впрячь пару коней. В дроги помещались по пять-шесть покойников.

Царь обратился с просьбой к Хамиду Оулызу освободить пленников из Картли. Хазарского военачальника неприятно удивило предложение царя.

– Они нам перекрыли дорогу в Дарьяльском ущелье, многих наших побили, не давали нам к тебе пройти, и ты же велишь освободить пленных, взятых нами в честном бою?

Но Апсха принялся убеждать его, что в будущем сей поступок поможет налаживанию отношений с Картли, и что долг победителей – милосердие... Долго он склонял Хамида Оулыза к освобождению пленных. Видя упорство Леона, хазарский военачальник предположил, что настойчивый совет царя, очевидно, основывается на мудрости, не совсем ему, Хамиду Оулызу, доступной, и уступил. Но когда он велел развязать пленных – они были привязаны к лукам седел хазар – и даровать им волю, так и воины были ошеломлены. Подобного раньше у них не случалось. Но не подчиниться велению того, под чьей властной рукой они пребывали, было и вовсе невероятным. Потому пленных без лишних слов освободили. Они же, не веря своему счастью, не решались сойти с места.

Лазы высоко оценили милосердие, проявленное к пленным, и стали из уст в уста передавать о великом сердце царя Леона и о его могучем влиянии на союзников.

***

Еще не все трупы убрали с площади перед дворцом, когда из глубины двора с бокового входа стража впустила местных людей, несших что-то в руках, придерживая с двух сторон. Леон, находившийся на площади вместе с хазар-

ским военачальником, взгляделся и, увидев, что люди несут не что иное, как люльку и не простую люльку, а ту самую, в которой вынянчили Леона. Он почувствовал, что неспроста несут ее, и тайные беспокойство и недовольство поднялись в нем. Хотя он обычно умел скрывать свои чувства, на этот раз его беспокойство не укрылось от Хамида Оулыза. Но хазарский военачальник ни словом, ни жестом не выдал этого, только, когда молча перед царем поставили люльку, с любопытством заглянул в нее, будто надеялся обнаружить там невиданного младенца. Люлька потеряла все свое оснащение, с такой любовью собранное Джарымхан-ханым, остался только один голый остов. Царь обвел мимолетным взглядом люльку и не сказал ни слова принесшим ее людям. В душе он сильно подсадовал, что Джарымхан-ханым поторопилась с первыми вещами прислать во дворец в Кутаисе и люльку. «Если судьба моего сына теперь будет вершиться там, так пусть и люлька, в которой он вырос, обретет новое пристанище, да дождетя внуков моих. Им тоже в ней качаться». О том, как много значила люлька сына для матери царя, говорит то, что, узнав о нападении врагов на дворец в Кутаисе и какой разор они там учинили, она в тревоге твердила: «А люлька? Что случилось с люлькой?» Ей казалось дурной приметой, если люльку сожгли или разломали враги сына. Она так сокрушалась, будто отняли у нее зыбку вместе с младенцем. Постичь материнскую душу было сложно, но сейчас вид уцелевшей люльки, принесенной так некстати, вызывал в Леоне только недовольство. Наконец и принесшие это поняли и люльку убрали с глаз царя – отнесли во дворец, в котором спешно наводился порядок.

Позже стала известна и история, связанная с люлькой. Когда Феодосий и его приспешники заняли дворец Леона и крушили все, что не попадая, Феодосию на глаза попала люлька, и он тотчас вспомнил, что это та самая, в которой вынянчили его двоюродного брата. Тогда он повелел вынести ее на сходку, которую он устроил, празднуя уничтоже-

ние гарнизона крепости. Распинаясь перед толпой, Феодосий кричал, что братец его Леон – не просто опасный человек, а преступный. Если с ним не покончить, как с ядовитой змеей, то завтра он весь Кавказ подомнет под себя. Потом он призовет хазар и станет глумиться над другими народами и племенами, кто испокон веку проживал на этих землях. То, что хазарский племянник построил дворец далеко за рекой Эгры – это первый шаг к тому, чтобы проглотить все земли лазов, картлийцев, и не их одних. Но благодаря братской помощи арабов Феодосий заставит его повернуть назад – пусть сидит в своей вотчине и носа наружу не кажет. Если же он посмеет еще раз появиться в Кутаисе, то будет четвертован, втиснут в эту люльку и предан, как нечистый, огню.

– Да будет так! – гулко подхватила слова краснобая толпа, особенно та ее часть, состоявшая из молодых да бездумных юношей зажиточных семейств.

Теперь же эта толпа мялась перед Леоном, не зная, как загладить свою вину. Возвращенная люлька была одной из неловких попыток примирения с победителем.

Двое суток без устали хазарские и абхазские воины сообщая расчищали все вокруг от трупов, от павших лошадей, добывая раненых животных кинжалами, от сломанных стрел, луков, искореженных кольчуг, от всего того, что оставляет за собой любая битва. Через двое суток в стане хазар разожгли костры и в огромных котлах сварили конину. Царь считал кощунством есть конину. Он, как и все в его отечестве, полагал, что в коне течет благородная кровь, что конь – самый верный друг человека, понимающий его по одному движению. Употреблять его в пищу, точно дичь, представлялось невозможным. Леон припомнил, как в юности, когда он гостил в Хазарии, сама Барсбит-ханым пыталась из своих рук дать ему почувствовать вкус конины, но он не позволил ей это сделать. Хотя царя и мутило от запаха конины,

разносившегося по всей округе, он ничем не выказал своего недовольства. Он не собирался посягать на чужие нравы и обычаи.

Спустя некоторое время были готовы дроги для погибших. Их укладывали по пять-шесть человек на одни дроги и укрывали с головой бурками. Было решено, что на возках повезут и раненых, кому под силу будет перенести дорогу. Когда приготовления в дорогу были закончены, по велению царя выделили процессии хорошо вооруженную охрану, и они пустились в путь. По дороге, если они находили убитых у обочины, то поднимали их и укладывали в дроги. Так они добрались до Эгры и подивились тому, что река – совершенно прозрачная – едва перекатывала свои воды через донные камни. «А сюда не пускала нас, ярилась, теперь вот истекла вся яростью!» – говорили возчики, впрочем, довольные, что не надо искать брода, можно без труда перебраться на тот берег. А на том берегу поджидало их множество народу, прослышавшего и о великой битве, и о победе. И беженцы уже вернулись в свои дома, разгребли золу в очагах, отыскивали непотухший жар, раздули огонь...

V

Гонцам, прискакавшим в Псырдзху с вестью о победе царя, сбжавшийся народ не давал спешиться. Так они и топтались на своих разгоряченных конях возле царского родника, пересказывая в подробностях события. Народ жадно слушал, потом люди, вне себя от радости, сняли с седел гонцов и стали их бережно подбрасывать вверх под ликующие возгласы, счастливый смех.

Такой полноты счастья, такого ликования Апсны еще не знала. Весть о победе абхазского оружия не стояла на месте, вдоль побережья она достигла поселения многих племен, родственников абхазам, и несказанно обрадовала их. Весть

перелетела и через горы Кавказа, дошла до хазарского каганата. А пленные картвелы, которым по настоянию Леона была дарована воля, вернувшись домой, рассказали как на духу обо всем увиденном. Правителей Картли не могло порадовать поражение своего родича Феодосия, но то, что арабы, столь часто и жестко досаждавшие им, были побиты, пришлось по душе и привлекло уважительное внимание к царю Леону. Пленные еще рассказали историю царской люльки. Правители Картли в противовес жесткому промаху племянника Феодосия руками лучших мастеров сработали сто прекрасно оснащенных люлек из орехового дерева и отравили в дар младенцам подданных царя Леона. Дар везли почтенные люди Картли – азнауры.

Как расчищенная после бурелома лесная поляна, открылись после долгих усилий и места вокруг дворца. Затем, будто дожидаясь часа, чтобы пролиться на убранную землю, пробежал ливень, и все вокруг стало смотреться по-другому – обновленным. В один из таких дней царь решил, что пора выйти к народу, который все больше собирался у дворца, и слово сказать. О своем намерении он сообщил Хамиду Оулызу. Тот одобрил царское решение. «И сам слово скажи, да и их выслушай», – посоветовал он. А от приглашения и самому выступить хазарский военачальник отказался, ссылаясь на то, что вполне хватит царского слова.

Народу собралось видимо-невидимо, явились и стар, и млад. Телохранители царя, пожалуй, проявляли еще большую бдительность, чем в бою, не доверяли они собравшимся, опасались подвоха. Хотя вряд ли кто-либо решился бы на какой-либо выпад при грозных хазарах – как они скоры на расправу, уже видели многие.

Апсха поднялся на второй ярус своего дворца с обширной галереей, пригласив через Хамида Оулыза пройти вместе с ним наверх уважаемых представителей людей, собравшихся внизу. Так и было сделано. Царь, выйдя на открытую

галерею, встал на виду. Он поколебался, не зная, на каком языке обратиться к народу, потом заговорил на языке, вкус которого привила ему некогда царица Гурандухт, – на нем он говорил и с друзьями своего детства – маленькими карт-велами. Разумеется, в выговоре его ощущался дух родного наречия, да и по тому, как он подбирал слова, было видно, что говорит он не на родном языке. Но все это с лихвой восполнялось великой благодарностью тех, на чьем языке он заговорил. Это рождало доверие, приязнь, о чем свидетельствовали донесшиеся снизу возгласы-благословения стариков, стоящих, опираясь на свои посохи.

После краткого вступления царь предложил взять слово одному из тех, кто, приняв царское приглашение, поднялся на второй ярус дворца.

Убеленный сединами старик с лицом, одновременно непреклонным и открытым, выступил вперед, сжимая в руках посох. Они напомнили царю старцев с родной стороны. «У мудрости единый лик, где бы он ни проявлялся!» – подумалось Леону. Старик, очевидно принадлежавший высокому роду, пришелся ему по душе выражением лица и исполненными достоинства повадками.

– Слава бежит впереди тебя, великий царь. Не ведаю, смогу ли тебе сказать нечто новое, не известное тебе. И станет ли достойна моя речь слуха собравшегося здесь уважаемого народа, – начал свою речь старец. – Но встреча сегодняшняя такого рода, что оставаться в стороне, смолчать, мне представляется недостойным. Много горя пережило мое племя, но то, что обрушилось на нас в последнее время, заставило забыть прежние беды. И самой главной бедой стало то, что мы не знали, к кому прислониться, кому доверить свои судьбы. Ты, царь, сам себя поставивший царем, что несешь нам? То было нам невдомек, да и сейчас не знаем, чего ожидать. Твой дядя Леон солнцеликий, было время, наши земли к своим рукам прибирал. Но император Византии, сделав его базилиевсом Апсны, просил его нас не

трогать, и он тому беспрекословно следовал. Когда же он помог нашему правителю Арчилу, чья светлая звезда так долго сияла над нами, справиться с кровопийцами арабами, а затем и стал его родичем, зятем, что скрывать, он стал нам дорог, как родной сын. Про тебя, царь, до нас доходили лишь недобрые слухи, как о человеке, скинувшем с престола басилевса, о человеке, делающем все наперекор родному дяде. Но когда наш народ терпел бедствие от греков, причаливших к нашим берегам, чтобы обратить нас в рабство, ты пришел на помощь нашему воинству, сражавшемуся на берегах Риони, отстаивая земли свои. Ты пришел, несмотря на то, что состоишь с греками в родстве, пришел, и победа была одержана.

Наша признательность была так велика, что мы согласились, чтобы ты здесь у нас построил дворец. Но когда дворец был возведен и ты, не спрашивая совета, перебросил сюда уйму своих воинов, нехорошие слухи поползли среди нас, что Кутаис теперь станет главной твоей цитаделью, что здесь ты расположишь не только армию, но и заселишь наши земли хазарами, а мы у себя же дома превратимся в пыль под ногами победителя. Горе побежденным! Но мы не были готовы стать рабами. И потому, когда сын любимого нами Леона, наш племянник Феодосий сказал, что сдержать тебя могут лишь арабы, мы вынуждены были закрыть глаза на исконных наших врагов и открыть им дорогу. Не все были, верно, к тому готовы. Потому столько наших воинов, когда ты поднял меч против арабов и персов, встали на твою сторону. Да и те, кто соглашался на приход их, видя, какие они учиняют бесчинства на нашей земле, отшатнулись от них. Арабы и персы не раз и не два губили нас, сгоняли с насиженных мест, от них мы бежали сюда с берегов Риони, но и здесь нет нам покоя.

Опомнитесь, люди, враги наши – арабы и персы, объединяйтесь против них, крепите свой союз. Станьте зрячими – разглядите: распри меж нами им на руку. Они приберут

наши святыни, а наши племена сойдут с лица земли. Мы поздравляем тебя, Леон с победой. Это наша общая победа, общая судьба. Царь Леон, владей своим здесь дворцом на счастье и во веки веков! Таково наше общее желание! Слава царю!

– Слава!

– Слава!

– Слава! – прокатилось по рядам.

Старик, закончив говорить, отступил в глубину галереи. Он все так же высоко держал голову и так же крепко сжимал набалдашник посоха.

А царь выступил вперед. Солнечные лучи заиграли на его кольчуге, и она стала переливаться, точно затканная драгоценными камнями. Царь снял шлем, обнажив голову с густыми волосами цвета вороньего крыла, ладная, коротко подстриженная борода была чуть светлее. Гордая посадка головы, прямой стан и пронзительный взгляд, будто смотревший прямо в душу каждого стоявшего внизу человека, – все это производило такое большое впечатление, что даже недруги Леона, а их немало было в толпе, оказались захвачены обликом царя и испытывали к нему чувство восхищения, перемешанное с неприязнью. Здесь надо сказать, что, разумеется, на площади перед дворцом собрались не все жители этих мест. Самые непримиримые остались дома, кипя негодованием, как против арабов и персов, так и против хазар, хлынувших на их земли из-за Леона. И то, что царь не побоялся идти войной не только против арабов, но и на земли, где он многими не желанен, раздражало невероятно. Гневного осуждения не избежали и молодые лазы, ставшие под стяги царя Леона. В них видели предателей. Если непримиримые враги Леона слышали бы сказанное старцем, очевидно, разорвали бы его на месте. Рано или поздно его речь достигнет их ушей, и участь его может оказаться незавидной. Он сам это, должно быть, осознавал, но мужество и благородство взяли в нем верх.

– После слов мудреца я не стану вас утомлять долгими речами, – заговорил царь. – Одно скажу: сегодняшняя наша беда – не кара, ниспосланная богом, а та, что сотворена руками людей, кому мы доверились. Предатели понесут заслуженное наказание, говорю прямо. Где бы они ни скрывались, мы их достанем хотя бы из-под земли. Вероломству нет прощения и быть не может. Но мы сумели одолеть последствия предательства. И в том заслуга всех вас! Примите мои поздравления с торжеством мужества и отваги!

Его речь прервали рукоплесканием. Выждав, когда наступит тишина, царь продолжал:

– Недруги клеветают на меня, будто бы я разбойник, захватчик чужих земель. Но это не так. Нам достаточно нашей благословенной земли. А место, где стоит возведенный моим отцом дворец, Анакопия, для меня – главная святыня, и иной не надо. Наши помыслы устремлены не к захвату, а к обретению полной независимости. И никто не остановит нас на этом пути. Мой дядя Леон и царь Картли Арчил дали клятву всегда по-братски плечом к плечу отражать натиск чужеземных захватчиков. А сегодня вероломные люди нарушили ту клятву, продали нас, пролили руками лютых своих врагов арабов и персов братскую кровь. До последних дней своих мы будем идти по избранному пути – по пути свободы и верности родимой земле. И сегодня от имени всех вас и от себя приношу глубокую благодарность моим родичам хазарам, пришедшим на помощь. Я знаю, вы опасаетесь их, верите небылицам, что рассказывают о хазарах наши недруги. Но поверьте мне, в ком течет кровь хазар, судьба их во многом схожа с нашей. Они терпели много от вражды арабов и персов, но сумели укрепиться, стать могущественными. Если хотим остановить идущую с Востока черную рать, мы должны держаться с ними заодно. Я знаю: путь, на который я вступил, неимоверно трудный, но клянусь именем павших в нынешней битве никогда не сво-

рачивать с него. В далеком будущем, возможно, скороспелые историки назовут наш тернистый путь захватническим, кто-то поставит в вину потомкам наши завоевания, кто-то кого-то будет клеветать на мой народ, призывая мстить за вину, которой не было. Думаю, может случиться и иное – добрым словом помянут нас наши потомки и изберут дорогу, которую сейчас одолеваем мы. Еще раз вас с победой, да будет вечен наш союз, слава победителям!

– Слава! Слава! Слава! – было вновь подхвачено толпой.

Звонарь на колокольне храма зазвонил в честь победы абхазского оружия. И чистый, долгий колокольный звон огласил всю окрестность.

Тем временем беглецы во главе с Феодосием беспрепятственно добрались до корабля, на котором держали в плену Баалоу Хезана и нескольких его соратников, поспешно в него погрузились, снялись с якоря и направились в сторону Псырдзхи.

К великому изумлению жителей Псырдзхи, Феодосий причалил именно сюда и изо всех сил заторопился к дворцу своего отца. Леон Старший, изнемогая от своих старых ран и полученных известий о событиях за Эгры, лежал на одре. Когда вошел бледный сын, он вдруг почувствовал – это не сын вошел, это смерть его пришла. Он закрыл глаза.

– Отец, помоги мне, дай людей, оружие, корабли свои, я отомщу, я покончу с ним, – взмолился Феодосий, подойдя к ложу отца.

Леон Старший не отозвался.

– Твое слово до сих пор много значит, вели мне помочь, отец!

Молчание ему было ответом.

Тогда он круто повернулся, выбежал из покоев отца и кинулся на побережье.

За время его отсутствия на корабле случились большие перемены. Связанные Баалоу Хезан и его соратники высвободились из пут, напали на приспешников Феодосия, убили их и захватили корабль. Теперь они пробирались к берегу

по грудь в воде. Поняв, что путь к отступлению закрыт, Феодосий заметался на берегу, кинулся, было, в сторону дворца, но зная, что помощи ему оттуда ждать не приходится, выбежал на дорогу, криком согнал с коня случайного путника, крестьянина, ехавшего по своим делам, и погнал рабочую доходягу по дороге. Ошеломленный крестьянин удивленно смотрел ему вслед. «Такой разодетый барин, на что ему сдалась моя скотинка?» – недоумевал он, все еще сжимая в руке вдвое сложенную плетку. Он, пожав плечами, двинулся пеший по дороге, сожалея, что барину, кому позарез понадобилась его лошадь, он не отдал и плети: «Если не нахлестывать ее щедро, так ленивая скотина будет ведь плестись еле-еле». В размышлениях крестьянин приблизился к широкой ограде, за которой стоял дворец Леона Старшего, и услышал чьи-то жалобные крики, угадал поднявшуюся там суету, а подойдя к воротам, увидел, что двор заполняется людьми.

– Царь скончался! Царь скончался! – донеслось до поселянина.

«А вдруг он убит? – пронеслось в голове крестьянина. – И убит тем, кто у меня коня отнял? Недаром налетел, как ужаленный!» – он глянул на плеть, которую все еще держал в руке, подумал: «Приплетут еще меня каким-либо боком к убийству», и закинул подальше в кусты плетку, затем присоединился к толпе, собиравшейся на царском дворе.

Народ, прослышавший о смерти Леона Старшего, все прибывал. Уже вынесли на широкий двор стол, куда складывали свои башлыки мужчины, пришедшие на оплакивание, и с обнаженными головами поднимались наверх в царскую опочивальню, где на последнем одре лежал бисилевс. Вместе с плакальщиками поднимались наверх люди, выделенные от лица родственников усопшего. Они сопровождали скорбных посетителей к телу Леона Старшего, а потом, следуя обычаю, провожали вниз к обширному двору, чтобы затем вновь занять место возле стола с головными уборами, для сопровождения других. А люди все

шли проститься с Леоном Старшим. Вдруг возле стола, где ждали своего черед попроситься с царем, появился Баалоу Хезан со своими соратниками. Местные, знавшие, что они должны пребывать за Эгры – а весть о случившемся еще не могла достичь тезки почившего царя, – удивленно поглядывали на них, не понимая, каким образом здесь они оказались. Сам же Баалоу Хезан беспокоился, как и его сопровождавшие, что их могут не допустить попрощаться с покойным, памятуя, что они из стана мятежного племянника. Но им никто не чинил препятствий, и они с великим уважением оплакали в голос царя, за что удостоились одобрения присутствующих.

Пришедшие на оплакивание, отдав свой скорбный долг, стояли во дворе группами, тихо переговариваясь. У всех на устах было одно – битва за рекой Эгры. Хотя Леон Старший и болел тяжело, большинство полагало, что именно событие в Кутаисе укоротило ему век. Вдобавок стало известно, что во дворце у отца побывал Феодосий. Никто не ведал, что было сказано меж ними, но Леон Старший тут же испустил дух.

VI

Весть о смерти дяди застала Леона врасплох. Она как огнем опалила его. Выражение его лица было столь пугающее, что приближенные долго не осмеливались спросить о его намерениях.

Напрямую Леон Старший и его племянник ни разу не говорили о вражде, бурной рекой без брода пролегшей меж ними. Теперь же никогда не случится разговор, который мог бы стать мостом меж ними, сблизить их. Время упущено. Навсегда.

Опомнясь, царь коротко велел седлать коней. Вместе с царем в путь отправились шестьдесят воинов из ближайших его соратников. Молча двигались они, переходя с рыси в галоп. И когда ночная тьма внезапно упала на

землю, они не сбавили шага, двигались лесными тропами, время от времени сопровождаемые злыми огоньками глаз волчьей стаи, не решавшейся напасть на такое множество всадников. По дороге они натыкались на неубранные трупы врагов, над которыми кружилось воронье. Царь знал, что у персов не принято предавать земле трупы, пока плоть не сойдет с них и не останутся одни только кости, но велел захоронить вражеские трупы. И то, что это не было сделано, сердило его. В полночь они достигли реки Эгры и здесь догнали очередную вереницу повозок, перевозивших раненых и павших в бою. При переправе раненых трясло, и они громко стонали, перекрывая шум потока. Появление царя удивило их. Правда, они здесь у переправы уже были наслышаны о смерти Леона Старшего, но и предположить не могли, что царь так скоро пустится в путь. На переправе посторонились, давая царю и его сопровождению дорогу, и царь со свитой, шумно рассекая воду грудью боевых коней, быстро перебрались на другой берег и ненадолго остановились, давая коням, да и себе возможность передохнуть. Затем снова пустились в путь. К полудню они, изнуренные переходом без привала, въехали в Акву. Здесь царь свернул к жилищу своей близкой родни. Царские родичи были извещены о смерти Леона Старшего, но медлили отправиться на оплакивание, не зная, как к этому отнесется царь. Они были благодарны, что царь разрешил их сомнения, заехав за ними, и тотчас собрались в дорогу. В пути к процессии, и без того многочисленной, присоединялись люди, состоящие в родстве с царским родом.

Весть о том, что царь в пути, достигла Псырдзхи. Во дворце поднялось смятение. Многие, верные Леону Старшему, насмерть стояли за то, чтобы сына Рамзыца Леона не допустить на оплакивание, не дать попрощаться с родичем, чей век он укоротил своими действиями. Число их сторонников с каждым мигом росло. Но когда у распахнутых ворот появился сам молодой царь в многочисленном

сопровождении, все как в рот воды набрали. Не нашлось ни одного храбреца, кто заступил бы ему дорогу. А что касалось народа, тучей стоявшего во дворе, так те только тянули шеи, чтобы лучше разглядеть грозу арабов. Царь спешил к воротам, и десятки молодых людей кинулись, чтобы принять у него поводья коня. Следом за ним спешили и сопровождавшие его люди. Царь, уважив родичей постарше, придержал шаг, чтобы они первыми ступили во двор. Но когда они подошли к столу, где складывали головные уборы, и обнажили головы – сюда уже доносились причитания женщин, находившихся у гроба, – пожилые родичи отступили, давая дорогу Леону. Никто не решился идти рядом с ним, и по лестнице Леон поднимался один, поникнув головой, но внезапно два плечистых молодых человека, догнав его и пошли по бокам. Это были телохранители. «Здесь это лишнее!» – хотел было сказать Леон, но смолчал и телохранители вместе с ним перешагнули порог просторного зала, где стоял гроб с усопшим. В зале было много плакальщиц. Вдовствующая царица Хирхух в глубоком трауре с распущенными седыми, как лунь, волосами, сидела у гроба, окруженная скорбящими женщинами. При виде престарелой бабушки, которой выпало оплакать и старшего сына, хотя рана от гибели Рамзыца еще не зажила, дрогнуло сердце Леона, глаза застили слезы. «Нет моей вины!» – едва со стоном не вырвалось у него.

У изголовья покойника известная плакальщица плела вязь причитаний, другие плакальщицы рыданиями вторили ей. Перед гробом был разостлан большой ковер, по бокам которого на живой зелени ветвей покоились охапки цветов.

Царь преклонил колено перед гробом, уронил голову на грудь, скоро поднялся и в сопровождении телохранителей покинул зал. И только после его ухода присутствующие осознали, что это был сам царь. Царица Хирхух, пробудившаяся от горя, как ото сна, поняв, кто пришел попрощаться,

едва не лишилась чувств. Все ее утраты, смешавшись с любовью к внуку, сжали сердце в тиски. Приближенные женщины захлопотали вокруг нее, обливаясь слезами.

То, что царь пришел проститься с Леоном Старшим, многие расценили как мудрый поступок, заткнувший рот его недругам. И в день похорон царь распоряжался всем, как и надлежало родичу. В честь Леона Старшего была устроена великая тризна, где много говорилось о добрых деяниях усопшего, о пути, что он прошел с юности. Прославленные наездники в честь почившего царя провели «атарчей» – особого рода состязания на скакунах.

Леона Старшего предали земле рядом с младшим братом Рамзыцем на горе Анакопия.

Спустя немного времени Леон созвал к себе во дворец доверенных высокородных аамыста, кого он перед отъездом в Кутаис поставил править теми или иными землями Апсны. Много наставлений он им дал. Но вновь возник вопрос, надо ли перебираться через реку Эгры. По-прежнему мнения разделились. Одни настаивали на том, чтобы царь остался здесь, в своей вотчине, указывая на опасность пребывания в Кутаисе, ссылаясь на недавние события. Другие были готовы принять любое решение царя, верные ему во всем. Царь же сказал, что негоже, одержав победу, отступать. Этими же днями пришла из Константинополя следующая весть: бунт охватил империю. Противникам Льва Хазара удалось сбросить императора. Но, собрав сторонников, Лев Хазар вернул себе престол, однако сильно нуждается в военной поддержке, потому из колонии отзывает к себе легионы. В Апсны и так многие крупные военачальники покидали насиженные места, видя угрозу от политики нового царя. Теперь, следуя указу императора, стали ускоренно очищать земли Апсны от своего присутствия. Если у Леона и были сомнения, не поторопился ли он с выбором Кутаиса главной резиденцией, то они рассеялись при свете известий из Константинополя. Теперь он твердо знал – опасность

грозит не со стороны Византии, а со стороны арабов и персов, значит, перенесение царского дворца в Кутаис оправдано. Тем более, эти земли в глубокой древности принадлежали адыго-абхазским племенам, следы коих до сих пор прослеживаются повсюду.

Уже две недели пребывал в родовом дворце Леон. А дела государственной важности все не отпускали его, хотя ему хотелось ускорить отъезд, поскольку он беспокоился об оставленных за Эгры воинах, раненых и местной знати, которая только-только начинала поворачивать к нему лицом, и укрепление их еще хрупкого доверия налагало на царя немало обязательств.

Джарымхан-ханым в эти дни мало видела своего сына, но улучив момент, она все-таки спросила:

– Люлька цела? Люлька, в которой я тебя вырастила?

«Излишне заботишься о ней», – едва не сказал царь, но, щадя чувства матери, ответил по-хазарски:

– Цела она, не беспокойся.

– А то снилось мне, будто бы недобрые люди таскали ее по широкому полю, устроили из нее посмешище, а потом разложили большой костер и сожгли дотла.

– Все пустое, сохранилась она. Но как только я приеду в Кутаис, отправлю ее сюда. Здесь наше родовое гнездо и здесь ей место. Я выбрал иную дорогу. Кто знает, дано ли мне вернуться назад, навсегда вернуться, но наш род отсюда берет начало, и потомкам здесь подниматься.

Материнское сердце сжалось при сомнениях царя, дано ли ему когда-нибудь навсегда вернуться. Однако то, что в его намерение входило переслать сюда люльку, ей пришлось по душе. Она уже некоторое время горько сожалела, что отправила люльку за Эгры, будто род здешний должен был пресечься.

Той ночью Джарымхан-ханым увидела сон. Будто бы сын Леон со свитой давно покинул Анакопию, но обещанной люльки так и не прислал. И вот ранним утром в распахнутые ворота дворца входят двое стройных юношей, неся

знакомую люльку, и ставят прямо перед ней. Джарымхан-ханым заглядывает в нее и вот чудо: младенец невиданной красоты смотрит на нее сияющими глазами.

– Кто это? Кто? – удивилась Джарымхан-ханым.

– Сын царя! – одновременно сообщают юноши, тоже лучась глазами.

Она наклоняется к люлке, и младенец обвивает ее за шею ручонками. Джарымхан-ханым мгновенно освобождает его из пут, прижимает к сердцу, и ощущение великого счастья и покоя входит в нее.

Пробудившись, Джарымхан-ханым долго судила-рядила, что бы это могло значить. Предыдущий же сон о люлке едва не сбылся, а нынешний сон был светлый. И почему бы ему не сбыться? Джарымхан-ханым тревожилась, что жена Леона до сих пор не носит дитя под сердцем. Вдруг это намек на будущие славные перемены, на продолжение царского рода?

Апсха только собрался отправиться в Кутаис, как ему пришло донесение, что к берегу движется странный корабль, весь цвета сажи, и намерения его неизвестны. Царь повелел воинам, охранявшим подступы к берегу с моря, задержать корабль и прояснить: кто пожаловал? Пираты же давно не навевались сюда, и царь надеялся, что навсегда их отвадили от родного побережья. Спустя немного времени, и он с телохранителями и оруженосцами спустился к берегу. День стоял ясный, море было спокойно, вспарывая его гладь, приближался некрупный корабль сплошь черного цвета. Он уже настолько приблизился, что белопенные буруны по обе его стороны были отчетливо видны. С причала к нему навстречу двинулся парусник с воинами. Леон и его свита наблюдали за тем, как корабли сошлись на короткое расстояние, затем спустили челны и поплыли друг к другу.

Леон повернул назад, не видя никакой угрозы в единственном корабле, а сведения о нем ему во дворец доставят. Так оно и случилось. Скоро прибыл гонец.

– Царь мой, корабль из Константинополя. Направил его сюда император Леон Хазар. Он передал для Вас послание, – гонец почтительно поднес ему свиток пергамента.

Леон развернул послание и, закончив его читать, улыбнулся:

– Если все верно, что написано здесь, так мой родич просит о помощи. На корабле люди, которые пытались – и на время им это удалось – лишить его трона. Сейчас, когда Леон Хазар вновь утвердился на троне, своих врагов отправил в ссылку, просит, чтобы мы здесь их держали. Среди осужденных много государственных людей, список прилагается.

То, что император Византии обратился за помощью к человеку, пусть и родственными узами с ним связанному, но почти что выведшему свою страну из-под влияния империи, удивило многих.

– Пусть корабль пока остается на месте, до следующих распоряжений, – сказал царь.

С тем гонец и удалился.

VII

Прежде чем отправиться в Кутаис, царь объехал все ближние и дальние поселения, расположенные в досягаемости от Анакопии. Всюду он подолгу говорил с аамыста, напоминал, что именно здесь сосредоточена душа страны, независимо от того, где будет находиться царский дворец, и посему как зеницу ока надо беречь эти владения, завещанные предками, исконные земли Апсны. Проезжая мимо бедных крестьянских дворов, он, как никогда раньше, ощутил острую жалость к ним и сожаление, что не в его силах каждому из них выделить добротную усадьбу.

К часу, когда он, объехав свои ближние владения, сопровождаемый сподвижниками и оруженосцами, вернулся во дворец, здесь все было готово и для дальней дороги, и для проводов. Дворцовая челядь сноровисто накрыла столы. Собрались проводить Леона близкие дому родичи и

те, которые всегда стояли за этот род. Среди гостей был глубокий старик – тот самый, кто еще крепким человеком первым вознес молитвы господу Богу, держа в руке сердце и печень жертвенного тельца, в тот день, когда чудесным образом знакомился младенец Леон с жеребенком, в честь него присланным из далекой Хазарии Барсбит-ханым. Да и сейчас, несмотря на преклонные годы, он не выглядел дряхлым, смотрел зорко, и по всему было видно, что он сохранил крепость ума. Был здесь и ясновидец из Цандрыпша, тоже пощаженный временем. Мудрецы сидели вдоль ограды царского двора на широких скамьях и толковали о том, о сем. Они старались не выказывать царю своего недовольства из-за того, что он, вопреки всем им, решил обосноваться в Кутаисе. Старцы знали – невозможно остановить царя, а непрошенный совет уходит, как вода в песок, бесследно. Старались они сокрыть и то, что сердцем не принимают хазар, хотя нет-нет, да бросали косые взгляды на хазарских воинов. Более того, даже на саму Джарымхан-ханым они в последнее время стали посматривать неодобрительно. На их взгляд, она переменилась, и переменилась в худшую сторону.

Между тем пир, изобиловавший пожеланиями доброго пути, подходил к концу. Путники засобирались в дорогу. На этот раз было решено отправиться морем до устья реки Рион, именуемого греками Фазис, а оттуда добираться до Кутаиса верхом.

Царица Хицис на этот раз просила взять ее с собой, будто вешее сердце сестры почувствовало, что ее брат, тяжело раненный, пребывает в Кутаисе. Царь ей сказал, что Тапш-ипа Беслан со своим войском вернулся в Цабал, но, видно, она ему не поверила. Более того, и Мрамза слезно просила взять ее с собой. Леон и ранее замечал, что сестре по душе доблестный Беслан, а теперь он уверился в этом. Но в просьбе отказал и ей, и царице. Он обещал, что, когда во дворце в Кутаисе все будет восстановлено и убрано должным обра-

зом, он обязательно пришлет людей за царицей и за Мрамзой, и они со всеми своими прислужницами и наперсницами переберутся к нему. Ничего не оставалось ни Хицис, ни Мрамзе, как утешиться обещанием.

Апсха со своими спутниками и провожатыми покинул дворец и спустился к царскому роднику, и здесь обнаружил множество женщин, посреди которых стояла в глубоком трауре, распустив по плечам седые волосы, вдовствующая царица Хирхух. Когда-то и стар, и млад заглядывались на ее тонкий стан, на поступь косули, на прекрасное лицо, теперь она стояла, опираясь на трость, горбясь под тяжестью не только лет, но и горя. Леона поразило присутствие здесь бабушки, и он поторопился к ней. Она с трудом сделала ему навстречу несколько неверных шажков. Царственная Хирхух подняла сморщенное лицо к солнцеликому внуку и посмотрела выцветшими от времени, плачущими глазами. Сердце Леона сжалось от любви и жалости к ней.

– Не хотела мешать твоей дороге, мальчик мой, – дрожащим голосом произнесла она. – Не по сердцу мне твое решение, но мешать не хотела. Долгую неделю боролась с собой. Но этой ночью приснился мне твой отец. Младшенький мой, чья звезда светила так недолго... Я не могу не передать тебе его воли. Иначе не оправдаться перед ним на том свете.

Леон молча, с немим вопросом глядел на нее.

– Отец твой не одобряет твоего шага, опасается: ослабит это корень нашего рода на здешней земле. Сказал: пусть не тешится единожды одержанной победой, пусть крепко думает, какие семена он нынче засеивает, о далеких всходах пусть поразмыслит. Клятвенного запрета на него не накладываю, но пусть задумается над моими словами, задумается...

Легкая улыбка тронула губы царя, хоть в глубине души и шевельнулось беспокойство. Попытка царицы Хирхух повернуть Леона назад напоминало безумную попытку остановить лавину плетнем.

– К тому же, говорят, корабль откуда-то прибыл, весь в трауре... – продолжала Хирхух. – Как же мне было усидеть дома, нан?

– Ты вышла навстречу, это к счастью, – мягко сказал Леон. – А сон твой... Отец мне тоже приснился на днях, я ему обо всем поведал и получил его благословение.

Старая царица промолчала, только надолго остановила свой взгляд на лице внука. Подняв правую руку, Хирхух сотворила магический жест вокруг его лица, пожелала:

– Счастливого пути! – и посторонилась, давая дорогу.

Леон нагнулся, поцеловал ее в плечо и стремительно шагнул прочь. За ним гурьбой последовали его спутники.

На причале стоял новый корабль царя, сияющий свежей древесиной, под белыми парусами. Далее среди кораблей бросился в глаза византийский, черный, и Леон с досадой вспомнил, что ничего еще не решил с неожиданно присланным кораблем.

– Пусть следует за нами! – велел он на берегу, глядя на черный плавучий острог. – Нам будет спокойнее, если преступники осядут в Кутаисе под нашим строгим надзором.

Первым по сходням на корабль ввели коня. Он не артачился, привычный к подобным переходам, только, покачиваясь на легких волнах, все смотрел на берег, на хозяина, будто взглядом его торопя. Народу собралось множество, и это огорчало царя: «Словно в чужеземную даль провожают, словно прощаются навсегда», но вслух высказать недовольство означало бы оскорбить добрые чувства провожающих.

Уже были даны последние наставления, произнесены слова прощания, и царь поднялся на корабль. Гребцы сразу взяли за весла. Приставленные к парусам заняли свои места. Корабль стал медленно набирать ход.

– Доброй дороги, дад, счастливого пути! – донеслось до царя.

Так прощался ясновидец, мудрец Чаабалырхуа Кискиндж. Он стоял среди провожающих на берегу. «Все, что он пророчил, все сбывалось. Пусть сбудется и это!» – пожелал про себя Леон.

Корабль, подгоняемый попутным ветром, на всех парусах двинулся к открытому морю.

«Счастливого пути! Счастливого! Счастливого!» – неслось им вслед.

На глаза царя навернулись слезы. Он поднял руку, прощаясь, и ответно на берегу взметнулись сотни рук.

Оставляя, точно борозду в чистом поле, долгий след, отдалялся корабль от берега. Неожиданно царский скакун, повернув в сторону суши гордую голову, громко заржал, и звонкое его ржание, точно колокольный набат, отозвалось в сердцах людей. Они еще долго не расходились, провожая взглядом корабль, уходивший, все уменьшаясь, за оком. Потом люди стали постепенно покидать берег. Всех их ждали множество значительных дел...

В ту ночь, когда Леон со своими воинами прибыл во дворец в Кутаисе, его юной жене в сновидении явился любимый брат светлоликий Беслан. Он с великой печалью посмотрел на сестру и пожаловался: «Дурной сон привиделся мне, сестра, грядущее мое темно». – «Что за сон? – обеспокоилась она. – Расскажи». Он хотел смолчать, но она умолила его рассказать. «Шел я, шел и оказался на просторном дворе, я ведал, что он на нашей земле. И было это ночью, при слабой луне, но я знал: вокруг всюду постройки. Неожиданно нечто, сродни молнии, но без грома, осветило весь двор, и главный луч уперся в меня. Откуда ни возьмись, десяток воинов с натянутыми стрелами окружили меня. «Пощадите, не торопитесь спускать стрелу!» – взмолился я, но тщетно. Один из них выпустил стрелу, и она вонзилась прямо мне в сердце, я выдернул ее, и горячая кровь окрасила грудь. Зажав рану чистым платком, тем платком, что ты вышила для меня, сестра, я пошел прочь. Никто не удерживал. Истекая кровью, я вошел в длинную постройку, где в углу за низким столом сидели двое мужчин. Один – крепкий здоровяк с румяным лоснящимся лицом, знакомый мне, только имя не мог припомнить, другой – мелкий, чье лицо находилось в тени. «Помогите, я ранен!» – воззвал я к ним. «Ранен, говоришь, хай-хай, он ранен!» – пренебрежительно и злорадно обронил мужчина с румяным лицом и, выбравшись из-за стола медвежьей поступью, вышел в дверь, не оказав мне никакой помощи. Другой, кто держался в тени, последовал за ним, так и не открыв мне лица. А

кровь все текла из раны, орошала землю. Но я еще был на ногах, выхожу из помещения и оказываюсь на дороге, попадаю в толчею – одни люди идут навстречу, другие – рядом со мной, но ни единого знакомого лица, все чужаки, равнодушные и к моей ране, и ко мне. «Истеку кровью, упаду, и родня не узнает никогда о моей доле». Тогда я поворачиваю назад и приближаюсь к тому двору, где получил в сердце стрелу. И вижу у ворот сына своего. Будущего. Он как две капли воды схож со мной лицом. Я зову его по имени, кричу: «Остановите кровь, остановите, истекаем кровью, уходит в землю наша кровь!» От собственного крика я и пробудился, сестра моя».

От своего страшного сновидения и Хицис проснулась с криком. Но и после сна не могла прийти в себя, с рыданиями выбежала из комнаты, заметалась по дворцу. Джарымхан-ханым и Мрамза не знали, как к ней подступиться. Слова их утешения пропадали втуне. Хицис поднялась на самую высокую смотровую башню крепости и стояла там, глядя в сторону Цабала, и мелкая дрожь била ее.

Сон любящей сестры оказался вещим. Еще на подступах к Кутаису донесли царю, что его доблестный военачальник Тапш-ипа Беслан скончался от ран, полученных в битве с арабами и персами. Весть пронзила в самое сердце царя, и он погнал коня, что есть мочи. Прибыв во дворец, он узнал, что тело Беслана уже предали земле на холме под высокими елями, де таково было последнее желание самого военачальника. Но это привело в ярость царя. Его требование раненого Беслана доставить в Цабал не было исполнено. Теперь же и прах его должен покоиться на чужой стороне? Приближенные стали увещевать царя, приводя предсмертные слова Беслана: «Судьбе угодно было нам пролить кровь на этой земле. Здесь мне и лежать, свидетельством того, что неслучайно мы ступили на эту землю и отдали за нее драгоценные жизни наших людей». Именно

эти слова подвигли приближенных царя и поступить, как они поступили, предварительно еще посоветовавшись с хазарами. Рядом с могилой Беслана – могилы еще восьмидесяти его отважных воинов, также скончавшихся от ран.

Услышанное не пригасило царского гнева, но больше не вступая в разговоры, он поднялся на холм, к могиле верного своего соратника. Возле свеженасыпанного могильного холмика царь преклонил колена, слезы застилали глаза. Как никогда раньше остро осознал Леон, какой дорогой ценой досталась победа. Он провел рукой по могильной насыпи, тяжело поднялся и, поникнув головой, прошел к другим могилам. Возле каждого захоронения он останавливался, почитая память погибшего, и с горечью думал: «Сколько и в самой Апсны землю вспучили, как непролитые мужские слезы, свежие холмики? Утраты, которым нет конца. И горшая из горших утрат: смерть Беслана Тапш-ипа. Царь понимал и другое: эта утрата может послужить попыткой раскола Апсны. Дальцы и цабальцы, всегда косо смотревшие на преданность Беслана Тапш-ипа царю, теперь могли во многом упрекнуть Леона. И в том, что царь не позаботился даже о том, чтобы Беслан Тапш-ипа нашел свое последнее пристанище в собственной вотчине.

Опасения царя оправдались. Дальцы и цабальцы, когда горестная весть достигла их ушей, собрались на сходку, где дали волю своему возмущению. И там, на сходке, выделив по достойному представителю от каждого рода, отправили людей в Кутаис с наказом без праха Беслана Тапш-ипа не возвращаться.

Узнав о том, как себя повели дальцы и цабальцы, царь впал в глубокое уныние, но препятствовать перенесению тела своего верного друга в Цабал не стал. Он и сам полагал, что последним пристанищем Беслана должна стать родимая сторона, которую тот безмерно любил.

Тапш-ипа Беслана со всеми почестями захоронили внутри крепости Цабал у стены, где было отведено место для последнего пристанища героям из героев. Но и после того мир и спокойствие не воцарились на этой земле. Недруги Леона строили козни, побуждая к мятежу родичей тех воинов, которые бесследно сгинули при последней битве. Они по-прежнему, как змеиный яд, вливали в умы не только цабальцев и дальцев, но и всех жителей Апсны, клевету на Леона. Клеветники старались изо всех сил ослабить влияние царя на страну, приуменьшить значимость им достигнутого, указывая только на просчеты.

С другой стороны вел свою губительную работу Феодосий, бежавший к гуннам. Он не оставлял мечты возглавить престол в Псырдзхе и был готов на любой вероломный поступок, ему было не привыкать. Леон не раз и не два обращался к гуннам с требованием выдать ему Феодосия. Но они это пропускали мимо ушей.

Победа над арабами и персами не принесла Леону желанного покоя. Он часто думал о великом римлянце Юлии Цезаре. Тот широко раздвинул пределы своей империи, завоевывая народы за народами. Обладавший недюжинным умом и мудростью, чтобы ладить с покоренными народами, вдруг на берегу Рубикона, реки, отделявшей Италию от Галлии, лежавшей на склоне альпийских гор, он призадумался, как оценят потомки его вторжение в Галлию. Цезарь перешел Рубикон. И Леон перешел свой Рубикон, но сомнения в верности выбранного пути не оставляли его. Тому были причиной непрекращающиеся внутренние распри в Апсны. Бунтари непосредственно угрожали и безопасности самой вотчины царя. И он был вынужден вернуться в Псырдзху, но не отказываясь и от дворца в Кутаисе. «Наш царь неуловим, едешь к нему в Анакопию, а он – в Кутаисе, направишься в Кутаис, окажется: отбыл в Анакопию!» – насмешничали его высоко-

родные подданные. Но царь упорно гнул свою линию, объединяя аамыста, все норовящих, как необъезженные кони, порвать путы и кинуться врассыпную.

Феодосий, которого столь долго привечали гунны, убедившись, что ему не вернуть трона, повесился. Правда, ходили слухи, что не он сам повесился, а хазары расправились с ним, но подтверждения этому не было найдено.

Укрепив свое положение в Псырдзхе, достигнув более или менее сплоченности своего народа, Леон окончательно перебрался во дворец в Кутаисе и оттуда правил всей страной. Государственное его устройство со своим сенатом и консулами напоминало византийское. Но он учел и предложения своих хазарских советников. И там, где он видел слабые стороны правления по византийскому образцу, привлекал опыт хазарских каганов.

Нельзя сказать, что правление Леона хоть когда-либо было безоблачным, но он заложил фундамент государственности своей страны. Он расширил пределы своего государства. На севере они достигали реки Кубань, прозванной в ту пору великой рекой хазар, на востоке – Сурамского хребта, а на юге тянулись вдоль реки Чорох. Соседние народы стали именовать страну Великой Абхазией. Более того, Леон объединил вечно враждовавших меж собой грузинских князей и ввел в свое царство – царство, которое простояло двести лет. Сам же Леон, чья слава не меркнет в веках, правил страной сорок лет. Именно благодаря гению этого человека мы сегодня говорим с гордостью, что история нашей государственности насчитывает тысячу двести лет.

В начале этого долгого повествования, когда я, точно младенец, который только учится ходить, делал первые шаги, была упомянута дверь, что растворилась сама собой... Теперь мне представляется, что то вошел Дух земли – покровитель Леона, его ангел-хранитель, если хотите... Мне кажется, что он водил моей рукой, способствуя отваге углу-

биться в далекие времена нашей трудной истории, взять на себя великую ответственность рассказать вам о ней... И сегодня ощущение его незримого присутствия дает мне силы смотреть с надеждой в будущее.

И эта надежда не оставляет меня, несмотря на незаживающую рану, что ношу в своем сердце. Недавно я стоял возле мемориала в центре Сухума, возле мемориала, воздвигнутого в честь наших сынов, наших героев, павших, защищая свою землю. Я стоял неподвижно, только птицы шелестели крыльями надо мной. Вдруг неожиданно сзади меня за ногу обхватили чьи-то ручки. Я оглянулся. То был мальчик лет четырех в сопровождении молодой женщины в глубоком трауре.

– Ты не знаешь, где мой отец? Мама говорит: мы потеряли его! Ты не знаешь, как его найти?

Я молча поднял его на руки и прижал к себе.

– И я потерял, малыш, потерял единственного сына и тоже не знаю, где его найти.

– Не знаешь, где он? – теребил малыш.

– Твой отец – герой, значит, он повсюду.

И подумалось мне: как близки тем, о ком я рассказал в своей книге, покоящиеся здесь, под камнем. Века сменяют друг друга, но неизменны прекрасные лики героев. Подходящие к памятнику, на котором был вправлен портрет совсем юного героя, две пожилые женщины причитали, не без зависти поглядывая на малыша в моих руках: «Хоть оставил бы нам в утешение сыночка, продолжение рода своего».

Мне представилось, что юный герой отвечал им:

Не надо причитать над долей моей,
Помолчите, прошу, ни слова горечи.
Я с вами, я вижу вас.
Не верьте в гибель мою!
Я живее многих живых!
Живее трусов, себя сохранивших,
Бежав от доли своей земли,

Тех оплачьте, слез не жалея.
Меня не тревожьте стенаниями.
Не пристало оплакивать героев.
Чсть родины и сейчас моя честь.
И сейчас встаю на ее защиту.

– Как тебя зовут? – спросил я у малыша.

– Бес-лан! – сказал он с расстановкой, гордясь своим именем.

Так звали и моего сына... Теперь часто абхазы дают это имя своим сыновьям. И сколько Бесланов покоится в этой земле, кто знает... И тогда у мемориала я решил дать имя Беслан верному сподвижнику царя Леона, герою без страха и упрека из рода Тапш-ипа. В законченной до того рукописи он значился под именем Састангез. Нарекая его именем Беслан, хотелось мне объединить память о герое, павшем за долгие века до того за родину, с памятью о наших сегодняшних героях, сохранивших верность той стезе, по которой шел Беслан Тапш-ипа.

Надо мной все проносились, точно божье благословение, птицы, и всем сердцем я ощущал великую духовную силу, оставленную нам нашими павшими героями.

Сухум-Джгерда-Пицунда.
1988–1992

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ В РОМАНЕ В. АМАРШАН «АПСХА»

Зарождение исторических жанров в литературе свидетельствует о росте национального самосознания. Это связано и с развитием исторических наук – историографии, этнографии и археологии. Конечно, способы постижения действительности у историографии и литературы разные. Историография главным образом сосредоточена на поиске источников (архивных документов, археологических материалов и т. д.), на основе которых излагаются факты истории и материальной культуры народа. В отличие от научного изложения мысли, художественная литература отражает реальную действительность через образы, символы, поэтические средства, художественную организацию текста, особый язык. Литература историсофична и этнософична; она, по сравнению с историографией, способна расширить круг объектов для художественно-эстетического осмысления; ее цель – поиск смыслов, установление цепочки взаимосвязанных смыслов. Для литературы важны все значимые и малозначимые для историографии материалы, ибо она стремится к всестороннему осмыслению исторических событий, современной жизни, этнических явлений, индивидуальной человеческой жизни и т. д. При этом она рассматривает судьбу человека в контексте истории и культуры народа, исходя из того, что индивидуальное «я» личности слито с этническим «я» человека, которое не означает подавление собственного «я» личности. Это вполне соответствует концепции человека, отраженной в абхазской и других литературах Кавказа. Такая концепция противоречит индивидуалистской, часто космополитической философии, распространенной в Европе. На Кавказе личностное, индивидуальное сознание больше соизмеряется с этническим, национальным самосознанием. Человек не мыслит себя вне этноса, даже если эта связь открыто не проявляет себя. А те, кто якобы выступает за права человека вне прав

этнoса, народа за свободу личности без свободы нации, глубоко заблуждаются или преследуют собственные интересы и определенные политические цели.

Литература, естественно, использует достижения исторических наук, но иногда она опережает историографию, проникая в глубины прошлого и выявляя особенности той или иной эпохи и устанавливая связь между прошлым и настоящим, а также будущим.

Абхазская интеллигенция (в том числе писатели), пережившая и переживающая жесткий период отрицания истории и культуры собственного народа со стороны различных оппонентов, стремилась доказать обратное. Примечательным примером является судьба книги Д. Гулиа «Истории Абхазии», впервые изданной Наркомпросом ССР Абхазии в Тбилиси в 1925 г. В 1951 г. в Сухуме на трех языках (грузинском, русском и абхазском) и большим тиражом выходит девятнадцатистраничная брошюра «О моей книге “История Абхазии”», написанная якобы Д. Гулиа (автором издания указан Д. Гулиа). В действительности Д. Гулиа не являлся автором этой сфальсифицированной брошюры. Д. Гулиа глубоко переживал этот факт, но все произошло вопреки его воле. Тогда, как считали оппоненты, целесообразно было, чтобы Д. Гулиа сам сделал опровержение собственной книги «История Абхазии». В то время господствовало официальное грузинское мнение, согласно которому никакой истории Абхазии не было; утверждалось, что история абхазов – это история грузин. К сожалению, эта ложная, чрезмерно политизированная концепция, утвердившаяся в грузинской историографии в конце XIX – начале 50-х гг. XX в. превалирует по сей день, постоянно провоцируя конфликты.

В последней четверти XX в. абхазская историография, ведя жестокую и неравную борьбу с фальсификаторами прошлого Абхазии, достигла значительных успехов в области изучения истории и культуры Абхазии с древнейших времен (труды З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа, Г. А. Дзидзария, Г. А. Амичба, М. М. Гунба и др.). Параллельно развивались и исторические жанры литературы (исторические рассказы, повести, романы и драмы). В прошлых десятилетиях внимание писателей – авторов исторических произведений в основном было сосредоточено на эпохе Кавказской войны XIX в. и теме выселения горцев в Турцию (драма С. Я. Чанба «Махаджиры», поэма Д. И. Гулиа «Мой очаг», повесть

Дз. Х. Дарсалиа «Водоворот», роман Г. Гулиа «Водоворот» и др.). И это понятно, ибо Кавказская война опустошила историческую Абхазию, большая часть народа была выселена в Турцию. Эта же участь постигла и родственных абхазам адыгов (черкесов), которые до середины 60-х годов XIX в. населяли основную часть Северо-Западного Кавказа (от Сочи до Азовского моря). Последствия этой войны до сих пор отражаются на судьбе этих народов, которые оказались на грани исчезновения и искусственной ассимиляции. Крупным явлением в культуре абхазо-адыгских народов стал исторический роман Б. Шинкуба «Последний из ушедших» (1974), посвященный трагедии убыхов – этноса, жившего на территории современного Сочинского региона. Можно с уверенностью утверждать, что с выходом романа Б. Шинкуба в абхазской литературе прочно утвердился жанр исторического романа.

С конца 70-х гг. XX в. абхазская литература расширила рамки исторического пространства, шагнула за пределы XIX в. Начали появляться произведения о средневековой Абхазии (VI – нач. IX в.). И в их ряду стал выдающимся явлением роман Виталия Амаршан «Апсха» (1994 г.) об эпохе абхазского царя Леона II (правил в 767–811 гг.). Это произведение фактически завершило историю исторического романа в национальной литературе XX столетия.

В романе описывается эпоха окончательной консолидации абхазских субэтносов и формирования единого народа и объединенного Абхазского царства, границы которого, согласно грузинским источникам, простирались от реки Малая Хазария (Кубань) до Сурамаского (Лихского) хребта. Во главе этих процессов стоял абхазский царь Леон II, который присоединил к царству Лазику и перенес столицу государства из центра Абазгии (Абасгии) – Анакопии в Кутаис (некоторые источники считают его основателем этого города). По времени роман охватывает не менее 50-ти лет (т. е. 40–80-е гг. VIII в.), ибо в произведении еще действует дядя (брат отца) Леона II, правитель Абхазии Леон I, а жизнь Леона II описывается с детства.

Роман «Апсха» говорит о том, что его автор изучил массу исторических, археологических и этнографических материалов, связанных с историей средневековой Абхазии, Северного Кавказа, Грузии, Византии и других сопредельных стран и регионов. Естественно, писатель придерживается тех или иных концепций исторических событий и исторических личностей (в частности, Леона I,

Леона II и др.), которые были предложены учеными, и не только абхазскими (Д. Гулиа, Ш. Инал-Ипа, З. Анчабадзе, М. Гунба, Г. Амичба и др.), но и грузинскими, и русскими (М. Джанашвили, С. Джанашиа, Г. Меликишвили, Г. Цулая, П. Короленко, К. Кудрявцев, Ю. Воронов и т. д.). Вместе с тем, в романе автор воссоздает цельную художественную картину мира прошлого; опираясь на исторические факты, зафиксированные, например, средневековой грузинской исторической и агиографической литературой и исследованные историками-кавказоведами, он раскрывает смысл и значение, философию истории Абхазии VIII столетия, рассматривает этнософские вопросы, проблемы личности в истории, которая, согласно произведению, может сыграть значительную роль в судьбе народа или народов, особенно в переломные эпохи.

Древнегрузинские и армянские историко-литературные памятники являются основными источниками по истории и культуре Абхазии VIII–XI вв., т. е. эпохи ее наивысшего расцвета. К сожалению, древнеармянские письменные материалы об абхазах слабо изучены, а византийские источники о том же периоде (кроме единичных сочинений) просто отсутствуют, хотя немного ослабленная Восточно-Римская империя продолжала влиять на события, происходившие в то время в регионе.

Один из ранних грузинских нарративных памятников («Мученичество Або Тбилели /Тпилисского/»), в котором содержатся ценные сведения о социально-политическом и культурном положении Абхазии (отчасти и Хазарии) в VIII в., написан современником Леона I и Леона II, свидетелем событий Иоанном Сабанисдзе.

В «Мученичестве Або Тбилели» рассказывается о трагической судьбе юноши-араба Або и о тяжелом политическом положении Восточной Грузии – Картли в эпоху господства арабов. Согласно сюжету сочинения И. Сабанисдзе, правитель Картли Нерсе, не вынеся жестокости арабских завоевателей, временно покинул Грузию (Картли) и перешел в Хазарию, еще раньше отправив членов своей семьи в Абхазию. Нерсе сопровождали Або и большая свита. В Хазарии юноша-араб Або отрекся от ислама и принял христианство. Спустя некоторое время Нерсе и Або через Абхазию возвращаются в Грузию, где арабские завоеватели казнили Або в 786 г. как предателя. Произведение свидетельствует: «По прошествии некоторого времени Нерсе попро-

сил царя Севера (т. е. хазарского хакана. – В. Б.) отпустить его оттуда (из Хазарии. – В. Б.) в страну Абхазию, так как прежде туда отправил он мать, жену, детей,.. ибо та страна (Абхазия. – В. Б.) защищена была от опасности со стороны сарацин (арабов. – В.Б.). Господь же умиротворил царя Севера, отпустил он Нерсе со многими дарами». (Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии/Перев. с груз. и комментарии Г. А. Амичба. Сухуми, 1986. С. 7.). На благосклонность хазарского кагана, видимо, повлияли родственные связи кагана с царем Абхазии Леоном II (правил в 767–806 /811 гг./), который в то время и управлял Абхазским государством; в составе царства уже тогда находилась вся нынешняя Западная Грузия – Мингрелия (Мегрелия), а столицей царства после Анакопии (нынешний Новый Афон) стал Кутаис. Как свидетельствуют многие источники и исследователи, мать Леона II была дочерью хазарского хакана, который, видимо, способствовал воцарению в Абхазии своего внука. В это же время Византией правил император Лев Хазар (император в 775–780 гг.), сын от второй дочери хазарского кагана – Чичек (Чичак; при крещении – Ирина). Таким образом, и Леон абхазский, и Леон (=Лев) Константинопольский были сыновьями двух сестер, т. е. двоюродными братьями по материнской линии при общем деде – могущественном хазарском хакане. Сложившаяся благоприятная геополитическая ситуация и родственные связи Леона II помогли ему окончательно объединить абхазские субэтноты – абазгов, апсиллов, санигов, мисимиан и создать независимое централизованное государство. «И Хазария, и Византия делали ставку на Абхазское царство как на первую линию обороны при вторжении арабов на свои территории, что не раз случалось прежде. Абхазское царство при Леоне II занимало обширные территории. Страну он разделил на уделы и епископства.

В 806 г. основал город Кутаис, сделал его столицей государства вместо Анакопии, которая стала западной резиденцией царя. В эпоху его правления абхазская церковь обретает независимость, и был учрежден католикосат (патриархат). Первым католикосом абхазским стал Иоанн». (Чачхалиа Д. К. Хроника абхазских царей. Статьи. Заметки. М., 1999. С. 22–23).

Вот почему Абхазия, по словам И. Сабанидзе, «защищена была от опасности со стороны сарацин».

Далее автор «Мученичества Або Тбилели» писал, что, когда Нерсе и сопровождавшие его люди прибыли «в страну Абхазию, владетель той страны благосклонно принял Нерсе со всем его воинством... Когда же известили владетеля Абхазии о блаженном Або, что тот является новокрещенным, он весьма обрадовался со всем своим народом; сам владетель, епископ и священники призывали его и благословляли, утешали и повествовали ему о житии Христа и благовещали за его вечную жизнь... И блаженный Або еще пуще благодарствовал богу, т. к. он увидел страну ту (т. е. Абхазию. – В. Б.), преисполненной веры Христа, и ни одного неверующего не сыскать было в пределах их земель. А границей их является Понтийское море (т. е. Черное море. – В. Б.), где повсеместно обитают христиане вплоть до пределов Халдии; там находится Трапезунт, место пребывания Апсарей (Апсар, у устья реки современного Чорохи. – В. Б.) и Напсайской гавани (Никопсия, в районе Адлера. – В. Б.)...». (Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми, 1986. С. 7–8).

В «Летописи Картли» анонимного автора XI в. читаем: «Когда ослабли греки (берзенни) (т. е. византийцы. – В. Б.), отложился от них эристав абхазов по имени Леон (Леон II. – В. Б.), племянник (сын брата. – В. Б.) эристава Леона (Леона I. – В. Б.). Этот второй Леон был сыном дочери царя хазар (внуком хазарского хакана. – В. Б.) и с их помощью отложился от греков, завладел Абхазией и Эгриси (Лазикой. – В. Б.), назвал себя царем абхазов...». (Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Сухуми, 1986. С. 33). В переводе «Летописи Картли», осуществленном Г. В. Цулая, сохранены некоторые важные моменты оригинала. Так, в первом предложении подчеркивается, что Леон II – племянник Леона I, «которому дана была в наследство Абхазия». (Летопись Картли / Перев с груз., введ. и примеч. Цулая Г. В. Тбилиси, 1982. С. 48). Леон II стал царем (видимо, пока только собственно Абхазии без Эгриси) по закону престолонаследия. И второе предложение уточняет восточные границы царства: Леон II отложился от греков, «присвоил Абхазию с Эгриси до самого Лихи...». (Летопись Картли / Перев с груз., введ. и примеч. Цулая Г. В. Тбилиси, 1982. С. 48).

У историков до сих пор нет единого мнения о характере присоединения Эгриси к Абхазии в конце VIII в. Например, С. Н. Джанашиа, опираясь на «Летописи Картли», считал, что

«в конце VIII в. владетельные князья (мтавары) Абхазии одним ударом сокрушили Эгрисское царство». (Джанашиа С. Н. Труды. Тбилиси, 1949. Т. I. С. 88–89. На груз. яз.; Цулая Г. В. «Летопись Картли» и некоторые вопросы истории политического объединения Грузии//Летопись Картли. Тбилиси, 1982. С. 32). В своей работе в коллективном труде «История Грузии» (в грузинском тексте) С. Н. Джанашиа использует термин оригинала «Летописи Картли» – «даипкра». (Джавахишвили И. А., Бердзенишвили Н. А., Джанашиа С. Н. История Грузии. Тбилиси, 1943. С. 147. На груз. яз.). Там же в русском переводе труда исследователь слово «даипкра» переводит как «присоединил». (Джавахишвили И. А., Бердзенишвили Н. А., Джанашиа С. Н. История Грузии. С. 147). По мнению З. В. Анчабадзе, «...недостаток источников не позволяет нам категорически утверждать, что объединение Абхазии и Эгриси в одну политическую единицу было осуществлено только мирным путем при отсутствии какого-то бы ни было насилия со стороны абхазского владетеля». (Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. /VI–XVII вв./ Сухуми, 1959. С. 101).

Не меньшую дискуссию вызывают и некоторые другие проблемы истории Абхазии и Западной Грузии второй половины VIII в., они связаны с вопросами этнического состава Абхазского царства, определения времени образования независимого от Византии государства и т. д.

Г. В. Цулая, касаясь личности Леона II и важных исторических процессов VI–VIII вв., а также благоприятной внутренней и внешней политической ситуации, позволившей Абхазии занять ведущее место в Закавказском регионе, отмечает, что в VI–VII вв. Абхазия (главным образом ее северная часть – Абазгия) была ограждена апсилами и лазами от иранских вторжений в ходе византийско-иранских войн и арабских завоеваний, поэтому она пострадала меньше и сохранила внутреннюю целостность и ресурсы. «Благодаря этому, Абхазия (Абазгия) приобрела инициативу в Восточном Причерноморье, постепенно объединив большую часть Лазики-Эгриси, ...и затем выступила против навязанного ей византийского протектората. Отныне сопряженность лазов (эгров) и абхазов в грузинских источниках упоминается в обратном порядке, что также свидетельствует о более инициативной политической роли древнеабхазских (абазгских) племен в регионе». (Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Гру-

зии. Домонгольский период. М., 1995. С. 26). Как свидетельствует исследователь, в VII в., накануне «падения Эгриси и возвышения Абхазского княжества» ни один источник не указывает на господство какого-либо из них над другим. По мнению Г. В. Цулая, это обстоятельство говорит о сложившейся культурно-политической общности абхазов и лазов-эгрисцев и ее исторической преемственности. А на вопрос: «Что же в таком случае превращало древнеабхазские племена в самостоятельную этническую общность?», он отвечает: «Это, прежде всего, язык и сопряженные с ним культурные особенности, подсознательное чувство гетерогенности, подчеркнутые не только в прямых указаниях грузинских и византийских письменных источников (особенно когда в них под этнонимом «абхазы» очерчен вполне конкретный этнос, а сам этноним не содержит обобщающего значения), а также в самой этнографической массе собственно абхазов и грузин, в их быту и фольклоре. Абхазов и картвельские племена связывали не общность языка и даже не общность быта и народного мировоззрения, а общность исторического процесса». (Цулая Г. В. Указ. соч. С. 26–27). По словам Г. В. Цулая, именно к концу VIII в. Леону II представился удобный случай для объявления независимости от Византии. «Сама личность основателя Абхазского царства Леона Второго должна была быть незаурядной, но главное — легитимные права регулировались не только, а порой даже не столько физическими качествами личности, сколько политическими мотивами времени... Особая роль в антивизантийских акциях Леона Второго принадлежала его хазарским родственникам». (Цулая Г. В. Указ. соч. С. 52). При этом Г. В. Цулая подчеркивает, что помощь хазарского хакана правителю Абхазии диктовалась византийско-хазарскими противоречиями и облегчалась ослаблением константинопольской власти. Однако «дальнейший ход истории показал, что хазары из этой акции практически ничего не приобрели, ни объективно, ни по культурной воле своих правителей Абхазия не могла вписаться в планы хазарских каганов. Образовавшееся Абхазское царство исторически было запрограммировано в кругу народов византийского мира, чуждого Хазарии и социально, и духовно». (Цулая Г. В. Указ. соч. С. 52).

Кроме того, исследователь полагает, что помощь Леону II хазары могли оказать через адыгов (зихов, косягов и т. д.), «территория расселения которых, подвластная Хазарии, только и могла

связывать ее с Абхазией... Политическая программа основателей Абхазского царства не могла ограничиться объединением одного лишь Западного Закавказья». (Цулая Г. В. Указ. соч. С. 52).

Любопытно высказывание М. Гунба, которое связано с характером прихода к власти Леона II: «Что касается Леона II, то он, по видимому, воспользовавшись смертью Леона I, с помощью хазар захватил власть в объединенной Абхазии и Эгриси. Однако, исходя из “Дивана царей” Абхазии, следует полагать, что Леон II вскоре был свергнут Феодосием, сыном Леона I (о нем мало известно. – В. Б.) и его сторонниками. “Диван царей” за Леоном I упоминает не Леона II, а сына Леона I – Феодосия, правление которого длилось, согласно автору “Дивана царей”, 27 лет... Таким образом, Леон II получил царский престол не по наследству, а силой хазар. Объявив себя царем абхазов, Леон II должен был отстранить от власти потомков Леона I». (Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. /Социально-экономические и политические отношения/. Сухуми, 1989. С. 231). И в романе В. Амаршан Феодосий – сын Леона I – выступает политическим противником Леона II.

С точки зрения Ш. Д. Инал-Ипа процесс образования Абхазского царства завершился в конце VIII в. В подтверждение своей позиции ученый ссылается на С. Н. Джанашиа, который полагал, что Леон II объявил себя независимым царем, возможно, после 797 г. И перенесение столицы царства из Анакопии (Нового Афона) в Кутаис, по словам Ш. Инал-Ипа, произошло при Леоне II. (Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 399). Вместе с тем, ученый считал Леона II выдающимся государственным и политическим деятелем, который, «воспользовавшись международным положением и своей близостью к византийскому императору, а также имея поддержку хазарского кагана... с неукротимой энергией приступил к созданию своего независимого государства. Прежде всего, он прочно объединил Абазгию и Апсилию, объявил себя верховным правителем страны с титулом царя, освободился от византийской зависимости, в 80-х годах присвоил права на Эгрисский (Лазский) престол, присоединив, таким образом, Лазику к своим владениям в Абхазии». (Инал-Ипа Ш. Д. Указ. соч. С. 399–400).

В романе «Апсха» В. Амаршан учел все основные концепции событий VIII в. и использовал существующие источники. Согласно тексту произведения, действия в романе происходят, как уже

отмечалось выше, в 40–80-е гг. VIII в. Однако для уточнения некоторых важных моментов (и дат) эпохи обратимся к тексту романа и к реальным историческим фактам. Прежде всего, отметим, что в романе действуют известные в истории исторические личности: правители Абхазии Леон I (в романе – Леон Старший /Леуан ду/), Леон II (в романе (Леон/Леуан) (для удобства анализа и во избежание путаницы будем писать «Леон I» и «Леон II»), сын Леона I Феодосий, византийские императоры Лев III Исавр (у В. Амаршан в оригинале – Лев Исавр), Константин V Копроним – сын Льва Исавра, Лев IV Хазар (у В. Амаршан в оригинале – Леон Хазар; писатель, исходя из этимологической однозначности имен «Леон/Леуан» и «Лев», использует собственно греческое «Леон/Леуан», тем самым, сближая известные личности эпохи) – сын Константина V, сын хазарского кагана Юсуфа Барджиль, сестры Барджиля Чичек (Чичак) – жена Константина V и супруга брата Леона I Рамзыца (имя вымышленное, ибо в источниках существуют противоречия) Джарымхан (по В. Амаршан; так как ее настоящее имя неизвестно).

В романе «Апсха» время царствования Леона I еще не закончилось, он умирает в конце книги. Леон I также был «апсхой» (царем Абхазии). То есть, до Леона II Абхазское царство уже существовало. Однако сомнительно, что при Леоне I Лазика входила в состав Абхазского царства, хотя автор, передавая переживания Леона I, вызванные действиями его племянника Леона II в Лазике, пишет: «С тех пор как правительство Византии (император. – В. Б.) наказало ему (Леону I) не посягать на земли картлийцев, он, Леон Старший (Леуан ду) (т. е. Леон I. – В. Б.) не нарушал их границы. И, как известно, он даже породнился с ними (женился на племяннице картлийского царя Арчила Гурандухт. – В. Б.). С этого времени [картлийцы] передали ему во владение Лазику, население которой впоследствии привыкло к нему, он сам тоже принимал [лазов] как близких людей. Ему сильно не нравится то, что делает сын его брата Леон (Леон II. – В. Б.) за рекой Ингур (Эгры), используя хазар, особенно планы племянника перенести столицу Абхазии далеко за Ингур...». (Амаршан В. Леон – царь Абхазии /Апсха/. Сухум. 1994. С. 402–403; на абх. яз. Далее ссылки на это издания даются в тексте с указанием страницы). Вряд ли это означает, что Леон I реально управлял Лазикой. По роману В. Амаршан, Лазика фактически становится частью Абхазского царства при Леоне II.

Первые страницы романа свидетельствуют о том, что дочери хазарского кагана Чичак (Чичек) и Джаримхан уже более года как замужем за сыном византийского императора Льва Исавра – Константином и братом правителя Абхазии Леона I – Рамзыцом. У них рождаются сыновья – Леон Хазар и Леон II. По мнению византинистов, Лев III Исавр женил сына Константина на хазарке Чичек (или Чичак, в крещении Ирина) в 732 г., для установления прочного союза с могущественным Хазарским каганатом. (Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1997. С. 132). Вероятно, младшая дочь кагана была «выдана» за брата Леона I после 737 г., т. е., после разгрома арабских войск во главе с Мурваном ибн-Мухаммедом у стен Анакопии, после которого резко поднялся авторитет Леона I на всем Кавказе. Дело в том, что самим хазарам не раз приходилось воевать с арабами, которые пытались разгромить Хазарскую державу. Победа в Анакопийской битве и становление Леона I полновластным правителем Абхазии, признанным Византией, видимо, повлияли на решение хазарского хакана смириться с тем, что младшую дочь похитил брат Леона I, ибо сам правитель Абхазии, возможно, уже был женат на Гурандухт – дочери Мира (Мириана). Тем более что Хазария была заинтересована в приобретении мощного и надежного союзника в Закавказье, который мог преградить пути на Северный Кавказ через Западный Кавказ и горные перевалы персам, арабам и византийцам. Правители Хазарии, несомненно, ощущали возрастание политической роли Абхазского царства в Закавказье.

Временное пространство романа В. Амаршан совпадает с последним годом правления императора Льва III Исавра (умер в 741 г.), с эпохами императоров Константина V Копронима (741–775) и Льва (Леона) Хазара (775–780). Они все – персонажи произведения. Следовательно, действия в романе происходят в 40–80-е гг. VIII в. В 780 г. Леону II было примерно 36–40 лет. Основные события, описанные в романе – воцарение Леона II, расширение границ Абхазского царства на Запад и Восток, присоединение Лазики (Эгриси) к Абхазии, перенесение столицы царства из Анакопии в Кутаис, смерть Леона I и др., – происходят в рамках указанного времени. По В. Амаршан, Леон II становится царем в 60-х гг. VIII в. (это совпадает с мнением некоторых исследователей /К. Тоуманоф, Д. Чачхалиа и др., которые указывают на 766 или 767 г.), а присоединение Эгриси к Абхазскому царству, перенесение

столицы Абхазии в Кутаис и освобождение от византийской зависимости произошли в 70-х гг. VIII в., главным образом при императоре Леоне (Льве) IV Хазаре. Вопрос спорный, писатель выразил свою концепцию и немного сместил года (тем более что по ним нет единого мнения в историографии), для решения некоторых художественных задач, связанных, в частности, с отражением византийско-абхазских и хазарско-абхазских исторических связей и созданием «величественного» образа «выдающейся» исторической личности Леона II, сыгравшего значительную роль в раннесредневековой истории Абхазии и укреплении государства.

Кроме того, как свидетельствует «Апсха», В. Амаршан придерживается тех концепций исторических событий, которые утверждают, что не совсем мирно происходил процесс избрания и самоутверждения Леона II царем Абхазии (вспомним оппозиционные выступления его противников в разных местах царства, силовое противостояние Леону II сына Леона I Феодосия и его сторонников) и присоединения Эгриси к Абхазии; Леон II получал постоянную военную помощь от Хазарского каганата. Создается впечатление, что Леон II, нарушив традицию престолонаследия, силой захватил власть в Абхазии, которая, как отмечается в романе, была «досрочно» передана Леоном I Феодосию. В Абхазии, состоявшей из «вольных» субэтносов и обществ, царский престол действительно переходил по наследству, но было важно всеобщее признание народа; не утвержденный, не принятый населением правитель не мог управлять страной, в лучшем случае его власть ограничивалась рамками территории расселения его ближайших родственников и некоторых сторонников. В. Амаршан, акцентируя внимание на этой особенности взаимоотношений власти и народа, через образы своих персонажей подчеркивает, что сын Леона I Феодосий, воспитанный в иных традициях, не знающий даже родного языка, не обладающий качествами государственного деятеля, не мог быть принят народом в качестве царя. Правителем мог стать, по утверждению писателя, племянник Леона I Леон II, иных претендентов из рода Леонидов не было, кроме Феодосия; а брат Леона I Рамзыц был убит его противниками. Именно Леон II обладал незаурядными качествами государственного деятеля, который мог принести огромную пользу стране и народу. Леон II чувствовал свою правоту и поддержку населения и при необходимости использовал силу для подавления вооруженного сопротивления политических врагов.

В. Амаршан, показывая «немирное» присоединение Лазики к Абхазии, намекает на то, что восстание лазов в Лазике против Леона II, скорее всего, результат заблуждения населения Западной Грузии, спровоцированное действиями сына Леона I Феодосия – племянника картлийского царя Арчила; используя лазов и персов, Феодосий хотел вернуть себе абхазский престол, «захваченный» его двоюродным братом Леоном II. Развязка наступила после разгрома Леоном II лазско-персидских войск в Кутаисе. Писатель пишет, что плечом к плечу с абхазскими воинами против персов воевали многие лазские бойцы. Примечательна речь седовласого лазского старца-дворянина перед многотысячным разнонациональным собранием у нового царского дворца в Кутаиси. Он сказал: «...Мы [лазы] перенесли много страданий, но то, что мы пережили в эти незабываемые дни, тронуло нас. И самое худшее, что произошло с нами: мы потеряли ориентиры, не знали к кому примкнуть. С одной стороны, что скрывать, мы не понимали и сегодня не понимаем направление твоей (имеет в виду Леона II. – В. Б.) политики... Брат твоего отца, твой дядя, светлейший правитель Леон в одно время решил завладеть нашими землями, перейдя реку Ингур (Эгры). Но он остановился после того, как константинопольский император сделал его правителем Абхазии, передав ему корону, и попросил его не посягать на наши территории. И мы с тех пор жили спокойно. После того, как славный Леон (Леон I. – В. Б.) стал зятем нашего незабвенного Арчила, и он помог [Арчилу] освободить нашу землю от арабских завоевателей, проявив чудеса героизма, мы полюбили его, и мы надеялись на него. Мы слышали о тебе много плохого: будто ты противостояшь своему дяде... А когда ты, близкий родственник греков, оказал помощь нашей армии, воевавшей против греков (византийцев) за свободу, мы изменили отношение к тебе, наши сердца смягчились, и мы разрешили тебе построить царский дворец в сердце нашей родины [Кутаисе]. После того, как ты построил дворец и для его охраны поставил войско, до нас начали доходить неприятные вести, будто ты хочешь перенести сюда столицу Абхазии и с помощью своих родственников хазар желаешь закабалить нас... Не буду скрывать, нас это сильно задело. Наш племянник Феодосий (сын Леона I. – В. Б.) сказал, что если не попросить помощи у персов – наших же врагов, мы его [Леона II] не сможем остановить. Нам это не понравилось, но мы согласились. Мы перенесли много горя и страданий...

Ныне приход арабов и все, что они натворили здесь, раскололи наш народ, начали воевать друг с другом... Поэтому, когда твоя [Леона II] армия вступила в бой с арабами и персами, многие наши бойцы перешли на вашу сторону. Часть из них погибла, а оставшиеся в живых стоят сейчас рядом с вами... Раз так сложились наши судьбы, то я, старец, которому недолго осталось жить, скажу одно: объединяйтесь, ...наши общие враги – персы, арабы и греки (византийцы); они попытаются растащить вас в разные стороны, не дайте им это сделать... По воле бога вы одержали победу... Да здравствует... абхазский царь Леон...» (с. 428–429).

Включив речь лазского старца в повествовательную структуру романа, В. Амаршан несколько по-иному интерпретирует события, связанные с присоединением Лазики к Абхазскому царству и перенесением столицы государства в Кутаис. Это говорит о том, что многовековые историко-культурные связи между Абхазией и Лазикой (Эгриси), когда-то входивших в Колхидское царство, не могли не дать о себе знать, они оказались сильнее, чем политические амбиции некоторых деятелей, которые с помощью завоевателей пытались проложить себе дорогу к власти.

Важно выявить позицию писателя и по другим существенным вопросам, связанными с политическим, общественным, культурным и религиозным состоянием Абхазии и сопредельных стран в VIII в. Эта позиция раскрывается через образы героев романа «Апсха», ее часто выражает и сам автор, который выступает в роли неперсонифицированного повествователя.

Как показано в романе, еще окончательно не завершился процесс консолидации абхазского общества. Неслучайно Леон II ведет неустанную политическую борьбу за объединение абхазских субэтносов, родов и общин под знаменем единого, независимого государства; он постоянно встречается со старейшинами и ведущими князьями различных территорий и обществ. В одном месте повествователь говорит: «С того дня, как представители основных дворянских фамилий, собравшись вместе, поклялись, что они будут способствовать сплочению абхазских субэтносов, у которых общий язык, одни и те же обычаи и традиции, которые произошли от одного корня, беспокойство охватило народ; ...люди постоянно интересовались событиями... Одни были искренне преданы святому делу объединения народа, иные, делая

вид, что и они тоже борются за достижение этой цели, пытались извлечь выгоду. Было и немало противников идеи, провокаторов. А некоторая часть населения не могла отказаться от привычной жизни и примириться с новыми переменами, она боялась потерять свои вотчины» (с. 328–329).

Кроме того, автор утверждает, что человек, не знающий родного языка, обычаев и традиций народа, не может стать лидером, правителем Абхазии. Желательно и знание других языков, в том числе греческого (в то время международного), адыгского (черкесского), грузинского, хазарского (для того периода истории), ибо расширение границ Абхазского царства подразумевало вхождение в него иных народов, с которыми, естественно, необходимо общаться и строить добрые отношения. Особое значение имел греческий язык, который распространялся на Кавказе с античных времен и в Абхазии долгое время являлся официальным языком и языком церковной службы. На этом языке некоторые абхазы в Константинополе получали образование. Герои романа нередко разговаривают на греческом языке, особенно на собраниях с участием представителей других национальностей.

Греческий язык был распространен и в Лазике и частично в Хазарии. Как показано в заключительных частях произведения, на многотысячном митинге в Кутаисе, состоявшемся после разгрома персов и их местных сторонников, перед началом своей речи Леон II замешкался, думая: «На каком же языке ему выступать?» Потом решил говорить на греческом языке, ибо «многие из местных [лазских] старейшин понимают греческую речь, и предводители хазарской армии поймут его».

В отражении религиозных верований абхазов писатель опирался на достижения историографии, археологии и этнографии; он придерживается тезиса о мирном сосуществовании христианства и традиционных религий (язычества) в Абхазии. В романе «Апсха» В. Амаршан подтверждает мнение ученых о том, что в VIII в. христианство в Абхазии занимало господствующее положение, оно стало государственной религией царства. Вместе с тем, в произведении нет ни одного эпизода, который показывал бы гонения на язычество, оно продолжало сохраняться, не конфликтуя с христианством. Ни один из средневековых правителей Абхазии (в том числе Леон I и Леон II) не стремился насильно вы-

теснить религию предков. Цари, проявляя мудрость, преследовали достижение главной цели – объединение абхазских субэтнотосов и создание единого государства. Вместе с тем, они строили церкви, способствовали распространению христианства.

Любопытен образ Кайнагуа-жи (Кайнагуа-кузнеца) – известного по всей Абхазии кузнеца-оружейника. Его В. Амаршан сравнивает с кузнецом нартов Айнармом-жи, который высек из камня Сасырку – одного из главных героев Нартского эпоса, закалил его, ковал оружие для нартов. «И сегодня до всех окраин села доносится звон из кузни Кайнагуа, – пишет автор. – Он не только кузнец, но и человек, лучше которого никто не мог проводить обряд моления. Его кузня превратилась в святое место, она считалась самой сильной в округе... Сам Кайнагу не был крещен. И до открытия кузни он молился Ажвейпшу (божеству охоты и покровителю диких животных и птиц) и другим богам у священных деревьев. И таких, как он, было немало во всей Абхазии. Служителям церкви не совсем нравилось то, что люди, минуя храмы, посещали свои кузни. Они долго присматривались за Кайнагуом, но он продолжал следовать древним традициям абхазов... Во время пасхальных праздников и в обычные дни к нему приходят многие из тех, у которых есть собственная кузня... За скольких людей, особенно детей он молился, обращаясь к божеству кузни Шашвы?...» (с. 105). Кстати праздник кузни (Ажбырныхва), как часть традиционной религии народа, до сих пор сохранился в Абхазии. Многие семьи имеют свои кузни (ажыра или ажыра), где проводят обряд моления накануне наступления старого нового года.

О том, что проблема религиозного состояния абхазов в VIII в. постоянно волнует автора, свидетельствует и примечательный эпизод из романа «Апсха», в котором повествователь рассказывает о важном совещании главных священнослужителей, митрополита из Пицунды, епископов со всей Абхазии, организованном царем Леоном II; в нем участвовали и представители населения разных регионов царства. Целью собрания было: укрепить единство народа, разоблачить провокаторов, которые по указке Константинополя пытались насадить недоверие к Леону II, обвинив его в отступлении от христианства и стремлении построить «мечети под влиянием хазар», а также сохранить мирное сосуществование христианства и язычества. Писателю необходимо было возвысить своего героя и показать его как мудрого государственного

десятеля, учитывающего интересы всех слоев населения Абхазии. И он, по-моему, нашел лучший способ художественного решения проблемы.

Совещание служителей церкви решено было провести в историческом Севастополисе (Сухуме) в середине лета, и не где-нибудь, а в древнем священном для абхазов месте, хотя у Сухумской горы стоял христианский храм. Епископам вначале не понравилась эта идея, они считали, что такое собрание нужно было провести в лоне церкви, но потом смирились, ибо они знали, что сами храмы часто строились на территориях расположения древнейших святилищ народа. В эпизоде слово неперсонифицированного автора-повествователя приобретает особое значение, именно он рассказывает об историческом значении города Севастополиса, о святилищах. С одной стороны, он создает исторический образ города, с другой – раскрывает свой идейный замысел. Автор пишет: «В то время город Акуа (абхазский топоним. – В. Б.), названный иностранцами Севастополисом, был густонаселенным пунктом. Город славился своими шумными ярмарками... Здесь, как и в древней Диоскурии, говорили на многих языках... Можно сказать, что [шелковый путь] и тогда проходил через Сухум... В то время море находилось дальше от нынешнего берега. У моря лежала широкая зеленая поляна. На краю поляны была небольшая возвышенность, а за ней – котловина, в которой стояла серная вода... Вода считалась лечебной... На южной части поляны от того серного озера стояли два огромных грабовых дерева... Они были священными. Под ними абхазы проводили традиционные моленные обряды. Это было известно Леону [Леону II], поэтому он решил провести совещание не у храма около Сухумской горы, а здесь, на этой священной поляне, занимавшей особое место в жизни абхазов. Священнослужителям это не очень понравилось, но царь успокоил их, ибо перед этим подобное совещание прошло в Пицунде (Лдзаа), которым все [епископы] остались довольны... Правитель пригласил на совещание и мудрых, влиятельных старейшин народа, которые имели собственные священные кузны и сохраняли обычаи и традиции своих предков» (с. 345–346). Старцы выступают в роли хранителей традиционных религиозных верований предков. Складывалась необычная ситуация. По словам повествователя, до сих пор никому в голову не приходило организовать такую встречу, примирение, совмещение двух религий

– христианства и язычества. Это удалось Леону II. Многие были ошеломлены, особенно митрополит Абхазии Христофор – руководитель духовной кафедры при Пицундском храме. Он в страхе подумал: «Если об этом узнает константинопольский патриарх, то беды не миновать. Но он хорошо знал обычаи мудрых старейшин родного народа, поэтому, попросив у бога прощения, смирился с создавшимся положением...» (с. 346–347).

Мотив примирения или неконфликтования религий усиливается дальнейшим описанием особенностей собрания и его участников. Автор руководствуется существенным «демократическим» принципом: «Когда сам народ участвует в решении судьбоносных проблем страны, то результат становится значимым». Писатель пишет: «На сиденьях по обе стороны от царя посадили святого отца Христофора, других высших духовных сановников и уважаемых мудрых старцев» (с. 347). Словом, в «президиуме» оказались правитель Абхазии и представители двух религий – христианства и язычества. Утверждая свою концепцию, автор-повествователь пошел дальше: на собрании с соответствующей речью выступают митрополит Христофор, старец Хаджарат, сын Хуатхуата и в конце – сам царь Леон II. Собрание открывается выступлением святого отца Христофора на греческом языке, оно передается через несобственно прямую речь. Христофор подчеркнул, что такое собрание священнослужителей впервые проводится в Абхазии, что подобное совещание в будущем состоится и в других местах: в Мкиалрыпше, Хосте, на святой поляне Губаа-двы (нынешняя Красная поляна) и т. д.

Интересна и речь старца Хаджарата, который, став христианином, продолжал оставаться приверженцем религии предков. И он, естественно, начал свое выступление с упоминания языческих божеств, которым поклонялись абхазы. Старец сказал: «Ранее нам был ведан наш всемогущий, верховный Бог Анцва, мы знали бога грома и молнии Афы, который господствовал на небе; после него – бога кузни и кузнечного ремесла Шашвы-Абжныха, затем – божество лесов, диких зверей и птиц Ажвейпш-Жвейпшыркана, потом – Айтара – божество домашних животных, Джаджу – богиню полей, растений и урожая, ...богиню пчел и пчеловодства Анану-Гунду... Веками наши предки поклонялись им, во имя этих божеств проводили обряд жертвоприношения... Так мы и жили спокойно со своими богами. Но впоследствии греческие (визан-

тийские) корабли начали приставать к нашим берегам... Греки грабили нас и покоряли наши земли, поселялись здесь, строили на нашей территории крепости, военные гарнизоны. Кроме того, они постепенно начали навязывать свою религию (христианство. – В. Б.), заставляя забыть религию наших предков. Мы не раз воевали с ними и, наконец, смирились. Мы переняли у них многие обычаи и традиции, стали христианами. Однако, несмотря на это, мы сохраняли и свою религию, ...держались за наши обычаи и традиции. И с тех пор, дад Леон, наш славный сын, так мы и живем. К сожалению, сегодня ходят разговоры о том, что будто нас будут заставлять поклоняться и другому (хазарскому. – В. Б.) богу!..» (с. 351). Последние слова Хаджарата были порождены провокационными слухами, распространяемыми противниками Леона II, который якобы начал отступать от христианства. Обвинив царя в отступничестве, клеветники хотели настроить народ против него и столкнуть Абхазию с Византией.

Для «оправдания» и защиты своего главного и любимого героя автор использует письмо, якобы присланное из Константинополя патриархом Никифором. Оно было зачитано на собрании. В нем патриарх восхваляет царя Абхазии за христоролюбие, за то, что он проявил усердие для направления алан по истинному пути, крестил предводителя алан и других, проявил гостеприимство по отношению к архиепископу, присланному из Константинополя и т. д.

Самой историографии неизвестно такое письмо Леону II, но можно предположить, что при тогдашних абхазско-византийских историко-культурных связях подобные послания правителям Абхазии вполне могли иметь место. Писатель, естественно, исходил из логики исторических процессов. Но заметим, что это письмо, вставленное в повествовательную структуру романа «Апсха», напоминает письма константинопольского патриарха Николая Мистика (под №№ 46 и 51), адресованные абхазскому царю Георгию II (929–960); Тон и содержание писем Николая Мистика и письма из романа В. Амаршан почти совпадают. (Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 168–169; Чачхалиа Д. К. Хроника абхазских царей. Статьи. Заметки. М., 1999. С. 27–28). Похоже, что писатель при составлении письма от некоего Никифора опирался на послания Николая Мистика Георгию II. Так как речь идет о художественном произведении, то

автор имел полное право использовать источник по своему усмотрению, тем более что это никак не противоречит логике раннесредневековой истории Абхазии и Византии.

Последним на собрании выступил царь Леон II. Его спокойная, уравновешенная речь была краткой, но емкой. Он избегал резких и оскорбительных выражений, которые могли столкнуть людей. Высказав несколько уважительных слов в адрес предыдущих ораторов и участников совещания, правитель заметил: «... От вашего имени хочу поблагодарить... патриарха Никифора за письмо и заверить его, что мы, в какой бы трудной ситуации ни оказались, не предадим нашего единого бога; ...что мы будем, как всегда, крестить наших детей... О наших истинных намерениях свидетельствуют наши храмы, уже построенные и строящиеся по всей Абхазии... Наша сила, наша жизнь и душа ничего не стоят без нашей... Апсуара. В ней наша суть. Мы все, и христиане, и те, которые молятся божеству кузни и кузнечного ремесла Шашвы, живем ею... Поэтому чужие часто нас не понимают... Этой ситуацией порою пользуются наши враги; они сталкивают нас, способствуют развязыванию междоусобной войны... Мы все вместе должны защищать основу нашего бытия и души [Апсуара]!. Сегодня мы находимся в самом центре Абхазии... Акуа или Себастополисе – одно из наших значимых святых мест; это та древняя Диоскурия, которая жива и ныне, она не на дне моря... И эти грабы, в сенях которых мы сейчас сидим, – священные деревья, божественные творения; у этих деревьев с древнейших времен молились наши предки... Разве из-за этого кто-то имеет право нас упрекнуть?.. – ...Этого мы не позволим, мы от своего не откажемся... Именно здесь [в Себастополисе] впервые начало распространяться христианство среди нашего народа... Его проповедовали апостолы Симон Кананит и Андрей Первозванный... Отсюда [из Себастополиса] они отправились в Псырдзху (абх. назв. Анакопии. – В. Б.)... Вы – соль земли, – добавил он в конце, обращаясь к народу. – Если соль теряет силу, как же ее можно восстановить опять?.. В таком случае он становится бесполезным...» (с. 354–357).

Как видим, в речи царя Леона II нет ни одной мысли, которая могла бы дискредитировать христианство или традиционные религиозные верования народа. Наоборот, он пытается сблизить их, призывает к диалогу и взаимопониманию, ибо правитель считает, что христианство стало неотъемлемой частью жизни Абхазии, а

культовые обряды, моления, поклонение различным божествам и многие другие обычаи сохраняются как элементы Апсуара, как народная традиция.

Вместе с тем, писатель затрагивает и проблему религиозных верований многонационального населения Хазарии, которая в конце VIII в. уже находилась на пике своего развития. Приведем несколько интересных, но иногда вызывающих сомнения, эпизодов из романа «Апсха». В одном месте автор пишет: «В последние дни сын хакана Барджил, находясь в крепости Баб-ул-Аббаб, перенес много трудностей. Перед поездкой в крепость до него дошли неприятные вести с северо-западных земель каганата. Некоторые неразумные люди, забыв о всемогущем боге Тенгри-хане, под влиянием иностранных христианских миссионеров, вырубili священные дубовые деревья, у которых [хазары] молились с древних времен. Это событие спровоцировало конфликт между самими хазарами, пролилась кровь...» (с. 166). Заметим, что бог Тенгри-хан постоянно встречается в тех частях произведения, в которых действуют персонажи-хазары. Это свидетельствует о том, что В. Амаршан больше склонен считать язычество – поклонение Тенгри-хану – господствующей религией в хазарском обществе.

В другом эпизоде автор-повествователь рассказывает о том, как однажды группа хазарских воинов, которая жила в Абхазии и верно служила Леону II, пришла к царю и выразила свое несогласие с некоторыми позициями правителя. «Ты идешь по правильной дороге, но в последнее время, – сказали они, – ты, незаметно для себя, допустил просчеты. Во-первых, ты, видимо, не должен был показывать себя чрезмерно ревностным приверженцем христианства. Во-вторых, мы братья твоей матери, живущие здесь, хотели бы иметь в стране обезов [абхазов] хотя бы одну мечеть, где мы могли бы молиться нашему великому богу Тенгри-хану. В-третьих, прости нас, но нам кажется, что ты слишком доверяешь окружающим тебя людям; а среди них немало предателей» (с. 360). Очевидно, что автор допустил некоторую неточность: для поклонения Тенгри-хану обычно необязательно было строить какие-либо культовые здания, тем более «мечеть» (арабское слово), которая считается мусульманским храмом, она никакого отношения не имеет к язычеству.

Кроме того, говоря о полиэтнической структуре Хазарского каганата, о сложности управления подобным многонациональным государством и межэтнических проблемах, писатель отмечает: «...Изначально управлять хазарами было трудно по той причине, что у них не было общего бога, единой веры... Но со временем, насильственно или мирно, они приняли иудаизм: ...вместо многочисленных языческих верований появилась всеобщая государственная религия. Правители Хазарского каганата также начали возвышать культ всемогущего бога неба Тенгри-хана, хотя большинство народа продолжало поклоняться священным деревьям... Так, народ, молясь единому богу [Тенгри-хану], постепенно объединялся и спланивался. Однако в это время в сторону Хазарии начала надвигаться другая мощная религия, даже не похожая на ту веру, которую распространяли мусульмане с южных границ государства. Это было христианство. Оно шло с Запада, из Византии, через Закавказье, особенно Абхазию. В будущем, благодаря политике абхазских царей [по распространению христианства в сопредельной территории], правящие слои страны алан примут христианство, оно постепенно будет охватывать и остальное население [алан], дойдет и до гуннов. А отсюда до самих хазаров рукой подать...» (с. 84–85). За последней фразой сразу следует строка: «Сын хакана Барджил, с тех пор как возвратился из Константинополя (он гостил у императора Льва/Леона/ Исавра – свекра его сестры Чичак /Ирины/. – В. Б.), много размышлял над этими проблемами» (с. 85). То есть автор отчасти связывает эти мысли с Барджилом, хотя очевидно, что они отражают точку зрения писателя – неперсонифицированного повествователя в романе. Необходимо сказать, что этноним «хазары» мог иметь два значения. С одной стороны, это – название конкретного раннесредневекового этноса, видимо, тюркского происхождения, который впоследствии (после разгрома Хазарской империи в 964–965 гг. киевским князем Святославом Игоревичем) исчез с этнической карты Северного Кавказа. С другой стороны, представители других народов и стран могли называть полиэтническое население Хазарского каганата, или Хазарии, хазарами. А этимология самого топонима «Хазария» непосредственно связана с этническим названием «хазары», ибо хазары-тюрки, благодаря определенным (пока еще не до конца исследованным) историческим событиям VII в., оказались в авангарде исторических процессов на просто-

рах Северного Кавказа и прилегающих обширных территориях; они и сыграли ключевую роль в создании многонациональной Хазарской державы, границы которой уже в VIII в. простирались от Каспийского моря до Дона. Государство, видимо, держалось, как и в других империях, на силе власти и армии. Естественно, основная часть населения каганата состояла из других тюркских этносов (часть тюрков, например, предков карачаевцев и балкарцев, в ту эпоху могла входить в аланский союз племен), алан, адыгов (черкесов), славян и т. д. Отсюда – и религиозное своеобразие населения каганата.

Ю. М. Кобищанов, характеризуя Хазарский каганат, пишет: «Господствующий слой составляли выходцы из Монголии – тюркюты и из стран Ближнего и Среднего Востока – евреи, пережившие между собой и с хазарами. С IX в. вся правящая группа Хазарского каганата была иудаистской... Однако она лишь время от времени, вслед за драматическими поворотами внутренней или внешней политики, подвергала иноверцев гонениям. Не иудаисты, а христиане, мусульмане и последователи традиционной тюркской религии составляли подавляющее большинство населения как всего каганата, так и его центральных областей – собственно Хазарии. Ядро войска образовали наемники, в том числе мусульмане-дейлемиты. Веротерпимость, какой бы относительной она ни была, составляла двух- или трехвековую традицию и дополнялась традиционным синкретизмом. Хазары, даже приняв иудаизм, христианство или ислам, продолжали исповедовать культ священного царя-кагана из тюркского рода Ашина». (Кобищанов Ю. М. Полудье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995. С. 219).

В. Амаршан исходит из господствующей в хазароведении концепции «хазарских» событий VII–VIII вв.

Как свидетельствуют исторические и археологические материалы, в полиэтническом Хазарском каганате функционировало несколько религий: иудаизм, христианство и отчасти ислам, но превалировало язычество, хотя некоторые исследователи утверждают, что иудаизм занимал более прочное место в Хазарии. Вот как объясняла религиозное положение в Хазарском каганате С. А. Плетнева: «...Обстановка в государстве уже к концу VIII в. сложилась так, что появилась настоятельная потребность во всеобщей государственной религии. Хазарские правители прежде

всего попытались внедрить культ единого бога неба – Тенгри-хана... Христианство наступало и на Хазарию с запада, из Византии, и с юга, из закавказских государств... Христиане в Хазарии получили единую церковную организацию, но полной победе этой религии мешало то обстоятельство, что народные массы в каганате были весьма привержены мировоззрению предков – язычеству, о чем свидетельствует абсолютное господство языческих погребальных обрядов, а также и то, что сами правители никак не могли, видимо, остановиться на какой-либо определенной религии: то они принимали иудейство, то поспешно обращались в мусульманство». (Плетнева С. А. Хазары. 2-е доп. изд. М., 1986. С. 60–61). В итоге С. А. Плетнева заключает: «Итак, несоответствие общественно-экономического строя и языческого культа Тенгри-хана, враждебные отношения с христианскими и мусульманскими соседями (с Византией и Арабским халифатом. – В. Б.) и, наконец, знакомство правящей верхушки каганата с иудейством привели хазарское правительство в начале IX в. (при кагане Обадии. – В. Б.) к ...официальному принятию иудейской религии». (Плетнева С. А. Указ соч. С. 62). Видимо, каган Обадия, принимая иудаизм, хотел, с одной стороны, противопоставить свое государство двум державам – Византии и Халифату, с другой, – ослабить «языческие пути сакрализации, что дало бы ему реальную возможность бороться за власть в собственном государстве». (Плетнева С. А. Указ. соч. 1986. С. 63). А в другой книге С. А. Плетневой («Очерки хазарской археологии») читаем: «Объединяющей же религией, которая определяла духовную жизнь в каганате, верования и обрядность, было язычество». (Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим, 2000. С. 217). Очевидно, что в Хазарском каганате самой массовой религией было язычество. Сама Хазария не занималась распространением или насаждением какой-либо религии в соседних странах.

С моей точки зрения, никакой общегосударственной религии в полиэтническом Хазарском каганате не было; ни христианство, ни иудаизм, ни ислам не могли распространиться на огромной территории Хазарской империи, ибо главные носители религий, в частности христианства и ислама – могущественные державы Византия и Арабский халифат не влияли на историко-культурные процессы во всей Хазарии. О воздействии несуществовавшего тогда еврейского государства вряд ли можно говорить. Одна-

ко иудаизм, как монотеистическая религия с культом бога Яхве, подобно христианству и исламу, частично был распространен в Хазарском каганате, главным образом среди правящих кругов в пределах столиц Семендер и Итиль (иногда исследователи упоминают город Саркел). Кроме того, верхушка каганата пользовалась древнееврейской письменностью (свидетельством тому – письма хазарского хакана середины X в. Иосифа еврейскому визирю Кордовского халифата Хасдаю ибн-Шафруту), а бесписьменный хазарский язык, относящийся к тюркской группе, являлся общенародным (общехазарским) языком; возможно, на нем говорила некоторая часть нехазарского населения державы. До сих пор остается загадкой история проникновения иудаизма в Хазарию и распространения его среди определенной части тюркского населения каганата – хазар. Вероятно, эта история связана с теми евреями, которые переселялись на Кавказ, например, с IV–III вв. до н. э. В римскую и византийскую эпохи усилилась миграция, уход евреев из территорий, подконтрольных Риму и Византии, а также Ирану и Арабскому халифату. В результате еврейские поселения возникли и на Северном Кавказе. Возможно, современные горские евреи, живущие в Азербайджане, Дагестане (таты), Кабардино-Балкарии и других местах, произошли от тех переселенцев, которые сохраняли язык и религию (иудаизм). Видимо, с ними же связаны и «грузинские евреи». Именно от тех эмигрантов, ставших частью населения Хазарского каганата, исходят истоки иудаизма в Хазарии. Вовлеченная в конфликт с исламским Халифатом и христианской Византией, Хазария начинает обращать внимание на другую монотеистическую религию – иудаизм.

Вполне вероятно и то, что, благодаря тем или иным событиям или причинам, у власти оказались хаканы еврейского происхождения, которые, естественно, знали родной язык и оставались приверженцами иудаизма. На эту мысль наталкивает и то обстоятельство, что сам еврейский язык был в обиходе главным образом в каганском (правящем) кругу. Да и отсутствие эпиграфических памятников (кроме писем Иосифа) говорит об этом.

Археологические и иные материалы свидетельствуют о другом, то есть о том, что в каганате все же преобладало язычество и поклонение Тенгри-хану. Именно на этом, мне кажется, больше акцентирует внимание автор романа «Апсха».

Рассмотрев основные концептуальные взгляды на события VIII в., отраженные в романе «Апсха», перейдем к анализу художественных особенностей произведения, прежде всего структуры образов персонажей, в том числе и неперсонифицированного автора-повествователя.

В романе нет той сложной многоступенчатой повествовательной структуры, которая была присуща, например, произведению Б. Шинкуба «Последний из ушедших». В нем главным и единственным сквозным повествователем является сам неперсонифицированный автор, ведущий рассказ в объективированной форме. Такой способ повествования облегчает восприятие сюжета. Постоянное присутствие голоса писателя – отличительная черта романа «Апсха». Следовательно, автор-повествователь играет особую роль в художественной системе произведения, формировании романной структуры; а его речь, вместе с диалогом и речами других персонажей, становится основным средством раскрытия характеров. Эта же речь раскрывает образ самого автора, его взгляды на исторические события и личности, она же устанавливает связь между прошлым, настоящим и будущим.

Сам писатель чувствует духовную связь с прошлым; некая невидимая сверхъестественная сила движет им, озаряет жизнь; он постоянно ощущал ее и тогда, когда писал роман. Произведение начинается с описания весны. Писатель, возвратившись в село, в родительский дом, наслаждается красотой природы. Усевшись за письменным столом у окна, он продолжает смотреть на горы. Вдруг сзади закрипела дверь в соседнюю комнату, он почувствовал какой-то взгляд, какое-то странное ощущение охватило его, ибо он знал: дома, кроме него, никого не было, да и ветер не дул. Писатель обернулся, дверь продолжала открываться, но как только он посмотрел на нее, она остановилась. А в той комнате, похожей на музей, на стенах висели древние реликвии: оружие отцов, ковры, старые фотографии. Ощущение присутствия Духа не покидало автора, который размышлял о судьбе народа и думал о будущем историческом романе. Ему показалось, что Дух предка приоткрыл ту дверь в комнату, которая дышала прошлым. Писатель убежден, что знание прошлого помогает понять настоящее и предвидеть будущее. Поэтому он пытается проложить мост между этими временными пространствами.

После таких размышлений внимание автора резко переключается на события VIII в., и он начинает свое основное повествование. Однако на последних страницах произведения он вновь возвращается в современную жизнь и завершает свои размышления о силе Духа: «...Перед началом написания моего большого повествования я говорил о двери, которая открылась сама... Но сейчас я думаю, что ее открыл тот невидимый Дух (Святой Дух, Духовный человек), постоянно сопровождавший царя Леона [II]... Именно он заставил меня написать [этот роман] о древнейшей истории нашего народа... Именно он помогает мне жить и не терять надежду в нынешних тяжелых условиях...» (с. 451–452).

В ходе повествования автор по-разному проявляет себя; все события переживаются им, он часто интерпретирует их. Иногда повествователь останавливает движение основного сюжета, чтобы рассказать о тех или иных явлениях жизни и истории, знание которых, как ему кажется, необходимо для понимания замысла романа, исторических фактов и образов персонажей. Эти вставки-рассказы, или исторические и этнографические описания, важны для раскрытия полной картины прошлой жизни абхазов в контексте истории и культуры соседних народов, для того чтобы установить причинно-следственную связь событий и извлечь смысл из прошлого, поставить те или иные вопросы. Иногда автор просто хочет подчеркнуть героизм предков, сказать о их богатом политическом, военном и хозяйственно-экономическом опыте. Так, говоря о жителях Кодорского ущелья (Цабала и других), повествователь отмечает, что они издревле контролировали единственную военную дорогу, связывавшую Абхазию с Северным Кавказом.

Повествователь, используя ретроспективный метод, создает исторический образ Цабала (Цебельды) и Дала, цабальцев и дальцев. Он рассказывает о событиях в Апсилии в VI в., т. е. в эпоху Юстиниана I Великого, об убийстве константинопольского чиновника Сотериха цабальцами за унижение и оскорбление их чести и достоинства, о войне с византийцами и кровавой расправе с ними и т. д.

В. Амаршан, расширяя историко-культурное пространство романа, опираясь на исторические и археологические материалы, рассказывает и о некоторых особенностях византийской жизни, об обычаях и традициях хазар. При этом его вставки-описания,

отражающие концепцию автора-повествователя, тесно увязываются с событиями в Абхазии. В пятой главе третьей части произведения повествователь говорит о характере «престолонаследия» в Константинополе, об издержках византийской «демократии», касающихся «выбора» главы державы. По его словам, в Византии отсутствовала жесткая традиция передачи короны (власти) императора по наследству. В большинстве случаев тот или иной человек, обладающий определенными возможностями (военной силой, деньгами и т. д.), прокладывал себе дорогу к императорской власти любыми путями по известному изречению: «цель оправдывает средства». Для достижения цели он прибегал к интригам, обману, предательству и убийству своих друзей и близких (брата, отца и др.). «Когда, наконец, достигал трона, о нем говорили, что он прислан самим богом; все начинали поклоняться ему, целовали его ноги...» (с. 348). Мнение автора подтверждают биографии многих императоров Византии, например, Льва I Макеллы (457–474), выходца из Фракии, в молодости – торговца мясом, отсюда его прозвище Мясник; Юстина I (518–527), сына бедных иллирийских крестьян, не имел образования и отличался невоспитанностью и отсутствием красноречия; Фоки (602–610), служившего гекатонтархом (сотником) в армии на Дунае, фактически восставшая армия сделала его императором; Льва III Исавра (Сирийца) (717–741), основателя Исаврийской, или Сирийской, династии и других.

Завершая свои рассуждения о константинопольской власти, повествователь подчеркивает, что, как правило, власть таких императоров недолго длилась и не была прочной; она была уязвима. Затем автор-рассказчик возвращается к событиям в Абхазии и отмечает, что в Абхазии до сих пор (до Леона II. – В. Б.) власть передавалась по наследству, но эту традицию немного нарушил Леон II, и его воцарению способствовали хазары (братья его матери) и константинопольские родственники (из императорского двора). О нарушении традиции «престолонаследия» Леоном II говорилось выше, но хотелось бы указать на чрезмерное преувеличение писателем роли хазар в абхазских событиях второй половины VIII в.

В другом месте риторическая речь повествователя раскрывает особенности образования и воспитания инонациональных детей (в основном представителей высшего сословия) из разных визан-

тийских провинций и зависимых стран в константинопольских школах. И этот эпизод несомненно выполняет художественную функцию и является неотъемлемой частью поэтической структуры романа. Во-первых, автор расширяет исторический образ Византийской империи, показывает суть ее политики по отношению к зависимым территориям. Во-вторых, отражает характер историко-культурных связей Византии с другими странами и народами. В-третьих, эпизод позволяет писателю углубить и укрупнить образы двух основных героев произведения – царя Леона II и Беслана, сына цабальского владетеля Дашаныхвы, которые с семилетнего возраста были посланы в столицу Византии и в течение 10–15 лет учились в одной константинопольской школе.

Итак, автор поясняет, что в той школе, где учились Леон II и Беслан, процесс воспитания был построен на базе традиций древних эллинов. Они овладевали арифметикой, навыками чтения, письма и рисования, проходили физическую подготовку; изучали поэмы Гомера и Гесиода, этим прививали детям любовь к греческому языку. С 12-ти лет учащихся переводили в гимназию, где они проходили и специальную физическую подготовку по определенной системе, которая включала бег, прыжки в высоту и длину, метание диска и копья и т. д. Они также посещали уроки по истории, геометрии, астрономии и музыке. А когда детям исполнялось 15–17 лет, они снова слушали лекции по этике, риторике, логике, философии, математике, астрономии и географии. Изучали военную историю, тактику и стратегию. «Иногда некоторые говорили: “А разве стоит столько внимания уделять детям иных национальностей?..” Другие отвечали: “Они в будущем ассимилируются и станут греками...” ...Кроме того, их готовили таким образом, чтобы они, возвратившись домой после учебы, каждый управлял своей страной по византийским законам, проявляя покорность перед императором... И заставляли их принести клятву верности империи в церкви перед богом...» (с. 208–209). А тех, которые верно служили империи, проливали за нее кровь, император приглашал в Константинополь и щедро одаривал ценными подарками. Вот такую школу прошел и главный герой романа Леон II, но, несмотря на это, он, став правителем Абхазии, все же отказался от византийского протектората и провозгласил свою страну независимым государством.

Как видим, многие исторические, этнографические и другие описания, вводимые автором в художественную структуру романа, часто возвращают читателя к образу центрального героя Леона II.

* * *

Среди всех персонажей романа «Апсха» особое место занимает Леон II. Само название произведения больше связано с ним, хотя в романе еще продолжается время царствования другого апсха (царя) – Леона I. В произведении отражен немного потускневший образ Леона I – героя Анакопийской битвы с полчищами Мурвана ибн-Мухаммеда; его жизнь проходит как-то незаметно, его политическая деятельность пассивна и зависит от Византии. Даже в народе нелестно начали отзываться о нем, хотя помнили его выдающуюся роль в победе над арабами. Недовольные люди говорили о нем как о человеке, не свободном в своих действиях, который оглядывается то на юг к своим родственникам, то в сторону Константинополя. Сам Леон I говорит: «Мы часть великой империи...» (с. 194). Известный старец Чаабалырхуа Кискиндж, обладавший даром ясновидения, однажды сказал молодому Леону II: «...Не хотел бы унижать твоего дядю [Леона I], он немало хорошего сделал, но изначально царем должен был стать твой отец, он был достоин престола, хотя был моложе своего брата» (с. 225). Иногда образ Леона I раскрывается в речи автора-повествователя, который выражает свое отношение к герою. Повествователя волнует поведение Леона I в случае передачи власти, его мысли о Леоне II. По словам автора, правитель был искренне рад рождению племянника (Леона II). Но с того дня какое-то беспокойство засело в его душе, ведь у него тоже был сын Феодосий, воспитывавшийся у картлийских родственников и редко приезжавший домой. С приближением времени возвращения Леона II из Константинополя после учебы переживания царя усиливались. «О многом, да, о многом думал Леон Старший... Но вне его размышлений оставалось что-то важное. Он не мог понять одного: кто бы ни стал царем Абхазии из их рода, ...он не мог быть свободным; ...им продолжали бы пользоваться всякие завоеватели, которые с жадностью смотрели в сторону Абхазии; ...через него они прокладывали себе дорогу в царство Абхазское... А разве такой правитель мог понять суть истинной свободы? Допустим, он разгро-

мил, победил одних завоевателей, добился славы, но что делать с другими завоевателями? Что надо предпринять для получения полной свободы?.. А можно ли вообще самому завоевать свободу без посторонней помощи? Если даже кто-то поможет тебе, что он взамен потребует?..» (с. 153). Эти слова касаются не только Леона I, победившего арабов, но оказавшегося под властью Византии, они отражают и мысли самого повествователя, не равнодушного к судьбе родины и народа и желающего ответить на многие вопросы жестокой жизни. Поэтому неудивительно, что писатель делает ставку на Леона II. В его образе он воплотил свой идеал мудрого царя, правителя, государственного деятеля, который готов жертвовать собой и своими личными интересами и амбициями ради достижения свободы, независимости и благополучия народа и государства. Автор не скрывает своего восхищения героем. Следовательно, в создании образа Леона II он использовал весь свой художественный потенциал, национальные историко-духовные, культурные, литературные и фольклорные традиции. В результате в абхазской литературе появился еще один художественно совершенный, уникальный образ исторической личности, в котором сконцентрированы лучшие черты народа. Кроме того, в образе Леона II учтен и обобщен художественный опыт авторов предшествовавших исторических произведений о средневековой жизни Абхазии; отражена вся философия и смысл истории абхазов не только VIII в., но и более ранних эпох и последующих столетий (вплоть до наших дней), особенности историко-культурных процессов в регионе. Литературный герой Леон II – выразитель чаяний и устремлений народа в течение тысячелетий. Вообще образ центрального персонажа романа «Апсха» Леона II – это примечательный пример превращения исторического факта в художественный образ.

В исторической литературе о Леоне II написано мало. Одни авторы (З. Анчабадзе, А. Кудрявцев, Г. Цулая, Ш. Инал-Ипа и др.) считают его выдающейся личностью, другие не выделяют его имя среди иных средневековых абхазских царей. Зато о результатах его деятельности, о достижениях Абхазского царства во второй половине VIII в. опубликовано значительно больше материалов. В. Амаршан, естественно, взял за основу мнения тех ученых, которые характеризуют царя Леона II как выдающуюся личность, сыгравшую большую роль в истории Абхазии и Закавказья. Та-

кая концепция известной исторической фигуры стала базой для героизации, отчасти мифологизации персонажа романа «Апсха». Это привело писателя к активному использованию эстетики устного народного творчества (главным образом Нартского эпоса, предания об Абрьскиле и др.), фольклорного способа создания героического образа, основным художественным средством которого является «положительная» гипербола. Однако гиперболизация личности Леона II не отрывает его от остальной образной системы, наоборот, она возвышает значимость романа, усиливает эстетическое воздействие на читателя. Вместе с тем, Леон II – это сквозной образ, с ним связаны почти все события и персонажи (их около 50-ти). Поэтому автономное исследование образа героя вне параллельного рассмотрения характеров других персонажей невозможно. Как отмечалось выше, все сюжетные линии в итоге смыкаются с центральным героем. И, конечно же, образ Леона II неразрывно связан с образами его коня Дулдула и Человека-Духа (Духовной силы, Духа, в русском переводе романа – Духа земли, Чистого Духа земли, Чистого Духа). Аналогичная триада (герой – Духовная сила – конь), используемая при создании героического образа, известна только фольклору. В частности, в Нартском эпосе образ Сасрыквы трудно представить без его коня Бзоу и духовной (сверхъестественной) силы его матери Сатаней-Гуаши, именно благодаря им он совершает свои героические подвиги. Очевидно, что в данном случае речь должна идти о фольклорных истоках образа персонажа. Теперь подробно остановимся на этих вопросах.

В романе «Апсха» описывается жизнь Леона II от рождения до 40–50-ти лет. В его жизни все необычно, и в детстве он был необыкновенным ребенком. Именно с рождения Леона II начинается само историческое повествование. Даже это событие сыграло определенную политическую роль, оно сгладило хазарско-абхазские отношения, осложнившиеся с момента похищения братом правителя Леона I Рамзыцом сестры Барджил-хана – Джарымхан. Свидетельством примирения стало то, что бабушка Джарымхан всемогущая Барсбит-ханым в честь рождения правнука решила послать в Абхазию большую группу людей с подарками; среди подарков – уникальная люлька, в которой росли хазарские каганы и их дети, и, конечно же, жеребец редкой породы – почти ровесник

Леона II. Барсбит-ханым поручила также передать ее просьбу: «Пусть этого жеребенка вырастят в честь ребенка, пусть сажают его только на этого коня» (с. 13). Запомним: люлька – знаменитая, связанная с каганами, и жеребец – отменный, выделяющийся среди других.

Когда гости из Хазарии и сопровождающие их хозяева пришли проведать ребенка, он «выглядел “как взрослый мужчина”... Ребенок бодрствовал... Он даже попытался сесть, будто узнав гостей... Удивительно, но у ребенка шея уже была достаточно крепка... Его волосы были похожи на густые волосы матери, однако он не был белолицым, как она; по ресницам, носу и слегка смуглому телу он пошел по отцовской линии... Джарымхан взяла его на руки (из люльки), ...а он, почувствовав свободу, пытался вырваться из них... Ребенок оглядывал гостей, словно взрослый человек... Когда к нему подошел родной дядя (брат Джарымхан), он потянулся к нему, вытянул свои ручонки, пытаясь обнять его за шею... А тот взял его из рук матери и прижал к груди. Ребенок умолк, прислушиваясь к сердцебиению дяди, будто уже хотел выяснить характер отношений между двумя народами [абхазами и хазарами]. Таким образом, он еще раз подтвердил собравшимся, что кровь все же дает о себе знать...» (с. 27–28). Немного позже автор описывает невероятное поведение жеребца, который впоследствии получил кличку Дулдул: «Когда гости и хозяева сидели в пространной гостиной и увлеченно беседовали, неожиданно со двора донеслось неумное ржание жеребца. Все удивились этому, ...будто никогда не слышали ржание коня... Им показалось, что между криком ребенка в люльке и ржанием жеребца есть какая-то духовная связь... Жеребенок без конца бегал по двору... Наконец он подбежал к лестнице дома и остановился. Парни из царского дворца с удивлением восприняли эту картину и подумали о какой-то сверхъестественной силе. Они посчитали, что ребенок и жеребенок должны друг друга увидеть. Жеребец поднял голову и снова заржал, а ребенок, услышав его, начал вырваться из рук матери...» (с. 29). Потом решили вынести ребенка на улицу. «Жеребенок снова громко заржал. А ребенок еще сильнее пытался вырваться из рук матери. Он не плакал, но издавал громкий голос и даже сказал какое-то непонятное слово, указывая своими пухлыми ручонками на жеребца... Все вышли на улицу... и наблюдали за необычной сценой... Когда Джарымхан с ребенком приблизилась к жеребцу, тот не сдвинулся с места. Ребенок положил ручки на шею

жеребенка и затем потянул его за гриву. Жеребенок повернул голову и сердитыми глазами посмотрел на него, а ребенок, в свою очередь, заглянул в глаза жеребенка. «Такого мы еще не видели, как они рождены друг для друга», – сказали даже седовласые старцы» (с. 30).

В тот же день в честь ребенка было решено провести моление. По просьбе правителя Леона I почтенный старец Шааб с белым посохом из самшита провел этот традиционный обряд. Он, встав лицом к Востоку, подняв к небу вареные сердце и печень жертвенного животного, произнес культовую речь. В ней содержатся пророческие слова. Старец сказал: «...Вы видели, как ведет себя ребенок, хотя он еще совсем мал. Вы также свидетели необычного поведения жеребенка, подаренного ему... Это все предтеча каких-то крупных событий. Знайте, этого ребенка ждет большое будущее, он станет опорой не только царского двора, но и всей страны. Я молюсь за тебя, дад, рожденный двумя народами! Пусть от тебя не пострадает твой славный род!.. Пусть бог дарует тебе долгих лет жизни...» (с. 32). Завершив моление, Шааб перекрестился.

Автор показывает, что некоторые черты характера будущего царя проявлялись и в детстве. Ребенок еще не мог ходить, но уже чувствовал свое родное, близкое. Ему было хорошо и удобно в люльке, в которой росли абхазские правители, а к хазарской люльке никак не мог привыкнуть. Он также научился качать люльку, лежа в ней.

Интересен и другой эпизод, в котором рассказывается, как однажды после полудня маленький, не умеющий еще ходить Леон, оборвав продольные палочки, придерживавшие его в люльке, спустился с люльки, вышел во двор и пошел в амхару (амхара – новый дом, в котором живет молодая семья; он обычно строится в том же дворе, но подальше от основного «большого» родительского дома), где отдыхал его отец Рамзыц. Ребенок сам открыл дверь. Рамзыц не поверил своим глазам и даже испугался. Он быстро поднял Леона на руки. А ребенок восклицал: «Ачы, Ачы!» (вместо «Атшы, атшы!») («Конь, конь»). Фактически Леон II сделал свои первые шаги, но сделал это невероятным для его возраста образом: он сам (еще грудной ребенок) вылез из люльки и начал ходить. Создается впечатление, будто какая-то неведомая сила управляет ребенком. Автор на этом не останавливается, он продолжает целенаправленно рисовать гиперболизированные образы маленького Леона II и жеребца.

Неординарность характера ребенка вызывала беспокойство и страх. Бабушка Леона II Хирхух предложила немедленно крестить его. Крещение проходило в храме, который был расположен на вершине горы внутри Анакопийской цитадели. Там же находился главный царский дворец. Повествователь, как всегда, внимательно следит за поведением ребенка и жеребца. Он, подбирая необходимую лексику, снова описывает необычную сцену. Поведение Леона II ошеломило даже святого отца, крестившего его. В храме «святой отец поставил Джарымхан (она уже приняла христианство. – В. Б.) с ребенком у иконы божьей матери. Любопытно, что маленький Леон вел себя подобающе, смиренно, будто понимал смысл происходящих событий; он, не отрываясь, ...смотрел на образ Богоматери. Сам был похож на младенца, которого держала в руках мать божья...» (с. 68). Когда святой отец взял правую ручку ребенка и, ведя в нужном направлении, перекрестил его, Леон засиял и повеселел. «Святой отец был удивлен, ибо многих детей он крестил, но все они, как правило, плакали. Он видел перед собой необычного младенца, совершенно не похожего на других. И сразу он записал новое христианское имя ребенка – Леон, данное ему в честь его дяди Леона Старшего [Леона I]... Святой отец ощущал какое-то странное чувство, идущее от ребенка. Ему показалось, что перед ним стоит маленький Иисус Христос...» (с. 68). Сравнение со Спасителем символично; автор хочет сказать, что в будущем младенцу суждено стать опорой и надеждой народа.

Свою необычность Леон подтвердил и тогда, когда священник опустил его в святую воду. «Вода была прохладная. Но, несмотря на это, ребенок с удовольствием расплескивал воду ручонками. Он ладошками омыл свое лицо, затем выпил несколько глотков святой воды. Потом посмотрел на взрослых, как бы давая им понять, что пора его вытаскивать» (с. 69).

Параллельно описывается и поведение жеребца во время крещения маленького Леона. Когда Леона повезли крестить, жеребенок не находил себе места на царском дворе. Придворные пожалели его и выпустили. На полдороге к храму жеребец начал нагонять их. «Жеребец был свидетелем обряда крещения, после завершения которого он, словно желая известить... всю страну (Абхазию), громко заржал с Анакопийской горы. Потом, обойдя крепость и осмотрев ее, подошел к Леону и встал рядом с ним. Когда жеребец опустил голову, ребенок поднял ручки и схватил-

ся за гриву. Жеребенку это понравилось, и как обычно поступала его мать, горделиво подогнув шею, начал рыть землю правой передней ногой. Святому отцу никогда в жизни не приходилось наблюдать за подобной сценой; он посмотрел на небо и перекрестился» (с. 69–70).

Автор достигает максимальной гиперболизации образов тесно взаимосвязанных персонажей – маленького Леона и жеребенка – не только через описание их действий, поведения, но и через отражение восприятия очевидцев этих действий. Окружающие часто выражают удивление, подчеркивая непохожесть Леона и жеребца на других. Иногда даже обычное, естественное поведение ребенка преподносится автором как необычное явление. Порою кажется, что речь идет о каких-то мифических героях. Для формирования такого представления о персонажах повествователь использует соответствующий «синонимический» ряд выражений и предложений, раскрывающий особенности восприятия свидетелей событий. Например, «И это сильно поразило их», «Это ошеломило царицу Хирхух (бабушку Леона) и других женщин», «Мы никогда в жизни такого не видели», «Что говорить о хозяевах, когда сами гости (хазары), приведшие лошадей, были ошеломлены», «“Если этот ребенок, уже сейчас сам пытается решать свои проблемы, то это связано с каким-то чудом”, – подумал [Леон I]», «“Мы видим настоящее чудо”, – сказали они с удивлением», «Святой отец удивился...», «Это было похоже на сказку, но оно действительно произошло. Весть мгновенно облетела всех в царском дворце, но они не знали, как ее интерпретировать», «“Подобное чудо я никогда не видел”, – подумал святой отец и, посмотрев на небо, перекрестился» и т. д. Это все сказано о маленьком Леоне и жеребце. В приведенных примерах особое место занимают лексемы: «чудо», «сказочный», «удивительный», «поразительный» и т. д., которые являются либо обычными эпитетами, либо метафорическими эпитетами.

В последующих главах романа повествователь рассказывает уже о мальчике Леоне II, которому около 7–9 лет. Но он не по возрасту умен, гибок, силен, увлекается оружием, среди сверстников он – лидер. Автор внимательно следит за взрослением героя, динамикой его психологического и физического портрета. Портретная характеристика персонажа отражает отношение писателя к герою. Однажды Леон II с двумя придворными мальчиками по-

сетил оружейную кузню. Словно взрослый человек, он поздоровался с каждым кузнецом за руку. Кузнецам это понравилось, и им захотелось услышать оценку их работы именно от него. Леон с огромным интересом рассматривал военное снаряжение, кольчуги. Одну из кольчуг, немного уменьшив ее размер, подарили ему. Когда надели на него кольчугу и шлем, «он стал похож на настоящего воина».

Для еще большего возвышения героя писатель вводит в художественную структуру произведения мифологические мотивы, корни которых уходят в фольклор. В жизни совсем юного Леона происходят невероятные события, которые окажут на него сильное духовное воздействие, предопределят его дальнейшую судьбу. А эти события связаны с появлением контактов между Леоном и Духом (Духовной силой, Чистым Духом земли). Дух показан в образе человека, но необыкновенно большого. Его видит и слышит только Леон, другим он недостижим. Вообще Духовная сила не покидает героя до конца его жизни в романе. Но особо важны первые встречи Леона с ним, которые сопровождались интересными, иногда философского характера диалогами. С одной стороны, Дух – мифический образ, созданный писателем, с другой – это символ, концентрирующий в себе тысячелетний историко-культурный и духовный опыт народа, способствовавший формированию выдающейся личности Леона II, идеализированной автором.

Первая встреча Леона с Духом произошла неожиданно на большой дороге, по которой мальчик один возвращался домой. Автор сразу же рисует портрет Духа через восприятие Леона. «Когда Леон один шел по дороге, ему встретился очень высокий и здоровый мужчина... Все его тело и даже лицо было покрыто рыжими густыми волосами. У него – длинные волосатые руки, а глаза – красные... На вид он вроде бы был похож на человека, но в то же время отличался от него... Его ноги были огромны. Даже всадник на коне не смог бы перепрыгнуть большой палец его ноги... Леон в начале остановился, испугавшись этого необыкновенного человека...» (с. 94–95). Леону показалось, что это галлюцинация, но пошел к нему навстречу. Мальчик уже не боялся. И вдруг Дух заговорил на каком-то странном языке. (В другом месте автор говорит, что этот язык похож на древний хаттский язык /с. 99/. – В. Б.). И удивительно то, что маленький Леон понимал его хорошо. Этим повествователь подчеркивает, что в образе Леона II сохраняется

преемственная духовная связь с далекими предками. Дух сказал: «Я Дух (духовная сила) этой земли, я ее ровесник. Я тот, который создал всех, пережил их, вновь создаю всех. Меня обычно никто не видит, а те, кто случайно увидит меня, думают, что я лесной человек (дикарь)...

– Откуда ты и куда направляешься? — спросил Леон.

– ...Я не прихожу и никуда не ухожу, я вечен. Ты пока еще слишком мал, но у тебя чистая душа. Я хочу тебе помочь...

Затем подошел к Леону и погладил его по голове своей волосатой рукой. Леона охватило какое-то странное ощущение...

– Я видел все, и это “все” бесконечно, – продолжил ровесник мира. – О многом я расскажу при следующих встречах...».

Далее Дух добавил:

«– Возможно, я вселюсь в твою душу, но ты не бойся и прислушивайся к моему голосу... Похоже, что ты станешь достойным сыном своей большой страны! Я слежу за тобой с того момента, как ты родился, но ты только сейчас увидел меня. Это я сделал так, чтобы ты раньше времени начал ходить и разговаривать. Я принадлежу к духовной силе твоих предков [абхазов] и братьев твоей матери – хазар... Человек никогда не видит свою душу наяву, как мир не видит свою духовную силу: душа человека отражается в его практических делах...» (с. 95–96). После этих слов большой «рыжий Человек» исчез, оставив крупные следы на дороге.

Первая встреча мальчика и Духа свидетельствует о том, что Леон в возрасте 7–9 лет уже достиг определенного духовного и физического уровня развития и для него начинается другой этап жизни. Настало время, когда мальчик уже самостоятельно мог принимать решения, отвечать за свои поступки. Становление его личности происходит быстро, и не без вмешательства сверхъестественной силы, Духа. И, наконец, наступил момент, когда Дух в «материализованном» виде явился перед ним, ибо Леон уже мог видеть его. Не каждый был способен на это, в том числе его двоюродный брат Феодосий, для которого историко-духовный опыт родного народа не стал основой формирования его личности; Феодосий не знал даже родного языка и никогда не понял бы язык Духа родной земли. Именно поэтому все внимание автора-повествователя, который также постоянно ощущает Духовную силу предков, сконцентрировано на образе Леона II.

После встречи с Духом земли Леон резко начал меняться, он становится духовно развитым и глубоко мыслящим человеком. В определенном смысле он уже сформировался как личность. (Напомним: Леону еще не исполнилось и десяти лет). (Здесь очевидно сильное влияние эстетики фольклора, но об этом немного позже). Вот как автор, очеловечивая природу, образно рисует духовное и психологическое состояние мальчика после диалога с большим волосатым Человеком: «Ему казалось, что природа по-другому смотрит на него, и он сам как-то по-иному стал воспринимать ее: в шуме горных рек он слышал неумный смех; в пении птиц звучала колыбельная песня матери; поля превратились в зеленые ковры, а листья деревьев, словно живые, без конца хлопают ему...» (с. 96–97). Кроме того, на следующий день на полянке Леон собрал около ста детей и организовал спортивные соревнования по стрельбе из лука, метанию копья, по бегу, борьбе и т. д. Во всех видах соревнования он был первым. Это свидетельствует об использовании «спартанского» метода физической подготовки детей, являвшегося неотъемлемой частью абхазского воспитания по традиции Апсоуара. «В этот день остальные мальчишки заметили в Леоне что-то необычное, он выглядел другим; в нем проявились особые возможности. Он сам чувствовал, что, окрепнув духом, стал сильнее. “Все заключено в силе духа; можно достигнуть цели, если ты уверенно и без страха добиваешься ее; чем сильнее растянешь лук, тем лучше летит стрела и наверняка попадет в цель”, – подумал Леон по-взрослому... Когда мальчишки устали, они разбрелись по сторонам и расселись кто-куда... А Леон поднялся на огромный камень, покрытый мхом и похожий на двугорбого верблюда, и сел на него. Он ощутил свое духовное и физическое превосходство над другими. Это омрачило его, он почувствовал какую-то скуку... Вдруг Леон пришел в себя, и перед его глазами появились тот Человек-Дух и старцы, сидевшие под грецким орехом. И его неожиданно охватило сильное желание находиться рядом со старцами и слушать из их уст старинные сказки, предания и сказания...» (с. 97–98).

Леон один возвращался домой и по пути опять встретился с Духом; на этот раз он не испугался, наоборот, он жаждал быть рядом с ним и поговорить. Снова состоялся интересный диалог.

Речь Духа была многозначной и важной для Леона. Он оценил победы мальчика на соревнованиях и сказал, что постоянно

был рядом с ним, вдохновляя его и приумножая силы. Дух также отметил: «...Когда я сел на горку, ты тоже поднялся на огромный камень и сел на него. Этот камень я когда-то сам привез сюда, он ровесник века. И те древние каменные гробницы (дольмены), встречающиеся на Кавказе, построены мной, ...чтобы духи давно умерших не исчезли и их помнили сегодня...

Когда ты сел на камень, ...какая-то скука омрачила тебя, ибо я сам был в таком состоянии... Человек не может всегда играть и радоваться. Он иногда должен скучать... Человек должен думать, мыслить. Неправильно говорят, что думающий человек быстрее стареет... Я думаю, мыслю и поэтому не старею... Есть люди, которые не думают, забывают вчерашний день; они жалкие людишки, они не могут с надеждой заглянуть и в будущее.

Замечательно, что ты, несмотря на свой детский возраст, начал мыслить. Это будет мешать тебе, ...но ты не бойся; духовно сильный человек, в какой бы сложной ситуации ни оказался, выберется из пропасти, победит...

Твоей родине постоянно сопутствуют войны и страдания. Поэтому что она слишком красива. И изначально ее спасает духовная сила» (с. 99–100).

Далее Человек-Дух полностью рассказывает сюжеты фольклорных произведений об ацанах (карликах), уничтоженных богом за их нечистоплотность и невыносимый скверный характер, и Абрьскиле, который по велению бога был прикован к железному колу внутри глубокой пещеры за то, что он возгордился и не хотел признавать бога. «После ацанов на этой земле (Абхазии) появились великаны, а когда они вымерли, здесь начали жить нарты; и твои корни уходят к ним, ... – продолжил Дух. – Нарты были известными, славными и героическими людьми. Их было 99 братьев. Их матерью являлась Сатаней-Гуаша. Единственную сестру нартов звали Гундой. Самым младшим (сотым) из нартов был Сасрыква... Я был той духовной силой, которой владела Сатаней-Гуаша...» (с. 101). Затем, останавливаясь на судьбе защитника народа Абрьскила, Дух отметил: «Абрьскил боролся за свободу Абхазии; он был непримирим к врагам народа. Он был героем жесткого нрава, никогда ни перед кем не преклонял свою голову...

– Никак невозможно вытащить его из пещеры, в которой он прикован железными цепями? – [спросил Леон, с упоением слушавший Духа].

– Нет, к сожалению. Абрьскил постоянно расшатывает железный кол, к которому привязан цепью. Едва он настолько расшатывает огромный железный кол, что достаточно было еще немного усилий, чтобы вырвать его, какой-то красноголовый дятел прилетает и садится на макушку столба. Обозленный и уставший Абрьскил берет рядом лежащий тяжелый молот и бьет по птичке. Дятел улетает, а молот опускается на кол, вновь вбивая его обратно. Это повторяется без конца. Все портит его нетерпеливость, озлобление. После духа (духовной силы) может одержать победу терпение (терпеливость, неозлобленность), и об этом не забывай, дад» (с. 101–102). По словам Человека-Духа, однажды люди, возглавляемые им самим, попытались освободить Абрьскила, но попытка не увенчалась успехом. Леон удивился, что даже Дух не смог помочь Абрьскилу. «Естественно, я делаю для него все что могу: постоянно поддерживаю и укрепляю его дух, чтобы он жил назло врагам... Теперь подними лежащий перед тобой маленький колокольчик, его когда-то носил нарт Сасрыква, он неоднократно выручал его и придал ему силы; он и тебе пригодится на твоём жизненном пути», – сказал Дух и через некоторое время исчез (с. 102).

Человек-Дух, как связующее звено между прошлым, настоящим и будущим, стремится не оторвать маленького Леона от историко-культурного и этического наследия народа; без этого ему не стать хорошим правителем страны, которому суждено защитить государство, народ, родной язык и культуру. Контакты с Человеком-Духом усиливают любознательность героя, глубину его мыслей, любовь к фольклору.

Юного Леона постоянно тянет к знаменитому кузнецу Каинагу; иногда он с другом Хезаном посещает его. Причиной является не только то, что кузнец – прекрасный мастер-оружейник, который хранит воинские реликвии прошлого (мечи, луки и стрелы, копья и т. д.); Каинагу к тому же был замечательным сказителем и мудрым человеком. Через кузнеца и других старцев Леон проходит народную школу, осваивает азы народной мудрости, сюжеты фольклора, правила национальной этики, узнает о многих страницах героической истории абхазов. Каинагу, в частности, говорит мальчикам – Леону и Хезану: «...Пока у нас есть враги, мы должны быть бдительными и готовыми ко всему... Оружие остается оружием, но вы должны знать, что не всегда можно побеждать с помощью оружия; для человека важны ум, мудрость,

честь, человечность, гостеприимство (хлебосольность) и другие качества...» (с. 113). Затем Каинагу поведал мальчикам предание о том, как абхазы в глубокой древности заселили Абхазию. Автор из уст кузнеца передает сюжет одного из вариантов предания. (Варианты предания смотирим: Историко-героические сказания абхазов. Сухуми, 1978. С. 7–11; на абх. яз. Абхазский фольклор. Записи Артура Аншба. Сухум, 1995. С. 65; на абх. яз. и др.). Согласно рассказу Каинагуа, в эпоху становления самой земли абхазы жили в далеком Рапстане (дословно «страна арабов или негров»). Эта страна была населена белыми и черными людьми. От тех белых произошли и абхазы. Черные отличались своей жестокостью. Однажды между ними разразилась война. Белым пришлось покинуть Рапстан, они направились на север (в сторону Кавказа). За ним погнался полководец Хазартаали на коне Дулдул с большим войском. Погоню увидела во сне одна старуха, во время ночевки белых на одной большой поляне. Старуха сказала, что силой победить Хазартаали невозможно, их спасет только хлеб-соль, и попросила принести сито, много соли и муки из пшена. Она предложила всем сгруппироваться в одном месте; потом через сито рассыпая муку и соль, обвела людей кругом. Вдруг на горизонте показался Хазартаали на бешено мчавшемся коне Дулдул. Однако, приблизившись к белым людям, Дулдул резко остановился, не решаясь наступить на хлеб-соль. А старуха обнажила свою грудь и сказала: «Сынок, разве не этим ты тоже кормился?.. Не убивай нас, мы пойдем своей дорогой, никому не мешаем». Ошеломленный поведением своего коня, Хазартаали уехал обратно. А те люди продолжили свой путь и в итоге оказались на безлюдном Кавказе. По завершении сюжета предания состоялся диалог кузнеца Каинагуа с юным Леоном. Леон спросил: «А ацанов (карликов) уже не было [в Абхазии]?». «Откуда он об этом знает?» – удивился старец и сказал:

– Ацаны уже были уничтожены огнем...

– Значит, те белые, которые пришли сюда, были нартами?

Ошеломленный Каинагуа взглянул в глаза Леона и добавил:

– Видимо, они были нартами, от которых мы произошли...

– Если они были героями-нартами, почему испугались Хазартаали? – опять спросил Леон.

Старец еще больше удивился, и некоторое время думал, как ответить мальчику, затем сказал:

– Не из-за страха они ушли из страны и направились на [Кавказ]. Человек всегда должен избегать плохое и искать хорошее... Можно сказать, что с тех пор наш народ идет по трудному пути, он перенес много горя и страданий, однако его защищает человечность и хлебосольность (гостеприимство). А кто растоптал хлеб-соль, тому не миновать беды. Именно против таких и направлено оружие» (с. 115).

После услышанных от Каинага рассказов, Леон дает своему коню имя Дулдул. Но прежде он, 7–9-летний мальчик, впервые садится на необъезженного коня.

Необычность, «сказочность», «фантастичность» картины заключается в том, что Леон слишком мал для такой «скачки», тем более что конь необъезженный. Вообще, как показывает писатель, Дулдул изначально был привязан к Леону, только ему он мог подчиниться; да кроме Леона никого к себе не подпустил бы.

Так завершается первый 7–9-летний этап жизни героя, в течение которого в его характере закладываются основы национальной идентификации персонажа. К моменту отправления героя в Константинополь на учебу он был вполне зрелым человеком, который за короткий период прошел «ускоренный» путь взросления. Здесь несомненно влияние фольклора. Главный герой романа «Апсха» Леон II напоминает образы нарта Сасрыквы и Абырысила.

В мифе об Абырысиле герой родился чудесным образом, и вырос он быстро. У него верный друг – необыкновенный конь-арац. С появлением богатыря Абырысила народ зажил спокойно, прекратились набеги на страну. В предании говорится: «Так, девушка родила сына... Его рождение не было похоже на рождение обычного ребенка, и рос он невероятным образом: через неделю он уже выглядел как годовалый ребенок, через год – как десятилетний мальчик, а когда ему было десять – выглядел уже как двадцатилетний парень. За короткий промежуток времени он стал физически крепким, мужественным человеком...». (Шинкуба Б. Золотые россыпи./Абхазские устные народные сказания и этнографические материалы/. Сухуми. 1990. С. 273; на абх. яз.).

Необычным образом, из камня родился и другой фольклорный персонаж – центральный герой Нартского героического эпоса, сотый сын Сатаней-Гуаши Сасрыква. Рос он также не как остальные его братья-нарты. Не успев родиться, Сасрыква закричал: «Я голоден, мама! Накорми меня!...» И Айнар-кузнец

напоил его солнцеподобным железом. А потом подал ребенку целую лопату солнцеподобных угольев. И ребенок съел их все до последнего.

– Хочу спать, мама, хочу спать! – закричал мальчик.

... Услышав голос своего сына, [Сатаней-Гуаша] заторопилась к нему...

– Куда ты меня уложишь, мама? – вдруг спросил мальчик.

– Вот сейчас принесут твою колыбель, дитя мое, – сказала Сатаней-Гуаша и велела послать за колыбелью». (Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев / Перев. с абх. Г. Гулиа и В. Солоухина. Сухуми, 1988. С. 23). Но никто не смог принести колыбель, она оказалась слишком тяжелой. Сасрыква сам пошел за ней. «Маленький – не выше травы Сасрыква шел себе вперед. А мать, едва поспевая, бежала за ним... Сасрыква нашел свою колыбель в кузне и вскарабкался на нее. Не успел он в ней растянуться, как колыбель сама стала качаться, усыпая удивительного ребенка». (Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев. С. 24). Сасрыква спал и рос, его ноги уже достигли края колыбели, и он проснулся и сразу спросил: «Где мой конь?» Сатаней-Гуаша сказала: «В день твоего рождения появился на свет огнеподобный жеребенок... Сейчас ты увидишь его». Она попросила привести коня, но никто не смог, ибо Бзоу подчинялся только Сасрыкве. И маленький герой пошел за конем и привел его. Образ необычного ребенка Сасрыквы раскрывается и через восприятие девяносто девяти братьев-нартов, которые не хотели признать в нем младшего брата. Герой выделяется среди всех нартов своими богатырскими возможностями. Он еще мал, но при первой же встрече с братьями продемонстрировал свою силу и ловкость. Естественно, основным средством создания образа персонажа является гипербола, которая позволяет возвысить Сасрыкву над остальными нартами.

Конь становится верным другом героя, который помогает совершать богатырю героические поступки. Кроме того, Сасрыкве постоянно содействует сверхъестественная духовная сила матери Сатаней-Гуашы. И эта триада (Духовная сила – Герой – Конь) отражается в романе В. Амаршан «Апсха».

Второй период жизни Леона II связан с учебой в Константинополе. Попал он в столицу империи в возрасте 7–8 лет и находился там около 15–17 лет. До поездки в Константинополь мальчик уже

владел тремя языками: абхазским, хазарским и греческим.

Родители и близкие Леона были уверены, что пребывание мальчика в столице Византии не пройдет даром, ибо они надеялись на его способности, которые проявились и здесь, в Абхазии.

В Константинополе Леон получает прекрасное образование: совершенствует греческий язык, овладевает знаниями по античной и византийской литературе и культуре, мировой истории, этике, философии, математике, астрономии, географии, риторике, военному делу и т. д., проходит курс физической подготовки по «спартанской» системе. Он воспитывался в византийских традициях. Но сильное влияние греческой культуры не смогло подавить национальные основы характера персонажа. В образе Леона проявился некий симбиоз «своего» и «чужого», который в итоге привел к формированию выдающейся личности, лидера народа, способного консолидировать все слои абхазского общества. Сохранению национальной идентичности героя способствовал Человек-Дух (Дух родной земли, Духовная сила), он постоянно с героем. Благодаря ему Леон сильно чувствует разлуку (хотя и временную) с родиной: он вспоминает своих близких, друзей, старца Каинагуа-кузнеца и других. Кульминацией размышлений героя о родине стали его мысли о звоне колокола Храма Божьей Матери и колокольчика нарта Сасрыквы, подаренного ему Духом, и явление перед ним Человека-Духа. Два колокольных звона казались ему одинаковыми. С балкона императорского дворца Леон смотрел в сторону храма, который выделялся среди всех зданий. Самую верхнюю его часть венчал огромный золотой крест. Вдруг на фоне всей этой красоты он заметил Духа земли в каком-то одеянии; на этот раз он не был волосатым. «Откуда ты здесь взялся?» – спросил удивленный Леон. И Дух объяснил причины своего присутствия здесь, в Византии: «Как же мне здесь не быть, именно здесь я больше тебе нужен... Я приехал сюда вместе с тобой, дад... Где ты и я там... Именно сейчас, когда ты подумал о родине и о тех людях, которые ради нее делают все, я и явился... И звон того колокольчика, который ты носишь, – мой голос. Ты же слышал, как одинаково звучали колокольчик и колокол большого храма? Это духовная основа мира, а все остальное приходит и уходит. Вот эту духовную основу ты должен освоить и обогащать, для этого тебя сюда и прислали. Однако не забывай: мы с тобой не должны раствориться (ассимилироваться); мы обязаны сохранить свою ду-

ховность, свой голос. Мы не должны измениться настолько, что по возвращении на родину нас не узнали... Ты ничего не бойся, не считай себя чужим и здесь; ты в Божьих руках, и только он ведает всем миром...» (с. 132). После очередной встречи с Духовной силой Леон повеселел, он почувствовал прилив сил и уверенность в себе.

Эпизод усиливает мотив сохранения и развития национальной культуры, которая определяет смысл жизни этноса. А мотив возвышает значимость образа главного героя романа «Апсха».

Именно размышления о родине и народе, желание принести им пользу заставили Леона II навестить Итиль и своего дядю – хазарского хакана Барджил-хана, хотя он иногда не понимал, почему его душа лежит к Хазарии. Очевидно воздействие на него Духа земли, который вдохновлял его на те или иные поступки. Лишь потом он понял, что путь к власти и свободе родной страны проходит через Хазарию.

Первая глава второй части романа полностью посвящена пребыванию Леона II со свитой в Хазарии. Вместе с ним были его друзья Тапш-ипа Беслан (Беслан, сын Тапша) из Цабала (с ним он учился в Константинополе), племянник аланского правителя Сослан, адыгский (черкесский) дворянин Батраз и другие. Состав свиты свидетельствует о тесных контактах абхазов с северокавказскими народами. Леон ехал в Итиль из Константинополя не через Абхазию, а через западные провинции Хазарии, через территорию севернее Херсонеса.

Названная глава произведения интересна не только тем, что в ней показан образ уже достаточно повзрослевшего Леона II, который уже проявляет политическую активность; в ней также отражены многие этнические особенности хазар, их быт, традиции и обычаи, в том числе: обычаи приема гостей, кухня, обряд похорон и т. д. Эти обычаи свидетельствуют о господстве язычества в хазарском обществе, о котором говорилось выше.

И в Хазарии Леона II сопровождает невидимый другим Дух (Духовная сила, Дух родной земли), который, вновь явившись перед ним, поднял дух героя. Когда Леон на мгновение почувствовал себя одиноким в решении крупных проблем, он услышал голос Духа, который твердил: «Не обращай внимания на одиночество... Твое одиночество усиливает твою силу, возвышает твоё имя, ты ни на кого не похож, и не должен быть похож. Нарт Сасрыква был

одиноким человеком, хотя у него было много братьев. Потому что он был рожден сверхъестественной духовной силой. И тот, в честь которого ты носишь крест, тоже рожден необычным образом... Он послан Богом-Отцом с неба; уже в утробе матери Бог впитал в него любовь и жалость к людям... Никогда не спеши... не пытайся перевоспитывать всех... Кого надо, Бог сам накажет за содеянное... Ты правильно ведешь себя здесь [в Хазарии]. Хотя твой бог другой и обычаи другие; ты прав, когда не отказываешься от того, что тебе предлагают кровно близкие люди. Но ты был прав и тогда, когда отказался от предложенной тебе конины, ибо в твоём народе не принято её есть. Продолжай в таком же духе и не забывай: для тебя и твоего народа лучшей опоры, чем братья твоей матери хазары, нигде не найдешь; используй их и содействуй им, где это необходимо. Запомни также: их сила и мощь не вечны, и у них тоже много врагов; возможно, когда-нибудь и они исчезнут с лица земли. Поторапливайся, дад, поторапливайся, Бог возложил на тебя большую ответственность!..» (с. 174).

Человек-Дух, наставляя Леона, еще раз подчеркнул, что он необычен, как нарт Сасырква. Он призывает героя к спокойствию, мудрости и рационализму, и главное – проявлять любовь и жалость к человеку, прощать тому, кому можно прощать; это – ключ к успешному выполнению его миссии.

Справедливость слов Духа писатель отчасти подтверждает диалогом между Леоном II и Барджил-ханом. Автор показывает хакана человеком большого и пронзительного ума и государственного масштаба. Барджил прекрасно знал политическую ситуацию в Византии и Закавказье. В его речи содержится много пророческих мыслей, чему был удивлен Леон. Будущий правитель Абхазии, наконец, понял, что не напрасно его душа стремилась в Хазарию. Барджил-хан, охарактеризовав положение в Абхазии и сопредельных территориях, отметил: «Твой отец, его брат и я находимся в одинаковых родственных связях с правящей элитой Византии... Но мне кажется, что хозяевами побережья Обезского моря (Черного моря. – В. Б.) должны стать вы, обезы (абхазы. – В. Б.). В ближайшее время, видимо, так и произойдет, а ты будешь хаканом страны Обезии (Абхазии.– В. Б.)... Я, как родной твой дядя, скажу тебе: ты не должен бояться. Прежде всего, ты должен постараться консолидировать свой народ и добиться независимости. А если почувствуешь, что потребуется помощь, то знай: двести тысяч моих воинов-

всадников придут к тебе, я сам их возглавлю... Запомни, дорогой племянник, если даже от бога тебе суждено управлять народом, без сильной армии ты не обойдешься; одними мольбами к богу не победишь врагов, не защитишь отечество» (с. 183–184).

Барджил-хан затрагивает один из важнейших компонентов мировой истории – силу армии. Ни одно государство, народ не может сохранить и защитить себя, свою культуру без крепкой армии – главного атрибута государства. Может показаться, что хазарский хакан принижает роль личности в исторических процессах. Однако деятельность самого кагана и то, что он видит в Леоне II будущего талантливого правителя, доказывают обратное. Словом, личность и сила, по логике Барджил-хана, являются движущими элементами событий. Но философия романа «Апсха» шире; произведение, с одной стороны, показывает «физические» основы (закономерности) диалектики истории, с другой – оно утверждает, что в основе мировых процессов лежит и духовное начало (тому свидетельство – образ Леона II). Без духовного начала трудно представить жизнь народа и централизованного государства.

Молодой Леон с удивлением смотрел на Барджил-хана, он «никогда не слышал подобных слов. “Вот почему мое сердце тянулось сюда”, – подумал он. “Именно сейчас пробивается наружу твой родник (или – твоё солнце встает сейчас)”, – трижды услышал Леон голос Человека-Духа, и он повеселел, его силы приумножились...» (с. 184).

Включение в повествовательную структуру описания визита Леона II в Хазарию и его диалога с Барджил-ханом усиливает мотив хазарско-абхазских политических связей, которые, согласно роману, сыграли важную роль в судьбе Абхазии и Леона II. Произведение показывает, что в то время Абхазия могла завоевать независимость от Византии, имея сильного надежного союзника в лице Хазарии – противника Персии, Арабского халифата и Византии. В последующих главах романа эта позиция подкрепляется постоянным присутствием группы хазар в Абхазии, а также неоднократным появлением хазарских войск в Абхазии; первый раз они пришли во время утверждения Леона II царем, которое обострило политическую ситуацию в стране, во второй раз хазары оказали военную помощь Леону II в битве с персидско-лазскими войсками в Лазике, спровоцированной сыном Леона I Феодосием. Поддержка Барджил-хана помогла Леону II добиться полного суверенитета Абхазского царства.

Описывая второй этап жизни центрального героя, писатель не прервал процесс создания образа Леона через «триаду». Если и в Константинополе Духовная сила не покидает его, то конь Леона Дулдул долгое время находился один в Абхазии. Несмотря на это, сохраняется духовная связь между Леоном и конем; эта связь поддерживается речью автора-повествователя, который отчасти использует олицетворение. Автор через восприятие поведения Дулдула населением показывает отношение народа к Леону II, находящемуся в Византии. Конь вел себя невероятным образом, он постоянно создавал ощущение присутствия Леона в Абхазии. Дулдул больше чем обычное животное, он «мыслит», «понимает» происходящие события, «дифференцированно подходит» к людям, чувствуя их характер и намерения. В одном месте повествователь рассказывает: «В то время Абхазия была плотно заселена абхазскими субэтносами... Все они, за редким исключением, хорошо знали историю серого коня Леона [II]. Конь уже достаточно хорошо изучил все местности [Абхазии], ощущал все перемены, происходившие в них. В последнее время он удивлялся резкому увеличению населения страны... Быстро росло количество греков [переселенцев], они строили новые дома для своих родственников, ...которых привозили из крупных византийских гарнизонов, находящихся за рекой Ингур. Некоторые византийские воины пытались поймать коня и оседлать или запрячь в повозку. И за это он был зол на них; в любом месте он их узнавал по одежде и разговору (языку); увидев [византийцев], конь сразу убежал...» (с. 187). Кроме того, Дулдул замечал и абхазских военных в греческих одеждах, которые участвовали в византийских войнах. Они с гордостью носили военные награды императора. Конь убежал и от таких абхазов, в которых чувствовал частичку Византии, хотя не боялся их. «Конь также был свидетелем многих народных собраний, слышал недовольство людей. Он с жестокими глазами смотрел на врагов Рамзыца; конь знал, что и у него есть противники, которые хотели бы убить его, но не рисковали... Ему даже не нравилось поведение Леона Старшего [Леона I], который изменился за последнее время. Он видел, что правитель начал встречаться с какими-то военными. Замечал также, что Леон Старший объезжал абхазские земли с каким-то молодым человеком, немного похожим на него (видимо, речь идет о сыне Леона I Феодосии, воспитывавшимся у картлийцев. – В. Б.), и что они разговарива-

ли не на абхазском, а на совершенно другом непонятном языке... Однажды тот парень даже приблизился к нему; дрожь прошла по всему его телу, ибо коню не понравился его характер. Конь, как правило, не позволял себе ударять ногами кого-либо, как обычно делали другие лошади, но если молодой человек еще больше приблизился бы и схватил бы его за гриву, он не выдержал бы... Почувствовав это, парень остановился...» (с. 188).

Стремление писателя к очеловечиванию коня приводит к мифологизации его образа. Автор восхищается красотой Дулдула. По его словам, конь был серой масти, с длинной вытянутой шеей, стройной фигурой; любо было смотреть, когда он скачет. Повествователь сравнивает его с прекрасной девушкой. «Дулдул был в расцвете своих сил. В его жилах кипела кровь, его плотное и упругое тело переливалось; если полить на него воду, то вода тотчас стекала, ни одна капля не оставалась на теле... Иногда конь поднимался на макушку Анакопийской горы... Если смотреть на него снизу, с берега моря, на фоне неба его светлая фигура выглядела удивительно... Конь принадлежал к знаменитой породе. И серый конь хазарского хакана Барджил-хана похож на него, ибо оба одной крови. Лошади этой древней породы предназначались только каганам, которые называли их скифскими» (с. 188–189).

Автор-повествователь на этом не останавливается, он отмечает и другие невероятные «черты характера» необычного коня, усиливая мотив духовной связи между Дулдулом и Леоном II. Летом он часто приходил к Анакопийскому водопаду и вставал под серебристую воду. Леон приучил его купаться там. «Приходя сюда, он, вероятно, вспоминал его. И как поступал Леон, ...конь иногда поднимался вверх по краю реки [Псырдзха], пока не доходил до широкого камня, где когда-то убили апостола Симона Кананита... Молодой конь Леона, подойдя к камню, делал паузу; поднимал переднюю правую ногу и как-то странно махал ею, будто хотел перекреститься. Потом он шел к большому ветвистому грабу, под которым люди проводили моления. И там он немного простаивал, а затем продолжал свой путь наверх до того места, где якобы был похоронен Симон. Конь, словно человек, останавливался у возвышенного места, покрытого густой травой. Опять поднимал правую ногу и махал ею. После, закрыв глаза, молча стоял. Здесь, как нигде в другом месте, горячий конь успокаивался и мог передохнуть...» (с. 189–190).

Свою необычность Дулдул еще раз подтвердил на всеабхазских скачках, организованных по инициативе царя Леона I. Этим Леон Старший хотел поднять свой пошатнувшийся авторитет. «Как политик он [Леон I] не славился, но мог сохранить свое лицо именно такими мероприятиями» (с. 146). В отсутствие Леона II Дулдула не седлали, да и никто не смог бы это сделать. Если и позволял кому-нибудь подойти к себе, то это были самые близкие Леона, которым он доверял (Рамзыц, Джарымхан, Хезан и др.). Дулдул сам (без всадника) решил участвовать в скачках от имени Леона II. Когда мальчик (Леон) находился дома, в Абхазии, он всегда одерживал победу и в беге, и в борьбе, и в стрельбе из лука и т. д. И конь пытается сохранить эту традицию. Всадники должны были обежать огромную поляну тридцать раз. Замысел писателя определил и стиль описания скачек, которые с появлением коня Леона II превратились в «фантастическое» зрелище. «После второго круга, всадник, скакавший последним, оглянулся назад, хотя знал, что за ним никого не должно было быть. Однако он заметил какую-то серую лошадь без всадника, настигавшую его. Он был ошеломлен. А в это время народ уже обсуждал появление необычного коня.

– О, боже, чей же этот конь?!

– Ведь он один, без всадника?!..

– Невероятно, такого никогда не бывало!..

Такими разговорами были охвачены все. И Баалоу Хезан, который совсем недавно придерживал коня под деревом, в шоке смотрел на бешено скачущего Дулдула... Летел он, словно сокол, один за другим оставляя позади других лошадей. Когда первый всадник заметил его сзади, он сильно забеспокоился, в страхе, не понимая, что происходит, и подумал: «Не лучше ли сняться с дистанции?..» Дулдул пролетел мимо всадника, обдув его ветром. Через некоторое время он уже опять обгонял последнего всадника...

– ...Это невероятно, мои глаза такого еще не видели!

– Не сон ли это?..

Так народ продолжал обсуждать чудесное событие» (с. 150–151). Конь продолжал скакать вокруг поля. На завершающем тридцатом круге (остальные отставали на десять кругов) Баалоу Хезан остановил его. Народ узнал коня Леона, сына Рамзыца Ач[ба]. (Автор считает, что род средневековых царей принадле-

жит к известной княжеской фамилии Ачба). По словам повествователя, «... все говорили о [Леоне II], спрашивали друг друга, узнавали подробности его биографии; и у них возникло сильное желание увидеть его [Леона]...» (с. 151–152).

Любопытен и другой эпизод, связанный с Дулдулом. В нем использована эстетика героического сказания об Абрьскиле. Событие происходит в Анакопии и в селении Уатап, где в пещере якобы был заточен защитник и борец за свободу народа Абрьскил. Время действия совпадает со временем пребывания Леона II в Хазарии. Конь чувствовал, что Леон находится недалеко за хребтом Кавказа, откуда можно было ожидать военную помощь. Ведь и сам Дулдул из Хазарии. А хазарские войска, согласно роману, могли попасть в Абхазию через большую таинственную пещеру (вроде пещеры Абрьскила), о которой знал Барджил, и стало известно и Леону II. Автор мифологизирует событие. Даже в описание пейзажа привносит мифологический элемент. «Моросил дождь. Кругом стоял туман... Он окутывал и вход в пещеру, но густой туман разрывался на кусочки и отходил от входа, будто какая-то духовная сила, выходящая изнутри пещеры, отгоняла их... В это время прямо у входа в пещеру стояла какая-то серая лошадь...» (с. 185). Очевидцы в ней узнали коня Леона II, который, вытянув шею, без конца смотрел в сторону входа в пещеру и топал ногами. Один из мужчин сказал: «Может, он хочет вытащить Абрьскила из пещеры?» Другие отметили, что происходит какое-то невероятное событие. Третьи пророчествовали: «Нас, видимо, ожидают какие-то события, но какие – одному богу известно». Событие начало обрастать легендами, одна из которых гласила: «...Всех облетела весть, будто однажды в темную ночь какие-то люди с горящими свечами вышли из пещеры; они сразу сели на коней и ускакали...» (с. 186). Число подобных слухов увеличилось после возвращения Леона II из Хазарии в Константинополь. В Хазарии, как уже говорилось, Леон узнал о существовании пещеры, которая соединяет Север с Югом, Хазарию с Абхазией. Писатель устанавливает духовную связь между этой пещерой и пещерой Абрьскила, между Леоном II и Абрьскилом. Народ верил в существование Абрьскила и был убежден, что он когда-нибудь освободится и выйдет из пещеры. Абхазия ждала Леона II, который завершал учебу в Константинополе, народ связывал с ним свои надежды.

Третий этап жизни Леона II начинается с его досрочного возвращения на родину и избрания его царем Абхазии (в тексте – с пятой главы второй части романа и до конца). Он отправился в Абхазию по велению византийского императора Константина V и в связи с осложнением ситуации после передачи царского престола Феодосию и убийства отца Леона II Рамзыца. Но прежде состоялся диалог Константина V с будущим правителем Абхазии. Диалог раскрывает характер византийско-абхазских отношений, политическое положение Абхазии. Слова императора свидетельствуют о том, что Византия считает Абхазию своей провинцией, и ее проблемы должны решаться в Константинополе. Константин говорит Леону: «Брат твоего отца Леон [I], не известив нас и не получив наше согласие, сложил свою власть в пользу своего сына, совершенно неизвестного нам... Крепись, ...мы не знаем, кто это сделал, ...твоего отца убили... Вся Абазгия встала на ноги, ...народ окружил дворец правителя. Ситуация осложняется с каждым днем. Говорят, что весь Кавказиос может быть охвачен беспорядками (огнем). Поэтому... мы немедленно должны вмешаться в эти процессы. Непонятно, что произошло, но и наши войска, дислоцирующиеся там, проявили бессилие. Налицо большая измена, надо выявить виновников и наказать... Эти проблемы может решить один человек, то есть ты, Леон...» (с. 212–213).

Когда Леон сказал, что его дядя передал власть не чужому человеку, а своему сыну (Феодосию), его же двоюродному брату, император прервал его и сказал: «Не мы его воспитали и не мы его назначали». Константин V, как и его предшественники, считал, что местные правители должны пройти византийскую школу и быть воспитанными в духе преданности империи. Однако император не мог знать, что Леон, благодаря Духовной силе, думал иначе и уже вынашивал идею создания независимого Абхазского царства.

Византийские корабли с Леоном II и сопровождающими его константинопольскими чиновниками, святым отцом и военными направились не в Анакопию, а в Цандрыпш (недалеко от нынешнего Адлера). Мудрые старейшины цандрыпшцев посоветовали не спешить с «коронацией» Леона II и предложили провести всеобщее собрание народа, где избрали бы правителя. Они подчеркнули, что абхазы вряд ли примут царем того, которого утвердил Константинополь, ибо они прекрасно знали характер народа. Автор пишет, что сам Леон был согласен с позицией старейшин. Он

не мог открыто сказать, но осознавал, что без поддержки народа невозможно добиться чего-либо. Он также понимал цели Византии. И те, которые хотели через него проводить свою политику, ошибались. «О чем он думал – знал только он...».

Описывая третий этап жизни героя, автор обращает больше внимания на основной компонент триады, то есть на образ самого центрального персонажа: он создает политический портрет Леона II. Его образ раскрывается через речь автора-повествователя, речь самого героя и других персонажей, через практические действия Леона и его внутренний монолог, который передает сам повествователь. Мы уже видим окончательно сформировавшуюся самостоятельную личность, играющую важную роль в политической жизни Абхазии. Поэтому во второй половине романа частые явления Человека-Духа (Духовной силы или Духа земли) почти прекратились, ибо он (Дух) выполнил свою миссию. Благодаря ему Леон II стал национальным лидером, который может сохранить и развить исторический опыт, духовные и этические ценности народа. Словом, Духовная сила (Дух земли) вселилась в его душу, но очень редко уже являлась перед Леоном в образе человека. И лишь в конце романа, накануне битвы с арабо-персидско-лазскими войсками в Эгриси, герой последний раз увидел Человека-Духа. «...Перед отправлением [армии Леона II в сторону Эгриси] густой туман окутал Анакопию... – рассказывает повествователь, – перед царем явился Человек-Дух... Он ничуть не изменился, ибо, как сам говорил, он вечен и будет продолжать свой путь, если, конечно, в будущем не произойдет ужасная катастрофа (конец света); однако без него вряд ли будет существовать мир, так как он – духовная основа, душа мира... Леон знал, что Дух жил в нем и никогда не покидал его, но давно так близко не приходилось видеть Человека-Духа. Герой понимал, что он в очередной раз явился помочь ему...» (с. 404).

Немного ослаблена и «активность» другого компонента триады, то есть коня Дулдула. Но с ним связано одно примечательное явление – «Родник царя». Образ родника восполняет незначительное ослабление двух компонентов триады – Духовной силы и коня. Родник возник благодаря коню. В те критические дни, когда утверждалась власть Леона II, Дулдул ударил ногой о землю, и изпод нее пробился ключ. И этот ключ назвали «Родником царя», который стал символом перемен в стране. И родник тоже, как и событие у пещеры, начал обрастать легендами.

Символический образ родника усиливает образ самого героя, возвышает его, ибо родниковая вода приносит большую пользу людям, лечит их, укрепляет здоровье, вселяет им надежду. Народ не ошибся в выборе царя. Леон оказался именно тем мудрым, дальновзорким, уравновешенным, «демократичным» и духовно развитым правителем, который защищал интересы населения государства, его культуру, язык, этику Апсуара, национальную самобытность и, наконец, свободу народа. Соратниками, единомышленниками и друзьями Леона II были представители разных слоев населения – князей, дворян и крестьян (Беслан – сын цабалского владетеля Дашаныхва, старцы Каинагу-кузнец, Кискиндж, крестьянин Хезан и др.). И созданию их образов автор уделяет особое внимание, так как это помогает ему еще больше возвысить личность Леона II.

Герой обладал особыми качествами: с одной стороны, он, как Абрыйскыл, был жесток к врагам народа и его свободы, с другой – он, воспитанный в христианских традициях, милосерден, способен прощать даже своему кровнику; месть не приносит пользу государству, тем более, если она исходит от правителя, месть разъединяет народ, а не объединяет. Эта черта характера героя проявилась, в частности, на первом всенародном собрании, проведенном по инициативе нового царя Леона II на поляне Двышшдза (Красный/Красивый/ луг), где был убит его отец Рамзыц. В нем, кроме самих абхазов, участвовали представители адыгских субэтносов, аланов, гуннов, сванов, картлийцев, Армении, Албании и т. д. «Все жаждали увидеть Леона II, пришедшего к власти в Абхазии при поддержке двух великих держав – Византии и Хазарии» (с. 246). На собрании произошло событие, которого никто не ожидал: был задержан убийца Рамзыца и доставлен в Двышшдза; его подвели к камню, на который упал отец Леона, пораженный стрелой. И только хотели отсечь ему голову, Леон грозно приказал отпустить его и добавил: «С сегодняшнего дня никто тебя не тронет. Своей жизнью ты обязан собравшемуся здесь народу...». А убийца растерялся, он не знал, что делать, так он и застыл на месте, не зная, как использовать дарованную ему свободу. Затем Леон произнес речь, которая свидетельствовала о его выдающихся ораторских способностях. (Вспомним: своими речами на чисто греческом языке он не раз поражал константинопольских сенаторов). Леон затронул вопрос, который касался всех участников собрания. «В таком же положении находятся наши народы, – ска-

зал царь [указывая на убийцу своего отца], – испокон веков их же руками кто-то делает все что хочет: убивает неугодных людей, через них же распространяет клевету на тех, которые могли бы принести большую пользу народу, делает так, чтобы народы сами не могли решать свои проблемы. Если им скажешь: “Вот вам полная свобода, делайте с ней что хотите”, – они могут растеряться и не знать, что делать с этой свободой... Это ужасная болезнь! От нее мы, народы Кавказа, должны освободиться...» (с. 249).

Вот два любопытных мнения о Леоне II, которые распространились среди населения после собрания. Одни говорили: «Его посадили в седло хазары, посадили же на серого хазарского коня, плетку вручили ему греки (византийцы), а что у него от нас [абхазов]?» (т. е. Леон стал царем с помощью хазар и византийцев). Другие отмечали: «От нас... у него в жилах течет наша кровь, он абхаз и стоит на абхазской земле, борется за Апсуара, жертвуя собой... Он наш царь!» (с. 249). И сторонников последней точки зрения становилось все больше и больше.

Другой эпизод, раскрывающий милосердие Леона II, связан с братом его отца Леоном I. Леон II не держит зла на своего дядю, хотя знает, что в смерти отца виновен и он; Леон I также препятствовал воцарению своего племянника; он знал и о том, что его сын Феодосий с помощью персов и лазов готовил заговор против Леона II, но не остановил его. После всего этого во дворце Леона I не знали, как поступит молодой царь с бывшим правителем, они больше всего ожидали мести с его стороны. Однако посещение Леоном II без личной охраны дворца дяди не только удивило его бабушку Хирхух и других, но и рассеяло их опасение. Княгиня даже заплакала от радости, ее интуиция не подвела; она ожидала от внука именно такого поступка. Он не пролил кровь близких людей. Леон сказал бабушке: «Я врагами считаю только врагов моей страны... Я зашел к себе домой, а если здесь есть враги, то они сами себе враги...» (с. 259–260).

Леон II пришел во дворец и тогда, когда умер Леон I. А произошло это событие после разгрома арабо-персидско-лазских войск в Эгриси; война была спровоцирована Феодосием. В такой ситуации никто не ожидал появления царя на похоронах. Но Леон II, движимый духовной силой, поехал в Анакопию. Повествователь говорит: «Многие одобрили и высоко оценили поступок царя, который пришел оплакать брата своего отца; они посчитали это признаком большой мудрости...» (с. 473).

Повествователь противопоставляет два типа героев: Леона II и Леона I, Леона II и Феодосия. При этом он возвышает молодого правителя; Леон II духовно, нравственно выше, чем остальные. И в этом заслуга Духовной силы неоспорима.

Леон II понимает, что избрал нелегкий путь, он помнит мудрость народной поговорки: «Если боишься намочить ноги – не заходи в воду». Герой уверен в себе и решителен. Автор сравнивает Леона с Наполеоном Бонапартом, хотя «ростом он (Леон) был выше и строен, но по характеру и взгляду был похож на него (Наполеона). [Леон] был решительным, волевым и быстрым человеком... Он молниеносно обнажал свой меч или кинжал и мгновенно мог нанести удар... Поэтому враги его опасались. Он насквозь видел человека, и если кто-то замыслил заговор, он сразу выявлял его и уничтожал... Не подпускал к себе близко слабовольных людей... [Леон] решал судьбу Абхазии с самыми решительными и сильными людьми; они были в каждом уголке страны и проводили его политику...» (с. 400–401). И в бою Леон напоминал сказочного богатыря на коне. Автор-повествователь, словно эпический сказитель, рассказывает о нем: «И когда они (арабо-персидские воины) находились в далекой Персии, слышали, что он (Леон) был одет в кольчугу, имевшую форму орла, был на коне хазарской породы и воевал мечом, подаренным ему хазарским хаканом Барджилом... Увидев с громовым криком приближавшегося царя Абхазии, ...воины на мгновение застыли на месте; некоторые от страха начали стрелять, но, вспомнив, что им приказано живьем взять его, прекратили стрельбу... Одним ударом меча он (Леон) косил врагов. Его конь тоже был покрыт кольчугой; он громко ржал и, вставая на задние ноги, наносил удары передними, ...и это устршило персов, они попытались убить его, но отлетали от него и падали ничком...» (с. 414–415)).

Как государственный деятель, Леон II создает эффективную систему власти во главе с царем, в работе которой участвуют представители всех субэтносов и слоев общества; формирует сильную и хорошо вооруженную армию, считая ее основой царства, гарантом его суверенитета и независимости. В военно-государственном строительстве молодой правитель опирается на исторический опыт народа, использует и византийские традиции. Особое внимание уделяет развитию экономики, сельского хозяйства.

Кроме того, Леон II, понимая значимость культуры, способствует строительству храмов, распространению знаний. Он говорил: «Сегодня среди нас всего два-три человека, владеющих латинской и греческой грамотой. Однако в древности, во времена финикийцев, у нас был свой алфавит, своя письменность. Мы потеряли ее на своем трудном историческом пути, но мы должны оглянуться назад и найти ее и возродить...» (с. 380). Вместе с тем, Леон мечтал открыть школу ораторского искусства. По словам повествователя, «царь Леон решил за короткое время восполнить то, что в течение веков не смогли осуществить предки. Те дворяне, которые не выдерживали нагрузку, напряженную работу, уходили от него. Были и такие, завидовавшие (Леону), они становились на путь предательства... В то же время число его сторонников росло...» (с. 380).

В итоге автор-повествователь переходит к открытой оценке личности Леона II и результатов его деятельности. Он утверждает, что, несмотря на сложную ситуацию, «Леон смог заложить прочные основы абхазской государственности. Он расширил границы царства; на западе они доходили до берегов Кубани, ...на востоке – до Сурамского хребта, на юге – до реки Чорох... И небольшие царства картлийских правителей, которых постоянно раздирала междоусобная война, включил в Абхазское царство, тем самым, оградив их от завоевателей. И это государство, игравшее тогда большую роль на Кавказе, просуществовало двести лет; сам славный Леон правил сорок пять лет... И если сегодня мы с гордостью говорим, что абхазской государственности 1200 лет, то это стало возможным благодаря царю Леону [II]... Именно он вселил в нас уверенность в себе...» (с. 451).

Позиция автора подтверждается многими историческими материалами, о которых говорилось выше.

**Вяч. А. Бигуаа,
доктор филологических наук**

КОММЕНТАРИЙ

Аамыста ду (абх.) – буквально «большой дворянин»; одна из категорий абхазского дворянства; первостепенные дворяне.

Абасги (абазги, абаски, авасги, абазхи, авазги, аваски) (др.-греч.: Ἀβασκοί, Ἀβασγοί; лат.: *Abasgi, Abasgen*) – древний абхазский субэтнос (I–IX вв. н. э.). Этноним сохранился в самоназвании абазин – «абаза». Он встречается у римских и византийских авторов – Арриана, Стефана Византийского и др. Абазги граничили на востоке с апсилами, на западе – с санигами (абхазский субэтнос). Этноним сохранился в самоназвании абазин – абаза (они ныне проживают в Карачаево-Черкесской Республике Российской Федерации). От названий «абасги» («абазги») и «Абасгия» («Абазгия») произошло и ныне известное на других языках название «Абхазия». Видоизменение древних названий «абаст», «Абасгия» в «абхаз», «Абхазия» произошло, как предполагал еще Н. Я. Марр, на западнокартвельской (мингрельской) языковой почве. Названия народа «абасги» и страны «Абасгия» в соответствии с особенностями мингрельской (мегрельской) речи были преобразованы в «абхаз», «Абхазия»... Именно в таком виде указанные термины проникли в грузинский язык, а через него – и в другие языки мира». (См.: История Абхазии. Гудаута, 1993. С. 5). Сами абхазы называют свою страну Апсны (смотрим: Апсны).

Абасгия (Абазгия, Авасгия, Авазгия) (лат.: *Abasgia, Avasgia*; греч.: Ἀβασγία) – первоначально часть исторической территории древней Абхазии между реками Гумиста и Бзыб, на которой проживали абазги. Ее важными центрами были Питиунт (Пицунда) и Анакопия (совр. Новый Афон; абх. Псырдзха). Топоним встречается с I в. н. э., упоминается, например, и в X в. в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». На востоке Абазгия граничила с Апсилией (смотрим: Апсилия), на западе – с Санигией, населенной абхазским субэтносом – санигами. После

создания Леоном II единого Абхазского царства и перенесения его столицы в Кутаис, топоним приобретает двойное значение: 1) как обозначение северной области Абхазского царства (собственно Абхазии), 2) как обозначение Абхазского царства в целом.

Абрыскил – герой абхазского героического сказания; непобедимый богатырь, защитник своего народа. За соперничество с верховным богом (Анца) он был пойман и заточен в пещеру и прикован вместе с конем к железному столбу. Временами Абрыскил расшатывает столб, чтобы вырвать его, но когда он близок к этому, на столб садится птичка-трясогузка. Абрыскил замахивается на нее молотом; птица улетает, а молот ударяет по вершине столба, вгоняя его в землю вдвое глубже прежнего. Абрыскил типологически близок греческому Прометею.

Абхазское царство – раннефеодальное средневековое государство на Кавказе (VIII–X вв. н. э.), включавшее в себя территории нынешней Западной Грузии (временами и Восточной Грузии), исторической Абхазии и часть территории Западного и Северо-Западного Кавказа (до реки Кубань). «Христолюбивая страна Абхазия» имела своего епископа, священников. Управлялось абхазскими царями из династии Леонидов (Лоуаа, Лоо, Лоуан /Ачба/). Основную часть населения составляли абхазо-адыгские народы.

Агафий Миринейский (по прозвищу Схоластик) (около 536 или 537–582) – византийский историк, юрист, ритор, поэт VI в. В 554 г. закончил общее образование в Александрии, затем возвратился в Константинополь. Стал профессиональным адвокатом. Писал стихи, эпиграммы и анограммы. Был вхож в императорский двор. Свой главный труд – «О царствовании Юстиниана» начал писать при императоре Юстиниане I, он охватывает только 7 лет истории Византийской империи (552–558), хотя автор намеревался довести это время до 577 г. Книга Агафия, вероятнее всего, вышла после его смерти в 90-х гг. Труд содержит сведения по истории раннесредневековой Абхазии, абхазо-византийских отношений, об абхазских субэтносах апсилах и мисимианах, о Лазике и лазах и др.

Адзгара – название реки и села на северо-востоке Абхазии.

Адзюбжа – село в средней полосе Абхазии; буквально: Между-речье.

Адыги (адыгэ) – самоназвание адыгов, объединяемых в литературе на русском и других языках общим этнонимом «черкесы». Народы Кавказа называют адыгов по-разному: абхазы – азыху (азыху), сваны – кашаг, осетины – касаг, карачаевцы – черкесли, грузины – черкези, ногайцы – шеркеш, чеченцы – черказо. Ныне в адыгскую общность входят адыгейцы, кабардинцы, черкесы, шапсуги, проживающие в Российской Федерации, в Республике Адыгея, Карачаево-Черкесской Республике, Кабардино-Балкарской Республике и Краснодарском крае. В эпоху Кавказской войны XIX в. (особенно в первой половине 1860-х гг.) большая часть адыгов, как и абхазов и абазин, была выселена в Турцию, где их численность сегодня достигает около двух с половиной миллиона человек; десятки тысяч адыгов (черкесов) проживают в Сирии, Иордании, Израиле, США, Германии и других странах.

Айнар-кузнец – герой абхазского нартского эпоса, кузнец нартгов.

Аква (Акуа) – древнеабхазское название нынешней столицы Абхазии Сухум, сохранившееся по сей день.

Алания (Аланское царство) – средневековое феодальное государство в Центральном Предкавказье, сложившееся на рубеже IX–X вв. Уже в начале X в. Алания играла роль аванпоста Византии в Кавказском регионе против Хазарского каганата. Укрепление политической самостоятельности Алании (Аланского царства) сопровождалось постепенным ослаблением влияния Хазарии. Разгром Святославом Игоревичем Хазарского каганата усилил позиции Алании в северокавказском регионе. Алания достигла наивысшего могущества во второй половине X–XII в. Царство (по мнению некоторых ученых — княжество) просуществовало около 4-х столетий (конец IX – начало XIII в.).

Аланы – общее название группы племен в раннесредневековом (с I в. н. э) Приазовье и Предкавказье. Этноним происходит от греческого слова «ἀλάοι» – «кочевник», «скитаться», «бродить». По мнению многих ученых (В. Ф. Миллер, В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль и др.), аланы – кочевые иранские племена, родственные сарматам, которые обитали в северокавказских степях от Кубани до Дагестана; предки осетин. На рубеже IX–X вв. аланы создали государство – Аланское царство. Аланы исповедовали христиан-

ство (греческо-православное), которое распространялось из Византии через Абхазское царство. После разрушения Аланского государства монголо-татарами в 1238–1239 гг., часть алан ушла в горы Центрального Кавказа и в Закавказье (Южная Осетия), другая часть участвовала в этногенезе соседних народов Северного Кавказа. В последующие века этноним «аланы» окончательно закрепился за осетинами.

Александр Македонский (356–323 гг. до н.э.) – древнегреческий полководец, воспитанник Аристотеля. Победив персов при Гранике, Иссе, Гавгамелах, подчинил царство Ахеменидов, вторгся в Среднюю Азию, завоевал земли до реки Инд, создав крупнейшую мировую державу.

Амза (абх.) – луна.

Амзара – абхазское название Пицунды (др.-греч.: Πίτσοῦντα, Πίτιους; лат.: Pityus); букв. «сосновая роща», то же самое означает и греческое «Питиус» (Πίτιους – «сосна»).

Апсилия (лат.: Absilia; груз.: Апшилет, арм.: Апшили) – часть исторической территории древней Абхазии, на которой проживали апсилы (название встречалось ориентировочно в I–IX вв. н. э.). Занимала большую часть современных трех районов Абхазии – Сухумского (по реке Гумиста), Очамчирского, Ткуарчалского и Галского. Важными центрами на ее территории были Севастополис (Сухум), Цибилиум (Цабал, Цебельда), Зиганеус или Зигана (Гудаа), Дранда и другие. Нет единого мнения о западных границах Апсилии (с Абасгией / Абазгией). По М. М. Иващенко, граница между Апсилией и Абазгией проходила по р. Келасур; З. В. Анчабадзе считал, что северо-западная (приморская) граница Апсилии проходила вблизи Анакопии (нынешнего Нового Афона). Однако он допускал, что эта граница могла пролегать по реке Гумиста или несколько западнее ее. С точки зрения М. М. Гунба, граница между Апсилией и Абазгией проходила приблизительно между реками Келасур и Гумиста.

Апсилы (др.-греч.: Ἀψίλαι; лат.: gens Absilae; арм.: Апшил) – древний абхазский субэтнос (ок. I–IX вв. н. э.), населявший Апсилию. Этноним встречается у римских греко-византийских авторов: Арриана, Стефана Византийского, Псевдо-Арриана, Плиния Секунда (Старшего) и др. Апсилы граничили на востоке с лазами

(ориентировочно по реке Ингур), на западе – с абасгами (абазгами, авасками, абасками), на северо-востоке (за Цабалом) – с мисимианами.

Апсирт – согласно древнегреческому мифу об аргонавтах, сын колхидского царя Айэта, герой эпической поэмы «Аргонавтика» древнегреческого поэта Аполлония Родосского (около 250–200 гг. до н. э.). Убит предводителем аргонавтов Ясоном благодаря сестре Медее.

Апсны – абхазское название Абхазии. Топоним впервые упоминается в армянском письменном источнике «Ашхарацуйце» («Армянской географии» VII в. н. э.) в форме «Псинун» и был уже известен в V н. э. По мнению В. Бутба, топоним «Псин», «Псинун», встречающийся в «Ашхарацуйце», исследователи необоснованно интерпретировали как «Питиунт», тогда как «в действительности... перед нами древнейшее упоминание в письменном источнике названия Абхазии его коренным населением, абхазами – «Апсны». Превращение же «Апсны» в «Псинун» в армянском источнике произошло как результат адаптации... Псинун-Апсны как название страны абазгов и апсилов говорит об определенной консолидации этих племен и тенденции к возникновению единого этнического самосознания». (Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» (Сравнительный анализ). Сухум, 2001. С. 138–139). Топоним «Апсны» часто переводят как «Страну души», исходя из корня слова «псы» – «душа». Возможен и другой вариант перевода – «Страна, расположенная у водного пространства» или «Прибрежная, приморская страна» («псы»/общабхазо-адыгский корень/- «вода»+топоформант «ны»). Кстати, один из основных раннесредневековых абхазских субэтносов назывался «апсылы»; этноним зафиксирован в римских и византийских источниках. Д. Гулиа утверждал, что формы «абхаз» и «Абхазия» совершенно не состоятельны и должны быть заменены правильным «абас» и «абасец», «Абасия».

Апсуара – культурное достояние абхазов. Понятие связано с этнонимом *апсуа* (*самоназвание абхазов*). Апсуара – этическая культура, которая формировалась в течение столетий; основа национального самосознания. Она включает в себя язык, особенности быта, традиции и обычаи народа (кровнородственные

связи, уважение к старшим, преданность своему народу и государству, мужество, гостеприимство, традиционные религиозные верования, семейный этикет, застольный этикет, свод поведенческих правил в обществе и т.д.), аристократическое воспитание (аамысташвара), аламыс (анамыс) – честь, совесть, порядочность, человечность и др. Апсуара вобрала в себя многие христианские ценности, ибо история христианства в Абхазии насчитывает более 1500 лет. На нее оказал влияние и ислам, который начал распространяться в Абхазии с установлением господства Османской (Турецкой) империи на Черноморском побережье Кавказа.

Апсха – «царь или правитель Абхазии». Термин состоит из двух корней: «пс» – от самоназвания абхазов «апсуа», которое происходит от наименования одного из раннесредневековых абхазских субэтносов «апсилы», и «ха» – от слова «ахы» («голова», «глава», «верх», «вершина»). По мнению Ш. Д. Инал-Ипа, первоначально, видимо, употреблялось выражение «Апсны ах» – «князь Абхазии», или «апсуаа рах» – «правитель абхазов». Впоследствии выпали «р» – притяжательный показатель множественности и «уаа» – «люди», а во второй части слова начальное корневое «а» переместилось по закону метатезы на положение исходного гласного. Так возникло слово-понятие «апсха». Вместе с тем, слово «ах» в значении «покровитель», «владыка» известно с глубокой древности; встречается, например, в составе многих имен, терминов, связанных с традиционными религиозными верованиями (богиня Дзыдзлан-дз-ах-куажв – «покровительница воды» и др.). В феодальной Абхазии «ах» используется по отношению преимущественно к владетельному князю, очень редко – к остальным князьям, главным образом в устах крестьян (при их обращении к князю). От слова «ах» образуются другие термины: «ахра» – «княжество», «ахкуажв» – «княгиня», «ахтны» – поместье, двор князя и др. Как утверждает Ш. Д. Инал-Ипа, «термином «апсха» не именовался у абхазов ни один правитель или монарх, под номинальным или фактическим правлением которого находилась Абхазия в продолжение своей истории, – ни византийские императоры, ни турецкие султаны, ни лазские, грузинские или русские цари. Апсха – это национальный титул для обозначения высшего лица в Абхазском царстве, ибо потом

и вплоть до настоящего времени в абхазском языке для понятия «царь» и производных от него наиболее употребительным словом становится «ахвинткар» (ахэынтқар) с его производными, проникшее сравнительно более поздно под арабо-турецким влиянием». (См.: Инал-ипа Ш. Д. О содержании термина «апсха» – «царь Абхазии»// Труды АБИЯЛИ. Т. XXXIII–XXXIV. Сухуми, 1963. С. 168–173). Первым «апсха» всей Абхазии можно считать основателя объединенного Абхазского царства Леона II. С тех пор этот термин стал титулом древнеабхазских царей, и лицо, носящее этот титул, стало именоваться «Апсха».

Арапстан – буквально «страна арабов или негров». Здесь, видимо, речь идет о Ближнем Востоке, о какой-то арабской стране (возможно, о территории современной Саудовской Аравии или Египта).

Ардебиль – один из городов Кавказской Албании (не путать с Албанией – государством на юге Европы, на Балканском полуострове) – древнего государства в Восточном Закавказье в конце 1-го тысячелетия до н. э. – X в. н. э. в нижнем течении Аракса и Куры, ориентировочно на территории современного Азербайджана и части Дагестана. По Клавдию Птолемею, «Албания граничит с севера описанной частью Сарматии, с запада – Иверией, ...с юга – частью Великой Армении, идущую от границы с Иверией до Ирганского моря к устью Кира, ...с востока – частью Ирганского моря, простирающегося отсюда до реки Соаны (Σοανα)...». (См.: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 242). Около иверов (иберов) располагает страну и Стефан Византийский. Так же располагает страну и Плиний Секунд (Старший) (см.: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. Выпуск I. СПб., 1904. С. 182).

Архонт (греч.) – правитель, начальник; византийские историки часто пользовались этим термином по отношению к византийским и иноземным чиновникам и правителям.

Ауадхара – горно-альпийская зона Абхазии (выше озера Рица), в которой расположен знаменитый источник минеральной воды «Ауадхара».

Ацаны – герои (карлики) абхазского мифического предания.

Беленджер – древний город предположительно на территории современного Дагестана на месте современного города Буйнакса. В VIII в. одна из столиц Хазарского каганата.

Бзыб (Бзыпта) – название реки и селения на Западе Абхазии (правобережье реки Бзыб). Часто под этим топонимом подразумевается вся западная часть Абхазии от г. Сухума (Бзыбская Абхазия). Когда говорят «бзыпаа» (бзыбцы), то имеется в виду население этой части.

Бузан – хазарское название Дона.

Булгары (не путать с нынешними болгарми) – в раннее средневековье общее название группы племен (порою разноязыковых). Большинство исследователей относит их к тюркским племенам. Булгарские племена упоминаются в «Ашхарацуйце» («Армянской географии» VII в.): «К северу от них живут народ Турков и Булгар, которые именуются по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булгар, Огхндор-Блкар-пришельцы, Чдар-Болкар. Эти названия чужды Птолемию» (Arsène Soucru. Géographie de Moïse de Corene d'après Ptolémée. Texte arménien, traduit en français par le Arsène Soucru. Venise, 1881. P. 25; см. также: Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». /Сравнительный анализ/. Сухум, 2001. С. 25). Никифор Грегор писал, что «булгары с женами и детьми пришли от Волги, от которой они получили свое название» (Nicephore Gregorae Byzantina historia. Bonnfae. P. 26–29). В том же «Ашхарацуйце» сообщается, что булгары живут на востоке от Танаиса (Дона). Основная масса их обитала в степях Северо-Западного Кавказа. Движение булгарских племен на запад произошло, видимо, между 30-ми годами и первой половиной 40-х годов V в. Впоследствии из общей массы булгар начали выделяться утигуры и кутригуры (утугуры) и другие племена. «Кутур»-кыдыр в ряде тюркских языков означает «странствовать», «путешествовать». Следовательно, «кутигуры» – «люди, ведущие кочевой образ жизни». Слово «утугур» состоит из «утур» – «сидеть», «оседать» и аффикса «гур» и означает «люди, ведущие оседлый образ жизни». (См.: Бутба В. Ф. Указ. соч. С. 69). С возникновением Хазарского каганата часть булгарского населения оказалась в ее составе.

Великий шелковый путь – в древности и средние века караванная дорога из Китая в страны Средней и Передней Азии. Этот путь шел и через перевалы Абхазии (Санчарский, Клухорский и Накрский) в Центр Византийской империи Константинополь – дорога Абасгов, Даринский (Апсильский) и Мисимианский пути.

Гагрыпш – древнее название города Гагры. Существует мнение, что происхождение топонима «Гагра» связано с древним родом Гагаа. (См.: [Гагра] // Апсны. Сухум – Москва, 2009. № 05 /05/, июнь. С. 35).

Геракл – герой греческой мифологии, наделенный необычайной силой.

Гесиод – древнегреческий поэт VIII–VII вв. до н. э.

Гомер – древнегреческий поэт, считается автором «Илиады» и «Одиссеи».

Губаз – царь лазов (VI в. н. э.), дядя правителя Восточной Абазгии – Опсита. О нем упоминают византийские историки Пркопий Кесарийский и Агафий Миринейский. Убит, видимо, по заданию императора Юстиниана I по непонятным причинам (вероятно, Губаз повел независимую от Византии политику, или он сблизился с персами – врагами империи). Агафий утверждал, что Губаза убили некие византийские военные Рустик и Иоанн.

Гумиста – река на западной окраине города Сухума.

Дал – историческая территория Абхазии в верховьях реки Кодор.

Дербент – древний город-крепость на берегу Каспийского моря (на территории современного Дагестана).

Диоскурия (Диоскуриада) – античный город на побережье Черного моря на месте современного г. Сухума. Основан в VI в. до н. э. милетианами (греками из Милета). Вел активную торговлю с племенами Кавказа хлебом, солью, скотом, воском, рабами. С начала I в. н. э. – под властью Рима, который построил здесь крепость; в ней постоянно дислоцировался римский гарнизон; город стал называться Себастополисом. Расцвет Диоскуриады падает на II–III века н. э., с IV века начался упадок. Развалины Диоскуриады находятся на дне моря. Название встречается у Страбона, Арриана и других древних греческих и латинских авторов.

Дуаб – река, протекающая в селе Мыку.

Итиль – тюркское название реки Волга (другие тюркские варианты: Идель, Этел, Идель, Атал). Адыгское название Волги – «Йындыл». Итиль – также название одной из предполагаемых столиц Хазарского каганата.

Картли (от самоназвания грузин – картвели) – историческое название Восточной Грузии или Иберии.

Касоги (косоги) – название адыгов (черкесов) по древнерусским летописям.

Кастор и Полидевк (в некоторых источниках Поллукс) – братья-близнецы Диоскуры, герои греческого мифа об аргонавтах, которым приписывается основание города Диоскурия.

Келасур – речка и название местности в Абхазии близ Сухума (с восточной стороны).

Кудры (Кодор) – река на Востоке Абхазии.

Константинополь – столица Византийской империи. Основан Константином I в 324–330 гг. на месте города Византий. В 1453 г. взят турками, переименован в Стамбул (İstanbul). Но исконное название города еще долго сохранялось в разговорной речи и литературе вплоть до начала XX в.

Куркуа (абх.) – июль месяц.

Кутаис (др.-греч.: Κυτᾱίς, Κυτᾱία, Κυτᾱίων, Κύτα, Κοτάϊς, Κοτᾱίων, Κουτατουσις, Κοίτᾱϊον; абх.: Кутешь) – вторая столица средневекового Абхазского царства. Город основан абхазским царем Леоном II в 806 г. Ныне город в Западной Грузии, расположенный по обоим берегам реки Риони. Топоним поддается этимологизации на основе абхазского и абазинского языка: «а-кыта» – «село», или «гута» – «середина», «центр».

Лазика (Лазское царство) – раннесредневековое (II–VI вв.) царство в Западном Закавказье (ориентировочно охватывало территорию Западной Грузии – Мегрелию). Значительными городскими центрами Лазики были: столица Археополис (Археополь) (г. Цихе-Годжи или Накалакеви), Родополис (Варцихе), город Петра (соврем. Цихисдзири), Апсар (соврем. Гонио) и др. В 60-х гг. VI в. Лазика была захвачена Византией; с конца VIII в. в составе Абхазского царства.

Лазы (греч.: Λαζοί, Λάζαι; лат.: Lazi) – народ в Западной Грузии (Мингрелии) (ориентировочно I–VIII вв. н. э.); предполагае-

мые предки мингрелов (мегрелов). Этноним встречается в латинских и греческих (византийских) источниках (у Плиния Секунда / Старшего/, Арриана, Стефана Византийского, Агафия Миринейского и др.). Лазы граничили (видимо, на востоке и северо-востоке) с зидритами, а на западе – с апсилами.

Лоу – так могли называть в народе царя Леона, основавшего единое Абхазское царство.

Медея – согласно древнегреческому мифу об аргонавтах, дочь колхидского царя Айэта, героиня эпической поэмы «Аргонавтика» античного поэта Аполлония Родосского (около 250–200 гг. до н. э.). Медея ради возлюбленного эллина Ясона предала свой народ — помогла Ясону выкрасть святыню своей страны – золотое руно и погубить брата Апсирта, преследовавшего похитителей.

Мисимияне – есть основания полагать, что в лице мисимиян мы имеем известную абхазскую родомленную группу Маршанов (по-абх. Маршан, Амаршан). Не исключено, что в основе этнического названия мисимиян лежит искаженное название этого имени, по своему звуковому составу «Маршьан» отстоит не дальше от названия «мисимиян».

Мисимияне, т.е. Маршаны были с древних времен «одной с римлянами религии» – христианами.

У абхазов сохранились предания, согласно которым Маршаны являлись первыми князьями Абхазии по своей неукротимости и рыцарскому образу жизни. Согласно этим преданиям, именно Маршаны представлялись подлинно абхазскими князьями.

Древняя топонимика в верховьях р. Кодор и смежных с ним земель точно также связана с абхазскими аборигенами. «Горы принадлежали Маршанам», – гласят предания. Под именем «Абхазских гор» («Апсуа шьхакуа») в первую очередь известны были именно те горы, которые расположены у верховьев Кодора. В районе соседнего горного общества Псху есть «Гора Маршанов» («Маршьан-шьха»).

Говорят же абхазы, что всеми горами владели Маршаны («Ашьхақәа зегъы зтәыз Маршьанаа ракәын»), они же нередко характеризуются как своего рода символ княжеского верховенства и власти, так у абазин в ходу было выражение «Маршьанс ирымадаз?» – «Кто у них Маршан?». В смысле кто у них глава, князь?

Такое выражение было распространено и до сих пор бытует и у абхазов, проживающих ныне в Турции и других странах Ближнего Востока. (Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Второе, переработанное, дополненное издание. Том III, стр. 405–406. Сухум, 2011).

Мзымта – абхазское название реки и местности в Сочинском районе (в Адлере) Краснодарского края Российской Федерации.

Мыку (Моква) – абхазское название реки и селения в Очамчирском районе Абхазии. По мнению Ш.Д. Инал-Ипа, топоним, видимо, связан с родовой фамилией Мыкуба, представители которой и сейчас живут в Абхазии. (Инал-Ипа Ш. Д. Труды. Т. III. Сухум, 2011. С. 142). В X в. в Мыку царь Абхазии Леон III построил знаменитый кафедральный собор, сохранившийся по сей день.

Мысра – село в нынешнем Гудаутском районе Абхазии. Кстати, абхазы и Египет называют Мысрой.

Нарджхьоу – герой абхазского нартского эпоса.

Нарты – герои абхазского нартского эпоса.

Обези (Обезия) – название Абхазии, встречающееся в древнерусских летописях.

Обезы – название абхазов (включая абазин), встречающееся в древнерусских летописях.

Обры – древнерусское название аваров (не путать с аварцами – народом в Дагестане /самоназвание маарулал/). Авары – согласно средневековым источникам, союз центрально-азиатских племен монгольского, тюркского и иранского происхождения. В конце 60-х гг. VI в. в бассейне реки Дунай создали полиэтническую державу – Аварский каганат. Совершали набеги на славян, франков, Византию. В 626 г. авары потерпели поражение при Константинополе; в середине VII в. они были вытеснены из Северного Причерноморья, а с созданием в 680 г. Болгарского царства значительно уменьшилась их власть в Подунавье. В конце VIII – начале IX в. Аварский каганат окончательно был разгромлен Карлом Великим. (См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 362).

Пицундский кафедральный храм (VI век) – главная резиденция Абхазских католикосов.

Понт Эвксинский – древнегреческое название Черного моря, переводится как Гостеприимное море. Древние греки это море называли и «Негостеприимным морем» (Понт Аксинский), ибо по нему неудобно или опасно было плавать. Иногда Понт называли Колхидским морем, Кимерийским морем, Скифским морем, Таврическим морем и т. д.

Прокопий Кесарийский (около 490 или 507–562 гг.) – один из крупнейших византийских историков VI в., сириец по происхождению. Прекрасно знал античных авторов — Гомера, Фукидида, Геродота, Ксенофонта и др. Был близок первым лицам империи, самому императору Юстиниану; состоял советником византийского полководца Велисария (Велизария). Автор исторических сочинений: «История войн императора Юстиниана с персами, вандалами и готами» в 8-ми книгах, которая была завершена в первой редакции в 550 г., в дальнейшем она дополнялась (впоследствии этот труд в переводе на русский язык выходил разными частями под названиями: «Война с персами», «Война с вандалами», «Война с готами»), трактат «О постройках» (около 560 г.), «Тайная история» (550 г.). В сочинениях Прокопия (особенно в «Войне с готами», «О постройках»), содержатся ценные сведения о раннесредневековых абхазских субэтносах – апсилах, абазгах и др., событиях в Абхазии в VI в., отчасти в Западной Грузии, раскрывается характер византийско-абхазских отношений, особенности политики Византии в «провинциях» империи.

Пскал – холм в районе Цабала, в котором в раннем средневековье был построен храм.

Псху – горное село в Абхазии в верховьях реки Бзыбь.

Псырцха (Псырдзха) – древнеабхазское название современного Нового Афона в Абхазии, сохранившееся по сей день. Здесь же находилась и Анакопия и Анакопийская цитадель (Трахя Прокопия Кесарийского). Также название реки в Новом Афоне.

Ромеи – римляне.

Савиры – прикаспийские кочевые племена (1-е тысячелетие н.э.) Совершали набеги на Северный Кавказ, Малую Азию (VI в.).

Сакен – урочище и название реки на северо-востоке Абхазии (в высокогорной части).

Саркел – средневековый город на Дону (IX–XII вв.); одна из предполагаемых столиц Хазарского каганата. Встречается, в частности, в византийских источниках. По мнению ряда ученых, этот город-крепость был расположен на западном рубеже Хазарского каганата, на излучине реки Дона, на левом берегу Старицы. Название переводится как «Белый дом» (сар/шар – «белый» и гил – «дом»; вторая часть слова иранского корня) или «Белая крепость». Древнерусское наименование – Белая Вежа (Белая башня, Белая крепость). Саркел был предназначен для обороны от врагов Хазарского каганата с запада.

Сасрыква – главный герой абхазского нартского эпоса, наделенный чертами культурного героя. Основные подвиги Сасрыквы, которому постоянно помогала всемогущая мать нартов Сатаней-Гуаша: укрощение необычного коня (араша) Бзоу; сбитие звезды с неба и похищение огня у адау (великана) и спасение братьев-нартов, замерзавших от холода (здесь он напоминает греческого Прометея); вызволение всех 99 братьев-нартов, проглоченных страшной лесной женщиной; уничтожение в подземном мире агулшапа (дракона), который завладел водным источником, тем самым лишив жителей этого мира воды.

Сатаней-Гуаша – центральный персонаж абхазского нартского эпоса, мать 99 братьев-нартов и единственной дочери Гунды-красавицы. Она обладает огромной физической силой, прорицательница и чародейка; ее власть над нартами неограниченна.

Свания (Сванети, Сванетия; по римским и византийским источникам – Суания, Скиминия) – ныне область Грузии, расположенная на южных склонах Большого Кавказа (в верховьях рр. Ингури и Цхенисцкали). Делилась на Верхнюю и Нижнюю Сванетию. Основное место проживания сванов.

Семендер – одна из предполагаемых столиц Хазарского каганата приблизительно до 723 г. Точное его месторасположение не установлено; локализовался, видимо, в северной части Дагестана или в прилегающих к ней районах Чечни. Семендер был важным промежуточным пунктом на торговом пути из Закавказья в Восточную Европу.

Таматарха (позднее русское название – Тмутаракань, адыгское: Тамань) – первоначально – крепость, затем город на вос-

точном берегу Керченского пролива, примыкавший к границам Абхазского царства. Город был крупнейшим перевалочным пунктом, в котором скрещивались многие морские и сухопутные дороги.

Тенгри-хан (Тенгри) – встречается во многих мифологиях тюркских и монгольских народов. В древнетюркской мифологии Тенгри выступает в качестве неперсонифицированного мужского божественного начала, которое распоряжается судьбами человека, народа и государства. Тенгри встречается и в бурятской, калмыцкой, монгольской мифологии. В Хазарском каганате это божество занимает значительное место. Правители каганата возвышали культ всемогущего бога неба Тенгри-хана для объединения многонационального населения.

Тогарма – по преданию собственно хазары произошли из рода Тогармы, сына Иафета. В древнееврейской литературе Тогармой именовали все тюркские народы.

Трахейская битва – одна из ярких страниц героической борьбы абхазского народа за свою свободу и независимость; произошла в 550 г. Битва также явилась одним из значительных эпизодов в византийско-персидском военном противостоянии на Кавказе. Каждая держава стремилась сохранить свое господство в этом важном в стратегическом плане регионе, в котором пролегали пути, связывавшие Азию с Европой и наоборот. Само название «Трахея» (греч.: Τραχέα, Τραχέως – «грубо», «сурово», «свирепо») – по ранневизантийским источникам, крепость в Анакопии (совр. Новом Афоне; абх. Псырдзха) – древней (первой) столице Абхазского царства, остатки которой сохранились по сей день. Трахея описывается только в сочинении византийского автора Прокопия Кесарийского «Война с готами». Прокопий писал: «За пределами апсильев, при входе в пределы абасгов, есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Эвксинского Понта (Черного моря – В. Б.). У подножия этой горы еще в древности абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов... Есть один только проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти людям даже по

двое в ряд... Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его «Трахеей» – сурово-кремнистым». (Прокопий Кесарийский. Война с готами: Т. 2. М., 1996. С. 38–39).

Тцахар – главная крепость мисимиан, древнего абхазского субэтноса (I–IX вв. н.э.), который занимал территорию на Северо-Востоке исторической Абхазии, по соседству с апсилами. В середине 50-х гг. VI в. мисимиане восстали против византийцев; они убили высокопоставленного византийского чиновника Сотериха, посланного в Абхазию с секретным заданием, за унижение и оскорбление народа. Весной 556 г. Византия решила усмирить мисимиан и, как свидетельствует Агафий Миринейский, послала против них около четырех тысяч пехоты и конницы. Битва произошла в крепости Тцахар. В итоге восстание было жестоко подавлено. (Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996. С. 107–108, 141–146, 151–153).

Убыхи – абхазо-адыгский этнос, проживавший в Сочинском регионе (на севере от абхазской общины соча или саше). Убыхский язык занимал промежуточное положение между абхазо-абазинским и адыгскими языками; благодаря этому убыхи свободно говорили на языках соседних родственных народов. В первой половине 60-х гг. XIX в. убыхи полностью выселены в Турцию, где растворились в среде близкородственных абхазо-адыгских народов. Ныне такого этноса не существует.

Хазарский каганат – раннефеодальное многонациональное государство VII в. – 965 г. Ядром создания государства были хазары. Название государства «Хазария» непосредственно связано с этнонимом «хазары», ибо хазары-тюрки, благодаря определенным (пока еще не до конца исследованным) историческим событиям VII в., оказались в авангарде исторических процессов на просторах Северного Кавказа и прилегающих обширных территориях; они и сыграли ключевую роль в создании многонациональной Хазарской державы, границы которой уже в VIII в. простирались от Каспийского моря до Дона; она охватывала территории Северного Кавказа, Приазовья, Крыма, степные и лесо-

степные территории до Днепра и т. д. Естественно, основная часть населения каганата состояла из других тюркских этносов (часть тюрков, например, предков карачаевцев и балкарцев, в ту эпоху могла входить в аланский союз племен), алан, адыгов (черкесов), славян и т. д. Отсюда – и религиозное своеобразие населения каганата. В 965 г. Хазарская держава пала под ударами дружин русского князя Святослава Игоревича.

Хазарское море – одно из древних названий Каспийского моря, иногда встречающееся в источниках. Очевидно, что оно связано с этнонимом хазары. В источниках (греческих, латинских и др.) указаны и другие названия этого моря – Ирганское или Гирканское, Албанское, Скифское. Само название «Каспийское море» встречается у многих древних авторов, начиная от Геродота, и оно связывается с этнонимом каспий. С уходом с исторической арены скифов, хазаров и албанцев (кавказских, ориентировочно на территории современного Азербайджана) эти гидронимы исчезли; сохранилось только одно название – Каспийское море.

Хазары – по мнению многих ученых, древний тюркоязычный народ, часть населения Хазарского каганата. По мнению ряда исследователей, этноним «хазары», впервые зафиксированный у Стефана Александрийского (610–641), является византийской (греческой) передачей тюркского самоназвания хазар. (См. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 288). В «Хронографии» Феофан писал: «Во время своего пребывания там (в Лацыке) он (Византийский император Геракл) пригласил восточных турок, которые зовутся хазарами, чтобы те стали его друзьями». (The Chronicle of Theophanes Confessor. 1997. С. 446). Вместе с тем, под термином «хазары» древние авторы часто подразумевали все многонациональное население Хазарского каганата.

Цабал (абх.) (по византийским /греческим/ и другим источникам, Тзибила, Тсибила, Цибилий, Цибилиум, Тибелли) – главная крепость, исторический центр раннесредневековой Апсилии. Крепость находится над глубокой пропастью у реки Кудры (Кодор). Ныне село на северо-востоке Абхазии, иногда по-русски именуемое Цебельдой.

Цандрыпш – ныне поселок на северо-западе современной Абхазии. Название происходит от родовой фамилии Цанба (Цанаа).

Шапки – холм в районе Цабала, на котором находилась одна из крепостей апсилов.

Шапсуги (самоназвание: шапсыг) (в европейских источниках: Shapsoug, Chapsougs) – ныне адыгский (черкесский) субэтнос, проживающий в Туапсинском и Лазаревском районах Краснодарского края и отчасти в Республике Адыгея (Российская Федерация). В формировании субэтноса участвовали адыги, абхазы и абазины. Основная часть шапсугов (несколько сот тысяч) в 60-х гг. XIX в. была выселена в Турцию.

Шашвы – бог кузни и кузнечного ремесла у абхазов.

Эгры (Егры) – абхазское название реки Ингур (Ингури).

Ясон (Язон) – согласно древнегреческому мифу об аргонавтах, предводитель аргонавтов, совершивших на корабле «Арго» легендарный поход в Колхиду, герой эпической поэмы «Аргонавтика» древнегреческого поэта Аполлония Родосского (около 250–200 гг. до н. э.).

Составители

В. Д. Амаршан, Вяч. А. Бигуаа

Содержание

О. Бгажба. Певец истории.....	5
Е. Шакрыл. Незаурядное явление.....	10
Э. Басария. «Только духовный памятник остается».....	12
В. Бигуаа. Духовная сила романа.....	23
Порог к возрождению.....	25
АПСХА	29
Вступление	31
Часть первая.....	33
Часть вторая.....	193
Часть третья.	291
Часть четвертая.....	399
Эпилог.....	451
В. Бигуаа. Художественная концепция истории в романе В. Амаршан «Апсха».....	459
Комментарии	517

Виталий Джотович Амаршан

Апсха
Исторический роман

Редактор *Т. Алексеева*
Художественный редактор *Р. Габлия*
Иллюстрации *Б. Джапуа*
Верстка *Н. Картозия*

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Тираж 1000 экз.
Физ. печ.л. 16,75. Усл. печ. л. 28.
Заказ №

Отпечатано в ООО «Флер-1»
350058, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2